U 122/1145

И. & А. ПЕТРУНКЕВИЧ
№ 510
Шкафъ XVIII
Полка 5

О ПРАВѢ

ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

341/1429
И 172/1145
341/1

О ПРАВѢ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ.

Membra sumus corporis magni,
natura nos cognatos edidit.
Seneca.

№ 2182

Ф. МАРТЕНСА.

БИБЛІОТЕКА
И. & А. ПЕТРУНКЕВИЧЪ
Шкафъ
Полка

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1869.

Печатать дозволяется, по опредѣленію юридическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета. С.-Петербургъ, 3 мая 1869 года.
Деканъ юридическаго факультета: *И. Ивановскій.*

2007111474

ПЕЧАТНЯ В. ГОЛОВИНА,
у Владимірской церкви, домъ № 15,
кварт. № 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе V
Введеніе 1

Часть первая.

Глава I.

О международныхъ столкновеніяхъ и средствахъ, менѣе насильственныхъ, для миролюбиваго ихъ окончанія 19
I. Реторсія 21
II. Репрессаліи 23
III. Эмбарго 38
IV. Мирная блокада 46

Глава II.

Право войны 54
I. Историческій очеркъ права войны 56
II. Развитіе понятія права войны 70

Глава III.

Объ отношеніяхъ воюющаго государства къ его собственнымъ гражданамъ 103

Глава IV.

О правахъ непріятельской частной собственности на сушѣ . 119

Отдѣленіе I. **О частной собственности на непріятельской территоріи** . . . . . —
I. Объ имуществахъ недвижимыхъ 120
II. Объ имуществахъ движимыхъ 125
III. О правахъ частныхъ лицъ по обязательствамъ 149

Глава V.

О правахъ непріятельской частной собственности на сушѣ . 171

Отдѣленіе II. **О частной собственности на территоріи, завоеванной непріятелемъ** . . . . . —
I. Объ имуществахъ недвижимыхъ 172
II. Объ имуществахъ движимыхъ 183
III. О реквизиціяхъ и контрибуціяхъ 206

Часть вторая.

стран.

О правахъ частной собственности во время войны на морѣ . 220

Глава VI.

О правахъ нейтральныхъ державъ и, въ особенности, нейтральной торговли 223

I. Историческое развитіе права нейтралитета и нейтральной торговли 224

Періодъ I. Отъ временъ древняго міра до перваго вооруженнаго нейтралитета 1780 г. . . . . —

Періодъ II. Отъ перваго вооруженнаго нейтралитета 1780 г. до Парижскаго конгресса 1856 г. 241

II. Развитіе сознанія правъ нейтральныхъ и нейтральной торговли въ наукѣ 261

Глава VII.

О каперахъ 285

I. Историческій очеркъ каперства и попытокъ его уничтоженія . 287

II. О каперствѣ, по началамъ науки 318

Глава VIII.

О неприкосновенности непріятельской частной собственности на морѣ 338

I. Вопросъ о неприкосновенности непріятельскихъ купеческихъ кораблей, по уничтоженіи каперства 340

II. Развитіе въ литературѣ сознанія права неприкосновенности частной собственности на морѣ 351

III. Критика мнѣній публицистовъ 358

1. Юридическія доказательства, въ пользу захвата частной собственности на морѣ 359

2. Нѣкоторыя моральныя и политическія соображенія, приводимыя противъ признанія свободы частной собственности на морѣ 379

Глава XI.

О вліяніи неприкосновенности непріятельской частной собственности, во время морской войны, на ученіе о военной контрабандѣ и блокадѣ 391

I. О военной контрабандѣ 392

1. Историческій очеркъ военной контрабанды 393

2. Юридическое основаніе военной контрабанды 402

Прибавленіе.

О правѣ осмотра 416

II. О правѣ блокады 420

1. Историческій очеркъ права блокады . . . . . —

2. Теорія права блокады 426

Заключеніе 449

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Парижскій конгрессъ 1856 г. безспорно можно отнести къ самымъ знаменательнымъ событіямъ нашего времени. Послѣ почти сорокалѣтняго и небывалаго, въ исторіи международныхъ отношеній, мира, въ теченіе котораго международная жизнь цивилизованныхъ народовъ проявлялась въ самыхъ осязательныхъ формахъ, возникновеніе восточной войны между великими европейскими державами положило конецъ этому періоду броженія въ государственной, и процвѣтанія въ международной жизни. Война снова причинила громадныя потери народному благосостоянію и воспрепятствовала мирному развитію международныхъ отношеній.

Однако, установившіяся, въ теченіе продолжительнаго мира, тѣсныя связи между народами и развившееся международное правосознаніе не могли не оказать своего благотворнаго вліянія на образъ дѣйствія воюющихъ сторонъ. Возникшая война, съ другой стороны, вызвала публицистовъ на изслѣдованіе современнаго международнаго права. Тѣ изъ нихъ, которые строго держались на положительной почвѣ историческаго изученія международныхъ отношеній и, притомъ, неуклонно слѣдовали идеѣ права, указывали на господствующій произволъ и несообразности, противныя условіямъ развитія современной международной жизни. Распоряженія, сдѣланныя воюющими державами, въ самомъ началѣ войны, служили предзнаменованіемъ новой эпохи въ морскомъ международномъ правѣ. 16 (4) апрѣля 1856 г. представителями семи главнѣйшихъ европейскихъ державъ, участвовавшими на конгрессѣ, была подписана декларація, въ которой, въ торжественной формѣ, опредѣляются четыре изъ наиболѣе спорныхъ принциповъ международнаго права. Декларація эта замѣчательна какъ по формѣ и содержанію, такъ и по своимъ послѣдствіямъ. Въ отношеніи формы,

декларація эта была не обыкновенный международный трактатъ, но торжественное признаніе извѣстныхъ принциповъ международнаго права, обязывающее присоединившіяся къ ней державы, не только каждой въ отдѣльности строго соблюдать эти принципы, но и охранять ихъ сообща противъ каждой державы, приступившей къ декларації, и нарушившей ее. По содержанію своему Парижская декларація достойна особеннаго вниманія, за признаніе неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ государствъ и за уничтоженіе каперства, которое на конгрессѣ опредѣлили какъ «организованный морской разбой». Положивъ, осужденіемъ каперства, начало уничтоженію частной войны на морѣ, она возбудила сильную и упорную агитацію, въ Европѣ и Америкѣ, въ пользу полной отмѣны захвата непріятельской частной собственности на морѣ.—Обращаясь къ современной практикѣ войны, тотчасъ же бросается въ глаза различіе, существующее между положеніемъ непріятельской частной собственности на сушѣ и той же собственности на морѣ. Во время сухопутной войны частная собственность мирныхъ подданныхъ непріятельской державы всегда считается, въ принципѣ, неприкосновенною, и не подлежитъ праву военной добычи. На морѣ же, частная собственность подвергается захвату и конфискаціи, до настоящаго времени. Въ то самое время, когда общепризнано начало, что война есть отношеніе государства къ государству, а не частныхъ лицъ другъ къ другу, морская война сохранила характеръ belli omnium contra omnes, въ которой не дѣлается никакого различія между государствомъ и частными лицами, государственной и частной собственностью. Подобная аномалія давно уже обращала на себя вниманіе писателей и государственныхъ людей, и, для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса было сдѣлано не мало попытокъ. Однако, до настоящаго времени производится разграбленіе частныхъ лицъ на морѣ, благодаря ложному пониманію своихъ собственныхъ интересовъ и всегдашней готовности принести право въ жертву политическимъ соображеніямъ. Самымъ дѣйствительнымъ, для этой цѣли, средствомъ, въ

теченіе цѣлыхъ вѣковъ, было каперство или корсарство: самое вопіющее нарушеніе принципа войны. Послѣ уничтоженія каперства, частная война на морѣ не прекратилась, но, только, для захвата частной собственности снаряжаются теперь государственные, а не частные каперы, такъ что каперство является государственнымъ корсарствомъ и корсары, грабившіе прежде въ свою исключительную пользу, теперь должны получать отъ государства призовыя деньги. Очевидно, что недостаточенъ шагъ, сдѣланный Парижской декларацією для уничтоженія частной войны и уподобленія военныхъ законовъ и обычаевъ на морѣ, — законамъ, господствующимъ на сушѣ; потому что, только полная и безусловная, въ принципѣ, неприкосновенность частной собственности, уничтожающая частную войну, согласна съ основными началами современнаго права войны. Въ этомъ смыслѣ прежде другихъ, высказалось послѣ Парижскаго конгресса, правительство Соединенныхъ Штатовъ; публицисты же и общественное мнѣніе, въ Европѣ и Америкѣ, открыто и настойчиво требовали ограниченія произвола воюющихъ державъ и уваженія права частной собственности мирныхъ и беззащитныхъ подданныхъ. Россія неоднократно высказывалась въ пользу этого принципа и, наконецъ, въ 1856 г. снова изъявила свое согласіе провозгласить полную неприкосновенность частной собственности положительнымъ закономъ международнаго права.

До сихъ поръ, вопросъ о неприкосновенности непріятельской частной собственности былъ болѣе предметомъ практическихъ и политическихъ разсужденій, въ парламентахъ и торговыхъ палатахъ Англіи, Франціи и Германіи, нежели предметомъ подробнаго, научнаго изслѣдованія. Впрочемъ, мы нисколько не намѣрены умалить важность и значеніе обсужденія настоящаго вопроса, съ практической и политической точки зрѣнія, такъ какъ мы знаемъ, что нигдѣ собственный интересъ не имѣетъ такого преобладающаго вліянія, какъ въ рѣшеніи вопросовъ международнаго права. Но все-таки мы убѣждены, что только научное и, по возможности, всестороннее изученіе вопроса, въ состояніи дать

ему твердое основаніе и выяснить, надлежащимъ образомъ, требованіе международной жизни и правосознанія. Единственное и положительное основаніе для отмѣны частной войны найдется тогда, когда будетъ доказано, что неприкосновенность частной собственности прямо вытекаетъ изъ права, и захватъ ея, во время войны, есть вопіющее насиліе и нарушеніе неотъемлемыхъ правъ частныхъ лицъ. Пока находятъ только возможнымъ и справедливымъ, во имя гуманности, и на основаніи политическихъ соображеній, просить объ уничтоженіи существующаго захвата частной собственности, до тѣхъ поръ, вопросъ останется предметомъ политики, и, слѣдовательно, долженъ подчиняться всѣмъ превратностямъ политическаго толкованія. Если же свобода частной собственности, во время войны, должна быть изслѣдываема съ точки зрѣнія международнаго права, то ничто иное какъ только *право* и можетъ лечь въ основаніе всѣхъ разсужденій. Въ международномъ правѣ вопросъ ставится такимъ образомъ: *или*, частныя лица не имѣютъ права на неприкосновенность своихъ имущественныхъ отношеній, въ теченіе войны — тогда отъ политическихъ соображеній данной минуты и даннаго государства, зависитъ захватъ или неприкосновенность, — *или* же, на сторонѣ частныхъ лицъ право—тогда захватъ ихъ собственности есть насильственное нарушеніе права собственности, или грабежъ. Такъ понимаемъ мы настоящій вопросъ, и поэтому, изслѣдованіе *права* частной собственности во время войны, какъ сухопутной, такъ и морской, составляетъ задачу настоящаго труда.

Приступая къ изслѣдованію этого весьма спорнаго вопроса, и зная недостаточность нашихъ силъ, мы нисколько не думали, самонадѣянно, рѣшить его окончательно, — мы желаемъ только, чтобы на трудъ нашъ смотрѣли какъ на опытъ научнаго выясненія правъ частныхъ лицъ, во время войны.

Ф. Мартенсъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ человѣческой природѣ заключается источникъ всѣхъ познаній, составляющихъ предметъ общественныхъ и юридическихъ наукъ. Анализъ жизненной струи и условій процвѣтанія и развитія человѣка, въ его отношеніяхъ къ другимъ, необходимъ для пониманія цѣли индивидуальной, общественной, государственной и, наконецъ, международной жизни. Жизнь человѣка, съ перваго же взгляда, представляется обоюдной мѣною отношеній, которая вызывается недостаточностью силъ отдѣльнаго индивида достигнуть своей разумной цѣли: всесторонняго развитія индивидуальныхъ силъ. «Природа, безъ сомнѣнія, неизмѣняется и къ ней, какъ говоритъ Тиндаль, ничего нельзя прибавить и отъ нея ничего нельзя отнять». Но за то, измѣняется постоянно жизнь и развиваются ея условія; а чѣмъ многостороннѣе становятся различія и неравенство въ предложенныхъ и требуемыхъ услугахъ для удовлетворенія потребностей человѣка, тѣмъ болѣе выступаетъ необходимость въ опредѣленіи взаимныхъ отношеній индивидовъ и, тѣмъ осязательнѣе чувствуется надобность въ ограниченіи свободной воли отдѣльной сильной личности, и въ охраненіи слабой. Въ природѣ всякаго индивида обнаруживается сильное стремленіе къ самоопредѣленію и выказывается желаніе поставить самаго себя цѣлью окружающаго его внѣшняго міра. Въ борьбѣ, которая неминуемо должна явиться результатомъ стремленія лица къ самоопредѣленію и въ противодѣйствіи ему внѣшняго міра, выражается индиви-

дуальность человѣка. Рядомъ съ этимъ влеченіемъ къ самоопредѣленію и самоцѣльности, человѣческой природѣ, также, присуще стремленіе къ общенію съ индивидами, ему подобными. Установившееся общеніе восполняетъ недостатки индивидовъ, умножаетъ ихъ средства для противодѣйствія посягательствамъ внѣшняго міра къ ихъ порабощенію, и только, въ общеніи человѣкъ въ состояніи достигнуть своей индивидуальной, разумной цѣли. Однако, такъ какъ всякій, естественно, преслѣдуетъ свои личныя индивидуальныя цѣли, то понятно, что въ общежитіи между людьми должны происходить столкновенія, которыя, съ одной стороны, являются столкновеніями индивидовъ между собою, а съ другой, индивида съ совокупностью индивидовъ, съ общеніемъ. Чѣмъ, спрашивается, разрѣшаются проистекающія недоразумѣнія и столкновенія индивидовъ? Такъ какъ человѣческой природѣ присуще стремленіе къ общенію, то въ ней и должно искать средства для рѣшенія неминуемыхъ столкновеній. Дѣйствительно, гдѣ только люди приходятъ въ какое нибудь соприкосновеніе, тамъ явно выказывается ихъ чувство и сознаніе права. Право, именно, въ такой же степени неразрывно связано съ существомъ человѣка, какъ и самое влеченіе къ обмѣну отношеній. Отрицать существованіе чувства права, которое проявляется на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія, какъ у самыхъ варварскихъ, такъ и цивилизованныхъ народовъ, никто не въ состояніи. Но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что не всегда право выступаетъ съ одинаковой ясностью и, весьма различно, въ разныя времена, бываетъ сознаніе и понятіе права. Это совершенно понятно, если вникнуть въ существо права, какъ оно зиждется въ человѣческой природѣ и проявляется въ жизни. Слѣдуя природному влеченію къ общежитію, сама жизнь своимъ теченіемъ совершенно осязательнымъ и естественнымъ образомъ указываетъ на тѣ условія, чрезъ посредство коихъ мы можемъ достигнуть нашего развитія и блага. Соблюденіе и осуществленіе этихъ условій, не только не проти-

ворѣчитъ свободѣ воли, но даже зависитъ отъ воли индивида въ такой степени, что безъ соблюденія этихъ условій, человѣкъ и человѣчество не могутъ ни развиваться, ни совершенствоваться. Слѣдовательно понятно, что совокупность этихъ условій должна быть соблюдаема всякимъ живущимъ въ общеніи, ради своихъ собственныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, подъ правомъ, мы разумѣемъ, органическое цѣлое условій, зависящихъ отъ человѣческой воли, необходимыхъ для осуществленія жизненныхъ цѣлей, какъ человѣка, такъ и общества, государства и народовъ [1]). Основываясь на этомъ опредѣленіи права, заимствованномъ нами изъ философіи Краузе и его послѣдователя Аренса, мы сдѣлаемъ попытку самостоятельнаго его приложенія къ уразумѣнію международной жизни цивилизованныхъ народовъ. Право опредѣляетъ отношенія индивидовъ, охраняетъ какъ слабаго противъ сильнаго, такъ и интересы общежитія тамъ, гдѣ личные интересы стремятся къ ихъ порабощенію. Изъ этого слѣдуетъ, что право есть неминуемое условіе всякаго развитія и прогресса, потому, что только съ помощью права можетъ состояться свободный и многосторонній обмѣнъ человѣческихъ отношеній. Если же право опредѣляетъ отношенія индивидовъ, если оно служитъ залогомъ человѣческаго развитія, то очевидно, что основаніемъ права есть человѣческая личность. Индивидъ, какъ субъектъ права, называется лицомъ и слѣдовательно, высшей и послѣдней цѣлью права должно быть совершенство этого лица [2]). Но лицо, какъ извѣстно, имѣетъ свою своеобразную жизнь, начиная съ самаго безпомощнаго возраста, оно постепенно достигаетъ возможнаго развитія и согласно этому, умножаются его потребно-

---

[1]) Ahrens. Die Rechtsphilosophie oder das Naturrecht auf philosophisch—anthropologischer Grundlage. 4-te Auflage. Wien. 1852. S. 243.

Ahrens. Die organische Staatslehre auf philosophisch—anthropologischer Grundlage. Wien. 1850. S. 43.

[2]) Held. Grundzüge des allgemeinen Staatsrecht oder Institutionen des öffentlichen Rechts. Leipzig. 1868. S. 31.

сти и усложняются отношенія его къ другимъ. Однимъ словомъ, поступательное развитіе условій жизни должно привести къ поступательному выясненію сознанія права, и къ его развитію. Право, неразрывно связанное съ жизнью, не можетъ остаться неподвижнымъ, или, въ вѣчной неизмѣнности, но подобно лицу, право имѣетъ свою жизнь и ступени своего развитія. Представляя, въ младенческомъ возрастѣ человѣчества, совокупность самыхъ грубыхъ и первобытныхъ условій жизни, право постепенно измѣняется и развивается, согласно измѣненіямъ и прогрессивному развитію человѣческой жизни. Поэтому, нельзя не согласиться съ словами одного мыслителя, что «право есть жизнь» (подразумѣвая, что право понято въ смыслѣ принципа жизни). Дѣйствительно, только тогда, когда право будетъ понято, какъ принципъ жизни и движенія, а слѣдовательно, и само имѣющее жизнь и движеніе, мы въ состояніи будемъ уразумѣть, правильнымъ образомъ, развитіе человѣческаго общества и народовъ. Этимъ опровергается категорически мнѣніе тѣхъ писателей, которые думаютъ, что право, тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ жизни и требованіямъ нравственнаго развитія человѣчества, чѣмъ болѣе оно приближается къ такъ-называемому естественному праву. Другими словами, развитіе права понимаютъ какъ удаленіе отъ какого-то первообраза, къ которому должно, въ своемъ развитіи, придти въ концѣ концовъ человѣчество. Намъ кажется, что эта теорія, требующая возвращенія назадъ, осуждаетъ человѣчество на вѣчный застой. Нѣтъ, человѣческая личность есть принципъ и основаніе права, а по этому развитіе личности стоитъ въ прямомъ отношеніи къ развитію права и, на оборотъ, развитіе права зависитъ отъ прогресса личности [1]). Такое пониманіе права даетъ твердую основу изслѣдованіямъ вопросовъ международнаго права и международной жизни, и объяс-

[1]) Lorenz Stein. System der Staatswissenschaften. Bd. II: Die Gesellschaftslehre. Stuttgart u. Augsburg. 1856. S. 63.

нятъ намъ, почему одно и тоже предписаніе международныхъ законовъ, въ одно время вызываетъ всеобщее одобреніе, а въ другое ненависть и ропотъ. Международное право также зиждется въ человѣческой природѣ и выказывало свое вліяніе съ тѣхъ поръ, какъ народы пришли къ сознанію необходимости международныхъ отношеній, когда исчезла враждебная изолированность и, международная жизнь стала требовать признанія и опредѣленія. Измѣненіе условій международной жизни должно было имѣть результатомъ измѣненіе права, и поэтому только изученіе условій международной жизни даннаго времени, въ историческомъ ея развитіи, можетъ выяснить истинное международное правосознаніе. И дѣйствительно, если мы бросимъ бѣглый взглядъ на исторію развитія международной жизни, то нельзя не видѣть, какъ постепенно измѣняется международное право, какъ смягчаются бѣдствія войны и увеличиваются блага мирнаго сожитія народовъ.—Паскаль, въ своихъ знаменитыхъ провинціальныхъ письмахъ, говоритъ между прочимъ: «Человѣчество за все время своего «существованія должно быть разсматриваемо, какъ одинъ «человѣкъ, который вѣчно познаетъ и неудержимо развивается». Эти слова, какъ нельзя болѣе подкрѣпляютъ наше понятіе о поступательномъ развитіи международной жизни и права. Обращаясь къ исторіи человѣчества, мы дѣйствительно видимъ постоянное движеніе впередъ на пути къ наивозможному усовершенствованію. Сообразно этому стремленію, и, подавляющему вліянію внѣшняго міра и матеріальныхъ препятствій, народы, то одерживали верхъ надъ физическими преградами, то подчинялись имъ и, возвели въ законъ преобладающее вліяніе физической силы. Но противъ этой силы выступила, прежде всего, сила духовная: *религія*, которая, безъ сомнѣнія, оказала неоцѣнимыя услуги человѣческому прогрессу и международной жизни. Религія обуздывала яростнаго побѣдителя; она принимала подъ свою защиту угнетенныхъ и чужестранцевъ, наконецъ, религія настаивала на общечеловѣческой связи на-

родовъ и, во имя гуманности, требовала защиты невинныхъ и мирныхъ подданныхъ непріятеля. Мы не отрицаемъ нисколько всѣ услуги, оказанныя религіею выясненію международнаго правосознанія, но однако, думаемъ, что она не творитъ право, и ея велѣнія не суть юридическіе, обязательные законы. Ошибочнымъ кажется намъ, поэтому, стремленіе возвести вѣру и духъ христіанства въ единственный источникъ международнаго права, объяснять только ими произошедшія смягченія бѣдствій войны и развитіе права ея [1]). Религія, по своей сущности, неизмѣнна, и не допускаетъ и не можетъ допускать, безъ самоотрицанія, какого либо самоизмѣненія. Поэтому, мы видимъ, что писатели по международному праву, которые основываются исключительно на духѣ христіанства, на божественномъ и естественномъ законѣ, доходятъ до того, что лишаютъ непріятеля-человѣка всѣхъ правъ и предоставляютъ его на полный произволъ разъяреннаго врага. Правда, эти мыслители, выставивъ это естественное право, вслѣдъ за тѣмъ, обыкновенно, приводятъ примѣры снисходительности и требуютъ «*смягченія*», (temperamenta — Гуго Гроція и tempéraments — современныхъ французскихъ публицистовъ), со стороны побѣдителя, если онъ проникнутъ духомъ христіанства. Какъ шатки, въ юридическомъ смыслѣ, подобныя разсужденія и, какъ мало, они могутъ быть примѣнены къ современной международной жизни, едвали это нуждается въ доказательствахъ. Воюющему указываютъ на его неотъемлемое право вредить своему врагу всѣми возможными средствами, напримѣръ, убивать его беззащитныхъ подданныхъ, грабить ихъ, уводить въ плѣнъ, безчестить и т. д., а затѣмъ, обращаются съ просьбою о пощадѣ къ его снисходительности и милосердію. Очевидно, что не дости-

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens et des relations internationales. 2 ed. 1861. tome I, p. 21: — il est certain, du moins, que l'influence du christianisme sur le développement du droit international n'est que secondaire».

гается великодушное намѣреніе уничтожить произволъ и насиліе тѣмъ, что доказываютъ законность того и другаго. Если Гуго Гроцій, въ самомъ разгарѣ тридцатилѣтней войны, имѣлъ настолько смѣлости, что указывалъ на смягченія права побѣдителя и требовалъ пощады для побѣжденныхъ, согласно духу христіанской религіи и гуманности, то въ этомъ заключается одна изъ великихъ, личныхъ его заслугъ, которыя онъ оказалъ международному праву. Но непонятнымъ кажется то, какъ можно себѣ вообразить въ XIX столѣтіи, что право и международная жизнь остались на той же ступени развитія, какъ были въ XVII вѣкѣ.

Такимъ образомъ еще разъ повторяемъ, что международную жизнь мы понимаемъ въ постоянномъ прогрессивномъ движеніи, и, совокупность условій ея развитія опредѣляетъ международное право данной эпохи, а измѣненіе условій международной жизни неминуемо требуетъ измѣненія существующаго права. Съ этой точки зрѣнія, развитіе идеи гуманности (l'idée de l'humanité) ничто иное, какъ ступень въ развитіи идеи права, т. е. многое изъ того, о чемъ прежде можно было *просить* во имя гуманности или общечеловѣческой связи, въ другое время, при другихъ условіяхъ жизни, должно *требовать* какъ исполненіе предписанія права. Въ самомъ дѣлѣ, можно заставить умолкнуть присущія всякому человѣку любовь къ ближнему и чувство справедливости, но вырвать ихъ съ корнемъ нельзя: онѣ все-таки требуютъ милости и правды. Если нѣтъ въ окружающемъ складѣ жизни дѣйствительной опоры для ограниченія произвола, если вполнѣ господствуетъ физическая грубая сила и, слѣдовательно, сущность права состоитъ въ силѣ, тогда только напоминаніе о христіанской любви и единой общечеловѣческой связи, можетъ имѣть вліяніе на смягченіе варварскихъ обычаевъ войны и на уваженіе человѣческой личности. Но, постепенное развитіе международныхъ отношеній и условій международной жизни, приводитъ къ измѣненію послѣдней и, къ требованію

какъ права и обязанности того, что, на другой ступени развитія, было мольбою о великодушіи. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ заключить, что идея гуманности потеряла свое значеніе въ наше время; нѣтъ, даже современные цивилизованные народы еще очень далеки отъ истинно гуманнаго направленія въ своихъ международныхъ отношеніяхъ и, не смотря на громадные успѣхи, которые сдѣлала цивилизація на пути къ гуманному всемірному праву, все-таки послѣднее останется, еще надолго, только желанной цѣлью и идеаломъ. Для правильнаго-же выясненія правосознанія современныхъ народовъ, и, для полученія истиннаго понятія о законахъ современнаго международнаго права, необходимо обратиться къ изслѣдованію условій современной международной жизни, которыя, съ своей стороны, являются историческимъ продолженіемъ предшествующихъ международныхъ отношеній. Въ выясненномъ, по историко-философскому методу, правосознаніи цивилизованныхъ народовъ и, въ изслѣдованіи условій развитія ихъ жизни, думаемъ мы найти разрѣшеніе вопросовъ современнаго международнаго права.—До сихъ поръ мы старались отыскать разумную основу международному праву и доказать необходимость его развитія. Между тѣмъ извѣстно, что государство—непосредственный субъектъ международнаго права и, слѣдовательно, немыслимо развитіе этой отрасли права, безъ соотвѣтствующаго измѣненія въ субъектѣ. Поэтому, остается недоказаннымъ въ какой степени развитіе государства должно имѣть вліяніе на международную жизнь и опредѣляющее ее право. Происхожденіе государства и источникъ всякой государственной жизни указываютъ на тѣсную связь, существующую между успѣхами государственнаго и международнаго права. Мы уже выше упомянули о врожденномъ человѣку стремленіи къ общежитію. Недостаточность индивидуальныхъ средствъ и невозможность устоять индивиду въ борьбѣ съ ограничивающими его вліяніями со стороны внѣшняго міра, указали на необходимость общежитія. Стремленіе человѣка къ

общежитію также врождено ему, какъ чувство права и, притомъ, является абсолютнымъ условіемъ для полнаго, всесторонняго развитія человѣческой личности. Въ общеніи съ другими, лицо, дѣйствительно, можетъ преслѣдовать свои личные интересы и, находить средства для индивидуальнаго своего развитія; но, такое неорганизованное общеніе не можетъ представить достаточныхъ гарантій для всѣхъ, безъ исключенія. Поэтому, чувствуется потребность въ организмѣ, который имѣлъ-бы въ виду гармоническое развитіе цѣлаго и предоставленіе индивиду условій его развитія. Такимъ организмомъ является государство. Такъ какъ государство, абсолютно необходимо для развитія человѣческой личности, то оно самоцѣльно и слѣдовательно, государство точно также личность, какъ и индивидъ. Если это такъ, то подобно тому, какъ развивается и живетъ человѣкъ, должно развиваться государство и его жизнь. Органическое цѣлое всѣхъ условій, истекающихъ изъ свободной воли и необходимыхъ для поступательнаго развитія личности, мы назвали правомъ,—примѣняя это къ государству, мы приходимъ къ заключенію, что право должно быть верховнымъ принципомъ государства [1]). Съ другой стороны, государство понятое какъ личность и субъектъ права, имѣетъ сознаніе своего личнаго достоинства, пользуется свободою воли и дѣйствія; мало того, всѣ эти основныя черты индивидуальной личности проявляются въ государствѣ, даже въ несравненно болѣе крупныхъ и возвышенныхъ формахъ. Государство, немыслимо безъ самостоятельности и полной независимости. Представляя собою абсолютно-необходимое условіе человѣческаго развитія, государство, по своему органическому существу и по своей цѣли, должно проявлять высшую власть и могущество и поэтому, оно не признаетъ надъ собою никакой другой власти. Въ сознаніи своего могущества и силы, государство приходитъ къ пониманію своей цѣли, состоящей въ

[1]) Ubi societas, ibi jus.

предоставленіи лицу всѣхъ средствъ для его индивидуальнаго развитія и, съ этой цѣлью, оно сообразуетъ свои мѣропріятія. Сосредоточіе этой силы и необходимое условіе государственной независимости заключается въ верховной власти государства, или, въ его верховенствѣ (суверенитетѣ), въ которомъ государство доходитъ до своего самосознанія и самоопредѣленія. Въ верховной власти государства выражается единство государственной жизни и цѣли. Но верховная власть есть понятіе идеальное, абстрактное, она, такъ сказать, «духъ, царствующій въ государствѣ», и поэтому, необходимо видѣть осуществленною волю верховной власти, и осязать ея дѣятельность. Хотя государство представляется личностью, имѣющею собственную органическую природу; но, только человѣческое лицо имѣетъ волю и способность непосредственнаго ея осуществленія. Всякій другой организмъ нуждается въ представителѣ и государство не можетъ достигнуть своей разумной цѣли, безъ личнаго представительства. Лицо физическое или юридическое, представляющее государство, есть вмѣстѣ съ тѣмъ представитель верховной власти. Такимъ образомъ, государство никогда не лишается своего личнаго характера; но, какъ личность постоянно обнаруживаетъ свою самостоятельную волю и, во всякое время, имѣетъ возможность дѣйствовать на внѣшній міръ.

Это понятіе о государственной личности, въ высшей степени, важно для правильнаго пониманія международнаго права. Государство, какъ субъектъ международнаго права, сохраняетъ свою личную самостоятельность и какъ личность, принимаетъ участіе въ международной жизни. Государство вступаетъ въ сношенія съ другими государствами, чрезъ своихъ представителей, которые суть представители верховной власти. Государство заключаетъ международные трактаты и союзы; оно вступаетъ въ непріязненныя отношенія и ведетъ войну и, наконецъ, заключаетъ миръ. Во всѣхъ этихъ актахъ выказывается личность государства, и представители ея, какъ дипломатическіе аген-

ты, такъ и войско, суть только орудія, исполняющія государственную волю и охраняющія интересы и права государства, какъ органическаго цѣлаго [1]). На основаніи того, что государство пользуется своей жизнью и имѣетъ свои органы воли, всегда должно различать область государственной жизни отъ сферы частнаго бытія. Человѣкъ, какъ гражданинъ, права и обязанности котораго въ отношеніи государства составляютъ предметъ и содержаніе государственнаго права, имѣетъ, кромѣ того, свою отдѣльную, независимую сферу жизни, какъ частное лицо, имущественныя и семейныя отношенія котораго, подлежатъ опредѣленію частнаго или гражданскаго права. Persona privata человѣка не можетъ быть жертвуема personae publicae человѣческой личности и отдѣленіе частнаго права отъ публичнаго требуется сущностью обѣихъ областей права [2]). Государственное или публичное право имѣетъ въ виду гражданина и опредѣляетъ его обязанности, относительно государства; оно устанавливаетъ ту организацію, которая необходима для достиженія цѣли государственной жизни или для развитія индивидовъ. Другими словами, содержаніе публичнаго права заключается въ опредѣленіи совокупности жертвъ, приносимыхъ индивидомъ на счетъ своей самостоятельности, съ цѣлью заручиться этимъ для всеобъемлющаго развитія самаго себя [3]). Частное право, напротивъ, есть область индивидуальнаго права и личной свободы и, въ принципѣ, не можетъ быть принесено въ жертву публичному праву. «И, если можно требовать отъ гражданина», говоритъ Гельдъ, «чтобы онъ, во всѣхъ своихъ частныхъ стремленіяхъ, не только не нарушалъ-бы законы государства, но, по возможности, еще имѣлъ-бы въ виду благо государства, то съ другой стороны, необходимо, чтобы всякое требованіе государства сообразова-

[1]) Frantz. Vorschule zur Physiologie der Staaten. Berlin. 1857. S. 22,150.

[2]) Held. Grundzüge des allgem. Staatsrechts. II. S. 40, 100, 284 flg.

[3]) Lor. *Stein*. Verwaltungslehre. Bd. S. 45.

лось-бы съ свободою и благосостояніемъ всѣхъ» [1]). Принимая въ соображеніе существо и происхожденіе личности государства, и различіе между государственнымъ и частнымъ правомъ, мы считаемъ необходимымъ въ международномъ правѣ, субъектомъ котораго является государство, постоянно имѣть въ виду, что индивидъ, только какъ непосредственный органъ государственной воли, можетъ подлежать дѣйствію права войны. Частное право, имѣющее своимъ предметомъ частную, вполнѣ мирную жизнь и мирныя отношенія, никогда не можетъ быть лишено своего мирнаго характера, и, сдѣлаться орудіемъ для рѣшенія международныхъ столкновеній. Непріязненныя отношенія и право войны могутъ распространяться не далѣе области государственнаго или публичнаго права; частныя же мирныя права и отношенія неприкосновенны, — и въ этомъ необходимомъ, существенномъ разграниченіи, видимъ мы залогъ дальнѣйшаго развитія международной жизни [2]). Такое пониманіе и выдѣленіе частныхъ интересовъ и правъ, нельзя смѣшивать съ такъ-называемой атомистической теоріею государственнаго устройства, которая основывается на массѣ индивидуальныхъ волей въ государственномъ обществѣ и утверждаетъ, что государство не пользуется своей самостоятельной жизнью, не имѣетъ своей цѣли, а постоянно должно имѣть въ виду интересы численнаго большинства, хотябы въ ущербъ гармоническому развитію цѣлаго. Изъ органическаго существа государства и его самоличности вывели мы право государства на управленіе международными сношеніями и требуемъ ограниченія послѣдствій, вытекающихъ изъ международныхъ столкновеній и возбужденныхъ свободною волею государства. Человѣкъ не поглощается государствомъ и частныя лица не суть представители государственной воли, а потому, неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ

[1]) Heffter. Grundzüge des allgem. Staatsrechts. S. 285.

[2]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten als Rechtsbuch dargestellt. Nördlingen. 1868. S. 32.

имущественныхъ правъ должна быть соблюдаема всѣми государствами, которыхъ общее правосознаніе соединяетъ для пользованія покровительствомъ и благами современнаго международнаго права. Если право — верховный принципъ государства, то уваженіе права есть необходимое условіе достиженія имъ своей цѣли, состоящей въ предоставленіи индивиду всѣхъ условій для всесторонняго его развитія. Такимъ образомъ, всякое государство, и юридически, и нравственно, обязано уважать неприкосновенность правъ частныхъ лицъ и ихъ имуществъ, а такъ какъ государство въ международныхъ отношеніяхъ не должно противорѣчить и противодѣйствовать разъ сознанному праву, то должно отъ него требовать, чтобы оно уважало права частныхъ лицъ вообще, слѣдовательно, неприкосновенность мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства. Общее правосознаніе соединяетъ государства цивилизованныя, и вынуждаетъ ихъ къ признанію принциповъ международнаго права; поэтому, выдѣленіе частныхъ лицъ и ихъ имущественныхъ правъ, основанное на существѣ государства вообще, — также, должно быть соблюдаемо субъектами международнаго права, какъ всякій другой принципъ. Различіе только въ томъ, что произволъ и неправильное пониманіе государственной жизни и ея интересовъ, могли до настоящаго времени препятствовать осуществленію давно сознаваемаго начала. Но высшую санкцію и абсолютную необходимость признанія, со стороны государствъ неприкосновенности частной жизни и собственности, видимъ мы въ условіяхъ современной международной жизни и въ основномъ принципѣ современнаго международнаго права. Государство, въ отношеніи международной жизни, нельзя понимать въ его абсолютной самостоятельности, и принципъ этой независимости или суверенитета нельзя выставлять верховнымъ началомъ международнаго права. Современное международное право предполагаетъ независимость государствъ и уважаетъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагаетъ на государства извѣстныя юридическія

обязанности, относительно общей международной жизни. Государственными предѣлами не ограничивается человѣческая жизнь и само государство является только ступенью къ высшей духовной и матеріальной жизни. Въ государствѣ не оканчивается человѣческое развитіе и въ границахъ его, на какомъ-бы разстояніи они не отстояли, человѣческая личность не можетъ найти всѣ условія для своего усовершенствованія. Государственная жизнь узка и не удовлетворяетъ современные народы, которые въ международной жизни ищутъ исхода своему стремленію къ развитію. Такое направленіе, въ истинно гуманномъ смыслѣ, приближающееся въ сильной степени, къ Кантову идеальному космополитическому праву, выступаетъ наглядпымъ образомъ въ международныхъ сообщеніяхъ, которыя достигли громадныхъ размѣровъ. Ошибочно и пагубно думать, что подобное развитіе международной жизни, нарушавшее уже не разъ абстрактную независимость государствъ было-бы противно основной идеи государства. Государство, какъ мы сказали, не есть послѣдняя ступень для развитія человѣческой жизни, и, подобно индивидуальному лицу, имѣетъ потребность въ общеніи. «Государство» какъ говоритъ Лоренцъ Штейнъ, «въ дѣйствительности, только явленіе идеи государства, какъ отдѣльный человѣкъ явленіе понятія о личности. Множество существующихъ государствъ не можетъ имѣть цѣлью враждебное противодѣйствіе другъ другу, но государства также имѣютъ свою общую жизнь (Gesammtleben)» [1]). Если такимъ образомъ общность жизни между государствами неопровержимо вытекаетъ изъ понятія о государствѣ, то ясно, что цѣль государственной жизни: развитіе человѣческой личности, должно быть также цѣлью междугосударственной или международной жизни. Если содержаніе общежитія государствъ есть конкретная жизнь тѣхъ лицъ, которыя находятся въ государствахъ, тогда средства, принимаемыя государствами

---

[1]) Lor. Stein. Verwaltungslehre Bd. II, S. 95.

для развитія этой жизни должны сообразоваться съ ея условіями и цѣлью. И такъ какъ право неприкосновенности частной собственности, и отдѣльность частнаго права непосредственно вытекаютъ изъ понятія государства, слѣдотельно требуются условіями жизни и развитія лица, то не можетъ быть сомнѣнія, что государства, образующія также общую жизнь и всѣ преслѣдующія одну и ту же цѣль, обязаны осуществлять неотложныя условія развитія частныхъ лицъ и уважать ихъ имущественныя права. Подобно тому, какъ государственная жизнь осязательно и видимо восходитъ на свою высшую ступень — международную жизнь, такъ точно принципъ, выработавшійся въ государственной жизни человѣчества, неминуемо долженъ сдѣлаться началомъ международнаго права. Такое пониманіе государственной и международной жизни, въ высшей степени, благотворно для правильнаго рѣшенія вопросовъ международнаго права, ибо, основываясь на единомъ источникѣ права: на личности человѣка, постоянно развивающейся, изложенное нами понятіе выражаетъ жизнь и допускаетъ ея развитіе [1]). Съ этой точки зрѣнія, немыслимо примѣненіе къ современной международной жизни правилъ и формъ, заимствованныхъ у другаго времени, и вызванныхъ другими условіями. Но эта тѣсная, неразрывная связь между государственной и международной жизнью неизбѣжно должна повліять на развитіе и положеніе того и другаго. Въ самомъ дѣлѣ, если государственная жизнь

[1]) Срав. кромѣ приведеннаго мѣста изъ Штейна, слѣдующія сочиненія.

R. v. Mohl. Staatsrecht, Völkerrecht und Politik, Tübingen. 1860. Bd. I. S. 579—630.

Bluntschli. Das moderne Völkerrecht der civilisirten Staaten. S. 49, § 1—11.

Bluntschli. Die Bedeutung und die Fortschritte des modernen Völkerrechts. Berlin. 1866. (Sammlung gemeinverständlicher, wissenschaftlicher Vorträge. № 2).

Geyer. Ueber die neueste Gestaltung des Völkerrechts. Innsbruck. 1866. S. 11, 25.

Впрочемъ, замѣтимъ, что между ними существуетъ нѣкоторое разногласіе въ пониманіи идеи международной жизни.

представляется низшей ступенью международной жизни, если государства только медленно, въ теченіе вѣковъ, переходятъ изъ замкнутаго, враждебнаго отношенія къ сознанію общности интересовъ и къ взаимному уваженію, то степень развитія государственной жизни должна служить къ пониманію развитія международной жизни въ данную минуту. Дѣйствительно, начиная со времени почти полнаго отсутствія международныхъ сношеній, исключая предпринятыхъ съ цѣлью порабощенія, до того времени, когда международныя отношенія привели къ сознанію солидарности интересовъ и абсолютной необходимости международной жизни, развитіе внутренно-государственныхъ отношеній, постепенное измѣненіе въ пониманіи государственной цѣли состояли и состоятъ въ тѣснѣйшей связи. Прослѣдить отдѣльныя ступени этого общаго развитія и указать на уклоненія, приведшія, въ концѣ концовъ, все-таки къ основной идеи, нами выраженной, мы считаемъ здѣсь неумѣстнымъ, если основательна наша мысль, что измѣненіе условій развитія человѣческой личности приводитъ къ измѣненію и развитію государственной жизни, которая, съ своей стороны, въ своемъ развитіи влечетъ за собою развитіе международныхъ отношеній и жизни. Эта истина имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для международнаго права, въ томъ отношеніи, что недостатки государственной жизни часто могутъ служить вѣрнымъ объясненіемъ неправильностей международной жизни и если, слѣдовательно, первая находится въ анормальномъ состояніи и часто терпитъ вліяніе произвола, то нельзя ожидать, чтобы вторая протекла бы безъ колебаній, и отличалась-бы постояннымъ уваженіемъ къ праву. Если господство права необходимо для цѣлесообразной государственной жизни, то никто не станетъ отрицать, что право должно также царствовать въ международныхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, политика часто одерживаетъ верхъ въ государственной жизни и господствуетъ въ рѣшеніи вопросовъ международнаго права. Но противъ этого смѣшенія двухъ, болѣе или менѣе различныхъ обла-

стей, и противъ пожертвованія права политическимъ соображеніямъ, необходимо возставать, какъ можно энергичнѣе. Въ нашемъ трудѣ мы постараемся доказать до какихъ произвольныхъ толкованій права доходятъ писатели, ставившіе выше всего политическія комбинаціи, имѣющія обыкновенно сильную примѣсь патріотизма. Международная жизнь требуетъ опредѣленій права и только уваженіе права служитъ залогомъ мира и устраняетъ произволъ, между тѣмъ какъ безусловное господство политическихъ соображеній противорѣчитъ праву и отрицаетъ всякую опредѣленность. На этомъ основаніи, мы, въ толкованіи международнаго права, постоянно намѣрены слѣдовать опредѣленію права и отказываемся признавать правомъ случайныя и часто произвольныя, политическія соображенія. Если же, не смотря на провозглашеніе права принципомъ государства и международной жизни, именно «въ наше время, политика «господствуетъ надъ правомъ, — если война, вмѣсто мира, «или, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще хуже, воору«женный миръ сдѣлались постоянными, то этимъ нисколько «не доказывается, что требованіе государства съ безуслов«нымъ принципомъ права (Rechtsstaat) и мира, только ложь «и лицемѣріе. Такое требованіе обнаруживаетъ только наше «переходное, неустановившееся еще состояніе и, въ немъ «выказывается потребность въ новомъ принципѣ для жизни «государствъ и новой идеи для самаго права, которая об«хватывала-бы весь цивилизованный міръ и всѣ состоящія «въ немъ государства» [1]). И такъ, для большей ясности, мы заключаемъ введеніе слѣдующими выводами изъ вышеизложеннаго:

1) Развитіе условій жизни приводитъ къ развитію права;
2) Прогрессъ государственной жизни и ея права предшествуетъ развитію международной жизни и ея права;
3) Право на неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ

---

[1]) Held. Grundzüge des allgem. Staatsrechts. S. 116.

собственности вытекаетъ изъ понятія современнаго государства; и наконецъ

4) Необходимо придерживаться, строго, различія между областью права и политики, если для международнаго права желательно бо́льшей опредѣленности и меньше произвола.

На этихъ основаніяхъ, мы намѣрены разсмотрѣть весьма спорный вопросъ о положеніи непріятельской частной собственности, во время войны между государствами. Мы не ограничимся обсужденіемъ положенія частной собственности на морѣ, потому что считаемъ судьбу имущественныхъ правъ, во время сухопутной войны въ неразрывной связи и въ прямомъ отношеніи съ ихъ участью въ морской войнѣ. Если частная собственность неприкосновенна, то это право должно быть соблюдаемо какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Мы разсмотримъ права имущественныя частныхъ лицъ съ трехъ сторонъ: во 1-хъ *со стороны внѣшней обстановки:* въ состояніи международныхъ недоразумѣній, предшествующихъ обыкновенно войнѣ и затѣмъ, во время самой войны; во 2-хъ *относительно субъектовъ:* мирныхъ подданныхъ воюющихъ и нейтральныхъ державъ; тѣ и другіе имѣютъ права частныхъ лицъ, съ незначительными только оттѣнками, относительно нейтральныхъ; въ 3-хъ *относительно объекта,* мы разсмотримъ частную собственность въ трехъ главныхъ видахъ: собственность недвижимую и движимую, а затѣмъ права по обязательствамъ. Доказавъ неприкосновенность частной собственности на сушѣ, мы обратимся къ ея положенію, во время морской войны. Сообразно существу предмета необходимо будетъ указать на средства, служащія для воюющаго нарушенія правъ частныхъ лицъ, и требовать ихъ полной отмѣны или существеннаго ограниченія. Вотъ основныя черты послѣдующаго разсужденія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА 1-я.

О МЕЖДУНАРОДНЫХЪ СТОЛКНОВЕНІЯХЪ И СРЕДСТВАХЪ, МЕНѢЕ НАСИЛЬСТВЕННЫХЪ, ДЛЯ МИРОЛЮБИВАГО ИХЪ ОКОНЧАНІЯ.

Государства, какъ соціальные организмы имѣютъ жизнь, волю и органы для достиженія своей разумно—государственной цѣли, состоящей въ предоставленіи подданнымъ средствъ къ всестороннему ихъ развитію. Въ виду этой цѣли, государства принимаютъ участіе въ международной жизни и сообразуютъ свои мѣры. Всякая жизнь изобилуетъ столкновеніями и принятыя государствомъ мѣры могутъ нарушать права другихъ государственныхъ организмовъ. Однако, помимо того, что государства сами даютъ поводъ къ охлажденію дружелюбныхъ международныхъ отношеній, весьма часто бываетъ, что граждане какъ частныя лица, въ своихъ сношеніяхъ, какъ съ другими государствами, такъ и съ ихъ подданными, не соблюдаютъ принятыхъ на себя обязательствъ, или вообще возбуждаютъ неудовольствіе, которое можетъ быть и справедливо и несправедливо. Если частное лицо является нарушителемъ порядка и правъ чужаго государства, то этимъ оно, нисколько, не лишается права на защиту со стороны своего государства и именно, въ такомъ случаѣ, въ ней нуждается. Но съ другой стороны, несправедливо относить вину отдѣльнаго лица на все государство, къ которому оно принадлежитъ. Поэтому справедливость требуетъ въ такихъ случаяхъ безпристрастнаго суда, со стороны государства, имѣющаго подданнымъ нарушителя чужаго права и, современное международное право не дозволяетъ начинать тотчасъ же непріязненныя дѣйствія противъ цѣлаго государства. Только въ такомъ случаѣ, если государство отказалось разсмо-

трѣть и удовлетворить основательнымъ требованіямъ другаго, дѣло частнаго лица дѣлается дѣломъ государственнымъ [1]).

Столкновенія возникаютъ между государствами, также по весьма разнообразнымъ причинамъ. Государство, подобно частному лицу, можетъ нарушить права на честь, самосохраненіе, независимость и т. д., другаго государства и можетъ неисполнять принятыя на себя, въ заключенныхъ трактатахъ, положительныя и отрицательныя обязательства. Для рѣшенія проистекающихъ отсюда недоразумѣній и споровъ, нѣтъ ничего подобнаго международному трибуналу. Поэтому, государствамъ остается только право и возможность доставлять себѣ, своими собственными средствами, удовлетвореніе, возстановлять нарушенное право и водворять миръ. Но, если международное правосудіе, въ формальномъ отношеніи, теперь еще находится на той ступени развитія, на которой находилось въ среднихъ вѣкахъ гражданское (уголовное) правосудіе, при господствѣ кулачнаго права, то развѣ изъ этого слѣдуетъ; что государства не связаны никакими предписаніями права и справедливости?

Что государства сознаютъ необходимость соглашать свое поведеніе съ вѣчными законами правды и справедливости, видно изъ разсмотрѣнія тѣхъ средствъ, которыя употребляются государствами, для окончанія возникающихъ между ними споровъ. Хотя не всегда возможно согласиться съ раціональностію этихъ средствъ и, не смотря на то, что въ нихъ часто обнаруживается явный произволъ, все-таки существованіе этихъ мѣръ, принимаемыхъ для избѣжанія крайняго средства—войны, указываетъ на стремленіе государствъ соразмѣрять претерпѣваемую неправду совмѣняемой. Всѣ средства, получившія примѣненія въ международныхъ столкновеніяхъ можно раздѣлить на 2 главныя группы:

I. Средства, отличающіяся вполнѣ миролюбивымъ характеромъ (via amicabili).

II. Средства, состоящія въ добываніи себѣ фактическимъ путемъ удовлетворенія (via facti) [2]).

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. § 466.

Massé. Le droit commercial dans ses rapports avec le droit des gens. 2 ed. Paris. 1861. Tome I, §. 127 et suiv.

[2]) Rob. Phillimore. Commentaries upon International Law. London. 1857. Vol. III, pag. 2.

Къ первому роду средствъ, (которыхъ примѣненіе Блунчли. такъ удачно, называетъ Minneverfahren [1]), можно отнести: 1) дипломатическія сношенія; 2) дружеское посредничество другой державы (bons offices) и затѣмъ 3) компромиссъ (arbitratio или arbitrium). Эти мѣры, мы не намѣрены разсматривать, потому что онѣ не касаются непосредственно предмета нашего разсужденія. Онѣ, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуютъ цѣли мира и не нарушаютъ права частныхъ лицъ, поэтому, принятіе ихъ государствомъ служитъ лучшимъ доказательствомъ искренней привязанности къ миру. Несравненно чаще получали примѣненія средства второй категоріи, къ которой мы относимъ.

I. Реторсію;
II. Репрессаліи;
III. Эмбарго и
IV. Мирную блокаду (blocus pacifique). Эти средства иногда прямо направлены противъ частныхъ лицъ и жестокимъ образомъ нарушаютъ ихъ права.

I. Реторсія.

Подъ именемъ реторсіи понимаютъ приложеніе, въ отношеніяхъ къ другому государству, принципа таліона т. е. отплату равнымъ за равное (quod quisque in alterum statuerit, ut ipse eodem jure utatur).

Реторсія, большею частію, употребляется въ случаѣ явнаго нарушенія государствомъ интересовъ другихъ государствъ или ихъ гражданъ. Реторсія вызывается недружелюбными дѣйствіями со стороны государствъ и имѣетъ своимъ основаніемъ различіе, существующее между правомъ (jus) и справедливостью въ обширномъ смыслѣ (comitas) [2]). Если какое либо государство, въ своемъ внутреннемъ законодательствѣ, болѣе благопріятствуетъ своимъ гражданамъ, на счетъ интересовъ и справедливыхъ требованій иностранцевъ, если напр. иностранцамъ отказывается въ правѣ на защиту суда, если установляется

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. §. 481.

[2]) Phillimore. Commentaries, vol. III, p. 10: «Retorsion is a vindication of offended comity».

тарифъ, оказывающій убійственное вліяніе на торговлю другихъ государствъ, или же наконецъ, дѣлаются распоряженія, которыя одинаково пагубно дѣйствуютъ, какъ на собственныхъ гражданъ, такъ и на иноземцевъ [1]), во всѣхъ подобныхъ случаяхъ заинтересованныя государства могутъ примѣнить туже систему, относительно государства, давшаго поводъ [2]). Примѣненіе реторсіи относительно другаго государства, признается всѣми публицистами правомъ верховной власти, которая законодательнымъ путемъ принимаетъ туже мѣру и, по возможности, относительно того же предмета. Реторсія, по существу, есть чисто политическое средство, имѣющее цѣлью вызвать извѣстное правительство на отмѣну стѣснительныхъ и, быть можетъ, несправедливыхъ распоряженій. Она, не есть нарушеніе чьего либо *права*, но напротивъ основывается на признаніи несомнѣннаго права, имѣя только въ виду противодѣйствовать невыгодному его осуществленію другимъ государствомъ [3]). Изъ этого видно, что реторсія, въ высшемъ значеніи слова представляется первымъ средствомъ къ возбужденію чувства, справедливости, солидарности общечеловѣческихъ интересовъ и полезна, для поддерживанія сознанія международной жизни. Имѣя въ виду эту цѣль реторсіи, казалось бы можно согласиться на цѣлесообразное ея примѣненіе. Однако, вникая въ основаніе этого средства для устраненія международныхъ недоразумѣній, нельзя не видѣть его несообразность. Въ основаніи реторсіи заключается необходимость привести къ сознанію своей неправды данное государство, чрезъ измѣненіе существующаго законодательства въ томъ государствѣ, котораго интересы нарушены. Такое измѣненіе законодательства должно состояться, исключительно во вредъ государства, вызвавшаго неудовольствіе. Но, если внутреннее законодательство государства выражаетъ, болѣе или менѣе, общее его правосознаніе, выработанное исто-

[1]) Heffter. Das Europäische Völkerrecht der Gegenwart auf den bisherigen Grundlagen 5-te Ausgabe Berlin. 1867, S. 201.

[2]) G. F. de Martens. Précis du droit des gens moderne de l'Europe. Ed. par Vergé. Paris 1864. tome II p. 185.

[3]) R. v. Mohl. Encyklopaedie der Staatswissenschaften. Tübingen. 1859. S.150. Bluntschli. Völkerrecht. § 505.

Bischof. Grundriss des positiven öffentlichen internationalen Seerechts. Graz. 1868. S. 31.

ническимъ путемъ, то нерацiонально измѣнять сознанные принципы права, которые притомъ требуются условiями государственной жизни. Ничѣмъ нельзя оправдать искаженiе своего законодательства, посредствомъ возстановленiя и изданiя правилъ, въ несостоятельности и нецѣлесообразности которыхъ, убѣждены всѣ. Если, затѣмъ, принять въ соображенiе, какъ шатка надежда, что реторсiя подѣйствуетъ убѣдительнымъ образомъ на того, противъ кого она направлена и что, при безуспѣшности этой мѣры, государства должны бы сохранить, на неизвѣстное время, ненавистныя имъ правила, тогда крайняя нерацiональность реторсiи не можетъ подлежать сомнѣнiю. Кромѣ того, реторсивныя мѣры могутъ еще больше принести вреда государству ихъ употребляющему и поэтому, мы считаемъ совершенно справедливымъ замѣчанiе Пинейро-Феррейра, что не подражанiя государству, давшему поводъ къ реторсiи, требуютъ собственный интересъ и здравый смыслъ, но, напротивъ облегченiе сношенiй и непреклонное слѣдованiе принципамъ справедливости окажетъ, по необходимости, благотворное вліянiе на развитiе внутренняго благосостоянiя государства [1]). Наконецъ, реторсiя обыкновенно направлена прямо противъ частныхъ лицъ, на которыхъ вымѣщается несправедливость, совершенная государствомъ. Впрочемъ, употребленiе реторсiи такъ мало удовлетворяетъ интересамъ государствъ, и такъ ложна и безнравственна въ своей основной идеѣ, что весьма понятно, что она постепенно выходитъ изъ международной практики современныхъ государствъ. Желательно, чтобы не только исключительно изъ попеченiя о своихъ собственныхъ интересахъ, но и на основанiи сознанiя неосновательности и нецѣлесообразности реторсiи, государства навсегда отказались бы отъ ея примѣненiя.

II. Репрессалiи.

Когда реторсiя не привела къ цѣли и столкновенiе между государствами усиливается, тогда обыкновенно прибѣгаютъ къ репрессалiямъ, которыя представляются первымъ шагомъ къ самоуправству. Репрессалiи, обыкновенно, заключаются въ удер-

[1]) Vattel. Droit des gens. Ed. par Pradier-Fodéré. Paris. 1863, livre II, chap. XVIII, § 341. note de Pinheiro-Ferreira.

жаніи вещей, на которыя государство предъявляетъ претензію, или же въ присвоеніи себѣ силою вещей, принадлежащихъ должнику, для удовлетворенія своего обязательственнаго права. Но этимъ, не ограничивается значеніе и примѣненіе репрессалій, которыя еще чаще имѣютъ мѣсто во время войны, какъ средство для осуществленія принципа таліона. Если обратить вниманіе на то, что предметомъ репрессалій почти всегда дѣлаются невинныя, частныя лица, которыя, не только лишаются своего имущества, для удовлетворенія претензіи территоріальной власти къ своему государству, но иногда даже приговариваются къ смерти, на основаніи таліона, то нельзя не сознаться, что репрессаліи большею частью остатокъ средневѣковыхъ, варварскихъ временъ и настолько же противны современной цивилизаціи, насколько нарушаютъ основныя идеи правды и справедливости.

Понятіе о репрессаліяхъ логично выводится при разграниченіи ихъ отъ реторсіи. Между тѣмъ, какъ реторсія заключается въ провозглашеніи стѣснительныхъ мѣръ, со стороны правительства, въ случаѣ нарушенія только его интересовъ, репрессаліи вызываются явнымъ нарушеніемъ права. Обыкновенно репрессаліи предпринимаются, съ цѣлью избѣжанія войны [1]), и въ этомъ смыслѣ мы ихъ и разсматриваемъ главнымъ образомъ. Публицисты различаютъ *репрессаліи: положительныя и отрицательныя*. Первыя—состоятъ въ непосредственномъ захватѣ частныхъ лицъ и ихъ собственности. Частныя лица, состоящія въ подданствѣ государства, вызвавшаго неудовольствіе и, которыя застигнуты на территоріи недовольнаго государства, или же, въ открытомъ морѣ, содержатся въ плѣну, а на частную собственность налагается запрещеніе и, затѣмъ, она конфискуется [2]). Что касается отрицательныхъ репрессалій, то сущность ихъ состоитъ въ отказѣ исполнять одностороннія обязательства (obligationes perfectae, stricti juris), какъ напримѣръ, отказъ въ уплатѣ долга; или же, въ препятствованіи другому государству

[1]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, lib. I, cap. XXIV «Interim observa, repressaliis locum non esse, nisi in pace».

[2]) Ercole Vidari. Del rispetto della proprietà privata fra gli stati in guerra. Pavia. 1867. p. 69. «Dichiarate le ostilità questi beni sono quasi sempre poi definitivamente confiscati».

пользоваться какимъ либо признаннымъ правомъ [1]). Кромѣ того, англійская практика различаетъ еще *общія* репрессаліи (general reprisals) отъ *спеціальныхъ* (special reprisals). Общія репрессаліи имѣютъ мѣсто, когда государство разрѣшаетъ своей вооруженной силѣ и всѣмъ своимъ подданнымъ, вредить другому государству и захватывать частныхъ лицъ и ихъ имущества, гдѣ бы они не находились [2]). Спеціальныя репрессаліи, напротивъ, заключаются въ дозволеніи одному или нѣсколькимъ частнымъ лицамъ искать себѣ удовлетворенія, не разбирая нарушены ли ихъ права частнымъ лицомъ или же самимъ государствомъ. Относительно общихъ репрессалій, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Де-Витта, что едва ли кто въ состояніи отличить общія репрессаліи отъ открытой войны и поэтому, эта мѣра примѣнима только въ началѣ самой войны [3]). Всѣ публицисты единогласно выставляютъ необходимымъ условіемъ примѣненія репрессалій государствомъ, полную увѣренность въ справедливости своего дѣла и, въ случаѣ сомнѣнія, репрессаліямъ должно предшествовать подробное и всестороннее обсужденіе спорнаго вопроса между заинтересованными государствами [4]). Такъ, обыкновенно, приводятъ случай отказа въ правосудіи (deni de justice), когда справедливыя требованія гражданъ одного государства лишаются охраны законовъ въ другомъ и, въ такомъ случаѣ, несправедливо прибѣгнуть тотчасъ же къ репрессаліямъ, не убѣдясь прежде о достовѣрности и обстоятельствахъ дѣла [5]). Важность права допускаетъ упо-

[1]) Phillimore's. International Law, III, p. 14. Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe ed. par. Ott. Paris 1861, § 234 note c.

[2]) Wheaton's. Elements of International Law. 8-th. editionedited, with notes, by Dana.-London-Boston. — 1866. Объ общихъ репрессаліяхъ говоритъ Уитонъ: «They (reprisals) are general, when a state which has received, or supposes it has received, an injury from another nation, delivers commissions to its officers and subjects to take the persons and property belonging to the other nation, wherever the same may be found» (p. 369).

[3]) Phillimore's. Internat. Law III, p. 12. Vattel Droit des gens liv. II, chap. XVIII, § 348.

[4]) Vattel. liv. II chap. XVIII, § 343. G. F. de Martens. Précis, liv. VIII chap. II § 255, (p. 187) Halleck's International Law. New. York 1861. p. 298, § 12.

[5]) Bynkershoek. Quaest. j. publ. lib 1, chap: XXIV. «Is ordo est, ne repressaliae concedantur».

требленіе репрессалій, со стороны подданныхъ независимыхъ государствъ, неиначе, какъ по особенному разрѣшенію верховной власти. Репрессаліи, почти всегда ведутъ къ войнѣ, которая всѣми публицистами считается прерогативою государственной власти. Затѣмъ, хотя и есть писатели, которые допускаютъ спеціальныя репрессаліи т. е. предоставленіе частному лицу права вести на свой собственный рискъ войну противъ мирныхъ подданныхъ даннаго государства, которыми частное лицо, считаетъ нарушеннымъ свое право, но большинство современныхъ публицистовъ склоняется къ убѣжденію, что репрессаліи должны быть предпринимаемы, исключительно, посредствомъ регулярной военной силы государства [1]). Захватъ и конфискацію частной собственности, а также и удержаніе частныхъ лицъ заложниками въ видѣ репрессалій, публицисты оправдываютъ тѣмъ, «что все принадлежащее членамъ государства, должно «считать принадлежащимъ государственному тѣлу», и такъ какъ «всякое частное лицо своей личностью и имуществомъ отвѣ- «чаетъ за долги и неправды государства, котораго оно членъ», то поэтому, репрессаліи должны всегда обрушиваться, не только на имущество государства, но также на имущество, свободу и даже жизнь частныхъ лицъ [2]). Чувствуя однако крайнюю несправедливость, оказываемую частнымъ лицамъ лишеніемъ свободы и собственности за вину, которую они часто даже не подозрѣваютъ, писатели указываютъ на обязанность, разумѣется нравственную, государства подавшаго поводъ къ репрессаліямъ, опредѣлить убытокъ, который потерпѣли невинные подданные и затѣмъ, вознаградить ихъ [3]). На сторонѣ государства, захватившаго имущества частныхъ лицъ, которыя, въ данное время, находились на его территоріи, признается обязанность, по удовлетвореніи своихъ претензій, чрезъ продажу этихъ имуществъ, возвратить остатокъ [4]). Наконецъ, само собою разу-

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. § 503. Heffter. S. 203. Wheaton's. Elements note № 151. by Dana (p. 378).

[2]) Vattel. liv. II, Chap. XVIII, § 344. Martens. Précis, liv. VIII, Chap. II, § 258. Azuni. Droit maritime de l'Europe, Paris. 1805. t. II, p. 427.

[3]) Vattel. ibidem. § 345. Martens. § 258.

[4]) Hugonis Grotii. De jure belli ac pacis. lib. III, Cap. II, § VII, 3. «Jure gentium ipso facto dominium rerum captarum acquiritur ad summam «debiti et summum, ita ut residuum reddi debeat».

мѣстся, что репрессаліи должны прекратиться тотчасъ же по достиженіи цѣли, для которой онѣ были предприняты. Въ этомъ заключается ученіе международнаго права о репрессаліяхъ. Безпристрастный взглядъ на это средство поддержанія мирныхъ отношеній и юридическаго порядка между государствами, не можетъ неусмотрѣть нецѣлесообразность и несправедливость репрессалій. Но, для основательныхъ выводовъ, необходимо обратиться къ исторіи происхожденія и развитія репрессалій, которая даетъ ясныя указанія для пониманія дальнѣйшаго процвѣтанія или упадка этого средства миролюбиваго окончанія международныхъ недоразумѣній.

Въ основаніи репрессалій лежитъ, несомнѣнно, принципъ мести, желаніе отплатить другому за причиненный вредъ, за нарушеніе права, дѣйствительнаго или мнимаго. Поэтому естественно, что мы въ глубочайшей древности встрѣчаемъ примѣры примѣненія репрессалій. Такъ можно привести примѣръ изъ римской исторіи, когда Аристодемъ, наслѣдникъ Тарквиніевъ, задерживаетъ римскіе корабли, чтобы удовлетворить себя на ихъ счетъ за правонарушеніе, со стороны римской республики [1]). Но самое цвѣтущее время репрессалій надо отнести къ среднимъ вѣкамъ, ко временамъ господства самоуправства, кулачнаго права и государственнаго безначалія. Такъ какъ государственная власть не въ силахъ была творить судъ и расправу, то частнымъ лицамъ осталось только самимъ искать себѣ удовлетворенія и, въ то самое время, когда государства находились въ глубокомъ мирѣ, ихъ подданные вели между собою ожесточенныя войны. Такія войны были начаты для репрессалій и для взысканія за нарушенное право, слѣдовательно, для возмездія [2]). Всякій, считавшій себя обиженнымъ иностранцемъ отправлялся въ море и тамъ захватывалъ корабли, принадлежащіе соотечественникамъ обидчика [3]). Съ одной стороны, не-

---

[1]) Titi Livii. Historia, lib. II, Cap. XXXIV «Frumentum Cumis quum coemptum esset, *naves pro bonis Tarquiniorum* ab Aristodemo tyranno, qui heres erat, *retentae sunt*».

[2]) Robert Ward. An enquiry into the foundation and history of the law of nations in Europe from the time of the Greeks and Romans, to the age of Grotius. London: 1795. Vol. I, p. 294.

[3]) Hautefeuille. Histoire des origines, des progrès et des variations du droit maritime international. Paris 1858. p. 127.

обходимость, а съ другой, возможность находить себѣ удовлетвореніе въ самоуправствѣ, вызывались, какъ безсиліемъ государственной власти, такъ и воинственностью эпохи, ибо всякій купецъ или частное лицо былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и воинъ [1]). Никакого особеннаго разрѣшенія не требовалось отъ правительствъ, для такой частной войны, между тѣмъ подобное самоуправство не разъ было поводомъ самыхъ гибельныхъ войнъ между государствами. Такъ напримѣръ, ссора двухъ мориковъ: одного нормана и англичанина, возбудила войну между Англіею и Франціею, отличавшуюся ужасными жестокостями [2]). Очевидно, что больше всего терпѣли отъ подобнаго господства грубой силы, люди торговые, которые, не подозрѣвая никакой ссоры или драки между соотечественниками и подданными другаго государства, подвергались внезапнымъ нападеніямъ, лишались своего достоянія, и кромѣ того, свободы и даже жизни. На купцовъ, застигнутыхъ въ расплохъ на территоріи недовольнаго ихъ отечествомъ государства, обрушивалась въ такихъ случаяхъ вся месть и «товары ихъ отымаша», какъ говоритъ нашъ лѣтописецъ [3]). Такой порядокъ не могъ удержаться; съ успленіемъ государственной власти и съ ограниченіемъ произвола и самоуправства, долженъ былъ исчезнуть періодъ частныхъ войнъ. Наступаетъ время, въ которое мы видимъ постепенное развитіе государственнаго строя и распространеніе идеи централизаціи, на счетъ автономіи отдѣльныхъ лицъ. Прежде всего, государственной властью были прекращены или, по крайней мѣрѣ, запрещены набѣги частныхъ лицъ другъ на друга, безъ особеннаго ея разрѣшенія. Дозволеніе частному лицу отомстить за нанесенную обиду заключалось, въ такъ называемыхъ, патентахъ на *репрессаліи и корсарство* (lettres de repressailles ou de marque), которые выдавались верховной властью частнымъ лицамъ, начиная съ XII вѣка, въ извѣстныхъ только случа-

---

[1]) Относительно древней Руси. см. соч. Г. *Костомарова* «Исторія Новгорода, Пскова и Вятки во время удѣльно вѣчеваго уклада». Спб. 1868. Т. II, стр. 230. «Купецъ Новгородскій», гов. Г. Костомаровъ, «былъ вмѣстѣ и воинъ, и мы видимъ купцовъ вмѣстѣ въ боярами на сраженіи». Срав. *Русско-Ливонскіе Акты* собр. *Напьерскимъ*. Изд. Арх. Ком. 1868. № 397.

[2]) Ward. Enquiry. Vol. I, p. 295.

[3]) *Костомаровъ*. Исторія Новгорода и т. д. Т. II, стр. 229.

ихъ [1]). Къ такимъ случаямъ, можно отнести, главнымъ образомъ, отказъ въ правосудіи и въ уплатѣ долга. Для большаго обезпеченія мира и опредѣленности международныхъ сношеній, часто постановлялись въ трактатахъ условія, при которыхъ можно считать дѣйствительно существующимъ отказъ въ правосудіи и слѣдовательно, имѣть право на выдачу патентовъ на репрессаліи и корсарство [2]). Во многихъ трактатахъ обусловленъ срокъ двухмѣсячный или трехмѣсячный, по истеченіи котораго, репрессаліи могутъ имѣть мѣсто [3]). Этотъ обычай, ограничивать примѣненіе репрессалій, посредствомъ точнаго опредѣленія срока, продолжался до XVII ст.; но надо замѣтить, что онъ не всегда соблюдался и часто репрессаліи имѣли мѣсто, до разъясненія дѣла, для чего собственно и назначался срокъ. Кромѣ того, въ законодательствахъ разныхъ странъ находимъ мы подробныя и точныя правила относительно репрессалій; какъ напримѣръ: статутъ англійскаго короля Генриха V и французскій морской ордонансъ Людовика XIV изд. въ 1681 г. Послѣдній весьма обстоятельно опредѣляетъ случаи, когда частнымъ лицамъ дозволяется просить патенты на репрессаліи [4]). Вообще, въ международной практикѣ водворяется такой порядокъ относительно репрессалій: частное лицо обязано было обратиться съ своими претензіями къ верховной власти, которая, дипломатическимъ путемъ, искала отъ другаго государства удовлетворе-

---

[1]) Pütter. Beiträge zur Völkerrechtsgeschichte u. Wissenschaft. Leipzig. 1843. S. 149.

Azuni. Droit maritime. II, p. 445.

Guidon de la mer, (Wheaton. Histoire du droit des gens, 2 ed. I, p. 83).

[2]) Alberici. Gentilis. De jure belli, libre III. Hanoviæ; 1598. lib. II (p. 216). «Si princeps non satisfaciat tum est bellandum, tum dandæ sunt repressaliæ».

Bynkershoek. Quaest. juris publ. lib. I, cap. XXIV.

[3]) Напр. въ договорѣ 1235 г., заключенномъ Англіею и Франціею сказано: Si infra duos menses postquam forisfactum eis constiterit, emendatum non fuerit ex tunc ille cui forisfactum fuerit, poterit currere super forisfactorem donec plenarie fuerit emendatum. Et non sine nos sine meffacere poterimus juvare hominem nostrum contra malefactorem qui forisfactum emendare voluerit». Dumont. Corps diplomatique, tome I, part. I, p. 389. См. кромѣ того, трактатъ 1654 г. Англіи съ Голландіей (ст. 31), Утрехтскій трактатъ 1713 г. (ст. 16), и др.

[4]) Valin. Commentaire sur l'ordonnance de la marine de l'année 1681. Sur le liv. III, tit. X.

нія; въ случаѣ отказа, были выдаваемы обиженному патенты противъ подданныхъ державы, отказавшей въ удовлетвореніи и все захваченное было представляемо въ судъ страны, выдавшей патенты. Остатокъ отъ выручки при продажѣ, возвращался обыкновенно собственнику проданнаго имущества.—Мы упомянули, что патенты на самоуправство, которые выдавались въ XIV и XV ст. соединяли въ себѣ два понятія, впослѣдствіе отдѣлившіяся. Свидѣтельства заключали: дозволеніе на вчиненіе репрессалій и на корсарство,—слѣдовательно, источникъ этихъ двухъ институтовъ международнаго права одинъ и тотъ же. Въ историческомъ очеркѣ каперства, мы увидимъ какимъ образомъ государства, во времена феодальныхъ порядковъ, не имѣя, ни постоянныхъ армій, ни флота, вынуждены были заставлять всѣхъ гражданъ идти на врага (courir sus aux ennemis). Но какъ только окрѣпъ государственный организмъ и выяснились отношенія между государственной властью и подданными, такъ и является ограниченіе частныхъ войнъ вообще, и репрессалій въ особенности. Странное только, съ перваго взгляда, различіе представляется въ развитіи этихъ двухъ сродныхъ мѣръ. Между тѣмъ какъ, все болѣе и болѣе, выясняются условія, ограничивающія репрессаліи, каперство развивается самобытно и процвѣтаетъ до позднѣйшаго времени. Здѣсь не мѣсто касаться подробно этого различія, но его объяснитъ послѣдующее изложеніе развитія каперства [1]). Вскорѣ патенты на репрессаліи, стали выдѣляться отъ корсарскихъ патентовъ и, между тѣмъ какъ первые употреблялись во время мира, послѣдніе превратились исключительно въ военное средство. Начиная съ XV. ст., въ трактатахъ явно выступаетъ стремленіе государствъ не только къ ограниченію, но даже къ полной отмѣнѣ репрессалій, и этотъ періодъ постояннаго колебанія, между уничтоженіемъ репрессалій и ихъ ограниченіемъ, продолжается по настоящее время. Еще въ 1778 г. французское правительство выдало патенты на репрессаліи двумъ бордосскимъ купцамъ противъ Англіи, которая конфисковала 11 французскихъ кораблей на томъ основаніи, что будто они подвозятъ аммуницію возставшимъ американцамъ [2]). Принципъ репрессалій былъ примѣ-

[1]) См. ниже.

[2]) Ortolan. Règles internationales et diplomatie de la mer, Paris. 1864. Tom. I, p. 358.

ценъ въ огромныхъ размѣрахъ, во время войнъ французской республики и первой имперіи [1]). Въ 1793 г. національный конвентъ выдалъ патентъ на спеціальныя репрессаліи одному гражданину Марсели, противъ Генуи [2]). Но болѣе рельефно выказывается истинный характеръ репрессалій, въ поведеніи Кромвеля противъ Франціи. Когда одинъ квакеръ жаловался протектору на французовъ за конфискацію своего корабля, Кромвель сообщилъ претензію французскому правительству и далъ трехдневный срокъ на удовлетвореніе обиженнаго. И такъ какъ удовлетворительнаго отвѣта не послѣдовало, то протекторъ отдалъ двумъ военнымъ кораблямъ приказаніе захватить первыя попавшіяся французскія суда, продавъ ихъ и удовлетворивъ квакера, излишекъ передать французскому посланнику въ Лондонѣ [3]). Замѣтимъ, что все это происходило, во время мира между Англіею и Франціею.

Чѣмъ ближе къ современной международной практикѣ, тѣмъ рѣже выдаются патенты на репрессаліи, такъ что въ настоящее время, государства только военной силой могутъ примѣнить репрессаліи, относительно частныхъ лицъ. Въ 1840 г. Англія захватила корабли подданныхъ королевства Обѣихъ Сицилій за нарушеніе торговаго трактата (sulphur monopoly) и затѣмъ, извѣстно поведеніе англійскаго правительства противъ Греціи, по поводу дѣла еврея Пачифико. Англійское правительство своими дѣйствіями противъ двухъ безсильныхъ государствъ вызвало справедливое негодованіе общественнаго мнѣнія и государственныхъ людей [4]).

Хотя репрессаліи почти всегда ограничивались захватомъ частной собственности, но есть еще и другіе виды ихъ. Къ

---

[1]) Cauchy. Le droit maritime international considéré dans sesorigines et dans ses rapports avec les progrès de la civilisation. Paris. 1862. Tome II, p. 322, 353.

[2]) Vidari. Del rispetto della proprietà. p. 73.

[3]) Phillimore's Intermat. Lond. III, p. 24.

[4]) Phillimore's. Internat Law. III, p. 26—33.

Dana. (Wheaton's Elements, p. 371) замѣчаетъ: «The course of the British Government in the case of Pacifico, in making reprisals against Greece, has been condemned, not only because the preliminary methods had not been exhausted, but because of the exortionate character of the demand made against a power incapable of resistance». Ср. объ этомъ дѣлѣ приложенія г. *Лохтинскаго* къ «морскому международному праву» Ортолана. СПБ. 1865 г. (стр. 220—5).

репрессаліямъ относятъ въ настоящее время, согласно историческому ихъ развитію:

во 1-хъ, захватъ, какъ государственныхъ имуществъ, такъ и частной собственности лицъ, состоящихъ въ подданствѣ государства, нарушившаго право;

во 2-хъ, препятствованіе всякаго рода сообщеніямъ съ такимъ государствомъ. (блокада);

въ 3-хъ, отказъ допустить на свою территорію гражданъ государства-нарушителя и наконецъ, даже изгнаніе тѣхъ, которые уже поселились, или лишеніе ихъ свободы;

въ 4-хъ, отказъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ и отмѣна признанныхъ привилегій [1]).

Посмотримъ теперь насколько репрессаліи какъ средства окончанія международныхъ столкновеній, могутъ быть оправдываемы, съ точки зрѣнія права и справедливости.

Есть истины, имѣющія своимъ незыблемымъ основаніемъ человѣческую совѣсть и врожденное человѣку чувство права, которыя сознаются въ теченіе вѣковъ и, нарушаются при первомъ удобномъ случаѣ. Едва-ли когда либо подлежало сомнѣнію, что совершеніе неправды однимъ лицомъ, не извиняетъ ея повтореніе другимъ, и взысканіе должно постигнуть виновнаго и никогда не можетъ быть направлено, сознательно, противъ невиннаго. Эти простыя истины повторялись во всѣ времена, но нарушались, въ особенности въ международныхъ отношеніяхъ, благодаря отсутствію принудительной власти. Репрессаліи, осязательнѣе другихъ, нарушаютъ эти начала и, поэтому понятно, что уже Полибій спрашиваетъ: если разореніе храмовъ есть грѣхъ, то можетъ-ли оно сдѣлаться позволительнымъ, вслѣдствіе того, что другіе совершаютъ тоже самое преступленіе. Какъ примѣръ достойный подражанія и признательности, знаменитый историкъ выставляетъ поведеніе Александра Македонскаго въ Азіи. Персіяне истребляли все мечемъ и огнемъ, Александръ Великій болѣе щадилъ побѣжденныхъ [2]). Хотя Полибій упоминаетъ только о репрессаліяхъ, имѣющихъ мѣсто во время войны, но государства, примѣняющія репрессаліи въ

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht §. 500.
Heffter. S. 203.

[2]) Laurent. Histoire du droit des gens et des relations internationales. Bruxelles. 1861. 2-e ed. Tome III, p. 414.

мирное время, еще менѣе, могутъ дать удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ Полибія. — Писатели, защищающіе репрессаліи, относительно частныхъ лицъ за нарушеніе права ихъ государствомъ, основываютъ свое мнѣніе на авторитетѣ римскаго юриста Ульпіана: si quid universitati singulis non debetur nec quod debet universitas, singuli debent [1]) и, согласно этому, считаютъ частныхъ лицъ отвѣтственными, не только за неисполненіе государствомъ обязательствъ, но даже, за совершенные правительствомъ проступки. Кромѣ Ваттеля, Мартенса и Ацуни, придерживаются юридической отвѣтственности частныхъ лицъ за долги своего государства еще Пуффендорфъ [2]) и Рене-валь [3]), а съ большею подробностью, развиваетъ эту мысль Гуго Гроцій. Гроцій сознаетъ, что частныя лица юридически не могутъ отвѣтствовать за вину государства [4]), но не смотря на это, онъ оправдываетъ репрессаліи въ отношеніи частныхъ лицъ, на основаніи положительнаго международнаго права (jus gentium voluntarium) и подразумѣваемаго согласія (consensum tacitum). Къ этимъ доказательствамъ, Гроцій еще прибавляетъ необходимость, которая заставляетъ государства держаться полной солидарности частныхъ лицъ и государствъ [5]). Но, такъ какъ самое основаніе всѣхъ этихъ разсужденій не выдерживаетъ критики, то и всѣ выводы должны быть ложны. Понятіе древняго міра о государственной жизни, когда государство поглощало собою индивидуальную личность, дѣйствительно оправдываетъ репрессаліи противъ частныхъ лицъ, въ возмездіе за правонарушеніе государства. Но государство, понятое какъ самостоятельный организмъ, представляющее, въ высшемъ значеніи слова, личность, которая имѣетъ свою волю и свои органы, не можетъ допустить подобное смѣшеніе своей юридической отвѣтственности съ отвѣтственностью частныхъ лицъ. Государство, какъ юридическое лицо, пользующееся свободою дѣйствій, немыслимо безъ юридической отвѣтственности,

[1]) Dig. lib. III, tit. IV, frag. 7, §. 1.

[2]) Pufendorf. De jure naturae et gentium, lib. III, Cap. VI, § 13.

[3]) Rayneval. Institutions du droit de la nature et des gens, liv. II Ch. XII, §. 4.

[4]) De jure belli ac pacis, lib. III, Cap. I, § 1: «Mero naturae jure ex facto alieno nemo tenetur, nisi qui bonorum successor est.

[5]) Hugo Grotius, lib. III, Cap. II, §. II, 1.

потому что только въ ней выражается дѣйствительная индивидуальность. Государство непосредственный субъектъ международныхъ отношеній, которыя подлежатъ его опредѣленію, согласно цѣли своего существованія, и поэтому, если репрессаліи отличаются характеромъ возмездія за нарушеніе права другимъ государствомъ, то само собою разумѣется, что возникшій между государствами споръ долженъ и кончиться между ними. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ, что съ нарушеніемъ правъ частныхъ лицъ, въ тоже время, нарушаются права ихъ государства, и слѣдовательно неосновательно также мнѣніе, что съ нарушеніемъ правъ государства нарушаются права всѣхъ частныхъ лицъ—подданныхъ. Ни одно государство не принимаетъ на себя отвѣтственности за поступки своихъ гражданъ за-границею, ибо, въ противномъ случаѣ, мы должны-бы придти къ заключенію, что въ лицѣ подданнаго, судимаго въ иностранномъ государствѣ, судится само государство, которому принадлежитъ подсудимый. Государство заступается за своего подданнаго въ томъ случаѣ, когда оно убѣждено въ справедливости защищаемаго имъ дѣла. Но ни въ какомъ случаѣ государство не въ правѣ вмѣнять невиннымъ чужую вину, посредствомъ репрессалій. Частное лицо, отдѣльно взятое, никогда не представляетъ свое государство, точно такъ, какъ государство не представляетъ всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, его составляющихъ. Частное лицо, точно также не служитъ представителемъ другихъ своихъ согражданъ и, поэтому, за нихъ отвѣчать не должно. Что касается государственныхъ долговъ, то въ случаѣ отказа въ уплатѣ должникомъ (чего, впрочемъ въ настоящее время при крайней необходимости государственнаго кредита, ожидать нельзя), кредиторъ не имѣетъ никакого права конфисковать частную собственность лицъ, состоящихъ въ подданствѣ несостоятельнаго государства. Подданные только своему государству обязаны оказывать всякаго рода помощь и, законодательнымъ путемъ, опредѣляется количество обыкновенныхъ или чрезвычайныхъ налоговъ, необходимыхъ для отправленія государственнаго организма. Но граждане одного государства, относительно другаго, не имѣютъ никакихъ подобныхъ обязанностей и формально не ручаются за уплату государственныхъ долговъ. Разумѣется, благо государства немыслимо безъ благосостоянія гражданъ и частныхъ лицъ, слѣдовательно, послѣднія не мо-

гутъ быть безучастны къ судьбѣ государства. Но, мы отрицаемъ право другаго государства считать частныхъ лицъ отвѣтственными за исполненіе обязательствъ ихъ государствомъ. Не частныя имущества служатъ въ видѣ залога государственныхъ долговъ, но государство имѣетъ свои собственныя имущества.

И такъ, на основаніи идеи современнаго государства, репрессаліи могутъ имѣть мѣсто только, относительно государственныхъ имуществъ. Государства ведутъ между собою споръ, они прибѣгаютъ къ насильственнымъ мѣрамъ, съ цѣлью возмездія за нарушеніе права и, только ими, или, ихъ представителями, должны ограничиваться репрессаліи. Ни положительное международное право, ни «безмолвное согласіе», и наконецъ, ни «необходимость», все оправдывающая, не представляютъ ни юридическаго, ни разумнаго основанія для нарушенія правъ частныхъ лицъ. Изгнаніе мирныхъ подданныхъ государства-нарушителя всегда будетъ вопіющей несправедливостью, которая не можетъ быть оправдываема обстоятельствами. Если-же юристы XVII и XVIII ст. поддерживали эту мѣру и, безъ нужды, жертвовали правомъ частныхъ лицъ своеволію и самоуправству, то нельзя этого оправдать, при современномъ состояніи государственной и международной жизни. Поэтому, намъ кажется неосновательнымъ мнѣніе Ортолана, который говоритъ: «отдавая справедливость философскимъ стремленіямъ «нашей эпохи, мы, однако, не можемъ раздѣлять послѣдняго «мнѣнія (требующаго ограниченія репрессалій только государ«ственной собственностью). Мы думаемъ, что въ обществѣ, гдѣ «всѣ лица имѣютъ одинаковыя права и призываются, прямо «или косвенно, къ участію въ выгодахъ и потеряхъ всего тѣла, «каждый членъ долженъ имѣть также часть отвѣтственности въ «долгахъ этого тѣла» [1]).

Не на основаніи философскихъ соображеній мы отрицаемъ право государствъ захватывать частную собственность, въ воздаяніе за нарушеніе права другимъ государствомъ. Нѣтъ, изъ понятія государства, выработаннаго современною наукою и изъ существа международной жизни цивилизованныхъ народовъ, мы выводимъ неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ имуще-

[1]) Ортолан. Règles internationales, I, p. 350. въ переводѣ г. Лохвицкаго, стр. 85.

ственныхъ правъ. Если будетъ доказано, что человѣкъ поглощается въ современномъ государствѣ, что нѣтъ никакого различія между частнымъ лицомъ въ сферѣ его частной жизни и гражданиномъ, исполняющимъ, на законномъ основаніи, свои обязанности,—тогда только мы согласны принять полную солидарность, между государственными имуществами и частной собственностью. Если докажутъ ложность фикціи о личности государства, которая такъ превосходно выясняетъ существо государственной жизни и принимается лучшими представителями науки о государствѣ; если наконецъ, можно будетъ опровергнуть самостоятельную жизнь, свободную волю и, нераздѣльную съ послѣдней, юридическую отвѣтственность государства, — тогда мы готовы отказаться отъ нашего мнѣнія о правѣ частныхъ лицъ, на неприкосновенность своей собственности и только «философскія стремленія» вызовутъ насъ на осужденіе репрессалій, съ чисто моральной точки зрѣнія. Пока наше мнѣніе о существѣ государства и государственной жизни не будетъ опровергнуто, предостереженіе Ортолана, что «надобно остерегаться, «чтобы полнымъ раздѣленіемъ интересовъ общества отъ отдѣль«ныхъ гражданъ не поколебать чувства патріотизма, не сдѣлать «изъ отечества одно пустое слово», лишены всякаго основанія. Интересы гражданъ, всегда и неразрывно, связаны съ интересами государства и государствамъ нельзя отказать въ правѣ распространять свою вражду на лица, являющіяся, во время войны, представителями вооруженной силы правонарушившаго государства. Но частныя лица, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя придавать государственный характеръ и интересы которыхъ, тѣсно связаны съ обществомъ, должны считаться неприкосновенными со стороны иностранныхъ государствъ. Только внутреннее законодательство страны опредѣляетъ тѣ лишенія, которымъ должны подвергнуться граждане и никогда, по нашему мнѣнію, патріотизмъ не представлялъ болѣе доблестныхъ примѣровъ, какъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ обоюдное уваженіе права соединяло членовъ «государственнаго тѣла». Впрочемъ, патріотическія чувства Ортолана, здѣсь не совсѣмъ кстати, ибо рѣчь идетъ объ обязанности чужихъ государствъ уважать права частныхъ лицъ и соблюдать свое право, относительно своихъ гражданъ. Замѣтимъ наконецъ, что едва-ли кто либо изъ государственныхъ кредиторовъ, при заключеніи займа имѣлъ

въ виду гражданъ отдѣльно взятыхъ, а не само государство, какъ одно цѣлое, которому онъ дѣлаетъ ссуду.—Доказавъ отсутствіе юридическаго основанія репрессалій, слѣдуетъ еще упомянуть о крайней ихъ нецѣлесообразности. Всѣ репрессаліи, на опытѣ, не только не способствуютъ возстановленію права, но, въ большей части случаевъ, вызываютъ еще большее ожесточеніе между государствами и усложняютъ возникшее столкновеніе. Съ моральной точки зрѣнія, ни въ какомъ случаѣ нельзя одобрить примѣненіе репрессалій, которыхъ сущность заключается въ сознательномъ совершеніи неправды относительно лицъ, невинныхъ и ничего не подозрѣвающихъ, но уповающихъ на господствующій миръ [1]). Мало того, репрессаліи, по своему крайне-ненавистному и опасному характеру, могутъ быть примѣняемы только противъ государствъ безсильныхъ могущественными государствами [2]). И, если репрессаліи дѣйствительно предпринимаются для возстановленія нарушеннаго права, то очевидна несообразность возстановить право, посредствомъ совершенія неправды. Несправедливость репрессалій сознавали всѣ защитники ихъ, отъ Гуго Гроція до Ортолана, и поэтому, требуютъ, чтобы государственная власть вознаграждала-бы пострадавшихъ, за вину другихъ [3]). Это требованіе, кажется, доказываетъ убѣжденіе въ несправедливости репрессалій, ибо странно было-бы требовать вознагражденія для тѣхъ, которые своимъ поведеніемъ возбудили примѣненія репрессалій, со стороны иностраннаго государства.

Однимъ словомъ, репрессаліи даже въ томъ видѣ, какъ онѣ приняты въ настоящее время писателями, не выдерживаютъ критики, ни съ юридической, ни съ моральной или философской точки зрѣнія. Соглашаясь съ Гроновіемъ, что несправедливо

---

[1]) R. v. Mohl. Encyklopaedie S. 451.

[2]) Ср. депешу гр. Нессельроде отъ 7/19 Февраля 1850 г. къ барону Бруннову, по поводу дѣла Пачифико. Г. Лохвицкаго переводъ *Ортолана*, стр. 225.

Vattel. Droit des gens. liv. II, Chap. XVIII; note de Pinheiro—Ferreira, sur le §. 345.

[3]) De jure belli ac pacis, lib. III cap. II, §. VII, «ipso naturali ac divino jure teneri ad resarcienda damna aliis, quibus eam ab causam aliquid decedit. *G. F. de Martens* Prècis, liv VIII, Chap. II, §. 258. *Ortolan*. Regles internationales, tome I, p. 350.

удобнѣе захватывать и конфисковать частную собственность подданныхъ государства провинившагося, потому что частныя имущества, почти всегда, можно встрѣтить на территоріи другаго государства, благодаря торговымъ сношеніямъ [1]), мы, напротивъ заключаемъ, что именно установившіяся мирныя и торговыя отношенія настоятельно требуютъ неприкосновенности частной собственности. Подобно тому, какъ въ наше время несомнѣнно, что миръ нормальное положеніе международныхъ отношеній, и, что къ международной жизни нашего вѣка непримѣнимо средневѣковое кулачное право, такъ точно неоспоримо, что репрессаліи въ духѣ Кромвельской расправы, противны правосознанію цивилизованныхъ народовъ. Единственно, въ томъ крайнемъ случаѣ, когда репрессаліи являются въ видѣ реторсіи за предшествующее задержаніе частныхъ лицъ и ихъ собственности, ихъ еще допускаютъ нѣкоторые современные публицисты [2]). По нашему мнѣнію и это уклоненіе отъ пути справедливости и права, не можетъ быть оправдываемо.

III. Эмбарго.

Иногда употребляется, какъ средство для устраненія международныхъ столкновеній *эмбарго*, которое состоитъ въ арестѣ, налагаемомъ на находящіеся въ гаваняхъ корабли и имущества, принадлежащіе подданнымъ государства, возбудившаго враждебное отношеніе территоріальной власти [3]). Въ этомъ смыслѣ, эмбарго, часто принимаетъ характеръ репрессалій, ибо вызванное недо-

[1]) De jure belli ac pacis, lib. III, cap. II, §. II, 2. Замѣчаніе Гроновія: «Haec (bona imperatium) enim rarius in alienum territorium et sub alienam jurisdictionem veniunt, quam privatorum, qui negociantur et mercatorem per varias terras exercent».

[2]) Bluntschli. Völkerrecht, §. 500, 3. *Oppenheim*. System des Völkerrechts. Stgrt u. Lpz. 1867., S. 228.

[3]) Galiani. De' doveri de' principi neutrali verso i principi guerreggianti, e di questi verso i neutrali. Napoli, 1782, p. 481.

Phillimore, Vol. III, p. 36, — такъ опредѣляетъ эмбарго: embargo is an act of the state, done in contemplation of property belonging to the government or the individual members of the state which is the alleged wrong —doer».

Замѣтимъ, что слово *эмбарго* происходитъ отъ испанскаго слова: embargar—задерживать.

разумѣніями между государствами, оно тотчасъ-же, по возстановленіи добрыхъ отношеній, снимается: корабли и частныя лица съ ихъ имуществомъ, свободно могутъ оставлять гавани. Необходимо упомянуть, что эмбарго, въ широкомъ смыслѣ, есть секвестръ, налагаемый вообще на какія-бы то ни было суда или имущества, находящіяся подъ территоріальной властью даннаго государства. Такое насильственное удержаніе всѣхъ иностранныхъ кораблей, съ ихъ экипажами, международное право разрѣшаетъ правительствамъ, въ случаѣ какихъ нибудь важныхъ политическихъ обстоятельствъ, съ цѣлью препятствовать распространенію ложныхъ и опасныхъ извѣстій. Къ такимъ чрезвычайнымъ обстоятельствамъ можно отнести: возстаніе въ странѣ, гдѣ находятся иностранные корабли; неестественную смерть монарха, или-же, таинственное приготовленіе къ какой нибудь экспедиціи и т. п. Этотъ видъ эмбарго не входитъ въ кругъ нашего разсмотрѣнія.

Наложеніе эмбарго, какъ предварительное обезпеченіе на случай отказа въ удовлетвореніи извѣстныхъ притязаній, всегда зависитъ отъ верховной власти. Относительно этого вида эмбарго знаменитый англійскій призовой судья, лордъ Стоуэль (Stowell или W. Scott) дѣлалъ слѣдующее различіе. Если возникшія между двумя государствами недоразумѣнія приходятъ къ миролюбивой развязкѣ, тогда наложенный секвестръ называется гражданское эмбарго (civil embargo). Въ этомъ случаѣ никакія дальнѣйшія послѣдствія не могутъ имѣть мѣсто, а корабли и собственность освобождаются. Но если столкновеніе между государствами приводитъ къ открытой войнѣ, если такимъ образомъ обнаруживается враждебное настроеніе (hostilis animus) противника, тогда эмбарго, бывшее до тѣхъ поръ гражданскимъ, превращается въ непріязненную мѣру и имѣетъ исходомъ окончательную конфискацію кораблей и имущества [1]). Этой теоріи придерживаются: Англія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, и другія державы готовы слѣдовать ей, при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Изъ этого видно, что хотя эмбарго не есть непосредственное лишеніе частныхъ лицъ ихъ собственности, все-таки оно под-

[1]) Phillimore. Vol III, p. 36—37.
Wheaton's. Elements of Inter. Law. §. 293. (p. 372).

вергаетъ ихъ крайней опасности лишиться всего, во время мира, когда они ничего не подозрѣвая входятъ въ гавань дружескаго государства. Международное право не требуетъ предостереженія иностранныхъ судохозяевъ о намѣреніи правительства наложить эмбарго, потому что въ такомъ случаѣ, эта мѣра не имѣла бы ни какой цѣли [1]). Часто эмбарго налагалось, не какъ репрессалія, но при началѣ войны на корабли и имущества мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства, когда уже явно обнаружился его «hostilis animus». Въ случаѣ наложенія эмбарго въ мирное время, какъ репрессаліи, частныя лица рѣдко могутъ избѣгнуть этой мѣры и освободиться отъ огромныхъ убытковъ, которые наноситъ секвестръ торговлѣ. Но эмбарго, наложеннаго по открытіи военныхъ дѣйствій, лица скорѣе могутъ избѣгнуть; въ особенности теперь, когда дипломатическія сношенія и переговоры, все болѣе и болѣе, разоблачаются, биржа весьма рано обнаруживаетъ знаніе тѣхъ колебаній, которыя происходятъ въ мірѣ политическомъ.—Еще замѣтимъ, что современные публицисты, изъ понятія объ эмбарго выдѣляютъ понятіе *ангаріи*, (angarie), подъ которымъ разумѣютъ принужденіе, со стороны территоріальной власти всѣхъ, безъ различія, стоящихъ въ гаваняхъ кораблей, иностранныхъ и національныхъ, къ перевозкѣ за извѣстную плату, войска, военной аммуниціи, съѣстныхъ припасовъ и т. п. [2]).—Въ историческомъ своемъ развитіи, эмбарго представляетъ назидательный примѣръ ограниченія произвола воюющихъ и пресловутаго права необходимости. Въ развитіи понятія эмбарго проявляется послѣдовательное выдѣленіе вышеприведенныхъ значеній слова. Въ Consolato del Mare, извѣстномъ сборникѣ морскихъ обычаевъ, упоминается прежде всего о запрещеніи или арестѣ, налагаемомъ верховною властью, въ случаяхъ важныхъ политическихъ замѣшательствъ [3]). Но въ теченіе вѣковъ, этотъ первоначальный видъ эмбарго превратился въ ангарію т. е. вызванное необходимостью нарушеніе правъ нейтраль-

---

[1]) Kaltenborn. Grundsätze des praktischen europäischen Seerchts etc. Berlin. 1851, B. II, S. 441.

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des nations neutres en temps de guerre maritime 2 éd. Paris, 1858. T. III, p. 415, et suiv.

[3]) Этотъ арестъ называется публицистами *arrêt de prince* (см. *Azuni*, Droit maritime I, p. 298) или *impedimento di signoria* (см. *Galiani*, De' doveri p. 481).

ныхъ, воюющими державами. Противъ этого нарушенія права весьма скоро явились международные трактаты, безусловно запрещающіе принужденіе нейтральныхъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ [1]). Но этимъ не могли ограничиться развивающіяся постоянно международныя отношенія. Необходимость болѣе безопасныхъ сообщеній и прогрессивное развитіе сознанія связывающихъ народы интересовъ, вызвали потребность обезпечить частную собственность мирныхъ подданныхъ, находящихся подъ чужой территоріальной властью, отъ внезапнаго захвата, какъ въ случаяхъ примѣненія репрессалій, такъ и при началѣ открытой войны. Эмбарго, въ видѣ репрессалій, главнымъ образомъ было ограничено на случай «denegata justitia» или отказа въ правосудіи, и примѣненію этой мѣры непремѣнно должны были предшествовать дипломатическія сношенія, для лучшаго выясненія спора и окончанія его мирнымъ путемъ [2]). Что же касается эмбарго, при возникновеніи открытой войны, то здѣсь только можно замѣтить, что такъ какъ прежнее право войны не признавало, въ сущности, никакихъ правъ на сторонѣ непріятеля и совершенно смѣшивало мирныхъ подданныхъ съ вооруженною силою, то всякое имущество, находившееся на непріятельской территоріи или въ его территоріальныхъ водахъ, считалось законной добычею и призомъ. Собственники этихъ имуществъ были военноплѣнные. Замѣчательно постановленіе Magna Charta, которая, согласно праву взаимности, признаетъ, при началѣ войны, за подданными непріятельскаго государства право безпрепятственнаго выѣзда изъ британскихъ гаваней и территоріи,—если англійскимъ гражданамъ предоставлена будетъ та же привилегія [3]). Съ дальнѣйшимъ прогрессомъ международной жизни и постепенно развивающагося правосознанія умножается число

---

[1]) См. трактатъ, заключенный въ 1645 г. Франціею съ Даніею (ст. 10) затѣмъ между тѣми же державами въ 1663 г. (ст. 31) и др. *Hauterive et Cussy* Recueil des tratés de commerce t. I, part. I, p. 261, 284).

[2]) См. выше о репрессаліяхъ. Срав. *Bynkershoek*, Quaestiones juris publici, lib. I, Cap. XXIV.

[3]) Art. XLI. «Omnes mercatores etc. Et sint de terra contra nos gwerrina et si tales inveniantur in terra nostra in principio gwerre, attachiantur sine dampno corporum et rerum. donec sciatur à nobis, vel Capitali Tustiario nostro, quomodo mercatores terre nostre tractentur qui tunc inveniantur in terra contra nos gwerrina, ets inostri salvi sint, alii salvi sint in terra nostra». (*Phillimore*, III, p. 41).

трактатовъ, ограничивающихъ наложенія эмбарго и, въ которыхъ стороны выговариваютъ извѣстный срокъ (6-ти мѣсячный, годовой и даже 2-хъ лѣтній) подданнымъ для свободнаго выѣзда, со всѣмъ имуществомъ изъ государства, воюющаго съ ихъ отечествомъ [1]). Однако, не смотря на подобныя торжественныя и клятвенныя обѣщанія,—духъ насилія, основывающійся на римскомъ правилѣ «salus populi suprema lex», рѣдко соблюдалъ эти сроки и, еще до войны, государства конфисковали все принадлежащее подданнымъ другаго враждующаго государства [2]). Между тѣмъ, число трактатовъ ограничивающихъ эмбарго постановленіемъ срока для свободнаго выѣзда увеличивается, въ особенности, съ заключенія Утрехтскаго мира въ 1713 г. и, съ этого же времени, начинается преобладающее вліяніе Англіи въ вопросахъ морской войны и правъ нейтральныхъ. Чувствуя свое вліяніе на моряхъ, Британія не обращала никакого вниманія на чужія права и ничего не было для нея обязательнаго и неприкосновеннаго, въ виду развитія своей торговли и флота. Поэтому и эмбарго, которое по словамъ Гефтера, есть британскій вымыселъ, примѣнялось, всего чаще и въ самыхъ ненавистныхъ формахъ Великобританіею [3]). Отъ Англіи, эмбарго, въ формѣ репрессалій и какъ конфискація при возникновеніи войны, перешло къ другимъ націямъ. Основывая сущность правилъ, опредѣляющихъ отношенія Британіи къ другимъ государствамъ, на основаніи произвольнаго права необходимости, въ силу котораго все оправдывается какъ законное и справедливое [4]), Англія, всегда являлась защитницею произвола и насилія въ морскомъ международномъ правѣ и эмбарго, развиваемое такъ искусно авторитетомъ британской призовой практики В. Скоттомъ, какъ нельзя лучше соотвѣтствовало цѣлямъ британской политики. Стóитъ только вспомнить эмбарго, наложенное Англіею въ 1801 году на всѣ русскія, шведскія и датскія суда, которое было

[1]) Срав. напр. трактатъ 1663 г. (ст. 41) Франціи съ Даніею (*Dumont*, tome VI, part II, p. 436); между тѣми же госуд. 1742 г. (ст. 43) (*de Clercq* Recueil des traités de la France, I, p. 46); въ Рисвикскомъ трактатѣ 1697 г. (ст. 26) закл. между Франціею и Испаніею, (*Dumont* VII, part. II, p. 408).

[2]) Steck. Versuch uber Handels-u. Schiffahrtsverträge. Halle 1782, S. 169.

[3]) Heffter. S. 205.

[4]) Phillimore. Vol. III, 61. «*Necessity creates the law*,—it supersedes rules; and whatever is reasonable and just in such cases is likewise legal».

Hautefeuille. Des droits et devoir des neutbres, t II, p. 22 etc.

только снято, по ратификаціи знаменитой морской конвенціи 17 іюля 1801 г., заключенной между Англіею и Россіею и принятой затѣмъ Швеціею и Даніею. Поведеніе Англіи въ 1807 г. также извѣстно. Изъ другихъ державъ пользовались эмбарго, преимущественно, Франція, которая напримѣръ: въ 1832 г. наложила секвестръ на голландскіе корабли, съ цѣлью, принудить Голландію къ признанію независимости отдѣлившихся бельгійскихъ провинцій. Затѣмъ, эмбарго было наложено Франціей на мексиканскіе корабли. Но чѣмъ болѣе, мы приближаемся къ настоящему времени, тѣмъ меньше практика и наука колеблются въ полномъ осужденіи этой мѣры, такъ противной всѣмъ понятіямъ правды и справедливости. Такъ западныя державы: Англія и Франція, и Россія предоставили въ 1854 г. шестинедѣльный срокъ, для свободнаго отплытія непріятельскихъ кораблей. — Теперь задача науки дать положительное основаніе окончательному рѣшенію вопроса о правѣ государствъ налагать секвестръ на частныя суда и затѣмъ, ихъ конфисковать. — Эмбарго, какъ мы это сказали выше, весьма часто представляется формою репрессалій; изъ этого слѣдуетъ, что защитники репрессалій противъ невинныхъ частныхъ лицъ должны быть вмѣстѣ съ тѣмъ и приверженцами эмбарго, въ какомъ бы видѣ и при какихъ обстоятельствахъ оно не примѣнялось бы. На этомъ основаніи, излишне будетъ упоминать о мнѣніяхъ Гуго Гроція, Пуффендорфа, Ваттеля и другихъ писателей, которые ничего не имѣютъ сказать противъ эмбарго, въ опредѣленномъ нами смыслѣ. Они или совсѣмъ не касаются эмбарго, какъ особенной формы репрессалій, или же просто повѣствуютъ о существующей практикѣ въ международныхъ отношеніяхъ. При обсужденіи эмбарго нельзя упустить изъ виду, что помимо вымѣщенія на невинныхъ проступковъ или ошибокъ другихъ, здѣсь кромѣ того, само государство, налагающее эмбарго нарушаетъ данное слово и является вѣроломнымъ, ибо корабли вошли въ его гавани, подъ защитой международнаго права, обѣщанной въ трактатахъ и поэтому, имѣли полное право на законное покровительство мѣстнаго правительства. На этомъ основаніи Мартенсъ и Отфель, хотя послѣдняго нельзя причислить къ противникамъ захвата частной собственности, сознаются, что справедливость и честь страны требуютъ уничтоженія эмбарго или предоставленія извѣстнаго срока, для сво-

бодпаго отплытія. Относительно Мартенса слѣдуетъ сказать, что онъ, по своему направленію, служитъ главнымъ образомъ повѣствователемъ о существующихъ международныхъ обычаяхъ и постановленіяхъ трактатовъ, поэтому, онъ только указываетъ на то обстоятельство, что имущества, на которыя налагается эмбарго, привезены въ государство въ убѣжденіи пользоваться покровительствомъ международнаго права [1]). Кромѣ того, прибавляетъ онъ, частныя лица не могутъ знать, что происходитъ въ мірѣ дипломатическомъ и поэтому, жестоко и невыгодно для обѣихъ сторонъ, подвергнуть секвестру имущество частныхъ лицъ. Изъ этого видно, что Мартенсъ не отрицаетъ, прямо и безусловно, справедливость эмбарго, но только выражаетъ возникшее въ немъ сомнѣніе и указываетъ на вредъ этого средства. Но въ этомъ шаткомъ положеніи не могъ оставаться вопросъ объ эмбарго, рѣшенный уже прежде, во многихъ трактатахъ, отрицательно. Если Филлиморъ и Ортоланъ находятъ возможнымъ считать обязательными, для современной международной жизни, обычаи и правила, выработанные въ XVI и XVII ст., то ложность ихъ теоріи, въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію и не разъ доказана, въ теченіе международной жизни [2]). Дѣйствительно, нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу эмбарго, которыя не имѣли бы общимъ источникомъ: смѣшеніе правъ частныхъ лицъ, съ юридической отвѣтственностью государства и затѣмъ, безусловное одобреніе всего, совершаемаго противъ подданныхъ другаго государства. Между тѣмъ, въ настоящемъ вопросѣ, къ главному принципу неприкосновенности частной собственности, въ теченіе споровъ между государствами, присоединилась еще необходимость охранять собственную честь и достоинство государства, намѣревающагося наложить эмбарго. Какъ ни смотрѣть на эмбарго, все-таки государство, которое обязывалось защищать чужихъ подданныхъ, принимаетъ ихъ въ свои гавани, подъ свое покровительство, разрѣшаетъ часто производить имъ выгрузку и совершать торговыя операціи,—нару-

---

[1]) G. F. DE MARTENS. Précis du droit des gens, liv. VIII, chap. III, §. 268;—«sous la foi de la sauvegarde du droit des gens».

О взглядѣ этого почтеннаго ученаго на каперство и захватъ чужой собственности на морѣ,—см. ниже.

[2]) PHILLIMORE. Vol. III, p. 36—41.

ORTOLAN. Régles internationales. I, p. 346 etc.

шаетъ наложеніемъ эмбарго, самымъ вопіющимъ образомъ, принятыя имъ на себя обязательства. Лицъ, предающихся въ полной увѣренности на защиту мѣстныхъ законовъ, своимъ мирнымъ занятіямъ, вдругъ лишаютъ свободы, подвергаютъ громаднымъ разорительнымъ убыткамъ и, если недоразумѣнія между государствами не приходятъ къ удовлетворительному концу, тогда лишаютъ даже всего имущества. Развѣ есть хоть одинъ разумный доводъ, который можетъ оправдать подобное вѣроломство? Дана говоритъ, что, побудительной причиной наложенія эмбарго служитъ стремленіе принудить другое государство къ исполненію своихъ обязанностей и, если вслѣдъ затѣмъ, возникаетъ война, то это только доказываетъ неудачный исходъ процесса и захваченные корабли считаются законнымъ призомъ [1]). Если только возникновеніе непріязненныхъ отношеній между государствами уничтожаютъ силу заключенныхъ трактатовъ, тогда можно согласиться съ подобными разсужденіями. Но между тѣмъ извѣстно, что даже начало открытой войны не отмѣняетъ установившійся правовой порядокъ и не уничтожаетъ безразлично международныя обязательства, принятыя въ мирное время; какимъ же образомъ государство можетъ себѣ присвоить право захватывать корабли, принадлежащіе націи, съ которой она пока считается въ мирѣ? Мало того, во множествѣ трактатовъ опредѣленъ срокъ для свободнаго оставленія гаваней враждующаго государства; на какомъ же основаніи государства нарушаютъ обязательства, принятыя ими, *именно*, на случай возникновенія войны? Если, дѣйствительно, возникшій между государствами споръ походитъ на процессъ, то непонятно, какъ можно говорить о процессѣ, состоящемъ въ нарушеніи права и въ явномъ вѣроломствѣ [2]). Процессъ немыслимъ, безъ соблюденія извѣстныхъ юридическихъ правилъ и существуетъ только между сторонами т. е. между государствами, въ данномъ случаѣ. И такъ, наложеніе эмбарго, не только нарушаетъ неотъемлемыя права частныхъ лицъ, но кромѣ того, почти всегда сопровождается нарушеніемъ международныхъ договоровъ. Современная международная жизнь и правосознаніе цивилизованныхъ народовъ несогласуемы съ существованіемъ такой репрессивной мѣры

[1]) Wheaton's. Elements of International Law. Note by Dana, p. 372.
[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, III p. 429.

какъ эмбарго. Пока господство грубой силы было верховнымъ началомъ международныхъ отношеній и, нанесеніе всевозможнаго вреда сосѣднимъ государствамъ считалось величайшей задачею государственной политики, вѣроломство и удобство пользованія добромъ беззащитныхъ частныхъ лицъ, посредствомъ наложенія эмбарго, могли быть понятными явленіями международной жизни. Но, въ наше время, когда свободныя и безпрепятственныя сообщенія между народами сдѣлались необходимыми условіями человѣческаго развитія, когда государства не только обязаны не препятствовать сношеніямъ между народами, но напротивъ, на основаніи своей государственной цѣли, всѣми способами должны ихъ поощрять, такое вопіющее нарушеніе этой обязанности и чужаго права, не можетъ быть оправдано ничѣмъ. Несомнѣнно, что развитіе торговыхъ отношеній между народами сильно способствовало взаимному ихъ уваженію и ограниченію произвола; поэтому, преграды, воздвигаемыя для торговли, осязательно и невыгодно должны были отзываться на международной жизни. Между тѣмъ, подкапываніе увѣренности въ безопасность торговыхъ сношеній не можетъ не оказывать самого пагубнаго вліянія на естественный ходъ развитія народнаго благосостоянія. Наконецъ, эмбарго наноситъ всегда огромный вредъ и убытки какъ той, такъ и другой сторонѣ, потому что наложеніе эмбарго одной державы всегда вызываетъ ту же мѣру со стороны другой, согласно началу реторсіи. Болѣе здравое пониманіе своего собственнаго интереса, постепенно, заставило государства весьма рѣдко употреблять эмбарго [1]), такъ что только публицисты являются въ настоящее время безусловными защитниками наложенія эмбарго.

IV. Мирная блокада.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію права войны, остается еще упомянуть объ одномъ способѣ рѣшенія международныхъ столкновеній, не прибѣгая еще, къ крайнему средству. Война есть послѣднее и крайне-опасное средство, — притомъ, она причиняетъ неизчислимыя страданія и лишенія странѣ, часто подвергаетъ государственный организмъ разоренію, приво-

[1]) Vidari. Del rispetto della proprietà privata, p. 78.

дитъ на край гибели и наконецъ, до настоящаго времени, прекращаетъ всѣ непосредственныя торговыя сношенія между подданными воюющихъ государствъ. Для избѣжанія всѣхъ этихъ потерь и расходовъ, великія европейскія державы начали, относительно государствъ, возбудившихъ ихъ неудовольствіе, приводить въ дѣйствіе средство, сдѣлавшееся извѣстнымъ подъ названіемъ мирной блокады (blocus pacifique, blocchi pacifici) Блокада, собственно говоря, есть средство чисто военное, предпринимаемое воюющими державами для прекращенія всякаго рода сношеній съ блокируемымъ портомъ; поэтому, она будетъ разсмотрѣна во второй части нашего изслѣдованія. Но бываетъ, что во время мира государство предпринимаетъ противъ другаго блокаду, въ видѣ принудительной мѣры и при этомъ, требуетъ отъ другихъ державъ соблюденія всѣхъ правилъ, признанныхъ международнымъ правомъ при блокадѣ во время войны. Эта мирная блокада въ первый разъ была примѣнена въ 1827 г., со стороны Англіи, Франціи и Россіи противъ Турціи, для прекращенія ужаснаго кровопролитія въ возставшей Греціи. Союзники считали согласнымъ съ международнымъ правомъ блокировать гавани государства, не считая себя въ войнѣ съ нимъ. Такимъ образомъ Англія, Франція и Россія блокировали греческіе берега и гавани, чтобы воспрепятствовать подвозу военной аммуниціи и провіанта для турецкой арміи и удержать турецкій флотъ въ гавани Наварина. Отъ другихъ державъ, которыхъ нельзя было назвать нейтральными, ибо войны небыло, союзники требовали соблюденія правилъ, признаваемыхъ обязательными для нейтральныхъ, въ случаѣ существованія дѣйствительной военной блокады. Прерывая этимъ способомъ, всѣ сношенія Турціи съ своей непокорной провинціею и захватывая все, что дѣлало попытку нарушить блокаду, три великія державы, однако, непереставали увѣрять турецкое правительство, что между ними миръ и устроенная блокада не есть признакъ войны [1]). Между тѣмъ извѣстно, что эта мирная блокада кончилась

[1]) На нескончаемыя подобныя увѣренія представителей 3-хъ державъ, рейсъ-эффенди разъ отвѣтилъ: «То, что вы объявляете, нисколько ненарушающимъ наши дружественныя отношенія, прямо противорѣчитъ имъ. Средства, о которыхъ вы говорите, представляютъ такую-же рѣзкую противоположность, какъ огонь и хлопчатая бумага, или огонь и вода, и не могутъ быть болѣе противоположны».

катастрофою Наваринской битвы. Интересно, что даже послѣ этого сраженія, посланники увѣряли Порту въ неизмѣнной дружбѣ. На эту несообразность рейсъ-эффенди, совершенно справедливо замѣтилъ, что это все равно, еслибъ я сталъ увѣрять въ дружбѣ человѣка, которому велѣлъ отрубить голову [1]). Эти слова весьма типично выражаютъ существо мирной блокады. Второй примѣръ примѣненія мирной блокады является блокированіе Франціей въ теченіе двухъ лѣтъ мексиканскихъ гаваней, которое кончилось взятіемъ крѣпости. Наконецъ въ 1838 г. Англія и Франція вмѣстѣ предприняли подобную блокаду противъ Аргентинской республики и которая продолжалась не менѣе десяти лѣтъ.

Въ литературѣ международнаго права, вопросъ о мирной блокадѣ и ея послѣдствіяхъ, до сихъ поръ еще спорный. Хотя нѣкоторые публицисты и являются приверженцами мирной блокады, какъ Кошп [2]) и Гефтеръ [3]); но число противниковъ ея гораздо значительнѣе и сюда можно отнести Отфеля [4]), Пистуа и Дюверди [5]), Геснера [6]), Видари [7]) и наконецъ испанца Де-Негрина [8]). Блунчли не отрицаетъ категорически законность мирной блокады, но только полагаетъ, что другія державы въ правѣ не признавать правъ воюющихъ или блокирующихъ державъ на призы и на воспрещеніе входа или выхода изъ блокируемаго мѣста [9]). Слѣдовательно, Блунчли парализируетъ самое дѣйствіе блокады. Что касается британскихъ и американскихъ публицистовъ, то они совершенно оставляютъ безъ вниманія этотъ вопросъ, можетъ быть потому, что авторитетамъ ученія о блокадѣ: Марріотту и В. Скотту, былъ неизвѣстенъ этотъ новый родъ блокады, примѣненный два раза самой Англіею. Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію доводовъ, приводимыхъ за

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, II, p. 275.

[2]) Cauchy. Droit maritime international, II, p. 426.

[3]) Heffter. Europäisches Völkerrecht. S. 206.

[4]) Hautefeuille. Des droits et devoirs II, 272—88. Histoire, p. 374—8.

[5]) Pistoye et Duverdy. Traité des prises maritimes, Paris, 1855, II, p. 376—8.

[6]) Gessner. Le droit des peutres sur mer. p. 215—23.

[7]) Vidari. Del rispetto, p. 282—4.

[8]) De Nebrin. Etudios sobre el Derecho internacional maritimo.—Madrid 1862. p. 138.

[9]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht § 507.

блокаду, во время мира, мы должны строго различать доказательства въ пользу мирной блокады, какъ репрессивной мѣры, отъ доводовъ, имѣющихъ въ виду блокаду, какъ правильное средство войны. Это часто смѣшиваютъ противники мирной блокады и поэтому, во вредъ истины, неточно передаютъ аргументацію сторонниковъ.

Кошп защищаетъ мирную блокаду съ трехъ сторонъ: 1) онъ признаетъ за воюющимъ право употреблять противъ своего противника всѣ тѣ средства, которыя ему кажутся удобными; точно также никто не можетъ ему запретить отказаться отъ другихъ законныхъ средствъ войны. 2) Кошп объявляетъ мирную блокаду вполнѣ законной, съ точки зрѣнія гуманности, ибо при ней меньше кровопролитія и наконецъ въ 3), блокада можетъ быть употреблена, какъ репрессалія. Гефтеръ, сколько намъ кажется, оправдываетъ мирную блокаду, только на основаніи двухъ послѣднихъ доводовъ. Онъ говоритъ, что мирная блокада есть родъ репрессалій безъ правильной войны. Несостоятельность этихъ доказательствъ, приводимыхъ въ пользу мирной блокады, принуждаетъ насъ присоединиться къ мнѣнію Отфеля и Геснера.

Въ самомъ дѣлѣ, существо блокады, какъ она понимается современной наукой, опровергаетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ законность мирной блокады, какъ средства для улаженія международныхъ столкновеній. Дѣйствительная блокада прекращаетъ всѣ сообщенія съ блокируемымъ портомъ и, вслѣдствіе этого, подъ страхомъ конфискованія корабля и иногда груза, воспрещается всѣмъ нейтральнымъ кораблямъ входить въ блокируемое мѣсто. Блокада приноситъ, такимъ образомъ, осязательный вредъ нейтральнымъ народамъ, ибо требуетъ отъ нихъ, на основаніи международнаго права, ограниченія своихъ торговыхъ сношеній. Но для того, чтобы государства дѣйствительно стали бы нейтральными, обязанными уважать существующую блокаду, необходимо существованіе войны между блокирующей державою и блокированнымъ государствомъ. Только война вызываетъ положеніе нейтральныхъ, ихъ права и обязанности. Поэтому, блокада немыслима внѣ войны и не можетъ основываться на международномъ правѣ. Мирная блокада, въ самомъ своемъ понятіи, есть contradictio in adjecto, такъ какъ противно здравому смыслу, чтобы государство, въ одно и тоже время,

было въ мирѣ и въ войнѣ съ однимъ и тѣмъ же государствомъ. На этомъ основаніи, другія державы нисколько не обязаны считать дѣйствительной, объявленную и даже поддерживаемую достаточными силами, такъ называемую, мирную блокаду; но имѣютъ полное право на безпрепятственный выходъ и входъ въ блокируемый, въ мирное время, портъ [1]). Совершенно иначе смотрѣли на обязательную силу мирной блокады великія державы: Англія и Франція [2]). Обѣ считали себя въ правѣ воспрещать другимъ державамъ имѣть сношенія съ блокируемыми мѣстами, но, относительно самыхъ послѣдствій нарушенія мирной блокады, онѣ во взглядахъ расходились. Въ случаѣ нарушенія мирной блокады, Англія конфисковала, какъ корабли подданныхъ противника, такъ и корабли нейтральныхъ; Франція — только нейтральные корабли. На суда же враждебнаго государства, пытавшія прервать блокаду, Франція наложила только секвестръ и затѣмъ, по снятіи блокады ихъ освободила [3]). Очевидно, что послѣдняя держава была гораздо снисходительнѣе, но поведеніе первой, какъ справедливо замѣчаетъ Отфель, отличалось большею послѣдовательностію. Блокада есть средство войны и, корабли её нарушившіе, подвергаются задержанію и конфискаціи; но такъ какъ войны не было, то Франція была видимо справедливѣе въ теоріи. Однако, настолько же очевидно, что великія державы злоупотребляли своимъ могуществомъ и, собственно говоря, вели войну противъ нейтральныхъ, а не противъ государства, возбудившаго ихъ неудовольствіе. Если же держаться строго англійской системы, то еще болѣе выступаетъ несправедливость этой вновь придуманной мѣры увеличивать бѣдствія войны для частныхъ лицъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что мирная блокада, во всякомъ случаѣ, увеличиваетъ бѣдствія, проистекающія изъ столкновенія между государствами и поэтому, требованіе Коши и Гефтера, что мирная блокада должна

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des nations neutres. II, p. 280.— Histoire du droit maritime international, p. 500.

[2]) Что касается Россіи, то она участвовала только въ первой мирной блокадѣ противъ Порты и никакихъ особенныхъ правилъ, сколько намъ извѣстно, не выставляла.

[3]) Hautefeuille. Des droits et devoirs. II, p. 285. Gessner, p. 222. Это поведеніе Франціи, относительно нарушающихъ мирную блокаду кораблей было опредѣлено въ рѣшеніи французскаго Государственнаго Совѣта, 1-го Марта 1848 г. См. Gessner, Le droit des neutres, p. 216.

быть поддерживаема, во имя гуманности, не выдерживаетъ критики. Коши говоритъ, что мирная блокада локализируетъ войну, такъ что вмѣсто распространенія бѣдствій войны на всю страну, мирная блокада ограничиваетъ её только одною мѣстностью или нѣсколькими гаванями [1]). Прежде всего, Коши забываетъ, что при существованіи мирной блокады, не можетъ быть рѣчи о войнѣ, которой нѣтъ, и слѣдовательно локализаціи войны быть не можетъ. Затѣмъ, всѣ представленные нами примѣры примѣненія мирной блокады доказываютъ только, что она даетъ великимъ державамъ возможность парализировать безсильныя государства и, принудить ихъ къ уступчивости, пользуясь, въ тоже время, всѣми благами мира.

Начать прямо войну и стать въ положеніе воюющаго, государство рѣшится, безъ сомнѣнія, всегда не иначе, какъ въ случаяхъ крайней необходимости, потому что война, между прочимъ, развиваетъ торговлю нейтральныхъ, на счетъ воюющихъ. Несравненно легче считаться въ мирѣ и требовать неприкосновенности всей своей территоріи, а въ тоже самое время осаждать своего мирнаго противника. Весьма понятно, что подобный образъ дѣйствій доступенъ, исключительно, только могущественнымъ державамъ противъ слабыхъ и поэтому, мирная блокада не можетъ быть оправдана, съ точки зрѣнія международнаго права, которое не допускаетъ пожертвованія однимъ государствомъ, въ пользу другаго. Отфель, кромѣ того замѣчаетъ, что «ни въ мексиканскомъ дѣлѣ, ни въ дѣлѣ Буэносъ-Айресъ, нельзя найти мотивовъ, вытекающихъ изъ чувства гуманности и которые, могли-бы служить оправданіемъ принятой мѣры. Въ первомъ случаѣ, Франція, а во второмъ, Англія и Франція вмѣстѣ, имѣли въ виду только свой собственный интересъ, сопряженный съ нарушеніемъ правъ другихъ народовъ, чего онѣ могли избѣгнуть, посредствомъ объявленія открытой и законной войны тѣмъ государствамъ, отъ которыхъ онѣ требовали удовлетворенія. Извѣстно, что цѣлью блокады Лаплаты, союзники выставили: желаніе положить конецъ владычеству кровожаднаго тирана; но мирная блокада продолжалась столько же времени, сколько знаменитая осада Трои, и

[1]) Calvo. Droit maritime international, Tome II, p. 427. «la guerre, au lieu «de s'étendre, se localise, et pour épargner le sang des soldats, se borne quelque«fois à essayer de les réduire par voie d'investissement ou de blocus».

Розасъ все-таки остался главой Аргентинской республики. Открытой войною Англія и Франція гораздо скорѣе и надежнѣе достигли-бы цѣли и гуманность не осталась-бы тогда пустымъ предлогомъ» [1]). Ясно, что только собственный интересъ скрывался, подъ благозвучнымъ словомъ гуманности, во вредъ правамъ другихъ государствъ [2]). Наконецъ, Кошп и Гефтеръ считаютъ мирную блокаду однимъ изъ видовъ репрессалій и первый изъ этихъ ученыхъ, указываетъ на вышедшій изъ употребленія обычай среднихъ вѣковъ выдавать частнымъ лицамъ каперскіе и репрессальные патенты, для удовлетворенія своихъ претензій, какъ на мѣру, которая можетъ убѣдить въ раціональности мирной блокады. Основаніемъ этого обычая было, по мнѣнію Кошп, желаніе не втягивать въ войну цѣлый народъ, но ограничить возникшее между частными лицами недоразумѣніе, исключительно заинтересованными, непосредственно, сторонами. Репрессаліи (спеціальныя), производимыя частными лицами, привели къ ужаснымъ злоупотребленіямъ и самоуправству,— но если признать за правительствами, которыя не наклонны, наравнѣ съ частными лицами, предаваться такому безнравственному корыстолюбію, право ограничиваться установленіемъ блокады, противъ своего противника, тогда миръ, по увѣренію Кошп, можетъ только выиграть и меньше будетъ кровопролитія. Сила и убѣдительность какихъ либо предположеній находятся въ прямой зависимости отъ твердости ихъ основаній и логичности умозаключеній. Между тѣмъ, предположеніе Кошп не основаны ни на чемъ и аргументація его страдаетъ противорѣчіями. Мы доказали, что репрессаліи остатокъ младенческаго возраста народовъ и соотвѣтствуютъ эпохѣ самосуда, самоуправства и государственной анархіи. Какъ только окрѣпъ государственный организмъ, частныя репрессаліи должны были прекратиться и, если репрессаліи примѣняются въ наше время государствами, то чрезъ это, они нисколько не теряютъ свой первобытный характеръ. Подобно тому, какъ по уничтоженіи каперства прекращеніемъ непосредственной выдачи каперскихъ

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs. II, p. 282.

[2]) De-Negrin. Etudios sobre el derecho internacional maritimo, p. 139, замѣчаетъ: «Pero el bloqueo pacifico es, no solamente absurdo en principio, sino tambien inicuo en sus consecuensias, porque favorece las pretensiones de las potencias de primer órden contra las mas débiles ó secundarias».

патентовъ, можетъ явиться государственное корсарство, которое, не смотря на государственный характеръ, все-таки останется узаконеннымъ морскимъ разбоемъ, такъ точно прекращеніе непосредственной выдачи частнымъ лицамъ патентовъ на репрессаліи или самоуправство, не можетъ придать санкціи законности репрессаліямъ, предпринятымъ государствами противъ невинныхъ частныхъ лицъ. Самъ Кошн доказываетъ всю безнравственность и несправедливость репрессалій, въ самомъ ихъ принципѣ [1]); какимъ же образомъ онъ находитъ логичнымъ признавать за государствами право на сознательное совершеніе несправедливости? Неужели, само по себѣ несправедливое и безнравственное превращается въ справедливое и нравственное, если совершается государственной личностью, а не частнымъ лицомъ? Мирная блокада, какъ мы это видѣли, вредитъ больше всего частнымъ лицамъ и преимущественно, мирнымъ подданнымъ государствъ, которыхъ въ данномъ случаѣ, даже нельзя считать нейтральными; а поэтому, они должны пользоваться безусловной неприкосновенностью. Между тѣмъ, мирная блокада, въ видѣ репрессаліи, состоитъ исключительно въ захватѣ частной собственности, принадлежащей, какъ подданнымъ блокированнаго государства, такъ и гражданамъ всѣхъ другихъ государствъ.

Желаніе расширить предѣлы самоуправства, противорѣчащаго международному правосознанію и условіямъ развитія международной жизни, не можетъ быть основано на раціональномъ и историческомъ развитіи международнаго права. Задача науки международнаго права: выяснить обоюдныя права и обязанности, ограничить господствующій произволъ, а не стремиться къ его расширенію. Наконецъ, кто ручается за то, что государства, не отличавшіяся, до послѣдняго времени, добросовѣстнымъ выборомъ средствъ для преслѣдованія своихъ интересовъ, не подвержены тому же духу корыстолюбія и тщеславія, которыми отличались прежде частныя лица, при самоуправномъ исканіи себѣ удовлетворенія. «Развѣ исторія международныхъ отношеній», спрашиваетъ Геснеръ, «не убѣждаетъ насъ, что государства подчинены тѣмъ же порокамъ, которыми страдаютъ частныя лица»? [2]) Суровой опытъ и безпристрастная исторія вполнѣ об-

[1]) Cauchy. Droit maritime internat. I, p. 362, 363.

[2]) Gessner. Le droit des neutres. p. 220.

наруживаютъ всю шаткость и несостоятельность предположеній Коши, на основаніи которыхъ, онъ оправдываетъ и восхваляетъ мирную блокаду.

Согласно всему предъидущему, мы отказываемся видѣть въ мирной блокадѣ, ступень развитія международной жизни и удовлетвореніе духу гуманности нашего столѣтія. Мы безусловно отвергаемъ прогрессъ, состоящій въ смѣшеніи нормальнаго, мирнаго положенія съ анормальнымъ войны; мы возстаемъ, во имя права, противъ всякой попытки потворствовать насиліямъ великихъ державъ относительно безсильныхъ, и препятствовать, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, мирнымъ сношеніямъ частныхъ лицъ между собою [1]). Теорія о мирной блокадѣ напоминаетъ слова римскаго поэта: «Pacem duello miscuit o pudor»!

Замѣтимъ еще, что декларація 16-го (4-го) апрѣля 1856 г., опредѣливъ въ ст. IV блокаду, не упоминаетъ ни слова о мирной блокадѣ и поэтому можно думать, что державы, приступившія къ Парижской декларація отказались отъ употребленія мирной блокады. Слѣдовательно, Англія и Франція также юридически отказались отъ нея.

ГЛАВА II.

ПРАВО ВОЙНЫ.

Нѣтъ ни одного предмета въ международномъ правѣ, который вызывалъ бы болѣе различія во взглядахъ и, притомъ взаимнаго ожесточенія между народами, какъ война. Съ другой стороны, нѣтъ вопроса ближе и существеннѣе, касающагося международной жизни, какъ начало войны и бѣдствія ею вызываемыя. Всѣ мыслители согласны, по крайней мѣрѣ, въ одномъ, что война самое послѣднее средство для окончанія международныхъ столкновеній и поэтому, справедливость требуетъ при-

[1]) Vidari. Del rispetto, p. 283. «È cosa generosa, è cosa santa lo scemare perquanto è possibile, i mali della guerra; ma la natura delle cose non può essere perqueste mutata; e sino a che la guerra sarà per il genere umano una inesorabile necessitata, *la incompatibilità di uno stato simultaneo di guerra é di pace tra due potenze sara pur sempre invincibile*».

бѣгать къ ней, только по истощеніи всѣхъ другихъ средствъ, могущихъ возстановить нарушенное право. Если еще прибавимъ, что всѣ сознаютъ крайнюю неопредѣленность и опасность войны, которой исходъ никогда не можетъ быть предугаданъ; если повторимъ извѣстныя слова, что народы, во время мира, должны оказывать другъ другу наибольшее добро, а во время войны наименьшее зло, — тогда, мы передадимъ, въ общихъ чертахъ, сущность всѣхъ новѣйшихъ толкованій права войны. Между тѣмъ, война существуетъ съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сознаетъ свое право, чувствуетъ свою физическую силу и необходимость въ общежитіи [1]). Установленіе сообщеній между людьми и возникновеніе обмѣна взаимныхъ услугъ и отношеній, неминуемо приводитъ къ столкновеніямъ, и къ нарушеніямъ права. Слѣдовательно, источникъ войны мы должны искать въ человѣческой жизни и въ ней должно находиться и разумное основаніе права войны. Столкновенія между индивидами и народами неизбѣжны, но формы и послѣдствія подобныхъ столкновеній должны измѣняться, согласно измѣненію человѣческихъ отношеній и распространенію обоюднаго уваженія права. Если отношенія между людьми завязываются по врожденному человѣку влеченію къ общежитію и къ достиженію сознаннаго блага, то очевидно, что съ выясненіемъ конечной цѣли: самоусовершенствованія, должны пропорціонально уменьшаться взаимныя столкновенія, представляющіяся самымъ дѣйствительнымъ тормазомъ человѣческаго развитія. Но, такъ какъ неминуемымъ условіемъ всякаго развитія и процвѣтанія, является право, которое стоитъ въ непосредственной связи съ условіями жизни,—слѣдовательно, уваженіе права должно привести къ уменьшенію столкновеній, которыя, съ своей стороны, подчиняются вліянію жизни, или, права. На этомъ основаніи, мы заключаемъ, что развитіе международной жизни имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ уменьшеніе международныхъ столкновеній или войнъ, а съ другой стороны, приводитъ къ развитію права войны.

Посмотримъ насколько исторія войны, ея обычаевъ и законовъ, подтверждаетъ нашъ взглядъ на право войны.

[1]) Auguste Comte. Cours de philosophie positive, Paris 1839 tome IV, p. 713.

I. Историческій очеркъ права войны.

Обыкновенно говорятъ, что народы древняго міра не знали ни международнаго права, ни права войны. Съ этимъ положеніемъ можно согласиться только отчасти; мы, дѣйствительно, не находимъ у нихъ понятія о правѣ войны, въ современномъ смыслѣ, но нельзя не видѣть нѣкоторые зародыши сознанія общечеловѣческой связи или гуманности. Такъ какъ чувство права врожденно человѣку, то понятно, почему даже у народовъ дикихъ и полудикихъ соблюдаются извѣстные торжественные обряды при объявленіи войны и заключеніи мира [1]). Что же касается классическихъ народовъ древности, то хотя ихъ отношенія къ другимъ народностямъ не благопріятствовали сознанію права войны, все-таки религія и нравы часто охраняли побѣжденныхъ. Древній міръ представляется міромъ изолированнымъ; народы не признавали право на существованіе другихъ народовъ и поэтому, находились постоянно въ враждебныхъ отношеніяхъ. Человѣкъ вполнѣ былъ поглощенъ гражданиномъ, который пользовался правами и защитою законовъ. Всякій народъ восхвалялъ свое божественное происхожденіе и поэтому, рѣзко отличался отъ другихъ; такъ, для грековъ и римлянъ всѣ другіе были варварами. Греки, не только отличали себя отъ варваровъ, но даже за своими единоплеменниками, они не признавали право на самостоятельность и, безпрестанно воевали другъ съ другомъ. Война была нормальнымъ состояніемъ древнихъ народовъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время, миръ считается естественнымъ состояніемъ международной жизни. Поэтому, въ древности миръ основывался только на международныхъ трактатахъ и не имѣлъ основанія въ самомъ себѣ. Если же война въ то время была нормальнымъ состояніемъ между народами и, если исторіи разсказываетъ намъ о множествѣ жестокихъ и кровопролитныхъ сраженій, то ясно, что господствующимъ элементомъ древняго міра была *сила*, которая царствовала надъ народами и опредѣляла международныя отношенія [2]). Сила была главнымъ и лучшимъ доказательствомъ права

[1]) Fallati. Keime des Völkerrechts bei wilden u. halbwilden Stämmen. (Tübinger Zeitschrift für Staatswissenschaften. 1850).

[2]) Laurent. Histoire du droit des gens. T. I, p. 47.

и поэтому, побѣдитель, доказавшій осязательнымъ образомъ, свою силу, вмѣстѣ съ тѣмъ доказывалъ свое право и лишалъ противника всѣхъ правъ. Жизнь, честь и имущество побѣжденнаго были отданы на произволъ грознаго побѣдителя [1]). Въ этомъ періодѣ исторіи права войны не могло быть рѣчи о различіи между частными лицами, или беззащитными гражданами непріятельскаго государства, и воинами: во 1-хъ потому, что человѣкъ не имѣлъ никакихъ правъ и только гражданство извѣстнаго государства давало ему иногда право на защиту другаго государства; во 2-хъ, всякій гражданинъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и воинъ, ибо война была постояннымъ явленіемъ у древнихъ народовъ [2]). Все вышесказанное относится не только къ грекамъ и римлянамъ, но еще въ большей степени къ восточнымъ, азіятскимъ народамъ. Мы видимъ, что вездѣ неминуемыми послѣдствіями войны были: опустошенія непріятельскихъ земель, разореніе городовъ, убіеніе мирныхъ жителей или обращеніе ихъ въ рабство,—послѣднее, впрочемъ, уже указываетъ на ступень развитія. Если въ Индіи, Египтѣ и у израильтянъ, проявляется неумолимая вражда къ другимъ народамъ, то это объясняется изолированностью народовъ и ихъ разноплеменностью. Гораздо болѣе обращаетъ на себя вниманіе ненависть и враждебность, съ которыми относились другъ къ другу высокообразованные эллины. Хотя мы и встрѣчаемъ у нихъ сознаніе братства и нѣкоторую общность права, все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что войны, которыя вели греки для достиженія гегемоніи, отличались самой свирѣпой ненавистью и жестокостью [3]). Всегда побѣжденное племя подлежало безусловному произволу побѣдителя. Такимъ же образомъ понимали право войны римляне. Въ вѣчномъ городѣ зародилась идея автономіи лица, господство его надъ вещью и внѣшнимъ міромъ, но автономіи или самостоятельности другихъ народовъ, римляне не признавали. Слово: *hostis* выражало, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятіе врага и

[1]) Laurent, Histoire T. II, p. 129. *Müller-Iochmus.* Geschichte des Völkerrechts im Altherthum. Lpz. 1848. S. 163.

[2]) Aug. Comte. Philosophie positive V, p. 211 «Il est clair, que la morale des anciens était, en général, comme leur politique, éminemment militaire; c'est-à-dire essentiellement subordonnée à la destination guerrière qui devait surtout caractériser cet âge de l'humanité».

[3]) Aug. Comte. Philosophie positive, V, p. 246.

иноземца, такъ что ни тотъ, ни другой не имѣли никакихъ правъ. Все, принадлежащее непріятелю, было законной добычею сильнѣйшаго и, въ знаменитомъ законѣ XII таблицъ ясно выраженъ принципъ римскаго права войны, въ словахъ: «adversus hostem aeterna auctoritas esto». Стремленіе римлянъ ко всемірному владычеству вызвало ихъ на нескончаемыя войны [1]) и для достиженія этой цѣли, римляне не могли признавать за другими народами какого либо права. Самое стремленіе Рима заключаетъ въ себѣ отрицаніе права войны. Однако извѣстно, что римляне старались соблюсти, въ важныхъ случаяхъ международныхъ отношеній, нѣкоторые торжественные обряды. Классъ жрецовъ, извѣстный подъ именемъ феціаловъ, исполнялъ установленныя формальности, при объявленіи войны и заключеніи трактатовъ. Вообще, необходимо имѣть постоянно въ виду то благотворное вліяніе, которое религія и ея служители оказывали на развитіе сознанія общечеловѣческой связи и на смягченіе права побѣдителя. Какъ ни вѣроломны и несправедливы были отношенія древнихъ народовъ между собою, все-таки внутренній голосъ человѣческой совѣсти и чувство права вызывали даже въ самыя древнія времена примѣры, обнаруживавшіе сознаніе идеи гуманности [2]) Но, такъ какъ эта идея представлялась только въ нѣжномъ зарожденіи и, не могла быть достояніемъ всѣхъ, то покровительство беззащитныхъ и развитіе идеи гуманности сдѣлались предметомъ той области, которая тѣсно связана съ внутреннимъ міромъ человѣка. Если вспомнить, что исполнители религіозныхъ обрядовъ у древнихъ народовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладали высшимъ доступнымъ знаніемъ, тогда понятно будетъ благодѣтельное вліяніе религіи. Она требовала пощады для побѣжденныхъ, принимала подъ свою защиту иноземцевъ и настаивала на вѣрности данному слову [3]) Священныя книги азіятскихъ народовъ выставляютъ многія требованія высокой нравственности и человѣколюбія, но для исполненія ихъ необходимо, чтобы они сознавались исполнителями; въ противномъ случаѣ, примѣненіе ихъ будетъ внѣшнее, подъ страхомъ наказанія. Поэтому, болѣе зачатковъ идеи гуманности и справедливости къ побѣжденнымъ, мы встрѣчаемъ у народа,

[1]) Aug. Comte. Philosophie positive, V, p. 268, 271 etc.
[2]) Müller-Iochmus. Geschichte d. Völkerrechts. S. 86.
[3]) Laurent. II, p. 144. et suiv.—III, p. 15, et suiv.

который стоялъ въ древнемъ мірѣ на высшей ступени интеллигенціи. Нѣкоторые герои греческаго народа, какъ напримѣръ: Тимолеонъ и Эпаминондъ дѣйствительно выказали небывалую, въ то время, снисходительность къ побѣжденнымъ и къ жителямъ завоеванной территоріи [1]). Сѣмена гуманности нашли еще болѣе благопріятную почву въ международной практикѣ римскаго народа. Не смотря на свою безпощадность и жестокость, относительно другихъ народовъ, римляне часто уважали религію, нравы и, иногда даже права покоренныхъ народовъ. Римляне, хотя бы изъ политическихъ видовъ, обыкновенно оставляли побѣжденнымъ извѣстную часть ихъ территоріи, именно одну треть, и военноплѣннымъ предоставляли право выкупа или же обмѣнивали ихъ. Наконецъ, чѣмъ болѣе Римъ приближался къ своей завѣтной мысли: достиженію абсолютнаго владычества надъ всѣми народами міра, тѣмъ сознательнѣе возникала въ римлянахъ идея гуманности и обнаруживалось пониманіе всего міра, какъ одного цѣлаго. Такое подчиненіе народовъ одной власти могло быть полезно для исторіи человѣчества, но война все-таки осталась отрицаніемъ права и областью безусловнаго господства произвола и насилія.

Послѣ паденія римской имперіи выступаютъ на сцену всеобщей исторіи, народы, большею частью, германскаго племени. Германцы и христіанская церковь оказываютъ, съ тѣхъ поръ, непосредственное вліяніе на развитіе права войны. Духъ христіанства никакъ не благопріятствуетъ войнѣ, но возстаетъ противъ всякаго рода избіеній своихъ ближнихъ. Между тѣмъ какъ древніе народы смотрѣли на войну, какъ на естественное состояніе человѣчества, и, изъ властолюбія вели нескончаемыя войны,—христіанство склоняется къ противоположному мнѣнію. Восхваляя миръ, устраняя поводы войны и смягчая ея бѣдствія, христіанская церковь оказала неоцѣнимыя услуги гуманному развитію права войны. Но, возставая противъ войны, отцы церкви не отказали ей въ правѣ на существованіе, въ видѣ необходимаго зла [2]). Рядомъ съ этимъ мирнымъ и благотворнымъ элементомъ, видимъ мы другой элементъ, который, какъ это доказалъ Лоранъ, внесъ въ право войны, залогъ даль-

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens. II, p. 136, 231 etc.
[2]) Laurent. Histoire. IV, p, 217.

нѣйшаго его развитія. Древніе германцы, заступившіе мѣсто изнѣженныхъ римлянъ, представляютъ много характеристическихъ чертъ. Отличительною ихъ чертою былъ духъ воинственный и стремленіе окончить жизнь на полѣ сраженія, чтобы затѣмъ, послѣ смерти жить въ сообществѣ боговъ и пировать съ ними [1]). Смерть на полѣ сраженія казалась цѣлью жизни. Преобладаніе этого воинственнаго направленія стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ другой основной чертой германцевъ: *индивидуализмомъ*. Полная автономія индивида, признаніе во всякомъ человѣкѣ, къ какому бы народу онъ не принадлежалъ, права на индивидуальное, самостоятельное бытіе, на честь и жизнь, — неразрывно были связаны между собою въ понятіяхъ, такъ называемыхъ, варваровъ. Признавая за другими народами эти неотъемлемыя права человѣка, германцы, иначе должны были относиться къ своимъ непріятелямъ, какъ въ сраженіяхъ, такъ и при завоеваніи непріятельской территоріи. Нѣтъ сомнѣнія, что при неразвитости этихъ варваровъ, множество было жестокостей и опустошеній, но, вообще, нельзя не сознаться, что германцы относились съ гораздо большей гуманностью къ побѣжденнымъ народамъ, нежели римляне. Между тѣмъ, какъ послѣдніе считали законной военной добычею все, что принадлежало непріятельскому государству и его гражданамъ, варвары относились къ побѣжденнымъ, правда менѣе юридически, но за то болѣе гуманно. Въ войнахъ, которыя вели варвары, мы встрѣчаемъ примѣры неприкосновенности безоружныхъ, мирныхъ гражданъ [2]).

Соединеніе двухъ элементовъ: христіанства и индивидуализма въ германцахъ, привело къ взгляду на непріятелей, какъ на братьевъ и поэтому, положеніе покореннаго врага вездѣ было лучше, нежели участь жителей римскихъ провинцій. Если же въ нѣкоторыхъ завоеванныхъ франками, бургундцами, готами и

---

[1]) Laurent. V, p, 22 et suiv.

R. Ward. Enquiry into the foundation, I, p, 203: «To die with his arms in his hand, was the vow of every free man, and the pleasing idea they had of this kind of death, led them naturally to dread the thought of perishing by disease or old age». Срав. также ст. 205

[2]) Ward. Enquiry, I, p. 230. «Alaric in the midst of the sack and pillage of the richest city in the world, gave the strickest orders to respect the Churches of the Apostles; *and what is more wonderful at that time, to spare the lives of the unresisting citizens*».

другими народами, земляхъ, мы встрѣчаемъ рабовъ и неравенство людей предъ закономъ, то это остатокъ римской цивилизаціи [1]). Въ дальнѣйшемъ поступательномъ развитіи, индивидуализмъ и христіанство привели къ феодальной системѣ и католицизму среднихъ вѣковъ. Основаніемъ феодальной системы была частная, свободная воля и индивидуальная свобода, которыя доводили до анархіи и до отрицанія всякаго порядка. Въ древности неизвѣстенъ былъ человѣкъ, но только гражданинъ (civis); древніе не знали самоличности права, но только его территоріальность. Феодализмъ, напротивъ, прежде всего знаетъ индивида и его права на свободу и самоусовершенствованіе. Всякое лицо было субъектомъ права, нарушеніе котораго оно преслѣдовало само, и поэтому, не нуждалось ни въ принадлежности къ какому либо государству, ни въ гарантіи своего права, со стороны государственной власти. Если индивидуализмъ логично довести до крайности, какъ мы это видимъ въ феодализмѣ, то неминуемо слѣдуетъ раздробленіе государства на самыя мелкія единицы, въ которыхъ опять выступаетъ на первый планъ индивидуальная, необузданная воля. Подобная организація привела къ крайнему ограниченію верховной власти, благодаря своеволію отдѣльныхъ лицъ, феодальныхъ бароновъ и графовъ. Непросвѣщенная индивидуальная воля, естественно, должна найти себѣ исходъ въ преобладаніи силы, которая, съ своей стороны, проявляется въ формахъ самоуправства и въ войнѣ [2]). При отсутствіи прочнаго государственнаго устройства, творящаго судъ и расправу и, при господствѣ права силы, международныя отношенія не были подчинены твердымъ правиламъ, и всякій феодалъ искалъ себѣ удовлетворенія и велъ войны насколько хватало силъ. Если имѣть въ виду множество самостоятельныхъ государствъ въ государствѣ и воинственный характеръ среднихъ вѣковъ, тогда понятно будетъ возникновеніе безчисленныхъ войнъ и причиненныя ими опустошенія. Войны велись какъ между сюзеренами и вассалами, такъ между послѣдними и городами, и, всегда съ равнымъ ожесточеніемъ и разореніемъ всего, что попадалось на пути непріятелю [3]). Частныя

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens. V, p. 82 et suiv.

[2]) Ward. Enquiry into the foundation. I, p. 209.

[3]) Pütter. Beiträge zur Völkerrechts—Geschichte u. Wissenschaft. Leipzig, 1853. S. 83.

лица или мирные подданные подвергались тому же праву войны и на нихъ, въ особенности, обрушивались всѣ неистовства врага и, своею кровью и имуществомъ они часто искупали вину своихъ сувереновъ. Однимъ словомъ, феодальная система была царствомъ грубой силы, «*война — закономъ феодализма*» [1]). Ошибочно было бы однако думать, что право войны среднихъ вѣковъ не является прогрессомъ, въ сравненіи съ военными обычаями древнихъ народовъ. Не смотря на то, что война была преобладающимъ занятіемъ народовъ въ среднихъ вѣкахъ, что самоуправство господствовало въ гражданскомъ быту, все-таки война, въ первый разъ, подчиняется нѣкоторымъ правиламъ и право войны существуетъ дѣйствительно. Весьма важное вліяніе на смягченіе бѣдствій войны имѣлъ, безспорно, духъ рыцарства. Рыцарство, основанное на рыцарской чести (point d'honneur), явилось реакціей противъ злоупотребленія силы. Кромѣ личной храбрости, смѣлости, исполненія даннаго слова и заключенныхъ договоровъ, отъ рыцарей требовалась защита церквей и ихъ служителей, женщинъ и сиротъ. Вообще, рыцари обязаны были всегда оказывать покровительство и заступничество всѣмъ беззащитнымъ и побѣжденнымъ [2]). Этимъ путемъ ужасы средневѣковыхъ войнъ были смягчены обязанностями рыцарей, но разумѣется, что возникновеніе рыцарства и его распространеніе не могли положить конецъ безправности мирныхъ жителей и ихъ разграбленію воюющими сторонами. Рыцарство возникло подъ покровительствомъ церкви и процвѣтало въ особенности, во время безусловнаго владычества римско-католической церкви. Католицизму среднихъ вѣковъ предоставлено было развить далѣе основныя идеи христіанской религіи и дѣйствовать на отношенія воюющихъ, въ смыслѣ ограниченія произвола и скорѣйшаго водворенія мира и порядка. Стройная іерархическая

Ward. I, p. 347 и 243, приводитъ нѣсколько примѣровъ жестокостей, совершенныхъ въ это время.

[1]) Laurent. Histoire VII, Ed. 1865, p. q. На стр. 207 Лоранъ говоритъ о войнѣ въ среднихъ вѣкахъ: «La guerre est le fait dominant, la justice même prend la forme de la guerre; mais la guerre a ses règles, son droit; les batailles ont leur jurisprudence. C'est le premier germe du droit des gens».

[2]) Срав. Ward. Enquiry v. II, Chap. XIV: «*Of the influence of chivalry*». (p. 159).

Auc Comte. Philosophie positive, V, 408 etc.

система католической церкви, которая сосредоточилась въ одномъ главѣ,—вліяніе, оказываемое религіею на народы и неурядица, существующая, напротивъ, въ государствахъ, объясняютъ вполнѣ удовлетворительно значеніе и роль средневѣковой церкви. [1]). Противъ господствующей анархіи и жестокихъ войнъ выступала не разъ церковь и, благодаря своему вліянію, она могла настаивать на соблюденіе *pax ecclesiae* или *treuga Domini*. Наконецъ церковь, во многихъ случаяхъ, способствовала королевской власти одерживать верхъ надъ анархіей, запрещать частныя войны и возстановлять авторитетъ верховной власти [2]). Дѣйствуя такъ благотворно на смягченіе послѣдствій войны, защищая беззащитныхъ и напоминая побѣдителямъ о любви къ ближнему, церковь, къ сожалѣнію, не отказалась отъ поползновеній достигнуть всемірнаго владычества и не знала милосердія для иновѣрцевъ или еретиковъ. Въ то самое время, когда представители церкви требовали пощады для беззащитныхъ, во имя гуманности и христіанской религіи, они отказывали еретикамъ и нехристіанамъ, во всѣхъ человѣческихъ правахъ, и, изощрялп человѣческой умъ на изобрѣтеніе инструментовъ истязанія и пытокъ [3]). Противъ невѣрующихъ были разрѣшены всѣ жестокости и, вѣчная война, неограниченная никакими предписаніями религіи и гуманности, была имъ объявлена всесильнымъ католицизмомъ. При всемъ томъ, вліяніе церкви, съ одной стороны, ограничило произволъ и насилія феодаловъ, какъ путемъ внутренняго законодательства, такъ и покровительствомъ рыцарству,—а съ другой стороны, церковь оказала все-таки существенныя услуги возвышенію королевской власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уничтоженію частныхъ войнъ. Все это способствовало, мало по малу, водворенію дѣйствительнаго порядка въ внутренней государственной жизни и привело къ праву войны новаго времени.—Но, прежде чѣмъ перейти къ исторіи войны въ новыя времена, необходимо упомянуть здѣсь, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, о военныхъ обычаяхъ и законахъ, господствовавшихъ въ морской войнѣ. Морская война возникаетъ, со времени боль-

[1]) Случаи благодѣтельнаго вліянія церкви приводитъ *Ward*, Enquiry into the foundation, v. II, chap. XIII: «*Of the influence of christianity and the ecclesiastical establishments*». (p. 1).

[2]) Laurent. Histoire VII, p. 166 et suiv. *Ward*. II, p. 16.

[3]) Pütter. Beiträge. S. 70.

шаго ознакомленія съ моремъ и, слѣдовательно, развивается только съ распространеніемъ торговыхъ сношеній между народами. Однако, о разбоѣ на моряхъ или пиратствѣ, встрѣчаемъ мы описанія уже въ поэмахъ Гомера, который нисколько не осуждаетъ пиратовъ. Пиратство, въ древнія времена, не только не считалось преступленіемъ, но напротивъ, было самое обыкновенное и почетное занятіе поселенцевъ на греческихъ островахъ въ Архипелагѣ, финикіянъ и карѳагенянъ [1]). Понятно, что при недостаткѣ безопасности на моряхъ, торговля не могла развиваться естественнымъ путемъ и, кромѣ того, взглядъ древнихъ народовъ на промышленность и торговлю не могъ содѣйствовать, въ надлежащей степени, развитію этой отрасли человѣческой дѣятельности. За то, морская война, въ видѣ организованнаго пиратства, развилась въ среднихъ вѣкахъ до огромныхъ размѣровъ [2]). Саррацины — въ Средиземномъ морѣ, датчане и норманы—на сѣверѣ, грабили всё, попадавшееся имъ на встрѣчу. Благодаря отсутствію государственной власти и господству индивидуальной, необузданной воли, частныя лица сами снаряжали корабли и пускались на вольный промыселъ въ море: на грабежъ и убійство. Такимъ образомъ, феодальная система оказывала пагубное вліяніе на водвореніе порядка на моряхъ, и лишала мирныхъ частныхъ лицъ, поддерживающихъ торговыя сношенія между народами, неприкосновенности личности и собственности. Этимъ, частныя лица были вызваны на вооруженіе и месть своимъ врагамъ и, такимъ путемъ, возникли войны между феодалами и торговыми корпораціями, а затѣмъ, частныя лица и сами предались морскому разбою. Всякій, самъ былъ судьей въ своемъ дѣлѣ и въ самоуправствѣ искалъ себѣ удовлетворенія. Если, между частными лицами велись войны въ то время, когда государства были въ мирѣ, то неудивительно, что въ случаѣ открытой войны между монархами, послѣдніе, не только разрѣшали, но и поощряли войну подданныхъ между собою. Не имѣя кораблей, государственная власть обращалась за помощью къ частнымъ лицамъ, которымъ стала

[1]) Laurent. Histoire II p. 330 etc. III, p. 233. Ср. также,
Pardessus. Collection des lois maritimes antérieures au XVIII siècle. Paris. 1828 T. I. Introd. p. VII et s.

[2]) G. F. de Martens. Essai concernant les armateurs, les prises et surtout les reprises. Göttingue. 1795 p. 19.

выдавать разрѣшенія на захватъ частной непріятельской собственности на сушѣ и на морѣ. Такимъ образомъ возникло каперство или корсарство, о которомъ было сказано выше. Замѣтимъ только, что такъ какъ дѣло каперовъ есть захватъ безоружныхъ купеческихъ кораблей, то, весьма натурально считать ихъ организованными пиратами, отъ которыхъ они отличаются исключительно только тѣмъ, что дѣйствуютъ съ разрѣшенія верховной власти [1]). Эта анархія на морѣ продолжалась до тѣхъ поръ, пока королевская власть не въ состояніи была её прекратить. Съ цѣлью ограничить самоуправство на моряхъ и обезопасить международныя торговыя сношенія, въ трактатахъ XIII вѣка постановлялось избирать, со стороны правительства, посредниковъ — *охранителей мира* (conservatores pacis), которые имѣли обязанность выслушивать претензіи частныхъ лицъ и рѣшать ихъ по совѣсти. Кромѣ того, купцы для путешествій соединялись въ общества, имѣя во главѣ адмирала, который долженъ былъ вести атаку на пиратовъ или корсаровъ и затѣмъ, дѣлить между участвовавшими добычу. Эти путешествія назывались *охранительными* (voyages de conserve) и вошли, мало по малу, въ общее употребленіе [3]). Въ тѣ времена, обычай вооружать каждый купеческій корабль и знакомить купцовъ съ военнымъ дѣломъ, объясняется необходимостью защиты на морѣ противъ пиратовъ и желаніемъ заняться, во время войны, каперствомъ, которое развивалось соразмѣрно развитію государственнаго порядка и распространенію торговыхъ сообщеній. Для отличія, хотя искусственнаго, капера отъ пирата, вошло въ обычай считать морскимъ разбойникомъ и казнить всякаго, который дѣлаетъ призы не будучи снабженъ письменнымъ разрѣшеніемъ или патентомъ отъ верховной власти. Затѣмъ, еще требовалось отъ каперовъ обезпеченія, въ видѣ денежной суммы «de non offendendo fideles treugatos et amicos» [3]). Въ этомъ шаткомъ положеніи оставалось право войны на морѣ до подписанія Парижской декларації, которая уничтожила частное каперство.

---

[1]) Pardessus. Collection, t. I. chap. I. p. 33.

[2]) Martens. Essai concernant les armateurs. p. 21.

Pardessus. Collection des lois maritimes. II, p. CXII.

[3]) Качеповскій. О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ въ отношеніи къ нейтральной торговлѣ. Москва 1855. стр. 21.

Представленное нами право войны среднихъ вѣковъ, имѣющее основаніемъ господство силы, мало удовлетворяетъ чувству права. Гдѣ война является цѣлью человѣческой жизни и царствуетъ физическая сила, тамъ, подъ гнетомъ кулачной расправы, господство правды и справедливости невозможно. Въ такое время, дѣйствительно, только одна церковь могла возставать открыто противъ излишествъ воинственнаго духа народовъ и, во имя гуманности и нравственности, настаивать на смягченіи бѣдствій войны. Но горе, если сама церковь противорѣчитъ проповѣдуемой ею идеѣ и попираетъ христіанскій принципъ любви къ ближнему. Тогда церковь лишается своего авторитета, и, религія нравственнаго вліянія. Въ концѣ среднихъ вѣковъ случилось и то и другое: церковь, все болѣе и болѣе, терпѣла неудачу въ своемъ стремленіи къ верховному владычеству надъ міромъ, и религія превратилась въ санкцію всякой жестокости и безчеловѣчности. Такимъ образомъ, сама жизнь въ своемъ развитіи должна была представить элементы для дальнѣйшаго развитія права войны. Теперь должно было состояться, мало по малу, основательное разграниченіе между областью религіи и права, и, необходимою задачею науки явилось: выясненіе правосознанія народовъ. Мы уже упомянули, что не смотря на процвѣтаніе кулачнаго права, война въ среднихъ вѣкахъ, подчинялась, однако, нѣкоторымъ правиламъ. Хотя господствовала грубая сила, все-таки сознаніе права проявлялось не разъ въ отношеніяхъ побѣдителей къ побѣжденнымъ. И вотъ основаніе феодальнаго порядка: уваженіе индивидуальности человѣка и его свободной воли, сдѣлалось исходной точкой наступательнаго развитія права войны. Подобно тому, какъ отношенія вассаловъ къ сюзерену опредѣлялись договорами, договорное начало водворялось также въ международныхъ отношеніяхъ и, договорами рѣшались возникшія и предупреждались новыя международныя столкновенія. Лицо, какъ субъектъ права, сдѣлалось основаніемъ всѣхъ отношеній, установившихся на договорномъ началѣ и поэтому, ясно какимъ путемъ понятіе права неразрывно связалось съ международной жизнью и ея процессомъ, войною. «Война», говоритъ Лоранъ, «получила въ первый разъ законы. Правосудіе было снимкомъ войны; война же видомъ правосудія [1])». Возникшее правосознаніе выразилось, между прочимъ,

[1]) Laurent. Histoire I, p. 26.

въ различіи, установленномъ въ XVI ст. въ порядкѣ веденія войны.

Война, въ которой воюющіе менѣе слѣдовали средневѣковымъ варварскимъ обычаямъ, получила названіе «добросовѣстной войны» (bonne guerre); между тѣмъ, какъ война, отличающаяся жестокостію и опустошеніями и, въ которой воюющіе не различали мирныхъ подданныхъ непріятеля отъ его вооруженной силы, считалась «войною недобросовѣстною» (mauvaise guerre [1]). Само собою разумѣется, что еще продолжительное время, по истеченіи среднихъ вѣковъ, мы встрѣчаемъ въ войнѣ много гнусныхъ жестокостей, но нѣтъ сомнѣнія, что это только наслѣдство отжившаго свой вѣкъ права войны. Чѣмъ прочнѣе установлялся порядокъ въ государственной жизни народовъ, чѣмъ болѣе ограничивалась область самоуправства, тѣмъ правильнѣе дѣлались международныя отношенія и, тѣмъ менѣе, видимъ мы произвола во время войны. Централизація королевской власти, опирающейся на среднее сословіе, способствовала уничтоженію частныхъ войнъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильному уменьшенію войнъ, предпринимаемыхъ въ угоду церкви и для убѣжденія другихъ, силою оружія, въ ложности ихъ вѣрованій. Изобрѣтеніе пороха, вошедшаго въ общее употребленіе въ XV вѣкѣ, постепенное распространеніе содержанія постоянныхъ войскъ, и затѣмъ, учрежденіе постоянныхъ посольствъ, совершенно измѣнили характеръ войны и содѣйствовали развитію мирныхъ международныхъ отношеній. Изобрѣтеніе пороха привело къ сложности военнаго искусства, требовало отъ воиновъ большаго знанія и навыка, такъ что не каждый мирный гражданинъ былъ въ состояніи, во всякое время, быть воиномъ [2]). Такимъ образомъ развились мирныя занятія народовъ и, частнымъ войнамъ былъ нанесенъ окончательный ударъ. Постоянныя войска немыслимы безъ строгой дисциплины, которая часто прокладывала путь писателямъ по международному праву, въ охраненіи неприкосновенности частныхъ лицъ. Наконецъ, учрежденіе постоянныхъ посольствъ было вызвано развитіемъ международныхъ отноше-

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens. X, p. 385.

[2]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, пер. *Бестужева-Рюмина* и *Тиблена*. СПБ. 1864 Т. I, Ч. I, стр. 151 и слѣд.

Aug. comte. Philosophie positive, VI, p 6, 105 etc.

ній; а съ другой стороны, они служили для большаго сосредоточенія управленія внѣшними сношеніями между народами, въ рукахъ государственной власти.

Все это должно было имѣть огромное вліяніе на международную жизнь и право войны. Развитіе государственной жизни и европейскаго общества привело къ уменьшенію воинственнаго духа, царствовавшаго въ среднихъ вѣкахъ и выразившаго въ неограниченномъ самоуправствѣ. Право войны постепенно выяснило понятіе, что война ведется государствами и государственными вооруженными силами, поэтому, слѣдуетъ щадить мирныхъ подданныхъ, непринимающихъ прямаго участія въ войнѣ. Тридцатилѣтняя война, хотя еще въ полномъ смыслѣ платила обильную дань варварству и самой изысканной жестокости, но все-таки, въ лицѣ шведскаго короля, Густава Адольфа, право войны новаго времени имѣло своего представителя. Вполнѣ проникнутый духомъ гуманнаго Гуго Гроція, великое произведеніе котораго постоянно сопутствовало ему въ походахъ, Густавъ Адольфъ приказывалъ своимъ воинамъ уважать неприкосновенность мирныхъ гражданъ и, воевать только противъ тѣхъ, которые сопротивляются съ оружіемъ въ рукахъ [1]). Такое великодушное отношеніе къ частнымъ лицамъ, являющееся еще рѣдкимъ въ XVII вѣкѣ, сдѣлалось впослѣдствіи требованіемъ права войны. Если признавать справедливымъ принципомъ права войны господство грубой, физической силы, въ первомъ періодѣ его развитія, который продолжался со временъ древнихъ народовъ до тридцатилѣтней войны включительно, то не будетъ неосновательно считать постепенное ограниченіе бѣдствій войны и выясненіе правъ частныхъ лицъ, отличительнымъ признакомъ права войны во второмъ его періодѣ, продолжающимся и по настоящее время. Между тѣмъ, какъ въ первомъ періодѣ религія была защитницею несчастныхъ мирныхъ жителей, а гуманность требовала уваженія правъ человѣка вообще; во второмъ періодѣ, все болѣе и болѣе, сознается право частныхъ лицъ на неприкосновенность лица и собственности, а гуманность не перестала напоминать народамъ ихъ общечеловѣческое происхожденіе. По мѣрѣ того, какъ выяснилось начало, что религія не есть источникъ права и не можетъ устанавлять сама собою юридическія

[1]) Laurent, tome X, p. 466 et suiv.

обязанности, снисходительность и милосердіе, требуемыя прежде религіею для беззащитныхъ, превратились, сообразно развитію общественной и международной жизни, въ право частныхъ лицъ на неприкосновенность ихъ личности и собственности. Такимъ образомъ распространеніе торговыхъ сношеній между народами, развитіе общественной жизни и сознаніе необходимости международной, привели къ современному праву войны. Неотъемлемыхъ правъ человѣческой личности не можетъ не признавать ни одно современное государство. Современное право войны не допускаетъ ни рабства военноплѣнныхъ, ни требованія выкупа, напротивъ, воюющіе предоставляютъ военноплѣннымъ свободу, но только лишаютъ ихъ, на время войны, возможности вредить. Мирные подданные не покидаютъ свои дома и имущества, при наступленіи непріятельской арміи, ибо знаютъ, что ихъ жизнь и честь неприкосновенны, а имущество не подлежитъ праву добычи. Этотъ переворотъ, совершившійся въ теченіе двухъ столѣтій, безъ сомнѣнія, продуктъ развитія жизни, но неоспоримо, что наука международнаго права, существеннымъ образомъ, содѣйствовала этому прогрессу. Въ международномъ правѣ, лишенномъ гарантіи внѣшней, принудительной власти, доводы разума и голосъ общественной совѣсти пользуются рѣшительнымъ значеніемъ. Наука, посредствомъ выясненія правосознанія и изслѣдованія условій развитія международной жизни, распространяетъ господство права и ограничиваетъ произволъ. Что дѣйствительно люди науки, имѣющіе за собою ничего, кромѣ убѣжденія въ правоту защищаемыхъ ими идей, служили сильнымъ рычагомъ совершившагося, въ правѣ войны, прогресса, — въ этомъ убѣдитъ насъ послѣдующее изложеніе ученій главнѣйшихъ мыслителей о правѣ войны. Изложивъ послѣдовательное развитіе права войны въ международной жизни и, принявъ въ соображеніе вліяніе науки, намъ кажется необходимымъ и возможнымъ доказать, что представители науки международнаго права, преклоняясь сперва предъ физическою силою, которую они стремятся иногда ограничить предписаніями гуманности и нравственности, постепенно переходятъ къ разъясненію права и ограниченію произвола воюющихъ государствъ, чрезъ выясненіе ихъ юридическихъ обязанностей.

II. РАЗВИТІЕ ПОНЯТІЯ ПРАВА ВОЙНЫ.

У народовъ древняго міра, мы видѣли едва замѣтные зародыши гуманности, между тѣмъ какъ безусловный произволъ, былъ верховнымъ началомъ войны. Все, безъ исключенія, носящее непріятельскій оттѣнокъ, подлежало власти побѣдителя и его праву собственности [1]). Изъ этого слѣдуетъ, что подобно тому, какъ мы не встрѣчаемъ у классическихъ народовъ понятія о международномъ правѣ. въ современномъ смыслѣ, такъ точно нельзя отыскать у мыслителей и юрисконсультовъ древняго міра научнаго понятія о правѣ войны. Весьма понятно, что основывать свои сужденія о правѣ войны на юридическихъ опредѣленіяхъ римскихъ юристовъ, значитъ отрицать существованіе права войны и, всѣ умозаключенія должны быть ложны и противны условіямъ другой жизни, кромѣ римской. Подобно тому. какъ измѣняется и развивается жизнь, измѣняется и прогрессивно идетъ впередъ право; слѣдовательно, только изслѣдованіе условій развитія жизни даннаго времени можетъ дать твердое и разумное основаніе для выясненія права. Въ совершенно противоположномъ направленіи шли первые изслѣдователи права войны. Сознавая. какъ мало соотвѣтствуетъ потребностямъ человѣческаго развитія, окружающее ихъ господство силы и произвола, мыслители чувствовали потребность ограничить произволъ, и внутренній голосъ совѣсти неумолимо осуждалъ совершающіяся, предъ глазами ихъ, жестокости. Еслибъ эти первые писатели о правѣ войны неустрашимо и неуклонно слѣдовали бы требованіямъ врожденнаго человѣку чувства права, еслибъ идея правды и справедливости была бы постоянной путеводной звѣздою всѣхъ ихъ сужденій, тогда ихъ мнѣнія выдѣлились бы, правда, болѣе рѣзкимъ образомъ. въ отношеніи къ господствующему произволу, но за то мы встрѣтили бы менѣе самопротиворѣчій и больше убѣдительности. Мы увидимъ, что тамъ, гдѣ чувство права говоритъ въ писателяхъ о правѣ войны, заключенія ихъ отличаются послѣдовательностью и искренностью; гдѣ же, напротивъ, сужденія основаны на мнѣніяхъ древнихъ философовъ и, въ особенности, римскихъ юристовъ, у нихъ является обыкновеннымъ послѣдствіемъ: шаткость въ

---

[1]) Quod jure gentium quae ab hostibus capiuntur *statim* nostra fiunt.

выводахъ. Впрочемъ, извѣстный ходъ европейской цивилизаціи и поклоненіе образцамъ древняго міра, а въ вопросахъ юридическихъ — великимъ римскимъ юрисконсультамъ, объясняютъ, вполнѣ удовлетворительно, наклонность и, отчасти, необходимость для писателей XVI и послѣдующихъ вѣковъ, къ основанію своихъ теорій на римскомъ правѣ. Воспитанные на римскомъ правѣ и въ безусловномъ повиновеніи авторитету великихъ мыслителей и юристовъ: Платона, Аристотеля, Цицерона, Ульпіана и Гая. писатели о правѣ войны, какъ Викторія, Гентилисъ и Гуго Гроцій, весьма натурально, почерпали изъ нихъ свои доказательства. Такъ какъ только покорное слѣдованіе авторитетамъ внушало довѣріе и убѣдительность окружающему ихъ міру, то это направленіе объясняется обстоятельствами и духомъ времени. Всѣ международныя недоразумнѣія, возникавшія съ XIII до XVIII ст. рѣшались легистами, на точномъ основаніи римскаго права, неимѣющаго понятія о международной жизни. Римское право было для среднихъ вѣковъ и новаго времени, дѣйствительно «спасительнымъ якоремъ», какъ утверждаетъ Уардъ [1]).

Первымъ писателемъ, болѣе подробно, трактующимъ о правѣ войны былъ *Францискъ Викторія* (умеръ въ концѣ XVI вѣка). Въ сочиненіи: «*Relectiones theologicae*» [2]), Викторія разсматриваетъ также права побѣдителя и обязанности побѣжденныхъ [3]). Разсмотрѣвъ спорный вопросъ о томъ, кому принадлежитъ иниціативу войны и какія побудительныя причины дѣлаютъ ее законной, Викторія обращается къ анализу дѣйствій, дозволенныхъ правомъ войны, противъ непріятеля [4]). Основнымъ принципомъ выставляетъ Викторія правило, что все требуемое цѣлью войны дозволяется также правомъ, и, такъ какъ главной цѣлью войны должна быть защита или оборона госу-

[1]) Ward. Enquiry into the foundation etc. II, p. 608: «that in all uncertainty, the Roman law was a sheet-anchor by which to come to equity, the precepts and duties of civil life being no where so well laid down».

[2]) Francisci de Victoria. Relectiones theologicae XII in duos tomos divisae. Lugduni 1557.

[3]) Relectio sexta: De jure belli.

[4]) Викторія имѣетъ главнымъ образомъ въ виду только войну законную т. е. ту, которая начата по неудовлетворенію непріятелемъ данныхъ, справедливыхъ претензій. «Unica est et sola causa justa inferendi bellum, injuria accepta». (§ 13, p. 390).

дарства отъ несправедливаго нападенія, со стороны непріятельскаго государства, слѣдовательно все что совершается, во имя этой цѣли, должно считать справедливымъ и законнымъ. Такимъ образомъ знаменитое правило: цѣль оправдываетъ средства, легло въ основаніе разсужденій Викторіи о правѣ войны. Для болѣе надежнаго достиженія цѣли войны недостаточно, по мнѣнію Викторія, только наказать нарушителя права, но побѣдитель имѣетъ еще право потребовать себѣ дѣйствительнаго обезпеченія, на случай повторенія нападенія [1]). Но очевидно, аргументируетъ дальше Викторія, что рядомъ съ этими неопровержимыми требованіями права часто возникаютъ сомнѣнія: не лучше-ли ограничить суровыя, но логически-разумныя послѣдствія войны, въ отношеніи невинныхъ и мирныхъ жителей, которые, по праву войны, неминуемо предоставляются произволу и милосердію побѣдоноснаго непріятеля? Другими словами: не существуютъ-ли смягченія (temperamenta) этого jus belli stricti, которое непосредственно вытекаетъ изъ естественнаго права? Несомнѣнный успѣхъ въ развитіи права войны, заключается въ требованіи подобныхъ смягченій отъ неумолимаго побѣдителя. Заслуга Викторіи состоитъ именно въ томъ, что онъ первый потребовалъ пощады мирнымъ беззащитнымъ жителямъ; считалъ необходимостью и обязанностью воюющихъ сторонъ освобождать военноплѣнныхъ за выкупъ; вообще, Викторія не признавалъ за воюющими право обращать въ рабство военноплѣнныхъ [2]). Викторія, точно также, только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, соглашается признать право воюющаго на разореніе и преданіе разграбленію городовъ, особенно христіанскихъ. Выставляя главнымъ правиломъ для побѣдителя, что имъ долженъ руководить больше духъ умѣренности, нежели сознаніе своей силы и могущества [3]), Викторія оправдываетъ, однако, захватъ

[1]) Relectio sexta, § 18 «Omnia finis bellum est pax et *securitas*, ergo gerenti bellum justum licent omnia, quae necessaria sunt ad consequendam pacem et securitatem. Ex quibus patet, quod parta victoria, et recuperatis rebus, licet ab hostibus exigere obsides, naves, arma, et alia, quae sine fraude necessaria sunt ad retinendum hostes in officio et vitandum ab illis periculum». (p. 394).

[2]) § 42. Jure gentium inter christianos videtur receptum ut christani jure belli non fiant servi.

[3]) § 56. «Hoc debet fieri cum moderamine et non quantum viribus et potentia armorum occupariet expugnari potest».

частной собственности непріятельскихъ подданныхъ во время войны, и по поводу репрессалій,—что нисколько не затрудняетъ его объявить, вслѣдъ за тѣмъ: что никто не долженъ страдать за вину другихъ. Поэтому, онъ выставляетъ какъ требованіе, что если цѣль войны можетъ быть достигнута, безъ расхищенія собственности невинныхъ мирныхъ подданныхъ, тогда для воюющихъ частная собственность должна быть неприкосновенна [1]). Сущность всѣхъ своихъ соображеній, Викторія сосредоточилъ въ этихъ трехъ главныхъ пунктахъ, въ которыхъ явно обнаруживается его гуманный взглядъ на право войны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказывается и вся шаткость его разсужденій. Признавъ основаніемъ войны неограниченное право воюющаго, достигать всѣми средствами предположенной цѣли: наказывать своего противника за нарушеніе права, Викторія, очевидно, имѣлъ въ виду воюющаго, вынужденнаго воевать, и который, слѣдовательно, ведетъ войну справедливую (justum bellum). Но извѣстно, что всегда обѣ воюющія стороны считаютъ себя въ правѣ, и каждая имѣетъ претензію быть обиженной и вынужденной вступить въ борьбу. На какомъ основаніи и по какимъ признакамъ, спрашивается, рѣшать вопросъ: кто изъ воюющихъ въ правѣ и ведетъ войну справедливую? Если, кромѣ того, Викторія признаетъ такъ называемое jus stricti belli, непосредственно основывающееся на римскомъ правѣ, въ силу котораго дозволяется все воюющему, то нелогично и часто безполезно, противоставлять правила снисходительности и гуманности, соблюденіе которыхъ, вполнѣ зависитъ отъ благоусмотрѣнія побѣдителя, чувствующаго свою силу. Такимъ образомъ, шаткость въ основаніи вызвала самопротиворѣчія и непослѣдовательность. Однако, при всемъ этомъ Викторія, очевидно, былъ проникнутъ гуманнымъ духомъ и, выставленные имъ принципы громко говорятъ въ его пользу, если вспомнить существовавшую въ XIV и XV ст. практику войны.

Въ концѣ XVI ст. явилось сочиненіе, имѣвшее предметомъ

---

[1]) Victoria. De jure belli, § 40 «Si bellum satis commode geri potest, non spoliando agricolas aut alios innocentes, videtur quod non liceat eos spoliare». (p. 411).

Ср. Wheaton. Histoire des progrès du droit des gens en Europe et en Amérique, depuis la paix de Westphalie jusqu'à nos jours. 2. Ed. Lpz. 1846. T. I, p. 37.—

исключительно право войны. Авторомъ этого изслѣдованія: «*De jure belli*», былъ Гентилисъ, который является непосредственнымъ предшественникомъ Гуго Гроція, на что, кромѣ сходства въ заглавіи, указываетъ и содержаніе трудовъ обоихъ мыслителей [1]). Желая юридически опредѣлить отношенія воюющихъ, Гентилисъ сознаетъ всю трудность поставленной себѣ задачи, именно вслѣдствіе того, что римскіе юристы не знали ни международнаго права, ни права войны [2]). Изъ этого можно было заключить, что Гентилисъ послѣдуетъ своему сознанію идеи права и выяснитъ условія развитія международныхъ отношеній. Къ сожалѣнію, самый бѣглый взглядъ на его сочиненіе показываетъ, что все-таки основаніемъ его разсужденія остались мыслители и юристы древняго міра, которые приводятъ его къ многочисленнымъ противорѣчіямъ и къ опроверженію разъ выставленныхъ принциповъ. Затѣмъ, упоминая о предшествовавшихъ ему писателяхъ: Фаберѣ и Бодэнѣ,—Гентилисъ осуждаетъ ихъ за то, что они свои сужденія вывели изъ историческаго опыта, фактовъ, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать «quod naturale, ac certum censetur» [3]). Слѣдовательно, можно думать, что Гентилисъ философски желалъ разсмотрѣть вопросъ о сущности войны и о правахъ воюющихъ государствъ; но и этому, онъ противорѣчитъ весьма часто, потому что кромѣ фактовъ изъ древней исторіи, Гентилисъ упоминаетъ о практикѣ войны своего вѣка, и даже на ней основываетъ нѣкоторыя сужденія. Опредѣленіе войны, которое предлагаетъ Гентилисъ, весьма удачно; онъ говоритъ: «война есть правильный процессъ, разрѣшаемый государственными средствами обороны» [4]). Прежде всего, Гентилисъ имѣетъ въ виду войну справедливую и публичную т. е. между государствами, оставляя совершенно въ сторонѣ войну частную, или bellum privatum, такъ какъ онъ постоянно различаетъ право верховной власти вести войну, и право частнаго лица на самооборону. Вопросъ

[1]) Alberici Gentilis. De jure belli, libri tres. Hanoviae. 1598.

[2]) «Non habent libri illi de hoc jure, non alii ulli, qui extent» (p. 1).... «antiquiores interpretes—civilis juris disceptationem huc (in jure gentium belli) induxerunt». (p. 4).

[3]) «Exempla, et facta expendenda sunt sua lance, et quasi pondera sunt sua trutina conficienda».

[4]) De jure belli, lib. I, cap. II, p. 17: Bellum est publicorum armorum contentio».

о томъ: кто изъ воюющихъ сторонъ ведетъ войну справедливую, занимаетъ также Гентилиса, который приходитъ къ заключенію, что война тѣмъ справедливѣе, чѣмъ больше было основаній для объявленія войны. Кромѣ того, если цѣль справедливая и хорошая, тогда и самое средство будетъ хорошимъ и справедливымъ. Цѣль войны, говоритъ Гентилисъ, есть достиженіе мира [1]). Для болѣе точнаго опредѣленія справедливой войны, Гентилисъ весьма подробно разсматриваетъ всѣ побудительныя причины, которыя выставлялись и могутъ быть выставляемы воюющими, въ оправданіе начатой войны. Здѣсь онъ обсуждаетъ справедливость войнъ, предпринятыхъ изъ рвенія къ религіи; затѣмъ, войны оправдываются требованіями естественнаго права, какъ напримѣръ, для необходимой самообороны (necessaria defensio), или для полезной самообороны (utilis defensio). Вообще говоря, Гентилисъ признаетъ ту войну справедливою, которая начата, во 1-хъ, для возмездія за оказанную неправду; во 2-хъ, съ цѣлью наказать за нанесенный вредъ, и въ 3-хъ, для возстановленія нарушеннаго права [2]). Относительно правъ воюющихъ, Гентилисъ держится, весьма близко, своихъ образцовъ изъ римскаго права и поэтому, право воюющихъ является въ сущности неограниченнымъ. Военноплѣнные, которые добровольно мирятся съ своимъ положеніемъ и не изъявляютъ намѣренія сопротивляться, должны быть пощажены и не могутъ быть лишены жизни. Непріятель, который предался въ руки противника и имъ принятъ, не можетъ подлежать смерти; но Гентилисъ признаетъ право воюющаго обращать военноплѣнныхъ въ рабство [3]). Въ этомъ отношеніи, Гентилисъ отстаетъ даже отъ современной ему практики, въ которой, обыкновенно, отпускали военноплѣнныхъ за выкупъ. Признавая абсолютное право воюющаго противъ своего врага, необходимо знать: кого считать непріятелемъ? Гентилисъ весьма категорически объявляетъ, что подъ непріятелемъ онъ разумѣетъ весь народъ или государ-

---

[1]) De jure belli, lib. I, cap. V, p. 45: «Et hoc quaestione nostri, bella ex jure esse, etsi tam multa à bellis sint mala: quia sequuntur finaliter bona, reductis rebellibus ad debitum rationis. Et quod cujus finis est bonus, ipsum quoque bonum, et justum est. Et quod omnia suo fine terminantur. Finem autem belli pax». Ср. lib. I, cap, II, p. 20.

[2]) De jure belli. lib I, cap. XX, p. 150; cap. XXV, p. 197.

[3]) De jure belli, lib II, cap. XVI, p. 350; cap. XVII, p. 351.

ство, состоящее въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ другому. Непріятель представляется ему однимъ тѣломъ, наравнѣ съ войскомъ и поэтому, отдѣльные граждане необходимо должны терпѣть, вмѣстѣ со всѣмъ государствомъ [1]). Отъ непріятеля нельзя требовать какого-бы то ни было различія между подданными и верховной властью. На этомъ основаніи, покореніе главы всегда должно повлечь за собою подчиненіе членовъ, поэтому удары, направленные противъ одного, чувствуются другими [2]). Вообще, заключаетъ Гентилисъ, такъ какъ вся собственность и права непріятеля подлежатъ захвату и праву войны, мнѣ кажется излишнимъ говорить, во время господства оружія, о другой собственности, кромѣ той, которая завоевывается съ оружіемъ въ рукахъ [3]). Изъ этого видно, что Гентилисъ, какъ нельзя болѣе, остался вѣренъ преданіямъ другой жизни и другаго права. Выставляя, какъ и Викторія, основнымъ началомъ войны, что «цѣль оправдываетъ средства», Гентилисъ лишилъ всѣ свои разсужденія, не только юридической, но и нравственной опоры. Однако, ошибочно было бы думать, что Гентилисъ въ сравненіи съ Викторіею, сдѣлалъ шагъ назадъ а не впередъ, на пути гуманности. Напротивъ, онъ съ большею подробностію и опредѣленностью требуетъ пощады для беззащитныхъ и умоляющихъ о пощадѣ. Право убѣжища находитъ въ Гентилисѣ искренняго защитника. Общность религіи и человѣческой натуры, отъ которой не могутъ отказаться непріятели, вотъ тѣ основанія, которыя заставляютъ Гентилиса требовать пощады для беззащитныхъ, для женщинъ и дѣтей [4]). Что-же касается неприкосновенности земледѣльцевъ, купцовъ, чужеземцевъ и т. п., то Гентилисъ обсуждаетъ ихъ положеніе во время войны и сознаетъ миролюбный ихъ характеръ, но полной неприкосновенности не признаетъ, оста-

---

[1]) De jure belli,—lib. II, cap. XVIII, p. 379: «Nam unum corpus sunt hostes. Ut unum corpus est exercitus.—Et singuli tenentur, etiam si delictum ab universis patratum sit».

[2]) De jure belli, lib. III, cap. V, p. 502: Sane a submissione capitis sequitur submissio membrorum et rerum, quia serviente capite membra servire necesse sit».

[3]) ibid—lib. III, cap. XVII, p. 630: «Mihi ineptum videtur in tractatu armorum de alia possessione quaerere, quam de ea, quae vi et armis comparatur».

[4]) ibid, lib: II, cap. XX, (p. 408); cap, XXI: De pueris et foeminis, (p. 418).

вляя за воюющими право «наказывать» ихъ, смотря по обстоятельствамъ [1]). Онъ указываетъ только на безвредность и миролюбіе этихъ безоружныхъ гражданъ, и опредѣляетъ въ видѣ общаго правила, что право требуетъ болѣе мягкаго наказанія для тѣхъ, которые только совѣтуютъ и ободряютъ, въ сравненіи съ тѣми, которые дѣйствуютъ. Гентилисъ также не одобряетъ опустошенія непріятельскихъ полей, потому что война есть борьба оружіями, «которая не можетъ имѣть мѣсто отно-«сительно беззащитныхъ» [2]); но все это не затрудняетъ его объявить, что «непріятеля вездѣ можно убить» и собственность его, повсюду подлежитъ праву добычи. Такъ какъ Гентилисъ считалъ въ рядахъ непріятеля всякаго гражданина, то понятно, насколько онъ себѣ противорѣчитъ. Болѣе логическое слѣдованіе своему опредѣленію войны, привело бы Гентилиса къ выводу, что непріятелями являются только вооруженныя силы, а не мирные и беззащитные подданные, которыхъ онъ также предоставляетъ на произволъ сильнѣйшаго.

Это изложеніе основныхъ мыслей Гентилиса доказываетъ, какъ нельзя убѣдительнѣе, справедливость нашего взгляда на труды первыхъ писателей о правѣ войны. Тамъ, гдѣ Гентилисъ не опирается на цитаты изъ римскихъ юрисконсультовъ, мнѣніе его отличается оригинальностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проникнуто духомъ гуманности. Оригинальное его опредѣленіе войны, въ немногихъ словахъ, выражаетъ сущность войны, какъ борьбы между государственными тѣлами и поэтому, еще въ настоящее время, можетъ быть принято. Хотя Гентилисъ даетъ, очевидно, преимущество праву силы, которому онъ сознательно жертвуетъ все и всѣхъ, не смотря на это, заслуга, оказанная имъ болѣе основательному выясненію взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ, дѣйствительно велика. Въ отношеніе Викторіи, трудъ Гентилиса представляется несомнѣннымъ шагомъ впередъ; но, гуманная сторона взгляда Викторіи, уступила у Гентилиса мѣсто болѣе положительному или юридическому элементу. Дальнѣйшее развитіе получило право вой-

[1]) De jure belli. lib II, cap. XXII: «De agricolis, mercatoribus, peregrinis, aliis similibus». p. 427; lib III, cap. p. 473.

[2]) ibid—lib. II, cap. XXII: «Dicam mox, et defendam agrorum vastationes. Sed quod jus nunc dicimus, et defendimus, id ea stat ratione: quoniam bellum armorum est contentio: quae his cum inermibus non est». (p. 430).

ны, въ духѣ гуманности, въ знаменитомъ сочиненіи отца международнаго права: «*De jure belli ac pacis*». Значеніе *Гуго Гроція* для науки международнаго права, мы здѣсь не коснемся; но, такъ какъ вліяніе, которое его сочиненіе оказало на практику войны, громадно и неоспоримо, то болѣе подробный анализъ кажется намъ необходимымъ. Постепенное развитіе права войны, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ, послужитъ основаніемъ выясняемыхъ нами правъ частныхъ лицъ, во время публичной войны. Раскрывая сочиненіе Гроція, тотчасъ же бросается въ глаза безчисленное множество ссылокъ и выписокъ изъ римскихъ, греческихъ, еврейскихъ авторовъ и наконецъ, изъ Священнаго Писанія. Это прямо указываетъ на главный источникъ Гроціевыхъ познаній и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—самопротиворѣчій и ошибокъ. Въ этихъ безчисленныхъ выпискахъ представляется цѣлое сокровище древней мудрости и поэтому, сохраненіемъ ихъ оказана Гроціемъ существенная услуга исторіи развитія мысли. Но безусловное подчиненіе юридическимъ понятіямъ древняго міра послѣдователя XVII. ст., должно было привести къ самоотрицанію. Гуго Гроцій сознаетъ отсутствіе, у древнихъ народовъ, международнаго права и права войны, поэтому онъ опровергаетъ попытку объяснять римскими законами всѣ случаи международной жизни [1]) но не находя нигдѣ, какъ только въ древнемъ мірѣ, научныхъ основаній, Гроцій почерпаетъ изъ этого богатаго источника свое познаніе. Проникнутый отвращеніемъ къ ужасамъ тридцатилѣтней войны, свирѣпствовавшей именно въ его время, Гроцій дѣлаетъ попытку внести въ область насилія и вѣроломства, начала права и нравственности [2]). Возставая противъ варварскихъ войнъ, Гуго Гроцій съумѣлъ не впасть въ противоположную сторону и отрицать, вообще, законность войны. Поэтому, онъ доказываетъ на основаніи исторіи, сущности международныхъ отношеній и въ особенности, съ помощью Священнаго Писанія, не только справедливость, но и необходимость войны [3]). Гуго Гроцій опредѣляетъ

[1]) Hugonis Grotii, De jure belli ac pacis 1625. proleg. 54.

[2]) ibid—p. 28: «Videbam per Christianum orbem vel barbaris gentibus pudendam bellandi licentiam: levibus aut nullis de causis ad arma procurri, quibus semel sumtis nullam jam divini, nullam humani juris reverentiam, plane quasi uno edicto ad omnia scelera emisso furore».

[3]) ibid—lib. I, cap. II, §. I, 5: «Recta autem ratio ac natura societatis, quae

войну, какъ состояніе, въ которомъ сплою рѣшаются возникшія недоразумѣнія [1]). Современная ему практика указывала на существованіе двоякаго рода войны: на войну публичную, государственную, которая ведется верховной властью (auctore eo geritur, qui jurisdictionem habet), и на войну частную, которая происходитъ между подданными [2]). Впрочемъ, онъ еще различаетъ смѣшанную войну, которая отчасти публичная, отчасти частная. Помимо этого дѣленія, Гроцій обращаетъ главное вниманіе на войну публичную, какъ торжественную (solenne) или правильную войну (justum), въ томъ смыслѣ, что для этой войны необходимы два условія: во 1-хъ, чтобы подобная война была начата верховной властью, и во 2-хъ, съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей, какъ напримѣръ: торжественное объявленіе войны противной сторонѣ. Обратимся теперь къ тому, что считаетъ Гроцій дозволеннымъ, во время войны, и, что несогласнымъ съ естественнымъ правомъ. Ссылаясь на Франциска Викторію, Гроцій объявляетъ также вытекающимъ изъ естественнаго права, правило, что въ цѣли войны находятъ себѣ оправданія, всѣ употребляемыя воюющими средства, поэтому, если цѣль справедлива, то всѣ средства, необходимыя для ея достиженія, также справедливы [3]). Самую же войну, Гроцій сравниваетъ съ трибуналомъ, въ которомъ воюющіе сами судьи и тотъ, который потерпѣлъ пораженіе, виновенъ и не имѣетъ права на жизнь [4]). Право войны основываетъ Гроцій на неизмѣнномъ основаніи человѣческой природы и разума [5]). И вотъ какія права воюющаго, Гроцій объявляетъ согласными съ естественнымъ правомъ и правомъ войны: всѣ подданные непріятельскаго государства, все равно, принимаютъ ли они прямое участіе въ войнѣ, или нѣтъ, могутъ быть убиваемы и даже женщинъ, старцевъ, дѣтей и плѣнныхъ не исключаетъ естествен-

---

secundo ac potiore loco ad examen vocanda est, non omnem vim inhibet, sed eam demum, quæ societati repugnat, id est, quae jus alienum tollit. Nam societas eo tendit, ut suum cuique salvum sit communi ope ac conspiratione».

[1]) De jure belli ac pacis, lib. I, Cap. I, § II, 1: «Bellum status per vim certantium, qua tales sunt».

[2]) De jure belli ac pacis, lib. I, cap. III, §. I, 1, 2.

[3]) ibid—lib, III, cap. I, § II, 1—3.

[4]) ibid—lib., III, cap. I, § III.

[5]) ibid—lib., I, cap. I, § X: «jus naturale est dictatum rectae rationis».

ное право войны [1]). Если дозволено убивать всѣхъ подданныхъ непріятеля, то тѣмъ съ большимъ правомъ можно ихъ тиранить, истязать и обращать въ рабство. Ссылаясь на слова Цицерона, что не противоестественно ограбить того, котораго мы имѣемъ право убить [2]), Гуго Гроцій считаетъ согласнымъ съ международнымъ правомъ, предать огню и мечу непріятельскіе города и земли; даже вещи священныя, не освобождены отъ непріятельскаго захвата. Такимъ же образомъ, какъ въ древности, война велась между всѣми гражданами, какъ завоеваніе считалось законнымъ, можно даже сказать, самымъ благороднымъ способомъ пріобрѣтенія собственности, такъ, разумѣется, что и Гроцій, преданный взглядамъ римскихъ юристовъ, находитъ совершенно справедливымъ захватъ имущества лицъ, непринимающихъ никакого непосредственнаго участія въ войнѣ [3]). Вотъ совокупность правъ воюющихъ. Если бы Гроцій ограничился повтореніемъ общеизвѣстныхъ опредѣленій римскаго права, заслуга его, предъ человѣчествомъ и наукою, была бы незначительна. Но Гроцій, окончивъ изложеніе правъ воюющихъ, ставитъ рядомъ съ ними требованія, имѣющія своимъ источникомъ врожденное человѣку чувство справедливости. Гроцій, кромѣ того, думаетъ, что даже здравый смыслъ совѣтуетъ воюющимъ умѣрять свои страсти и ненависть, и, не въ исполненіи только предписаній права или закона заключается добродѣтель, но необходимо слѣдовать чувству справедливости и благосклонности, и, не превышать мѣру должнаго удовлетворенія [4]). Слѣдуя внушеніямъ своего гуманнаго духа, и изъ любви къ ближнему, Гроцій требуетъ отъ воюющихъ пощады для всѣхъ невинныхъ, дряхлыхъ старцевъ, женщинъ и дѣтей, и при этомъ, высказываетъ общее правило, что воюющіе должны отличать безоружныхъ и беззащитныхъ гражданъ отъ вооруженныхъ пред-

---

[1]) De jure belli ac pacis lib. III, cap. VI.

[2]) ibid—lib., III, cap. V, § I: «Non esse contra naturam spoliare eum, quem honestum est necare, dixit Cicero».

Cicero, De officiis, lib, III, cap. VII.

[3]) De jure belli ac pacis, lib. III, cap. VI, § II, 1. Caeterum jure gentium non tantum is, qui ex justa causa bellum gerit, sed et quivis in bello, solenni et sine fine modoque dominus fit eorum, quae hosti eripit». Срав. lib. III, cap. VIII, § IV, 1.

[4]) De jure belli ac pacis, proleg. 45, lib. III, cap. X, § I, 1—3: «Ubi vides jus a justitia distingui, quia jus accipit id quod in judiciis externis viget».

ставителей враждующихъ государствъ. Слѣдовательно, мирные торговцы, крестьяне, плѣнные и умоляющіе о пощадѣ должны быть пощажены [1]). Относительно имуществъ непріятеля, Гроцій, съ одной стороны, придерживается мнѣнія, что воюющій долженъ соразмѣрять причиняемый имъ вредъ непріятелю, съ сущностью своего нарушеннаго права, а съ другой, объявляетъ справедлявыми опустошенія, которыя скорѣе заставятъ непріятеля просить мира [2]). Что же касается, наконецъ, собственности частныхъ лицъ, въ особенности составляющей предметъ военной добычи, то Гроцій не находитъ возможнымъ признать все имущество гражданъ непріятельскаго государства безусловной добычею побѣдителя [3]), ибо справедливость предписываетъ брать не больше, сколько требуется цѣлью войны, и насколько воюющій имѣетъ особенное право напримѣръ, какъ кредиторъ. Здѣсь обнаруживается больше всего любовь къ правдѣ и духъ гуманности Гуго Гроція: онъ чувствуетъ, какъ несправедливъ и противенъ идеѣ права господствовавшій обычай грабить безоружныхъ, мирныхъ гражданъ и взыскивать съ нихъ, за долги ими не сдѣланные и наказывать за поступки, въ которыхъ они неучаствовали. Поэтому, Гроцій напоминаетъ неоднократно воюющимъ, что предписанія любви распространяются дальше требованій права и, подобно тому, какъ несправедливо было бы со стороны богача лишить всего своего бѣдствующаго должника, такъ похвально щадить не только лицъ, но и имущества земледѣльцевъ, мирныхъ купцовъ и т. п. Только наложеніе контрибуцій, Гроцій оправдываетъ безусловно [4]). Въ этомъ заключается сущность мнѣнія Гуро Гроція о правѣ войны. Сказанное уже прежде, о ложности точки исхода Гроція, подтвердилось изложеніемъ его ученія. Необходимо прибавить, что вообще взглядъ Гроція на войну, не выдерживаетъ, по нашему мнѣ-

---

[1]) De jure belli ac pacis,—lib. III, cap. XI.

[2]) ibid—lib. III, cap. XII, § I, 1, 3.

[3]) ibid., lib. III, cap. XII § I, 1: «Sed neque peccato vacare, aut a restitutionis onere immunis censeri debet rerum hostilium in bello justo captura».

[4]) ibid. lib. III, cap. XIII, § IV, 4 (in fine) «non personis tantum, sed et rebus agros colentium, cum laude et ex pio canonum praescripto parci, saltem sub tributo; et sub simili tributo solere et mercibus concedia bello immunitatem».

нію, критики. Отецъ международнаго права представлялъ себѣ войну, какъ видъ судебнаго разбирательства, при которомъ побѣжденный всегда долженъ считаться неправымъ,—что приводитъ къ прославленію права грубой силы и всякаго рода насилія, а не къ цѣли войны, которая, по мнѣнію Гроція, состоитъ въ достиженіи удовлетворенія за правонарушеніе, потому что только возстановленіе нарушеннаго права можетъ быть законной причиною войны [1]). Если бы Гроцій постоянно имѣлъ бы въ виду цѣль войны, тогда онъ избѣжалъ бы тѣхъ самопротиворѣчій, которыя встрѣчаются въ третьей книгѣ его сочиненія. Въ введеніи, онъ возстаетъ противъ мнѣнія древнихъ, что будто, во время войны, теряютъ свою силу всѣ законы, что состояніе войны оправдываетъ всѣ жестокости и насилія; нѣтъ, говоритъ Гроцій, перестаютъ быть обязательными только законы государственные, постановленные на время мира, но не вѣчные и неизмѣнные законы, основывающіеся на природѣ, и на согласіи народовъ [2]). Между тѣмъ, Гроцій признаетъ за воюющими такія права, въ которыхъ только ясно обнаруживается ихъ источникъ: римское право и, которыя, при томъ, не только противны его собственному чувству права, но несуществовали даже во время ужасной тридцатилѣтней войны. Такъ, признавая за побѣдителемъ право на жизнь побѣжденныхъ, онъ логично выводитъ заключеніе, что обращеніе въ рабство военноплѣнныхъ есть милость и поэтому, оправдывается правомъ войны. Однако, уже въ XV ст. вошло въ обычай освобождать военноплѣнныхъ за выкупъ. Война затѣмъ не есть судъ, по которому слабѣйшаго надо считать неправымъ, и поэтому, лишать его всѣхъ правъ, вытекающихъ изъ общечеловѣческой натуры. Война происходитъ и должна происходить на равныхъ для обѣихъ сторонъ правахъ и если она, какъ сказалъ Гроцій, имѣетъ цѣлью возстановленіе нарушеннаго права, и слѣдовательно, правоваго порядка, то этому, противорѣчитъ взглядъ его на войну, какъ на судъ; ибо знаменитый авторъ неоднократно объявляетъ, что не всегда побѣда на сторонѣ того, кто правъ. Слѣдовательно,

---

[1]) De jure belli ac pacis, lib. II, cap. I, § I, 4.

[2]) ibid., proleg. 26: «Sileant ergo leges inter arma, sed civiles illae et judiciariae et pacis propriae, non aliae perpetuae et omnibus temporibus accomodatae»—«inter hostes valere jura, quae natura dictat aut gentium consensus constituit».

нарушенное право не всегда можетъ быть возстановлено, согласно дѣйствительному праву. Главнымъ недостаткомъ Гроціевой теоріи права войны, кажется намъ, непризнаніе за побѣжденными никакихъ правъ, слѣдовательно, принесеніе ихъ въ жертву полнѣйшему произволу сильнѣйшаго. Выше мы уже говорили объ «ограниченіяхъ» или «смягченіяхъ» (temperamenta) права войны, здѣсь мы еще прибавимъ нѣсколько замѣчаній. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что хотя теорія Гроція, очевидно, страдаетъ неясностью и шаткостью, все-таки она является весьма замѣчательной, именно, изъ за этихъ ограниченій права воюющаго, во имя гуманности и справедливости [1]). Гроцій еще не привелъ въ ясность различія между правомъ и нравственностью, религіею и правомъ, и поэтому, смѣшеніе этихъ разнородныхъ областей лишаетъ твердости его взглядъ [2]). Основываясь на понятіяхъ древняго міра, Гроцій долженъ былъ придти къ прославленію физической силы, и къ смѣшенію права съ нравственностью; слѣдуя же, съ другой стороны, внушеніямъ своего чувства права и гуманности, онъ требуетъ ограниченія этой же физической силы. Но очевидно, что признавая право только на сторонѣ сильнѣйшаго, который въ превосходствѣ своихъ матеріальныхъ силъ находитъ гарантію своему праву, противная сторона лишена всякаго права. Если дѣйствительно, только одна сторона имѣетъ право на жизнь и имущество непріятеля, то естественно рождается вопросъ: за кѣмъ изъ двухъ воюющихъ считать право, вѣдь извѣстно, что всегда оба считаютъ себя въ правѣ? Гроцій говоритъ, что тотъ правъ чье право нарушено; но это не рѣшаетъ затрудненія, и, съ его точки зрѣнія, этотъ вопросъ навсегда останется безъ удовлетворительнаго отвѣта. Чтобъ выйти изъ подобнаго затрудненія остается только одинъ и самый вѣрный исходъ: признать за обѣими сторонами неотъемлемыя права, и соотвѣтствующія имъ обязанности. Въ такомъ случаѣ, вопросъ о правѣ войны получитъ юридическое основаніе. Ученіе Гуго Гроція и послѣдовавшихъ за нимъ французскихъ и британскихъ писателей о правѣ войны, можно выра-

[1]) Къ сожалѣнію мы не могли воспользоваться во время изданнымъ недавно, въ первый разъ, сочиненіемъ Гуго Гроція: «*De jure praedae*» (ed. Hamaker, Paris 1869).

[2]) Bluntschli. Geschichte des allgemeinen Staatsrechts und der Politik. München. 1864, S. 70.

зпть знаменитымъ тезисомъ *Спинозы:* «право есть сила и естественное право тоже самое, что естественная сила», или другими словами, каждый имѣетъ настолько права, насколько силы [1]). Признавъ неограниченное право на сторонѣ могущественнаго воюющаго, всѣ смягченія этого права, очевидно, зависятъ отъ его доброй воли и политическихъ соображеній, руководящихъ имъ. Поэтому, неограниченіе своего признаннаго права воюющимъ, и опустошенія и разграбленія, совершаемыя имъ на непріятельской территоріи, не могутъ быть осуждаемы. Если же воюющій согласится осуществить нѣкоторыя, требуемыя Гроціемъ, на основаніи любви къ ближнему, смягченія своего права, то это послужитъ только поводомъ къ его прославленію и, не можетъ быть объясняемо въ смыслѣ исполненія имъ своей обязанности. Однако, право немыслимо безъ обязанности, и слѣдовательно, право войны, въ смыслѣ Гуго Гроція, есть отрицаніе права. — Критикуя сочиненіе: «*О правѣ войны и мира*», мы старались строго держаться подлиннаго текста и нисколько не имѣемъ намѣренія умалить значеніе Гуго Гроція, для развитія права войны. Гроцій всегда останется отцомъ науки международнаго права, всегда человѣчество будетъ ему благодарно за тѣ гуманныя требованія, съ которыми онъ обращался къ современнымъ ему народамъ. Вспомнимъ только тотъ міръ, и то время, когда явился трудъ великаго ученаго: въ самомъ разгарѣ тридцатилѣтней войны, проситъ Гроцій о снисхожденіи для побѣжденныхъ, и пощады для беззащитныхъ! [2]). Не безъ основанія можно сказать словами Лорана, что «никогда могущество идеи не обнаружилось съ такимъ блескомъ, какъ здѣсь; никогда прискорбная теорія, что факты управляютъ міромъ, не была опровергнута такъ торжественно» [3]). Въ высшей степени

---

[1]) Spinoza. Tractatus politicus, cap II, § 3 «Nam quoniam Deus jus ad omnia habet et jus Dei nihil aliud est, quam ipsa Dei potentia, quatenus haec absolute libera consideratur, hinc sequitur, unamquamque rem naturalem tantum jus ex natura habere, quantum potentiae habet ad existendum et operandam; quandoquidem uniuscujusque rei naturali potentia, qua existit et operatur, nulla alia est, quam ipsa Dei potentia, quae absolute libera est. § 4»— uniuscujusque individui naturale jus eo usque se extendit, quo ejus potentia —tantumque in naturam habet juris, quantum potentia valet».

(Opera omnia ed. Bruderis, Lipsiae 1844, vol. II, p. 54).

[2]) Срав. Ward. Enquiry—II, p. 615.

[3]) Laurent. Histiore du droit des gens. T. X. p. 477.

благодѣтельное вліяніе Гуго Гроція на смягченіе варварскихъ законовъ и обычаевъ войны, представляется совершенно неоспоримымъ фактомъ и, трудъ его легъ въ основаніе послѣдующихъ сочиненій о правѣ войны. Чувства гуманности и справедливости привели Гроція къ неопредѣленности въ теоріи и шаткости въ выводахъ. Обратимся теперь къ другому писателю о правѣ войны, который опредѣленностью своихъ заключеній, рѣзко отличается отъ Гентилиса и Гуго Гроція. Между писателями о международномъ правѣ прошлаго столѣтія, выдается логикою своихъ разсужденій и глубокомыслiемъ, голландецъ *Бинкершукъ* (Cornelius van Bynkershoek). Онъ не оставилъ спеціальнаго сочиненія о правѣ войны, но въ «*Вопросахъ публичнаго права*» Бинкершукъ опредѣляетъ въ краткихъ, но рельефныхъ чертахъ, какъ права воюющихъ, такъ и права нейтральныхъ. Въ основаніе всѣхъ своихъ разсужденій положилъ Бинкершукъ силу своего собственнаго разума. Онъ не признаетъ никакихъ авторитетовъ, умозаключенія которыхъ не выдерживаютъ разумной критики [1]). Разумъ (ratio) подъ которымъ онъ разумѣетъ, не только умственную способность, но и сущность вещей, признается Бинкершукомъ источникомъ международнаго права и слѣдовательно права войны [2]). Второй источникъ, по его мнѣнію, международный обычай (usus), международные трактаты и акты внутренняго законодательства (pacta et edicta) [3]). Если разумъ, не въ состояніи рѣшить возникшія въ международной жизни недоразумѣнія, то онъ обращается къ опыту исторіи. Но откуда беретъ Бинкершукъ свои примѣры? Если главнымъ образомъ изъ жизни древнихъ народовъ, то предстоитъ опасность впасть въ тѣ же ошибки, какъ Гроцій; въ такомъ случаѣ къ жизни XVIII ст. Бинкершукъ могъ бы примѣнивать понятія древняго міра. Этой опасности онъ умѣлъ избѣгнуть тѣмъ, что держался, главнымъ образомъ, современной ему международной практики, которую онъ критикуетъ, а иногда и восхваляетъ [4]). И такъ какъ Бин-

[1]) Corn. v. Bynkershoek. Quaestionum juris publici, libri duo. Lugduni Batavorum. 1737.—Мы пользовались изданіемъ 1767 г. in 4°.—*Ad Lectorem*: «Nulla ullorum hominum auctoritas ibi valet, si ratio repugnet».

[2]) ibid - lib. I, cap. II. p. 193: «Ratio, ipsa, inquam ratio, juris gentium est anima».

[3]) Quaestiones juris publici.—Ad Lectorem.

[4]) ibid - «hanc (auctoritatem) malim arcessere a perpetua consuetudine

керегукъ неуклонно слѣдуетъ своему разуму, то необходимо знать доводы, которые заставили его отступить отъ общепринятаго порядка. «Примѣры древняго міра и его трактаты», говоритъ онъ, «которые приводятъ греческіе и римскіе историки, безъ сомнѣнія, имѣютъ свою цѣнность; но подобно тому, какъ измѣняются международные обычаи, измѣняется и международное право» (ut mores gentium mutantur, sic et mutatur jus gentium [1]). Къ сожалѣнію, Бинкерегукъ, высказавъ эту великую истину, въ которой заключается залогъ жизни и развитія международнаго права, не всегда имѣлъ ее въ виду. На основаніи этихъ разумныхъ началъ, приступилъ Бинкерегукъ къ рѣшенію отдѣльныхъ вопросовъ международнаго права. Прежде всего, онъ обращается къ опредѣленію войны. Упомянувъ объ опредѣленіяхъ Гентилиса и Гуго Гроція, Бинкерегукъ находитъ ихъ неудовлетворительными, и поэтому, представляетъ свое собственное понятіе войны, которая, по его словамъ, есть «борьба между полновластными государствами, имѣющая цѣлью возстановленіе права, посредствомъ силы и хитрости» [2]). Бинкерегукъ не дѣлаетъ никакого различія между лицомъ и имуществами государства, которое непосредственно воюетъ, и личностью, и собственностью частныхъ лицъ. «Государю, противъ котораго мы ведемъ войну», говоритъ онъ, «принадлежитъ все государство, какъ лица его составляющія, такъ и вещи, въ немъ находящіяся. Подобно тому, какъ мы задерживаемъ нашего должника и все его имущество, такъ точно въ войнѣ, мы имѣемъ дѣло съ монархомъ и всѣмъ государствомъ» [3]). Изъ этого уже можно заключить, какія права признаетъ Бинкерегукъ за воюющими державами, и, какой участи подлежатъ частныя лица, и ихъ собственность. Все, имѣющее какой либо непріятельскій оттѣнокъ, предоставляется на усмотрѣніе и произволъ врага. Если слѣ-

---

hoc illove moda paciscendi inter gentes, et ab exemplis, *hic illic frequentatis* quam a testimonia veteris alicujus poetae vel rhetoris».

[1]) Quaestiones juris publici.—Ad Lectorem, p. 190.

[2]) Quaestiones juris publici,—lib. I, cap. I: «*Definitio belli, ejusque explicatio*». «Bellum est eorum, qui suae potestatis sunt, juris sui persequendi ergo, concertatio per vim vel dolum».

[3]) ibid—lib. I, cap. I, p. 191: «Ad principem, contra quem bellum gerimus, universa respublica pertinet, tam personae, quam res; sicuti igitur debitorem nostrum et omnia ejus bona exigimus, ita et in bello principem et universam ejus rempublicam».

довать придуманному Бинкерсгукомъ сравненію должника съ непріятелемъ, тогда мы логично придемъ къ заключенію, что подобно тому, какъ отъ должника, мы имѣемъ право требовать ту сумму, которую онъ состоитъ должнымъ, также точно и воюющій, считающій себя въ правѣ, обязанъ ограничиваться возстановленіемъ своего нарушеннаго права, или, его осуществленіемъ и, сообразно этой цѣли, принимать свои мѣры. Другими словами, война непремѣнно должна быть пропорціональна цѣли. Впослѣдствіи Бинкерсгукъ, однако, отступаетъ отъ логическаго развитія идеи, заимствованной имъ изъ области гражданскаго права, говоря, что въ войнѣ нельзя ограничиваться однимъ удовлетвореніемъ, за нарушеніе права, потому что къ побѣдителю переходятъ всѣ права побѣжденнаго государства, которыя послѣднее имѣло надъ лицами и имуществами, ему принадлежащими. Общее правило войны есть неограниченная воля воюющаго [1]). Теперь очевидно, что въ безусловномъ господствѣ силы, видитъ Бинкерсгукъ право войны. Поэтому, онъ считаетъ дозволеннымъ отравлять и убивать предательски непріятеля, сознавая притомъ, что онъ въ этомъ противорѣчитъ Гуго Гроцію и Зечи (Zouchy). Если разумъ, говоритъ Бинкерсгукъ, будъ тъ руководителемъ изслѣдователей международнаго права, то нельзя не придти къ заключенію, что непріятелю можно вредить всѣми средствами, потому только, что онъ непріятель [2]). Только одно дѣлаетъ онъ исключеніе, именно относительно вѣроломства: требуя отъ воюющихъ государствъ исполненія даннаго слова, не потому впрочемъ, что *непріятель* имѣетъ на это *право*, но, пока существуетъ это обязательство, нѣтъ непріятеля [3]). Слѣдовательно, между непріятелями, въ тѣсномъ смыслѣ, обязательствъ

[1]) Quaestiones juris publici, lib. I, cap. I, p. 191: «Debitorem quidem non ultra exigimus, quam nobis debetur, sed in bello, dissoluto quodammodo generis humani foedere, ad hostem ejusque omnia subigenda accingimur, *occupando omne id jus, quod princeps in rempublicam eam habet*, hoc est omnium hominum rerumque, qui quaeve in ea republica sunt, dominum: *generalis nempe belli conditio est, ut ad mensuram non geretur*».

[2]) ibid — lib. I. cap. I, p. 192 «Omnis vis in bello justa est — cum liceat hostem opprimere, etiam inermem, cum liceat veneno, cum liceat percussore immisso, et igne factitio».—«*Sed ei rationem, juris gentium magistram, sequamur, in hostes, qua hostes, omnia licet*». Ср. по поводу этого взгляда на право войны *Galiani*. Dé doveri, p. 262.

[3]) ibidem.

и правъ по нимъ быть не можетъ; пока существуютъ обязательства между государствами, о войнѣ не можетъ быть рѣчи, —ибо война, сама собою, отмѣняетъ всѣ принятыя государствами обязательства. Такія неограниченныя права воюющихъ государствъ слѣдуетъ признать за ними нераздѣльно, и, имъ нельзя ни противоставлять никакія ограниченія или смягченія, и они не противорѣчатъ справедливости. Ошибка Гроція и другихъ писателей, по мнѣнію Бинкерсгука, состоитъ въ смѣшеніи двухъ совершенно различныхъ понятій: справедливости и великодушія, между тѣмъ какъ все, основанное на правѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и справедливо. Такъ напримѣръ, право войны разрѣшаетъ всякую хитрость, исключая вѣроломства, то же самое дозволяетъ справедливость, между тѣмъ какъ великодушіе не всегда ее одобряетъ [1]). Еще съ большей подробностью, выясняется взглядъ Бинкерсгука на право войны въ главѣ, гдѣ говорится о послѣдствіяхъ войны для воюющихъ державъ и ихъ подданныхъ. Онъ здѣсь еще разъ, самымъ категорическимъ образомъ, утверждаетъ, что побѣдителю принадлежитъ право на жизнь побѣжденныхъ непріятелей (jus vitae ac necis); разумѣя всегда подъ послѣднимъ, не только вооруженныхъ, но безусловно всѣхъ подданныхъ воюющаго государства. Ограничивать свое право предоставлено всякому, смотря по усмотрѣнію, или милосердію; но юридическихъ правилъ, ограничивающихъ право воюющаго, нѣтъ и быть не можетъ. Наконецъ, Бинкерсгукъ касается также торговыхъ сообщеній между подданными воюющихъ государствъ, и, разумѣется, признаетъ всякую торговлю между подданными преступленіемъ, которое обыкновенно наказывается весьма строго. Но такъ какъ торговля, сама по себѣ, невинна и въ интересѣ воюющихъ государствъ можетъ быть разрѣшено, во время войны, продолженіе торговыхъ сношеній подданнымъ, исключительно нѣкоторымъ или вообще всѣмъ, то нѣтъ сомнѣнія, по мнѣнію Бинкерсгука, что въ этомъ отношеніи состояніе войны парализируется и, отчасти будетъ миръ, отчасти война между подданными воюющихъ государствъ [2]). Вотъ существенныя осо-

---

[1]) Quaestiones juris publici — lib. I, cap. I, «Justitia in bello omnius necessoria est, animi vero magnitudo a mera voluntate proficiscitur».

[2]) Quaestiones juris publici — lib. I, cap. III: «*De statu belli inter hostes*. Sic aliquando generaliter permittuntur mutua commercia, aliquando quod ad certas merces, reliquis prohibitis aliquando simpliciter et generaliter

бенности ученія знаменитаго юриста о правѣ войны. Съ перваго взгляда кажется, что Бинкершукъ не только ни на шагъ не подвинулъ впередъ выясненіе правъ воюющихъ государствъ, въ смыслѣ ограниченія господствующаго произвола, но скорѣе отсталъ отъ теоріи Гуго Гроція. Мы, однако, того мнѣнія, что удивительная точность опредѣленій, отсутствіе такихъ прямыхъ самопротиворѣчій, какъ у Гроція, и, неумолимый критическій его умъ, даютъ Бинкершуку право на бо́льшее вниманіе, чѣмъ онъ пользовался до настоящаго времени у защитниковъ гуманности въ правѣ войны. Находя неудовлетворительнымъ опредѣленіе войны его предшественниками, Бинкершукъ выставляетъ свое оригинальное понятіе войны и, затѣмъ, шагъ за шагомъ выводитъ изъ него свои логическія заключенія. Но, если не выдерживаетъ критики самое его опредѣленіе войны, то и всѣ его выводы должны пасть сами собою. Опредѣленіе войны Бинкершукомъ не отличается существенно ничѣмъ отъ опредѣленія Гентилиса, развѣ только полнотою и эластичностью, и поэтому, оно менѣе юридическое. Говоря, какъ и Гентилисъ, что «война есть борьба между независимыми государствами», Бинкершукъ прибавляетъ, что она ведется силою и хитростью, и такимъ образомъ выставляетъ то и другое, какъ необходимыя условія всякой войны. Если сила существенное условіе войны, то совершенно основательно заключить, что все совершаемое, во время войны посредствомъ силы, должно быть согласно съ правомъ войны и, наоборотъ, война должна служить поприщемъ для проявленія силы. Второе условіе войны хитрость, имѣетъ, какъ извѣстно, весьма много оттѣнковъ; но, принимая хитрость въ смыслѣ Бинкершука, мы принуждены оправдывать всякую подлость и обманъ, какъ вытекающіе изъ права войны. Не подлежитъ сомнѣнію, что война ведется съ помощью государственныхъ силъ; кромѣ того, война всегда допускала, такъ называемыя, военныя хитрости, но изъ всего этого, никакъ не слѣдуетъ, что *право* войны допускаетъ всѣ насилія и всякій обманъ. Въ этомъ именно заключается несостоятельность опредѣленія Бинкершука,

---

vetantur. Utcunque autem permittas, sive generaliter, sive specialiter, semper, si me audias, quod ad haec status belli suspenditur. Pro parte sic bellum, pro parte pax erit inter subditos utriusque principis.

«Utilitas vero mercantium, et quod alter populus alterius rebus indigeat fere jus belli, quod ad commercia, subegit».

ибо выставивъ верховной цѣлью войны достиженіе своего права (juris sui persequendi ergo), необходимо соображать съ этой цѣлью, средства войны. Право не можетъ быть возстановлено посредствомъ уничтоженія правоваго порядка и, только достиженіемъ права должны ограничиваться воюющія государства. Наконецъ война, имѣющая цѣлью право не можетъ допустить нарушенія чужаго права, со стороны воюющихъ, ибо, въ противномъ случаѣ, надо согласиться на безпрерывныя войны, потому что возстановленіе одного права приведетъ къ нарушенію другого. Слѣдовательно, опредѣленіе войны, оправдывающее всѣ насилія относительно непріятеля и, даже нарушенія правъ нейтральныхъ, непосредственно противорѣчитъ цѣли войны: защитѣ права и потому, оно несостоятельно. Это совершенно логично вытекаетъ изъ опредѣленія войны Бинкершукомъ; но, въ объясненіи своего опредѣленія, онъ предостерегаетъ читателя видѣть цѣль войны въ осуществленіи права —это только *разумное основаніе* (ratio) войны, но цѣль ея «наказать» противника, за совершенную неправду. Такое отступленіе отъ точнаго смысла опредѣленія, болѣе согласно съ общимъ взглядомъ Бинкершука на права воюющихъ государствъ, но оно еще меньше можетъ быть принято какъ *право* войны. Право наказанія есть актъ внутренняго государственнаго порядка и, ни одно независимое государство не предоставляло другому подобную власть. Право наказанія не основывается ни на разумѣ, ни на международныхъ обычаяхъ, и прямо отрицаетъ ту независимость государства, за которую ратуетъ самъ Бинкершукъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не видѣть, что такое существенное измѣненіе первоначальнаго опредѣленія войны обнаруживаетъ нѣкоторую шаткость въ понятіяхъ Бинкершука о правѣ войны. Бинкершукъ не освободился еще вполнѣ отъ вліянія римскихъ юристовъ, хотя онъ и почерпнулъ свои примѣры, главнымъ образомъ, изъ новой исторіи и въ особенности, изъ отечественной (нидерландской). Хотя онъ не такъ безусловно принимаетъ воззрѣнія древнихъ мыслителей, все-таки юридическія его понятія о правѣ войны, вполнѣ заимствованы изъ римскаго права, ибо противорѣчатъ господствовавшей въ его время практикѣ войны. Бинкершукъ, изъ патріотизма, часто оправдываетъ мѣры воюющихъ державъ, которыя давно были осуждены установившимися международными обычаями. Такъ въ XVIII вѣкѣ, меж-

дународные обычаи обезпечили военноплѣннымъ право на жизнь и, вмѣсто выкупа, который существовалъ въ XV и XVI ст. вошло въ обычай объявлять, при заключеніи мира, всѣхъ военноплѣнныхъ свободными. Затѣмъ, опустошенія стали несравненно рѣже въ концѣ XVII и въ XVIII ст., чѣмъ это было во время тридцатилѣтней войны, и дальнѣйшее развитіе права войны въ XVIII ст. обнаружи-астъ, самымъ положительнымъ образомъ, духъ гуманности, которымъ, все болѣе и болѣе, проникаются воюющія державы [1]).

Не смотря на отрицаніе права войны, со стороны Бинкерстука въ своихъ разсужденіяхъ о безусловномъ господствѣ физической силы и хитрости, онъ все-таки оказалъ важную услугу развитію права войны тѣмъ, что выяснилъ самопротиворѣчія другихъ, и болѣе сознаетъ различіе между правомъ, нравственностью и религіею. Не признавая рѣшительно никакихъ правъ за побѣжденными, и, предоставивъ ихъ, совершенно, великодушію и милосердію сильнѣйшаго противника, Бинкерстукъ указалъ на всю несообразность защищаемаго имъ мнѣнія. Выяснивъ, самымъ рѣзкимъ образомъ, противорѣчіе своей теоріи современной ему международной жизни и, не ограничивъ никакими смягченіями право войны, Бинкерстукъ можетъ служить доказательствомъ, что только изученіе условій развитія международныхъ отношеній даетъ твердое основаніе опредѣляющему ихъ праву и, съ другой стороны, *право* войны должно основываться на положительныхъ, юридическихъ основаніяхъ. Въ теоріяхъ Гуго Гроція и Бинкерстука о правѣ войны сосредоточиваются оба направленія, по которымъ развивалось, по настоящее время, право войны. Писатели, придерживающіеся взгляда Гуго Гроція, признаютъ, болѣе или менѣе, абсолютное право воюющихъ государствъ, причинять другъ другу всевозможный вредъ и, затѣмъ, во имя гуманности и христіанской любви, требуютъ отъ воюющаго смягченія, или ограниченія признаннаго за нимъ права. Другіе, напротивъ, слѣдовали теоріи Бинкерстука, только въ томъ отношеніи, что прославляли безусловное господство силы, безъ всякихъ ограниченій и смягченій. Большая часть писателей по международному праву, приняла точку зрѣнія Гуго Гроція, и надо имъ отдать

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens, tome XI, p. 402.

справедливость, они оказали неоцѣнимыя услуги дѣлу человѣчества, распространеніемъ своихъ гуманныхъ и искренно христіанскихъ воззрѣній на право войны. Монтескье [1]), Ваттель, Гальяни, Мартенсъ и др., существенно содѣйствовали уничтоженію варварскихъ обычаевъ войны и, ограниченію господства физической силы. При обсужденіи спеціальныхъ вопросовъ войны, мы коснемся воззрѣній этихъ писателей. Замѣтимъ только, что взглядъ Бинкерсгука, въ только что упомянутомъ смыслѣ, находилъ ярыхъ защитниковъ въ рядахъ британскихъ и американскихъ публицистовъ. Наиболѣе подробно развиваетъ владычество грубой силы датскій публицистъ Тетенсъ [2]), который не обладая нисколько блестящими способностями Бинкерсгука, довелъ ученіе его о правѣ войны, до крайней односторонности. Наконецъ, чѣмъ болѣе мы приближаемся къ современности, тѣмъ сознательнѣе и послѣдовательнѣе публицисты возстаютъ противъ произвола и насилій, совершаемыхъ воюющими. Въ особенности, континентальнымъ публицистамъ, какъ Реневалю, Отфелю, Пюттеру, Гефтеру и Блунчли, принадлежитъ честь, какъ выясненія правъ воюющихъ относительно нейтральныхъ державъ, такъ точно и опредѣленія отношеній воюющихъ государствъ между собою. Война сознается какъ отношеніе государства къ государству, и, частныя лица или мирные поддапные воюющихъ державъ должны пользоваться неприкосновенностью, какъ личности, такъ и собственности. Право войны не состоитъ въ прославленіи силы и физическаго могущества, но напротивъ, юридически опредѣляетъ права и обязанности государствъ, состоящихъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

Изъ представленнаго нами очерка развитія права войны, какъ въ международной жизни, такъ и въ наукѣ, мы считаемъ возможнымъ вывести двоякаго рода заключенія: во 1-хъ, война тѣсно связана съ жизнью народовъ и во 2-хъ, развитіе пониманія госу-

---

[1]) Montesquieu.—De l' esprit des lois, liv, I, chap. III: «Le droit des gens est naturellement fondé sur ce principe que les diverses nations doivent se faire, dans la paix le plus de bien et dans la guerre le moins de mal qu'il est possible sans nuire à leurs véritables intérêts».

[2]) Tetens.—Betrachtungen über die gegenseitigen Befüguisse der krieg führenden Mächte u. der Neutralen auf der See. Kiel. 1802.

дарства и его цѣли, привело къ болѣе правильному и возвышенному пониманію права войны.

Жизнь и развитіе человѣка въ обществѣ людей немыслимы, безъ извѣстной внѣшней обстановки, и безъ наличности матеріальныхъ средствъ, какъ необходимыхъ условій человѣческаго развитія. Мы знаемъ, что органическое цѣлое условій, необходимыхъ для развитія человѣка и зависящихъ отъ его свободной воли, называется правомъ. Внѣшнимъ, но никакъ не существеннымъ признакомъ права, является принужденіе. Имѣя право, лицо вмѣстѣ съ тѣмъ должно имѣть возможность его охранять отъ всякаго нарушенія, и способность отражать всякое нападеніе. Въ первобытныя времена народовъ, при отсутствіи общественной власти, охрана права была предоставлена всякому лицу, или субъекту права. Каждое лицо, съ оружіемъ въ рукахъ, защищало свою жизнь и собственность, и искало удовлетворенія за нанесенную ему, или домочадцамъ, обиду. Личная храбрость и физическая сила рѣшали вопросъ о правѣ и справедливости. Эпоха самоуправства и самосуда представляется первой ступенью человѣческаго развитія. Но, благодаря стремленію человѣка къ общежитію и къ порядку, развитіе жизни и правосознаніе вызвали зарожденіе власти и, государство прекращаетъ господство самоуправства. Чѣмъ болѣе развивается жизнь и усложняется совокупность условій ея процвѣтанія, тѣмъ лучше выясняется правосознаніе и упрочивается государственный организмъ. Государство представляетъ дѣйствительную внѣшнюю гарантію осуществленію права. Однако, границами государства индивидуальная жизнь, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, не ограничивается; она стремится дальше и, въ области международныхъ отношеній, ищетъ удовлетворенія своему неудержимому стремленію къ самоусовершенствованію. Преслѣдуя и въ этой области свои индивидуальныя цѣли, индивидъ неминуемо долженъ придти въ столкновенія съ другими индивидами. Между тѣмъ, международная жизнь не имѣетъ выше себя власти, она не признаетъ ни за кѣмъ верховнаго права на рѣшеніе возникшихъ въ международныхъ отношеніяхъ столкновеній, и на возстановленіе условій ея развитія. Однимъ словомъ, для международныхъ отношеній еще не прошло время самоуправства и самосуда: властью рѣшающей вопросы права, въ международной жизни,

осталась верховная воля государствъ. Самостоятельность государствъ несовмѣщается пока съ признаніемъ какой-либо высшей власти, и, всякое государство должно своими собственными силами находить себѣ судъ и расправу въ столкновеніяхъ съ другими субъектами международнаго права. Война является самымъ крайнимъ и опаснымъ средствомъ для этой цѣли. Въ чемъ же заключается сущность войны и ея право? Представляя себѣ государство, не какъ послѣднюю ступень человѣческаго общенія и, сознавая необходимость для государства принимать участіе въ международной жизни, понятіе о войнѣ должно получить болѣе возвышенное, научное основаніе, чѣмъ то, которое даютъ ему, обыкновенно, публицисты. Государства не могутъ предоставить человѣку всѣ условія для развитія интеллектуальныхъ и физическихъ его силъ, и поэтому, они обязаны содѣйствовать и обезпечивать всѣми мѣрами развитіе международной жизни. Не въ враждебной изолированности государствъ, современное международное право видитъ свой верховный принципъ, напротивъ, общеніе между государствами и дружественное содѣйствіе всякому индивиду, для достиженія необходимыхъ условій развитія своей жизни, является положительнымъ требованіемъ, вытекающимъ изъ правосознанія цивилизованныхъ народовъ [1]). На этомъ основаніи, государства обязаны избѣгать всего, могущаго нарушать естественный ходъ человѣческаго развитія и, въ случаѣ явнаго нарушенія необходимыхъ для этой цѣли условій, стремиться къ ихъ возстановленію. А какъ органическое цѣлое условій, необходимыхъ для развитія народовъ и зависящихъ отъ ихъ воли, есть право, — то очевидно, что для войны, предпринимаемой для возстановленія нарушенныхъ условій, существенно: уваженіе права. Изъ этого слѣдуетъ, что война должна имѣть цѣлью: возстановленіе права или водвореніе мира, и она ни въ какомъ случаѣ, не можетъ совершенно отмѣнить существующій между государствами правовой порядокъ. Государства, являясь непосредственными органами международной жизни, управляютъ самостоятельно международными отношеніями, и поэтому, международное столкно-

[1]) Franz v. Holtzendorff. Die Principien der Politik, Berlin 1869, S. 164, 244.

Ahrens. Cours du droit naturel ou de philosophie du droit. 6 ed. Lpz. 1868 tome I, p. 145, II, 499 etc.

веніе, возникшее вслѣдствіе нарушенія права, непосредственно касается государствъ и ими ограничивается. Если же международное право выставляетъ органическую совокупность условій, необходимыхъ для развитія народовъ, и вытекающихъ изъ международнаго правосознанія, - то всякая война, только тогда будетъ правильна и согласна съ условіями развитія международной жизни, когда она удовлетворяетъ требованіямъ международнаго права. Такимъ образомъ, война есть споръ о правѣ, и, подъ правомъ войны должно разумѣть совокупность юридическихъ опредѣленій, основывающихся на международномъ правѣ и необходимыхъ для правильнаго рѣшенія спора о правѣ, который возникъ въ международной жизни. Изъ этого опредѣленія права войны, мы считаемъ возможнымъ вывести слѣдующія заключенія. Субъектомъ права войны являются государства, слѣдовательно, понятіе и существо государства должны служить мѣриломъ правъ и обязанностей государствъ, какъ воюющихъ державъ. Понятіе государства развивается постепенно согласно развитію пониманія задачи государственной жизни, и поэтому, понятіе о государствѣ, какъ субъектѣ права войны должно, въ теченіе времени, также измѣняться и развиваться. Этотъ выводъ о тѣсной связи, существующей между развитіемъ понятія государства и развитіемъ понятія права войны, подтверждается вп лиѣ исторіею. Подробности объ этомъ предметѣ не могутъ входить въ наше изслѣдованіе и, по изложеніи теорій Гентилиса, Гуго Гроція и Бинкерсгука о правѣ войны, въ которыхъ явно высказывается ихъ понятіе о государствѣ, мы можемъ ограничиться только нѣсколькими замѣчаніями. Въ среднихъ вѣкахъ, при преобладающемъ вліяніи церкви на мірскія дѣла, государство было на второмъ планѣ, и государственная жизнь не подвергалась критическому изслѣдованію. Непосредственнымъ и главнымъ источникомъ средневѣковыхъ познаній о существѣ и задачѣ государства, была греческая философія, и въ особенности, римскій Corpus Juris Civilis. На основаніи этихъ источниковъ, верховная власть государства была понята, въ смыслѣ абсолютномъ и неограниченномъ. Мы не встрѣчаемъ въ теоріяхъ о государствѣ того времени, требованія неприкосновенности той индивидуальной сферы жизни, которая отчасти существовала въ дѣйствительности. Напротивъ, пропитанные римскимъ правомъ легисты дѣятельно стремились

къ ограниченію индивидуальной воли и, подъ прикрытіемъ римскихъ формулъ, возвели единовластіе на степень всепоглощающаго абсолютизма. Очевидно, что при такомъ пониманіи государства нельзя требовать сознанія различія между государственной жизнью человѣка и сферою его частной, индивидуальной жизни. Пока не сознавалось различіе между государственнымъ или публичнымъ, и гражданскимъ или частнымъ правомъ и, пока всякій гражданинъ былъ въ тоже время воинъ, нельзя было требовать отъ воюющихъ государствъ, признанія неприкосновенности мирныхъ подданныхъ непріятельской державы. Все, что находилось въ какомъ либо отношеніи съ непріятелемъ, подлежало враждебнымъ дѣйствіямъ противной стороны, и этимъ объясняется право войны, которое излагается Викторіею, Гентилисомъ, Гроціемъ и Бинкершукомъ. Такъ напримѣръ, Гроцій, въ государствѣ патримоніальномъ, въ которомъ верховная власть принадлежитъ монарху на правахъ частной собственности, признаетъ за нимъ право, какъ за частнымъ собственникомъ, отчуждать государство, какъ всякую другую вещь [1]). Мы увидимъ впослѣдствіи, каковы права, которыя на основаніи существа государства признаются вышеприведенными писателями, на сторонѣ воюющаго, завоевавшаго непріятельскую территорію. Если Бинкершукъ утверждаетъ, что право, принадлежащее побѣжденному государству надъ лицами и вещами, вполнѣ переходитъ къ побѣдителю и затѣмъ, приходитъ къ абсолютному праву сильнѣйшаго надъ подданными противника, и ихъ собственностью, то необходимо только вспомнить понятіе о государствѣ, общепринятое какъ въ теоріи, такъ и въ жизни XVII, и господствующее до конца XVIII ст.—На развалинахъ феодальнаго порядка возвысилась на западѣ абсолютная, монархическая власть, которая не признавала никакихъ правъ, на сторонѣ подданныхъ, но только требовала отъ нихъ исполненія извѣстныхъ обязанностей. Въ монархѣ олицетворяли государство и, неограниченно было право государственной власти надъ жизнью и собственностью подданныхъ. Если, во время господства такого абсолютизма въ государственной жизни, мы все-таки видимъ постепенное смягченіе бѣдствій войны, то это объясняется совершившимся прекращеніемъ частныхъ войнъ, и,

[1]) Hugonis Grotii. De jure belli ac pacis lib. I, cap. III §. XII, 1.

образованіемъ отдѣльнаго военнаго сословія. Въ это время, когда гражданинъ въ своемъ собственномъ государствѣ былъ существо безправное, и жилъ только «милостями своего господина» [1]), когда въ международной жизни, вмѣсто права, царствовала самая неразборчивая, въ своихъ средствахъ, политика, мы должны согласиться съ Бинкершукомъ, что, въ такое время, только сильнѣйшій имѣлъ абсолютное право надъ всѣмъ, принадлежащимъ непріятелю, и пощада жизни или уваженіе права собственности мирнаго подданнаго побѣжденнаго государства, есть только актъ великодушія и оказанная милость. При господствѣ произвола и безправности гражданъ въ государственной жизни, трудно ожидать отъ государствъ уваженія права въ международной жизни, — развѣ только изъ политическихъ видовъ. Переворотъ, совершившійся въ государственной жизни, въ концѣ прошлаго столѣтія, не могъ не возъимѣть рѣшительнаго вліянія на право войны. Провозглашеніе неотъемлемыхъ правъ человѣка, независимо отъ какого бы то ни было государственнаго порядка, и, сознаніе неприкосновенности частной жизни, должны были привести къ бо́льшему уваженію человѣческой личности непріятеля и, къ признанію неприкосновенности частныхъ лицъ и ихъ собственности. Съ этого времени, правосознаніе цивилизованныхъ народовъ, все болѣе и болѣе, выставляетъ верховнымъ принципомъ права войны, что война есть отношеніе государства къ государству, а не частныхъ лицъ другъ къ другу. Вотъ что сказалъ Порталисъ, въ своей рѣчи при открытіи въ 1800 г. французскаго призоваго совѣта: «Война есть отношеніе государства къ государству, а не индивида «къ индивиду. Въ случаѣ войны между двумя или нѣсколькими «государствами, частныя лица, имъ принадлежащія, только слу«чайно могутъ быть врагами. Частныя лица въ воюющихъ «государствахъ не могутъ быть непріятелями, ни какъ люди, «ни даже какъ граждане, но единственно только какъ воины. «Слѣдовательно, насколько подданные нѣсколькихъ воюющихъ «державъ не принимаютъ никакого личнаго участія въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ, ихъ права и личныя имущества не подлежатъ послѣдствіямъ войны, которая должна ограничиваться «правами и государственными имуществами воюющихъ дер-

[1]) Bluntschli. Geschichte des allgemeinen Staatsrechts. etc. S. 156.

жавъ» [1]). Эта истина повторялась, съ тѣхъ поръ, почти всѣми континентальными публицистами какъ принципъ права войны, но къ сожалѣнію, далеко не всѣ имѣли ее въ виду, при опредѣленіи правъ воюющихъ государствъ. Затѣмъ, въ теченіе первой половины нынѣшняго столѣтія, когда государства, все болѣе и болѣе, приходятъ къ выясненію своей цѣли, и, выдѣленіе сферы частной жизни изъ области государственной или публичной индивида, сдѣлалось основнымъ требованіемъ правильнаго развитія, вышеприведенный принципъ права войны получилъ дѣйствительное и прочное основаніе. Если-же наконецъ представить себѣ государство, какъ самостоятельный организмъ, и какъ самоопредѣленную личность, пользующуюся волей и средствами для ея осуществленія, то непонятно, какимъ образомъ нѣкоторые современные изслѣдователи права войны допускаютъ смѣшеніе своеобразной и независимой сферы частнаго права съ областью государственной и международной жизни. Впослѣдствіи мы постараемся доказать, что причиной этого смѣшенія служатъ политическія и патріотическія соображенія публицистовъ, которымъ они слѣдовали сознательно, во вредъ провозглашеннымъ ими же принципамъ права войны.

И такъ, мы считаемъ доказаннымъ ту тѣсную связь и то вліяніе, которое оказало развитіе понятія о государствѣ на развитіе права войны. Въ этомъ поступательномъ развитіи права войны на пути къ ограниченію произвола и насилій, заключается залогъ послѣдующаго вскорѣ окончательнаго уничтоженія сохранившихся, въ законахъ и обычаяхъ войны, слѣдовъ средневѣковыхъ частныхъ войнъ. Съ развитіемъ права войны, состоящемъ въ выясненіи, согласно развитію государственной жизни, взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ державъ, нельзя совмѣстить теорію послѣдователей естественнаго права, по которой возникновеніе войны между государствами, возстановляетъ отмѣненное спеціальными международными договорами, естественное, безправное состояніе людей. На основаніи этой незавидной теоріи, люди, жившіе до сихъ поръ въ мирѣ и согласіи, обращаются вдругъ въ естественное, непріязненное и «животное» состояніе, и, не признаютъ за собою никакихъ обязанностей, а на сторонѣ враговъ никакихъ правъ. Однимъ сло-

[1]) Ercole Vidari. Del rispetto della proprietà p. 19.

вомъ, объявленіе войны приводитъ къ «bellum omnium contra omnes». Хотя несостоятельность этой жалкой теоріи объ естественномъ, враждебномъ состояніи народовъ, доказана уже наукою давно, но все-таки, еще въ настоящее время встрѣчаются французскіе публицисты, — даже изъ числа требующихъ полной неприкосновенности частныхъ лицъ и собственности, — которые, весьма близко, придерживаются этого понятія о правѣ войны. Согласно первобытному или естественному праву (droit primitif), признанному французскими публицистами основнымъ источникомъ международнаго права и права войны, противнику разрѣшено вредить всевозможными способами, что, очевидно, приводитъ къ полной безправности непріятеля, котораго необходимо «наказать за его преступленіе [1])». Эти писатели приходятъ послѣдовательно къ заключенію, что развитіе права войны есть ничто иное, какъ возвращеніе къ «первобытному естественному праву», къ которому будто бы мы приближаемся тѣмъ болѣе, чѣмъ дальше распространяется цивилизація [2]). Уже въ введеніи, мы высказали нашъ взглядъ на развитіе международнаго юридическаго порядка и права, здѣсь же, въ отношеніи права войны, мы еще разъ повторяемъ, что подобно тому, какъ постепенно развивается международная жизнь и международное право, такъ точно развивается право войны: въ смыслѣ выясненія правъ и обязанностей воюющихъ государствъ. На основаніи этого поступательнаго развитія права войны, въ связи съ прогрессомъ въ пониманіи государства, мы заключаемъ, что субъектомъ современнаго права войны являются воюющія государства и ихъ вооруженная сила. Изъ этого слѣдуетъ, непосредственно, относительно объектовъ права войны, что дѣйствія воюющихъ державъ могутъ быть направлены только противъ личности государства, или ея представителей и, праву добычи подлежатъ исключительно государственныя имущества. Такъ какъ война ведется государствами и государственными силами, то само собою вытекаетъ неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ собственности.

---

[1]) Срав. Hautefeuille. Des droits et devoirs des nations neutres, t. I, p. 140, etc.

Histoire du droit maritime international, p. 60.

Questions du droit maritime international. Paris 1868. p. 74, 90, 94, etc.

Eugène Cauchy, Droit maritime international, I, p. 49, II, 19, 467.

[2]) Cauchy. Droit maritime II, p. 468.

Эта неприкосновенность слѣдуетъ непосредственно изъ признанной, въ государственной жизни цивилизованныхъ народовъ, ненарушимости имущественныхъ и семейныхъ правъ частнаго лица, независимо отъ качества его, какъ гражданина даннаго государства [1]). Подданные воюющихъ государствъ являются непріятелями и подлежатъ непосредственному вліянію права войны, только какъ вооруженные и организованные защитники государства,—слѣдовательно, при исполненіи ими своихъ обязанностей, опредѣляемыхъ государственнымъ правомъ страны. Только граждане, какъ воины, могутъ быть непосредственными врагами въ государственной войнѣ; но мирные подданные или частныя лица, въ принципѣ, должны пользоваться со стороны воюющихъ государствъ, своимъ правомъ безусловной неприкосновенности. Эта неприкосновенность частныхъ лицъ есть ихъ неотъемлемое право, а съ другой стороны, юридическая обязанность воюющихъ державъ. Мы говоримъ объ юридической обязанности воюющихъ государствъ, между тѣмъ какъ еще въ XIX ст. являются изслѣдователи международнаго права, признающіе непріятеля безправнымъ и разрѣшающіе воюющимъ вредить другъ другу всѣми способами. И такъ какъ именно война представляется самимъ важнымъ, по своимъ послѣдствіямъ, событіемъ въ международной жизни, то понятна и извинительна аргументація лицъ, незнакомыхъ съ международнымъ правомъ, указывающихъ на войну, какъ на доказательство безусловнаго господства силы и слѣпаго случая въ международныхъ отношеніяхъ. Если изслѣдователи права войны говорятъ о безправности непріятеля, и не знаютъ никакихъ юридическихъ обязанностей, на сторонѣ воюющихъ государствъ, то всѣмъ другимъ, какъ нельзя болѣе позволительно считать войну поприщемъ произвола и полнаго безначалія. Наше опредѣленіе права войны вполнѣ отрицаетъ мнѣніе о безправности непріятеля. Война, какъ споръ о правѣ, никогда неотмѣняетъ сама собою правоваго порядка существующаго между государствами, и право войны, опредѣляющее, согласно международному правосознанію, законность употребляемыхъ воюющими способовъ для правильнаго рѣшенія спора, признаетъ за воюющими государствами, какъ юридическія обязанности, такъ и права. Война, которая предпринимается для

[1]) Ahrens. Cours du droit naturel, 6 ed., tome II, p. 516.

возстановленія права и водворенія мира, не можетъ одобрять мѣры, состоящія въ прямомъ нарушеніи права и уничтоженіи юридическаго порядка. Слѣдовательно, современное право войны цивилизованныхъ народовъ одобряетъ только такія средства войны, которыя непосредственно и, безъ нарушенія чужаго права, приводятъ къ цѣли войны. И такъ какъ частныя лица имѣютъ неотъемлемое право на неприкосновенность своей частной жизни и имущественныхъ отношеній, то не подлежитъ сомнѣнію, что уваженіе этого права составляетъ юридическую обязанность воюющихъ государствъ, связанныхъ однимъ общимъ правосознаніемъ. Наконецъ, остается сказать нѣсколько словъ о цѣли войны. Всѣ современные публицисты согласны въ томъ, что цѣлью войны долженъ быть миръ, и поэтому, сообразно съ этою цѣлью, воюющіе должны принимать свои мѣры. Миръ, по нашему мнѣнію, естественное состояніе международной жизни, а такъ какъ необходимыя условія развитія народовъ: миръ и право, то очевидно, что приписываемая войнѣ цѣль: миръ— справедлива. Мы полагаемъ также, что мѣры войны должны согласоваться съ требованіями мира и не противорѣчить имъ [1]); но, не можемъ признать, выводимое отсюда, обыкновенно, положеніе, что цѣль войны оправдываетъ всѣ средства, употребляемыя воюющими государствами, для достиженія этой цѣли. Принятіе этого положенія отрицаетъ самое право войны, ибо если цѣль узаконяетъ всѣ средства, тогда нельзя требовать отъ воюющихъ соблюденія извѣстныхъ точныхъ правилъ, или, такъ называемыхъ, законовъ войны. Намъ кажется, болѣе согласнымъ съ чувствомъ права и сущностью войны, признавать дозволенными только тѣ средства, которыя сами по себѣ не нарушаютъ чужія права, и при томъ, согласны съ основными началами права войны и международнаго права. — Выше, мы сдѣлали попытку, опредѣлить существо, предѣлы и цѣль современнаго права войны цивилизованныхъ народовъ, на основаніи историческаго развитія права войны. Мы постоянно имѣли въ виду выясненіе права и юридическихъ обязанностей воюющихъ государствъ. Однако, было бы съ нашей стороны односторонно, отрицать существующіе хроническіе недостатки состоянія и права вой-

---

[1]) K. S. Zachariae.—Vierzig Bücher vom Staate, Heidelberg. 1841, V Bd. S. 111.

ны. Независимыя государства не признаютъ надъ собою никакой высшей, принудительной власти, которая могла бы рѣшать безпристрастно возникающія, въ международной жизни, правонарушенія и недоразумѣнія. Всякое государство, или каждый народъ самостоятельно осуществляетъ свое право принужденія, относительно другаго государства и, своеобразно понимаетъ нарушеніе и возстановленіе права. Случайныя, политическія комбинаціи, опирающіяся на грубой силѣ, часто получаютъ перевѣсъ надъ уваженіемъ права. Мало того, самая война между народами, возбуждающая обыкновенно, до крайнихъ предѣловъ, народныя страсти и, стоющая громадныхъ непредвидѣнныхъ жертвъ, нерѣдко выходитъ изъ опредѣленныхъ границъ вопроса о правѣ [1]). Весьма часто причиною войны, которою можетъ быть, дѣйствительно, нарушеніе права, не ограничивается конечная ея цѣль, и, кромѣ возстановленія права, воюющія стороны добиваются иногда гарантій для будущаго мира. Такимъ образомъ, политическіе интересы имѣютъ рѣшительное вліяніе на ходъ и окончаніе войны. Сознавая всѣ эти недостатки, мы все-таки думаемъ, что война подлежитъ точнымъ юридическимъ опредѣленіямъ и, *право* войны существуетъ и управляетъ дѣйствіями воюющихъ государствъ. Нельзя, впрочемъ, не согласиться, что часто предпринимались войны изъ личныхъ, властолюбивыхъ видовъ; что во имя правды и справедливости совершались гнусныя преступленія, не только противъ одного лица, но и противъ цѣлаго народа, и такимъ путемъ, нарушались основные, общепринятые принципы права войны. Однако самое право все-таки не перестало существовать и выказывать свое благотворное вліяніе. Впрочемъ, вѣдь существованіе права не зависитъ отъ частаго его нарушенія, и законъ не теряетъ обязательной силы, потому что его нарушаютъ [2]). Тѣ же, которые по причинѣ упомянутаго вліянія политики на осуществленіе права войны, и на томъ основаніи, что его постоянно нарушаютъ, отказываются признать надъ войною господство права, подтверждаютъ, своимъ отрицаніемъ, бытіе права войны; ибо если бы его не было, то нечего было бы нарушать! Что право

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. § 536.

[2]) Gentilis. De jure belli,—lib. I, cap. I, p. 8: «Quod contra jus fiat a multis, non propterea jus non est, et non minus est lex, quam multi transgrediuntur».

войны имѣетъ дѣйствительную обязательную силу для воюющихъ государствъ, доказывается исторіею: самыя сильныя государства слѣдуютъ предписаніямъ права войны, и, нарушеніямъ его, изъ-за политическихъ видовъ, стараются придать видъ и санкцію права. Наконецъ, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, если до настоящаго времени въ государственной жизни цивилизованныхъ народовъ, политика еще часто одерживаетъ верхъ надъ правомъ,—изъ чего однако не выводится отрицаніе права, — то неосновательно выставлять, относительно международной жизни, нарушеніе права войны, какъ доказательство его несуществованія. Въ выясненіи права войны, и въ опредѣленіи обязанностей и правъ воюющихъ государствъ, состоитъ задача науки и, чѣмъ точнѣе и опредѣленнѣе будетъ право войны, тѣмъ тѣснѣе сдѣлаются предѣлы политическаго толкованія и, тѣмъ осязательнѣе почувствуется всякое нарушеніе предписаній права войны, которое основывается на международномъ правосознаніи. Поэтому, мы приступаемъ теперь къ изслѣдованію правъ и, преимущественно, имущественныхъ, признаваемыхъ за частными лицами, чтобы опредѣлить законное или незаконное вліяніе, которому право частной собственности подчиняется, во время международной войны. Политическихъ соображеній, приводимыхъ публицистами, мы коснемся настолько, насколько это требуется для безпристрастной и основательной критики.

ГЛАВА III.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ВОЮЮЩАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ЕГО СОБСТВЕННЫМЪ ГРАЖДАНАМЪ.

Право войны не опредѣляетъ только права и обязанности воюющихъ державъ другъ къ другу и къ подданнымъ непріятеля, но касается также, хотя и отчасти, отношеній гражданъ къ своей верховной власти. Война вызываетъ отношенія между верховной властью и подданными, которыя опредѣляются обыкновенно государственнымъ, но не международнымъ правомъ. Даже въ то время, когда господствовало мнѣніе, что война обращаетъ народы въ первобытное состояніе вражды, и поэтому, воюющіе не ограничены ничѣмъ, кромѣ недостаточности своей

матеріальной силы, все-таки не было отрицаемо безостановочное дѣйствіе внутреннихъ государственныхъ законовъ. Законы очерчиваютъ кругъ дѣятельности каждаго фактора государственной жизни, охраняютъ порядокъ и опредѣляютъ количество и качество лишеній, которыя должны нести поддайные, для достиженія государственной цѣли. Борьба государства съ государствомъ требуетъ громадныхъ, неисчислимыхъ жертвъ и матеріальныхъ средствъ, доставленіе которыхъ, можетъ быть причиною окончательнаго разоренія гражданъ. Поэтому, весьма естественно возникаетъ вопросъ: предвидѣны ли внутреннимъ законодательствомъ страны всѣ тѣ случаи, которые могутъ имѣть мѣсто во время войны, относительно имущественныхъ правъ частныхъ лицъ? Другими словами, въ какое отношеніе къ государственной власти поставлены, посредствомъ войны, частныя лица и ихъ собственность?

Государство, какъ самостоятельный организмъ, какъ личность, нуждается въ матеріальныхъ средствахъ для отправленія своихъ органовъ. Средства обязаны ему доставлять граждане, въ видѣ податей и разнаго рода сборовъ. Размѣръ податей выражаетъ, по словамъ Монтескье, ту часть, которую каждый выдѣляетъ изъ своего имущества, чтобы безпрепятственно и съ большимъ наслажденіемъ, пользоваться остальнымъ; слѣдовательно, никто не можетъ жаловаться на соразмѣрное и справедливое распредѣленіе податей, въ виду всеобщей пользы. Помимо матеріальныхъ средствъ, предоставляемыхъ подданными государству, оно само, какъ лицо имѣетъ свою собственность, недвижимую и движимую, которую надо строго отличать отъ имуществъ гражданъ. Совокупность всѣхъ имуществъ, какъ частныхъ, такъ и государственныхъ, въ отношеніяхъ международныхъ, представляется обыкновенно однимъ, нераздѣльнымъ цѣлымъ, потому что верховная или территоріальная власть государства охраняетъ, не только право государственной, но и частной собственности, противъ всякаго нарушенія. Подобно тому, какъ государство всегда обязано защищать права частной собственности, публицисты признаютъ также за правительствомъ, право распоряженія для общаго блага и, въ особенности, въ случаяхъ крайней необходимости, всѣми имуществами, даже иностранными, находящимися на территоріи государства. Такое право распоряженія государства частною собственностью вытекаетъ

изъ территоріальной власти, и называется *dominium eminens* (domaine éminent [1]). Ваттель, Уитонъ и другіе публицисты говорятъ объ этомъ правѣ, безъ всякихъ ограниченій, предоставляя безусловно на усмотрѣніе государства осуществить свое право, когда и какъ ему угодно [2]). Слѣдовательно, если верховная власть распоряжается государственными имуществами, то каждое отчужденіе должно считаться дѣйствительнымъ; если же государство, въ случаѣ необходимости, отчуждаетъ собственность частныхъ лицъ или обществъ, то и это законно. За всякое отчужденіе или нарушеніе права собственности частныхъ лицъ, Ваттель требуетъ отъ государства, вознагражденія потерпѣвшимъ убытокъ. Вникнувъ въ смыслъ разсужденій Ваттеля, нельзя не видѣть, что онъ говоритъ объ экспропріяціи и извѣстно, что современное производство этого отчужденія, отличается большимъ уваженіемъ къ неприкосновенности права собственности. Въ настоящее время, государства предоставляютъ судебной власти или третейскому суду, рѣшеніе вопроса о вознагражденіи частнаго собственника. Современныя государства отказались отъ взгляда, что верховная власть имѣетъ право собственности на всѣ имущества, которыя находятся на территоріи, и также не принимаютъ мнѣніе Ваттеля, предоставляющее частную собственность государству, безъ всякой гарантіи. Къ экспропріяціи можно еще причислить убытки, претерпѣваемые, во время войны, частными лицами, или даже, цѣлой провинціей отъ непріятеля и, которые также должно разематривать какъ жертву, принесенную общему благу. Ваттель, часто страдающій въ своихъ разсужденіяхъ непослѣдовательностью и противорѣчіями, отличаетъ двоякаго рода случаи при рѣшеніи вопроса о вознагражденіи частныхъ лицъ за убытки, происшедшіе отъ войны [3]). Если убытки причинило государство, которое, напримѣръ, заняло частный домъ или садъ, чтобы возвести укрѣпленія, или, если воюющее государство велитъ разрушить, на основаніи стратегическихъ соображеній, магазины, кладовыя и т. п. для того, чтобы ими

[1]) Vattel: Droit des gens. liv. I, chap. XX. § 244.
Heffter. Völkerrecht. S. 126.

[2]) Wheaton's Elements ed. by Dana, p. 239: «—the eminent domain, thatis, the right, in case of necessity or for the public safety, of disposing of all the property of every kind within the limits of the state».

[3]) Vattel. Droit des gens. liv. III, chap. XV, § 232.

не воспользовался непріятель, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, государство, по мнѣнію Ваттеля, должно вознаградить лицъ, пострадавшихъ, «ибо всякій убытокъ долженъ быть распредѣленъ равномѣрно»: всякому свою долю (quote part). Что же касается убытковъ и потерь, происшедшихъ отъ непріятельскихъ дѣйствій, какъ напримѣръ, отъ дѣйствія его артиллеріи, или при взятіи города, то за эти убытки государственная власть не отвѣчаетъ. Такія несчастія обрушиваются на подданныхъ, какъ градобитіе, наводненіе или тому подобныя бѣдствія и, изъ человѣколюбія можно только сочувствовать пострадавшимъ, но они не имѣютъ права на вознагражденіе, со стороны своего государства. Главнымъ доводомъ въ пользу своего взгляда, приводитъ Ваттель, заключеніе, что въ государствѣ можно свою собственность подвергать такимъ опасностямъ, такъ какъ чрезъ это спасается жизнь. Если же государство юридически было бы обязано вознаграждать всѣхъ лицъ, за претерпѣваемые ими отъ непріятельскихъ нашествій убытки, тогда скоро были бы истощены финансы государства и кромѣ того, установленіе подобнаго вознагражденія вызывало бы множество злоупотребленій. Прежде всего замѣтимъ самопротиворѣчіе Ваттеля, который неоднократно высказывался за необходимость разложить причиненный, для всеобщаго блага, одному гражданину убытокъ равномѣрно на всѣхъ остальныхъ подданныхъ, «соединившихся въ одно государство». Такъ, говоря о репрессаліяхъ, мы привели его мнѣніе, что государство обязано (c'est une dette de l'Etat) вознаграждать невинныхъ гражданъ за лишеніе, причиненное имъ, по чужой винѣ; потому что никто не долженъ страдать за вину другихъ [1]). Кромѣ того, если Ваттель находитъ справедливымъ, распредѣлить вредъ, причиненный государствомъ частнымъ лицамъ изъ-за стратегической цѣли, между всѣми подданными въ равномъ размѣрѣ; то уже въ этомъ проявляется сознаніе принципа, что война есть отношеніе государства къ государству. Но, выставивъ принципомъ войны, ея существованіе не только между государствами, но между всѣми подданными воюющихъ державъ, Ваттель не признаетъ за частными лицами никакого права на вознагражденіе за потери, которыя, безъ сомнѣнія, также принесены общему благу. Однако, несчи-

[1]) Ваттель. Droit des gens. liv. II, chap. XVIII; § 345.

тая пострадавшихъ въ правѣ, требовать вознагражденія, публицисты обыкновенно заявляютъ, что человѣколюбіе и справедливость совѣтуютъ государству поправить вредъ, хотя бы отчасти, причиненный войною частнымъ лицамъ, — «если состояніе «финансовъ дѣлаютъ это удобоисполнимымъ» [1]). Иная должна быть точка зрѣнія писателей, придерживающихся начала, что война есть отношеніе государства къ государству, а не частныхъ лицъ другъ къ другу. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ, принявшіе это положеніе, примѣняютъ его послѣдовательно, такъ что вопросъ о правѣ частныхъ лицъ на справедливое вознагражденіе, за причиненный дѣйствіями воюющихъ государствъ вредъ, до настоящаго времени, не только не рѣшенъ въ международномъ правѣ, но рѣдко даже обсуждается публицистами. Законодательство страны, какъ мы уже сказали, опредѣляетъ точнымъ образомъ сумму лишеній, которыя каждый обязанъ нести, чтобы пользоваться благами, предоставляемыми ему государствомъ. Законъ проводитъ черту между областью, въ которой господствуетъ индивидуальная воля частнаго лица и той сферою, которая подлежитъ, непосредственно, государственной регламентаціи. Въ государственной жизни всегда различается частная собственность отъ государственной. Матеріальныя средства и, вообще всѣ имущества, принадлежащія лицу государства представляютъ такое же единство, какъ его цѣль, и поэтому, только этой цѣли должна служить государственная собственность. Имущества частныхъ лицъ, прежде всего служатъ средствомъ для удовлетворенія потребностей индивидуальнаго бытія и только, на законномъ основаніи, частная собственность можетъ быть привлечена къ участію въ государственныхъ расходахъ. Называть частную собственность, «*посредственнымъ*» государственнымъ достояніемъ, никакъ нельзя, потому что только воля частнаго собственника распоряжается ею, насколько такое распоряженіе неограничено положительнымъ закономъ [2]). Эти основанія нисколько не могутъ уничтожиться, вслѣдствіе возникновенія войны между государствами. Государство, какъ самоопредѣляющаяся личность, обладаетъ своими собственными средствами, и, оно приготовляетъ и ведетъ войну. Если даже поводомъ междуна-

[1]) Wheaton's. Elements of Intern. Law. § 540.
Bluntschli. Völkerrecht. § 662.

[2]) Held. Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts. S. 186.

роднаго столкновенія было частное лицо, за которое вступается государство, тогда частное дѣло превратилось въ государственное и, если результатомъ столкновенія — война, все-таки субъектами войны будутъ, не частныя лица, но государства. Государство, какъ юридическое лицо, несетъ юридическую отвѣтственность за принимаемыя имъ мѣры, подобно тому, какъ лицо физическое отвѣтственно за свои поступки: въ отвѣтственности лица выражается его самостоятельность и индивидуальность. Итакъ какъ, согласно этому, государства принимаютъ свои мѣры: выставляютъ въ поле свою вооруженную силу, считаютъ все захваченное войсками, собственностью государства [1]), и признаютъ неприкосновенность частныхъ лицъ вообще, то и очевидно, право на вознагражденіе за причиненный военными дѣйствіями вредъ. Изъ всего этого, однако нельзя вывести заключеніе, что война не имѣетъ никакого вліянія на имущественныя отношенія мирныхъ подданныхъ или частныхъ лицъ; что будто они могутъ оставаться совершенно въ сторонѣ, во время войны ихъ отечества съ другимъ государствомъ. Нѣтъ, хотя юридическую сферу государства и должно отличать отъ области частной жизни и частнаго права, все-таки интересы той и другой настолько общи и соприкасаются такъ тѣсно, что подобное общественное бѣдствіе, какъ война, не можетъ не налагать новыхъ и часто крайне обременительныхъ лишеній на гражданъ. Но, кѣмъ налагаются эти новыя тягости, какъ не законодательной властью? Какъ должны быть распредѣлены вызванные войною налоги и жертвы, если не равномѣрно между всѣми гражданами, согласно платежной ихъ способности и, соотвѣтственно покровительству и благамъ, которыя представляетъ имъ жизнь въ государствѣ? Война, начатая государственной властью и, изданныя по этому случаю законоположенія, имѣютъ обязательную силу закона для всѣхъ, безъ исключенія, гражданъ. Для всѣхъ подданныхъ, война представляется правильной въ томъ отношеніи, что никто изъ гражданъ не можетъ отказаться отъ оказанія посильной помощи на томъ основаніи, что не видитъ права на сторонѣ своего правительства. Такимъ образомъ, солидарность государственныхъ и частныхъ интересовъ вызываетъ солидарность относительно

---

1) Phillimore's. International Law. III, p. 189.

жертвъ, требуемыхъ государствомъ для веденія войны. Благо частнаго лица, все-таки тѣсно связано съ судьбою государства. Съ этой точки зрѣнія, мы не можемъ согласиться съ Видари, который смотритъ на государственный организмъ, какъ на акціонерную компанію, имѣющую своимъ исключительнымъ и единственнымъ основаніемъ матеріальный интересъ и личную выгоду [1]). Наше воззрѣніе на существо государства и отношенія его къ гражданамъ можно вывести изъ введенія и вышесказаннаго. Сходство между акціонерной компаніею и государствомъ разнѣ лишь въ томъ, что ни членъ компаніи, ни гражданинъ, не поглащаются въ этихъ двухъ юридическихъ лицахъ, но помимо ихъ имѣютъ свою самостоятельную индивидуальность, и поэтому, ни членъ компаніи, ни отдѣльный гражданинъ, не отвѣтствуютъ за всѣ поступки и расходы этихъ лицъ, но обладаютъ независимостью личности, собственными средствами и, отвѣчаютъ сами за свое поведеніе. На основаніи всего изложеннаго мы заключаемъ, что такъ какъ государства ведутъ войну на государственныя средства, источникомъ которыхъ главнымъ образомъ служатъ имущества гражданъ, въ размѣрѣ точно опредѣленномъ закономъ, сообразно платежной способности каждаго, то правда и справедливость требуютъ, распредѣлить такимъ же образомъ между всѣми гражданами, убытки и лишенія, (насколько ихъ можно опредѣлить матеріально), которымъ подвергались отдѣльные граждане во время войны. Все равно, были-ли эти убытки послѣдствіями распоряженій собственнаго государства или же дѣйствій непріятельской державы— право на вознагражденіе частныхъ лицъ не подлежитъ сомнѣнію. Въ первомъ случаѣ, пострадавшій, не по своей собственной винѣ, имѣетъ право на вознагражденіе со стороны своего правительства, потому что пострадалъ матеріально для всеобщаго блага, которое, на основаніи стратегическихъ соображеній, требовало нарушенія права собственности [2]). Относительно втораго случая, приводимаго Ваттелемъ, когда убытки произошли, напримѣръ, отъ дѣйствій непріятельской артиллеріи, мы не находимъ разумныхъ доводовъ отказать несчастнымъ въ правѣ требовать себѣ какого-либо вознагражденія, ибо нельзя же от-

[1]) Vidari. Del rispetto della proprietà privata, p. 39.

[2]) Vidari. Del rispetto: p. 44: «Dunque è giustissimo che i mali sufferti per l'interesse comune sieno in comune soppartati e risarciti».

рицать, что пострадавшіе терпѣли для всѣхъ гражданъ, а слѣдовательно и для блага государства. Храбрые защитники крѣпости противъ натиска непріятельской арміи; земледѣльцы, которыхъ жатвы растоптаны, дома разрушены непріятелемъ, для того, чтобы они не служили пристанищемъ противнику; слѣдовательно люди, которыхъ права нарушены, самымъ положительнымъ образомъ, и, они сами, часто разорены въ конецъ,—не могутъ быть лишены права требовать отъ государства, непосредственно являющагося воюющимъ, удовлетворенія за понесенные убытки. Между тѣмъ, такое право не признается на сторонѣ пострадавшихъ отъ дѣйствій непріятеля, даже писателями, которые вообще говоря, послѣдовательно развиваютъ гуманныя начала современнаго права войны. Подводя первый случай подъ понятіе экспропріяціи, они во второмъ, не признаютъ за государствомъ никакой юридической обязанности относительно пострадавшихъ. Основываясь на авторитетѣ Гуго Гроція, который отказываетъ гражданамъ въ правѣ на искъ противъ своего государства, для того, чтобъ каждый лучше защищалъ свою собственность [1]), публицисты, какъ Ваттель и Уитонъ, отрицаютъ это право, на основаніи политическихъ соображеній о недостаточности финансовъ государства, удовлетворить всѣхъ пострадавшихъ отъ непріятельскихъ военныхъ дѣйствій. Этого же мнѣнія держится Блунчли, который постоянно настаиваетъ на неприкосновенности частной собственности, но въ этомъ вопросѣ, очевидно, непослѣдователенъ. «Можетъ быть» говоритъ Блунчли, «что собственность частныхъ лицъ весьма пострадала «отъ разорительныхъ послѣдствій военнаго положенія, такъ какъ, «во время войны поля опустошаются, дома разрушаются и пре«вращаются въ пепелъ. Такъ какъ эти бѣдствія неизбѣжны, то «всякій собственникъ долженъ ихъ переносить подобно тому, «какъ если-бы они случились отъ градобитія, наводненія или «удара молніи. Это для частныхъ лицъ несчастіе, но никакъ не «претерпѣваемая неправда. Поэтому, они не имѣютъ *права* на воз«награжденіе, ни отъ непріятельскаго государства, котораго вой«ска произвели опустошенія, ни отъ своего собственнаго госу-

---

[1]) Hugonis Grotii. De jure belli ac pacis. lib. II, cap. XX, § VIII: «Plane «civili lege et hoc constitui poterit, ut rei bello amissae causa nulla adversus «civitatem actio est, ut sua quisque acrius defendat».

«дарства, на защиту котораго они полагаются» [1]). Исключительно только изъ видовъ справедливости и, если финансовое положеніе государства допускаетъ лишнія издержки, Блунчли находитъ возможнымъ требовать для пострадавшихъ вознагражденія [2]). Непослѣдовательность Блунчли сдѣлается совершенно очевидною, если сопоставить вышеприведенное его мнѣніе съ принципами, провозглашаемыми имъ неоднократно. Блунчли постоянно проводитъ черту между частной и государственной жизнью; онъ требуетъ неприкосновенности частныхъ лицъ и ихъ собственности вездѣ, гдѣ частныя лица не отказались отъ своего частнаго характера [3]). Блунчли сознаетъ благотворное вліяніе, оказанное этими началами на гуманизированіе права войны; по его собственнымъ словамъ, громадная масса мирныхъ подданныхъ, въ большей части случаевъ, совершенно неповинна въ столкновеніи между государствами; она подчиняется войнѣ, какъ ужасной необходимости, ее постигшей, непринимая, съ своей стороны, никакого дѣятельнаго участія, — не смотря на все это Блунчли отказываетъ этимъ невиновнымъ, въ вознагражденіи за вредъ и лишенія, причиненные имъ, во время войны [4]). Ошибочность этого воззрѣнія выказывается, отчасти уже въ томъ, что исходя изъ совершенно противоположнаго Ваттелю, Уитону [5]) и Кенту [6]) принципа — Блунчли, въ спеціальномъ вопросѣ о вознагражденіи за причиненные частнымъ лицамъ убытки, приходитъ къ тому же выводу, къ которому пришли защитники безусловнаго смѣшенія частныхъ и государственныхъ интересовъ. Если-бы Блунчли привелъ новыя оригинальныя доказательства въ пользу своего взгляда, тогда его согласіе съ вышеупомянутыми публицистами, можетъ быть, было-бы понятно. Но, вся его аргументація сводится къ тому же, какъ у Ваттеля, что войну и ея бѣдствія можно сравнивать съ явленіями природы, которыя не повинуются человѣческой волѣ. Опустошеніе полей, разрушеніе домовъ и жилищъ признается несчастіемъ, вызывающимъ только снисходительность со стороны

[1]) Bluntschli. Völkerrecht. § 662.

[2]) Ibid. § 662, 653 (S. 353).

[3]) Bluntschli. Völkerrecht S. 30—40, §§ 530, 531, 573 u. s. w.

[4]) Ibid. § 573 (S 320).

[5]) Wheaton's. Elements of International Law, §§ 296—540.

[6]) Kent's Commentary on International Law, revised with notes and cases etc. Edited by Abdy. Cambridge. 1866, p. 192

государства. Слѣдуя подобной аргументаціи, мы логично приходимъ къ заключенію, что война вообще такое несчастіе, которое не подлежитъ юридическому опредѣленію и не можетъ обойтись безъ нарушенія неприкосновенности частныхъ лицъ и ихъ собственности. Однимъ словомъ, истребленіе «невинныхъ частныхъ лицъ», полное разореніе ихъ имущества, должны только вызвать милостивое снисхожденіе, потому что права частныхъ лицъ нарушены этими «несчастіями», но не воюющими государствами. Для вмѣняемости за нарушеніе права, требуется сознаніе или умыселъ; для права на вознагражденіе за причиненный убытокъ, необходимо умышленное или, по крайней мѣрѣ, неосторожное причиненіе убытка, и такъ какъ здѣсь нѣтъ ни того, ни другаго, потому что разоренія и опустошенія являются, по мнѣнію Блунчли, просто несчастіями, причиненными необузданными силами природы, то о нарушеніи права частныхъ лицъ, во время войны, не можетъ быть и рѣчи. Очевидно, къ какимъ опаснымъ выводамъ можетъ привести отступленіе отъ послѣдовательнаго развитія идеи права. Самъ Блунчли неутомимо доказываетъ право частныхъ лицъ на неприкосновенность своихъ частныхъ правовыхъ отношеній, а съ этимъ правомъ нельзя совмѣстить разсужденія объ естественныхъ несчастіяхъ войны. И въ этомъ вопросѣ опять является обращеніе къ снисходительности и милосердію государства, подавшаго, иногда, поводъ къ вопіющимъ нарушеніямъ права. Если финансовыя обстоятельства государства находятся въ блестящемъ состояніи и, если государство считаетъ вознагражденіе справедливымъ, тогда только потерпѣвшіе, за общее благо, могутъ надѣяться на пособіе со стороны государства. Съ помощью подобныхъ разсужденій, мы оставляемъ область юридическую, лишаемся твердой, положительной почвы права, но за то переходимъ въ область политическихъ соображеній и случайностей. Согласно основному началу права войны и, на основаніи сущности отношеній частныхъ лицъ къ мирнымъ и воюющимъ государствамъ, въ принципѣ за частными лицами остается *всегда право* на вознагражденіе. Въ состояніи-ли будутъ финансы государства вознаградить всѣхъ пострадавшихъ, во время войны,—вопросъ дѣйствительно трудно разрѣшимый; но это затрудненіе должно вызвать къ изысканію средствъ, которыя могли-бы его разрѣшить, а не должно имѣть результатомъ отрицаніе неотъемлемаго

права частныхъ лицъ. Мы даже согласны съ Ваттелемъ, что установленіе вознагражденій можетъ привести къ множеству злоупотребленій, но нельзя же, изъ-за возможности злоупотребленій правомъ, отрицать самое право. Дѣло законодательной политики устранить, цѣлесообразными мѣрами, возникшія или могущія возникнуть злоупотребленія.

Совершенно оригинально касается разсматриваемаго нами вопроса извѣстный криминалистъ Бернеръ [1]). Обсуждая сущность контрибуцій, Бернеръ утверждаетъ, между прочимъ, что государства нисколько не обязаны вознаграждать частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ разорительныхъ дѣйствій непріятеля и насильственныхъ его поборовъ. Относительно платежа контрибуціи мирными жителями завоеванной непріятелемъ мѣстности, Бернеръ замѣчаетъ: «Общественный интересъ требуетъ, чтобы «справедливое вознагражденіе подвергавшихся контрибуціи и ограбленныхъ, постановлено было въ зависимость отъ, болѣе или «менѣе, сильнаго сопротивленія, которое оказали непріятелю «пострадавшіе. Только этимъ путемъ навсегда можно отрѣзать «всѣмъ трусливымъ надежду на удовлетвореніе изъ общественныхъ суммъ». Слѣдовательно, изъ всѣхъ писавшихъ о настоящемъ вопросѣ, только Бернеръ одинъ ставитъ частнымъ лицамъ въ упрекъ и наказаніе то, что они подчиняются подавляющей силѣ, и не возстаютъ противъ непріятеля. Такимъ образомъ Бернеръ обязываетъ всѣхъ мирныхъ жителей завоеванной провинціи препятствовать всѣми способами непріятельской арміи, вести войну и лишиться слѣдовательно той безопасности, которую право войны, уже въ прошломъ вѣкѣ, признавало за частными лицами. Замѣчательно, что при такомъ воззрѣніи на право вознагражденія, Бернеръ повторяетъ общесознанный принципъ права войны, что только вооруженныя силы государства рѣшаютъ споръ о правѣ, возникшій между государствами. На этомъ основаніи, современное право войны опредѣляетъ, что жители завоеванной территоріи обязаны повиноваться фактической власти, устранившей прежнюю, и которая, на болѣе или менѣе продолжительное время, лишалась права верховности. Съ другой стороны, завоеватель обязанъ соглашать свое поведеніе

[1]) Berner. Art. «*Kontributionen*». Bluntschli's u. Brater's Deutsches Staatswörterbuch. Срав. кромѣ того статьи Бернера: «*Krieg, Kriegsrecht*» и. «*Beute*» въ томъ же сборникѣ.

съ предписаніями международнаго права, которое обезпечиваетъ за частными лицами ихъ неприкосновенность лишь-бы они не принимали никакого дѣятельнаго участія въ войнѣ. Слѣдовательно, мирные подданые на взятой непріятелемъ территоріи, не обязаны возставать и сопротивляться непріятелю, исключая случаевъ, когда самъ непріятель своими варварскими мѣрами, или же, само законное правительство, вызываютъ населеніе на поголовное возстаніе и партизанскую войну. При такихъ обстоятельствахъ, когда всѣ мирные жители отказались отъ своего частнаго характера и перемѣнили сферу мирной дѣятельности на вражду съ непріятелемъ, послѣдній имѣетъ полное право считать непосредственнымъ врагомъ каждое частное лицо и поступать съ нимъ, сообразно правиламъ права войны. Но народы прибѣгаютъ къ такимъ поголовнымъ возстаніямъ весьма рѣдко, потому что они придаютъ войнѣ характеръ истребительный, подстрекаютъ на варварство и преступленія, и далеко не достигаютъ цѣли, для которой приносится столько жертвъ. Блунчли говоритъ совершенно основательно, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда весь народъ одушевленъ для защиты высшихъ національныхъ благъ и интересовъ, все-таки масса частныхъ лицъ удерживается отъ всякаго непріязненнаго дѣйствія и продолжаетъ, во время войны, какъ и въ мирѣ, свои мирныя занятія [1]). Такимъ образомъ, полная несостоятельность и парадоксальнось мнѣнія Бернера не нуждается въ доказательствахъ. Всякое возстаніе противъ фактической военной власти непріятеля, вызвало-бы только строгое наказаніе и лишило-бы жителей всѣхъ гарантій, признанныхъ за частными лицами [2]). Гефтеръ, въ этомъ отношеніи, требуетъ логично даже наказанія всякаго провинившагося противъ личности или собственности непріятеля, признавая это не только нарушеніемъ военныхъ обычаевъ (Kriegssitte), за которое можетъ наказывать непріятель самъ, но даже нарушеніемъ собственныхъ государственныхъ законовъ, карающихъ за всякій проступокъ противъ права личности или собственности [3]). Этотъ взглядъ Гефтера, раздѣляемый также криминалистомъ Абеггомъ [4]), подтверждаетъ убѣдительнѣйшимъ

[1]) Bluntschli. Völkerrecht. § 573.

[2]) ibid. §§ 539, 540 и слѣд.

[3]) Heffter. Europäisches Völkerrecht. S. 223.

[4]) Abegg. Untersuchungen aus dem Gebiete der Strafrechtswissenschaften. 830. S. 86.

образомъ наше мнѣніе, что частныя лица не обязаны сопротивляться непріятельской силѣ, принуждающей ихъ къ поставкѣ разныхъ предметовъ, какъ напр. съѣстныхъ припасовъ, обуви, денегъ и т. п., но имѣютъ право иска за понесенные убытки къ своему законному правительству или къ непріятелю. Вознагражденіе пострадавшихъ не есть награда и, не должно быть возбужденіемъ къ мужеству и смѣлости, какъ думаетъ Бернеръ, но представляется справедливымъ удовлетвореніемъ права частныхъ лицъ, которыя подвергались лишеніямъ, для всеобщаго блага. Отказъ же въ вознагражденіи будетъ вопіющая несправедливость и нарушеніе права, которое не можетъ быть оправдано, какъ наказаніе за слабость и трусость. Только за храбрыми защитниками крѣпости, Бернеръ признаетъ какъ-бы право на вознагражденіе, говоря что они могутъ этого требовать за жертвы, принесенныя ими государственному организму. — Относительно другихъ писателей, мы замѣтимъ, что Гефтеръ, по обыкновенію, выражается и объ этомъ вопросѣ довольно неопредѣленно. Касаясь исчезнувшаго варварскаго обычая войны—предавать упорно защищавшійся городъ на разграбленіе войску, — Гефтеръ считаетъ благороднѣе и великодушнѣе не допускать исключенія изъ общаго правила и, по его мнѣнію, военная добыча должна ограничиваться исключительно предметами, принадлежащими непріятельской арміи, такъ какъ вознагражденіе частныхъ лицъ, со стороны государственной власти, весьма сомнительно, а подвергаются такому насилію люди невинные [1]). Оппенгеймъ, напротивъ, признаетъ непоколебимымъ правиломъ, что убытки, претерпѣваемые отдѣльными лицами, должны считаться убытками цѣлаго государства [2]). Наконецъ, если и до сихъ поръ защищаемое нами право, еще непризнано государствами, то это нисколько не опровергаетъ наше мнѣніе, но только доказываетъ неустановившійся юридическій порядокъ. Въ случаѣ признанія права частныхъ лицъ, законодательство страны должно распредѣлить лишенія и убытки на всѣхъ гражданъ, сообразно ихъ платежной состоятельности и, при заключеніи мира государства должны имѣть въ виду вышедоказанное право частныхъ лицъ.

[1]) Heffter. Völkerrecht. S. 138, 162, 242.

[2]) Oppenheim. System des Völkerrechts. 1867. S. 237. Ср. также Mohl. Encyklopaedie der Staatswissenschaften. S. 160.

Слѣдуя признанному праву на вознагражденіе, мы должны также упомянуть о захватѣ частной собственности на морѣ. Обязано-ли государство вознаграждать собственниковъ кораблей за конфискацію ихъ собственности, въ видѣ приза, непріятелемъ? Мы полагаемъ, что государство всегда обязано вознаграждать лицъ пострадавшихъ *невинно*, во время войны. Но этотъ отвѣтъ, въ настоящее время парализируется тѣмъ, что обыкновенно государства, при возникновеніи войны, строго воспрещаютъ своимъ подданнымъ всякія непосредственныя торговыя сношенія съ гражданами непріятельской державы. Было бы, поэтому, безсмысленно признать право на вознагражденіе за лицами, которыя нарушали законное распоряженіе своего правительства. Если-же въ недалекомъ, можетъ быть, будущемъ, полная неприкосновенность частной собственности на морѣ, сдѣлается совершившимся фактомъ, тогда, въ такомъ-же видѣ, должно быть признано право вознагражденія судохозяевъ и собственниковъ товаровъ, пострадавшихъ невинно во время войны на морѣ. По признаніи неприкосновенности купеческихъ кораблей, захватъ ихъ можетъ имѣть мѣсто, только въ случаяхъ подвоза ими военной контрабанды или нарушенія блокады; слѣдовательно, здѣсь право на вознагражденіе немыслимо.

Въ вышеизложенномъ, мы старались выяснить право частныхъ лицъ на вознагражденіе, которое должно быть признано за ними, какъ на основаніи современнаго принципа права войны, такъ и по необходимости отличить сферу частной индивидуальной жизни человѣка отъ сферы государственной или политической его дѣятельности. До сихъ поръ, мы говорили о безусловномъ, неотъемлемомъ *правѣ* частныхъ лицъ; но нельзя оставить безъ вниманія вопросъ о томъ: всегда-ли государство будетъ въ состояніи вознаграждать всѣхъ частныхъ лицъ, пострадавшихъ во время войны? Разсмотрѣвъ вопросъ, съ точки зрѣнія юридической, нельзя не сказать нѣсколько словъ о возможности осуществленія права частныхъ лицъ и о затрудненіяхъ, имъ вызываемыхъ. Соглашаясь, что политика и международное право въ жизни, какъ и въ наукѣ, болѣе или менѣе раздѣльныя области [1]), мы все-таки полагаемъ, что несогласно съ великой задачею на-

[1]) Bulmerincq. Systemàtik des Völkerrechts. Dorpat. 1858. S. 62. Срав. Holtzendorff. Die Principien der Politik. Berlin. 1869. S. 7.

уки, отрѣшиться отъ жизни и не оказывать на нее своего благотворнаго вліянія. Только безразличное смѣшеніе областей права и политики, какое встрѣчали у Ваттеля, Уитона и Блунчли, въ настоящемъ вопросѣ, не оправдывается наукой международнаго права.

Всякая война представляетъ зрѣлище страшной борьбы между государствами, которыя напрягаютъ всѣ свои силы, дѣлаютъ громадныя издержки и, весьма часто, истощаютъ матеріальныя силы страны. Война между государствами всегда отзывается разорительно на народномъ богатствѣ, потому что, во время войны останавливается естественное развитіе промышленности и торговли, а государства бываютъ принуждены обращаться къ ненормальнымъ источникамъ доходовъ и обременять себя долгами. Чѣмъ бо́льшее пространство занимаетъ театръ войны, тѣмъ чувствительнѣе для мирныхъ подданныхъ будутъ ея бѣдствія и, тѣмъ больше будетъ непреодолимыхъ преградъ нормальнымъ и необходимымъ сношеніямъ. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда воюющее государство взываетъ къ патріотизму и требуетъ всевозможныхъ жертвъ отъ подданныхъ, народное богатство, источникъ матеріальной силы государства, не только не идетъ впередъ, но, напротивъ, истощается постепенно. Современныя воюющія державы постоянно стремятся къ локализаціи войны и къ ограниченію ея бѣдствій для мирныхъ подданныхъ. Но, если расходы на содержаніе вооруженной силы государства уже въ мирное время доходятъ до громадныхъ размѣровъ, то понятно, что и локализированная война въ состояніи разрушить народное благосостояніе, на весьма продолжительное время. Принимая еще въ соображеніе современныя дорогостоющія усовершенствованія въ орудіяхъ войны, которыя всѣ направлены къ одной цѣли: нанести непріятелю въ наикратчайшій срокъ окончательный ударъ, то нельзя не сознаться, что при такихъ обстоятельствахъ, вознагражденіе пострадавшихъ частныхъ лицъ изъ государственной казны дѣйтельно шатко и затруднительно. Съ политической точки зрѣнія, финансовое благоустройство государствъ дѣйствительно чрезвычайно важно, для практическаго осуществленія права частныхъ лицъ. Однако, сознавая вполнѣ это затрудненіе, намъ все-таки кажется право частныхъ лицъ легко осуществимымъ. Прежде всего замѣтимъ, что истощеніе государственныхъ средствъ на вооруженный миръ при-

знается всѣми писателями анахронизмомъ, и, въ высшей степени, вреднымъ осуществленію государственной цѣли; поэтому, можно надѣятсья, что непроизводительные расходы со временемъ сократятся значительно. Затѣмъ, защищая право на вознагражденіе, мы его понимаемъ въ равномѣрномъ распредѣленіи между гражданами, согласно ихъ состоятельности, убытковъ, вызванныхъ войною и обрушившихся только на извѣстную часть государственнаго цѣлаго. Распредѣленіе между всѣми гражданами этихъ лишеній есть дѣло государственной власти и ея обязанность устранить возможныя злоупотребленія. Въ случаѣ-же перемѣны въ представителѣ государственной власти: когда напримѣръ, потерпѣвшая больше всего часть территоріи переходитъ, по заключеніи мира, къ непріятелю, то этимъ право иска измѣняется только въ отвѣтчикѣ, а не уничтожается вполнѣ. Исходъ войны никогда не можетъ быть предвидѣнъ воюющими государствами и слѣдовательно, если воюющіе должны постоянно имѣть въ виду право на вознагражденіе частныхъ лицъ, за причиненные убытки и, что навѣрно побѣжденному придется внести необходимую сумму, тогда этотъ практическій интересъ и сознаніе права, оказавшее такое благотворное вліяніе на успѣхи международнаго права, удержатъ, безъ сомнѣнія, воюющія государства отъ своевольнаго и неосторожнаго истребленія собственности мирныхъ частныхъ лицъ. Трактатъ мира долженъ рѣшить дѣло объ удовлетвореніи права частныхъ лицъ. Государство, которому въ мирномъ трактатѣ уступлена мѣстность, служившая, можетъ быть, театромъ войны, пріобрѣтаетъ право верховной власти, со всѣми правами и обязательствами; поэтому, обязательство вознаградить частныхъ лицъ также переходитъ къ нему, если нѣтъ инаго спеціальнаго постановленія. Такимъ образомъ разрѣшается удовлетворительно вопросъ о вознагражденіи частныхъ лицъ, и, по водвореніи бо́льшаго уваженія права въ государственной и международной жизни, можно надѣятся, что разсмотрѣнное нами право частныхъ лицъ получитъ дѣйствительное осуществленіе и примѣненіе.

ГЛАВА IV.

О ПРАВАХЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА СУШѢ.

Отдѣленіе I. О частной собственности на непріятельской территоріи.

Исторія права войны показываетъ что обычаи и законы войны измѣнились въ болѣе гуманномъ смыслѣ, прежде на сушѣ, чѣмъ на морѣ. Частная собственность мирныхъ подданныхъ непріятельской державы была признана неприкосновенной уже въ XVII ст., и только воюющіе, пропитанные вандализмомъ, лишали частныхъ лицъ гарантій безопасности. Нельзя не сознаться, что осуществленію защищаемаго нами начала на практикѣ, народы прежде всего обязаны «желѣзной дисциплинѣ полководцевъ». Къ стыду науки международнаго права, мы должны сознаться, что въ то время, когда обычаями войны, давно уже признана неприкосновенность частной собственности на сушѣ, въ наше еще время являются писатели, отрицающіе это право частныхъ лицъ. На морѣ частная собственность не освобождена ни отъ захвата, ни отъ конфискаціи. Слѣдуя этому генетическому развитію сознанія правъ частныхъ лицъ, мы разсмотримъ сперва частную собственность на сушѣ; и такъ какъ воюющія державы прежде всего направляли свои удары противъ гражданъ враждебнаго государства, находящихся на ихъ территоріи, то теперь подлежитъ нашему анализу частная собственность подданныхъ непріятеля, застигнутая возникшею войною на территоріи другаго воюющаго государства.— Собственность частныхъ лицъ можетъ состоять изъ *имуществъ осязательныхъ* (res corporales) и *имуществъ неосязательныхъ* (res incorporales). Къ первому роду имуществъ можно отнести *имущества недвижимыя* и *движимыя*; ко второму—*права по обязательствамъ*. Положеніе имуществъ недвижимыхъ и движимыхъ, принадлежащихъ подданнымъ непріятельскаго государства и застигнутыхъ объявленіемъ войны ихъ отечеству на территоріи противника, мы разсмотримъ отдѣльно отъ положенія, въ которомъ находятся эти имущества на отечественной территоріи, завоеванной непріятелемъ. Права по обязательствамъ, мы разсмотримъ не-

раздѣльно, согласно самой сущности обязательственныхъ отношеній.

Считаемъ еще нужнымъ замѣтить, что встрѣчаемыя повторенія были, по нашему мнѣнію, необходимы для большей ясности изложенія.

I. Объ имуществахъ недвижимыхъ.

По началамъ современнаго международнаго права, возникновеніе войны между государствами не уничтожаетъ правовой порядокъ и не отмѣняетъ обязательственныя отношенія,—насколько этого не требуютъ сущность обязательствъ или существующія, спеціально на этотъ случай, постановленія. Если такимъ образомъ война совмѣстна съ продолженіемъ обязательственныхъ отношеній между воюющими государствами, то само собою разумѣется, что существующія между воюющими государствами и частными лицами, юридическія и нравственныя отношенія не могутъ быть отмѣнены войною, возникшею между государствами. Частныя лица не могутъ быть лишены покровительства законовъ, по поводу войны.

Недвижимое имущество, какъ часть государственной территоріи, неразрывно связано съ интересами всего государства. Естественнымъ основаніемъ государствъ служитъ земля, которая въ отношеніи верховной власти, простирающей надъ нею свою верховность, называется *территоріею*. Территорія состоитъ изъ совокупности всѣхъ поземельныхъ участковъ, принадлежащихъ, по праву собственности, или государству, или же обществамъ и частнымъ собственникамъ; но надъ которыми верховная власть имѣетъ исключительное право господства (jus territoriale). На этомъ основаніи, въ международномъ правѣ принято положеніе, что все находящееся на территоріи государства, также подчинено его верховной власти. (Quidquid est in territorio, est etiam de territorio). Согласно этому принципу, ни одно частное лицо не можетъ пріобрѣсти недвижимое имущество, помимо участія территоріальной власти [1]). Если, слѣдовательно, государство разрѣшило иностранцамъ пріобрѣтать на своей территоріи поземельную собственность, то оно этимъ обезпечило

[1]) Bluntschli. Völkerrecht. §. 277.

за землевладѣльцемъ защиту и покровительство законовъ до тѣхъ поръ, пока онъ его не лишится, по собственной винѣ. Недвижимость пріобрѣтается въ собственность, не на извѣстный срокъ, но на безсрочное время. Такъ какъ недвижимая собственность есть составная часть государственной территоріи, то понятно, что и всякій собственникъ становится въ непосредственныя отношенія къ территоріальной власти. Поэтому, начиная съ того времени, когда иностранцамъ вообще дозволено было пріобрѣтать недвижимыя имущества, первыми и неизбѣжными условіями пріобрѣтенія въ собственность недвижимости, были: подчиненіе территоріальной власти и принятіе подданства. При такомъ порядкѣ вещей, война государства, подданнымъ котораго землевладѣлецъ состоялъ прежде, съ государствомъ, къ которому онъ теперь принадлежитъ, не могла, разумѣется, оказывать никакого вліянія на осуществленіе права собственности. Но, когда все болѣе и болѣе развивались международныя отношенія и международная жизнь; когда всякій, и вездѣ, сталъ пользоваться правами неотъемлемо связанными съ личностью человѣка, тогда исчезли преграды и ограниченія, существовавшія для пріобрѣтенія иностранцами недвижимыхъ имуществъ. Въ настоящее время неприкосновенность, во время войны, недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ иностранцамъ есть положительный законъ современнаго международнаго права. Территоріальная власть, которая конфисковала бы ту самую собственность, на пріобрѣтеніе которой она изъявила свое торжественное согласіе, подрывала бы подобнымъ поведеніемъ всякое къ себѣ довѣріе. По помимо неотъемлемаго и неопровержимаго права частныхъ лицъ на неприкосновенность владѣемыхъ ими недвижимостей, въ интересѣ территоріальной власти уважать это право частнаго лица. Самыя элементарныя политико-экономическія соображенія доказываютъ, что увѣренность въ ненарушимости и святости права поземельной собственности есть первое и непремѣнное условіе процвѣтанія земледѣлія.

Неприкосновенность поземельной собственности, принадлежащей мирнымъ подданнымъ государства съ которымъ территоріальная власть вступаетъ въ непріязненныя отношенія, требуется почти всѣми писателями и даже Бинкерсгукомъ, разрѣшающимъ всякаго рода насилія противъ подданныхъ непрія-

теля [1]). Краткость разсужденій современныхъ публицистовъ о настоящемъ вопросѣ, объясняется тѣмъ, что и международными обычаями, и международнымъ правомъ признана неприкосновенность недвижимыхъ имуществъ, которыхъ собственникъ состоитъ въ подданствѣ противной, воюющей стороны [2]). Но, признавая въ принципѣ неприкосновенность поземельной собственности, Бинкершукъ, и за нимъ Ваттель и Филлиморъ считаютъ территоріальную власть въ правѣ налагать, на время войны, секвестръ на всѣ доходы съ имѣнія, потому что собственникъ можетъ ими пользоваться во вредъ ея. Бинкершукъ замѣчаетъ совершенно согласно съ его понятіями о правѣ войны, что собственно говоря, частное имущество, принадлежащее подданнымъ непріятельскаго государства, должно быть конфисковано, но только международный обычай не допускаетъ этого. Неприкосновенность недвижимой собственности признаетъ Бинкершукъ только подъ условіемъ наложенія ареста на доходы, между тѣмъ какъ Филлиморъ требуетъ подобнаго нарушенія права частныхъ лицъ въ томъ случаѣ, когда доходы съ имѣнія пересылаются на непріятельскую территорію, чтобы служить пособіемъ другому воюющему государству [3]). Несостоятельность этого мнѣнія обнаруживается въ аргументаціи этихъ самыхъ писателей. Признавъ разъ принципъ неприкосновенности частной недвижимой собственности, все равно, на основаніи ли международнаго обычая, или же, согласно своему сознанію права, необходимо при-

---

[1]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, lib. I, cap. VII (in initio).

[2]) Срав. Wheaton's. Elements, ed. by *Dana* §. 298; *Phillimore's* Commentaries, vol. III, p. 135; *Vattel*, Droit des gens, liv. III, chap. V, § 76; *Massé* Droit commercial, — I, §. 138; *Heffter*, S. 236; *Vidari* Del rispetto, p. 63; наконецъ того же мнѣнія *Travers-Twiss*, The law of nations considered as independent political communities, on the rights and duties of nations in time of war, London. 1863. Vol. II, p. 118.

[3]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, lib. I, cap. VII: «De immobilibus haec intelligo, quae moris est annotari, ut eorum fructus, tempore belli, cedant publico».

Phillimore, Vol. III, p. 135: «In case however, where the income of the estate would otherwise be sent out of the country to augment the resources either of the private or public wealth of the enemy, it may be sequestrated during the pendency of the war, *without any breach of international usage*».

Vattel. Droit des gens. liv. III, chap. V, § 76: Mais on peut mettre les revenus en séquestre, afin qu'ils ne soient pas transportés chez l'ennemi».

знать право пользованія и распоряженія этой собственностью. Въ чемъ же состоитъ право собственности какъ не въ правѣ пользованія и распоряженія? Нельза считать неприкосновенною частную собственность, доходы которой удерживаются казною. Подобная неприкосновенность недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ подданнымъ враждебнаго государства, есть contradictio in adjecto и противорѣчитъ во всемъ установившемуся международному обычаю. Въ особенности замѣчательно самопротиворѣчіе Филлимора, который требуетъ неприкосновенности поземельной собственности, принадлежащей непріятелю (of the enemy), на томъ основаніи, что монархъ, разрѣшившій частному лицу купить и владѣть подобной собственностью, вмѣстѣ съ тѣмъ причислилъ его (has incorporated) къ своимъ подданнымъ [1]). Но, вслѣдъ за тѣмъ, Филлиморъ признаетъ за воюющимъ государствомъ право удерживать всѣ доходы, получаемые подданнымъ съ своего благопріобрѣтеннаго имущества! Еслибъ въ основаніе такого непонятнаго права, Филлиморъ поставилъ бы право верховной власти, въ случаѣ надобности налагать запрещеніе на всѣ доходы, получаемые частными лицами, тогда бы вышеприведенное его мнѣніе имѣло еще какой нибудь смыслъ; но такъ какъ этого нѣтъ, то тутъ самопротиворѣчіе болѣе чѣмъ очевидно. Война ни въ какомъ случаѣ не можетъ уничтожить неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ собственности. Право собственности имѣетъ своимъ основаніемъ личность человѣка. и, насколько неприкосновенна личность въ ея индивидуальной сферѣ жизни, настолько же неприкосновенна собственность частнаго лица. Война есть отношеніе государства къ государству, и пока частное лицо обращается въ кругу своей мирной, частной дѣятельности, необходимыя условія этой дѣятельности, какъ собственность, должны пользоваться полной неприкосновенностью. Предоставленіе государству права пользованія доходами частныхъ недвижимыхъ имуществъ будетъ явнымъ нарушеніемъ правъ частныхъ лицъ и современнаго права войны. Но подобно тому, какъ государственная власть въ правѣ пресѣчь злоупотребленія, со стороны подданныхъ своими правами, такъ точно территоріальная власть не обязана относиться равнодушно къ тому, что частныя лица употребляютъ доходы съ своихъ недвижимыхъ

[1]) Phillimore. III, p. 135 (§ 90).

имуществъ для враждебныхъ ей цѣлей. Допуская въ такихъ случаяхъ, задержаніе доходовъ, намъ кажется необходимымъ, для устраненія даже подозрѣнія въ пристрастіи и произвольномъ нарушеніи права, чтобы правильнымъ судебнымъ порядкомъ была бы доказана виновность частнаго лица. Во всякомъ случаѣ, общимъ правиломъ, которому воюющія государства, юридически и нравственно, обязаны слѣдовать, это—полная неприкосновенность недвижимой собственности, принадлежащей мирнымъ подданнымъ другаго воюющаго государства, и, только въ видѣ исключенія, при соблюденіи всѣхъ гарантій безпристрастія и законности, право пользованія, на время, можетъ быть парализировано распоряженіемъ территоріальной власти.

Остается еще упомянуть, въ нѣсколькихъ словахъ, о мнѣніи Гефтера, который говоритъ весьма не юридически о недвижимой и движимой собственности непріятельскихъ подданныхъ, находящейся, при возникновеніи войны, на территоріи противной стороны. Эта собственность, говоритъ онъ, должна и впредь остаться за прежними собственниками и не можетъ быть конфискована, безъ нарушенія общественнаго довѣрія. Только въ крайнемъ случаѣ дозволяется наложить запрещеніе, если изъ передачи ея, непріятель можетъ извлечь какую нибудь пользу, или же эти имущества окажутся необходимыми для собственныхъ интересовъ [1]). Очевидно, что начало, выраженное въ такихъ неопредѣленныхъ словахъ, предоставляетъ права частныхъ лицъ на полнѣйшій произволъ территоріальной власти. Если непріятель можетъ налагать запрещеніе и потомъ «для собственной выгоды», даже пользоваться собственностью частныхъ лицъ, тогда нельзя не сознаться, что право неприкосновенности частной собственности только призракъ, исчезающій предъ высшими политическими соображеніями. Впрочемъ, мы не отрицаемъ, что политическія соображенія воюющихъ государствъ и возможность преслѣдовать свои интересы, на счетъ беззащитныхъ частныхъ лицъ, повѣрившихъ слову государства, въ состояніи представить конфискацію частной собственности, не только позволительнымъ, но даже «необходимымъ»; однако, мы безусловно отказываемся признать задачею науки международнаго права, оправданіе произвола и предоставленіе воюющимъ

[1]) Heffter. Europäisches Völkerrecht. S. 236.

удобныхъ предлоговъ для прикрытія своихъ вопіющихъ насилій. Международные обычаи и международное правосознаніе неотразимо высказались за неприкосновенность недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ мирнымъ подданнымъ противной стороны, и, выясненіе и распространеніе этого начала, которое, безъ сомнѣнія, совершенно необходимо для развитія международной жизни, а не ограниченіе и отрицаніе его, требуются условіями этого развитія.

II. Объ имуществахъ движимыхъ.

Гораздо болѣе затрудненій и сомнѣній, чѣмъ вопросъ о положеніи недвижимыхъ имуществъ на непріятельской территоріи, вызываетъ опредѣленіе права территоріальной власти относительно частной движимой собственности, находящейся въ моментъ возникновенія войны на непріятельской территоріи или въ территоріальныхъ водахъ непріятеля. Относительно перваго рода имуществъ, мы видѣли, что почти всѣ писатели сходятся въ требованіи неприкосновенности и только нѣкоторые предлагаютъ произвольныя ограниченія. Напротивъ, относительно движимыхъ имуществъ, принадлежащихъ мирнымъ подданнымъ непріятельскаго государства и застигнутыхъ въ предѣлахъ господства верховной власти другой воюющей державы, многіе публицисты доказываютъ, что, по объявленіи войны, мирные подданные враждебнаго государства должны считаться непріятелями территоріальной власти и собственность ихъ должна подлежать конфискаціи. Британскіе и вслѣдъ за ними американскіе [1]) публицисты дѣлаютъ при разрѣшеніи настоящаго вопроса и, какъ мы увидимъ еще и въ другихъ вопросахъ, замѣчательную попытку опредѣлить международныя отношенія XIX вѣка, по юридическимъ понятіямъ древнихъ римлянъ. Основываясь на авторитетѣ римскихъ юрисконсультовъ и римскихъ обычаевъ войны, — эти публицисты пытаются вложить современную международную жизнь въ рамки международныхъ отношеній Рима, неимѣвшаго никакого понятія о международной жизни. Однимъ словомъ, по юридическимъ формуламъ римскаго права британ-

[1]) *Замѣчаніе.* Считаемъ нужнымъ замѣтить, что говоря объ американскихъ публицистахъ мы имѣемъ въ виду исключительно гражданъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.

скіе публицисты желаютъ скроить международную жизнь современныхъ цивилизованныхъ народовъ!

Прежде чѣмъ приступить къ историческому изложенію отношеній воюющихъ государствъ къ мирнымъ подданнымъ непріятеля, которые застигнуты въ расплохъ объявленіемъ войны, необходимо имѣть въ виду тѣ мѣропріятія государствъ, которыя относятся непосредственно къ частной движимой собственности, находящейся на непріятельской территоріи. Частныя движимыя имущества, чтобы подлежать территоріальной власти непріятеля, должны находиться или на его территоріи, или же, въ его территоріальныхъ водахъ (рѣкахъ, озерахъ и т. п.) и въ границахъ береговаго моря. Слѣдовательно, относительно частной движимой собственности могутъ быть приняты непріязненныя мѣры, которыя тотчасъ при возникновеніи войны, заключаются въ наложеніи ареста, и затѣмъ, въ безвозвратной конфискаціи въ пользу казны. Такой секвестръ, когда онъ налагается на находящіеся въ гаваняхъ корабли, принадлежащіе подданнымъ другой воюющей державы, называется *эмбарго*, и различные его виды нами уже разсмотрѣнные характеризуютъ его болѣе какъ средство для окончанія, менѣе насильственнымъ путемъ, международныхъ недоразумѣній и столкновеній. Мы видѣли, какимъ образомъ эмбарго превращалось часто въ полную конфискацію частныхъ судовъ и, какъ секвестръ, налагаемый на частную собственность, въ видѣ репрессалій, кончался также конфискаціею ея. Здѣсь, мы ограничимся разсмотрѣніемъ права частныхъ лицъ на неприкосновенность своей движимой собственности, которая находится подъ непріятельской территоріальной властью и иногда подвергается захвату, а на частные корабли налагается эмбарго.

Обращаясь къ исторіи настоящаго вопроса, мы знаемъ, что въ древнемъ мірѣ одно и тоже слово служило для понятія врага и чужеземца. Если даже въ мирное время, иностранецъ, съ отечествомъ котораго не былъ заключенъ никакой дружескій или союзный договоръ, всегда какъ res nullius могъ быть обращенъ въ рабство [1]) то понятно, что подданные непріятеля не могли ждать никакой пощады. Каковы были отношенія къ на-

[1]) R. Ward. Enquiry into the foundation and history of the Law of Nations, etc. Vol. I, p. 173.

роду, съ которымъ даже заключены были договоры, но который вдругъ дѣлался непріятелемъ, лучше всего видно изъ обыкновенной римской формулы объявленія войны, приведенной у Ливія: «populusque Romanus populo Priscorum Latinorum homi-«nibusque Priscis Latinis bellum indico facioque» [1]). Война была объявляема всѣмъ, безъ исключенія, принадлежащимъ къ непріятельскому народу и все было разрѣшаемо противъ такого врага. Поэтому, какъ только объявлялась война, тотчасъ же задерживались пришедшіе къ римлянамъ въ мирное время члены того народа, который сталъ въ враждебныя отношенія къ Риму [2]). Все имущество этого врага, захваченное на римской территоріи дѣлалось неотъемлемою собственностью захватившаго. Подобный порядокъ вещей существовалъ также въ среднихъ вѣкахъ: во времена владычества кулачнаго права, общественная безопасность не только была нарушаема, при возникновеніи какой нибудь ссоры между вассалами и сюзеренами, но и въ мирное время, все попадавшееся въ руки храбраго рыцаря дѣлалось его добычею. На моряхъ безчинствовали пираты, а береговые жители пользовались, въ ужасающихъ размѣрахъ, береговымъ правомъ. Съ развитіемъ общественной жизни и съ возникновеніемъ новыхъ жизненныхъ потребностей, требующихъ удовлетворенія, постепенно развивались торговыя сношенія. Феодальные властители скоро убѣдились въ огромныхъ выгодахъ, которыя казна ихъ можетъ извлечь изъ торговли. Поэтому, не упуская случая взимать какія либо пошлины, феодальные бароны и сюзерены, въ тоже время находили возможнымъ покровительствовать торговымъ людямъ. Каждый купецъ могъ себѣ выхлопотать охранительныя грамоты (salvus conductus), имѣющія цѣлью обезпечить его безопасность и неприкосновенность его товаровъ. Чаще всего эти охранительныя грамоты выдавались папою и германскимъ императоромъ, и, разумѣется

---

[1]) Titi Livii historia lib. I, cap. XXXII.

[2]) *Dig. lib. XLIX tit. XV, fr. 12.* «In bello postliminium est; in pace autem his, qui bello capti erant, de quibus nihil in pactis erat comprehensum. Quod ideo placuisse Servius scribit, quia spem revertendi civibus in virtute bellica magis, quam in pace Romani esse voluerunt; *verum in pace qui pervenerunt ad alteros, si bellum subito exarcisset, eorum servi efficiuntur apud quos jam hostes suo facto deprehenduntur;* quibus jus postliminii est tam in bello, quam in pace, nisi foedere cautum fuerat, ne esset his jus postliminii».

не даромъ, но за извѣстную плату. Но, если эти охранительныя грамоты не всегда были уважаемы, за то грамоты, выдаваемыя мѣстными властями болѣе дѣйствительнымъ образомъ охраняли купцовъ отъ нападеній [1]). Однако вообще говоря, всѣ эти охранительныя грамоты, за которыя мѣстныя правительства брали большія деньги, все-таки не спасали, въ случаѣ внезапнаго возникновенія войны, подданныхъ непріятельскаго государства ни отъ тюремнаго заключенія, ни отъ захвата ихъ имуществъ и конфискаціи кораблей [2]). Только въ Марсели и въ Англіи [3]), принято было удерживать частную собственность и корабли, принадлежащіе непріятельскимъ подданнымъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается извѣстнымъ какой участи подверглись сограждане на территоріи другаго воюющаго государства. Въ особенности возставала противъ захвата собственности и кораблей, по объявленіи войны, могущественная Ганза, и, она съумѣла ввести почти во всѣ заключаемые ею трактаты, постановленіе о льготномъ срокѣ (отъ сорока дней до одного года), въ теченіе котораго, ганзейскіе купцы безпрепятственно могли выѣзжать со всѣмъ своимъ имуществомъ, изъ непріятельской страны. Ганзейскій союзъ заключилъ даже договоры, какъ напримѣръ съ Швеціею и Норвегіею, въ силу которыхъ, купцамъ воюющихъ сторонъ была предоставлена полная свобода торговли, во время войны между ихъ правительствами. Договоры, съ подобными условіями, были заключены не только Ганзою, но и другими независимыми государствами, чтобы лучше обезпечить развитіе торговыхъ сношеній. Изъ русской исторіи весьма интересна договорная грамота, заключенная въ 1503 г. Великимъ Княземъ Іоанномъ III-мъ Васильевичемъ съ польскимъ королемъ Александромъ о перемиріи на 6 лѣтъ. Въ этой грамотѣ сказано между прочимъ: «А вашимъ купцомъ изъ всякихъ ва«шихъ земель во вси мои земли пріехати со всякимъ товаромъ «и торговати на всякій товаръ, а пріехати имъ и отъехати «добровольно *безъ всякихъ зачепокъ*. А нашимъ купцомъ изо вся-

[1]) Pütter. Beiträge zur Völkerrechts-Geschichte u. Wissenschaft. S. 133.

[2]) Ward. Enquiry. Vol. II, p. 356, приводитъ слѣдующія слова Париса: «Rex Francorum, Mercatorum Anglia corpora, cum suis bonis, per regnum «negotiantium, *secus quem decuit* (1242) *capi feraliter imperavit, laedens inor«miter* in hoc facto, *antiquam Galliae dignitatem*».

[3]) Magna Charta, Art. XLI. (*Phillimore,* Vol. III, p. 41).

«ихъ вашихъ земель и т. д. *торговати безъ пакости*». Затѣмъ сказано дальше: «А отъидутъ межи насъ по симъ перемирнымъ «грамотамъ врочныи лѣта и розмирица межи насъ вчинится: «*а въ тую пору которыхъ вашихъ земель купцы или послы при-«лучатся въ нашихъ земляхъ, и тамъ тыхъ вашихъ купцовъ и «пословъ не порубати, ни статковъ въ нихъ неотнимати, «отпустити намъ ихъ всѣхъ добровольно со всѣми ихъ стат-ки*» [1]). О предоставленіи подданнымъ такого льготнаго срока было постановлено во многихъ трактатахъ, заключенныхъ европейскими державами, начиная съ XVI вѣка. Обыкновенно, срокомъ для свободнаго отплытія было постановлено 6 мѣсяцевъ, но есть торговые трактаты, въ которыхъ выговаривается годъ и даже 2 года [2]). Эта «формула», сдѣлавшаяся обычной почти во всѣхъ трактатахъ, даже до послѣдняго времени, наилучшимъ образомъ доказываетъ, если не сознаніе неприкосновенности права частной собственности, то, по крайней мѣрѣ, убѣжденіе въ томъ, что несовмѣстно съ достоинствомъ и интересами государства лишать собственности тѣхъ, которые довѣряли ему и покровительству его законовъ, свою личность и свое имущество. Отфель утверждаетъ, что, вопреки этимъ установленнымъ срокамъ, воюющія государства, почти всегда, налагали арестъ на корабли, находящіеся, при объявленіи войны, въ непріятельскихъ гаваняхъ [3]). Однако, мы имѣемъ примѣры, что эти усло-

[1]) *Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, изд. Гр. Румянцевымъ*, т. V, стр. 26. Подобныя же постановленія, какъ вышеприведенное, можно найти въ перемирной грамотѣ, (на 6 лѣтъ) заключенной польскимъ королемъ Жигимонтомъ съ Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1527 г. Затѣмъ въ грамотѣ, заключенной въ 1531 г. между Плеттенбергомъ и Великимъ Княземъ Василіемъ Іоанновичемъ. Срав., кромѣ того: *Bunge*, Liv-Esth-und Curl. Urkundenbuch, Bd. II, № 923, III, № 1285, 1596.

Русско-Ливонскіе Акты, собр. *Напьерскимъ*, изд. *Археогр. Ком.* 1868. №№ 198, 266. *Соловьева*, Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, 2 изд., т. V, стр. 293—5.

[2]) Срав. напр. трактатъ 1659 г. (ст. XXIV), который былъ заключенъ Франціею съ Россіей; затѣмъ трактатъ 1663 г. (ст. XLI) между Даніею и Франціею; трактатъ 1655 г. (ст. XXIV) между Англіею и Франціею. См. также Утрехтскій 1713 г. мирный трактатъ (ст. XII), и коммерческій того же года (ст. II). Замѣчательны: трактатъ 1782 г. (ст. XXXV), заключенный Даніею съ Россіею и трактатъ 1786 (см. XLV) между Франціею и Россіей.

[3]) Hautefeuille. Histoire du droit international maritime, 442. p.

вія также были соблюдаемы свято воюющими государствами: такъ напримѣръ, Мартенсъ говоритъ намъ, что каперъ былъ обязанъ считать неприкосновеннымъ корабль, который отъ его верховной власти былъ снабженъ охранительной грамотою; и, въ особенности, въ отношеніи судовъ, найденныхъ въ гаваняхъ, при объявленіи войны, требовалось соблюденіе этой обязанности [1]). Кромѣ того, очевидно, что если до настоящаго времени частные корабли въ открытомъ морѣ подвергаются захвату и конфискаціи, то весьма понятно, почему при возникновеніи войны, до послѣдняго времени подвергались аресту и конфискаціи корабли подданныхъ непріятеля, застигнутые въ непріятельскихъ гаваняхъ. Собственность тѣхъ же частныхъ лицъ, отправленная на непріятельскую территорію, была признаваема свободной отъ захвата и конфискаціи. Это странное, съ перваго взгляда, различіе раз и алось историческимъ путемъ и объясняется господствовавшимъ въ морскихъ войнахъ произволомъ. Послѣ феодальнаго безначалія, на сушѣ водворились постепенно общественный порядокъ и безопасность, а государства, побѣдившія своевольныхъ вассаловъ съ помощью третьяго сословія, которое, съ своей стороны, въ промышленности и торговлѣ, находило матеріальныя средства для поддержанія верховной власти,—всѣми способами охраняли торговыхъ и промышленныхъ людей отъ нападеній и, мало по малу, установился обычай предоставлять подданнымъ непріятеля право на свободный выѣздъ и вывозъ всѣхъ имуществъ, съ территоріи другаго воюющаго государства. На территоріи основывается, естественно, государство и все находящееся на ней повинуется территоріальной власти. Если послѣдняя оказываетъ свое покровительство слабому противъ самоуправства сильнаго, и печется объ исполненіи законовъ, то подобное покровительство и попеченіе должно распространяться на всѣхъ, безъ исключенія, находящихся на территоріи. Когда государство дошло до самосознанія и прониклось своимъ достоинствомъ; однимъ словомъ, когда окрѣпъ государственный организмъ, то не можетъ быть терпимо никакое самоуправство не должно быть оправдываемо вѣроломство.

---

[1]) Martens. Essai concernant les armateurs, etc., p. 69.

Mably. Le droit public de l'Europe fondé sur les traités. Amsterdam. 1761. Tome II. p. 320.

Этимъ объясняется, почему движимыя имущества частныхъ лицъ меньше подвергались опасности захвата на территоріи. Море, напротивъ, по своему существу, не поддается никакому господству, но въ самомъ себѣ носитъ залогъ своей свободы, и, никогда море не можетъ быть естественнымъ основаніемъ государства. Но, будучи предназначено служить естественнымъ путемъ человѣческихъ сношеній, море, съ другой стороны, служило весьма продолжительное время театромъ насилій и произвола. Открытіе новаго міра привело къ процвѣтанію, до небывалыхъ размѣровъ, торговли, но вмѣстѣ съ тѣмъ, возбудило зависть и своеволіе неограниченныхъ монарховъ, начиная съ съ XVI в. до первой половины настоящаго столѣтія. Это крайне неразумное стремленіе народовъ нанести торговлѣ сосѣдей всевозможный вредъ, привело къ тому явленію, что, еще въ очень недавнее время, корабли, застигнутые объявленіемъ войны въ гаваняхъ непріятеля, подвергались захвату и конфискаціи. Въ наиболѣе ненавистныхъ размѣрахъ и чаще всѣхъ другихъ государствъ, примѣняла Англія, еще въ нашемъ столѣтіи, эту мѣру противъ мирныхъ подданныхъ своего врага. Между тѣмъ, уже при Генрихѣ VIII-мъ въ Англіи было объявлено, что французскій подданный, пришедшій въ Англію до начала войны, долженъ считаться неприкосновеннымъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ [1]). Въ 1666 г. Людовикомъ XIV, по объявленіи войны противъ Великобританіи, изданъ былъ эдиктъ, которымъ разрѣшалось всѣмъ англійскимъ подданнымъ, имѣвшимъ постоянное мѣстожительство во Франціи, оставаться на мѣстѣ и безпрепятственно продолжать свои мирныя занятія. Но тѣ изъ британскихъ подданныхъ, которые только временно находились на французской территоріи и, не на основаніи jus subditorum, какъ выражается Бинкершукъ, занимались дѣлами во Франціи, принуждены были оставить французскую территорію въ трехмѣсячный срокъ [2]). Это распоряженіе Людовика XIV, которое Бинкершукъ объясняетъ духомъ гуманности (hoc soli humanitati tribuendum esse), вошло постепенно въ международный обычай; такъ что, начиная съ прошлаго столѣтія, мы мало встрѣчаемъ примѣровъ конфискованія имуществъ непріятельскихъ поддан-

[1]) Phillimore's Commentaries, Vol. III p. 119.

[2]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici. lib I, cap. III.

ныхъ. Напротивъ, вошло въ обычай, при началѣ всякой войны, объявлять гражданамъ другаго воюющаго государства, находящимся временно или постоянно на чужой территоріи, что во время войны территоріальной верховной власти противъ ихъ государства, они могутъ свободно продолжать свои прежнія мирныя занятія. Собственность ихъ признана неприкосновенной. Только, если кто своимъ поведеніемъ возбудитъ сильное подозрѣніе въ благонадежности или, такъ-сказать, въ нейтральности во время войны между государствами, тогда правительства пользуются своимъ правомъ удалять подобную личность съ своей территоріи и въ такомъ случаѣ, всегда даютъ извѣстный срокъ для окончанія дѣлъ, не нарушая при этомъ имущественныя права частнаго лица. Другое мы вынуждены сказать о неприкосновенности кораблей съ грузами, которые, въ моментъ начала войны, находятся въ гаваняхъ государства, сдѣлавшагося вдругъ непріятельскимъ. Задержаніе этихъ кораблей, составляющихъ также неотъемлемую частную собственность, еще нельзя считать вышедшимъ изъ международной практики, потому что оно примѣнялось даже въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Въ громадныхъ размѣрахъ примѣнялся захватъ кораблей мирныхъ подданныхъ непріятельской державы во время первой французской революціи и въ послѣдовавшихъ за нею войнахъ [1]). Стоитъ только вспомнить распоряженія британскаго правительства (Orders in Councils) отъ 8 іюля и 6 ноября 1793 г., на основаніи которыхъ были задержаны всѣ корабли, какой бы націи они не принадлежали, имѣющіе грузомъ хлѣбъ и назначеніемъ французскій портъ. Затѣмъ, въ 1800 г. въ британскихъ гаваняхъ были задержаны всѣ русскіе, датскіе, шведскіе, а въ 1807 г. только датскіе корабли. Наступившій послѣ 1815 года сорокалѣтній миръ принесъ огромную пользу развитію международныхъ и торговыхъ сношеній. Развитіе торговыхъ и промышленныхъ сношеній между народами и распространеніе болѣе основательныхъ экономическихъ понятій вызвали, со стороны правительствъ, заботы о предоставленіи лучшихъ гарантій для безопасныхъ торговыхъ сообщеній, орудіями которыхъ явились мирные подданные, какъ «піонеры прогресса». Съ этого времени заключеніе торговыхъ трактатовъ и конвенцій сдѣлалось

[1]) Wheaton. Histoire du droit des gens, vol. II, p. 33 etc.

насущной необходимостью, и нѣтъ ни одного государства, состоящаго «членомъ европейской международной семьи», которое не имѣло бы своего коммерческаго трактата. Почти во всѣхъ этихъ трактатахъ договаривающіяся державы касаются возможности возникновенія войны, которую онѣ, между прочимъ, обязываются считать дѣйствительно существующей, только съ момента отозванія дипломатическихъ агентовъ. Частнымъ лицамъ вездѣ предоставляется право оставаться на непріятельской территоріи, только съ соблюденіемъ вышеприведеннаго условія [1]). На практикѣ, арестъ на корабли былъ наложенъ, въ послѣдній разъ, въ 1848 г. воюющими державами: Даніею и Германскимъ Союзомъ [2]). Весьма знаменательны распоряженія французскаго и британскаго правительствъ отъ 27 и 29-го марта 1854 г., въ силу которыхъ всѣмъ русскимъ кораблямъ былъ предоставленъ льготный шестинедѣльный срокъ, для удаленія изъ гаваней союзниковъ. Соотвѣтственное распоряженіе было сдѣлано русскимъ правительствомъ. Подданнымъ непріятеля, которые находились на территоріи противной стороны, было подтверждено дозволеніе продолжать, подъ охраною мѣстныхъ законовъ, свои занятія [3]). Изъ вышеприведенныхъ распоряженій воюющихъ государствъ видно, что этотъ шестинедѣльный срокъ обезпечилъ неприкосновенность даже тѣмъ судамъ, которыя, до объявленія войны, вышли въ море, съ назначеніемъ въ непріяскій портъ. Такимъ образомъ, на короткое время существовала свобода торговли между мирными подданными воюющихъ государствъ. Примѣръ великихъ державъ, изъ которыхъ Англія постоянно держалась правила: конфисковать непріятельскіе корабли, оказалъ благотворное вліяніе на послѣдующую практику. Международное правосознаніе и лучшіе представители науки международнаго права уже давно высказались противъ этой варварской мѣры, оправдываемой, впрочемъ,—военными обычаями рим-

---

[1]) Срав. напр. трактатъ (ст. III.) торговли и мореплаванія, заключенный въ 1827 г. Пруссіею съ Бразиліею; между Бразиліею и Даніею въ 1828 г. (ст. X.): затѣмъ Нидерландовъ съ Колумбіею въ 1829 г. (ст. XVI); Соединенныхъ Штатовъ съ Чили въ 1832 г. (ст. XXIII.) и многіе др.

[2]) Wurm «Denkwürdigkeiten des Völkerrechts im dänischen Kriege 1848—50». (Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft. Bd. VIII, 1851. S. 333).

[3]) Asher. Beiträge zu einigen Fragen uber die Verhaltnisse der neutralen Schiffahrt in Kriegszeiten. Hamburg. 1854. S. 54, 73, 78, 80.

скаго народа. Только грубая сила и ложное пониманіе своихъ собственныхъ интересовъ остановили окончательную отмѣну несправедливаго наложенія секвестра на корабли, принадлежащіе частнымъ лицамъ. Послѣ крымской войны, почти во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ, кораблямъ былъ разрѣшенъ этотъ льготный срокъ (Indult). Какъ только началась въ 1859 г. война за освобожденіи Италіи, австрійское правительство, подъ условіемъ взаимности, предоставило непріятельскимъ кораблямъ время на безпрепятственный отъѣздъ изъ своихъ гаваней [1]) Когда же началась въ Сѣверной Америкѣ междоусобная война, какъ федералисты, такъ и конфедераты изъявили намѣреніе предоставлять гражданамъ опредѣленный срокъ для переѣзда на территорію той партіи, дѣло которой они признаютъ справедливымъ. По вскорѣ затѣмъ, Ричмондское правительство, распоряженіемъ 6 Августа 1861 г., отмѣнило признанныя имъ, за единомышленниками противной стороны, гарантіи и разрѣшило конфискацію ихъ собственности. Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что въ послѣднихъ войнахъ Пруссіи и Австріи противъ Даніи и, затѣмъ, въ итальянно-германской войнѣ 1866 г., воюющія державы уважали неприкосновенность частной собственности и корабли, застигнутые въ непріятельскихъ гаваняхъ, могли удалиться свободно, и съ грузомъ [2]). Изъ этого историческаго очерка, мы видимъ, какъ постепенно древнее суровое правило войны измѣняется въ современную неприкосновенность частной собственности на непріятельской территоріи. Въ настоящее время воюющія государства не могутъ конфисковать собственность непріятельскихъ подданныхъ [3]), или налагать секвестръ и конфисковать купеческіе корабли, находящіеся въ ихъ гаваняхъ и принадлежащіе мирнымъ подданнымъ непріятельской державы, не нарушая, самымъ воюющимъ образомъ, совре-

[1]) Soetbeer. Neue Sammlung officieller Actenstuecke in Bezug auf Schiffahrt und Handel in Kriegszeiten. Hamburg. 1859. N 1. S. 2.

[2]) Soetbeer. Neue Sammlung, etc. 1864. N. IV, S. 105.

[3]) Вотъ мнѣніе гр. Росселя о вышеупомянутомъ распоряженіи Ричмондскаго правительства: «Whatever may have been the abstract rule of the law of nations of this point in former times, the instances of its application in the manner contemplated by the act of the Confederate Congress, *in modern and more civilized times, are so rare, and have been so generally condemned, that it may be said to have become obsolete.* (*Wheaton's* Elements, ed. by Dana, note № 156).

менное международное право. Практика войны осудила захватъ частной движимой собственности и кораблей, находящихся въ предѣлахъ непріятельской территоріальной власти. Посмотримъ теперь: не видно-ли въ наукѣ международнаго права подобное же развитіе, начиная отъ оправданія публицистами произвольнаго лишенія территоріальной властью частныхъ лицъ ихъ собственности, и, кончая выясненіемъ права неприкосновенности частныхъ имущественныхъ отношеній. Послѣдующее изложеніе мнѣній писателей, по международному праву, дастъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Писатели, какъ Гуго Гроцій, Бинкершукъ и ихъ послѣдователи, основывающіеся на авторитетѣ римскихъ юрисконсультовъ, объявляютъ за неопровержимое начало, что, по объявленіи войны, всякій подданный непріятеля, находящійся на территоріи врага, долженъ считаться внѣ закона (exlex) и собственность его, сама собою, переходитъ къ территоріальной власти. Гуго Гроцій говоритъ, что такъ какъ война объявляется всему народу въ совокупности, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдѣльно всякому гражданину, (въ доказательство чего онъ ссылается на римскую формулу объявленія войны), то разумѣется, что всякій, принадлежащій этому народу, считается непріятелемъ: убивать и вредить ему всякимъ способомъ, гдѣ бы его не находили, разрѣшается безусловно международнымъ правомъ [1]). Понятно, что о неприкосновенности частной движимой собственности, на непріятельской территоріи, не можетъ быть и рѣчи, при такомъ неограниченномъ правѣ воюющаго. Заимствуя свои доказательства изъ жизни древнихъ народовъ, писатели логично должны были придти къ непониманію зачатковъ болѣе гуманныхъ началъ, которыя представляла имъ иногда современная международная практика. Такъ Бинкершукъ, приведя извѣстный эдиктъ Людовика XIV, замѣчаетъ, что подобная отмѣна естественныхъ послѣдствій войны можетъ имѣть мѣсто, исключительно только, на основаніи особенныхъ постановленій и договоровъ [2]); и такъ какъ разрѣше-

[1]). Hugo Grotius. De jure belli ac pacis, lib. III, cap. IV, §. VIII, 1: «Qui autem vere subditi sunt hostium, ex causa scilicet permanente, eos offendere ubique locorum jure hoc gentium licet, si ipsorum personam respicimus». Срав. также lib. III, cap. VI, §. II.

[2]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, lib. I cap. III, (p. 196).

ніе непріятельскимъ подданнымъ безпрепятственно продолжать свои занятія не требуется правомъ войны, то только мотивы гуманности и великодушія могутъ объяснить отклоненіе отъ строго-разумнаго начала, дозволяющаго все противъ непріятеля, потому что это—непріятель. Такое мнѣніе Бинкерсгука считаютъ даже современные британскіе и американскіе публицисты за верховное начало международнаго права, которое, впрочемъ, по ихъ словамъ, отчасти можетъ быть смягчено, изъ политическихъ видовъ и гуманности. Но всѣ писатели, кромѣ Гроція и Бинкерсгука, придерживающіеся этого summum jus (summa injuria, прибавилъ уже Цицеронъ) сознаютъ, что отношенія территоріальной власти къ частнымъ лицамъ, пришедшимъ на ея территорію въ упованіи на общественную вѣрность, и имѣвшимъ случай воспользоваться покровительствомъ законовъ, не такъ просты, какъ отношенія къ тѣмъ подданнымъ непріятеля, которые находятся на завоеванной непріятельской территоріи. Задерживать тѣхъ, которые довѣрчиво предоставили свою личность и имущество защитѣ территоріальной власти, несовмѣстно съ достоинствомъ и честью какого-либо государства. Сознавая несправедливость неожиданаго лишенія иностранцевъ, признанной за ними охраны законовъ, Ваттель требуетъ отъ воюющихъ государствъ, соблюденія извѣстнаго срока для ихъ удаленія, только по истеченіи котораго, территоріальная власть можетъ начать свои непріязненныя дѣйствія противъ подданныхъ враждебнаго государства, оставшихся на ея территоріи. «Дозволяя чужестранцамъ», говоритъ Ваттель—одинъ изъ первыхъ авторитетовъ современнаго международнаго права, «вступить на территорію и жить «на ней, территоріальная власть обѣщала имъ безмолвно, вмѣ«стѣ съ тѣмъ, полную свободу и безопасный выѣздъ» [1]). Ваттель

«Quia vera plerumque ejusmodi pacta intercedunt, rarius jus belli exercetur in eos, qui in pace ad alteros pervenerunt, et ibi deprehenduntur, si bellum subito exarserit».

[1]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap. IV, § 63.

«Les sujets de l'ennemi sont venus chez lui sur la foi publique: en leur permettant d'entrer dans ses terres et d'y séjourner, il leur a promis tacitement toute liberté et toute sûreté pour le retour».

Pinheiro Ferreira говоритъ о теоріи безправности частныхъ лицъ, что «cette doctrine est une reste de ce droit barbare, que nous ont légué nos

не только требуетъ, во имя гуманности, означенія срока для отъѣзда, но, кромѣ того, неприкосновенности имуществъ, принадлежащихъ непріятельскимъ подданнымъ. Въ этомъ вопросѣ, мнѣніе Ваттеля сдѣлалось положительнымъ закономъ международнаго права и не разъ удерживало воюющія государства отъ насилій противъ частныхъ лицъ. Не смотря однако на громкій авторитетъ Ваттеля, намъ кажется, что мнѣніе его основано на весьма шаткихъ основаніяхъ, и, въ извѣстномъ отношеніи, не выдерживаетъ критики. Выставивъ принципомъ права войны: вражду между всѣми подданными непріятельскихъ державъ и, не сдѣлавъ никакого различія между частными лицами и государственной вооруженною силою [1]), Ваттель, при большей логичности, долженъ былъ бы придти къ выводамъ Бинкерсгука. Основываясь на такихъ началахъ, право непріятеля противъ мирныхъ подданныхъ или частныхъ лицъ простирается такъ же далеко, какъ противъ непріятельскихъ армій. Хотя, въ разсматриваемомъ нами случаѣ, воюющія государства, — чрезъ захватъ частной собственности, принадлежащей подданнымъ непріятеля, — кромѣ того, оказываются вѣроломными и, почти всегда, нарушаютъ принятыя обязательства, но, причисливъ въ ряды непріятелей частныхъ лицъ, и признавъ неограниченное право воюющаго противъ своего противника, требованіе неприкосновенности частной движимой собственности на непріятельской территоріи лишено всякаго юридическаго основанія. Но когда право войны опредѣляетъ войну, какъ отношеніе государства къ государству, когда непосредственными непріятелями являются исключительно вооруженныя силы воюющихъ государствъ, когда, наконецъ, частныя лица не имѣютъ даже права вмѣшиваться своевольно въ войну, тогда неприкосновенность частной собственности на непріятельской территоріи является summum jus частныхъ лицъ, и захватъ ихъ имущества явнымъ нарушеніемъ права войны. Если же, и въ настоящее время, при дѣйствительномъ существованіи международной жизни и общепризнанномъ международномъ обычаѣ — обезпечивать за частными лицами свободное проживаніе на непріятельской тер-

ancêtres. Espérons qu'il n'en restera plus de trace avant l'expiration du siècle actuel». (ed. par *Pradier Fodéré*, vol. II, p. 441).

[1]) Vattel. Droit des gens. liv. III, chap. V, § 70. — «tous les sujets de l'un sont ennemis de tous les sujets de l'autre».

ріторіи — являются публицисты, придерживающіеся верховнаго принципа Бинкерсгука, то весьма понятно ожидать оригинальныхъ и юридическихъ доводовъ, которые были бы въ состояніи опровергнуть установленныя, международной жизнью, начала. Нельзя же предположить, что, послѣ радикальнаго переворота въ международныхъ отношеніяхъ и неоспоримаго развитія международной жизни и правосознанія, эти публицисты будутъ ограничиваться повтореніемъ доказательствъ, выставленныхъ, въ началѣ прошлаго вѣка, Бинкерсгукомъ. Между тѣмъ изученіе британскихъ и американскихъ юристовъ убѣждаетъ, что для нихъ этотъ «несомнѣнный» законъ международнаго права, на основаніи котораго все принадлежащее непріятельскимъ подданнымъ на территоріи другаго воюющаго государства, въ моментъ объявленія войны, переходитъ въ полную собственность территоріальной верховной власти, остался неизмѣннымъ до настоящаго времени. Насколько состоятельно это мнѣніе, которое навязывается правосознанію цивилизованныхъ народовъ, видно изъ одного рѣшенія *Маршаля*, (Marshall) бывшаго члена Верховнаго Суда Соединенныхъ Штатовъ. Не находя возможнымъ отрицать установившійся международный обычай, признающій неприкосновенность частной собственности на непріятельской территоріи, Маршаль говоритъ, что «это правило, какъ и другія предписанія нравственности, гуманности и мудрости, предоставлено обсужденію (of the judgment) верховной власти. Оно указываетъ верховной власти на путь, по которому она можетъ идти или нѣтъ, смотря по желанію. Верховная власть не должна относиться съ презрѣніемъ къ этому началу и оставлять его безъ вниманія, но слѣдовать ему она необязана. Это правило не есть неизмѣнный законъ международнаго права, но зависитъ отъ политическихъ соображеній, которыя могутъ быть весьма различны» [1]). Такое юридическое рѣшеніе вопроса международнаго права было объявлено устами Маршаля, при обсужденіи въ 1812 г. въ Сѣверо-Американскихъ С. Штатахъ вопроса, касающагося толкованія конституціи; именно, возникло сомнѣніе: можетъ-ли президентъ, при нача-

[1]) Wheaton's. Elements, §. 300 (p. 381): «It is not an immutable rule of law, but depends on political considerations, which may continually vary». (Рѣшеніе Маршаля въ *Brown v. The United States*, *Cranch's* Reports III, p. 110).

лѣ войны, своей собственною властью сдѣлать распоряженіе о захватѣ частной собственности, принадлежащей подданнымъ непріятеля на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, или же необходимъ законъ, издаваемый на этотъ случай Конгрессомъ? Если толкованіе конституціи и вызвало разногласіе между судьями, то относительно права конфискаціи движимой собственности непріятельскихъ подданныхъ,—всѣ были согласны: начиная отъ американскаго авторитета Стори и, кончая послѣднимъ членомъ Верховнаго Суда. Взглядъ Маршала раздѣляютъ и развиваютъ всѣ лучшіе британскіе и американскіе публицисты, какъ напримѣръ: Маннингъ [1]), Филлиморъ [2]), Траверъ-Тьюисъ [3]), Кентъ [4]), Галлекъ [5]), Уольси [6]), Дана [7]) и другіе. Всѣ эти писатели объявляютъ основаніемъ всѣхъ своихъ разсужденій: разумъ и право; всѣ они признаютъ такія то и такія права за воюющими державами, но рѣдко кто признаетъ какія либо права за мирными подданными, или побѣжденными. Поэтому неудивительно, что право, по мнѣнію этихъ писателей, состоитъ: въ возможности его осуществленія или въ силѣ. Воюющій имѣетъ право конфисковать всякую частную собственность, принадлежащую подданнымъ непріятельской державы, и, если онъ не осуществляетъ свое право, то никакъ не потому, что признаетъ на своей сторонѣ какую либо обязанность, въ отношеніи своего противника или его подданныхъ; но исключительно только «высшія политическія соображенія» вынуждаютъ его на снисходительность и гуманность. Политическія же соображенія, очевидно, сообразуются съ собственнымъ интересомъ и поэтому въ немъ должно искать источникъ права войны. Но въ чемъ же заключается право войны, если источникомъ его являются политическія соображенія и интересъ воюющихъ государствъ? Чѣмъ же объясняются происшедшія въ международномъ правѣ измѣненія, состоящія въ лучшемъ опредѣ-

[1]) Oke Manning. Commentaries on the Law of Nations. London 1839 p. 167.

[2]) Phillimore. vol. III, p. 115—135.

[3]) Travers-Twiss, Law of Nations, II, p. 120, § 63.

[4]) Kent's. Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 196: «the point seems «no longer open for discussion in America; and it has become definitily settled «in favour of the *ancient* and *sterner* rule by the Supreme Court of the United States».

[5]) Halleck. Inter. Law. p. 365.

[6]) Woolsey. Introd. §. 118. (срав. *Wheaton's* Elements, p. 388).

[7]) Dana in *Wheaton's*. Elements note № 156.

ленін и выясненіи *взаимныхъ* правъ и обязанностей воюющихъ государствъ? На всѣ подобные вопросы, эти публицисты не даютъ, и, съ ихъ точки зрѣнія, не могутъ дать никакихъ удовлетворительныхъ отвѣтовъ. Имѣя, при обсужденіи вопросовъ международнаго права, въ виду спеціальныя условія и положеніе своего отечества,—что мы вскорѣ докажемъ, при разсмотрѣніи правъ по обязательствамъ,—британскіе и за ними американскіе писатели приходятъ къ прославленію полнѣйшаго произвола. Если политическія соображенія должны господствовать въ международной жизни, тогда о *правѣ* не можетъ быть и рѣчи, и господство произвола должно быть нормальнымъ состояніемъ международныхъ, общечеловѣческихъ отношеній. Но, мы видѣли, что Маршаль отсылаетъ частныхъ лицъ къ нравственному настроенію и гуманности правительствъ, и, если послѣднія проникнуты этими возвышенными чувствами, тогда частныя лица имѣютъ слабую надежду избавиться отъ конфискаціи своей собственности. Поведеніе непріятеля, разумѣется, будетъ согласно съ требованіями гуманности и морали, если политическія его соображенія и интересъ находятъ возможнымъ и выгоднымъ приложеніе гуманныхъ началъ; если же нѣтъ, то вступаетъ въ силу право территоріальной власти захватывать имущества частныхъ лицъ. Короче сказать, отъ случайныхъ, крайне измѣнчивыхъ и совершенно произвольныхъ политическихъ комбинацій, зависитъ участь беззащитныхъ частныхъ лицъ, и, если эти публицисты признанное ими право воюющихъ примѣняютъ только относительно имущественныхъ отношеній непріятельскихъ подданныхъ, то и въ этомъ выражается произвольность ихъ разсужденій. Если частныя лица не имѣютъ никакихъ правъ, но только одни обязанности относительно территоріальной власти, то нельзя ей отказать въ правѣ, «на основаніи политическихъ соображеній», убивать всѣхъ подданныхъ непріятеля. Вотъ сущность тѣхъ юридическихъ разсужденій, которыя внушаются патріотическими чувствами вышеупомянутымъ писателямъ международнаго права. Справедливость требуетъ отъ насъ признанія, что подобнаго рода разсужденія о вопросахъ международнаго права весьма «практичны»: государства не связаны никакими обязанностями и пользуются только правами (что однако несовсѣмъ возможно, потому что извѣстнымъ правамъ соотвѣтствуютъ, обыкновенно, из-

вѣстныя обязанности); такимъ образомъ, если они даже не лишаютъ частныхъ лицъ ихъ собственности, то это можетъ только служить новымъ поводомъ къ восхваленію гуманности и нравственныхъ чувствъ правительствъ. Мы также согласны, что, дѣйствительно чаще всего политическія, эгоистичныя соображенія руководятъ воюющими государствами, при признаніи неприкосновенности непріятельской частной собственности на своей территоріи; кромѣ того, мы знаемъ, что государства не признаютъ надъ собою никакой высшей принудительной власти,—но, все это не убѣждаетъ насъ въ состоятельности вышеприведенныхъ мнѣній о правѣ воюющихъ державъ относительно частныхъ лицъ. Если, дѣйствительно, политическія соображенія преобладаютъ при рѣшеніи вопросовъ международнаго права, то вѣдь это нисколько не доказываетъ, что оно такъ и должно быть. Это ненормальное господство политики надъ правомъ, которое существуетъ и въ государственной жизни европейскихъ народовъ, не привело еще мыслителей къ признанію этой аномаліи, какъ принципа, но напротивъ, ими же проводится существенное различіе между политикою и правомъ, и, вызываемая условіями жизни необходимость владычества права надъ политическими соображеніями, требуется лучшими современными умами. На этомъ выдѣленіи права изъ области политики мы настаивали неоднократно, и, только въ изслѣдованіи права, вызваннаго условіями жизни, въ опредѣленіи взаимныхъ правъ и обязанностей, видимъ мы задачу научнаго труда. Международная практика явно высказалась за неприкосновенность частной собственности на непріятельской территоріи, такъ что, въ настоящее время, частныя лица спокойно могутъ оставаться при своихъ мирныхъ занятіяхъ въ непріятельскомъ государствѣ. Развитіе международной жизни привело къ развитію права. И чѣмъ шире распространяется кругъ человѣческой дѣятельности, чѣмъ многостороннѣе дѣлается обмѣнъ международныхъ отношеній, тѣмъ ярче выступаетъ міровой законъ человѣческаго развитія и тѣмъ неотразимѣе требуетъ право своего признанія. При уразумѣніи условій этого развитія и, съ помощью безпристрастнаго, не омраченнаго патріотическими чувствами, изученія международнаго правосознанія цивилизованныхъ народовъ, дѣйствительно выясняется *право* въ его поступательномъ развитіи. Если исходной точкою бу-

детъ неизмѣняемость международныхъ отношеній и вѣчное постоянство международнаго права, какъ мы это видимъ у британскихъ публицистовъ (leges Angliae nolumus mutari), тогда нельзя не придти къ полному непониманію существующей международной жизни. Между тѣмъ, въ настоящее время, государства, все болѣе и болѣе, приходятъ къ сознанію своей обязанности и чувствуютъ необходимость принимать участіе въ международной жизни и, слѣдовательно, способствовать ея развитію. Развитіе международной жизни необходимо для развитія человѣка и для достиженія государствомъ своей цѣли. Сфера мирной, частной дѣятельности и жизни требуетъ признанія своей неприкосновенности и возстаетъ противъ смѣшенія съ областью государственной жизни. Права человѣческой личности не зависятъ отъ подданства какому либо государству. Въ настоящее время человѣкъ, какъ лицо, имѣетъ свою самостоятельную, индивидуальную сферу жизни и свои неотъемлемыя права. Гдѣбы ненаходилось лицо, вездѣ оно является субъектомъ права, и повсюду его человѣческое достоинство служитъ гарантіею его неприкосновенности и свободы. Согласно этому сознанію правъ *человѣка*, и, на основаніи своеобразной сферы частной жизни и права, частныя лица имѣютъ неопровержимое *право* на неприкосновенность своей движимой собственности, находящейся на территоріи непріятельскаго государства. Захватъ частной собственности будетъ не только крайне жестокимъ и несогласнымъ съ духомъ времени, какъ думаетъ американскій юристъ Дана [1]),—но, кромѣ того, будетъ нарушеніемъ права частныхъ лицъ и несоблюденіемъ воюющими государствами своей обязанности. Слѣдовательно, отказъ территоріальн й власти отъ вѣроломной конфискаціи частной собственности нельзя превозносить, какъ подвигъ нравственности и гуманности, совершенный государствомъ, и,—право частныхъ лицъ существуетъ помимо политическихъ соображеній верховной власти. Съ этимъ взглядомъ согласно большинство континентальныхъ писателей, которые, и въ этомъ случаѣ, представляютъ противоположность

[1]) Wheaton's. Elements, note № 156 by Dana (p. 389): «Still, it cannot be said that a nation, which for a cause it may judge sufficient, should seize and condemn such property, had violated established law, although such a course would be regarded as severe in the estreme, and out of harmony with the esprit of the age».

британскимъ и американскимъ публицистамъ. Но не всѣ континентальные публицисты требуютъ неприкосновенности частной собственности, на основаніи современнаго права войны; другіе довольствуются простымъ повѣствованіемъ о существующемъ международномъ обычаѣ [1]). Хотя, въ настоящее время, на практикѣ чаще осуществляется взглядъ этихъ послѣднихъ писателей, но все-таки желательно, чтобы международные трактаты или внутреннее законодательство государствъ обезпечили бы болѣе положительнымъ образомъ признанную неприкосновенность частной движимой собственности, находящейся на территоріи, или въ гаваняхъ другаго воюющаго государства.— Выше было сказано о международныхъ трактатахъ, обезпечивающихъ подданнымъ непріятеля извѣстный льготный срокъ, въ теченіе котораго они, свободно, со всѣмъ имуществомъ, могутъ оставлять непріятельскую территорію; здѣсь же можно еще прибавить, что въ 1860 г. былъ заключенъ трактатъ королевствомъ сардинскимъ съ республикой сальвадорской, въ которомъ (ст. IX и X) весьма точно опредѣлены права частныхъ лицъ, остающихся на территоріи непріятеля. Подобныя же опредѣленія можно встрѣтить въ трактатѣ, (ст: V), заключенномъ въ 1861 г. между королевствомъ итальянскимъ и венецуэльской республикой [2]). Что касается до внутреннихъ зако-

[1]) Срав. *Massé*, Droit commercial, T. I. §. 138 et suiv. *Vidari*. Del rispetto della proprieta privata, p. 93. è seg. *Heffter*. Völkerrecht. S. 236, 251—53. *Bluntschli*. Das moderne Völkerrecht, §§. 509, 530 etc. *Oppenheim*. System des Völkerrechts. 1867. S. 236. *De Negrin*. Etudios sobre el derecho internacional maritimo. Madrid. 1862. Secc. II, Cap. IX, §. 2. p. 155—156. Срав., кромѣ того, замѣчанія *Pinheiro-Ferreira* въ *Vattel*, liv. III, chap. VIII, §. 142; liv. II, chap. XVIII, §. 311, и къ *G. F. de Martens*. Précis du droit des gens. §§. 268, 280 etc.

[2]) Vidari. p. 81—82 приводитъ подлинный текстъ этихъ замѣчательныхъ статей. Въ первомъ трактатѣ постановляется, что въ случаѣ войны купцамъ, находящимся близъ морскаго берега разрѣшается *6-ти мѣсячный срокъ;* торгующимъ внутри страны *годъ*, чтобы кончить свои дѣла. Другимъ подданнымъ непріятеля, поселившимся въ странѣ, разрѣшается спокойно продолжать свои мирныя занятія. Ст. X гласитъ: «La proprietà o beni di qualunque specie dei sudditi o dei cittadini rispettivi non seranno in alcun caso di guerra o collisione fra le due Nazioni, soggette a sequestro od impedimento, nè ad altri carichi od imposte che a quelle che si esigono dai nazionali». Тоже самое повторяется въ V ст., замѣчательнаго, еще и въ другомъ отношеніи, трактата 1861 г.

нодательствъ разныхъ государствъ о точномъ опредѣленіи правъ и обязанностей мирныхъ иностранцевъ, застигнутыхъ возникшею войною на непріятельской территоріи, то этотъ вопросъ, только въ послѣднее время, обратилъ на себя вниманіе законодательной власти. Обыкновенно государства, вслѣдъ за объявленіемъ войны, обнародывали спеціальныя распоряженія, опредѣляющія отношенія къ непріятельскому государству и его подданнымъ, находящимся на ихъ территоріи. Такимъ образомъ, политическимъ соображеніямъ предоставлено было, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, опредѣлять судьбу имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Въ особенности Англія пользовалась, самымъ обширнымъ образомъ, возможностью нарушать въ распоряженіяхъ своего Тайнаго Совѣта (Orders in Council) неотъемлемыя права частныхъ лицъ [1]). Если бы государства, разъ на всегда, закономъ опредѣлили-бы мѣры, которыя они примутъ, въ случаѣ войны, противъ подданныхъ непріятеля, тогда во 1-хъ, въ область опасеній и сомнѣній внесется больше опредѣленности и меньше будетъ мѣста политическимъ соображеніямъ и, во 2-хъ, обезпечится нормальное развитіе международной жизни, торговли и промышленности. На этотъ вѣрный путь, прежде всѣхъ, вступило юное итальянское королевство; ему принадлежитъ честь служить въ этомъ отношеніи образцомъ для всѣхъ другихъ государствъ. Въ 1865 г. въ Италіи былъ обнародованъ а съ 1-го января 1866 г. вступилъ въ дѣйствіе, кодексъ для итальянскаго торговаго флота (Codice per la marina mercantile del Regno d'Italia). Этотъ сводъ опредѣляетъ, само собою разумѣется, только мѣры правительства относительно судовъ, принадлежащихъ подданнымъ непріятеля и находящимся, въ моментъ объявленія войны, въ итальян-

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что хотя Magna Charta еще въ 1215 г. обезпечила, подъ условіемъ взаимности, подданнымъ непріятеля неприкосновенность, но, какъ говоритъ Филлиморъ, эта статья относилась только къ иностранцамъ, поселившимся (domiciled) въ королевствѣ. На основаніи же такъ-назыв. «*Droits of Admiralty* (1665) частная собственность, находящаяся подъ британской территоріальной властью, всегда подвергалась захвату. «Nevertheless», говоритъ Филлиморъ, «it has been, until the recent war (1854) the *uniform custom* of Great-Britain to seize as prizes all vessels and cargoes of her ennemies found afloat in her ports at the commencement of war». (*Phillimore's* Inter. Law. III, p. 119).

скихъ гаваняхъ; такъ какъ признаніе неприкосновенности непріятельской частной движимой собственности на сушѣ, не могло войти въ область закона о торговомъ флотѣ, и кромѣ того, какъ извѣстно, считается международнымъ обычаемъ. Затѣмъ кодексъ не отличаетъ два рода эмбарго, о которыхъ мы говорили, но касается только эмбарго, состоящаго въ наложеніи секвестра, или даже, въ конфискаціи торговыхъ судовъ непріятельской націи, которыя найдены въ итальянскихъ гаваняхъ, или у береговъ государства. Объ эмбарго, имѣющемъ мѣсто въ мирное время и разсмотрѣнномъ нами какъ средство для окончанія международныхъ недоразумѣній, итальянскій кодексъ не упоминаетъ ни слова. Видари полагаетъ, что изъ молчанія закона можно вывести отказъ итальянскаго правительства отъ употребленія этого средства [1]). Статья *243-я* свода гласитъ: «Торговые корабли непріятельской націи, находящіеся «въ гаваняхъ, или у береговъ государства, во время объявле«нія войны, могутъ отплыть во всякое время; исключая того «случая, когда правительство, при особенныхъ обстоятель«ствахъ, считаетъ нужнымъ назначить срокъ для отплытія. «Въ такомъ случаѣ, корабли будутъ снабжаемы охранительными «грамотами». Итальянскій законъ допускаетъ наложеніе эмбарго единственно только, какъ репрессаліи: если непріятельское государство наложитъ запрещеніе на итальянскіе корабли, тогда закономъ дозволено задержать купеческія суда подданныхъ государства, наложившаго эмбарго [2]). Слѣдующая затѣмъ *244-я* статья постановляетъ, что остановленныя, въ видѣ репрессалій, суда могутъ быть, «смотря по обстоятельствамъ», удержаны до окончанія непріязненныхъ дѣйствій, или же объявлены законнымъ призомъ (ovvero dichiarato di buona preda). Въ послѣд-

[1]) Vidari. Del rispetto della proprietà privata p. 84.

[2]) Вотъ подлинный текстъ замѣчательной 243 статьи: «Le navi mercantili di nazione nemica, che si trovassero nei porti o litorali dello Stato al momento della dichiarazione di guerra, saranno libere di uscirne in qualunque tempo, salvo che il governo, per ispeciali circostanze, non creda prescrivere un limite per la partenza. A questo fine le navi suddette saranno alla loro partenza munite di salvacondotto per recarsi in patria. Ciò non di meno, in via di rappresaglia, potra farsi luogo all'*embargo* o sequestro di tali navi quando il nemico avesse cominciato le sue ostilità catturando le navi nazionali che si trovassero nè suoi porti, od operando estorsioni nelle provincie dello Stato». *Vidari.* Del rispetto, p. 85.

немъ случаѣ, судебной власти предоставляется обсужденіе законности приза, и, по продажѣ его, присужденіе pro rata итальянскимъ подданнымъ, потерпѣвшимъ убытки отъ распоряженій непріятельскаго государства. Наконецъ, въ ст. *245* говорится, что экипажъ корабля, задержаннаго или конфискованнаго, во всякомъ случаѣ, считается свободнымъ. Но опять исключается случай репрессалій, когда экипажъ все-таки можетъ быть задержанъ. Эта попытка опредѣлить, законодательнымъ путемъ, вопросы международнаго права заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Только въ Италіи частное лицо можетъ быть увѣрено, что собственность его, даже въ случаѣ войны съ государствомъ, котораго онъ подданный, не подлежитъ захвату; только здѣсь, право частныхъ лицъ получило торжественное признаніе и санкцію. Только итальянское королевство формально отказалось отъ возведенія произвольныхъ политическихъ соображеній на степень источника права, и неприкосновенность частныхъ лицъ и собственности сдѣлалась закономъ, охраняемымъ государственной властью. Такое уваженіе правъ частныхъ лицъ, безразлично какой бы націи они не принадлежали, вполнѣ согласно съ духомъ времени и условіями развитія международной жизни. Но, отдавъ должную дань Италіи за почетную инициативу въ такомъ важномъ и спорномъ дѣлѣ, мы не можемъ согласиться безусловно съ постановленіями кодекса. Отмѣна эмбарго и предоставленіе свободы экипажу купеческихъ кораблей обусловлены взаимностью и, если какая нибудь другая держава, на основаніи политическихъ своихъ соображеній, нарушитъ права частныхъ лицъ, тогда Италія провозгласившая, самымъ торжественнымъ образомъ, право неприкосновенности, готова слѣдовать примѣру нарушителя. На этомъ правѣ взаимности (droit de réciprocité) основываются, какъ мы это видѣли, реторсія и репрессаліи. Разсматривая право взаимности, съ точки зрѣнія идеи права и справедливости, мы принуждены безусловно отрицать состоятельность этого права; но, мы сознаемъ удобоисполнимость привести непріятельское государство къ сознанію своей неправды тѣмъ, что обрушиваемъ наше неудовольствіе на лицъ, ни въ чемъ невиновныхъ, а мирныхъ и безоружныхъ. Нельзя оспаривать, что примѣненіе репрессалій совершенно зависитъ отъ политическихъ комбинацій и пониманія своихъ собственныхъ интересовъ государствомъ, но введеніе политическихъ

соображеній въ сводъ юридическихъ опредѣленій, не соотвѣтствуетъ основной идеѣ кодекса.

Путеводной нитью нашихъ разсужденій были начала права, выведенныя изъ историческаго развитія настоящаго вопроса, какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ. Мы пришли къ сознанію неотъемлемаго права частныхъ лицъ на неприкосновенность своей движимой собственности, находящейся на непріятельской территоріи. Теперь, мы намѣрены нѣсколько коснуться политико-экономическихъ соображеній, которыя также совѣтуютъ государствамъ отказаться въ такой же формѣ, какъ это сдѣлала Италія, отъ наложенія эмбарго. Наложеніемъ секвестра и конфискаціею купеческихъ кораблей государства, прежде всего наносятъ рѣшительный ударъ своей собственной торговлѣ. Торговля, по своему существу, всегда обоюдна, и поэтому, задержаніе кораблей, непремѣнно, отзовется, чувствительнымъ образомъ, на подданныхъ того государства, которое сдѣлало это распоряженіе. И чѣмъ развитѣе торговля, чѣмъ большими узами связаны торговыя сношенія страны, задерживающей и конфискующей, тѣмъ тяжелѣе ударъ, наносимый воюющимъ государствомъ самому себѣ и своимъ гражданамъ, хотя онъ направленъ только противъ врага. Проистекающіе отъ подобной мѣры убытки торговымъ людямъ уплачиваются, обыкновенно, подданными государства, наложившаго эмбарго, потому что мѣра эта вызываетъ на мѣстѣ, по причинѣ недостатка въ предложеніи, вздорожаніе предметовъ. Разумѣется, что больше должно страдать то государство, которое по экономическому своему развитію, или по климатическимъ условіямъ, меньше производитъ и въ которомъ, слѣдовательно, привозъ превышаетъ, болѣе или менѣе, вывозъ. Если такое государство, зависящее отъ иностранныхъ рынковъ, налагаетъ эмбарго и задерживаетъ частныхъ лицъ съ ихъ собственностью, то очевидно, что нуждаясь въ привозѣ необходимыхъ продуктовъ, государство прекращаетъ его, и кромѣ того, лишаетъ себя возможности вывозить тѣ продукты, которыми хоть отчасти уравновѣшивается количество привозимыхъ товаровъ. Съ другой стороны, государство, обладающее громаднымъ торговымъ флотомъ, больше другихъ подвергается опасности лишиться кораблей и собственности. Къ сознанію крайней близорукости торговой политики, поставившей себѣ цѣлью: вредить всѣми спо-

собами соперничествующей торговлѣ, для блага собственной, пришли, въ настоящее время, даже въ Англіи, которая чаще всѣхъ употребляла это средство войны. Намъ кажется, что нельзя доказать раціональность, съ политико-экономической точки зрѣнія, задержанія кораблей и непріятельской частной собственности; въ особенности же теперь, когда всякое нарушеніе общественной безопасности и довѣрія жестоко отзывается на торговлѣ, промышленности и, вообще, народномъ благосостояніи. Наконецъ, если политическія комбинаціи не будутъ стремиться къ оправданію всякаго насилія, но напротивъ, соображаться съ народными интересами, тогда и эмбарго, въ видѣ реторсіи или репрессаліи, должно лишиться всякаго разумнаго основанія. Банкрофтъ говоритъ, въ своей исторіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, что для прочности сношеній въ человѣческомъ обществѣ необходимо, чтобы эти сношенія были бы обоюдно выгодны и способствовали бы другъ другу [1]). На этомъ основаніи, не могутъ установиться прочныя сношенія между государствами, если всякое, чувствующее свою силу, государство будетъ нарушать интересы другихъ, налагая, когда вздумается, эмбарго на находящіеся въ его гаваняхъ, для чисто мирныхъ цѣлей, корабли и задерживая и конфискуя собственность частныхъ лицъ. Исторія, дѣйствительно, убѣждаетъ, что именно тѣ государства, которыя имѣли вѣскія основанія положиться на свое могущество, чаще и безцеремоннѣе другихъ, задерживали частную собственность. Основательность замѣчанія Банкрофта подтверждается еще тѣмъ наблюденіемъ, что такія вопіющія нарушенія правъ частныхъ лицъ и нарушеніе безопасности торговли, какъ наложеніе эмбарго и конфискація частной собственности, нисколько не приводили къ миру и, такимъ образомъ, торговля, по своей сущности, представляющаяся наилучшей гарантіею мира, обратилась въ источникъ раздоровъ и ожесточенныхъ войнъ. Если, напротивъ, торговля совершенно будетъ обезпечена отъ своевольныхъ нарушеній, если права частной собственности перестанутъ служить мишенью политическимъ соображеніямъ, и, такимъ образомъ, общіе интересы сблизятъ, все болѣе и болѣе, народы—тогда

[1]) Bancroft. History of the United States from the discovery of the American Continent. London 1851. vol. V, p. 73.

и миръ будетъ лучше обезпеченъ и духъ законности найдетъ прочныя основанія. Поэтому, пока права частной собственности могутъ быть нарушены, на основаніи политическихъ соображеній воюющихъ государствъ, правительства считаютъ невозможнымъ отказаться отъ задержанія частной собственности, въ видѣ репрессалій. Только несовершенствомъ современныхъ международныхъ отношеній можетъ быть оправдана система итальянскаго кодекса, принятіе которой другими государствами, въ такой же формѣ внутренняго, обязательнаго закона, внесло бы большую опредѣленность въ международныя отношенія, и, существенно, способствовало бы выясненію международнаго правосознанія. Но, при всемъ томъ, никогда не должно быть упущено изъ виду неотъемлемое право частныхъ лицъ, неприкосновенность собственности которыхъ, требуется условіями развитія государственной и международной жизни человѣка.

III. О правахъ частныхъ лицъ по обязательствамъ.

Прежде чѣмъ перейдемъ отъ разсмотрѣнія правъ частныхъ лицъ на неприкосновенность недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, застигнутыхъ, въ моментъ объявленія войны, на территоріи непріятельскаго государства къ обсужденію положенія этихъ имуществъ на завоеванной территоріи,—остается рѣшить вопросъ: какое можетъ оказать вліяніе война на права по обязательствамъ, существующимъ между мирными подданными воюющихъ государствъ, или же между гражданами одного государства и другой воюющей державою? Обязательства, которыя, по своему существу, заключаются въ правѣ на дѣйствіе другаго лица, не могутъ быть предметомъ завоеванія, подобно недвижимымъ и движимымъ имуществамъ, которыхъ завладѣніе непріятелемъ можетъ лишить, въ данномъ случаѣ, собственника возможности владѣнія и распоряженія. Завладѣніе правомъ по обязательствамъ, имѣющимъ только имущественный интересъ (res incorporalis), но которое не представляется правомъ вещнымъ, есть безсмыслица и самопротиворѣчіе (contradictio in adjecto). Право по обязательству, зависящее совершенно отъ воли обязаннаго, не можетъ быть объектомъ фактическаго владѣнія, потому что существуетъ только по волѣ и въ сознаніи контрагентовъ (nec possideri videtur jus incorporale); ибо дѣйствіе, какъ необходимый

объектъ этого права, немыслимо, помимо воли лица. Но нѣтъ сомнѣнія, что внѣшняя сила можетъ имѣть вліяніе на удовлетвореніе по обязательствамъ. Воюющее государство фактически въ состояніи, напримѣръ, принудить силою должника уплатить должную кредитору сумму. Разумѣется, что самъ субъектъ обязательственнаго права не можетъ находиться въ физическомъ владѣніи воюющаго государства, такъ какъ лица не могутъ быть объектами вещныхъ правъ, и, только дѣйствіе ихъ, какъ изъявленіе воли, составляетъ предметъ обязательства. Спрашивается: разрѣшаетъ ли должника отъ удовлетворенія по обязательству, въ отношеніи къ кредитору или субъекту права, возможность, со стороны воюющаго государства, заставить обязаннаго исполнить обязанное дѣйствіе въ пользу воюющаго государства? На этотъ вопросъ даетъ удовлетворительный отвѣтъ рѣшеніе общаго вопроса: имѣютъ ли, вообще, воюющія государства какое либо право на права по обязательствамъ во 1-хъ, частныхъ лицъ въ отношеніи другъ друга, или во 2-хъ, частныхъ лицъ къ воюющимъ государствамъ. По рѣшеніи этого вопроса, весьма спорнаго въ наукѣ международнаго права, мы придемъ къ правильному взгляду на право подданныхъ непріятеля—преслѣдовать судебнымъ порядкомъ гражданъ другаго воюющаго государства, въ судахъ послѣдняго (jus standi in judicio).

Понятіе о войнѣ опредѣляетъ права воюющихъ; измѣненіе въ понятіяхъ приводитъ къ измѣненію права войны. Пока сила считалась правомъ, и только отъ побѣдителя зависѣли участь и право побѣжденныхъ, тогда разумѣется, все, что могло быть захвачено непріятелемъ, считалось его благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Поэтому, если бы въ древнемъ мірѣ территоріальная власть могла найти суммы, слѣдуемыя подданнымъ непріятеля, то и онѣ составили бы предметъ occupatio bellica. Но, во время младенчества международныхъ отношеній и торговли, рѣдко могли возникать отношенія по обязательствамъ, между гражданами республикъ Греціи или Рима и другими народами. По крайней мѣрѣ, въ источникахъ не встрѣчаются указанія о конфискованіи суммъ, слѣдующихъ римлянамъ отъ подданныхъ непріятеля,—что объясняется отсутствіемъ кредита. Болѣе извѣстно относительно положенія обязательственныхъ правъ въ завоеванной странѣ. Почти всѣ писатели приводятъ

одинъ и тотъ же примѣръ изъ исторіи древняго міра, заимствуя его у Квинтиліана. Квинтиліанъ разсказываетъ, что послѣ завоеванія города Оивъ Александромъ Великимъ, побѣдитель подарилъ своимъ союзникамъ ѳессалійцамъ сумму въ 100 талантовъ, которую они были должны оивянамъ. Въ знакъ удовлетворенія обязательства, Александръ передалъ должникамъ документы (заемныя письма) [1]). Когда же, впослѣдствіи Кассандръ предоставилъ ѳивянамъ ихъ прежнія права, то они потребовали отъ ѳессалійцевъ исполненія обязательства. Споръ, возникшій между обѣими сторонами былъ разрѣшенъ пресловутымъ совѣтомъ Амфиктіонскаго Союза; но самый приговоръ неизвѣстенъ, и каждый писатель пользуется неопредѣленностью выраженій у Квинтиліана, для истолкованія рѣшенія, согласно своему взгляду. Однако большинство юристовъ выводитъ изъ дальнѣйшаго изложенія этого спора Квинтиліаномъ, что процессъ выиграли ѳессалійцы [2]). Въ этомъ смыслѣ толкуетъ, между прочимъ, текстъ Квинтиліана, Гуго Гроцій, по мнѣнію котораго, Александръ, побѣдивъ ѳивянъ имѣлъ, на основаніи права побѣдителя, полное право сдѣлать такой подарокъ [3]). Гентилисъ выходитъ изъ того же положенія и признаетъ Александра Македонскаго универсальнымъ наслѣдникомъ побѣжденныхъ, которые, вслѣдствіе пораженія, перестали какъ бы жить. «Алек«сандръ Македонскій», говоритъ Гентилисъ, «былъ властите«лемъ и господиномъ не только города, но и всего государства, «которое въ цѣлости перешло къ нему» [4]). Вообще, всѣ публицисты, признающіе абсолютное право побѣдителя надъ побѣжденнымъ непріятелемъ, придерживаются мнѣнія Гентилиса и Гроція. Ваттель также оправдываетъ поведеніе Александра Вели-

[1]) Quintiliani Institutiones oratoris, V, 10, 11: «Cum Thebas evertisset Alexander, invenit tabulas, quibus centum talenta mutua Thessalis dedisse Thebanos continebatur. Has, quia usus erat commilitio Thessalorum, donavit his ultro. Postea restitutia Cassandro Thebani reposcunt Thessalos. *Apud Amphictyonas agitur. Centum talenta et credidisse eos constat et non recepisse. Lis omnis ex eo, quod Alexander ex Thessalis donasse dicitur, pendet*».

[2]) Phillimore's International Law. Vol. III, p. 701.

[3]) Grotii. De jure belli ac pacis, lib. III, cap. VIII, § IV, 2.

[4]) Gentilis. De jure belli, lib. III, cap. V, p. 500—501: «Alexander videri Thebanorum universalis successor potuit: quoniam eversae Thebae: et itaque mortem passae erant. «—» Fuit Alexander princeps, ac dominus, non urbis modo, sed et civitatis: quam redegerat sub se universam».

каго, находя на сторонѣ побѣдителя безусловное право на конфискацію долговъ, слѣдуемыхъ отъ кого-либо побѣжденнымъ [1]). Кромѣ этого классическаго примѣра, есть еще другіе, на которые однако писатели ссылаются меньше [2]), и, подобно тому, какъ до послѣдняго времени оправдывали захватъ частной собственности, такъ точно, изъ послѣдовательности, считаютъ побѣдителя въ правѣ взыскивать суммы съ должниковъ, находящихся на завоеванной территоріи. Въ другомъ только тонѣ говорятъ британскіе и американскіе публицисты о государственныхъ долгахъ, находя несправедливымъ и несогласнымъ съ «*началами*» и обычаями международнаго права, если государство отказывается отъ уплаты процентовъ или полной суммы кредиторамъ-подданнымъ непріятельскаго государства. Взглядъ свой на этотъ вопросъ Англія имѣла случай высказать въ знаменитомъ препирательствѣ, по поводу наложенія прусскимъ королемъ Фридрихомъ II запрещенія на капиталы англійскихъ подданныхъ. Этотъ споръ приводится всѣми писателями въ доказательство неприкосновенности государственныхъ долговъ, и поэтому, необходимо изложить, какъ самую исторію, такъ и главные доводы, приведенные спорящими сторонами [3]). Бреславскимъ трактатомъ 1742 г. королю прусскому Фридриху Великому уступлена Австріею извѣстная часть Силезіи. Въ ст. VII трактата, Пруссія обязалась уплатить британскимъ банкирамъ заемъ, заключенный Маріею Терезою и обезпеченный, въ видѣ ипотеки, доходами уступленной силезской провинціи. Въ 1744 г. возникла война, между Англіею, съ одной стороны, и Испаніею и Франціею—съ другой. Пруссія, будучи нейтральною, возстала противъ нескончаемыхъ насилій, совершаемыхъ бри-

---

[1]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap. XIV, § 212: «Lorsqu'Alexandre fit présent aux Thessaliens de la somme qu'ils devaient aux Thébains, il était maître absolu de la république de Thèbes, dont il détruisit la ville et fit vendre les habitants».

[2]) Phillimore's International Law, III, p. 703, etc.

[3]) Ch. de Martens. Causes célèbres du droit des gens. 2 ed. Lpz. 1858 T. II, p. 97.

Wheaton. Histoire du droit des gens. 2. ed. I, p. 260—71.

Phillimore, III, p. 25. Срав. также замѣчанія и нѣкоторыя подробности о настоящемъ случаѣ у *R. Ward.* A treatise of the relative rights and duties of belligerent and neutral powers, in maritime affairs. London. 1801. p. 71. etc.

танскими каперами надъ прусскими подданными. Англійскіе корсары захватили, подъ разными предлогами, множество прусскихъ, датскихъ, шведскихъ и голландскихъ кораблей, которые были зафрахтованы, отчасти или цѣликомъ, прусскими подданными. Всѣ эти корабли были объявлены законными призами англійскимъ призовымъ судомъ. Представленія Пруссіи противъ этихъ насильствъ, и требованія ея о вознагражденіи ограбленныхъ подданныхъ, остались безъ успѣха. Тогда въ 1751 г. Фридрихъ II заарестовалъ капиталы, слѣдуемые англійскимъ банкирамъ въ силу Бреславскаго трактата, и, подъ предсѣдательствомъ знаменитаго Кокцея, была учреждена коммиссія изъ прусскихъ юрисконсультовъ и министровъ, для разбора этого дѣла и опредѣленія справедливаго вознагражденія пострадавшимъ прусскимъ подданнымъ. Въ слѣдующемъ году С. Джемскому кабинету было сообщено мнѣніе коммиссіи, которая находила совершенно справедливымъ вознагражденіе прусскихъ подданныхъ, изъ доходовъ Силезіи. Доводы, приведенные прусскимъ правительствомъ въ оправданіе своего распоряженія, представляютъ обстоятельный разборъ правъ нейтральныхъ, и поэтому, не будутъ здѣсь разсмотрѣны. Вмѣстѣ съ заключеніемъ коммиссіи, король прусскій объявилъ Англіи свое рѣшеніе: до тѣхъ поръ удерживать капиталы британскихъ банкировъ, пока не будутъ вполнѣ удовлетворены его подданные. Заключеніе прусской коммиссіи также было передано англійскимъ правительствомъ на разсмотрѣніе коммиссіи, состоящей изъ двухъ ученыхъ юристовъ, адвоката и генералъ-солиситора Мэрре,—впослѣдствіи знаменитый лордъ Мансфильдъ. Составленный этой коммиссіею отвѣтъ прусскому правительству, Монтескье называетъ отвѣтомъ, не допускающимъ возраженій [1]), и онъ, дѣйствительно, на всегда разрѣшилъ вопросъ о конфискаціи государственныхъ долговъ. Англійскіе юрисконсульты доказывали во 1-хъ, что прусскимъ подданнымъ не оказано никакой несправедливости и во 2-хъ, что видъ репрессалій, примѣненный прусскимъ правительствомъ несогласенъ съ международными обычаями. Если, говорили британскіе юристы, какой-либо прусскій подданный обиженъ англичаниномъ, то ему открытъ доступъ къ суду, ко-

[1]) Montesquieu. Oeuvres. Vol. VI, p. 455; Lettres Persannes, let. XIV: «c'est une réponse sans réplique».

торый принимаетъ иски, какъ отъ англичанина, такъ и отъ прусскаго гражданина. Репрессаліи могутъ быть допущены, только въ крайнихъ случаяхъ, и при явномъ отказѣ въ правосудіи. Относительно заарестованія доходовъ, коммиссія отзывается: «Своимъ королевскимъ словомъ, король прусскій обязался уплатить силезскій долгъ частнымъ лицамъ. Долгъ этотъ, въ большей части, уже уступленъ подданнымъ другихъ государствъ. Трудно найти примѣръ, чтобы какой-либо монархъ предпринялъ бы репрессаліи, противъ своихъ собственныхъ кредиторовъ, которые притомъ частныя лица [1]). При заключеніи такого займа кредиторы надѣются, что ничего подобнаго случиться не можетъ. Частное лицо даетъ въ займы монарху, довѣряя его честности, потому что монархъ не можетъ быть, въ случаѣ отказа, наравнѣ съ другими лицами, принужденъ судебнымъ порядкомъ къ исполненію обязательства». —Этотъ интересный споръ кончился тѣмъ, что въ 1756 г. къ конвенціи о нейтралитетѣ, заключенной между Пруссіею и Англіею, была присовокуплена декларація въ которой король прусскій обязался снять арестъ и уплатить англійскимъ капиталистамъ наросшіе проценты; но за то британское правительство должно было выплатить 20.000 ф. стерл. для вознагражденія прусскихъ подданныхъ. Сумма эта была распредѣлена прусской коммиссіею между тѣми, которые могли доказать убытки, причиненные имъ англійскими корсарами. Такимъ путемъ Пруссія съумѣла заставить Англію уважать права своихъ подданныхъ. — Оставляя въ сторонѣ нравственное вліяніе, которое споръ этотъ могъ имѣть на другія державы, мы должны сказать, что во всѣхъ отношеніяхъ мастерскій отвѣтъ англійскихъ юристовъ былъ принятъ, какъ неопровержимое правило въ послѣдующей международной практикѣ. Примѣра заарестованія суммъ, слѣдуемыхъ государственнымъ кредиторамъ, больше не встрѣчается: развитіе кредита и крайняя необходимость въ общественномъ довѣріи, заставили государства уважать права государственныхъ кредиторовъ. Этого требуетъ собственный интересъ. —Но за то, права по обязательствамъ частныхъ лицъ между

[1]) Phillimore's. Inter. Law. III, p. 26 «It will not be easy to find an instance where a Prince has thought fit to make Reprisals upon a debt due from himself to private men».

Ch. de Martens, Causes célèbres, II, p. 153.

собою, не разъ подвергались воюющимъ нарушеніямъ. Когда въ 1793 г. началась война между Англіею и Франціею, то послѣдняя заарестовала долги и другую собственность британскихъ подданныхъ, и Англія сдѣлала то же самое, относительно французскихъ гражданъ. Только въ Парижскомъ трактатѣ 1814 г. было постановлено, что отмѣняется арестъ на британскую собственность и возстановляются ихъ права по обязательствамъ къ французскимъ подданнымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, для удовлетворенія справедливыхъ претензій англичанъ, была учреждена коммиссія, которая занялась разбирательствомъ всѣхъ убытковъ, происшедшихъ отъ распоряженій французскаго правительства, начиная съ 1793 г. Слѣдуетъ также упомянуть о войнѣ Англіи противъ Даніи 1807 г. Еще до начала непріязненныхъ дѣйствій, датская собственность и всѣ датскіе корабли, находящіеся въ британскихъ гаваняхъ и застигнутые въ открытомъ морѣ, были задержаны и, по объявленію войны, признаны законнымъ призомъ (droits of admiralty). Датское правительство конфисковало за то всѣ суммы, которыя его подданные обязаны были платить англичанамъ, такъ что датская казна заняла мѣсто британскихъ кредиторовъ. Тогда Судъ Королевской Скамьи объявилъ, что распоряженіе датскаго правительства противно всѣмъ международымъ обычаямъ и, что конфискація обязательствъ не есть законное средство защиты. Знаменитыми юрисконсультами, говоритъ судъ, осуждена прежняя практика и, въ продолженіе вѣка не было примѣра, чтобъ былъ изданъ декретъ подобный датскому [1]). Мы скажемъ словами Уитона, что основательность этого утвержденія подлежитъ еще сомнѣнію. Наконецъ, изъ новѣйшей исторіи международныхъ отношеній, можно упомянуть объ извѣстномъ распоряженіи Ричмондскаго конгресса отъ 6 августа 1861 г., которымъ разрѣшена была, не только конфискація недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, но и всѣхъ правъ по обязательствамъ, какъ-то: долговыхъ обязательствъ и суммъ, слѣдуемыхъ отъ лицъ, находящихся на конфедеративной территоріи, но которыя принадлежали гражданамъ – федералистамъ. Публичные фонды только были исключены [2]). Мы знаемъ, что противъ этой мѣры

[1]) Wheaton's Elements of International Law. §§ 307, 308.
[2]) ibid. Note N. 157 by Dana, p. 393.

возстала Англія, и лордъ Россель, въ своей депешѣ къ британскому консулу въ Ричмондѣ, старался доказать, что это распоряженіе не оправдывается современнымъ международнымъ правомъ. Наконецъ остается сказать, что распоряженія воюющихъ государствъ во время послѣднихъ войнъ, большей частью соотвѣтствовали духу нашего времени, и права частныхъ лицъ по обязательствамъ не были нарушены.—Изъ этого историческаго очерка, нельзя не вывести заключенія, что Англія постоянно защищала на практикѣ неприкосновенность правъ по обязательствамъ. Она также старалась обезпечить эти права на чужія дѣйствія санкціею международныхъ трактатовъ. Такъ напримѣръ, въ трактатѣ 1794 года, заключенномъ ею съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, въ ст. X было постановлено, что несправедливо и неполитично конфисковать обязательства частныхъ лицъ, по случаю международныхъ столкновеній. Поэтому договаривающіяся стороны отказались отъ права конфискаціи [1]).

Въ литературѣ международнаго права, конфискація правъ по обязательствамъ не находитъ, въ настоящее время, безусловныхъ защитниковъ, и, сознаніе въ крайней необходимости кредита, развитіе и солидарность, въ этомъ отношеніи, торговыхъ интересовъ, вынудили писателей требовать неприкосновенности правъ на чужія дѣйствія. Но доводы, приводимые публицистами въ доказательство этой юридической невозможности вступать законнымъ образомъ участникомъ въ обязательство, безъ обоюднаго соглашенія, весьма различны: одни говорятъ, что воюющія государства имѣютъ неотъемлемое право конфисковать суммы, слѣдуемыя подданнымъ непріятеля, но что осуществленіе этого права не одобряется международными обычаями; другіе же, и весьма немногіе, не признаютъ за воюющими никакого права на обязательственныя отношенія частныхъ лицъ между собою. Посмотримъ, какое изъ этихъ двухъ мнѣній болѣе соотвѣтствуетъ сущности обязательственныхъ правъ, и основывается, притомъ, на поступательномъ развитіи международной жизни [2]).

[1]) G. F. de Martens. Récueil des traités, T. VI, p. 336.

[2]) Полное, и еще теперь не лишенное значенія, изслѣдованіе настоящаго вопроса представляетъ трудъ: *B. W. Pfeiffer'a* «Das Recht der Kriegseroberung in Beziehung auf Staatscapitalien». Cassel. 1823.

Не смотря на существенное различіе между вещными и обязательственными правами, многіе юристы, въ правѣ войны и при обсужденіи правъ побѣдителей, не дѣлаютъ никакого различія между этими совершенно разнородными имущественными правами. Въ войнѣ нѣкоторые писатели видѣли только господство произвола, право побѣдителя, воля котораго не была связана никакими обязанностями, или юридическими доказательствами о несообразности подобнаго смѣшенія юридическихъ понятій. Но если воюющими, въ разгарѣ ожесточенія и въ сознаніи своей физической силы, не всегда управляютъ начала права и справедливости, то иначе должны бы отнестись къ этому предмету представители науки, изъявляющіе притязаніе ограничить произволъ и выяснить истинное правосознаніе. Такъ Гентилисъ, Гуго Гроцій и Бинкершукъ ясно понимали различіе между правами на вещь и на чужія дѣйствія, но они, безусловно, «на основаніи права побѣдителя», предоставляютъ все на произволъ сильнѣйшаго. Разрѣшивъ конфискацію недвижимыхъ и движимыхъ частныхъ имуществъ, они признаютъ также, какъ мы это видѣли выше, за побѣдителемъ право на захватъ обязательственныхъ правъ побѣжденныхъ. Бинкершукъ, развивая замѣчательно логично свое понятіе о войнѣ, имѣетъ основаніе предложить вопросъ: если воюющій имѣетъ право на захватъ всякаго рода имуществъ, найденныхъ на его территоріи и принадлежащихъ подданнымъ непріятеля, то почему онъ не имѣетъ права на захватъ правъ по обязательствамъ? [1]). Такимъ образомъ, Бинкершукъ считаетъ территоріальную власть въ правѣ обязать всѣхъ своихъ подданныхъ къ уплатѣ ей суммъ, должныхъ подданнымъ непріятельскаго государства. Это положеніе зиждется, кромѣ того, по мнѣнію Бинкершука, на томъ, что съ объявленіемъ войны, перемѣняются лица собственниковъ, имѣющихъ какія-либо имущества на непріятельской территоріи [2]). Такая же перемѣна

[1]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, lib. I, cap. VII: «*Hostium actiones et credita, quae apud nos inveniuntur, an exorto bello recte publicentur*». (p. 204). «Sed profecto videtur esse jus commune, ut et actiones publicentur, ex eodem nempe ratione, qua corporalia quae libet. Actiones utique sive credita non minus jure gentium sunt in dominio nostro, quam alia bona, cur igitur in his jus belli sequamur, in illis non sequamur».

[2]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici lib. I, cap. VII. (in initio): «ut hostes sint omni jure spoliati proscriptique, *rationis est*, quascunque *res hostium*, apud *hostes inventas*, *dominium mutare* et fisco cedere».

происходитъ въ субъектахъ правъ по обязательствамъ, которыя тотчасъ переходятъ къ казнѣ. Но въ концѣ этой же главы, своихъ «Вопросовъ публичнаго права», Бинкершукъ нѣсколько разъясняетъ свое мнѣніе, заявляя, что для конфискованія какого-либо обязательства необходимо, чтобы оно находилось въ дѣйствительномъ владѣніи субъекта «непріятельскаго» обязательства, т. е. требуется обязательство еще неисполненное, такъ-что подданный—должникъ тотчасъ же въ состояніи исполнить требованіе верховной власти. Если же верховная власть не требуетъ отъ своихъ гражданъ-дебиторовъ исполненія дѣйствія по обязательству, тогда, по возстановленіи мира, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановляется прежнее право кредиторовъ, потому что «за«владѣніе, существовавшее во время войны, больше было фак«тическое, не основываясь на силѣ дѣйствительнаго права» [1]). Въ этомъ заключается ученіе знаменитаго юрисконсульта, которое заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что на немъ зиждятся основанія теорій британскихъ и американскихъ публицистовъ и судей, имѣвшихъ и имѣющихъ, до настоящаго времени, еще весьма важное вліяніе на приложеніе законовъ международнаго права. Относительно договоровъ займа, заключенныхъ еще до начала войны между подданными воюющихъ государствъ, Великобританія держится болѣе либеральныхъ или, по меньшей мѣрѣ, болѣе разумныхъ началъ, нежели въ отношеніи непріятельскихъ кораблей, застигнутыхъ войною въ ея территоріальныхъ водахъ. «Такая морская держава», говоритъ Уптонъ, «которая пользуется подавляющимъ превосхо«дствомъ на морѣ, должна имѣть интересъ, или можно пред«положить, что въ ея интересѣ поддерживать право конфи«скаціи непріятельской собственности, задержанной до объ«явленія войны». «Но, разумѣется», продолжаетъ Уптонъ, «ни«какъ не въ интересѣ народа, который благодаря распростра«ненности своихъ капиталовъ, приходится кредиторомъ всякой «другой коммерческой страны, конфисковать суммы, слѣдуемыя «непріятелю-кредитору. Это невозможно, не вызывая со сто«роны непріятеля принятіе, при всякомъ удобномъ случаѣ, по«добной же мѣры, сопряженной съ болѣе невыгодными послѣдстві-

[1]) Bynkershoek. Quaest. j. publ. lib. I, cap. VII (in fine):—«quia occupatio, quae bello fit, magis in facto, quam in potestate juris consistit».

«ями» [1]). Эта рѣдкая откровенность Уитона, приверженца остроумныхъ теорій В. Скотта и британскихъ публицистовъ, котораго, слѣдовательно, ни въ какомъ случаѣ нельзя обвинить въ безпристрастіи къ своимъ образцамъ, выражаетъ совершенно основательно тѣ мотивы, которые руководятъ британскихъ публицистовъ, при изслѣдованіи вопросовъ международнаго права. Ни правда и справедливость, ни послѣдовательное развитіе идеи права, но національныя выгоды и эгоистичные интересы— вотъ что составляетъ цѣль и основаніе британскихъ теорій о правѣ войны. Всякій принципъ, всякая теорія международнаго права оцѣнивается англійскими публицистами по масштабу британскихъ выгодъ и невыгодъ; но, если какой-либо принципъ неотразимо требуетъ одинаковаго логическаго приложенія къ однороднымъ совершенно случаямъ, тогда отрицается ими возможность подобнаго осуществленія права.—потому что это уже вышло изъ международной практики. Къ сожалѣнію, американскіе юристы, почти безъ критики, принимаютъ ученія британскихъ публицистовъ и судей. Въ доказательство всего сказаннаго, мы приведемъ мнѣнія этихъ публицистовъ о занимающемъ насъ, въ настоящее время, вопросѣ. Власть территоріальная въ правѣ тотчасъ же, по объявленіи войны, считать своей собственностью все, принадлежащее подданнымъ непріятеля — это верховный принципъ Гентилиса, Гуго Гроція, Бинкерсгука, Филлимора, Стори и другихъ британскихъ и американскихъ юристовъ. Слѣдовательно, долги или доходы съ недвижимаго имѣнія на непріятельской территоріи, слѣдуемые гражданамъ противной стороны, должны считаться военной добычею воюющаго государства. Если частное лицо пріобрѣтаетъ собственность на территоріи чужаго государства, или же вступаетъ участникомъ въ какое-либо обязательство съ гражданами другаго государства, то оно постоянно должно имѣть въ виду послѣдствія, которыя на основаніи международнаго права возникаютъ, въ случаѣ войны, между этими государствами. Согласно съ этими соображеніями, Дана находитъ совершенно неосновательнымъ требованіе

[1]) Wheaton's Elements, ed - by Dana. § 305 (p. 388—9)—«but a nation wich, by the extent of its capital must generally be the creditor of every other commercial country, can certainly have no interest in confiscating debts due to an enemy, since that enemy might, in almost every instance, retaliate with much more injurious effect».

отмѣны конфискаціи обязательственныхъ правъ или собственности непріятельскихъ подданныхъ на томъ только основаніи, что будто бы то и другое помѣщено на чужой территоріи, въ увѣренности на «публичную добросовѣстность» территоріальной власти. Такая аргументація, по мнѣнію Дана, ничто иное, какъ обыкновенная petitio principii [1]). Логичность требуетъ признать, въ такомъ случаѣ, и законность конфискаціи государственныхъ долговъ, потому что кредиторъ, дающій въ ссуду государству, также долженъ имѣть въ виду возможность конфискаціи своего капитала, въ случаѣ войны. Съ этимъ, однако, не соглашаются британскіе публицисты. Относительно частныхъ долговъ, Филлиморъ цитируетъ Бинкершука въ подтвержденіе своего мнѣнія, что сущность дѣла и суровое право (strict right) требуетъ безусловно ихъ конфискаціи [2]), но, прибавляетъ онъ тотчасъ же, суровость этого права смягчена гуманной и мудрой международной практикою, за полтора столѣтія тому назадъ. На практикѣ, удерживаются отъ конфискаціи долговъ и суммъ и, съ возстановленіемъ мира возстановляются, также прежнія права кредиторовъ [3]). Точно въ такомъ же смыслѣ, выражаются о настоящемъ вопросѣ: Окъ-Маннингъ [4]), Стори [5]), Кентъ [6]), Унтонъ [7]), Уольси [8]), Галлекъ [9]) и другіе. Всѣ эти писатели считаютъ неизмѣннымъ древнее правило и, по ихъ мнѣнію, исключительно только отъ снисходительности воюющей державы зависятъ права частныхъ лицъ по обязательствамъ. Такимъ образомъ, конфискація, со стороны воюющаго государства, обязательственныхъ правъ частныхъ лицъ не представляется нисколько дѣйствительнымъ правиломъ современнаго международнаго права, напротивъ, политическимъ соображеніямъ верховной власти предоставлено: или осуществить свое неотъемлемое

---

[1]) Wheaton's Elements, note № 157 from *Dana* (p. 392):

[2]) Phillimore 's Intern. Law Vol. III, p. 132: The strict right—the summum jus—by the reason of the thing, and by the opinion of every eminent jurist, remains unquestioned».

[3]) Ibidem. Vol. III, p. 134.

[4]) Oke Manning. Comentaries on the Law of Nations. p. 129.

[5]) Story in Cranch 's American Reports vol. VIII, p. 140.

[6]) Kent's Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 211.

[7]) Wheaton's Elements, p. 391.

[8]) Woolsey, Introduction. § 118.

[9]) Halleck's Law. of Nations, p. 362.

право конфискаціи, или же, оказать гуманность и снисходительность, оставляя обязательственныя права въ ихъ существующемъ положеніи. Въ подтвержденіе своего взгляда британскіе публицисты ссылаются также на мнѣніе Ваттеля, который признаетъ за верховной властью право на все, что̀ подданные ея должны гражданамъ непріятельскаго государства.

«Поэтому», заключаетъ Ваттель, «верховная власть можетъ «конфисковать всѣ долги, если срокъ платежа, со стороны под«данныхъ —дебиторовъ, придется во время войны, или, по мень«шей мѣрѣ, она можетъ воспретить своимъ подданнымъ упла«ту долговъ кредиторамъ—гражданамъ непріятельскаго госу«дарства. Но, въ настоящее время, собственная выгода и «безопасность торговли заставили всѣ европейскія государ«ства отказаться отъ этой жестокой мѣры» [1]). Пфейфферъ, основывающій также свои разсужденія на авторитетѣ римскихъ юристовъ, долженъ былъ придти къ одинаковому, съ разсмотрѣнными нами писателями, результату, съ тою только разницею, что политическія соображенія не играютъ у него той роли, какъ у другихъ [2]).

Опроверженіе подобнаго рода права воюющаго государства на обязательственныя права частныхъ лицъ весьма легко, если логично развивать юридическое понятіе о существѣ обязательствъ. Говоря вообще объ обязательствахъ, прежде всего необходимо выдѣлить тѣ, которыя вытекаютъ изъ права на вещи; такъ напримѣръ, съ правомъ собственности на недвижимое имущество можетъ быть связано право сервитута, и, само собою разумѣется, что судьбѣ главной вещи, во время войны, должна слѣдовать и ея принадлежность. (Accessio semper sequitur principalem rem). Если воюющій считаетъ себя въ правѣ наложить секвестръ на поземельную собственность мирнаго подданнаго непріятельскаго государства, то разумѣется, что этому же распоряженію подлежатъ также и доходы съ имѣнія—все равно въ какомъ бы видѣ они не получались. Совершенно другое должно сказать объ обязательствахъ, существующихъ непосредственно между частными лицами. Мы уже указали на то основное различіе, которымъ обязательства отличаются отъ другихъ имущественныхъ правъ.

[1]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap V, § 77.

[2]) Pfeiffer. Das Recht der Kriegseroberung u. s. w. § 14.

Сущность обязательства состоитъ, именно, въ той духовной, юридической связи, которая соединяетъ контрагентовъ, установляя съ одной стороны обязанность совершенія извѣстнаго дѣйствія, а съ другой—право на это дѣйствіе. Уступка права по обязательству можетъ состояться, или по доброй волѣ кредитора, или же, по принужденію *законной* власти [1]). Если, прежде всего, имѣть въ виду, приписываемое законной территоріальной власти право на конфискацію, то, какъ уже сознался Бинкершукъ, принужденіе должника вносить въ казну суммы, слѣдуемыя непріятельскому подданному, существуетъ только фактически, слѣдовательно, самое право по обязательству кредитора нисколько не уничтожается по поводу принужденія должника. Поэтому, если должника принуждаютъ исполнить обязательство, не въ пользу кредитора, но казны, тогда, по возстановленіи мира, онъ все-таки будетъ обязанъ удовлетворить своего перваго кредитора по обязательству. Можно считать безспорнымъ положеніе гражданскаго права, что принужденіе верховной властью должника есть постигшее его несчастіе, которое нисколько не разрѣшаетъ самое обязательство, точно такъ, какъ исполненіе обязательства, по ошибкѣ или недоразумѣнію, не уничтожаетъ права кредитора на дѣйствіе должника. Такимъ образомъ оказывается, что кредиторъ-подданный непріятеля, ни въ какомъ случаѣ, не лишается своего права, и, при первой возможности, потребуетъ исполненія обязательства; только должнику-подданному государства, дѣлающаго насилія, наносится ущербъ [2]). Нельзя не замѣтить, что помимо посягательства на личную свободу и неприкосновенность частныхъ имущественныхъ отношеній, чрезъ такое принужденіе подданнаго никакъ не достигается цѣль этой правительственной мѣры и, едва-ли можно оправдывать политическими соображеніями, въ основаніе которыхъ обыкновенно ставится интересъ государства, разореніе своихъ собственныхъ гражданъ. Что же касается власти завоевателя надъ субъектами обязательственныхъ правъ, на завоеванной территоріи, то здѣсь и самое принужденіе должника къ удовлетворенію по обязательству, въ пользу завоевателя, будетъ вопіющимъ насиліемъ и правонарушеніемъ. Никто не

[1]) Heffter. Völkerrecht. S. 241.

[2]) Heffter. Völkerrecht. S. 241.
Massé. Droit commercial, tome I, § 139 (p. 118) et suiv.

оспариваетъ, что власть завоевателя есть власть фактическая, и, только по заключеніи мира, можетъ сдѣлаться законною; слѣдовательно, принужденіе незаконной властью должника можно оправдать единственно только, на основаніи непреодолимой, грубой силы. Но опять обязательство, какъ обоюдное соглашеніе воли, не можетъ считаться уничтоженнымъ, и кредиторъ, во всякое удобное время, можетъ воспользоваться своимъ несомнѣннымъ правомъ, и потребовать отъ должника вторичнаго исполненія обязательственнаго дѣйствія. Очевидно, что никакъ нельзя смѣшивать права обязательственныя съ имуществами наличными или правами на вещь, и примѣнять къ тѣмъ и другимъ одни и тѣ же предвзятыя заключенія, не соотвѣтствующія сущности предмета. Крайне интересны разсужденія Филлимора, о настоящемъ вопросѣ: онъ весьма подробно развиваетъ различіе между приведенными родами имуществъ, и, затѣмъ приходитъ къ заключенію, что обязательства, тѣсно связанныя съ даннымъ лицомъ, не могутъ подлежать праву завладѣнія, со стороны завоевателя [1]). Слѣдовательно, право по обязательству тѣсно связано съ личностью обязаннаго, котораго зависимость отъ данной власти не можетъ уничтожить самое право, и, оно должно, во всякомъ случаѣ, остаться неприкосновеннымъ. Однако Филлиморъ, вслѣдъ затѣмъ, провозглашаетъ *право* конфискаціи, со стороны территоріальной власти, долговъ подданныхъ, кредиторами которыхъ являются граждане непріятельскаго государства. Но на чемъ же основано это право, противорѣчащее самой сущности юридической сдѣлки и, котораго, строго говоря, быть не можетъ? Возможно только одно изъ двухъ: *или* дѣйствительно существуетъ право конфискаціи обязательственныхъ правъ, *или же*, такого права нѣтъ, и, въ такомъ случаѣ, конфискація долговъ частныхъ лицъ, кредиторами которыхъ являются также частныя лица, но только какъ подданные непріятельскаго государства, — есть непростительный произволъ и насиліе. Доказавъ невозможность этого права, намъ остается опровергнуть законность его. Война есть отношеніе государства къ государству, и воюющія государства не могутъ

[1]) Phillimore's Inter. Law, vol. III, p. 688 «It is then necessary conclusion from the premises which have been laid down, that Incorporeal Things, such as debts, *do not accrue to the Conqueror as a consequence of his possession of the person who is entitled to them*».

имѣть права на нарушеніе обязательственныхъ отношеній, существующихъ между частными лицами. Область частной жизни, сфера гражданскаго, частнаго права и обязательственныхъ правъ частныхъ лицъ, должны пользоваться полной неприкосновенностью, и не могутъ быть смѣшиваемы съ областью государственной жизни и государственнаго права. Современное право войны знаетъ объ обязательственныхъ правахъ частныхъ лицъ только одно неопровержимое опредѣленіе, состоящее въ категорическомъ требованіи отъ воюющихъ государствъ: уваженія права частныхъ лицъ на неприкосновенность своихъ обязательственныхъ правъ. Не только «гуманность» и «мудрая практика народовъ» требуютъ признанія, со стороны территоріальной власти, неприкосновенности обязательственныхъ отношеній, существующихъ между частными лицами, но строгое и неумолимое предписаніе права и справедливости должно заставить ее отдать должное сферѣ частной жизни. Не выдерживаютъ, съ нашей точки зрѣнія, самой снисходительной критики разсужденія Ваттеля о томъ, что обоюдная выгода и безопасность торговыхъ сообщеній требуютъ отъ воюющихъ государствъ отказа отъ осуществленія своего права конфискаціи, и, что поэтому, государство, пользующееся своимъ правомъ, нарушаетъ только общественное довѣріе. Прежде всего нельзя не согласиться съ словами Массе, что плохо напоминать кому-либо объ умѣренности, признавъ за нимъ сперва право дѣлать насилія [1]). По затѣмъ, мы не только не отрицаемъ, что развитіе торговыхъ и международныхъ сношеній привело къ «отказу» государства отъ права конфискаціи правъ частныхъ лицъ по обязательствамъ, но напротивъ, именно, на основаніи развитія современной государственной и международной жизни, мы не видимъ на сторонѣ государствъ право конфискаціи, но только *обязанность* уважать неприкосновенность обязательственныхъ дѣйствій. Въ настоящее время, право на неприкосновенность есть *право* частныхъ лицъ. Это право основывается также на условіяхъ развитія международной жизни. Извѣстно, что во времена младенчества народовъ, права по обязательствамъ не только не существовали между членами различныхъ народовъ, но даже ихъ не было и между гражданами одного и того же государства. Толь-

[1]) Massé. Droit commercial. T. I p. 120.

ко, съ развитіемъ общественнаго быта и возникновеніемъ но выхъ потребностей, вызывающихъ, съ своей стороны, болѣе обширный обмѣнъ человѣческихъ отношеній, установляются права на чужія дѣйствія. И, чѣмъ многостороннѣе дѣлаются человѣческія отношенія, чѣмъ больше возникаетъ потребностей, требующихъ необходимаго удовлетворенія, тѣмъ сложнѣе становятся обязательственныя права и, тѣмъ неотложнѣе требованіе ненарушимости ихъ. Тоже самое мы видимъ въ международной жизни. Начиная съ того времени, когда война была естественнымъ состояніемъ международныхъ отношеній и, кончая современной международной жизнью, обязательства между гражданами различныхъ государствъ переходятъ всѣ ступени зачатія и развитія. Съ развитіемъ международныхъ отношеній постепенно исчезаетъ изолированность народовъ, возникаетъ и развивается заключеніе договоровъ между народами и частными лицами. Наконецъ несомнѣнно, что основаніемъ современной международной жизни представляются именно отношенія и права по обязательствамъ, существующія между гражданами цивилизованныхъ государствъ. Можно сказать, безъ преувеличенія, что обязательства приводятъ народы къ сознанію общности интересовъ, и международная жизнь, какъ необходимое условіе для всесторонняго развитія человѣка, немыслима, безъ существованія правъ по обязательствамъ между подданными современныхъ государствъ или частными лицами. И подобно тому, какъ ненарушимость и неприкосновенность обязательственныхъ правъ сдѣлались необходимыми условіями развитія государственной жизни, такъ точно неприкосновенность договоровъ, существующихъ между частными лицами, есть ихъ право и неотложное условіе развитія международной жизни. Сознаніемъ этой неопровержимой истины, объясняются встрѣчаемыя, въ законахъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, постановленія, которыми предоставляется всѣмъ, какъ собственнымъ подданнымъ, такъ и иностранцамъ, право иска. Такимъ образомъ и въ этомъ частномъ вопросѣ бросается въ глаза тѣсная, органическая связь, существующая между развитіемъ государственной и международной жизни. Теперь понятно, что война, не отмѣняя господствующій юридическій порядокъ, даже, между воюющими государствами, тѣмъ менѣе можетъ прекратить теченіе международной жизни; слѣдовательно, она не можетъ имѣть

послѣдствіемъ перемѣну «въ субъектахъ» имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Въ субъектахъ правъ по обязательствамъ, также не можетъ происходить такая перемѣна, и право неприкосновенности остается неизмѣннымъ, все равно будетъ-ли обязаннымъ лицомъ государство, или частное лицо. Если же война есть состояніе господства грубой силы, и единственнымъ руководителемъ воюющихъ государствъ должны быть ихъ эгоистическія, политическія соображенія,—въ такомъ случаѣ, нельзя отказать воюющему государству—должнику, прежде всего, въ правѣ конфисковать суммы, слѣдуемыя своимъ кредиторамъ. Но уже давно, какъ мы видѣли, необходимость въ государственномъ кредитѣ привела къ признанію неприкосновенности государственныхъ долговъ и, въ настоящее время, никто не оспариваетъ неотъемлемое право государственныхъ кредиторовъ. [1]). На основаніи вышесказаннаго, завоеватель также не имѣетъ никакого права на исполненіе дѣйствій по обязательствамъ, существующимъ между частными лицами. Мнѣніе Гуго Гроція, что завоеватель, покорившій субъектовъ обязательственныхъ правъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, пріобрѣтаетъ и самыя права [2]), лишено всякаго основанія, съ тѣхъ поръ, какъ исчезло безусловное право воюющаго надъ побѣжденными.

Въ тѣсной связи, съ разсматриваемымъ нами вопросомъ, находится споръ между публицистами о томъ: имѣетъ ли подданный непріятельской державы право вчинать иски въ судахъ непріятельскаго государства, противъ его самого, или его подданныхъ (jus standi in judicio)? Исполненіе обязательства, со стороны должника, разумѣется, весьма сомнительно, если нѣтъ возможности принудить его къ этому судебной властью; поэтому, не признавъ права конфискаціи, за воюющими державами, обязательственныхъ правъ, необходимо отрицать справедливость

---

[1]) Vattel. liv. III, chap. V, § 77. *Wildmann*'s Intern. Law, vol. II, p. 10. *Klüber,* Droit des gens moderne de l'Europe, § 252. *Phillimore* 's Intern. Law, vol. III, p. 135: «Indeed, it is one which now may happily be said to have no gainsoyers».

[2]) De jure belli ac pacis. Lib. III, Cap. VIII, § IV «Nam verum est, incorporalia belli jure, non primo ac per se acquiri, sed *media persona* cujus ea fuerunt». *Ibidem*, lib III, cap. VIII, § I, 3: «Potest autem imperium victoria acquiri, vel tantum ut est in rege aut alio imperante et tunc in ejus duntaxat jus succeditur».

распоряженій, которыми частныя лица, какъ подданныя непріятеля, лишаются законной защиты. Англійскіе и американскіе публицисты придерживаются, однако, противоположнаго мнѣнія, и основываютъ его на авторитетѣ Бинкершука и пресловутаго В. Скотта, который имѣлъ случай высказать «слѣдующія неприступныя истины» [1]). Съ момента объявленія войны прекращаются, сами собою, всѣ сношенія между подданными непріятельскихъ державъ, и продолженіе сообщеній, безъ спеціальнаго разрѣшенія правительствъ, признается преступленіемъ. Изъ этого слѣдуетъ невозможность допускать гражданъ непріятеля къ вчиненію иска, или, вообще, къ производству какихъ бы то ни было процессуальныхъ дѣйствій, противъ нашихъ согражданъ: ибо подданный на непріятельской территоріи считается внѣ покровительства законовъ (exlex). Но самое обязательство, говоритъ В. Скоттъ, заключенное до объявленія войны, не теряетъ своей силы отъ этой невозможности для кредитора требовать судебнымъ порядкомъ его исполненія. Юридическіе авторитеты Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки прямо объявляютъ, что «непріятель» (hostis) никогда не можетъ имѣть право иска (persona standi in judicio) [2]). Насколько эта теорія согласна съ условіями современной международной жизни и правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ, — едва-ли требуетъ доказательствъ. И если бы мнѣніе В. Скотта, пользующагося, по выраженію Гефтера, такой «печальной знаменитостью» не руководило бы до послѣдняго времени, британской практикою, и не провозглашалось бы «неприступной истиною» учеными юристами англо-саксонскаго племени, тогда объявленіе человѣка внѣ закона, вслѣдствіе войны между государствами, осталось бы такою же достопримѣчательностью древняго міра, какъ восклицаніе: «vae victis»! Современная война не есть борьба и рѣзня, между всѣми отдѣльными гражданами воюющихъ государствъ, и мир-

[1]) Robinson's Reports of cases argued and determined in the high court of Admiralty, commencing with the judgement of S. W. *Scott*. 1800. Vol. I, p. 196—201, «*Case of the Hoop*».

Phillimore, Vol. III, p. 105 etc. *Wheaton*' s Elements, ed. by *Dana*, §§ 309, 310, 317.

[2]) Phillimore's Intern. Law. Vol. III, p. 108, *Wheaton's* Elements p. 396—400. Срав. также *Bello*. Principios de derecho internacional. (Paris) 1864. Part. II, cap. II, § 3, p. 150 e. seg.

ный подданный или частное лицо не считаетъ подданнаго враждующаго, противъ его отечества, государства личнымъ своимъ врагомъ, которому онъ будто бы обязанъ наносить всевозможный вредъ [1]). Мы полагаемъ, что всякое благоустроенное государство считаетъ объявленіе и веденіе войны своей прерогативою, и никогда не потерпитъ самоуправства частныхъ лицъ. Впослѣдствіи, мы увидимъ, что современное право войны, не только не возбуждаетъ частныхъ лицъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ, противъ мирныхъ подданныхъ и даже войскъ непріятеля, но напротивъ, подъ угрозою наказанія, возбраняетъ имъ всякое насиліе. Слѣдовательно, никогда частное лицо не можетъ считаться непріятелемъ, и, разумѣется, еще менѣе можетъ быть, внѣ закона. Лишить человѣка, изъ-за подданства извѣстному государству, связанныхъ съ его личностью неотъемлемыхъ правъ, объявить его за это внѣ покровительства законовъ, никакая власть не въ правѣ, и никакими политическими соображеніями этого оправдать нельзя. И такъ какъ современное право войны признаетъ только государства воюющими сторонами, то нѣтъ никакого основанія считать, по случаю войны, сообщенія между частными лицами прекращенными, и еще меньше всего преступными. Частныя лица не ведутъ другъ противъ друга войну, и продолженіе мирныхъ торговыхъ сношеній, не только не нарушаетъ права и интересы воюющихъ государствъ, напротивъ, уменьшаетъ въ сильной степени бѣдствія войны. Общимъ правиломъ должно быть безпрепятственное продолженіе сообщеній между частными лицами, и только крайняя необходимость можетъ требовать прекращенія, въ извѣстной мѣстности, мирныхъ сношеній [2]). На этомъ основаніи, частныя лица всегда имѣютъ, въ принципѣ, право на преслѣдованіе обязанныхъ по обязательствамъ, или по другимъ причинамъ, подданныхъ не-

---

[1]) Wheaton's Elements, § 311 (p. 397): «Every individual of the one nation must acknowledge every individual of the other nation as his own enemy, because he is the enemy of his country». Срав. въ томъ же духѣ: *Travers Twiss*, Vol. II, p. 109, 298. «When a Sovereign Power is at war with another Sovereign Power, all the subjects *de facto* of the one Power are enemies *de jure* of the other Power, and the juridical obligations of amity which exist between them, as individuals, are suspended during the continuance of war».

[2]) Bluntschli. Völkerrecht. § 674.

пріятельскаго государства, въ ихъ отечественныхъ судахъ. Отрицаніе этого права частныхъ лицъ есть отрицаніе международной жизни, и поэтому вездѣ, гдѣ сознаются принципы европейскаго международнаго права, выработаннаго развитіемъ жизни, всякій человѣкъ долженъ считаться субъектомъ права, и никогда не можетъ быть внѣ закона [1]). Неотъемлемое право частныхъ лицъ состоитъ въ томъ, чтобы стать предъ судомъ на территоріи непріятельскаго государства. Но имѣть право и возможность его осуществить, не всегда другъ другу соотвѣтствуютъ. Частное лицо, дѣйствительно, по нашему мнѣнію, имѣетъ право преслѣдовать нарушителя своего права предъ судомъ непріятеля; однако, можетъ же случиться, что судъ не приметъ къ разсмотрѣнію искъ мирнаго подданнаго непріятельскаго государства, потому что территоріальная верховная власть находитъ опаснымъ увеличить матеріальныя средства противника еще тѣми денежными суммами, которыя могутъ быть взыскиваемы съ ея подданныхъ, или отъ казны, и затѣмъ, отсылаемы на непріятельскую территорію. Эти соображенія имѣлъ въ виду Массе —талантливый защитникъ правъ частныхъ лицъ,—когда онъ считалъ нужнымъ провозгласить право правительства отказать, во время войны, подданнымъ непріятеля вчинать иски въ его судахъ. «Могутъ наступить» говоритъ Массе «обстоятельства, когда потребности общественной и государственной защиты сдѣлаютъ необходимымъ воспретить всѣ сношенія между частными лицами, и когда воюющія государства, которыя не имѣютъ права конфисковать долги своихъ подданныхъ-должниковъ, все-таки могутъ имѣть интересъ воспрепятствовать, чтобы эти суммы не были уплачиваемы, во время войны, чѣмъ увеличивались бы средства непріятеля, во вредъ нашихъ собственныхъ» [2]). Деньги, во время войны, рѣдки и крайне нужны, поэтому государство можетъ принимать мѣры, чтобы они не выходили изъ его предѣловъ; такою мѣрою является воспрещеніе судамъ принимать къ разсмотрѣнію иски на своихъ подданныхъ. Если сравнить это мнѣніе Массе съ другими его выводами, то

[1]) Ahrens. Cours du droit naturel, 6 ed. Lpz. 1868 tome I, p. 140 «L'homme n'est pas un produit de la société ou de l' État, mais il en est la cause et le but; l'ordre social ne doit pas absorber l'homme, mais le protéger et l'aider dans son activité propre».

[2]) Massé Droit commercial, t. I, p. 121, § 145

нельзя не видѣть нѣкоторое отступленіе отъ провозглашенныхъ имъ прежде принциповъ. Признавъ, что «война есть отношеніе государства къ государству» и «нисколько не измѣняетъ естественныя права частныхъ лицъ, которыя могутъ подвергаться только нападеніямъ силы» [1]),—трудно придти логично къ заключенію, что отъ «обстоятельствъ» и «положенія финансовъ» зависитъ осуществленіе правъ частныхъ лицъ. Затѣмъ, допустимъ, что исполненіе по обязательству, напримѣръ, по договору займа воспрещено воюющимъ государствомъ своимъ подданнымъ-должникамъ, то необходимо разрѣшить вопросъ: кто же внесетъ за дебитора капитальную сумму съ процентами и неустойкою (если она обусловлена), когда кредиторъ этого потребуетъ по возстановленіи мира? Едвали будетъ, въ такомъ случаѣ, справедливо взыскивать съ должника, за неисполненіе обязательства. Слѣдовательно, остается государство, сдѣлавшее упомянутыя, со стороны Массе, распоряженія, и которое, поэтому, нельзя не признать обязаннымъ нести причиненные имъ убытки [2]). Не отрицая нисколько автономіи государствъ и верховность права территоріальной власти, мы все-таки полагаемъ, что отказъ частному лицу въ правѣ вчинать иски, будетъ нарушеніемъ его права и принципа права войны. Только крайняя необходимость и всеобщее благо государства, которое не можетъ быть принесено въ жертву единичному благу частнаго лица, могутъ вынудить воюющихъ на принятіе вышеупомянутыхъ мѣръ. Право верховной власти предписывать судамъ—недопущеніе исковъ отъ подданныхъ непріятеля—не подлежитъ никакому сомнѣнію; но, съ другой стороны, намъ кажется, подобнаго рода постановленіе только исключеніемъ, не уничтожающимъ общее правило о правѣ иска частныхъ лицъ, хотя бы подданныхъ непріятельской державы. Однимъ словомъ, принимая въ соображеніе, истекающую отъ пріостановленія права иска частныхъ лицъ обоюдную невыгоду, мы находимъ болѣе цѣлесообразнымъ для воюющаго государства, въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ упоминаетъ Массе, положиться на патріотизмъ своихъ подданныхъ, и непарушать обя-

---

[1]) Massé. p. 116 «L' état de guerre en succédant à l'état de paix, ne modifie en rien les droits naturels des particuliers», etc.

[2]) Срав. Vidari. Del rispetto della proprietà privata p. 115, 116.

зательственныя права частныхъ лицъ. Но, ни въ какомъ случаѣ, и не смотря ни на какія обстоятельства, не можетъ быть оправдываемо объявленіе, со стороны воюющаго государства, частныхъ лицъ внѣ покровительства законовъ.

ГЛАВА V.

О ПРАВАХЪ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА СУШѢ.

Отдѣленіе II. О частной собственности на территоріи завоеванной непріятелемъ.

Разсмотрѣвъ право собственности на территоріи непріятельской, мы обращаемся теперь, къ опредѣленію правъ ея на завоеванной непріятелемъ землѣ. Война, какъ крайнее средство для рѣшенія столкновеній или споровъ о правѣ, возникающихъ между государствами, имѣетъ единственной цѣлью водвореніе прерваннаго мира, или возстановленіе нарушеннаго, нормальнаго состоянія международной жизни. Этой цѣлью опредѣляется раціональность и достоинство средствъ, употребляемыхъ воюющими державами, и, только тѣ изъ нихъ, которыя соотвѣтствуютъ этой цѣли, и, сами по себѣ, не нарушаютъ чужое право, оправдываются современнымъ международнымъ правомъ. Кромѣ того война, какъ международное бѣдствіе, сильно препятствующее правильному теченію международной жизни, всегда должна, для достиженія цѣли, ограничиваться такими средствами, которыя наименѣе наносятъ вредъ непріятелю, и скорѣе приводятъ къ цѣли. Война есть борьба государственныхъ, самостоятельныхъ организмовъ, поэтому, чѣмъ съ большей мѣткостью и скоростью нанесенъ будетъ ударъ непріятельскому государству, тѣмъ надежнѣе достиженіе желаемой цѣли: возстановленіе мира. Изъ этого слѣдуетъ, что воюющими сторонами являются исключительно государства, которыхъ собственный интересъ требуетъ ограничить, по возможности, поле войны, и парализировать непосредственно вооруженныя силы врага. Естественное основаніе государства—его территорія, безъ нея оно немыслимо, и понятно, почему занятіе территоріи непріятельскаго государства является дѣйствительнымъ средствомъ принужденія. Государство, лишен-

ное территоріи, перестаетъ существовать. Извѣстно, что государственная территорія заключаетъ также поземельные участки, принадлежащіе частнымъ лицамъ, поэтому естественно возникаетъ вопросъ объ отношеніяхъ, въ которыя вступаетъ завоеватель къ землевладѣльцамъ, на завоеванной территоріи. Необходимо опредѣлить насколько перемѣна властей или правительствъ, можетъ имѣть вліяніе на права поземельной собственности частныхъ лицъ. Опредѣленіе права завоевателя, вообще, укажетъ на его обязанности, относительно частныхъ лицъ и ихъ собственности, недвижимой или движимой, находящейся на завоеванной территоріи.

I. Объ имуществахъ недвижимыхъ.

Понятіе о правѣ войны опредѣляетъ права завоевателя къ населенію на завоеванной территоріи. Чѣмъ неограниченнѣе право воюющаго, тѣмъ больше варварства и произвола. Народы древняго міра, преклонявшіеся предъ грубой, физической силою, какъ предъ очевиднымъ признакомъ видимой помощи и заступничества божества, естественно пришли къ заключенію, что на сторонѣ побѣдителя—божество, правда и справедливость; побѣжденный былъ врагъ не только побѣдителя, но и божества, заступившагося за него такъ осязательно. Въ словахъ: «горе «побѣжденнымъ», произнесенныхъ галлами, по сожженіи ими Рима, выражается, весьма опредѣленно, сущность древняго права войны, относительно побѣжденныхъ. Непріятель былъ существо безправное, и его территорія, со всѣмъ на ней находящимся, подлежала абсолютному праву завоевателя [1]). Завоеванную территорію римляне объявляли государственной собственностью [2]), и, только иногда, когда того требовалъ политическій интересъ, они оставляли за побѣжденными, право пользованія поземельной собственностью, взимая только извѣстный налогъ (vectigal). Право собственности безусловно переходило отъ побѣжденныхъ къ римскому народу. Въ другихъ случаяхъ, римляне, на основаніи foedus, оставляли побѣжденному народу часть (обык-

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens. III, p. 21.
Müller-Iochmus. Geschichte des Völkerrechts im Alterthum, S. 168 u.s.w.

[2]) Dig. lib. XVIX, tit. 15 (20, 1). «Ager publicum, qui ex hostibus captus sit».

повенно одну треть) завоеванной территоріи, а остальную, большую часть, присоединяли къ ager publicus. — Немногимъ лучше была участь частныхъ собственниковъ во второмъ періодѣ развитія права войны: въ среднихъ вѣкахъ. Представленный нами выше очеркъ права войны въ среднихъ вѣкахъ, даетъ достаточно указаній къ опредѣленію того положенія, въ которомъ находились недвижимыя имущества, на завоеванной территоріи. Неограниченное господство индивидуальной воли, и отсутствіе прочнаго государственнаго устройства, имѣли послѣдствіемъ безпрестанныя и жестокія войны. Но, такъ какъ войны, которыя велись феодалами предпринимаемы были, не столько съ цѣлью завоеванія, сколько изъ увлеченія къ борьбѣ и къ подвигамъ личной храбрости, то понятно, что поземельная собственность, почти всегда, оставалась за прежними ея собственниками. Задача гуманности состояла, главнымъ образомъ, въ осужденіи страшныхъ опустошеній, которымъ подвергалась непріятельская страна. Собственность недвижимая, дѣйствительно, оставалась неприкосновенною, но за то все: селенія, зáмки, города, заслоняющіе путь храброму сподвижнику, дѣлалось добычею огня и меча. Если же и въ среднихъ вѣкахъ, встрѣчаются примѣры отбиранія завоевателемъ частныхъ недвижимыхъ имуществъ, все-таки свобода частныхъ лицъ была болѣе гарантирована, чѣмъ въ древнемъ мірѣ. Завоеваніе, по словамъ Лорана, скорѣе походило въ среднихъ вѣкахъ на экспропріяцію: побѣжденные иногда лишались имущества, но не теряли свободы. Послѣднимъ примѣромъ конфискаціи недвижимыхъ имуществъ побѣжденныхъ представляются распоряженія Вильгельма Завоевателя въ Англіи: отъ англо-саксовъ, большею частью, отняли ихъ помѣстья, что впрочемъ не мѣшало имъ составить, впослѣдствіи, коренной элементъ англійскаго народа [1]). Съ развитіемъ и болѣе прочнымъ установленіемъ государственной власти, и, съ прекращеніемъ безначалія, уничтожаются также частныя войны, а самая война, все болѣе и болѣе, очищается отъ безчеловѣчности и варварства. Уваженіе мирнаго характера частныхъ лицъ утвердилось постепенно, и, опустошенія, которымъ преимущественно подвергались дома и поля земледѣльцевъ, постепенно выходятъ

---

[1]) Laurent. Histoire, VII, p. 216.
Wheaton's. Elements of Inter. Law. § 346, (p. 432).

изъ практики войны. Лоранъ приводитъ весьма интересные переговоры, которые около 1552 г. имѣли мѣсто, между французскимъ маршаломъ Бриссакомъ и испанцами [1]). По мнѣнію французскаго генерала, опустошенія непріятельскихъ полей «противны чувству гуманности, требующему пощады для земледѣльцевъ, которые не должны терпѣть за распри, возникшія между ихъ государями». Чтобы бѣдствія войны были менѣе чувствительны для мирнаго населенія, Бриссакъ предложилъ своему противнику опредѣлить, формальнымъ актомъ, ихъ обоюдное поведеніе, относительно «бѣднаго народа». На всѣ убѣдительныя представленія французскаго генерала, испанскій полководецъ отвѣчалъ, что «бѣдствія земледѣльцевъ не касаются его рѣшительно, и, кромѣ того, невозможно опредѣлить, точнымъ образомъ, всѣ случайности войны». Однако, человѣколюбіе Бриссака одержало блестящую побѣду, и между противниками была заключена конвенція, въ которой было постановлено какъ общее правило, что война не ведется противъ земледѣльцевъ, исключая случаевъ, когда они непосредственно вмѣшиваются въ войну, напримѣръ, если подвозятъ крѣпостямъ съѣстные припасы. Такимъ образомъ мы видимъ, что конфискація частныхъ недвижимыхъ имуществъ вышла изъ употребленія уже въ XI ст., а противъ опустошеній и разореній, чрезъ которыя наносится иногда частнымъ лицамъ непоправимый вредъ, гуманность возстала, болѣе сознательно и настойчиво, съ XVI в. Хотя неприкосновенность недвижимыхъ имуществъ, на завоеванной территоріи, признается даже большинствомъ британскихъ и американскихъ публицистовъ, но опять основанія ихъ такъ шатки, что легко могутъ прикрыть произволъ и насиліе обликомъ правды и справедливости.

Постепенное развитіе международной жизни и права войны выказывается и въ опредѣленіи писателями права завоеванія. Тѣ изъ мыслителей, которые строго придерживались античнаго взгляда на права воюющихъ, логично пришли къ заключенію, что всякая недвижимая собственность, на занятой непріятелемъ территоріи, eo ipso дѣлается законной собственностью завоевателя. Въ этомъ смыслѣ выражаются: Гентилисъ [2]). Гуго Гро-

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens. X, p. 387.

[2]) Gentilis. De jure belli, lib. III, cap. XVII: «*De agris et postliminio p. 623.*» De agris, locis, aedificiis nunc dico, manere omnia in potestate ejus,

ций [1]) и Бинкершукъ [2]). Согласно мнѣнію этихъ писателей, побѣдитель, завоевавшій силою непріятельскую территорію, пріобрѣлъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, все на ней находящееся. Недвижимыя имущества подданныхъ непріятеля дѣлались, въ такой же степени, собственностью завоевателя, какъ и государственныя имущества непріятельскаго государства. Фактическая власть завоевателя, надъ частью непріятельской территоріи, была достаточна для перенесенія положительнаго права собственности. Сила непріятеля была его правомъ, и пріобрѣтенное мечемъ считалось наиболѣе крѣпкимъ и безспорнымъ. Послѣдовательнѣе другихъ развиваетъ эти мысли Бинкершукъ, который считаетъ неопровержимымъ правиломъ международнаго права, что недвижимая собственность конфискуется на завоеванной территоріи. Между тѣмъ, въ то время, когда этотъ консеквентный мыслитель говорилъ объ этомъ «общеизвѣстномъ» правилѣ войны, законы и обычаи войны давно уже отказались отъ примѣненія этого начала. Такимъ образомъ мы видимъ, что представители науки международнаго права далеко отстали отъ установившихся гуманныхъ обычаевъ войны, и, устремивъ взглядъ на военную практику древнихъ народовъ, упустили изъ виду современную имъ международную жизнь. Хотя гуманный Гуго Гроцій и высказывается за снисходительность къ гражданамъ побѣжденнаго непріятеля, и, изъ исторіи римскихъ завоеваній, приводитъ примѣры, въ которыхъ завоеватель оставлялъ неприкосновенною поземельную собственность на завоеванной территоріи [3]), но, мы знаемъ насколько эти благія пожеланія и совѣты были неопредѣленны и противорѣчивы.—Зачатки гуманности, встрѣчаемые нами у Гуго Гроція, были развиваемы Ваттелемъ. Ваттель, который въ болѣе удобной формѣ излагаетъ теорію римскаго права войны, развиваемую весьма подробно Вольфомъ, все-таки болѣе подчинялся вліянію окружающей его международной жизни, и, часто чувство права и справедливости даетъ ему болѣе возвышенный

---

qui tenet tempore factae pacis: nisi cautum foedere aliter est. «*p. 630:*» Mihi ineptum videtur in tractatu armorum de alia possessione quaerere, quam de ea, quae vi et armis comparatur».

[1]) Grotii—De jure belli ac pacis, lib. III, cap. VI, § II, etc.

[2]) Bynkershoek. Quaestiones juris publici, cap. IV. (p. 197). «Bona autem cum sint mobilia, vel immobilia constat, utraque jure belli recte occupari».

[3]) De jure belli ac pacis, lib. III. cap. XIII, § IV.

взглядъ на право войны, чѣмъ взглядъ его предшественниковъ. Поэтому, Ваттель весьма часто уклоняется отъ логическаго развитія провозглашенныхъ имъ принциповъ, и не разъ въ его словахъ просвѣчиваетъ духъ XVIII вѣка. Провозгласивъ принципъ древняго права войны, по которому всякій подданный непріятельскаго государства долженъ считаться непріятелемъ, Ваттель, слѣдующимъ образомъ, отзывается о положеніи недвижимой частной собственности на завоеванной территоріи: «Прежде даже частныя лица, вслѣдствіе завоеванія, лишались своихъ земель. И ничего нѣтъ удивительнаго, что таковъ былъ обычай въ первыя вѣка римскаго владычества. Это были республики, коммуны, которыя вели войны; государство не имѣло значительной собственности, и борьба была естественно общимъ дѣломъ всѣхъ гражданъ. Но въ настоящее время», писалъ Ваттель, въ половинѣ прошедшаго столѣтія, «война менѣе страшна для подданныхъ, потому что ведется съ большею гуманностью. война существуетъ между государствами, и не предпринимается противъ беззащитнаго народа. Побѣдитель захватываетъ имущества непріятельскаго государства, а частныя лица сохраняютъ неприкосновенность своей собственности. Частныя лица, только посредственно, испытываютъ послѣдствія войны, и, вслѣдствіе завоеванія, перемѣняются только представители верховной власти [1])». Это мнѣніе Ваттеля можетъ и въ настоящее время быть принято, для опредѣленія правъ завоевателя. Завоеваніе, какъ послѣдствіе войны государствъ другъ противъ друга, и, въ которой частныя лица не принимаютъ, непосредственно, никакого участія, направлено противъ непріятельскаго государства и имъ оно должно ограничиться. Частныя лица и ихъ недвижимая собственность, настолько причастны къ войнѣ, насколько это опредѣляется, законнымъ образомъ, верховной властью. Непріятель, завоевавшій часть, или даже всю территорію своего противника и, устранивъ такимъ образомъ силою прежнюю территоріальную власть, заступилъ ея мѣсто. Вслѣдствіе этой фактической власти надъ завоеванной страною, побѣдитель присвоиваетъ себѣ всѣ тѣ права, которыя признавались за прежней верховной властью. Но надо замѣтить, что

[1]) Vattel —Droit des gens. liv. III, chap. XIII, § 200. Срав. liv. III. chap. V, § 70.

равныя съ устраненнымъ правительствомъ права, завоеватель можетъ себѣ присвоить только тогда, если имѣло мѣсто совершенное, окончательное завоеваніе непріятельской территоріи (debellatio, ultima victoria). Это послѣднее строго слѣдуетъ отличать отъ обыкновеннаго вторженія въ непріятельскую землю (invasio, occupatio bellica). Въ первомъ случаѣ, завоеватель имѣетъ право пользоваться прерогативами побѣжденной верховной власти и поэтому, можетъ, напримѣръ, взимать доходы съ государственныхъ имуществъ, требовать отъ населенія отправленія извѣстныхъ повинностей для содержанія и продовольствія войска, и вообще, онъ можетъ управлять страною, по своему усмотрѣнію. Во второмъ же случаѣ, фактическая власть непріятеля такъ мимолетна, что не могутъ произойти рѣшительно никакія измѣненія въ существующемъ порядкѣ вещей. Но, ни въ первомъ, и еще менѣе въ послѣднемъ случаѣ, завоеватель не имѣетъ права измѣнять существующіе въ странѣ гражданскіе законы, и вторгаться въ сферу частной жизни мирнаго населенія. Это правило принимается безусловно большинствомъ современныхъ публицистовъ. Слѣдовательно, не можетъ быть спора, что недвижимыя имущества частныхъ лицъ должны считаться завоевателемъ неприкосновенными. Кромѣ того, завоеватель, замѣнившій прежнюю верховную власть, не можетъ себѣ присвоить больше правъ, чѣмъ имѣла первая [1]), которая не могла имѣть права конфискаціи недвижимой собственности невинныхъ частныхъ лицъ. Затѣмъ, фактическая власть завоевателя нуждается въ санкціи права, которая дается только мирнымъ трактатомъ. Завоеваніе не устанавливаетъ юридически верховную власть завоевателя, и признать торжество силы, матеріальнаго могущества, дѣйствительнымъ актомъ права, противно современному правосознанію. Сила, говоритъ Блунчли, не есть естественный источникъ права, напротивъ, задача права ограничить господство силы [2]). Слѣдовательно, только признаніе, со стороны побѣжденнаго непріятеля, въ мирномъ дого-

[1]) Twiss, Law of Nations. II, p. 127, «A victorious nation, in acquiring the sovereignty *de facto* over a country, from which it has expelled its adversary, does not acquire any other rights than those which belonged to the expelled Sovereign, and to those, such as they are, with all their limitations and modification, he succeeds by Right of War».

[2]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. § 289.

ворѣ, самаго факта завоеванія обращаетъ результатъ торжества силы въ положительное право [1]). На этомъ основаніи, право недвижимой собственности частнаго лица нисколько не отмѣняется фактическимъ обладаніемъ, со стороны завоевателя, территоріею, и, неприкосновенность недвижимыхъ имуществъ есть неотъемлемое право частныхъ лицъ. Этотъ взглядъ раздѣляется всѣми современными публицистами, хотя не всегда утверждается категорически [2]). Логическое развитіе современнаго понятія о войнѣ должно было привести къ заключенію, что не только недвижимыя имущества частныхъ лицъ, но даже частныя владѣнія воюющаго монарха, находящіяся на завоеванной территоріи, не могутъ подлежать завладѣнію, со стороны завоевателя. Слѣдовательно, извѣстное рѣшеніе французскаго кассаціоннаго суда, постановленное въ смыслѣ ихъ неприкосновенности, какъ нельзя болѣе основательно и справедливо [3]).

Такое рѣдкое согласіе между писателями по международному праву, старается нарушить извѣстный защитникъ правъ нейтральныхъ—Отфель. Возставая противъ уничтоженія каперства и отмѣны захвата частной собственности на морѣ, Отфель силится убѣдить всѣхъ своихъ противниковъ, что непріятельская частная, движимая или недвижимая, собственность не пользуется неприкосновенностью, во время сухопутныхъ войнъ [4]). Не упуская изъ виду цѣль его разсужденій, намъ понятны будутъ натяжки и неосновательность его аргументаціи. Относительно недвижимыхъ имуществъ Отфель утверждаетъ, что они никогда не пользовались правомъ неприкосновенности, и, если завоева-

---

[1]) Zachariae. Vierzig Bücher vom Staate. Bd. V, S. 119.

[2]) Phillimore, Vol. III, p. 731. *Wheaton*'s Elements, § 346, note N 169 from *Dana:* «As to private property in immovables, the occupying power is not considered, in the modern practice of nation, as authorized to confiscate their use and income». (p. 438, 437) *Twiss*, II, p. 126 *Heffter* § 133.

Martens. Précis du droit des gens liv. VIII, chap. IV, § 282; *Klüber* Droit des gens, § 255 et suiv. *Bluntschli* Völkerrecht, §§ 289, 576, 715.

[3]) Sirey. Récueil général des lois et des arrêts en matière civile et criminelle. Paris 1800 et suiv. Jugement de la Cour de Cassation de Paris. (XXX, 1, 280): «Le droit de conquête n'a effet au préjudice des princes que sur les biens qu 'ils possèdent en qualité de princes et non sur les biens qu 'ils possèdent comme simple propriété».

[4]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime, p. 505—6.

тель дѣйствительно неконфискуетъ поземельную собственность, то это единственно потому, что въ его интересѣ не возбуждать противъ себя населеніе. Оставляя недвижимыя имущества за прежними собственниками, завоеватель получаетъ значительныя выгоды тѣмъ, что на ихъ счетъ можетъ содержать армію. Завоеватель не обязанъ уважать право собственности землевладѣльцевъ, потому что, ни международные трактаты, ни обычаи не знаютъ требуемой публицистами неприкосновенности [1]).—Къ сожалѣнію, утвержденіе Отфеля совершенно голословно: онъ не приводитъ рѣшительно никакихъ доказательствъ, ибо нельзя же считать аргументомъ въ пользу несуществованія защищаемаго нами начала европейскаго международнаго права—упомянутое Отфелемъ поведеніе англичанъ въ Остъ-Индіи, относительно туземцевъ. Не находя нужнымъ, послѣ изложеннаго нами историческаго развитія неприкосновенности недвижимыхъ имуществъ, вдаваться въ опроверженіе голословнаго ея отрицанія, со стороны Отфеля, мы только замѣтимъ, что если и дѣйствительно интересъ заставляетъ завоевателя уважать право собственности частныхъ лицъ, то изъ этого никакъ нельзя заключить, что нѣтъ самого права. Развѣ интересъ всегда противорѣчитъ праву, или наоборотъ, право интересу? Намъ кажется, настолько же несомнѣнно, что сознаніе права часто совпадаетъ съ сознаннымъ интересомъ, насколько неопровержимо, что право восторжествуетъ всего скорѣе тамъ, гдѣ оно не противорѣчитъ интересу или матеріальнымъ выгодамъ. Наконецъ необходимо упомянуть еще о двухъ британскихъ публицистахъ Маннингѣ [3]) и Вильдманѣ [2]), которые также непризнаютъ обязанности завоевателя уважать право неприкосновенности поземельной собственности. Доказательствами имъ служатъ ссылки на римское право и Бинкершука, которыхъ мѣсто и значеніе въ исторіи права войны опредѣлены нами выше, съ достаточной подробностью. Итакъ, право неприкосновенности частной недвижимой собственности на территоріи, завоеванной непріятелемъ, освящено вѣ-

[1]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime, p. 506 Questions du droit maritime, p. 75.

[2]) Manning. Commentaries on the Law of Nations. 1839. § 277, note 6.

[3]) Wildmann's. International Law. London. 1849, vol II, p. 9.

Срав. contra *Bello*, Principios de derecho internacional. Par. II cap. IV § 8. p. 164—7.

ками и основывается на международномъ правосознаніи.—Однако, война, все-таки такое исключительное и ненормальное состояніе человѣческой жизни, что не всѣ ея явленія и послѣдствія могутъ быть предвидѣны точнымъ образомъ. Всѣ планы и разсчеты воюющихъ государствъ, стремящихся дѣйствительно къ одной цѣли къ миру, могутъ быть опрокинуты неудержимымъ теченіемъ обстоятельствъ. Недостатокъ въ собственныхъ матеріальныхъ средствахъ, для содержанія войска въ завоеванной странѣ, спасеніе арміи отъ преслѣдующаго непріятеля, часто вызываютъ со стороны воюющихъ державъ мѣры, которыя можетъ оправдывать только военная необходимость (raison de guerre). Эта невозможность опредѣлить всѣ случаи военной необходимости представляетъ воюющимъ удобство прикрывать явныя насилія и произволъ—ссылаясь на крайнюю необходимость войны. Сознавая что дѣйствительно крайняя необходимость можетъ извинить, какъ въ государственной, такъ и въ международной жизни, нарушеніе права, намъ кажется необходимымъ возстать противъ возведенія такихъ правонарушеній на степень принципа. Поэтому, мнѣніе Гефтера, что завоеватель въ правѣ конфисковать на время доходы съ недвижимыхъ имуществъ, какъ частныхъ лицъ, такъ и представителей верховной власти, владѣющихъ на правѣ частной собственности [1]), не можетъ быть, съ нашей точки зрѣнія, оправдываемо военной необходимостью. Въ чемъ же состоитъ право безспорнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, если право пользованія его доходами и, слѣдовательно, право распоряженія можетъ быть захвачено непріятелемъ? Допущеніе этого права будетъ равносильно признанію права конфискаціи недвижимой собственности, такъ какъ нарушеніе права собственности частныхъ лицъ, со стороны завоевателя, во время занятія имъ непріятельской территоріи, главнымъ образомъ можетъ состоять въ отнятіи доходовъ, приносимыхъ имѣніями. Если же завоеватель отчуждаетъ частныя недвижимыя имущества, на завоеванной территоріи, и эти фактическія отчужденія не получатъ санкціи закона или права въ мирномъ трактатѣ, тогда съ возстановленіемъ, по удаленіи непріятеля, прежняго порядка, частныя лица, лишившіяся собственности, вводятся въ силу jus postliminii во владѣніе ихъ преж-

[1]) Heffter. Völkerrecht. S. 239.

ними имуществами [1]). Право на конфискацію доходовъ, приписываемое Гефтеромъ завоевателю, мы не находимъ, поэтому, ни «естественнымъ», ни оправдываемымъ военной необходимостью, если послѣдняя разрѣшаетъ только то, что «законно и согласно «съ современнымъ правомъ и обычаями войны» [2]). Каковы могутъ быть требованія на матеріальную поддержку, относительно населенія, со стороны завоевателя, выяснится, при обсужденіи реквизицій и контрибуцій. Если нельзя оправдывать военной необходимостью конфискацію доходовъ, получаемыхъ частными собственниками съ своихъ недвижимыхъ имуществъ, то, съ другой стороны, военная необходимость совершенно достаточна для оправданія опустошеній, намѣренныхъ или ненамѣренныхъ, которыя часто разоряютъ частныхъ лицъ. Нельзя требовать отъ воюющихъ, чтобы они, при обстрѣливаніи крѣпости или во время битвы, имѣли бы въ виду неприкосновенность собственности частныхъ лицъ. Если въ такихъ случаяхъ частныя дома разрушаются или дѣлаются добычею пламени, если поля, луга и жатвы будутъ потоптаны, то все это можетъ быть вызвано военною необходимостью. Права частныхъ лицъ нарушаются весьма жестоко подобными послѣдствіями войны, но пока война еще необходима, для рѣшенія столкновеній между государствами, пока международная жизнь не выработала лучшаго и болѣе цѣлесообразнаго способа, для устраненія международныхъ недоразумѣній,—частныя лица всегда будутъ терпѣть отъ войны, ибо, нельзя благо государства принести въ жертву ненарушимости правъ собственности отдѣльныхъ лицъ. Не отрицая, что военная необходимость иногда требуетъ совершенія непріятелемъ опустошеній, нельзя однако же изъ этого выводить заключеніе, что *всякое* опустошеніе и поврежденіе частныхъ имуществъ извиняется военной необходимостью. Если же, напримѣръ, непрія-

[1]) Bluntschli. Des moderne Völkerrecht. § 739.

[2]) Весьма замѣчательны правила составленныя проф. Либеромъ, и, съ одобренія Линкольна, объявленныя обязательными для армій сѣверныхъ штатовъ, во время послѣдней междоусобной войны. Въ этихъ «*Instructions for the Government of Armies of the United States in the field*», военная необходимость опредѣляется слѣдующимъ образомъ: § 14: Military necessity, as understood by modern civilized nations consist in the necessity of those measures, which are indispensable for securing the ends of the war; and which are lawful according to the modern law and usages of war". (См. приложеніе къ соч. *Bluntschli.* Völkerrecht).

тельскій флотъ предпримет бомбардированіе и опустошеніе мирныхъ городовъ, селеній и береговъ, на которыхъ нѣтъ ни одного непріятеля [1]), то нельзя не сознаться, что это будетъ всегда вопіющимъ насиліемъ и варварствомъ, неоправдываемымъ никакой военной необходимостью. Невозможно, разумѣется, опредѣлить абстрактно всѣ случаи законности опустошеній, и голосъ общественнаго мнѣнія всегда заклеймитъ варварство надлежащимъ именемъ, но, съ другой стороны, нельзя опять согласиться съ такими шаткими ограниченіями, что всякое опустошеніе можетъ получить видъ законности. Ваттель считаетъ опустошенія непріятельской страны и разореніе частной собственности, дозволенными въ двухъ случаяхъ: 1), если они предприняты съ цѣлью наказать непріятельскую націю (la nécesité de châtier une nation), за ея несправедливость и необузданность [2]). Опустошенія, произведенныя съ подобной цѣлью, по нашему мнѣнію, противны международному праву, потому что цѣлый народъ или нація не можетъ совершить никакое преступленіе, и никто не призванъ быть ему судьею [3]). Во 2), Ваттель оправдываетъ опустошенія, имѣющія цѣлью отрѣзать непріятелю возможность пребывать въ данной мѣстности, или же для защиты границъ отъ непріятеля, котораго иначе удержать невозможно. Въ этомъ случаѣ, необходимость опустошеній скорѣе можетъ оправдываться ходомъ войны. Затѣмъ, многіе писатели допускаютъ разореніе имуществъ частныхъ лицъ, въ видѣ репрессалій [4]), но мы безусловно отрицаемъ справедливость и цѣлесообразность средства, состоящаго въ вымѣщеніи на невинныхъ, чужихъ преступленій. Наконецъ, во время великой войны Сѣверо-Американскихъ Штатовъ за свою независимость, Великобританія сосредоточила въ четырехъ пунктахъ, случаи, въ которыхъ опустошенія дозволены международнымъ правомъ. Зная англійскую военную практику и мнѣнія британскихъ, даже современныхъ,

---

[1]) Wheaton's. Elements of Inter. Law. § 348 etc.

Извѣстно бомбардированіе Соловецкаго монастыря, во время послѣдней восточной войны, англичанами.

[2]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap. IX, § 167.

[3]) Zachariae. 40 Bücher vom Staate V, S. 103.

[4]) Heffter. Völkerrecht. S. 226; *Klüber* Droit des gens, § 262.
Wheaton's. Elements, § 347 (p. 437) etc.
Travers-Twiss, Law of Nations, II, p. 123.

публицистовъ о правахъ воюющихъ державъ, разборъ этихъ статей кажется намъ совершенно излишнимъ [1]). Въ видѣ образчика можно упомянуть о третьемъ пунктѣ, разрѣшающемъ опустошенія непріятельской территоріи, «чтобы вредить непріятелю и вразумить его»!

Опустошенія, безъ всякаго сомнѣнія, должны имѣть въ виду скорѣйшее достиженіе цѣли войны, и могутъ быть предприняты, сообразно этой цѣли. Но, если ближайшая цѣль, которой воюющій желаетъ достигнуть опустошеніями, требуетъ жертвъ ей несоотвѣтствующихъ или несоразмѣрныхъ, тогда чувство права не можетъ одобрить ихъ. Во всякомъ случаѣ, современное право войны требуетъ отъ воюющихъ имѣть постоянно въ виду, что война есть отношеніе государства къ государству, и нарушеніе неотмѣнимыхъ правъ частныхъ лицъ можетъ быть оправдываемо исключительно только, въ случаѣ крайней необходимости. Кромѣ того, нельзя отказать частнымъ лицамъ, пострадавшимъ отъ разорительныхъ дѣйствій непріятеля, въ правѣ на вознагражденіе отъ государства. Всеобщее признаніе этого послѣдняго права, отрицаемаго до сихъ поръ огромнымъ большинствомъ публицистовъ, непремѣнно подѣйствуетъ на ограниченіе бѣдствій и опустошеній, во время войны. Впрочемъ, новѣйшія войны, убѣдительнымъ образомъ, доказали насколько опустошенія непріятельской территоріи противны современному правосознанію, и вовсе не необходимы для энергическаго веденія войны.

II. Объ имуществахъ движимыхъ.

На основаніи права завоеванія, мы опредѣлили обязанности завоевателя, относительно недвижимыхъ имуществъ частныхъ лицъ на непріятельской территоріи, и видѣли, что установившійся обычай и рѣдкое, между публицистами, согласіе, требуютъ неприкосновенности поземельной собственности. Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію положенія частныхъ движимыхъ имуществъ на завоеванной территоріи, и къ опредѣленію правъ воюющаго государства, относительно этого рода частной собственности, прежде всего нельзя отрицать, что неприкосно-

[1]) G. F. de Martens. Précis du droit des gens. § 280, note g.

венность ея признана международнымъ обычаемъ, и требуется современнымъ правомъ войны. Что частная собственность мирныхъ подданныхъ, или некомбатантовъ, не подлежитъ непріятельскому захвату,—это положительный законъ современнаго права войны. Большинство публицистовъ и не отрицаетъ эту неприкосновенность, но разномысліе объ основаніяхъ ея и о правѣ частныхъ лицъ выступаетъ въ настоящемъ вопросѣ, несравненно ярче, чѣмъ въ предшествующемъ. Обсуждая права непріятеля, въ отношеніи частной движимой собственности на непріятельской территоріи, многіе писатели больше чѣмъ гдѣ либо, настаиваютъ на правѣ воюющаго нарушать установившійся обычай войны, и конфисковать вещи, принадлежащія частнымъ лицамъ. Основаніемъ всѣхъ, подобнаго рода, разсужденій служатъ, съ одной стороны, политическія соображенія, а съ другой, публицисты считаютъ справедливымъ, чтобы военныя издержки были возложены, по возможности, на непріятельское государство, и поэтому, приписываютъ завоевателю право жить на счетъ населенія завоеванной территоріи, захватывать, въ случаѣ надобности, силою у частныхъ лицъ предметы первой необходимости, какъ-то: съѣстные припасы, обувь и т. п. Наконецъ, нѣкоторые просвѣщенные публицисты, второй половины XIX вѣка, находятъ возможнымъ оправдать разграбленіе осаждаемаго города, какъ средство ободрить осаждающее войско! Военная добыча, въ смыслѣ способа пріобрѣтенія собственности, до настоящаго времени имѣетъ приверженцевъ, и право военной добычи опредѣляется такъ эластично, что всякій, заклейменный современнымъ правомъ войны, грабежъ можетъ быть оправдываемъ, на точномъ основаніи права добычи. Слѣдуя принятому нами порядку изложенія, мы прежде всего, историко-критическимъ путемъ, изслѣдуемъ насколько война на сушѣ, или лучше сказать на завоеванной территоріи повліяла, и, вообще можетъ имѣть вліяніе на право движимой собственности частныхъ лицъ. Результатъ нашего изслѣдованія легко предвидитъ всякій убѣжденный въ неприкосновенности сферы мирной дѣятельности и частной жизни человѣка. Доказавъ, притомъ, неприкосновенность частныхъ недвижимыхъ — имуществъ, такъ какъ завоеватель не имѣетъ непосредственно никакого права, кромѣ обязанности, относительно частной собственности—понятно, что и движимыя имущества,

въ принципѣ, должны считаться неприкосновенными. Но необходимо, положительнымъ образомъ, установить *право* неприкосновенности движимой собственности частныхъ лицъ, такъ какъ ярые защитники каперства, и осуждаемаго общественнымъ мнѣніемъ захвата частной собственности на морѣ, или совершенно отрицаютъ международный обычай, обезпечивающій ея неприкосновенность, во время сухопутной войны, или же указываютъ на различіе между движимой и недвижимой собственностью, требуя для послѣдней неприкосновенности, а для первой захвата. Наконецъ, нѣкоторые публицисты говорятъ, что если воюющій дѣйствительно уважаетъ «иногда» право собственности частныхъ лицъ, то это говоритъ только въ пользу его гуманности, но нисколько для него не обязательно. Мы придерживаемся взгляда совершенно противоположнаго, и вопросъ теперь въ томъ: которое изъ этихъ мнѣній основывается на развитіи международной жизни, и согласно съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ. Обратимся, поэтому, къ исторіи настоящаго вопроса.

О правѣ войны древнихъ народовъ, мы говорили уже не разъ, и, верховный принципъ его—господство грубой силы—былъ безусловнымъ отрицаніемъ всякаго права на сторонѣ непріятеля, въ отношеніи къ своему врагу. Непріятель былъ преступникъ [1]), и, какъ существо безправное, подлежалъ совершенно неограниченному праву, или произволу сильнѣйшаго. Въ такое время не могло быть рѣчи объ обязанностяхъ побѣдителя, пользующагося только правами. Считая, кромѣ того, войну въ высшей степени почетнымъ занятіемъ, народы древняго міра должны были придти къ заключенію, что вещи, отнятыя у непріятеля, не только составляютъ законную собственность, но даже лучше укрѣплены за собственникомъ, чѣмъ вещи, пріобрѣтенныя другими способами [2]). На основаніи права войны римлянъ, res hostium всегда считалась за res nullius, которая дѣлалась собственностью завладѣвшаго (primo occupanti), и

---

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens. t. II, p. 129. III, p. 21, 121, 243 etc.

Ward—Enquiry into the foundation, vol. I, p. 173, 178.

[2]) Gaji Commentaria—IV, §. 16: «Omnium maxime sua esse credebant quae ex hostibus cepissent. Unde in centumviralibus judiciis hasta praeponitur».

согласно этому, копье (hasta) было символомъ дѣйствительнаго права собственности. Все, что въ непріятельской странѣ казалось римлянамъ недостаточно драгоцѣннымъ, чтобъ отвести въ вѣчный городъ, они предавали варварскому разрушенію и истребленію. По до какой степени простиралась алчность римскихъ легіоновъ видно изъ того факта, что даже могилы на непріятельской территоріи подвергались, съ ихъ стороны, святотатственному расхищенію [1]). Недвижимыя имущества обращались, какъ мы это видѣли выше, въ собственность всего римскаго народа, между тѣмъ какъ вещи, отнятыя отъ непріятеля отдѣльнымъ лицомъ считались собственностью захватившаго ихъ лица. Если же добыча пріобрѣтена была всѣмъ войскомъ, въ общемъ дѣлѣ, какъ напримѣръ, при разграбленіи какого нибудь города или послѣ сраженія, тогда все захваченное считалось собственностью государства, представителемъ котораго было войско, осаждающее или сражающееся. Поэтому воинъ, утаившій въ такомъ случаѣ какую нибудь вещь дѣлался виновнымъ въ crimen peculatus. Затѣмъ, всѣ вещи, составляющія военную добычу (praeda bellica) были распредѣляемы, въ видѣ награды, полководцемъ или трибунами, между участвовавшими въ дѣлѣ [2]); но извѣстная часть военной добычи всегда выдѣлялась, въ пользу казны и храмовъ. Вотъ основныя черты ученія римскихъ юристовъ о военной добычѣ. Понятно, что въ исторіи древнихъ народовъ встрѣчаются примѣры, гдѣ полководцы, для возбужденія самыхъ гнусныхъ страстей своего войска, обѣщали предать осаждаемый городъ, по взятіи его, разоренію и грабежу [3]). Въ этомъ случаѣ все, захваченное воиномъ дѣлалось его неотъемлемой собственностью, и всѣ, безъ исключенія, жители города безчеловѣчно предавались смерти. Очевидно, что въ это время, когда война была постояннымъ и необходимымъ состояніемъ международныхъ отношеній, когда безусловно господствовало право силы и военная добыча была обыкновеннымъ способомъ пріобрѣтенія собственности, мирные подданные и ихъ имущества не могли пользоваться неприкосновенностью.

---

[1]) Müller-Iochmus. Geschichte des Völkerrechts. S 169.
Heffter. Europäisches Völkerrecht S. 234.

[2]) De jure belli ac pacis, lib. III, cap. VI, §§ XV, XVII, I,

[3]) De jure belli ac pacis, lib. III, cap. VI, § XVIII.
Laurent. Histoire, III, p. 140.

Если же, даже, въ этомъ періодѣ международныхъ отношеній слышится желаніе, чтобъ мирные поселяне и ихъ собственность были бы пощажены непріятелемъ [1]), то это скорѣе является недостижимымъ идеаломъ, нежели категорическимъ требованіемъ правосознанія древнихъ народовъ. Тамъ, гдѣ даже жизнь безоружныхъ подданныхъ не была обезпечена, цивилизація прежде всего должна была требовать неприкосновенности бо́льшаго блага, предоставляя дальнѣйшему развитію жизни выяснить необходимость меньшаго. Поэтому, уже въ древнѣйшія время слышится похвала тѣмъ побѣдителямъ, которые великодушно щадили жизнь беззащитныхъ, между тѣмъ какъ собственность ихъ, всегда и безусловно, считалась предметомъ военной добычи. Ступенью дальнѣйшаго выясненія правъ мирныхъ подданныхъ представляется право войны тѣхъ народовъ, которые пришли съ сѣвера Европы и прекратили всемірное владычество Рима. Варвары больше уважали человѣческое достоинство, и поэтому, населеніе на завоеванныхъ территоріяхъ не было обращаемо въ рабство и не лишалось своей поземельной собственности; но за то все пригодное и драгоцѣнное дѣлалось, съ момента завладѣнія собственностью захватившаго, который пользовался вещью до тѣхъ поръ, пока былъ въ силахъ защитить свое право. Тотъ, который не въ силахъ былъ удерживать за собою отнятую у непріятеля вещь, лишался ея, ибо всякая борьба была судебнымъ рѣшеніемъ, въ которомъ божество высказываетъ свое одобреніе сильнѣйшему [2]). Во время феодальнаго строя западной Европы, право военной добычи примѣнялось на самыхъ широкихъ основаніяхъ, въ отношеніи мирныхъ подданныхъ непріятеля. Но, съ уничтоженіемъ частныхъ войнъ, и съ введеніемъ постоянныхъ войскъ, военная дисциплина, все болѣе и болѣе, ограничивала насилія и грабежи, совершаемые прежде, во время войны. Тридцатилѣтняя война представляется и въ настоящемъ вопросѣ, переходомъ отъ періода полнаго произвола, относительно собственности мирныхъ подданныхъ, къ той эпохѣ, въ которой постепенно ограничивается кругъ предметовъ, подлежащихъ праву военной добычи. Въ то время, когда милиція и изъ всѣхъ концовъ свѣта набранный сбродъ, подъ начальствомъ

[1]) Laurent. Histoire I, p. 132.

[2]) Laurent. Histoire, V, p. 88 etc.
Ward. Enquiry into the foundation, Vol. I. p. 209.

Мансфельда и Тилли, жгли и грабили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, —шведскій король и, привыкшая къ строгой дисциплинѣ, его армія уважали право собственности мирнаго населенія. И, чѣмъ больше стало выдѣляться военное сословіе отъ остальныхъ, чѣмъ самостоятельнѣе управляли государства внѣшними сношеніями, тѣмъ лучше могли развиваться мирныя занятія, сдѣлаться болѣе осязательнымъ глубокое различіе между мирными подданными и войскомъ, и, тѣмъ необходимѣе война стала прерогативою верховной власти, нетерпящей ни произвола, ни насилія. Развитіе государственной жизни, приведшее къ различію между классомъ общества, исключительно занимающимся, въ данное время, мирными дѣлами и тѣмъ, который непосредственно былъ представителемъ военной силы государства, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ признаніе неприкосновенности мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства, и ихъ собственности. Вообще нельзя опровергнуть, что, съ водвореніемъ порядка въ государствахъ и съ введеніемъ постоянныхъ войскъ, постепенно водворилось въ войнахъ на сушѣ большее уваженіе къ правамъ частныхъ лицъ. Поэтому, мы видимъ, что уже въ XVII ст., когда юристы требовали полной конфискаціи имущества мирныхъ подданныхъ непріятеля, на практикѣ частная движимая собственность была уважаема воюющими сторонами. Что дѣйствительно частная собственность постепенно освободилась отъ непріятельскаго захвата, обнаруживается, между прочимъ, изъ того факта, что незамѣтно исчезаютъ суда (curia militaris въ Англіи), которые занимались обсужденіемъ законности пріобрѣтенной добычи [1]). Такъ какъ дисциплина воспретила отнимать отъ мирныхъ подданныхъ ихъ вещи, то понятно, что суды для присужденія этихъ вещей сдѣлались излишними, и поэтому, уничтожились безслѣдно, по мѣрѣ того, какъ установился обычай—уважать собственность частныхъ лицъ. Призовое судопроизводство, напротивъ, процвѣтаетъ и до настоящаго времени. Хотя въ XVIII вѣкѣ встрѣчаются еще примѣры вандализма (стоитъ только упомянуть о поведеніи французскихъ войскъ Людовика XIV въ Пфальцѣ [2]), бывшіе и въ нашемъ столѣтіи,—но всеобщее негодованіе, возбуж-

[1]) Phillimore's. International Law. Vol. III, p. 186.

[2]) Laurent. Histoire du droit des gens, tome XI, p. 412, 413 etc.

даемое подобными преступленіями, явно указываетъ насколько они не согласны съ современнымъ правосознаніемъ. Нарушеніе права еще не отмѣняетъ самое право. Неприкосновенность частной собственности, въ концѣ прошлаго столѣтія была обезпечена настолько, что явились писатели, которые требовали отмѣны захвата частной собственности на морѣ, главнымъ образомъ потому, что тѣ же имущества не конфисковывались воюющими, во время сухопутныхъ войнъ, и, безпристрастные изслѣдователи не могли видѣть основанія для захвата тѣхъ же вещей, нагруженныхъ на корабли [1]). Затѣмъ, войны французской республики и первой имперіи могутъ вообще служить доказательствомъ ограниченія военной добычи предметами, которые могутъ имѣть непосредственное примѣненіе на войнѣ. «Въ «теченіе всѣхъ своихъ завоеваній», писало въ 1809 г. правительство Наполеона I къ представителю Вашингтонскаго кабинета, «Франція щадила частныхъ собственниковъ. Магазины и «лавки оставались за ихъ хозяевами и, они, могли свободно ра«споряжаться своими товарами. Въ настоящее время повозки, «сопровождаемыя конвоемъ и, нагруженныя главнымъ образомъ «шелкомъ, проходятъ безпрепятственно по Австріи, Германіи «и мѣстностямъ, которыя заняты французскими арміями [2]).» Наконецъ, въ теченіе первой половины настоящаго столѣтія, не только что признанъ, во время сухопутной войны, принципъ неприкосновенности частной собственности, но были даже попытки распространять его на морѣ. Слѣдовательно, нельзя опровергать, что захватъ, во время войны на сушѣ, частной движимой собственности вышелъ изъ употребленія уже въ XVII ст., и въ настоящее время военная добыча, относительно вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, прямо противорѣчитъ современнымъ военнымъ законамъ и обычаямъ. Такова практика; посмотримъ теперь насколько представители науки удовлетворили своему высокому призванію и стремились къ точному опредѣленію и выясненію установившагося обычая войны, въ которомъ нельзя не видѣть постепеннаго развитія международ-

---

[1]) Galiani. Dé doveri dé principi neutrali verso i principi guerreggianti e di questi verso i neutrali. Napoli. 1782.—p. 430, 438.

Mably. Droit public de l'Europe. Tome II, p. 320.

[2]) Cauchy. Du respect de la propriété privée dans la guerre maritime. Paris. 1866. p. 139. *Wheaton's* Elements, p. 443.

наго правосознанія. Не подлежитъ сомнѣнію, что, при ложности основнаго принципа, должны быть ложны всѣ выведенныя изъ него заключенія. Доказавъ, что какое-либо право не существуетъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекратимъ всѣ споры и разсужденія объ его примѣнимости и о послѣдствіяхъ, вытекающихъ, будто бы, изъ него неизбѣжнымъ образомъ. Примѣняя эти умозаключенія къ первымъ писателямъ о международномъ правѣ, чрезъ опроверженіе ихъ исходной точки зрѣнія, мы придемъ къ другому взгляду на права воюющихъ сторонъ. Гентилисъ [1]) и Гуго Гроцій основываются, какъ мы это видѣли выше, на правѣ сильнѣйшаго, а Гроцій приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ исторіи древнихъ народовъ къ подтвержденіе своего мнѣнія, что непріятель имѣетъ неограниченное право на всѣ предметы, принадлежащіе подданнымъ противной стороны [2]). Съ этой точки зрѣнія, Гуго Гроцій оправдываетъ всякаго рода опустошенія и разграбленія мирныхъ подданныхъ, лишь бы была достигнута цѣль войны. Такое же неограниченное право добычи, какъ Гуго Гроцій, признаетъ за воюющими и Бинкершукъ [3]), но еще съ большей послѣдовательностью. Какъ Гроцій, такъ и Бинкершукъ считаютъ военную добычу «естественнымъ способомъ пріобрѣтенія собственности», и поэтому, всѣ вещи захваченныя во время войны, должны были, по ихъ мнѣнію и на точномъ основаніи римскаго права, дѣлаться законной собственностью захватившаго, или же, государства. Но движимыя имущества, отнятыя у непріятельскихъ подданныхъ, во время публичной войны, когда воинъ является представителемъ своего государства, должны, по словамъ Гуго Гроція [4]) и Бинкершука [5]), считаться государственной собственностью, начиная съ самаго момента завладѣнія, и, такимъ образомъ, бывшій собственникъ теряетъ на всегда надежду получить об-

[1]) Gentilis. De jure belli, lib. II, cap. XXII, p. 436.

[2]) De jure belli ac pacis, lib. III, cap. V, § VI.

[3]) Bynkershoek. Quaestiones juris publ. lib. I, cap. III: «De statu belli inter hostes».

[4]) De jure belli ac pacis, lib. III, cap. VI, §. XIV: «Ibi enim singuli reipublicae personam substinent, ejusque vice funguntur, ac proinde per eos populos, si lex civilis aliud non statuat, ut possessionem ita et dominium nanciscitur, et id in quos vult transfert.

[5]) Bynkershoek—Quaestiones juris publici, *ubi supra*.

ратно свою вещь, Слѣдовательно, изъ фактическаго, насильственнаго господства надъ чужой собственностью эти писатели вывели непосредственное *право* собственности сильнѣйшаго. Но такъ какъ основаніе всѣхъ этихъ разсужденій: полное незнаніе различія, существующаго между личностью государства и мирными подданными или частными лицами, и притомъ, почти безусловное преклоненіе предъ правомъ сильнѣйшаго не выдерживаетъ, при современномъ понятіи о государственной и международной жизни, критики, то очевидно, что вышеприведенныя мнѣнія о правѣ военной добычи, имѣютъ теперь только интересъ историческій и, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть приведены въ доказательство того, что собственность частныхъ лицъ и въ настоящее время можетъ подлежать захвату. Впрочемъ, никто не отрицаетъ, что противно современному чувству и сознанію права видѣть въ фактическомъ обладаніи вещью — источникъ неотъемлемаго права собственности. Въ дальнѣйшемъ развитіи настоящаго вопроса, мы дѣйствительно увидимъ, какъ присущее человѣческой природѣ чувство правды и справедливости постепенно одерживаетъ верхъ надъ господствомъ грубой силы, и какимъ образомъ писатели, отъ поклоненія фактамъ, переходятъ къ выясненію идеи права. И такъ какъ право неотъемлемо связано съ человѣческой личностью, то очевидно, что съ того времени, какъ человѣкъ самъ по себѣ сталъ пользоваться большимъ уваженіемъ, и государственный строй проникся мыслію, что его разумная цѣль состоитъ въ предоставленіи лицу всевозможныхъ средствъ къ его усовершенствованію, съ того же времени лучше должно было выясниться его право на неприкосновенность жизни и собственности. Такая перемѣна въ пониманіи правъ человѣка произошла, въ особенности, со второй половины прошлаго столѣтія, и, начиная съ этого времени, писатели по международному праву оказываютъ большее уваженіе праву и меньше преклоняются предъ физической силою. Но идея права и послѣдованіе положительнаго права, требуемаго условіями международной жизни и выказывающагося въ развитіи правосознанія не вдругъ, а постепенно, сдѣлались удѣломъ большинства мыслителей. Прежде всего, лучшее сознаніе правъ человѣческой личности отрицало неограниченное право воюющаго государства на жизнь подданныхъ и, въ особенности, мирныхъ гражданъ непріятельскаго государства. Затѣмъ и не-

прикосновенность непріятельской частной собственности, и ограниченіе права военной добычи стали категорическими требованіями, на томъ основаніи, что война ведется государствами, а не частными лицами. Сознаніе этого послѣдняго начала обнаруживается неоднократно и, даже, какъ-то невольно у защитниковъ военной добычи, какъ способъ пріобрѣтенія собственности. Ваттель считаетъ справедливымъ лишать непріятеля и его подданныхъ всѣхъ имуществъ, которыя могутъ служить противной сторонѣ средствомъ войны [1]), и поэтому, завоеватель непріятельской территоріи имѣетъ право на всѣ вещи, находящіяся на ней. Но кто, спрашивается, будетъ собственникомъ захваченнаго,—воюющее ли государство, или лицо завладѣвшее вещью? «Само собою разумѣется», отвѣчаетъ Ваттель, «что «военная добыча принадлежитъ воюющей верховной власти, по«тому что она только одна имѣетъ претензіи, относительно не«пріятеля, и уполномочиваетъ на захватъ его имущества свои «вооруженныя силы». Воины только «инструменты» въ рукахъ монарха, который добивается признанія своего права [2]). Ваттель оправдываетъ также полководца, который предаетъ упорно защищающійся городъ на разграбленіе и разореніе разъяренному войску, и дозволяетъ снимать вещи съ враговъ, оставшихся на полѣ сраженія. Изъ всего этого и сказаннаго нами прежде о Ваттелѣ видно, что онъ сознавалъ различіе между государствомъ и частными лицами, но къ сожалѣнію, уваженіе къ авторитету римскихъ юрисконсультовъ и своему образцу удержали его отъ болѣе логическаго развитія сознаннаго начала. Между тѣмъ военная практика его времени несомнѣнно ограничила военную добычу только вещами, употребляемыми для военныхъ надобностей, а поэтому изслѣдованіе окружающей его жизни привело бы его къ болѣе согласнымъ съ духомъ XVIII ст. выводамъ. Поэтому писатель, ограничивающійся въ своихъ драгоцѣнныхъ изслѣдованіяхъ, главнымъ образомъ только точной передачею господствующихъ международныхъ обычаевъ и руководящихъ международныя отношенія принциповъ, насколько они проявлялись въ трактатахъ и литературѣ, долженъ былъ придти къ провозглашенію закона войны, требующаго неприкосновенности

[1]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap. IX, §. 160.
[2]) Vattel. § 164.

частной движимой собственности. Въ тѣсномъ смыслѣ, говоритъ Мартенсъ, воюющая держава имѣетъ право на всѣ имущества, какъ частныхъ лицъ, такъ и монарха, насколько это необходимо для удовлетворенія ее. «Однако съ давнихъ поръ», продолжаетъ онъ, «признано на сушѣ закономъ войны, не только сохране-«ніе за частными лицами ихъ недвижимой собственности, но и «требуется пощада частнымъ движимымъ имуществамъ, какъ «монарха, такъ и подданныхъ [1])». Слѣдовательно, фактъ существованія этого закона былъ констатированъ въ концѣ прошлаго столѣтія, самымъ положительнымъ образомъ. Но задача науки не состоитъ, только въ простой передачѣ фактовъ и перечисленіи трактатовъ; пока научные дѣятели ограничатся только этимъ, они не въ состояніи возвыситься надъ практикой, которая, напротивъ, часто идетъ впередъ ихъ, на пути къ лучшему выясненію права. Съ другой стороны, пренебреженіе къ положительнымъ фактамъ и къ жизни приводитъ къ совершенному ея непониманію и къ возвышеннымъ, но лишеннымъ основанія, и отвлеченнымъ теоріямъ. Поэтому, только изслѣдованіе жизни и условій ея *развитія*, можетъ дать твердое, положительное основаніе, для выясненія права. Когда наука не удаляется отъ жизни, но, вмѣстѣ съ ея теченіемъ, стремится придти къ лучшему пониманію условій ея развитія и достиженія ея цѣли; когда наука, слѣдя постоянно и неуклонно за движеніемъ и прогрессомъ жизни, приходитъ къ сознанію совершающагося развитія права, котораго идея неразрывно связана съ человѣческой личностью, тогда только наука пойметъ жизнь, и сама будетъ жизнью. И такъ, пока въ наукѣ международнаго права мыслители ограничивались повтореніемъ ученія римскаго права о военной добычѣ, окружающая ихъ жизнь оставалась для нихъ непонятною и считалась отступленіемъ отъ ихъ предвзятыхъ идей. Пока представители науки видѣли задачу послѣдней въ безкритическомъ собираніи фактовъ, передачѣ постановленій трактатовъ, господствующихъ обычаевъ и законовъ войны, наука была унижена на степень повѣствовательницы, которая извѣщала объ обычаѣ уважать неприкосновенность частной собственности, во время войны. Но только тогда наука международнаго права будетъ въ дѣйствительномъ смыслѣ слова наукою, когда об-

[1]) G. F. de Martens. Précis du droit des gens, liv. VIII, chap. IV, § 280.

ратится къ уразумѣнію международной жизни, изслѣдуетъ необходимыя условія ея развитія, чтобъ затѣмъ, соотвѣтственно прогрессу жизни, выяснить развитіе международнаго права и опредѣлить, согласно идеѣ права, тотъ правовой порядокъ, который требуется правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ. При такомъ пониманіи задачи науки международнаго права и международной жизни, неприкосновенность частной собственности, во время войны, не можетъ основываться только на установившемся обычаѣ, но вытекаетъ, непосредственно, изъ совершившагося прогресса въ жизни, и требуется для дальнѣйшаго ея развитія. Слѣдовательно, эта неприкосновенность есть неотмѣнимое право частныхъ лицъ, основывающееся на давно сознанномъ принципѣ войны, какъ отношенія государства къ государству. Но мало того; при современномъ понятіи о жизни въ государствѣ, неприкосновенность сферы мирной дѣятельности и имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ есть необходимое условіе достиженія государственной цѣли, и поэтому, какъ право частныхъ лицъ, не должно быть поглощено правомъ государственной личности. Такое пониманіе государственной жизни, приведшее къ развитію международной, и возникновеніе болѣе раціональнаго направленія, въ наукѣ международнаго права, развились только въ нашемъ столѣтіи. Мало по малу, писатели пришли къ сознанію той пропасти, которая отдѣляетъ международныя отношенія древняго міра отъ международной жизни цивилизованныхъ народовъ. Только постепенно, публицисты пришли къ провозглашенію началомъ права войны того, что уже давно наказывалось неумолимой дисциплиной полководцевъ, какъ грабежъ и разбой. Въ настоящее время принципъ неприкосновенности частной движимой собственности непріятельскихъ подданныхъ можно считать признаннымъ, какъ писателями международнаго права, такъ и практикой войны [1]). Но, если мы вник-

[1]) Phillimore's Intern. Law, vol. III, p. 735, § 587: «It is a very general modern International usage to consider that the moveables *on land* *) of individuals who have taken no part in the war are exempted from hostilities and from consequent capture or confiscation. This is a matter, however, of Comity, not of strict right».

*) *Iose Maria de Pando*—(Elementos de Derecho Internacional · Madrid 1843) дѣлаетъ слѣдующее исключеніе: «con excepcion de los busques de guerra y armadores». (p. 407). Срав. также *Dana's* note in *Wheaton's* Elements, p. 432, note N. 169.

немъ въ смыслъ выраженій и разсужденій публицистовъ, если посмотримъ съ какими ограниченіями признается ими неприкосновенность частной собственности, то скоро окажется, что большинство писателей еще далеко отъ мысли выяснить *право*, какъ необходимое условіе развитія международной жизни. Произволъ воюющихъ государствъ не лишился еще своихъ приверженцевъ, въ средѣ современныхъ публицистовъ. Есть даже почтенные ученые, которые ратуютъ противъ «непослѣдовательности международной практики войны», жалѣютъ, что даже теорія еще не могла высвободиться отъ вліянія древнихъ обычаевъ войны, и поэтому, преимущественно дѣлаютъ этотъ упрекъ, въ непониманіи развитія жизни, исторической школѣ [1]); но, въ концѣ концевъ, все-таки они сами развиваютъ осужденныя теоріи римскаго права о военной добычѣ, и отстаютъ въ своихъ теоріяхъ отъ установившейся международной практики. —Филлиморъ признаетъ, какъ мы только что видѣли, установившійся военный обычай, во время сухопутной войны, но онъ тотчасъ же прибавляетъ, что эта неприкосновенность не вытекаетъ изъ права, а основывается только на снисходительности. Для разъясненія этой оговорки необходимо обратиться къ пониманію Филлиморомъ международной жизни. Филлиморъ различаетъ во 1-хъ, публичное международное право (public international law, jus publicum inter gentes) и во 2-хъ, частное международное право (private international law, jus gentium privatum). Первое опредѣляетъ права и обязанности государствъ другъ къ другу, и поэтому, основывается на правѣ (strict right, jus stictum); второе же, напротивъ, касается отношеній, возникающихъ между частными лицами различныхъ государствъ, и существующія въ частномъ государственномъ правѣ опредѣленія объ этихъ отношеніяхъ, не основываются на правѣ, но только «на справедливости и благосклонной снисходительности государствъ (comity, comitas gentium)». Эта снисходительность, разумѣется, не установляетъ никакихъ обязанностей юридическихъ, но только нравственныя. Кромѣ того, это снисхожденіе (comity) употребляется Филлиморомъ, еще въ смыслѣ Гроціевыхъ смягченій (temperamenta) и выражаетъ, по

Kent's. Commentary on Inter. Law. ed. by *Abdy*, p. 241.

Massé Droit commercial, § 153; *Bello* derecho internac. P. II, cap. IV, § 4, p. 162; *Vidari* Del rispetto, p. 133 è seg.

[1]) Heffter—Völkerrecht, § 132, S. 236, 237.

его словамъ, тѣ смягченія, которымъ подвергалось суровое право, «вслѣдствіе постоянныхъ сношеній и возрастающей цивилизаціи народовъ, приведшее къ новымъ обычаямъ и практикѣ». Разница между правомъ и этой снисходительностью, разумѣется, весьма велика, и опредѣляется Филлиморомъ въ томъ, что нарушеніе права всегда будетъ законнымъ поводомъ къ принятію насильственныхъ мѣръ, между тѣмъ какъ уклоненіе отъ установившихся смягченій не можетъ оправдывать это принятіе [1]). Примѣняя эту теорію къ вышеприведенному мнѣнію Филлимора, о неприкосновенности частной собственности на сушѣ, мы должны придти къ заключенію, что частная собственность не имѣетъ *права* на неприкосновенность, но зависитъ совершенно отъ снисхожденія непріятеля, который безъ всякаго сомнѣнія будетъ соображаться съ «обстоятельствами». Такой выводъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ отрицанію, со стороны Филлимора, международной жизни и объясняется непониманіемъ имъ юридической обязанности государствъ, являющихся только «моментами міровой жизни»,—способствовать всѣми средствами къ достиженію индивидами ихъ конечной цѣли: всесторонняго развитія своихъ интеллектуальныхъ и физическихъ силъ. Итакъ какъ эта цѣль, въ современной жизни, не можетъ быть достигнута въ предѣлахъ одного государства, которое, по необходимости, должно принимать участіе въ международной жизни, немыслимой безъ господства права,—то очевидно, что отношенія частныхъ лицъ другъ къ другу и къ государствамъ должны быть основаны на *правѣ*, а не на снисходительности. Слѣдовательно, право неприкосновенности частной собственности, во время войны, не можетъ подлежать сомнѣнію. Впрочемъ, если вникнуть въ смыслъ его теоріи о правѣ войны и сравнить другія мѣста его сочиненія [2]), тогда выяснится въ какомъ духѣ Филлиморъ понимаетъ приведенный имъ международный обычай. Вездѣ, почти безъ исключенія, политическія соображенія и полнѣйшій произволъ спльнѣйшаго занимаютъ у Филлимора первое мѣсто и руководятъ имъ. Другой современный британскій писатель Траверъ Тьюисъ провозглашаетъ, что все движимое имущество непріятеля должно считаться военной добычею, «по-

[1]) Phillimore's. Commentaries, vol. I, p. 11, 160—161. Срав. въ особенности т. IV: Private International Law or Comity. London 1861.

[2]) Phillimore's. Internat. Law vol. III, въ особ. p. 115.

«тому что сфера жизни частныхъ лицъ нисколько не отличается «отъ сферы дѣятельности государственной личности» [1]). При этомъ онъ присовокупляетъ, что положеніе частной собственности вполнѣ зависитъ отъ снисходительности воюющихъ государствъ. Съ этимъ мы совершенно готовы согласиться, если только возможно доказать, что современная война есть арена для неистовствъ грубой физической силы, и что больше чѣмъ XIX столѣтняя жизнь привела цивилизованныхъ народовъ къ временамъ древнихъ персіянъ, египтянъ и римлянъ! Но пока современное правосознаніе не допускаетъ отмѣны войною существующаго юридическаго порядка между народами, пока, говоря самообличительными словами Филлимора, «великій принципъ «войны, которая ведется между государствами, состоитъ, съ од«ной стороны, въ приведеніи непріятеля на путь справедливо«сти, а съ другой: въ воздержаніи отъ всякой неправды, отно«сительно подданныхъ непріятеля» [2]),—*право* войны не перестанетъ управлять воюющими государствами и требовать отъ нихъ неприкосновенности частной собственности.

Согласно всему вышесказанному, мы отрицаемъ, на основаніи права: во 1-хъ, законность военной добычи относительно вещей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ и не приспособленныхъ для военныхъ цѣлей; во 2-хъ, разграбленіе непріятельской частной собственности, въ видѣ репрессалій, и въ 3-хъ, преданіе мирныхъ жителей взятаго приступомъ города на произволъ и алчность разъяренныхъ солдатъ.— Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ трехъ пунктовъ можно замѣтить прежде всего, что ученіе о правѣ военной добычи составляетъ, какъ это доказываетъ богатая литература вопроса, любимый предметъ ученыхъ разсужденій и гипотезъ о римскомъ правѣ. Древнее правило войны, по которому непріятельская собственность была res nullius, защищается и въ наше время, относительно вещей, принадлежащихъ лицамъ, состоящимъ въ непріятельской арміи, и, наконецъ, «всѣмъ тѣмъ подданнымъ непріятельской державы», которыхъ, въ видѣ исключенія, разрѣшилъ грабить военачаль-

---

[1]) Travers-Twiss Law of nations,—vol. II, p. 122. «With regard to the property which is found upon the enemy's, territory, all movable property which belongs to enemy—subjects is booty (butin) of war, and passes with the territory into the possession of the belligerent.

[2]) Phillimore's. Intern. Law,—vol. III, p. 68, 69.

никъ, «какъ напримѣръ, при взятіи штурмомъ какого-нибудь укрѣпленнаго мѣста» [1]). Если британскіе и за ними американскіе публицисты, подробно и схоластически, развиваютъ римское ученіе о военной добычѣ, требуя ея безусловно, въ пользу воюющаго государства, на основаніи словъ Бинкерегука: «bello parta cedunt reipublicae» [2]), то все это вполнѣ соотвѣтствуетъ общему духу ихъ разсужденій и безусловной вѣрѣ въ вѣчной неизмѣнности международныхъ отношеній, жизни и права [3]). Но другаго отношенія къ вопросу о военной добычѣ можно было ожидать отъ Гефтера, который, въ своемъ безспорно превосходномъ трудѣ, высказываетъ, во многихъ мѣстахъ, истины, основывающіяся непосредственно на современномъ правосознаніи цивилизованныхъ народовъ. Въ основаніе войны, Гефтеръ ставитъ положеніе, что война—отношеніе государства къ государству; онъ различаетъ активныхъ и пассивныхъ подданныхъ воюющихъ державъ, изъ которыхъ только первые непосредственно участвуютъ въ войнѣ и подлежатъ праву войны, никогда «не от-«мѣняющему общечеловѣческія и частныя (гражданскія) права»; но въ концѣ концовъ, Гефтеръ приходитъ къ праву военной добычи, которое не ограничивается исключительно вещами, принадлежащими воюющему государству in persona [4]). Относительно вещей, принадлежащихъ въ собственность лицамъ непріятельской арміи, право добычи разумѣется само собою, но никакъ нельзя согласиться съ Гефтеромъ, что военачальникъ можетъ предать несчастныхъ жителей взятаго приступомъ города на разграбленіе, и что военная добыча является, въ этомъ случаѣ, какъ бы нѣкоторымъ вознагражденіемъ за ту опасность которой подвергались войска осаждавшія городъ и взявшія его штурмомъ. Впрочемъ, Гефтеръ не отрицаетъ, что великодушнѣе и благороднѣе не допускать подобныхъ «исключеній, такъ какъ «весьма рѣдко, осуществляется надежда на вознагражденіе не-«винно пострадавшихъ, со стороны законнаго правительства, «и кромѣ того, отъ такого насилія страдаютъ обыкновенно «невинные, — что рѣдко не сознается новѣйшей практикою».

---

[1]) Heffter—Völkerrecht. S. 242.

[2]) Bynkershoek. Quaest. juris publici, lib. I, cap. IX.

[3]) Phillimore— Vol. III, p. 189, приводитъ мнѣнія объ этомъ предметѣ лордовъ: Брума и Стоуэлля.

[4]) Heffter—§§. 122, 124, 135.

Хотя Гефтеръ затѣмъ отрицаетъ древнее положеніе, что непріятельская собственность есть res nullius, а напротивъ, непремѣнно требуетъ для установленія права собственности, надъ захваченными вещами, санкціи трактата [1]),—все-таки онъ несомнѣнно уклоняется отъ логическаго развитія провозглашенныхъ имъ принциповъ войны. Если война, дѣйствительно, отношеніе государства къ государству, и если она не отмѣняетъ юридическій порядокъ, то частныя лица, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ сдѣлаться непосредственными объектами военныхъ дѣйствій. Вникнувъ въ смыслъ выраженій Гефтера, нельзя не видѣть, что онъ не только не считаетъ согласнымъ съ современнымъ правомъ войны преданіе на разграбленіе защищавшагося города или крѣпости, но признаетъ за военачальниками право разрѣшать грабежи, противъ непріятельскихъ подданныхъ. Признаніе подобнаго права на произволъ противорѣчитъ принципамъ современнаго права войны, и отмѣняетъ, совершенно, неотмѣнимое право частныхъ лицъ на неприкосновенность своихъ частныхъ имущественныхъ отношеній. Очевидно, что разграбленіе частныхъ лицъ, послѣ взятія приступомъ крѣпости или другаго, упорно защищавшагося, мѣста, приведено Гефтеромъ, только въ видѣ примѣра, и слѣдовательно, предоставляется на усмотрѣніе воюющаго прибавить къ этому примѣру еще нѣсколько подобныхъ; такъ что, на основаніи его словъ, можно оправдывать хоть какое угодно варварство, или грабежъ. Гефтеръ не высказываетъ мотивы, заставившіе его оправдать то, что, по его собственнымъ словамъ, «рѣдко не сознается въ новѣйшія времена на практикѣ»; однако можно привести, въ оправданіе разграбленія частныхъ лицъ, во взятой крѣпости, что некомбатанты, оставшіеся въ осаждаемомъ городѣ, должны подчиняться той же судьбѣ, какой подчиняется осажденное войско и городъ [2]). Кромѣ того, можно предположить, что мирные, по

---

[1]) Heffter. Europäisches Völkerrecht. S. 212—45.

[2]) Victoria. De jure belli, § *37* «Si enim ad summam belli victoriam parum confert expugnare arcem, aut oppidum, ubi est praesidium hostium et sunt multi innocentes, non videtur quod liceat ad expugnandum paucos nocentes, occidere multos innocentes, subjiciendo ignem, vel machinas, vel alia ratione, qua indifferenter opprimantur innocentes cum nocentibus» (p. 408) § 52 «Video sine dubio, sine magna necessitate, et causa maxime civitatem Christianam praedae tradere periniquum est». (p. 419).

существу, жители вѣроятно также принимали участіе въ защитѣ мѣста и поэтому, лишились права неприкосновенности. Противъ этого нельзя не замѣтить, что по современной практикѣ войны, предпринимающій осаду какого либо города или крѣпости даетъ некомбатантамъ въ городѣ извѣстный срокъ, для свободнаго выхода, и затѣмъ только начинаетъ осадныя дѣйствія [1]). Изъ этого уже видно, что практика сознаетъ права частныхъ лицъ и считаетъ справедливымъ и возможнымъ освобождать мирныхъ жителей, отъ ужасовъ осады. Но если воюющій полагаетъ необходимымъ внезапное нападеніе на данный непріятельскій городъ и убѣдился даже, во время осады, въ дѣятельномъ соучастіи жителей, то и въ такомъ случаѣ, по современному праву войны, нельзя признать справедливымъ разграбленіе города. Преданіе грабежу и разоренію непріятельскаго города еще могло быть оправдываемо въ прошломъ столѣтіи [2]), но чувство права современныхъ цивилизованныхъ народовъ безусловно осуждаетъ его [3]). Нѣтъ и не можетъ быть никакихъ уважительныхъ причинъ, требующихъ, по достиженіи цѣли, такого изліянія своей ненависти и мести противъ побѣжденныхъ жителей, принимавшихъ участіе въ оборонѣ и достойныхъ скорѣе уваженія, нежели осужденія. Вѣдь нельзя же согласиться съ Гефтеромъ, что разграбленіе взятаго города можетъ быть вознагражденіемъ за тѣ опасности, которымъ подвергались осаждающія войска, такъ какъ необходимость подобнаго рода ободренія, всякое цивилизованное войско, чувствующее свое нравственное достоинство, по нашему мнѣнію, почтетъ за нанесенное ему оскорбленіе.

---

[1]) Art. 19. of the *American Instructions:* «Commanders, whenever admissible, inform the enemy of their intention to bombard a place, so that non-combatants, and especially the women and children, may be removed before the bombardment commences. But it is not infraction of the common law of war to omit thus to inform the enemy. Surprise may be a necessity».

[2]) Galiani—Dé doveri e seg. p. 272: «—il sacco solo devien legisimo qualora tutti i cittadini, o la massima parte abbian concorso ad una ostinata, e micidiale difesa. In ogni altro caso il conceder il sacco è atto tanto illegitimo quanto inumano.

[3]) Bello. Principios de derecho international, p. 162 «Se permite à los soldados el despojo de los enemigos que quedan en el campo de batalla, el de los campamentos forzados, y à veces el de las ciudades que se toman por asalto. Mas esta ultima práctica es un resta de la barbarie, por cuya abolicion clama tiempo há la humanidad, aunque con poco fruto».

Едва ли въ настоящее время защитники отечества и права, которые, по прекрасному опредѣленію инструкцій данныхъ сѣверо-американской арміи, никогда не перестаютъ быть «нравственными существами, отвѣтственными какъ другъ передъ другомъ, такъ и предъ Богомъ» [1]), нуждаются, при исполненіи своихъ возвышенныхъ обязанностей, въ такихъ средствахъ, для возбужденія мужества и храбрости. Если уже практика войны сознаетъ несправедливость грабить непріятельскій городъ, то едва ли дѣло науки международнаго права подъискивать мотивы, оправдывающіе такое вопіющее преступленіе, противъ незыблемыхъ началъ нравственности и права. На основаніи вышесказаннаго, право военной добычи, въ такомъ объемѣ, какъ его принимаютъ нѣкоторые современные публицисты, представляется намъ сущей неправдою, явнымъ нарушеніемъ правъ частныхъ лицъ и остаткомъ древняго варварства [2]). Неприкосновенность частной собственности, не только что основывается на consensus gentium цивилизованныхъ народовъ [3]), но есть неотъемлемое право частныхъ лицъ, или некомбатантовъ. Слѣдовательно, нельзя ставить въ похвалу «гуманности», или «политическаго такта» [4]), соблюденіе воюющимъ государствомъ своей нравственной и юридической обязанности. Дозволеніе захватывать добычу считается исключеніемъ въ войнѣ на сушѣ и, можетъ быть допущено, только въ немногихъ случаяхъ. Строго придерживаясь современнаго понятія о войнѣ, и согласно международному праву, можно считать предметами военной добычи: во 1-хъ, имущество непріятельскаго государства, исключая частной собственности монарха—(кромѣ того, право войны ограничиваетъ это разрѣшеніе только тѣми государственными имуществами, кото-

---

[1]) Art. 15 of the *American Instructions:* «Men who take up arms against one another in public war do not cease on this account to be moral beings, responsible to one another, and to God».

[2]) Bluntschli—Völkerrecht, § 657. «Das heutige Völkerrecht verwirft das sogenannte Beuterecht im Kriege als rechtswidrige Barbarei». Срав. также стр. 36—40.

[3]) См. замѣчательную депешу *Марси*, бывшаго министра Соединен. Штатовъ, отъ 28 Іюля 1856 г. Въ ней говорится между прочимъ: «It is a generally received rule of modern warfare, so far at least as operations upon land are concerned, that the persons and effects of non—combattants are to be respected». (Ср. *Aegidi* и *Klauhold*. Beilage zum Staatsarchiv. 1866. S. 9—18).

[4]) Dana's note in *Wheaton's* Elements. N. 171. (p. 451).

рыя, непосредственно, увеличиваютъ военную силу непріятеля) [1]); затѣмъ, во 2-хъ, оружіе побѣжденныхъ непріятелей — (современное право войны осуждаетъ снятіе вещей съ павшихъ на полѣ сраженія); въ 3-хъ, военную контрабанду— т. е. вещи, служащія, непосредственно, военнымъ цѣлямъ. Наконецъ, какъ на остатокъ прежняго варварства и произвола, можно указать въ 4-хъ, на морскую военную добычу, т. е. захватъ кораблей и грузовъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Во второй части нашего труда, вопросъ, о законности этого послѣдняго вида военной добычи, подвергнется подробному обсужденію.—Изъ историческаго развитія военной добычи, мы видѣли, какъ постепенно практика войны отказывалась отъ захвата частной собственности, во время сухопутныхъ войнъ. Писатели по международному праву, единственно повѣствуютъ объ установившемся военномъ обычаѣ и, нѣкоторые изъ нихъ, согласно съ требованіями науки, стремятся дать юридическое, положительное основаніе, и выяснить право неприкосновенности собственности частныхъ лицъ. Возставая же противъ неосновательнаго распространенія понятія о военной добычѣ и очевидной непослѣдовательности нѣкоторыхъ публицистовъ [2]), мы не успѣли упомянуть о писателѣ, отрицающемъ, съ рѣдкимъ мужествомъ и ожесточеніемъ, всѣми сознанное и примѣняемое на дѣлѣ начало. Отфель выступаетъ и относительно движимой собственности непріятельскихъ подданныхъ, съ тѣми же неубѣдительными доводами, которыми онъ пытался доказать законность конфискаціи недвижимыхъ имуществъ. Основаніе его разсужденій осталось неизмѣннымъ, а именно, что никогда не существовала и не существуетъ неприкосновенности движимой частной собственности, и правила,

---

[1]) Zachariae. Vierzig Bücher vom Staate. Bd. V, S. 114.

[2]) Къ какимъ самопротиворѣчіямъ можно придти, если не придерживаться изслѣдованія поступательнаго развитія жизни и права, весьма поучительно видѣтъ въ примѣчаніяхъ ученаго Дана къ сочиненію Уитона. Признавъ, какъ мы это видѣли выше, установившійся обычай, Дана затѣмъ, при изложеніи *«различія между непріятельской частной собственностью на морѣ и на сушѣ»* (note № 171. p. 451), приходитъ къ заключенію, что «если воюющая держава имѣетъ интересъ въ собственности, которая ему пригодится на войнѣ, то въ силу этого *факта* она *prima facie* подлежитъ захвату». Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что при такомъ господствѣ факта и интереса, право равно произволу и выраженное, со стороны Дана, сознаніе права цивилизованныхъ народовъ опровергается самымъ радикальнымъ образомъ.

требующаго ея, нѣтъ въ современномъ международномъ правѣ. Только собственный интересъ, говоритъ защитникъ правъ и интересовъ нейтральныхъ, заставляетъ иногда воюющаго не конфисковать частную собственность непріятельскихъ подданныхъ [1]). Въ доказательство своего мнѣнія, Отфель, съ похвальнымъ безпристрастіемъ, упоминаетъ объ опустошеніяхъ и грабежахъ, произведенныхъ французскими войсками, при Людовикѣ XIV и во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Изъ новѣйшей исторіи, Отфель указываетъ на поведеніе ненавистныхъ ему англичанъ въ Индіи, французовъ въ Африкѣ и «русскихъ на Кавказѣ». Не касаясь вопроса, насколько его примѣры фактически достовѣрны или голословны, такъ какъ онъ не подтверждаетъ ихъ ничѣмъ, мы готовы прибавить еще нѣсколько совершенно достовѣрныхъ примѣровъ разграбленія и нарушенія правъ частныхъ лицъ. Такъ напримѣръ: опустошенія и разграбленія частной собственности, совершенныя англичанами въ 1855 г. на берегахъ Азовскаго моря [2]); разрушеніе англичанами и французами въ 1860 г. дворца китайскаго императора [3]) и наконецъ, бомбардированіе Вальпарайсо въ 1866 г. испанскимъ флотомъ [4]). Но развѣ эти факты и множество другихъ, свидѣтельствующихъ о преступныхъ нарушеніяхъ европейскаго международнаго права, въ состояніи отрицать дѣйствительное существованіе выработаннаго, въ теченіе вѣковъ, начала? Напротивъ, намъ кажется, что эти и подобные имъ факты, возбудившіе въ такой сильной степени общее и справедливое негодованіе цивилизованнаго міра, еще убѣдительнѣе и неопровержимѣе доказали правосознаніе народовъ и существованіе принципа неприкосновенности частной собственности. Слѣдовательно, эти событія скорѣе подтвердили, чѣмъ поколебали общепризнанный обычай. Если же Отфель признаетъ, что воюющими державами, дѣйствительно, иногда дѣлается различіе между некомбатантами и сражающими-

---

[1]) Hautefeuille. Histoire—p. 505.
Questions du droit maritime international, p. 79 etc. 177.

[2]) Gourdon—Histoire du Congrès de Paris, 1857, p. 192, 322.
Hautefeuille. Histoire du droit maritime, p 507.

[3]) Zeller—L'année historique, année 1860, p. 481, замѣтилъ по поводу этого событія: «On voulait laisser à ces barbares un souvenir durable de nos victoires».

[4]) Vidari—Del rispetto, p. 139.

ся, потому что того требуетъ собственный ихъ интересъ; то это опять ничего не опровергаетъ, но есть ничто иное, какъ petitio principii. Дѣло не въ томъ, въ интересѣ ли воюющихъ державъ международный обычай или нѣтъ, но вопросъ состоитъ въ томъ: существуетъ ли, дѣйствительно, во время сухопутныхъ войнъ, неприкосновенность частной движимой собственности; согласно ли это начало съ идеею права, и требуется ли оно условіями развитія международной жизни? Другой доводъ, приводимый Отфелемъ и здѣсь, при оспариваніи имъ неприкосновенности движимыхъ имуществъ, заключается въ отрицаніи обычая войны, потому что онъ не освященъ трактатами. Еслибъ, говоритъ Отфель, частная собственность считалась бы, дѣйствительно, неприкосновенною на сушѣ, тогда бы это было выражено въ международныхъ договорахъ и дипломатическихъ актахъ. Очевидно, что это доказательство не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Взглядъ Отфеля долженъ привести къ тому выводу, что обязательно только то, что постановлено въ трактатахъ и, такъ какъ отравленіе непріятеля, убійство въ засадѣ, (Meuchelmord) [1]), безчеловѣчное, жестокое обращеніе съ военноплѣнными и т. п., не запрещается трактатами, то все это, какъ нельзя болѣе основывается на современномъ правѣ войны. Впрочемъ, оригинальность Отфеля, въ этомъ отношеніи, доходитъ до того, что онъ считаетъ согласнымъ съ современнымъ правомъ войны вредить непріятелю всевозможными средствами [2]). Насколько такое мнѣніе прекрасно гармонируется съ восклицаніемъ «vae victis»! древняго міра, настолько оно противно правосознанію цивилизованныхъ народовъ, по которому человѣческая личность, сама по себѣ, есть источникъ права. Наконецъ взглядъ Отфеля на сущность и силу трактатовъ кажется намъ ошибочнымъ. Жизнь, въ ея теченіи и развитіи, указываетъ на условія, необходимыя для дальнѣйшаго ея органическаго процвѣтанія, и совокупность этихъ условій, болѣе или менѣе близкихъ къ идеѣ права, есть право. Нѣтъ сомнѣнія, что право существуетъ раньше, чѣмъ получитъ законодательнымъ путемъ

[1]) American Instructions, § 148 «Civilized nations look with horror upon offers of rewards for the assassination of enemies as relapses into barbarism». Срав. *Bluntschli*, Völkerrecht § 561.

[2]) Hautefeuille. Questions du droit maritime international p. 79. «Le droit de la guerre est celui de nuire à l'adversaire par *tous les moyens*».

санкцію. Законодательство облекаетъ выработанное право въ внѣшнюю форму закона, и не должно вымышлять ничего противнаго правосознанію. Точно также и международный трактатъ не изобрѣтаетъ новыя права, но долженъ выражать только, въ осязательной формѣ, то, что выработано международной жизнью, и требуется условіями ея развитія и идеею права. Если поэтому, трактатами еще не признанъ принципъ неприкосновенности частной собственности (что впрочемъ опровергается, напр., заключеннымъ въ 1785 г. трактатомъ между Пруссіею и Сѣверо Американскими Соединенными Штатами), то это нисколько не опровергаетъ существованіе международнаго обычая, и не можетъ уничтожить, требуемую условіями развитія международной жизни и правосознаніемъ, неприкосновенность правъ частныхъ лицъ на жизнь и собственность. Нельзя не замѣтить, что Отфель только тогда склоняется къ принципамъ права войны древняго міра, и, вопреки всѣмъ другимъ публицистамъ, отрицаетъ установившійся на сушѣ обычай, когда онъ предпринимаетъ свой походъ противъ защитниковъ неприкосновенности непріятельской частной собственности на морѣ. Онъ сознаетъ, что, при общепризнанномъ господствѣ неприкосновенности собственности некомбатантовъ на сушѣ, необходимо придти къ провозглашенію того же принципа на морѣ. Справедливость требуетъ сказать, что поведеніе другаго защитника каперства и захвата частной собственности на морѣ болѣе благовидно: Ортоланъ не отрицаетъ неотрицаемое, но говоритъ только, что имущества мирныхъ подданныхъ непріятеля охраняются, во время сухопутной войны, насколько это возможно [1]).

И такъ, неприкосновенность частной собственности не можетъ быть опровергнута никакими убѣдительными или основательными доводами, и военная добыча относительно вещей, принадлежащихъ мирнымъ подданнымъ, вполнѣ противорѣчитъ поступательному развитію права, и несогласно съ современной международной жизнью. Никогда «политическія соображенія»—какъ бы глубокомысленны они не были,—никакія «непредвидѣнныя обстоятельства», прикрывающія явный произволъ, не могутъ оправдывать нарушенія неотъемлемыхъ правъ частныхъ лицъ.

[1]) Ortolan—Règles internationales et diplomatie de la mer. Paris. 1864 T. II, p. 35.

Когда война считалась ареною насильствъ, и непріятель былъ лишенъ всѣхъ правъ, неотъемлемо связанныхъ съ личностью человѣка, тогда, дѣйствительно, физическое обладаніе вещью могло привести къ пріобрѣтенію права полной собственности [1]). Но, когда возникло, въ истинномъ смыслѣ, понятіе о *правѣ* войны, когда война, по словамъ Бэкона, приняла видъ величественнаго спора о правѣ [2]), съ тѣхъ поръ, мало по малу, должны были исчезнуть и господство произвола, и возведеніе факта на степень права. Насколько современная государственная жизнь отдалена отъ поглощенія античнымъ государствомъ человѣка, насколько международная жизнь современныхъ цивилизованныхъ народовъ, не похожа на враждебную замкнутость и отсутствіе международной жизни въ древнемъ мірѣ, настолько неприкосновенность сферы частной жизни и непріятельской частной собственности, во время современной войны, не можетъ быть сопоставлена съ bellum omnium contra omnes и правомъ военной добычи древняго міра.

III. О реквизиціяхъ и контрибуціяхъ.

До сихъ поръ подвергались нашему изслѣдованію имущественныя права частныхъ лицъ, на завоеванной непріятелемъ территоріи. Теперь, чтобы покончить вопросъ о положеніи частной собственности на сушѣ, намъ остается разсмотрѣть тѣ права завоевателя, которыя онъ осуществляетъ, въ отношеніи мирнаго населенія, на завоеванной территоріи, и, которыя признаются за нимъ большей частью современныхъ публицистовъ. Это: вопросъ о реквизиціяхъ и контрибуціяхъ, налагаемыхъ завоевателемъ на мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства. Въ силу факта завоеванія, непріятель пріобрѣтаетъ извѣстныя права, какъ въ отношеніи населенія, такъ и на завоеванную территорію. Устранивъ прежнюю верховную территоріальную власть, которая оказалась не въ силахъ защищать неприкосновенность государственной территоріи, завоеватель фактически занимаетъ мѣсто законнаго правительства, насколько этого допускаетъ его дѣйствительное, фактическое могущество.

[1]) Occupatio bellica est modus acquirendi dominium.

[2]) Phillimore, vol. III, p. 68 приводитъ слѣдующія слова лорда Бэкона: «War is no massacre or confusion, but the highest trial of right».

Тѣ лица и части непріятельской территоріи, на которыя простирается его власть, вмѣстѣ съ тѣмъ подчинены и его распоряженіямъ. Предпринявъ войну, — какъ это предполагаетъ международное право, — чтобы достигнуть возстановленія нарушеннаго права и водворенія мира, завоеватель, съ этой цѣлью, обязанъ соображать свои дѣйствія въ непріятельской странѣ. Распоряженія завоевателя должны быть сдѣланы согласно праву и способствовать существенно достиженію мира. Если война, сама по себѣ, никогда не отмѣняетъ существующій порядокъ правовыхъ отношеній, и, въ особенности, въ сферѣ частной жизни, если война не есть состояніе, въ которомъ господствуютъ произволъ и насиліе, но если, напротивъ, воюющія стороны всегда должны уважать чужія права и предписанія правды и справедливости,—то и завоеватель, опирающійся только на своей фактической, неосвященной мирнымъ трактатомъ. власти, юридически обязанъ оставить неприкосновеннымъ общественный порядокъ въ завоеванной странѣ, и уважать неотъемлемыя права частныхъ лицъ. Завоеватель всегда долженъ помнить верховный законъ современнаго права войны, по которому непосредственнымъ его противникомъ являются государства, представляющіяся абсолютно самостоятельными организмами, имѣющія свободную волю, свои органы ее выражающіе, и, на основаніи всего этого, они сами несутъ юридическую отвѣтственность, за свои дѣйствія и проступки. Никогда частныя лица не принимали, и не могутъ принимать на себя отвѣтственность за дѣйствія государства, представляющагося въ высшемъ значеніи слова *личностью*, — какъ это думаетъ Гефтеръ [1]). Поэтому, не къ частнымъ лицамъ должны быть обращены претензіи завоевателя, и не отъ нихъ зависитъ водвореніе мира и возстановленіе права. Только удовлетворяя этимъ основнымъ принципамъ современнаго международнаго права, и, руководствуясь, во всѣхъ своихъ распоряженіяхъ, уваженіемъ къ неоспоримымъ правамъ частныхъ лицъ, непріятель въ состояніи придать своему фактическому владычеству видъ законности, и только тогда оттѣнокъ грубой силы, который всегда примѣшивается къ военному положенію, исчезнетъ самъ собою. Но, признавъ полную неприкосновенность правъ частныхъ лицъ, держава, завоевав-

[1]) Heffter—Völkerrecht, S. 236.

шая провинцію своего непріятеля, имѣетъ, съ своей стороны, также извѣстныя права, относительно населенія и завоеванной области. Принимая на себя, временно, правительственную власть въ странѣ, завоеватель охраняетъ безопасность и права собственности населенія. Отправленіе правосудія никогда не прекращается, во время завоеванія, и, если иногда, въ случаяхъ крайней необходимости, военный судъ заступаетъ мѣсто гражданско-уголовнаго, то частныя лица чрезъ это не должны быть лишены гарантій безпристрастнаго и справедливаго разбирательства. Очевидно, что за всѣ эти услуги и за охраненіе общественнаго порядка, завоеватель имѣетъ также право на преимущества и нѣкоторыя права, которыми пользовалась прежняя территоріальная власть. Завоеватель имѣетъ во 1-хъ, право на повиновеніе, со стороны населенія, его распоряженіямъ, насколько они не противорѣчатъ международному праву. На основаніи международнаго права, завоеватель не имѣетъ, напр., права требовать отъ населенія принесенія ему присяги въ подданствѣ. Только мирный трактатъ рѣшаетъ вопросъ о подданствѣ населенія. Во 2-хъ, завоеватель можетъ, изъ захваченныхъ имъ государственныхъ капиталовъ и доходовъ, покрывать свои военныя издержки. Отъ населенія завоеватель имѣетъ право требовать внесенія ему податей и пошлинъ, срокъ уплаты которыхъ приходится во время завоеванія. Наконецъ, въ 3-хъ, завоеватель имѣетъ право на извѣстныя услуги, со стороны населенія. Это послѣднее право требуетъ нѣкотораго объясненія. Война, какъ мы это говорили неоднократно, не есть нормальное состояніе международной жизни, не подлежитъ точному, предусматривающему всѣ отдѣльные случаи, опредѣленію. Имѣя въ виду цѣль войны, воюющій принужденъ бываетъ иногда необходимостью принимать мѣры, несовмѣстныя съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей. Поэтому, военная власть имѣетъ право на все, что вызывается военной необходимостью, и насколько это требуется цѣлью войны, и оправдывается военными обычаями цивилизованныхъ народовъ [1]). Легко можетъ случиться, что необходимость вынудитъ воюющее государство нарушить права частныхъ лицъ, подобно тому, какъ и въ го-

[1]) Omne jus aut necessitas fecit aut consensus constituit, aut firmavit consuetudo. (Modestinus).

сударственной жизни, при нормальномъ порядкѣ вещей, случаи крайней необходимости парализируютъ уголовную кару за нарушеніе права. Но, разумѣется, еще возможнѣе прикрывать военной необходимостью явное насиліе и вопіющій произволъ. Однако, при всемъ этомъ, неизмѣнныя предписанія правды и справедливости никогда не должны терять своей обязательной силы, хотя бы юридическій порядокъ и подвергся временному измѣненію. Сообразно этой военной необходимости, которая представляется крайнимъ предѣломъ непріятельской власти, кругъ правъ завоевателя расширяется на счетъ правъ частныхъ лицъ, находящихся на завоеванной территоріи. Посмотримъ, съ одной стороны: какія требованія завоеватель имѣетъ право предъявлять мирному населенію, за охраненіе его личной безопасности и поддержаніе общественнаго порядка,—а съ другой: какого рода превышенія власти и права могутъ быть оправдываемы военной необходимостью. Пока единственнымъ закономъ войны былъ произволъ и непреодолимая сила побѣдителя, не могло явиться понятіе объ юридическихъ отношеніяхъ между завоевателемъ и мирнымъ населеніемъ на завоеванной территоріи. Какъ въ древности, такъ и въ среднихъ вѣкахъ, непріятель жилъ на счетъ населенія и силою бралъ все, чего не доставало для содержанія войска. Мало того, населеніе было обязано уплачивать военные расходы и всѣ дѣйствительныя и выдуманныя претензіи, предъявленныя противъ его государства [1]). Только, съ измѣненіемъ понятія права войны и соотвѣтствующимъ развитіемъ обязанностей завоевателя и правъ частныхъ лицъ, варварскій обычай жить и продовольствоваться на счетъ населенія, долженъ былъ исчезнуть изъ области международнаго права. Весьма понятно, что писатели, вѣрившіе въ вѣчность истинъ, провозглашенныхъ великими мыслителями древняго міра и уповавшіе на неизмѣнность международной жизни и права, придерживались безусловно взгляда римскихъ юристовъ на завоеваніе. Съ этой точки зрѣнія, публицисты признавали за завоевателемъ право требовать отъ населенія безвозмездно всего, что необходимо для продовольствія войска, или можетъ принести непосредственную пользу успѣху военныхъ дѣйствій. Отъ населенія требовалась провизія

[1]) Victoria. De jure belli, § 58. «Utrum liceat imponere victis hostibus tributa. Respondetur, quod sine dubio licet, non solum ad compensandum damna, sed etiam ratione poenae, et in vindictam». (p. 422).

для оккупаціонной арміи, отправленіе различныхъ повинностей, какъ напр., постоя, подводъ; и, если не исполнялось тотчасъ требованіе военнаго начальства, то населеніе принуждали къ этому силою. Этотъ видъ насилія называется обыкновенно *реквизиціею*. Весьма часто реквизиціи примѣнялись, во время войнъ французской революціи [1]). Въ основаніи реквизицій лежитъ, отчасти, прежнее право завоевателя жить на счетъ населенія, и разница только въ томъ, что непріятель сознаетъ права мирныхъ подданныхъ, и, прежде всего требуетъ добровольнаго исполненія своихъ распоряженій, а въ случаѣ отказа, прибѣгаетъ къ силѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что реквизиціи, какъ *безвозмездная* доставка разнообразныхъ предметовъ завоевателю, не могутъ быть оправдываемы современнымъ правомъ войны. Въ настоящее время, когда война признана отношеніемъ государства къ государству, а не частныхъ лицъ другъ къ другу, нѣтъ разумныхъ доводовъ, которые въ состояніи доказать право воюющей державы жить на счетъ населія завоеванной имъ непріятельской области. Война есть дѣло государственное, войска содержатся на счетъ государственной казны, и поэтому, только грубая сила можетъ оправдывать систематическое разореніе частныхъ лицъ. Слѣдовательно, если реквизиціи являются осуществленіемъ прежняго права войны, то онѣ безусловно противны современному правосознанію. Но реквизиціи могутъ имѣть мѣсто въ болѣе законной и справедливой формѣ; въ такомъ случаѣ, и на иномъ основаніи, завоеватель имѣетъ право на примѣненіе ихъ. Завоеватель, охраняющій общественный порядокъ и безопасность, уважающій, слѣдовательно, права некомбатантовъ, имѣетъ право на такія дѣйствія населенія, которыя вытекаютъ изъ его фактической верховной власти, и тѣсно связаны съ мѣстными условіями и непредвидѣнными обстоятельствами. Такъ завоеватель не можетъ: ни достигнуть цѣли войны, ни поддержать необходимый порядокъ, если не признать за нимъ права на отправленіе, со стороны населенія, повинностей постоя и подводъ. Пребываніе въ странѣ немыслимо, безъ отправленія, напр., повинности постоя, и поэтому, населеніе завоеванной территоріи обязано уступать квартиры непріятельскому войску. Затѣмъ, оккупаціонная армія можетъ нуждаться

[1]) Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe, § 251, note b.

въ продовольствіи, и поэтому она, безъ сомнѣнія, имѣетъ право требовать, за извѣстное вознагражденіе, необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ,—что признается военными обычаями нашего времени [1]). По въ случаѣ отказа, со стороны населенія, удовлетворить справедливымъ требованіямъ завоевателя,—въ чемъ прямо обнаруживается враждебное и опасное ему настроеніе частныхъ лицъ,—военная необходимость заставляетъ брать силою то, что крайне потребно, для продовольствія и содержанія войска. Завоеватель, имѣя обязанности, относительно частныхъ лицъ, пользуется также своими неотъемлемыми правами, и, чтобы цѣль войны была достигнута, воюющее государство не можетъ жертвовать собою, изъ уваженія къ имущественнымъ правамъ частныхъ лицъ, неприкосновенность которыхъ онъ сознаетъ и охраняетъ. Но, признавая за воюющею державою эти права относительно населенія, и допуская даже, въ случаяхъ крайней необходимости, превышеніе ихъ, завоеватель все-таки постоянно долженъ имѣть въ виду *возможность* исполненія населеніемъ его требованій [2]). (Ultra posse nemo tenetur). Требовать отъ населенія подводъ, обуви, съѣстныхъ припасовъ, если оно само нуждается во всемъ этомъ, и потому рѣшительно, не въ состояніи удовлетворить завоевателя, противорѣчитъ здравому смыслу, и всякое насиліе было бы, въ такомъ случаѣ, вопіющимъ варварствомъ. Самая сущность реквизицій указываетъ уже на то, что объектами ихъ могутъ быть только предметы, непосредственно нужные для продовольствія и содержанія войска и, наконецъ, пригодные для военныхъ цѣлей; но, ни въ какомъ случаѣ, воюющій не можетъ оправдывать военной необходимостью лишеніе частныхъ лицъ драгоцѣнностей и предметовъ рос-

[1]) Bluntschli. Völkerrecht. § 653.

American Instructions, § 38: «Private property, unless forfeited by crimes or by offences of the owner, can be seized only by way of military necessity, for the support or other benefit of the army or of the United States. If the owner has not fled, the commanding officer will cause receipts to be given, which may serve the spoliated owner to obtain indemnity».

[2]) Gentilis De jure belli, lib. III, cap. IV, p. 498: «Non omnia faciet victor sua, quae per vim, et per victoriam potest. Quanto plus licet, tam libeat minus inquit sententia Sapientis. Et faciet omnia pro arbitrio boni viri. Quod pro rerum varietate variabitur. Securitati si consulet, tum erit bene satis, quum ad fuerit metus. *Nec vero dicitur excedi modus inculpatae tutelae, si quid fit, quod periculum amovet*».

коши. Вообще, всѣ дѣйствія непріятеля, которыя, безъ основанія, являются непріязненными противъ частныхъ лицъ, въ которыхъ явно выступаетъ намѣреніе обрушивать на нихъ неудовольствіе, существующее относительно государства, осуждаются безусловно современнымъ международнымъ правомъ. И такъ, для избѣжанія сомнѣнія, или неясности, мы повторяемъ, что реквизиціи, состоящія въ требованіи, со стороны непріятельскаго государства, отъ мирнаго населенія на занятой имъ непріятельской территоріи, отправленія нѣкоторыхъ повинностей и поставки предметовъ первой необходимости, должны быть вознаграждены. Это сознаетъ современная практика войны. Въ случаяхъ же военной необходимости, эти предметы могутъ быть отбираемы силою и безъ представленія денежнаго вознагражденія. Впрочемъ, мы знаемъ, что частныя лица не лишаются своего права на вознагражденіе, осуществленіе котораго должно быть предвидѣно въ мирномъ трактатѣ, и, по возстановленіи прежней территоріальной власти, ея обязанность имѣть въ виду справедливыя претензіи пострадавшихъ за весь государственный организмъ. Но никогда реквизиціи не могутъ состоять въ осуществленіи прежняго правила войны, которое разрѣшало непріятелю жить на счетъ населенія занятой имъ территоріи. Реквизиціи скорѣе должны явиться вознагражденіемъ за охраненіе, со стороны завоевателя, общественнаго порядка, нежели средствомъ для угнетенія мирныхъ, беззащитныхъ частныхъ лицъ, или для удовлетворенія чувства мести.

Средствомъ, въ которомъ явно обнаруживается желаніе непріятеля вымѣщать на беззащитныхъ частныхъ лицахъ свое неудовольствіе и непріязнь является, по нашему мнѣнію, *контрибуція*, или наложеніе непріятелемъ на мирное населеніе занятой имъ непріятельской области, обязанности внести опредѣленную имъ, совершенно произвольно, денежную сумму. Понятіе о военной контрибуціи опредѣлялось, въ самомъ началѣ, какъ выкупъ права завоевателя предавать непріятельскую страну опустошенію и разоренію. Чрезъ внесеніе требуемой сильнымъ непріятелемъ денежной суммы, частныя лица, общества и цѣлыя государства избѣгали опасности лишиться всего: жизни и имущества [1]).

[1]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap. IX, § 165.
Travers-Twiss. Law of Nations, Vol. II, p. 124.
Martens. Précis, § 280.
Bello. Principios de derecho internacional, p. 161.

Изъ предшествующаго видно, что современное международное право не признаетъ за завоевателемъ права на опустошенія и разоренія имуществъ частныхъ обществъ и лицъ. Если, такимъ образомъ, право неприкосновенности частной собственности, во время сухопутныхъ войнъ не подлежитъ сомнѣнію, если, слѣдовательно, исчезло основаніе права налагать денежныя контрибуціи, то чѣмъ, спрашивается, можно доказать теперь основательность этого выкупа? Между тѣмъ, огромное большинство публицистовъ, не исключая даже Видари, считаютъ наложеніе на мирное населеніе завоеванной территоріи, денежной контрибуціи, какъ бы похвальной гуманностью и снисходительностью, со стороны непріятельской державы, или же, оправдываютъ контрибуціи, на основаніи приведенныхъ нами выше доказательствъ, въ пользу права воюющаго на реквизиціи [1]). Только Блунчли возстаетъ противъ этого, приписываемаго завоевателю права, и приводитъ нѣкоторые убѣдительные доводы въ опроверженіе справедливости денежныхъ контрибуцій [2]). Доказательства, приводимыя публицистами, въ пользу контрибуцій и противъ нихъ, привели насъ къ убѣжденію, что мнѣніе Блунчли болѣе сообразно съ началами современнаго международнаго права. Есть между защитниками контрибуцій писатели, которые не могли еще отречься въ вопросахъ, касающихся международной жизни, отъ преклоненія предъ римскими авторитетами, и поэтому, постоянно противорѣчатъ высказаннымъ ими самими, основнымъ принципамъ. Къ таковымъ можно отнести Гефтера [3]) и Бернера [4]). Съ оригинальнымъ мнѣніемъ Бернера о контрибуціяхъ мы имѣли случай познакомиться выше, при обсужденіи обязанности государства вознаграждать частныхъ лицъ за убытки, которые они потерпѣли во время войны. Гефтеръ утверждаетъ на одной и той же страницѣ: во 1-хъ, что право частныхъ собственниковъ не подвергается никакой перемѣнѣ, вслѣдствіе занятія воюю-

[1]) Kent's Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*: Contributions are sometimes levied upon a conquered country, in lieu of confiscation of property and as some indemnity for expenses of maintaining order, and affording protection». (p. 243).

[2]) Bluntschli. Völkerrecht, § 654.

[3]) Heffter. Europäisches Völkerrecht, S. 236.

[4]) Berner, въ соч. *Bluntschli* u. *Brater's* Deutsches Staatswörterbuch, Bd. V, Art. «*Kontributionen*».

щимъ непріятельской территоріи; во 2-хъ, побѣдитель можетъ требовать отъ частныхъ лицъ удовлетворенія своихъ претензій, предъявленныхъ имъ, противъ непріятельскаго государства, такъ какъ «не подлежитъ сомнѣнію обязанность подданныхъ ручаться «за исполненіе обязательствъ побѣжденнаго государства». Необходимо замѣтить, что къ претензіямъ воюющая держава имѣетъ право причислить, не только требованія, давшія поводъ къ войнѣ, но и всѣ расходы, причиненные войною. На основаніи всего этого, непріятель, по мнѣнію Гефтера, имѣетъ право налагать контрибуціи и требовать, какъ поставки естественныхъ продуктовъ, такъ и личныхъ услугъ со стороны мирныхъ подданныхъ. Мы отказываемся отыскать какую либо логическую связь между первымъ и вторымъ утвержденіемъ. О поставкѣ продуктовъ и личныхъ услугахъ мы говорили выше, при реквизиціяхъ. Но въ чемъ состоитъ неизмѣнность положенія частной собственности, если непріятель въ правѣ взыскивать съ частныхъ лицъ, на завоеванной территоріи, тѣ суммы, которыя онъ числитъ за своимъ противникомъ? Кто изъ частныхъ собственниковъ будетъ въ состояніи удовлетворить предъявленныя, всегда чрезмѣрныя и никогда неопредѣленныя точно претензіи, относительно того государства, котораго они подданные? Оставляя въ сторонѣ первоначальныя обязательства, которыя могутъ быть оцѣнены на деньги, и нарушены, будто бы, прежней территоріальной властью, стоитъ только вспомнить тѣ громадные расходы, которые поглощаютъ войска на мирномъ положеніи, не говоря объ арміи, поставленной на военную ногу и вступившей въ непріятельскую землю, чтобъ убѣдиться какова будетъ неприкосновенность частной собственности, при возмѣщеніи на ней этихъ расходовъ! Намъ кажется несомнѣннымъ, что приписываемое непріятельскому государству право — обращать взысканіе за нарушеніе своихъ правъ, слѣдовательно, свои непріязненныя дѣйствія противъ частныхъ лицъ—противорѣчитъ, самымъ рѣзкимъ образомъ, праву неприкосновенности частной собственности, и уполномочиваетъ завоевателя на конфискацію всѣхъ имуществъ, недвижимыхъ и движимыхъ, находящихся на завоеванной имъ территоріи. Ошибочно, по нашему мнѣнію, основаніе взгляда Гефтера, что всякій подданный ручается всѣмъ своимъ имуществомъ за государственныя обязательства, поэтому и всѣ дальнѣйшіе его выводы лишены основательности.

Частныя имущества ни въ какомъ случаѣ нельзя считать частями государственныхъ имуществъ, потому что только посредствомъ «несомнѣннаго и законнаго акта» частная собственность обращается въ государственную [1]). Государство — вполнѣ самостоятельный, своеобразный организмъ — представляется, въ полномъ смыслѣ, личностью, имѣющею жизнь, волю, свои органы и необходимыя, точно опредѣленныя матеріальныя средства, для приведенія ихъ въ дѣйствіе. Если признать справедливымъ взысканіе съ частныхъ лицъ за неисполненіе государствомъ обязательствъ и за совершенныя имъ правонарушенія, тогда исчезла бы частная жизнь, сфера индивидуальной, мирной дѣятельности гражданина, и частное лицо снова было бы поглощено личностью государства. Слѣдовательно, можно считать доказаннымъ, что основанное на подобныхъ началахъ, право воюющаго государства на наложеніе контрибуцій, не соотвѣтствуетъ современному международному праву, и, въ своемъ примѣненіи, можетъ вызвать, для частныхъ лицъ болѣе разорительныя послѣдствія, чѣмъ самыя безпощадныя опустошенія, предпринимаемыя, въ былыя времена, завоевателемъ, и отъ которыхъ населеніе откупалось внесеніемъ контрибуціонной суммы. Что касается Бернера, то мнѣніе его объ этомъ вопросѣ выражается просто въ обвиненіи частныхъ лицъ, внесшихъ требуемыя завоевателемъ суммы, въ трусости и почти — что въ государственной измѣнѣ! Война, по смыслу его разсужденій, есть bellum omnium contra omnes. Послѣ всего вышесказаннаго, намъ кажется совершенно излишнимъ доказывать несообразность взгляда Бернера.

Не съ этой точки зрѣнія разсматриваютъ вопросъ о контрибуціяхъ Пинейро-Феррейра [2]), Массе [3]) и Видари [4]). Непріятель, говорятъ эти публицисты, завоевавшій территорію, вмѣстѣ съ завоеваніемъ получаетъ фактическую власть надъ населеніемъ, и, сообразно цѣли войны, онъ принимаетъ свои мѣры. На основаніи этой фактической верховной власти, завоеватель имѣетъ право налагать на населеніе извѣстныя подати, слѣдовательно, требовать контрибуцій [5]). Сознавая однако всю шат-

[1]) Held. Grundzüge des allgemeinen Staatsrechts, S. 185.

[2]) Pinheiro — Ferreira sur Martens. Précis, liv. VIII, chap. IV. § 279, 280; sur Vattel, Droit des gens, liv. III, chap. IV, § 61.

[3]) Massé. Droit commercial, § 151 (p. 125).

[4]) Vidari. Del rispetto della proprietà privata. p. 149—157.

[5]) Ibid. p. 150: «Quindi è, qualunque abbia ad essere la sorte ultima della

кость и эластичность приписываемаго воюющему права, Видари возстаетъ, весьма краснорѣчиво, противъ злоупотребленія правомъ требовать контрибуцій, и поэтому, онъ сильно настаиваетъ на томъ, что контрибуціи ни въ какомъ случаѣ неравносильны конфискаціи, которая, «непосредственно направлена противъ самой сущности права собственности»; между тѣмъ какъ въ основаніи контрибуцій лежитъ признаніе неприкосновенности частной собственности. Кромѣ того, контрибуціи налагаются на всѣхъ гражданъ равномѣрно, конфискація же является несправедливостью, насиліемъ противъ одного, или нѣсколькихъ. Но не смотря на всѣ эти доводы, право непріятельскаго государства налагать контрибуціи лишено, по нашему мнѣнію, всякаго основанія. Видари, разумѣется, не держится мнѣнія Отфеля, что контрибуція есть выкупъ права завоевателя на опустошенія и грабежъ [1]), но сознаніе права непріятельскаго государства — привлечь мирныхъ подданныхъ противной, воюющей стороны, къ уплатѣ военныхъ издержекъ — проявляется, совершенно ясно, изъ всѣхъ его разсужденій о настоящемъ вопросѣ. Право, признанное за завоевателемъ, налагать денежныя контрибуціи, во 1-хъ, не вытекаетъ изъ той фактической верховной власти, которой онъ пользуется; и во 2-хъ, признаніе этого права приноситъ частную и общественную собственность въ жертву произволу воюющаго государства. Фактическую, военную власть нельзя распространять безгранично и до бо́льшихъ предѣловъ, чѣмъ простирается власть законная. Послѣдняя же не признаетъ за собою права на произвольное распоряженіе частной и общественной собственностью, и, только на законномъ основаніи, привлекаетъ частныхъ лицъ и подданныхъ къ участію въ государственныхъ расходахъ. Юридическій порядокъ, существовавшій въ странѣ до завоеванія, не отмѣняется возникновеніемъ войны, или чрезъ завоеваніе; слѣдовательно, непріятель, въ силу фактическаго господства, не имѣетъ, строго говоря, больше правъ и преимуществъ, чѣмъ законная верховная власть. Только крайняя необходимость, благоденствіе и безопасность оккупаціонныхъ войскъ могутъ служить, какъ это нами уже доказано, извиненіями

guerra, che quel belligerante, il quale *di fatto* occupa tutto o in parte il territorio nemico, ha incontestabile diritto all'esercizio provvisorio della sovranità, epperò di imporre nuove gravezze e contribuzioni».

[1]) Hautefeuille. Questions du droit maritime international, p. 81, 178.

за неотложное нарушеніе правъ частныхъ лицъ. И такъ какъ Видари и Пинейро-Феррейро оправдываютъ контрибуціи, на основаніи заступленія завоевателемъ мѣста и правъ прежней верховной власти, то очевидно, что воюющій никогда не имѣетъ такого права, относительно частныхъ лицъ. Нельзя согласиться также съ мнѣніемъ Массе, что воюющее государство должно существовать на счетъ завоеванной территоріи, и непріятельская армія нисколько не обязана платить издержки войны, или «дать ихъ въ «ссуду», и, что поэтому, «законъ необходимости» разрѣшаетъ налагать контрибуціи на завоеванную территорію [1]). Изъ этихъ словъ прямо вытекаетъ прежнее варварское правило войны, разрѣшавшее воюющему жить на счетъ мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства. Такой взглядъ на права воюющихъ государствъ, въ устахъ Массе, кажется довольно загадочнымъ, если принять въ соображеніе ту ясность и безпристрастность, которую онъ выказываетъ, при обсужденіи имущественныхъ правъ частныхъ лицъ, во время войны. Реквизиціи дѣйствительно зиждятся въ фактической верховной власти завоевателя, который, за охраненіе порядка, можетъ требовать отъ населенія отправленія извѣстныхъ повинностей и поставки вещей, ему необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, вызванныхъ мѣстными условіями, на чужой территоріи. Контрибуція же, какъ взысканіе денежныхъ суммъ, не можетъ основываться на фактической власти непріятеля, потому что даже законная верховная власть не прибѣгаетъ къ такому произвольному взысканію денежныхъ суммъ. Завоеватель имѣетъ право требовать отъ населенія внесенія ему податей и налоговъ, уплата которыхъ приходится во время осуществленія имъ верховной власти, но налагать, самостоятельно, налоги и подати, опредѣляемыя всегда законно-установленной властью, непріятель не имѣетъ никакого права. Нѣтъ сомнѣнія, что деньги также крайне нужны для завоевателя, но мы не видимъ, на его сторонѣ, права взыскивать съ беззащитныхъ частныхъ лицъ контрибуцій, на уплату своихъ военныхъ расходовъ [2]), такъ какъ о выкупѣ права на опустошенія

[1]) Massé. Droit commercial, p. 125: «comme il faut qu'une armée subsiste en pays ennemi» etc.

[2]) Другаго мнѣнія держится также *Galiani* (De'doveri, p. 273) «Per il dippiù dé popoli soggiati non trovo ingiusto, che cò tributi, e non nuove imposizioni regolatamente distribuite sian soggettati, per quanto possone, a *rifare*

не можетъ быть и рѣчи. Подобно тому, какъ завоевателю современное право войны отказываетъ въ правѣ принуждать жителей непріятельской территоріи ко вступленію въ свои войска, такъ точно нельзя ихъ привлечь къ участію въ покрытіи военныхъ издержекъ. Контрибуціи, если они даже вызваны недостаткомъ въ деньгахъ, не могутъ быть оправдываемы военной необходимостью, ибо дѣло воюющаго государства, а не частныхъ лицъ, нести расходы войны. Контрибуціи, налагаемыя для покрытія военныхъ издержекъ, не связаны съ мѣстными условіями въ завоеванной области; слѣдовательно, только на все непріятельское государство можетъ быть наложена побѣдителемъ обязанность внести требуемую имъ сумму. Наконецъ практика [1]), даже новѣйшая, доказываетъ насколько право контрибуцій даетъ просторъ самому широкому произволу и чувству мести. Между тѣмъ какъ, во время послѣдней войны 1866 г., права частныхъ лицъ были соблюдаемы съ небывалымъ, въ лѣтописяхъ войны, безпристрастіемъ и уваженіемъ, контрибуціи были наложены, въ самыхъ разорительныхъ размѣрахъ. Извѣстно, что Пруссія требовала съ Франкфурта на Майнѣ внесенія громадной контрибуціи, и всеобщее негодованіе вызванное, поведеніемъ прусскаго правительства, доказало ясно, насколько противно современному правосознанію обрушиваніе, со стороны могущественнаго непріятеля, на беззащитныхъ и безсильныхъ, своей мести и ненависти. Такимъ образомъ контрибуціи, лишенныя своего юридическаго основанія, не имѣютъ въ настоящее время, права на существованіе. Контрибуціи, вполнѣ, пригодны для парализированія признанной неприкосновенности частной собственности, и, поэтому, несогласны съ принципами современнаго права войны и съ условіями развитія международной жизни цивилизованныхъ народовъ. Можно надѣяться, что болѣе основательное и всестороннее обсужденіе права наложенія контрибуцій приведетъ, вскорѣ, къ лучшему выясненію правъ завоевателя и мирнаго населенія, на завоеванной территоріи.

Этимъ, мы окончили первую часть нашего труда и перехо-

---

le spese della guerra, gianchè fin trà privati le leggi condannano a pagar le spese della lite colui, che ingiustamente la mosse: *ma tral contribuire e l'esser spogliato vi è differenza grande*».

[1]) Garden, Histoire générale des traités de paix etc, tome X, p. 276 etc. Извѣстны контрибуціи, наложенныя Наполеономъ I на Пруссію.

димъ ко второй, которая представляетъ гораздо больше неопредѣленности и неясностей. Поступательное развитіе международной жизни и права, убѣдили насъ въ той истинѣ, что неприкосновенность непріятельской частной собственности сознается, какъ на практикѣ войны, такъ и защищается лучшими представителями науки международнаго права. Основательность этого принципа подтверждается, еще больше, въ самопротиворѣчіяхъ его противниковъ. Изслѣдованіе основанія государственной и частной жизни человѣка, въ прогрессивномъ ея развитіи, привело насъ къ положенію, что неприкосновенность частной собственности, давно сознанная въ жизни, есть неотъемлемое *право* частныхъ лицъ, или jus strictum современнаго международнаго права. Тѣсная неразрывная связь между жизнью и правомъ и ихъ обоюднымъ развитіемъ, на что мы желали указать, при разсмотрѣніи каждаго отдѣльнаго вопроса, придала положительную, неразрушимую основу праву частныхъ лицъ на неприкосновенность сферы своей частной жизни и имущественныхъ отношеній. Это право выработано жизнью, и требуется правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ; поэтому, пока не измѣнятся условія жизни и идея права не укажетъ на иную цѣль, чѣмъ всеобъемлющее развитіе человѣка—право неприкосновенности частной собственности, во время войны между государствами, есть положительно-обязательный законъ современнаго международнаго права.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

О ПРАВАХЪ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ НА МОРѢ.

Изслѣдованіе положенія и правъ частной собственности, во время войны на сушѣ, привело къ положительному и неопровержимому принципу неприкосновенности имущественныхъ отношеній частныхъ лицъ. Если это право неприкосновенности, дѣйствительно, вытекаетъ изъ историческаго развитія международной жизни и международнаго права, если оно требуется условіями прогрессивнаго развитія того и другаго, и притомъ, зиждется на правосознаніи современныхъ цивилизованныхъ народовъ, то разумѣется само собою, соблюденіе права неприкосновенности частной собственности обязательно для воюющихъ государствъ во время войны вообще, т. е. какъ сухопутной, такъ и морской. Въ дѣйствительности же представляется слѣдующая аномалія: въ то время, когда на сушѣ военные обычаи и законы признаютъ право частныхъ лицъ, частная собственность подвергается на морѣ—въ области вѣчно свободной и нейтральной—захвату и конфискаціи, со стороны непріятельскихъ государствъ. Собственность частныхъ лицъ считается неприкосновенной, пока находится въ кладовыхъ, магазинахъ, и даже на корабляхъ застигнутыхъ возникновеніемъ войны, въ гаваняхъ непріятеля. Но какъ только таже собственность застигнута воюющимъ въ открытомъ морѣ, тогда корабль и грузъ, изъ чего бы онъ не состоялъ, объявляются законнымъ призомъ, и частное лицо лишается, на всегда, своего имущества. Кромѣ того, морская война представляла, до позднѣйшаго времени, еще одну своеобразность, которая имѣла весьма пагубное вліяніе на развитіе морскаго международнаго права, чѣмъ и объясняется, отчасти, нарушеніе правъ частныхъ лицъ во время войны на морѣ. На сушѣ война ведется уже съ XVI ст. постоянными вой-

скими, или представителями правильно—организованныхъ вооруженныхъ силъ государствъ, – въ морской же войнѣ, до послѣдняго времени, принимали участіе частныя лица: каперы или корсары, которые, на свой счетъ, снаряжали корабли и, въ свою пользу, грабили мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства. Такимъ путемъ къ возвышеннымъ чувствамъ патріотизма, которымъ должны быть воодушевлены защитники отечества, примѣшивались низкіе мотивы корыстолюбія и алчности, которыми, обыкновенно, воодушевлены каперы, или эти вольные промышленники. Весьма понятно, что уже давно вниманіе публицистовъ и государственныхъ людей было обращено на изслѣдованіе тѣхъ причинъ, которыя могли быть приведены въ оправданіе захвата частной собственности на морѣ тогда, когда ея неприкосновенность признана международнымъ правомъ, во время сухопутныхъ войнъ. До настоящаго времени продолжаются жаркіе споры между публицистами объ этомъ предметѣ, и захватъ, и конфискація частной собственности остались въ полной силѣ. Чтобы придти къ положительному, юридическому рѣшенію вопроса, необходимо признать одно изъ двухъ: или война дѣйствительно есть отношеніе государства къ государству – тогда права частныхъ лицъ должны быть уважаемы воюющими сторонами; или же война есть bellum omnium contra omnes, и существуетъ, слѣдовательно, между всѣми отдѣльными гражданами воюющихъ державъ. Если доказано первое, то неприкосновенность права частной собственности должно считать неопровержимымъ принципомъ современнаго права войны, будь она сухопутная, или морская все равно. Средняго, между безусловнымъ признаніемъ этого принципа и его отрицаніемъ, нѣтъ. Однако, можетъ быть, между войною на сушѣ и на морѣ есть такая существенная разница, что рѣшительно невозможно примѣнить тѣ же начала и тотъ же масштабъ ко второй, который пригоденъ для перваго рода войны? Дѣйствительно, нѣкоторые публицисты говорятъ о какихъ-то основныхъ различіяхъ, существующихъ, будто бы, между непріятельской частной собственностью на сушѣ и на корабляхъ, и, на основаніи этого, отказываются примѣнить вышеупомянутый принципъ къ морской войнѣ. Разсмотрѣніе этихъ существенно различныхъ качествъ частныхъ имуществъ на морѣ, которыми доказывается справедливость и необходимость ихъ захвата и конфискаціи, составитъ пред-

метъ послѣдующаго критическаго изслѣдованія. Но международная жизнь и право не только что не дошли до установленія на морѣ уваженія права неприкосновенности *непріятельской* частной собственности, но даже *нейтральная* частная собственность подвергалась, въ извѣстныхъ случаяхъ и еще въ очень недавнее время, произвольному захвату, со стороны воюющихъ державъ. Корабли нейтральные, которые, по общепринятой фикціи, считаются какъ бы движимой частью нейтральной территоріи, и поэтому флагъ ихъ долженъ бы былъ обезпечить за ними неприкосновенность, все-таки объявлялись, смотря по желанію могущественнаго воюющаго, законными призами и конфисковывались. Обращаясь къ развитію международнаго права, нельзя не придти къ убѣжденію, что согласно поступательному выясненію неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ народовъ, ограничивается произволъ воюющихъ державъ, и крѣпнетъ сознаніе правъ частныхъ лицъ или некомбатантовъ. Нейтральныя государства являются, во время войны, защитниками благъ мира и стремятся, притомъ, къ смягченію бѣдствій войны. Нельзя не видѣть, какъ нейтральныя государства и нейтральные корабли служили постояннымъ убѣжищемъ и опорою для частныхъ лицъ — подданныхъ воюющихъ державъ, и какъ они, подъ покровительствомъ нейтральныхъ, продолжали свои мирныя, торговыя сношенія. Чѣмъ лучше сознаются и уважаются права нейтралитета, тѣмъ неотразимѣе выясняется современная идея войны, или другими словами: всякій успѣхъ нейтральнаго флага на пути къ признанію, со стороны воюющихъ державъ, его полной неприкосновенности, является прогрессомъ въ выясненіи правъ частныхъ лицъ и частной собственности. Такимъ образомъ историческое развитіе правъ нейтральныхъ составляетъ какъ бы генетическое введеніе къ разсмотрѣнію каперства и захвата непріятельской частной собственности на морѣ. На этомъ основаніи, мы отступаемъ отъ общепринятаго порядка изложенія, и представимъ, прежде всего, очеркъ развитія правъ нейтральныхъ, а затѣмъ, разсмотримъ каперство и захватъ частной собственности мирныхъ подданныхъ воюющихъ государствъ. Наконецъ, выяснивъ право частныхъ лицъ на неприкосновенность своихъ имуществъ, необходимо опредѣлить: насколько ученіе о военной контрабандѣ и право блокады могутъ имѣть вліяніе на осуществленіе этого права.

ГЛАВА IV.

О ПРАВАХЪ НЕЙТРАЛЬНЫХЪ ДЕРЖАВЪ, И, ВЪ ОСОБЕННОСТИ, НЕЙТРАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ.

Подъ нейтралитетомъ разумѣютъ, въ международномъ правѣ, положеніе, въ которомъ находятся государства, непринимающія никакого участія въ войнѣ, существующей между другими державами. Слѣдовательно, государство нейтральное поддерживаетъ, для своихъ интересовъ, господствующій правовой порядокъ и миръ, поэтому является, въ отношеніи къ воюющимъ государствамъ, элементомъ консервативнымъ, который ограничиваетъ порывы насилія и произвола воюющихъ. Такъ какъ нейтральное государство остается въ одинаковыхъ мирныхъ и дружескихъ отношеніяхъ къ воюющимъ, то всѣ права и преимущества, которыя на основаніи международнаго права или спеціальныхъ трактатовъ, признаются за нимъ, должны быть уважаемы воюющими державами. Такъ нейтральныя государства сохраняютъ свои права независимости, равенства, чести, неприкосновенности территоріи и т. д.; слѣдовательно все, что пользуется законнымъ покровительствомъ верховной власти нейтральнаго государства, воюющія должны считать неприкосновеннымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что нейтральная собственность, гдѣ бы она не находилась, всегда должна считаться свободной отъ захвата. Право добычи не можетъ имѣть мѣсто, относительно нейтральныхъ имуществъ [1]). Но съ другой стороны, нейтральныя имѣютъ также свои обязанности, относительно воюющихъ государствъ. Нейтральныя державы обязаны воздерживаться отъ всякаго непріятельскаго дѣйствія, противъ воюющихъ, и, во всѣхъ сношеніяхъ, высказывать полное къ нимъ безпристрастіе. «Нейтральное государство», опредѣлилъ весьма мѣтко Клюберъ: «во время войны, ни судья, ни сторона» [2]), и поэтому, оно не должно вмѣшиваться въ распрю воюющихъ. Слѣдовательно, всякое дѣйствіе, чрезъ которое нейтральный вмѣшивается въ войну, лишаетъ его правъ и преимуществъ ней-

[1]) Heffter Völkerrecht, S. 269.

[2]) Klüber Droit des gens, § 284: «Un état neutre n'est, dans la guerre, ni juge, ni partie».

Hautefeuille Des droit et devoirs des neutres, 2 éd. T. I, p. 211.

Phillimore's. Internat. Law. Vol. III, p. 201.

тралитета, и ставитъ его въ положеніе воюющаго или непріятеля. Нейтральные имѣютъ неотъемлемое право на продолженіе своихъ мирныхъ, торговыхъ сношеній съ воюющими государствами, насколько, разумѣется, послѣднія не ограничиваютъ ихъ сами. Если же нейтральные, напр., подвозомъ предметовъ военной контрабанды, принимаютъ непосредственное участіе въ войнѣ, то воюющія державы не обязаны уважать свободу торговли нейтральныхъ, и нейтральная собственность подвергается опасности конфискаціи.—Однако, какъ ни естественны всѣ эти положенія, вытекающія изъ сущности нейтралитета, какъ ни очевидно право нейтральныхъ на свободу торговли съ воюющими государствами, историческое развитіе права нейтральной торговли указываетъ, самымъ неопровержимымъ образомъ, что нигдѣ могущественныя воюющія державы не совершали такихъ вопіющихъ насилій, какъ въ отношеніи слабѣйшихъ нейтральныхъ народовъ. Произволъ великихъ морскихъ державъ доходилъ то того, что нейтральнымъ, самодержавнымъ государствамъ, воюющія предписывали законы, опредѣлявшіе права нейтральной торговли, въ сношеніяхъ съ ихъ противниками.

I. Историческое развитіе права нейтралитета и нейтральной торговли.

Исторію нейтралитета, а за нею нейтральной торговли, по ходу ихъ развитія, можно раздѣлить на два періода. Первый періодъ получаетъ начало со временъ древнихъ народовъ, и продолжается до перваго вооруженнаго нейтралитета 1780 г., второй до Парижскаго конгресса 1856 г.

Періодъ I. Отъ временъ древняго міра до перваго вооруженнаго нейтралитета 1780 г.

У древнихъ народовъ, во времена безусловнаго господства грубой силы, не могло возникнуть понятіе о нейтральныхъ; они не имѣли слова для выраженія этого понятія [1]). Во время мира и войны, права человѣка признавались только за союзниками, на основаніи особаго соглашенія. Поэтому, когда возникла меж-

[1]) *Ливій* говоритъ о нейтральныхъ: «*qui bello se non interponant*»; затѣмъ употреблялось выраженіе :«*in bello medius*».

Гроцій говоритъ о «*medii*». (Ср. *Phillimore*, III. p. 202 etc.).

ду народами война, то народъ, непринимавшій въ ней никакого непосредственнаго участія, и не состоявшій въ отношеніяхъ союзника съ однимъ изъ воюющихъ, не могъ все же избѣгнуть непріязненныхъ дѣйствій, со стороны воюющихъ государствъ. Такъ напр., аѳиняне, во время войны, захватывали, съ помощью частныхъ лицъ, не только корабли непріятеля, но даже такія суда, на которыя они не имѣли никакихъ претензій и никакого права [1]). Римляне, какъ утверждаетъ Миллеръ-Іохмусъ, также не знали правъ нейтралитета, и нейтральные корабли дѣлались всегда законной добычею сильнѣйшаго [2]). На этомъ основаніи, мнѣніе Отфеля, что права нейтральныхъ не нарушались древними народами, почему и не упоминается о нихъ въ источникахъ [3]),—кажется намъ парадоксальнымъ и совершенно бездоказательнымъ. Источники не сообщаютъ о нарушеніяхъ правъ нейтральныхъ народовъ, потому что такихъ народовъ несуществовало: были или союзники или, лишенные всякихъ правъ, враги. Только въ средніе вѣка проявляется сознаніе правъ нейтральныхъ государствъ и необходимость ограниченія произвола воюющихъ. Это время представляется намъ, съ одной стороны, ареною жестокихъ частныхъ войнъ, въ которыхъ необузданная воля отдѣльныхъ лицъ находила себѣ желанный исходъ, съ другой же— государства начинаютъ постепенно приходить къ самосознанію и самоопредѣленію. Тамъ, гдѣ господствуетъ неограниченный индивидуализмъ, не существуетъ никакого различія между нейтральными и непріятелемъ: воюющіе не знали мирныхъ подданныхъ непріятеля и не считали нужнымъ уважать права нейтральныхъ. Иное, находимъ мы, въ войнахъ между государствами: права нейтральныхъ государствъ не только что нарушаются рѣдко, но имъ придается, со стороны непріязненныхъ государствъ, такое значеніе, которымъ нейтральнымъ мало приходится пользоваться, даже въ настоящее время. При возникновеніи между государствами какого-нибудь недоразумѣнія, они обращались къ непричастнымъ монархамъ, съ предложеніемъ рѣшить, по совѣсти, возникшій споръ [4]). Уардъ замѣчаетъ при

[1]) Müller Iochmus Geschichte des Völkerrechts im Alterthum. S. 242.

[2]) ibidem. S. 265.

[3]) Hautefeuille Des droits et devoirs des neutres. T. I. p. 194. II p. 25.

[4]) R. Ward Enquiry into the foundation and history—Vol. I, p. 323: «*The custom of appealing to neutral powers*» опредѣляетъ онъ этотъ обычай.

этомъ, что не только изъ желанія обезпечить себѣ, въ случаѣ надобности, помощь другаго государства, но главнымъ образомъ, изъ чувства взаимной связи, государства считали нужнымъ представлять на третейскій судъ нейтральныхъ государствъ, происшедшее недоразумѣніе. Это замѣчательное явленіе, въ средневѣковой жизни народовъ, приводитъ на мысль, что сознаніе правъ нейтральныхъ стоитъ въ тѣсной связи, съ развитіемъ общественной жизни и идеи государства. И въ самомъ дѣлѣ, пока верховная власть походила на тѣнь, засѣдающую на престолѣ, анархія продолжала господствовать на сушѣ и на морѣ: безпрестанныя, международныя войны, набѣги и хищничества господствовали въ ужасныхъ размѣрахъ. Только съ паденіемъ феодализма, верховная власть одерживаетъ побѣду надъ индивидуальнымъ самоуправствомъ, и объявленіе международной войны обращается въ прерогативу монарха. Незыблемымъ и естественнымъ основаніемъ государственной власти представляется земля, территорія, и потому государство, прежде всего, прекращаетъ на ней господство анархіи и возстановляетъ свой авторитетъ. На морѣ, напротивъ, владычество законовъ долго не могло установиться, и, на этой свободной, необъятной стихіи, личная храбрость и смѣлость превратились въ разбой и неограниченное самоуправство. Лицо, считавшее себя обиженнымъ чужестранцемъ, отправлялось въ море, чтобы захватить или корабли той націи, членъ которой нанесъ ему обиду, или же всякій попавшійся ему на встрѣчу корабль, съ которымъ оно въ состояніи было справиться. Этимъ воинственнымъ духомъ своихъ подданныхъ пользовались государства, и поощряли непріязненныя дѣйствія частныхъ лицъ, противъ подданныхъ непріятельскаго государства— что и положило начало каперству. Такимъ образомъ, анархія и произволъ, вытѣсненные съ суши, успѣли, благодаря поощренію, со стороны самихъ государствъ, водвориться на морѣ. Между тѣмъ развитіе торговыхъ сообщеній, въ особенности, на Средиземномъ морѣ, между итальянскими и испанскими городами, вызвало составленіе народнаго сборника господствовавшихъ около XIV ст. морскихъ обычаевъ. Consolato del Mare знакомитъ насъ съ первыми юридическими понятіями о морскомъ международномъ правѣ и о нейтральной торговлѣ [1]). Не упоминая, ни

[1]) Срав. вообще *Pardessus*. Collection des lois maritimes antérieures au dix—huitième siècle, tome II p. 303—307.

о военной контрабандѣ, ни о блокадѣ, онъ выставляетъ, относительно торговли нейтральныхъ подданныхъ, слѣдующія правила: во 1-хъ, грузъ, принадлежащій непріятелю и находящійся на дружескомъ кораблѣ, подлежитъ захвату и конфискаціи, какъ законный призъ. Но хозяину корабля выплачиваются захватителемъ деньги, слѣдуемыя за фрахтъ товаровъ, какъ бы онъ ихъ доставилъ къ мѣсту первоначальнаго назначенія. Во 2-хъ, если товары принадлежатъ друзьямъ, но находятся на непріятельскомъ кораблѣ, то они не подлежатъ конфискаціи и, наконецъ, въ 3-хъ, нейтральные собственники товаровъ, на задержанномъ каперами непріятельскомъ кораблѣ, могутъ его выкупить. Если же не состоится соглашеніе между корсарами и нейтральными купцами, въ такомъ случаѣ, первые имѣютъ право отвести свой призъ, куда пожелаютъ и, кромѣ того, имѣютъ право на слѣдуемыя съ нейтральныхъ, за провозъ ихъ товаровъ, деньги. Если товары не пришли по назначенію, то это относится къ винѣ самихъ собственниковъ, которые не пожелали выкупить корабль. Въ этомъ заключается сущность опредѣленій Consolato del Mare объ отношеніяхъ между воюющими и нейтральными. Принимая въ соображеніе время изданія сборника, которое, впрочемъ, еще не опредѣлено точнымъ образомъ, нельзя отрицать, что выставленныя имъ правила представляются шагомъ впередъ, на пути къ выясненію взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ и нейтральныхъ. Въ то время, когда произволъ и своеволіе воцарились на моряхъ, когда отъ права сильнѣйшаго зависѣло уваженіе правъ нейтральныхъ, требованіе Consolato, чтобы товары друзей не конфисковались бы на непріятельскомъ кораблѣ—обнаруживаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, возникновеніе сознанія правъ нейтральныхъ и первые зачатки чувства справедливости. Но нельзя согласиться съ британскими публицистами, которые считаютъ эти постановленія знаменитаго сборника «вѣчными и неизмѣнными законами международнаго права» [1]). Consolato былъ сборникъ морскихъ обычаевъ, составленный неоффиціальнымъ образомъ и неизвѣстно даже кѣмъ; если же за его опредѣленіями признать силу положительныхъ международныхъ законовъ, то во 1-хъ, необходимо, чтобы онъ былъ принятъ народами, въ

[1]) Phillimore's Inter. Law, vol. III, p. 245, etc.
Wildmann's Inter. Law, v. II p. 136.
Wheaton's. Elements of Int. Law. § 444, etc.

заключенныхъ трактатахъ и въ установившихся международныхъ обычаяхъ, и во 2-хъ, требуется, чтобы его постановленія соотвѣтствовали бы условіямъ развитія международной жизни, и не противорѣчили бы сознанію права. Но такъ какъ жизнь постоянно развивается, какъ и право, то очевидно, что постановленія Consolato del Mare, изданнаго въ XIV или XV ст., не могли быть «вѣчными» законами международнаго права. Кромѣ того, содержащіяся въ сборникѣ опредѣленія правъ и обязанностей нейтральныхъ, далеко не соотвѣтствуютъ всѣмъ условіямъ, чтобы сдѣлаться законами международнаго права. Правда, мы встрѣчаемъ много трактатовъ, составленныхъ совершенно согласно системѣ Consolato, и освящающихъ ту истину, что товары нейтральныхъ народовъ не могутъ быть конфискованы на непріятельскомъ кораблѣ; но за то, можно найти множество и такихъ договоровъ, которые постановляютъ противоположное правило [1]). Наконецъ, актами внутренняго законодательства разрѣшено было конфисковать нейтральные товары на непріятельскомъ кораблѣ, и нейтральные корабли съ непріятельскимъ грузомъ. Принципъ неприкосновенности нейтральной собственности, на непріятельскомъ кораблѣ, былъ принятъ въ двухъ замѣчательныхъ трактатахъ; первый изъ нихъ заключенъ въ 1351 г. Эдуардомъ III, королемъ англійскимъ, съ кастильскими и бискайскими провинціями и торговыми городами, второй—въ 1353 г. тѣмъ же королемъ съ португальскими городами (Лиссабонъ и Порто) [2]). Напротивъ, трактатъ, заключенный въ 1406 г., между королемъ англійскимъ Генрихомъ IV и герцогомъ бургундскимъ утвердилъ законность конфискаціи непріятельской собственности, находящейся подъ нейтральнымъ флагомъ [3]). Этотъ трактатъ, возобновленный въ 1417, 1426 и 1478 годахъ, удержалъ вышеупомянутое правило, которое затѣмъ было повторено во многихъ трактатахъ, заключенныхъ Англіею съ континен

[1]) Azuni. Droit maritime de l'Europe. Paris 1805. Tome II, p. 251, etc.

[2]) Rymer. Foedera, conventiones, etc. tom. III, p. 71, 88.

[3]) Hautefeuille—Des droits et devoirs, II, p. 308. Въ самомъ трактатѣ сказано: «Les marchands maistres des nief et mariniers du dit pays de Flandres ou demeurant en Flandres ne amèneront, par fraude ne couleur quelconque, aucuns biens ou marchandises des ennemis des Anglois par mer; et, en cas, qu'ils en seront demandés par aucuns escumeurs ou autres gens de la partie d'Angleterre, ils en feront une bonne et juste confession.» *(Rymer* III, p. 88).

тальными державами. Изъ этого видно, что система Consolato получила, на первыхъ порахъ, примѣненіе на практикѣ, и образовала общее правило, что нейтральный флагъ не покрываетъ непріятельскій грузъ. Это правило измѣнила могущественная Ганза, въ трактатахъ, заключенныхъ съ Франціею и другими державами; такъ, короли французскіе: Людовикъ XI въ 1461 и 1484 г., Карлъ VIII въ 1489 г., Францискъ I въ 1536 г. и Генрихъ II въ 1552 г. признавали за ганзейскими кораблями и товарами «привилегію» полной неприкосновенности; такимъ образомъ, товары ганзейскихъ купцовъ были свободны отъ захвата на непріятельскомъ кораблѣ (la robe de l'ennemi ne confisque pas la robe de l'ami), и кромѣ того, ганзейскій нейтральный флагъ покрывалъ непріятельскій грузъ, (le pavillon couvre la cargaison). Такія уступки, со стороны Франціи и Нидерландовъ, признавшихъ тѣ же преимущества за Ганзою, дѣйствительно можно назвать привилегіями, если принять въ соображеніе поведеніе французскаго и нидерландскаго правительствъ, относительно другихъ, менѣе сильныхъ державъ. Акты внутренняго законодательства, хотя и не составляютъ непосредственнаго источника международнаго права, но важны потому, во 1-хъ, что обнаруживаютъ взглядъ даннаго государства на взаимныя международныя отношенія, права и обязанности, и во 2-хъ, опредѣляютъ отношенія подданныхъ къ другимъ народамъ. На этомъ основаніи, заслуживаютъ особеннаго вниманія французскіе королевскіе эдикты 1538, 1543 и 1584 г.г., которыми разрѣшалась французскимъ гражданамъ конфискація, не только непріятельской собственности, но даже нейтральные корабли, на которыхъ она находилась, были объявлены законными призами. Мало того, въ силу этихъ эдиктовъ, конфисковали, нарушая Consolato, даже непріятельскіе корабли, со всѣмъ грузомъ, не отличая нейтральнаго отъ непріятельскаго [1]). Эти опредѣленія, провозглашенныя Франціею въ трехъ законодательныхъ актахъ, съ весьма незначительными измѣненіями, вызываютъ невольно вопросъ: чѣмъ объяснить себѣ такое явное отступленіе отъ системы Consolato, нашедшей прецедентовъ и въ заключенныхъ самой Франціею трактатахъ? Никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, что законы государствъ,

[1]) Gessner. Droit des neutres sur mer. p. 31.
Massé. Droit commercial, tome I, § 231.

опредѣляющіе международныя отношенія являются также, весьма часто, продуктами, случайныхъ политическихъ соображеній, эгоистическихъ стремленій и замысловъ. Такъ какъ на этихъ политическихъ комбинаціяхъ все-таки отражается вліяніе внѣшнихъ обстоятельствъ и событій, которыя даютъ толчокъ историческому развитію жизни народовъ, то, съ перемѣною склада жизни, измѣняются, также, господствующее право и юридическія положительныя опредѣленія. Законодательство данной минуты опредѣляетъ, согласно вышеприведеннымъ факторамъ, международныя отношенія, слѣдовательно несовсѣмъ произвольно, какъ это кажется съ перваго взгляда. Послѣдующимъ законодателямъ предстоитъ обязанность отмѣнить то, что опровергнуто жизнью и общественнымъ сознаніемъ права. Такимъ образомъ и вышеприведенные французскіе эдикты не лишены основанія.

Въ концѣ XV ст. совершилось открытіе Колумбомъ Америки и послѣдующее, вслѣдствіе этого, небывалое движеніе въ международной жизни отразилось также на развитіи нейтральной торговли. Громадныя пространства были подчинены скипетру европейскихъ торговыхъ народовъ. Природа, богатая изобиліемъ драгоцѣнныхъ металловъ, и дѣвственная почва новаго свѣта вызвали въ народахъ алчное желаніе завладѣть, исключительно для себя, необъятными землями. Изъ-за матеріальныхъ, эгоистическихъ цѣлей, въ народахъ, до крайней степени, развился духъ торговаго соперничества, который не могъ не привести къ частымъ международнымъ столкновеніямъ и насиліямъ,— вѣдь память о временахъ господства кулачнаго права была еще такъ свѣжа! Соперничество, приводящее къ соревнованію, вызвало взаимную ненависть, а пытливость, служащая обыкновенно дѣлу человѣческаго прогресса, превратилась въ безпощадное угнетеніе слабѣйшихъ. Чѣмъ шире распространялись торговыя сношенія, тѣмъ чаще возникали международныя столкновенія и войны. На волнахъ океана безпрестанно встрѣчались народы, преслѣдующіе одну и ту же цѣль, и для которыхъ, слѣдовательно, всякій другой являлся опасною помѣхою и личнымъ ненавистнымъ врагомъ. Настало время жестокихъ, продолжительныхъ войнъ между государствами, въ которыя еще не могло проникнуть сознаніе солидарности и необходимаго стремленія къ одной общей цѣли: развитіе единаго, во многомъ.

Изъ-за торговыхъ интересовъ велись самыя ожесточенныя войны; для развитія торговли предприняты были завоеванія, отличающіяся строгимъ и послѣдовательнымъ осуществленіемъ начала, что цѣль оправдываетъ средства. Очевидно, что въ такое время интересы нейтральныхъ, предъявляющихъ право на безпрепятственное продолженіе своихъ торговыхъ сообщеній съ воюющими, и ограничивающихъ, такимъ образомъ, ихъ произволъ, не могли пользоваться необходимой неприкосновенностью. Права нейтральныхъ нарушались открыто, и никакіе трактаты, или начала справедливости не могли устоять, противъ насильственныхъ дѣйствій воюющихъ государствъ [1]). Однако, нельзя согласиться съ мнѣніемъ Отфеля, что цѣлью этихъ коммерческихъ войнъ было желаніе вредить не непріятелю, но нейтральнымъ [2]). Въ пользу своего оригинальнаго взгляда, Отфель не приводитъ никакихъ данныхъ, и, намъ кажется, что ихъ не существуетъ. Нарушенія правъ нейтральныхъ объясняются просто тѣмъ, что они являются естественнымъ и самымъ дѣйствительнымъ тормазомъ, удерживающимъ произволъ и насиліи воюющихъ государствъ. Непосредственнымъ результатомъ упомянутаго движенія въ международной жизни явилась, кромѣ того, извѣстная *колоніальная система*, которая установила, въ самыя узкія рамки, торговыя сношенія метрополіи съ колоніями, стараясь исключить, по возможности и всѣми средствами, всякое постороннее вмѣшательство [3]). Этими явленіями въ международной жизни можно себѣ объяснить, довольно удовлетворительно, всѣ тѣ воюющія нарушенія правъ нейтральныхъ, которыя продолжались, въ особенности, съ XVI ст. до заключенія перваго вооруженнаго нейтралитета. Вышеприведенные французскіе эдикты могутъ служить доказательствомъ того, что сильныя державы могли безнаказанно непризнавать никакихъ правъ за нейтральными. Однако, ошибочно было бы думать, что международная жизнь и правосознаніе, въ выясненіи правъ нейтральныхъ въ теченіе XVI, XVII и первой половины XVIII ст.,

[1]) Hautefeuille. Histoire etc. p. 166: «Toute guerre maritime devint une suite d'actes de piraterie, organisés par les gouvernements eux—mêmes, commandes par les souverains».

[2]) ibidem—p. 167.

[3]) Aug. Comte. Philosophie positive, tome VI, p. 138, 140, 425 etc. Bancroft. History of the United—States, vol. II, p. 988 etc.

сдѣлали шагъ назадъ, и, судя по французскимъ эдиктамъ и послѣдовавшимъ имъ подражаніямъ, что, будто бы, настали снова времена варварскихъ войнъ древняго міра, когда нейтральныхъ не было вовсе. Помимо того, что воюющіе стремились въ этомъ періодѣ узаконить принципы, провозглашенные народнымъ смысломъ въ Consolato, сознаніе правъ нейтральныхъ все-таки выказывается неоднократно, и, торжественно ограничиваетъ произволъ воюющихъ.

Не раньше XVI ст. возникли въ отношеніяхъ между европейскими державами первые зачатки политической системы, или сознанія нѣкоторой солидарности интересовъ. Государства, мало по малу, проникаются чувствомъ взаимной связи—къ судьбѣ одного государства другія не могутъ уже относиться равнодушно, и нарушеніе правъ одного вызываетъ опасеніе, со стороны другаго. Государственной власти удается положить конецъ анархіи на морѣ, и, съ этихъ поръ мало по малу, исчезаютъ независимые торговые союзы и города, которые долго продолжали частныя войны и самоуправства. Если война и велась изъ-за торговыхъ интересовъ и предпринималась, съ цѣлью уничтожить торговлю и промышленность соперниковъ, все же государства пришли къ сознанію громаднаго значенія торговли: они признали ее главнымъ источникомъ народнаго богатства. И если, безспорно, торговля возбудила множество ожесточенныхъ войнъ, и была причиною сознательныхъ нарушеній правъ нейтральныхъ, то, съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что развитіе торговли вызвало государства на стремленіе къ болѣе вѣрному обезпеченію ея безопасности. Вмѣсто систематическихъ разбоевъ, совершаемыхъ на морѣ частными лицами, государства высылали въ море свои военные флоты, а дѣйствія каперовъ были подчинены нѣкоторому контролю. Однимъ словомъ, морская война превратилась въ борьбу за народные интересы, и велась на государственныя средства. Если еще присовокупить ко всему этому, зарожденіе въ это же время науки международнаго права и проявляющееся сильное стремленіе къ изученію принциповъ права, тогда станетъ, совершенно понятно, что сознаніе правъ нейтральныхъ поступательно идетъ впередъ, съ развитіемъ государственнаго строя, и общественной и международной жизни. Первый международной трактатъ, который отмѣнилъ систему Consalato del Mare, и обезпечилъ

неприкосновенность непріятельской собственности, подъ нейтральнымъ флагомъ, былъ заключенъ въ 1604 году французскимъ королемъ Генрихомъ IV съ Портою [1]). Подобный же трактатъ былъ заключенъ, нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1612 г.), между Голландіею и Турціею. Франція отказалась въ эдиктѣ 1650 г. отъ провозглашенныхъ ею прежде суровыхъ началъ, относительно нейтральной торговли, и затѣмъ, въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ, принципъ свободы непріятельскаго груза, на нейтральномъ кораблѣ, часто былъ признаваемъ трактатами и, даже, Англіею.—Великобританія занимаетъ совершенно отдѣльное, отъ всѣхъ другихъ государствъ, положеніе въ вопросѣ о нейтральной торговлѣ. Водворивъ внутренній порядокъ и благоустройство раньше всѣхъ континентальныхъ державъ, Англія явилась вскорѣ самостоятельнымъ и сильнымъ государствомъ. Естественное, изолированное положеніе Англіи заставило англійскій народъ сосредоточиться, и дать просторъ свободному развитію національной силы. Къ громадной энергіи и усиліямъ въ достиженіи одной цѣли: благосостоянія и могущества своего отечества,—англичане присоединили эгоистичныя и надменныя отношенія къ другимъ народамъ. Благодаря стойкости народнаго характера и крайней неразборчивости въ средствахъ, при преслѣдованіи своихъ интересовъ и, кромѣ того, другимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ—Великобританія достигла такого могущества и преобладанія на морѣ, какими не пользовалась ни одна держава, ни одинъ народъ, ни въ древнемъ, ни въ новомъ мірѣ. Достаточно сказать, что вліяніе Англіи на развитіе права нейтральной торговли было неотразимо, до позднѣйшаго времени. Англія объявила постояннымъ и положительнымъ закономъ международнаго права постановленія Консолато; а въ измѣненіяхъ этой системы, международными трактатами, она

[1]) Dumont. Corps Diplomatique, tome V, part. II, p. 39: «Voulons et commandons que les marchandises, qui seront chargées à Nolis sur vaisseaux français, appartenantes aux ennemis de notre Porte, ne puissent être prises sous couleur qu'elles sont de nos—dits ennemis, puis qu'ainsi est notre vouloir». (Art. XII). Срав. *Flassan*—Histoire de la diplomatie française, t. II, p. 226. Необходимо замѣтить, что ст. 12. трактата 1604 года, скорѣе можетъ быть понята какъ привилегія, признанная Турціею за французскими подданными. Во всякомъ случаѣ, Порта, а не Франція признала прежде всѣхъ другихъ державъ справедливый принципъ: свободный корабль—свободные товары.—*Wheaton's* Elements, § 446; *Gessner*. Droit des neutres, p. 35.

видѣла произволъ и уклоненіе отъ «сознанныхъ принциповъ». Англія постоянно и неуклонно слѣдовала принципу, что непріятельская собственность конфискуется на нейтральныхъ корабляхъ. Относительно же примѣненія, принятаго Consolato del Mare, правила, англійскіе призовые судьи всегда выказывали удивительную изворотливость и остроуміе, такъ что, если этого требовала собственная выгода, даже нейтральная собственность на непріятельскомъ кораблѣ, была присуждаема, какъ законный призъ, каперу. Только постепенное развитіе морскихъ силъ другихъ европейскихъ державъ, могло положить конецъ вопіющимъ насиліямъ Англіи, надъ несомнѣнными правами независимыхъ государствъ. Безспорное господство Великобританіи на морѣ и громадное развитіе ея торговаго и военнаго флотовъ явились, также, непосредственными послѣдствіями Навигаціоннаго Акта 1651 г.—Эту замѣчательную законодательную мѣру Кромвеля мы не можемъ разсматривать здѣсь съ точки зрѣнія политико-экономической, но, намъ кажется несомнѣннымъ, что принципы международнаго права, о правахъ нейтральной торговли, которые проповѣдывали, въ теченіе вѣковъ, Англія и ея патріотическіе публицисты, имѣютъ своимъ источникомъ ту политику, которая лежитъ въ основаніи Навигаціоннаго Акта. Въ наибольшемъ развитіи своей внѣшней торговли, въ уничтоженіи всякаго соперничества и въ накопленіи громадныхъ богатствъ, на счетъ безсильныхъ и неразвитыхъ народовъ,—вотъ въ чемъ состояла задача англійской политики. Англія стремилась сосредоточить все въ своихъ гаваняхъ, въ своихъ корабляхъ и въ рукахъ своихъ купцовъ! Монополизаціи, какъ торговли, такъ и источниковъ богатствъ, была цѣлью политики британскаго правительства и сущностью меркантильной и колоніальной системъ. Для достиженія этой завѣтной цѣли Великобританія не щадила никакихъ средствъ, войнъ и опустошеній; а съ основаніемъ колоніальной системы, уваженіе правъ нейтральныхъ, или нейтральнаго флага, было несовмѣстимо. Кэри справедливо замѣчаетъ, что, «чѣмъ свободнѣе былъ народъ, «стремящійся въ монополизаціи, тѣмъ меньшей совѣстливостью «отличались средства, пущенныя въ ходъ, для достиженія этой цѣли». «Поэтому», продолжаетъ тотъ же писатель, «ничего нѣтъ «удивительнаго, что именно свободнѣйшему европейскому наро«ду мы обязаны изобрѣтеніемъ этой угнетающей и ужасной ко-

«лоніальной системы [1])». До послѣдняго времени, Великобританія придерживалась того мнѣнія, что англійская торговля можетъ процвѣтать не иначе, какъ на счетъ торговли другихъ народовъ, а поэтому, до пятидесятыхъ годовъ настоящаго вѣка, когда наконецъ было отмѣнено дѣйствіе Навигаціоннаго Акта, поведеніе Англіи относительно нейтральныхъ, представляетъ безпрерывную цѣпь правонарушеній и произвола. Великая истина «науки богатства народовъ», что всякая торговля взаимна, только постепенно успѣла опрокинуть ложныя начала колоніальной системы. Во время господства этой системы, единственнымъ противовѣсомъ нарушеніямъ правъ нейтральныхъ служили, какъ мы это сказали выше, развитіе морскихъ силъ другихъ державъ и, въ особенности, союзы нѣсколькихъ государствъ. Развитіе, на практикѣ, правъ нейтральной торговли распадается на исторію борьбы двухъ группъ европейскихъ государствъ: съ одной стороны — Англія, признающая за нейтральными, настолько правъ, насколько это было согласно съ ея колоніальной системою и торговыми интересами. По этому пути, отчасти пошли впослѣдствіи Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ судьи и публицисты воспитываются по англійскимъ образцамъ. На противоположной сторонѣ стоятъ: Франція, Россія, Пруссія и другія континентальныя державы, которыя, благодаря постоянному антагонизму, обнаруживающемуся, какъ на практикѣ, такъ и въ произведеніяхъ талантливыхъ публицистовъ, противъ проповѣдуемой Англіею безправности нейтральныхъ, стремились неуклонно къ поддержанію неотъемлемыхъ правъ нейтральной торговли и къ выясненію обязанностей воюющихъ государствъ. Весьма благотворно было вліяніе Франціи на развитіе морскаго международнаго права, такъ какъ она почти постоянно, возставала противъ злоупотребленій Англіи правами воюющихъ. Однако, не всегда слѣдовала Франція сознаннымъ ею принципамъ, и не всегда поддерживала признанныя ею права нейтральныхъ. Политическія соображенія и чувство своего дѣйствительнаго, или кажущагося могущества ввели Францію въ весьма крупныя нарушенія правъ нейтральной торговли. Такимъ, нарушающимъ эти права, актомъ является знаменитый морской ордонансъ Людовика XIV, изданный въ 1681 г. «Всѣ

[1]) Carey Socialökonomie. Berlin. 1866. S. 146.

дружескіе корабли», говоритъ этотъ замѣчательный, во многихъ отношеніяхъ, законъ, «на которыхъ находится непріятельская «собственность, и, товары нашихъ подданныхъ или союзниковъ, «на непріятельскомъ кораблѣ, подлежатъ конфискаціи [1]). Этимъ постановленіемъ Людовикъ XIV, въ надеждѣ на свое всемогущество и въ видѣ реакціи, за безпримѣрныя, въ исторіи, насилія Англіи надъ нейтральными, снова отмѣнилъ твердое правило Консолато, и обязалъ свои призовые суда примѣнять правила, что конфискуются: во 1-хъ, нейтральный корабль съ непріятельскимъ грузомъ (le pavillon ne couvre pas la cargaison) и во 2-хъ, нейтральная собственность на непріятельскомъ кораблѣ (la robe de l'ennemi confisque celle d'ami). Изъ точнаго смысла текста очевидно, что ордонансъ касался только собственности подданныхъ и союзниковъ, найденной на непріятельскомъ кораблѣ, потому что ни одно правительство не имѣетъ права предписывать законы нейтральнымъ; слѣдовательно, нейтральные товары, находящіеся на непріятельскомъ кораблѣ, не должны были подлежать захвату. Но Ортоланъ [2]) утверждаетъ, что французскіе судьи не дѣлали этого справедливаго и необходимаго различія, и послѣдовавшее въ 1692 г. разъясненіе 7-й статьи ордонанса подтверждаетъ его мнѣніе [3]). Не смотря на подобное превышеніе власти, со стороны Франціи, начиная съ XVII ст., все болѣе и болѣе установляется, какъ правило нейтральной торговли, то начало, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ (le pavillon couvre la cargaison, или, navire libre, marchandise libre; free ship make free good). Древнее же правило Консолато, по которому непріятельская собственность конфисковалась на нейтральномъ кораблѣ (le navire confisque la cargaison, или, navire ennemi, marchandise ennemie; enemy's ship make enemy's good), мало по малу, выходитъ изъ международной практики. Затѣмъ, въ Рисвикскомъ трактатѣ 1697 г.,

---

[1]) Ordonnance de la marine, liv. III, tit. 9 «des prises», art. 7. Wheaton's. Elements of Int. Law, § 443.

[2]) Ortolan. Diplomatie de la mer, tome II, p. 104. «Mais il est certain que la jurisprudence française, toutes les fois qu'il s'est agi d'appliquer l'article, n'a jamais fait cette distinction».

[3]) Arrêt du Conseil du 26 octobre 1692: «que l'article 7 de l'ordonnance de 1681, au titre des prises, soit exécuté selon sa forme et teneur, sans aucune distinction, modification ni restriction...».

заключенномъ между Франціею, Голландіею, Испаніею и Англіею, также подтверждено правило, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ [1]); но въ регламентѣ 1704 г. Франція снова возстановила, даже съ большей строгостью, главныя постановленія ордонанса 1681 г. Возникшая война, изъ-за испанскаго престолонаслѣдія, дала снова воюющимъ, въ числѣ коихъ были сильнѣйшія морскія державы, поводъ нарушать, самымъ безцеремоннымъ образомъ, права нейтральныхъ. Наконецъ, вслѣдъ за заключеніемъ Утрехтскаго мира въ 1713 г., Англія съ Франціей, Англія съ Голландіею и, наконецъ, Франція съ Голландіею заключили между собою торговые трактаты, которыми принято было за правило, что характеромъ корабля опредѣляется характеръ груза, т. е., что непріятельская собственность на нейтральномъ кораблѣ неприкосновенна, но конфискуются за то нейтральные товары, на непріятельскомъ кораблѣ [2]). Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ этого принципа служили трактаты 1721 и 1739 гг., заключенные между Франціею, Великобританіею и Испаніею [3]). Такимъ образомъ принципъ, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскую собственность можно считать установленнымъ международными трактатами XVII и XVIII ст. Только Англія не могла свыкнуться съ этимъ принципомъ, и, постоянно, устами своихъ государственныхъ людей и призовыхъ судей, провозглашала за неизмѣнное правило международнаго права, постановленіе Consolato del Mare. Между тѣмъ, Великобританія сама нѣсколько разъ отступала отъ означеннаго правила; какъ напр. въ трактатѣ, заключенномъ ею въ 1654 г., съ Португаліею; въ Вестминстерскомъ трактатѣ 1655 г. съ Франціею, возобновленномъ затѣмъ въ 1667 г.; въ другомъ трактатѣ, того же года, заключенномъ ею съ Голландіею, а возобновленномъ въ 1674 г.; затѣмъ въ 1663 г. съ Даніею; въ 1672 г. съ Швеціею и др. Во всѣхъ этихъ трактатахъ, Англія признавала неприкосновенность нейтральнаго флага, хотя бы въ видѣ «благодѣянія» или «привилегіи», относительно нейтральныхъ, какъ увѣряютъ британскіе публицисты. Изъ всего вышесказаннаго, мы видимъ, что, благодаря первому памятнику морскаго международнаго права, неприко-

[1]) Dumont. Corps diplomatique, tome VII, part. 2, p. 386.
[2]) Dumont. Tome VIII, part 1, p. 345, 377.
[3]) Wheaton's. Elements of Inter. Law. § 449.

сновенность нейтральной собственности на непріятельскомъ кораблѣ была обезпечена, и за охраненіе этого правила ратовала Англія, со всѣмъ могуществомъ своихъ громадныхъ флотовъ, поддерживая его постоянно остроуміемъ и замѣчательной изворотливостью своихъ государственныхъ людей и юристовъ. Такъ что, съ этой стороны, неотъемлемое право нейтральныхъ можно было считать признаннымъ. Другое правило, по которому нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, такъ что свободный корабль дѣлаетъ свободною непріятельскую собственность, находило постоянныхъ защитниковъ въ континентальныхъ державахъ и публицистахъ. По свидѣтельству Бюша, этотъ принципъ былъ принятъ до 1780 г. въ 36 трактатахъ, а древнее правило между тѣмъ принято только въ 15 [1]). Хотя, въ трактатахъ къ новому принципу, почти всегда, былъ присовокупляемъ другой, что непріятельскій корабль придаетъ, находящейся на немъ нейтральной собственности непріятельскій характеръ, (enmy's ship make enemy's good), все-таки первое правило получило, на основаніи международнаго согласія, и не смотря на отрицаніе его британскими публицистами, силу международнаго положительнаго закона. Слѣдовательно, задача дальнѣйшаго развитія международной жизни состояла въ соглашеніи этихъ двухъ принциповъ, потому что и тотъ и другой содержали частицу истины, и принятіе древняго, прежняго правила, вмѣстѣ съ новымъ закономъ, было бы полнымъ признаніемъ неотмѣнимыхъ правъ нейтральной торговли. Прежде чѣмъ перейти ко второму періоду и, чтобъ лучше охарактеризовать отношенія Англіи къ правамъ нейтральныхъ, необходимо упомянуть еще объ одной претензіи, которую англійское правительство заявило, во время войны противъ Франціи въ 1756 г. [2]), Франція, какъ и другія державы того времени, сохранила за собою монополію на право торговли съ своими колоніями, и всѣмъ другимъ народамъ безусловно было запрещено вступленіе въ торговыя сношенія съ колоніями, безъ особеннаго разрѣшенія метрополіи. При возникновеніи войны между Англіею и Франціею,

---

[1]) Büsch. Ueber das Bestreben der Völker neuerer Zeit einander in ihren Seekriegen recht wehe zu thun. Hamburg 1800. S. 54 — 84.

[2]) Wheaton's. Elements of Inter. Law. § 508 (665).
Phillimore's. Inter. Law. vol. III p. 298 etc.
Hautefeuille. Histoire du droit marit. inter. p. 330.

послѣдняя предоставила нидерландскимъ купцамъ право вести коммерческія сношенія съ Франціею и французскими колоніями. Англійскій военный флотъ и каперы дѣлали невозможнымъ правильныя, безопасныя торговыя сообщенія, съ помощью французскихъ кораблей, и, потому право это было предоставлено, исключительно, Нидерландамъ, какъ нейтральной державѣ. Голландскіе купцы получили отъ французскаго правительства, въ удостовѣреніе своего права, особенныя письменныя уполномочія (special licences or passes, какъ говоритъ Уитонъ). Между тѣмъ, многіе голландскіе корабли были захвачены англійскими каперами, и объявлены законными призами въ англійскихъ призовыхъ судахъ, на томъ основаніи, что голландскіе корабли, принявшіе уполномочія, приняты вмѣстѣ съ ними въ составъ французскихъ морскихъ силъ (incorporated into the French navigation). Такимъ образомъ, голландскіе купцы отожествляли, будто бы, свои собственные интересы съ цѣлями и интересами французской торговли; и поэтому, изъ нейтральныхъ сдѣлались воюющими.—непріятелями Англіи. Въ силу этого новаго принципа, извѣстнаго подъ названіемъ *правила войны 1756 г.* (Rule of the war of 1756, or of the Seven Year's War), голландскіе корабли англійскими призовыми судьями были объявлены состоящими на службѣ у непріятеля, и pro hac vice собственность непріятельская, на нейтральномъ кораблѣ, подвергалась конфискаціи. Тщетно ссылалась Голландія на свой трактатъ 1675 г. съ Англіею, которымъ былъ принятъ принципъ: «свободный корабль—свободные товары». Великобританія, не смотря на всѣ энергическіе протесты Нидерландовъ, отстаивала свою остроумную аргументацію, что нейтральные, занимающіеся, съ дозволенія воюющаго, во время войны, торговлею, запрещенной имъ въ мирѣ, превращаются вмѣстѣ съ тѣмъ въ подданныхъ воюющаго государства. Въ теченіе войны за освобожденіе Соединенныхъ Штатовъ, Англія не примѣнила вновь придуманное правило, на томъ основаніи, что Франція, предъ возникновеніемъ войны, объявила свое намѣреніе отказаться отъ монопольной торговли съ своими колоніями» [1]); но въ войнѣ 1793 г. противъ Франціи, Великобританія возстановила «правило войны 1756 г..», хотя съ нѣкоторыми измѣненіями и смягченіями. Нельзя не видѣть всю произ-

[1]) Phillimore's. Inter. Law, III, § 216 (p. 301).

вольность подобнаго рода толкованія принциповъ международнаго права и правъ воюющихъ. И дѣйствительно, насилія и вопіющія нарушенія правъ нейтральныхъ въ XVIII в. превзошли всѣ ожиданія. Англія предъявляла, въ особенности безспльнымъ морскимъ державамъ, такія притязанія, которыя были несовмѣстны съ независимостью государствъ. Опираясь на свое морское превосходство, противъ котораго не могла устоять ни одна континентальная держава, Англія не только конфисковала непріятельскую собственность на нейтральномъ кораблѣ, но и самый корабль признавала законнымъ призомъ [1]). Считая, вопреки основнымъ началамъ международнаго права, положительнымъ закономъ правило Consolato, британскіе судьи и юрисконсульты, при малѣйшемъ упущеніи въ казуистикѣ призоваго судопроизводства, объявляли законнымъ призомъ и нейтральную собственность на непріятельскомъ кораблѣ. Вообще, какъ справедливо говоритъ Гефтеръ [2]), все зависѣло отъ расположенія, хорошей, или дурной воли воюющихъ и отъ любви къ справедливости и безпристрастія призовыхъ судей. Знаменитые англійскіе призовые судьи: сэръ Марріотъ, Дженкинсонъ и прелославутый В. Скоттъ (дѣятельность котораго относится, впрочемъ, по времени, ко второму періоду), оказали, дѣйствительно, существенныя услуги своему отечеству и, можемъ прибавить, самому развитію сознанія правъ нейтральныхъ. Прикрывая обликомъ законности явное расхищеніе нейтральной собственности, въ пользу своихъ храбрыхъ соотечественниковъ, британскіе судьи, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказали мотивы, которыми руководствуется Англія, въ своемъ поведеніи относительно нейтральныхъ. Поэтому, вызывая громкіе протесты, со стороны другихъ державъ, и поставивъ Англію въ совершенно враждебное положеніе ко всѣмъ континентальнымъ государствамъ, британская призовая практика сама указала на единственное средство, которымъ возможно было ограничить произволъ и насилія Англіи. Если, наконецъ, имѣть въ виду, въ высшей степени, произвольныя толкованія Великобританіею права блокады и расширеніе до крайности понятія о военной контрабандѣ, то нельзя не сознаться, что нейтральная торговля, благодаря патріо-

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. § 794.

[2]) Heffter. Europäisches Völkerrecht. S. 315.

тическому усердію британскихъ судей, была въ дѣйствительности «закалена» и «всякое требованіе, основанное на правѣ, было изгнано въ химерическое царство золотаго вѣка» [1]).

Періодъ II-й. Отъ перваго вооруженнаго нейтралитета 1780 г., до парижскаго конгресса 1856 г.

Въ 1776 г. англійскія колоніи въ Сѣверной Америкѣ, объявили свою независимость отъ метрополіи. Возстаніе, какъ извѣстно, возбудило восторженное сочувствіе въ Европѣ и, въ особенности, во Франціи, которая, не смотря на всѣ протесты Англіи, заключила въ 1778 г. союзный трактатъ съ возставшими колоніями. Этимъ договоромъ было признано, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ [2]). Начавшаяся затѣмъ война, между Англіею и Франціею, убѣдила французское правительство въ томъ, что не слѣдуетъ возбуждать противъ себя неудовольствіе нейтральныхъ державъ, и поэтому, въ томъ же году явился регламентъ, которымъ отмѣнены были несправедливыя постановленія ордонанса 1681 г., и правило: свободный корабль—свободный грузъ, сдѣлалось закономъ страны [3]). Великобританія, напротивъ, не только не ограничивала возмутительныя насилія своихъ каперовъ, но, постепенно, дошла до нарушенія всѣхъ трактатовъ и неоспоримыхъ законовъ международнаго права. Въ 1778 г. Англія отказала Голландіи, безъ всякаго къ тому законнаго повода въ соблюденіи, съ своей стороны, торговаго трактата 1674 г., которымъ за голландскими нейтральными кораблями былъ признанъ принципъ французскаго регламента того же года. Насколько Англія уважала права нейтральныхъ можно усмотрѣть изъ правилъ, примѣненныхъ ею въ своемъ призовомъ судопроизводствѣ. Англійскій призовый судья, Джемсъ Марріотъ, провозгласилъ, между прочимъ, въ 1780 г. слѣдующія правила: во 1-хъ, воюющій имѣетъ право задерживать на нейтральномъ кораблѣ всѣ предметы, которые ему необходимы для войны; во 2-хъ, Англія, по естественному островному своему положенію, блокируетъ всѣ французскія и испанскія гавани, и, наконецъ въ 3-хъ, права нейтральныхъ зависятъ

[1]) Heffter. Völkerrecht, S. 321.

[2]) Martens. Récueil des traités, t. II, p. 605 (ст. XXV трактата).

[3]) Martens. Récueil des traités, t. III, p. 115.

отъ обычаевъ и практики, которой слѣдуютъ воюющіе, а трактаты должно считать временными привилегіями, которыя сохраняютъ свою силу до тѣхъ поръ, пока они примѣняются въ адмиралтейскихъ судахъ [1]). Слѣдовательно, въ то самое время, когда Франція — держава воюющая — соблюдала неприкосновенность нейтральнаго флага, Англія захватывала всѣ нейтральные корабли и всякую нейтральную собственность. Противъ такихъ насилій и произвольныхъ нарушеній правъ нейтральныхъ былъ направленъ знаменитый вооруженный нейтралитетъ 1780 г., состоявшійся подъ непосредственнымъ руководствомъ Россіи.

Весьма рѣдко, около одного предмета, сосредоточивается, съ одной стороны, столько торжественныхъ восхваленій и изъявленій сочувствія, а съ другой — ожесточенныхъ нападеній и предвзятыхъ искаженій, какъ относительно вопроса о происхожденіи этого грознаго союза, для дѣйствительной защиты общесознанныхъ правъ. Между публицистами западной Европы, до настоящаго времени еще въ ходу басня о какой-то мелкой придворной интригѣ, между княземъ Потемкинымъ и графомъ Н. П. Панинымъ, въ которой побѣдителемъ остался враждебный Англіи канцлеръ Имперіи, и, по иниціативѣ котораго былъ составленъ проектъ вооруженнаго нейтралитета. Сама Императрица Екатерина II, будто, не имѣла никакого понятія о важности своего шага, но напротивъ, была только послушнымъ, безсознательнымъ исполнителемъ великаго плана «геніальнаго» графа Панина. Если вѣрить, напр., Уитону, то Екатерина II, «не имѣвшая никакого понятія о торговыхъ, международныхъ отношеніяхъ», не только не понимала, что вооруженный нейтралитетъ непосредственно направленъ противъ Англіи, но будто находилась въ убѣжденіи, что оказала громадную услугу этой державѣ [2]). Въ этомъ смыслѣ говоритъ о происхожденіи вооруженнаго нейтралитета почти всѣ публицисты и разумѣется, британскіе писатели, по преимуществу, указываютъ

[1]) Martens. Erzählungen merkwürdiger Fälle Bd. II, S. 35. Это рѣшеніе Марріотта приводитъ также *Heffter* (S. 283) и *Качеповскій*. О каперахъ и призовомъ судопроизводствѣ, стр. 62. Но *Marquardsen*. Der Trent-Fall, S. 62, дѣлаетъ замѣчаніе, что это мнѣніе Марріотта совсѣмъ не приводится въ той связи, въ которой оно имъ было выражено. Онъ, однако, не доказываетъ свое мнѣніе.

[2]) Wheaton. Histoire du droit des gens 2 éd. tome I. p. 358 etc

на эту исторію, желая такимъ образомъ унизить огромное значеніе вооруженнаго нейтралитета, въ исторіи развитія нейтральной торговли [1]). Къ крайнему сожалѣнію, происхожденіе вооруженнаго нейтралитета и до настоящаго времени не разъяснено документальнымъ образомъ. Но всѣ, которымъ лучше извѣстна законодательная дѣятельность составительницы Наказа, и которые знаютъ, что Екатерина II заключила Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, и, на основаніи безспорныхъ данныхъ, могутъ засвидѣтельствовать, что сама Императрица была душою всей тогдашней, блистательной политики Россіи, поймутъ, по чьей иниціативѣ могъ быть составленъ проектъ вооруженнаго нейтралитета, и насколько заключается правды въ приведенной сказкѣ. Хотя, до настоящаго времени, еще очень мало разъясненъ этотъ вопросъ, но, на основаніи уже обнародованныхъ документовъ, можно скорѣе вывести заключеніе что графъ Панинъ больше былъ *противъ* составленнаго, самой Императрицей, проекта вооруженнаго нейтралитета. [2]) — Послѣ этого краткаго и необходимаго отступленія, мы возвратимся къ главному предмету, не подлежащему никакому сомнѣнію, оставляя притомъ въ сторонѣ всѣмъ извѣстныя фактическія обстоятельства, подавшія поводъ къ заключенію вооруженнаго союза нейтральныхъ государствъ. Въ мартѣ 1780 г., Россія сообщила Англіи, Франціи, Испаніи, Швеціи, Даніи, а затѣмъ всѣмъ остальнымъ державамъ, свою декларацію отъ 28 февраля, въ которой были провозглашены слѣдующіе принципы, относительно правъ нейтральной торговли:

1) Всѣ нейтральные корабли свободно могутъ плавать изъ порта въ портъ и по берегамъ воюющихъ государствъ;

---

[1]) Источниками, распространившими вышеприведенную нелѣпость служили: 1) Mémoires sur la neutralité armée par le *C-te de Goertz*. Bâle, 1801. Paris. 1804. 2) v. *Dohm*. Denkwürdigkeiten meiner Zeit. Hannover, 1814—18. Bd. II, p. 100—150. 3) *James Harri's (Lord Malmesburg)* Diary. London 1845. (Срав. Mohl. Literatur der Staatswissenschaften, II, S. 127, I, 349). 4) *Flassan* Histoire de la diplomatie française, T. VII, 272, note. Эту басню повторили между прочимъ: *Phillimore*, III, p. 272; *Gessner* Droit des neutres, p. 39—18; *Ortolan*—II, p. 138. Срав. *Herrmann*. Geschichte des russischen Staates. Gotha 1860. Bd. VI, S. 81, 86, 470; *Garden*. Histoire des traités, V, p. 30 etc.

[2]) Katchenovsky's Prize law: particulary with reference to the duties and obligations of belligerents and neutrals. Transl. by *Pratt*. London. 1867. p. 70. additional note.

2) Товары, принадлежащіе подданнымъ воюющихъ державъ должно считать свободными, на нейтральныхъ корабляхъ, исключая военной контрабанды;

3) Императрица, относительно послѣдней (т. е. военной контрабанды) держится опредѣленія, выраженнаго въ ст. X и XI своего торговаго трактата (20 іюня 1766 г.), заключеннаго съ Великобританіею, распространяя притомъ это обязательство на всѣ воюющія державы;

4) Подъ блокируемымъ портомъ, разумѣется такой, войти въ который, чрезъ распоряженіе нападающей державы, поставившей въ достаточно близкомъ разстояніи корабли, существуетъ явная опасность;

5) Этими принципами должно руководствоваться въ призовомъ судопроизводствѣ [1]).

Вотъ содержаніе той знаменитой декларації, которою «Сѣверная Минерва» возстала противъ злоупотребленій Англіи. Всѣ принципы, выставленные Россіею, были тотчасъ же и безусловно приняты Голландіею, Даніею, Швеціею, германскимъ императоромъ, Португаліею, Пруссіею и королевствомъ Обѣихъ Сицилій. Изъ воюющихъ державъ выразили свое согласіе и одобреніе: Франція Испанія и возставшія колоніи Сѣверной Америки. Разумѣется, что Англія не могла отнестись благосклонно къ декларації, и отвѣтъ ея С.-Петербургскому кабинету отличается обычной неопредѣленностью; но въ немъ нельзя не замѣтить скрывающагося неудовольствія [2]). С. Джемскій кабинетъ утверждалъ, что Великобританія всегда слѣдовала, въ отношеніяхъ къ нейтральнымъ державамъ, несомнѣннымъ принципамъ международнаго права, или же исполняла постановленія связывающихъ ея трактатовъ. Относительно русскаго флага, въ отдѣльности, даны были самыя точныя предписанія, согласно общепринятому международному праву и трактатамъ.

Нейтральныя державы, присоединившіяся къ началамъ декларації, вступили между собою въ переговоры о взаимной поддержкѣ этихъ принциповъ, противъ всякаго нарушителя. Прежъ

---

[1]) Martens. Récueil des traités, tome III, p. 158.
Дальнѣйшій ходъ переговоровъ изложенъ, довольно подробно, у *Klüber* Droit des gens § 303 etc.

[2]) Martens. Récueil IV, p. 345. p. 368, VI, p. 203.
Phillimore's. International Law. § 190.

де всѣхъ, Данія заключила военную конвенцію [1]) съ Россіей, на основаніи которой обѣ державы обязывались снарядить эскадры, для конвоя купеческихъ кораблей и для занятія извѣстныхъ морскихъ станцій. Въ случаѣ нарушенія правъ одной, другая была обязана присоединить свои силы, для полученія полнаго удовлетворенія. Тождественныя конвенціи заключены были въ томъ же году съ Швеціею, и, изъ числа другихъ державъ, послѣднею вступило въ этотъ союзъ, получившій знаменитость, подъ названіемъ *вооруженнаго нейтралитета 1780 г.*, королевство Обѣихъ Сицилій, именно въ 1783 г. Въ этомъ заключаются, въ краткомъ очеркѣ, исторія и сущность вооруженнаго нейтралитета. Декларація Екатерины II и установленный ею союзъ государствъ, для осуществленія сознанныхъ правосознаніемъ принциповъ, безспорно имѣли громадное вліяніе на развитіе сознанія правъ нейтральныхъ. Теперь сдѣлалось яснымъ, насколько начала, провозглашаемыя постоянно Великобританіею «положительными законами международнаго права», дѣйствительно основываются на международномъ правосознаніи, или, навязываются ему. Между тѣмъ, какъ почти всѣ государства Европы и Америки единогласно признали принципы декларація согласными съ справедливостью и условіями развитія международной жизни, только одна Англія отказалась отъ признанія этихъ началъ и, такимъ образомъ, сама выдѣлилась изъ числа прочихъ державъ. Вооруженный нейтралитетъ служилъ какъ бы пробнымъ камнемъ, для произвольнаго толкованія Англіею принциповъ международнаго права: нейтралитетъ самымъ безпощаднымъ образомъ разоблачилъ завѣсу, за которою Великобританія пряталась, въ теченіе вѣковъ. Относительно нейтральныхъ выяснились двоякаго рода взгляды: съ одной стороны уваженіе самостоятельныхъ правъ нейтральныхъ на продолженіе торговыхъ сношеній съ воюющими; съ другой — стремленіе поставить права нейтральной торговли въ зависимость отъ произвола и потребностей воюющихъ. Представительницею перваго была Россія и государства, приступившія къ провозглашеннымъ ею принципамъ; ярою же защитницею послѣдняго взгляда явилась Англія. Не смотря на то, что принятіе началъ декларація доказало наглядно, чей взглядъ былъ дѣйствительно согласенъ съ между-

[1]) Martens. Recueil des traités, tome II, p. 103.

народнымъ правосознаніемъ, Англія и патріотическіе ея публицисты нисколько не убѣдились въ несправедливости и призрачности поддерживаемаго ими «положительнаго международнаго закона». По настоящее время, британскіе публицисты относятся съ крайнимъ ожесточеніемъ къ этой «священной лигѣ», какъ иронически отзывается Филлиморъ, «заключенной для поддержа«нія международной справедливости, которая выражена въ прин«ципахъ русскаго эдикта» [1]). Екатерина II, во всякомъ случаѣ, превосходно выполнила свое намѣреніе и достигла вполнѣ своей цѣли: вооруженный нейтралитетъ указалъ разъ на всегда на то средство, которымъ можно было заставить Великобританію уважать чужія права, и не навязывать международной жизни законы, которые противны условіямъ ея развитія, чувству и сознанію права. Насколько вооруженный нейтралитетъ достигъ своей цѣли, видно изъ того факта, что Англія тотчасъ же отдала своимъ военнымъ силамъ тайное приказаніе относиться съ большей осмотрительностію, къ нейтральнымъ и меньше ограничивать ихъ торговлю. Произволъ и насилія англійскихъ каперовъ были ограничены самимъ англійскимъ правительствомъ въ такой мѣрѣ, что они къ концу войны исчезли совершенно [2]). Но помимо всѣхъ этихъ непосредственныхъ послѣдствій, вытекающихъ изъ вооруженнаго нейтралитета, онъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ еще и другое значеніе въ исторіи развитія международной жизни. Союзъ европейскихъ цивилизованныхъ государствъ, для единодушнаго поддержанія провозглашенныхъ Россіею принциповъ, предетавляется первымъ знаменательнымъ примѣромъ той общности жизни и сознанія права, дальнѣйшее развитіе которыхъ составляетъ высшую задачу международнаго права. Въ вооруженномъ нейтралитетѣ, государства, въ первый разъ, принимаютъ общія мѣры, для достиженія общей цѣли и притомъ, не посредствомъ разорительной войны, но съ помощію своего грознаго вліянія, нейтральныя государства блистательно достигли цѣли и побѣдили надменность Великобританіи.

---

[1]) Phillimore's Inter. Law vol. III, p. 276: «for the maintenance of International justice upon the principles of Russian edict». Ср. также *Ward.* A treatise of the relative rights and duties of belligerents and neutral powers, etc. London. 1801. p. 164.

Kent's Commentary on Inter. Law, ed. by Abdy, p. 341.

[2]) Качеповскій. О каперахъ, стр. 65.

Хотя нѣтъ сомнѣнія, что единственно только огражденіе своего собственнаго интереса вынудило такое значительное число государствъ вступить въ вооруженный союзъ, для защиты сознанныхъ принциповъ; но уже составленіе такой коалиціи явно указываетъ на сознаніе государствами солидарности ихъ интересовъ. Незабвенная заслуга Императрицы Екатерины II заключается именно въ формулированіи тѣхъ началъ, которыя соотвѣтствовали солидарности интересовъ государствъ и, затѣмъ, въ умѣньи заставить нарушителя уважать ихъ. Поэтому, весьма понятно, что Императрица за охраненіе неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ, представлялась безпристрастнымъ писателямъ личностью, достойною восторженныхъ восхваленій и удивленія [1]). Такимъ образомъ очевидно, что вооруженный нейтралитетъ 1780 г., дѣйствительно, составляетъ эпоху въ развитіи правъ нейтральныхъ и ограниченіи правъ воюющихъ, или приведеніи ихъ къ сознанію своихъ обязанностей. Принципы декларацiи, принятые почти всѣми государствами Европы и Америки, служили точнымъ выраженіемъ международнаго правосознанія, и, слѣдовательно, положили конецъ господствовавшей до тѣхъ поръ шаткости и произволу въ толкованіи началъ международнаго права. Начала вооруженнаго нейтралитета должны были служить исходной точкою поступательнаго развитія сознанія и выясненія правъ нейтральныхъ. Между тѣмъ, какъ до 1780 г. Великобританія, благодаря своему матерьяльному превосходству, не признавала никакихъ правъ за нейтральными, послѣдніе, со времени вооруженнаго нейтралитета, все болѣе и болѣе достигаютъ общаго признанія, и ограничиваютъ произволъ воюющихъ. Но, разумѣется, что переходъ, отъ полнаго господства грубой силы къ положительному водворенію права, не можетъ наступить безъ колебаній; поэтому отголоски перваго періода слышатся и во второмъ. Наконецъ, сознавъ вполнѣ все благотворное вліяніе вооруженнаго нейтралитета, необходимо при этомъ замѣтить, что декларацiи, выставившая озна-

[1]) Вотъ какія надежды возлагалъ, напр. *Galiani* (De doveri p. 136) говоря о корсарствѣ, на Екатерину II «Mi volgo a te Augusta, ed immortal Caterina, che dall'eccelso soglio delle Russie con penetrante sguardo discopri, benefichi, ed ascolti ogni più lontano, ed oscuro mortale Tua è l'opra della Neutralità armata, ed à tè s'aspetta compirla rendendone l'alleanza salutare all' Europa».

ченные принципы, не касается опредѣленія Consolato del Mare, такъ что неприкосновенность нейтральной собственности, на непріятельскомъ кораблѣ, не была обезпечена [1]). Гессперъ полагаетъ, что не было надобности упоминать о принципѣ твердо установившемся; но нѣтъ сомнѣнія, что декларація полнѣе бы выразила международное правосознаніе, и устранила бы всякую неясность, если бы присоединила принципъ, поддерживаемый Англіею, но и ею же постоянно нарушаемый.

По заключеніи въ 1783 г. Версальскаго мира, которымъ была признана независимость Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Франція, Испанія и Англія возобновили мирный и коммерческій Утрехтскіе трактаты [2]). Принципъ» свободный корабль свободные товары» былъ признанъ Соединенными Штатами въ трактатѣ 1782 г., заключенномъ съ Нидерландами; въ 1783 г.—въ трактатѣ, заключенномъ съ Швеціею и, наконецъ, въ 1785 г. въ знаменитомъ трактатѣ съ Пруссіею. Весьма замѣчателенъ также заключенный въ 1786 г. трактатъ, между Англіею и Франціею, который постановилъ, что «нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, а товары, составляющіе грузъ непріятельскаго корабля, подвергаются конфискаціи». По ошибочно видѣтъ въ этомъ, со стороны Англіи, уступку принципамъ вооруженнаго нейтралитета, — напротивъ, англійское правительство категорически объявило, что это постановленіе относится, исключительно, къ Франціи [3]). Россія, между тѣмъ, согласно своей декларации 1780 г., продолжала держаться принципа, что нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ. Когда въ 1787 г. началась война Россіи противъ Турціи и Швеціи, Екатерина II издала «Правила для «партикулярныхъ корсаровъ». Въ § 4 этихъ правилъ постановлено, что «по принятому Ея Императорскимъ Величествомъ «правилу и самая непріятельская собственность покрывается «нейтральнымъ флагомъ» [4]). Наконецъ, замѣтимъ вообще, что всѣ трактаты, заключенные по возникновеніи вооруженнаго нейтралитета, выговаривали, подобно декларации 28 февраля 1780 г., только одинъ принципъ: флагъ покрываетъ грузъ; меж-

[1]) Gessner. Le droit des neutres. p. 230.

[2]) Wheaton. Histoire du droit des gens I, p. 368.

[3]) Phillimore's Inter. Law. vol. III. § 192, p. 277.

[4]) Полное Собр. Зак. № 16599.

ду тѣмъ, какъ вопросъ о нейтральной собственности, на непріятельскомъ кораблѣ, былъ предоставленъ на произволъ воюющимъ. Въ этомъ положеніи находились права нейтральныхъ, когда французская революція начала свое дѣло возрожденія государства и общества. Противъ революціоннаго французскаго правительства соединились: Англія, Пруссія, Австрія, Испанія и Россія, которыя рѣшились, во что бы то ни стало, водворить во Франціи законный порядокъ и спокойствіе. По иниціативѣ Англіи, рѣшено было воспретить всѣмъ нейтральнымъ, подвозъ въ французскія гавани всякаго рода съѣстныхъ припасовъ. На это распоряженіе, Національный Конвентъ отвѣтилъ декретомъ 9 мая 1793 г., постановлявшимъ, что такъ какъ Великобританія имѣетъ явное намѣреніе уморить цѣлый народъ, то ею самой попраны всѣ начала международнаго права. Имѣя въ виду законъ самохраненія, Конвентъ разрѣшилъ всѣмъ французскимъ крейсерамъ неуважать признанный принципъ: «флагъ покрываетъ грузъ», и захватывать всѣ нейтральные корабли, имѣющіе грузомъ съѣстные припасы; а кромѣ того, нейтральнымъ Конвентъ запретилъ, подъ страхомъ конфискаціи, подвозить припасы непріятелямъ Франціи. За съѣстные припасы, принадлежащіе нейтральнымъ, французское правительство обязалось платить собственникамъ, по цѣнѣ, существующей въ мѣстахъ, куда былъ назначенъ грузъ. Во всякомъ случаѣ, нейтральные корабли должны были считаться свободными, по выгрузкѣ съѣстныхъ припасовъ. «Этотъ законъ» сказано въ ст. «5 декрета, «сохраняетъ свою силу до тѣхъ поръ, пока враждеб«ныя Франціи державы согласятся освободить отъ захвата нейтральную собственность, хотя бы назначенную въ французскія «гавани, и товары французскихъ подданныхъ, на непріятель«скихъ кораблях» [1]). Теперь, когда даже Россія была настолько неконсеквентна, что отказалась осуществить, относительно Франціи, великія начала вооруженнаго нейтралитета, Великобританія чувствовала возможность попрать самыя существенныя основанія международнаго права. Франція, по мнѣнію британскихъ государственныхъ людей (напр. Борка) и публицистовъ, была признана внѣ закона, и, слѣдовательно, частная собственность французскихъ подданныхъ была объявлена res

[1]) Massé. Droit commercial, § 244.

nullius, подлежащею захвату. И такъ какъ Англія, для «своего господства надъ морями» (maritime supremacy at sea), никогда не задумывалась ни предъ какими средствами, то насъ не удивляютъ послѣдующія вопіющія нарушенія правъ нейтральныхъ. 8 іюня 1793 г. Великобританія издала инструкцію командирамъ военныхъ кораблей и каперамъ, которая вызвала вышеприведенное распоряженіе французскаго Конвента. Въ англійской инструкціи предписано было каперамъ: захватывать всѣ корабли съ хлѣбомъ и, вообще, съ съѣстными припасами, которые назначались въ французскій портъ, или въ гавань, занятую французской арміею; отводить ихъ въ британскій портъ, гдѣ товаръ будетъ покупаться, на счетъ правительства (droit de préemption). Корабли нейтральные, сдѣлавшіе попытку войти въ блокируемый портъ, конфискуются, и только, относительно датскихъ и шведскихъ кораблей сдѣлано исключеніе, ибо ихъ, только послѣ второй попытки нарушить блокаду, велѣно задерживать и конфисковать. Въ томъ же году англійское правительство возстановило «правило войны 1756 г.». Нейтральными державами, пострадавшими больше всѣхъ отъ, лишенныхъ всякаго юридическаго основанія, распоряженій британскаго правительства, были: Данія, Швеція и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Данія, политикою которой руководилъ въ то время графъ Бернсторфъ,—одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей новѣйшаго времени—постоянно и неуклонно держалась принциповъ вооруженнаго нейтралитета. Поэтому, датское правительство возстало всею силою убѣдительности, которая всегда на сторонѣ того, кто чувствуетъ свою правоту, противъ произвола Англіи, и, никакимъ образомъ, не могло согласиться съ ея представленіями, что революціонное движеніе во Франціи можетъ отмѣнить, относительно нейтральныхъ несомнѣнныя истины международнаго права [1]). Швеція присоединилась къ энергическимъ протестамъ графа Бернсторфа, и желала поддержать свои мирныя сношенія съ Франціею. Но, въ особенности, инструкція 9-го іюня нанесла огромный вредъ торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ, которые, поэтому, сильно протестовали противъ грабежей, совершаемыхъ англійскими каперами на морѣ. Переговоры между Англіею и Вашингтонскимъ правительствомъ

[1]) Wheaton. Histoire du droit des gens II, p. 35 etc.

кончились заключеніемъ въ 1794 г. коммерческаго трактата [1]), въ которомъ договаривающіяся стороны признали для себя обязательными постановленія Consolato del Mare, хотя это прямо противорѣчило принципу, провозглашенному Соединенными Штатами, во всѣхъ заключенныхъ ими съ другими державами трактатахъ. Въ то самое время, насилія англійскихъ каперовъ дошли до крайнихъ предѣловъ, причиняя притѣсненія, не только непосредственнымъ противникамъ Англіи и безсильнымъ нейтральнымъ державамъ, но, даже, подданнымъ самихъ союзныхъ государствъ, которые лишались своей собственности въ британскихъ призовыхъ судахъ. Со вступленіемъ на Россійскій престолъ Павла I-го, разстроился союзъ съ Англіею и въ 1800 г. Императоръ обратился къ Даніи, Швеціи и Пруссіи съ предложеніемъ возобновить, посредствомъ заключенія особенной конвенціи, принципы вооруженнаго нейтралитета 1780 г. II, дѣйствительно, (4) 16-го декабря 1800 г. заключены были Россіею конвенціи съ Даніею и Швеціею, къ которымъ присоединилась въ томъ же году Пруссія. Принципы, провозглашенные этимъ союзомъ, который извѣстенъ подъ названіемъ *втораго вооруженнаго нейтралитета*, еще точнѣе опредѣляютъ права нейтральныхъ, потому что, кромѣ началъ 1780 г., къ нимъ прибавлены были еще два принципа: во 1-хъ, корабль нейтральный считается нарушившимъ блокаду, только въ томъ случаѣ, когда послѣ перваго предостереженія, даннаго блокирующей эскадрою, онъ все-таки силою, или хитростью будетъ пробираться въ портъ; во 2-хъ, купеческіе корабли нейтральныхъ подданныхъ, находящіеся подъ конвоемъ военнаго нейтральнаго корабли, освобождаются отъ осмотра, и воюющій долженъ удовольствоваться показаніемъ конвоирующаго офицера, что нѣтъ подъ его конвоемъ военной контрабанды [2]). Однако второй вооруженный нейтралитетъ далеко не имѣлъ успѣха перваго, и, съ восшествіемъ на престолъ Императора Александра I-го, между Россіею и Англіею начались переговоры объ окончательномъ утвержденіи началъ международнаго права, относительно нейтральной торговли. Въ 1801 г. была заключена знаменитая морская конвенція, въ которой Россія, снова, отступила отъ про

[1]) Martens. Récueil des traités, V, p. 641.

[2]) Martens. Récueil des traités, suppl II, 399, tome VII, p 181

возглашенныхъ ею два раза началъ вооруженнаго нейтралитета [1]). Англія, съ своей стороны, сдѣлала также нѣсколько неважныхъ уступокъ, относительно нейтральныхъ, такъ что этотъ трактатъ справедливо можно назвать ультиматумомъ уступокъ «британ-«скаго правительства до послѣдняго времени» [2]). Къ принципамъ этого трактата вскорѣ присоединились также Швеція и Данія, такъ что правило: флагъ покрываетъ грузъ, было отмѣнено, относительно сѣверныхъ государствъ, и, кромѣ того, конвенція 1801 г. оставила безъ вниманія опредѣленіе вторымъ вооруженнымъ нейтралитетомъ обязанностей блокирующей державы [3]). Къ счастью, Россія не надолго отступила отъ великихъ началъ вооруженнаго нейтралитета, и, послѣ Тильзитскаго мира, въ 1807 г., Императоръ Александръ I-й провозгласилъ снова принципы, «которые служатъ памятникомъ мудрости Екатерины II-й», и, притомъ, выразилъ свое твердое намѣреніе никогда больше не нарушать ихъ [4]). Конвенція 1801 г. была уничтожена навсегда, и, вслѣдствіе того, британское правительство объявило, что оно возстановляетъ принципы морскаго международнаго права, противъ которыхъ былъ направленъ вооруженный нейтралитетъ Екатерины II-й. Даже въ заключенномъ въ 1812 г. мирномъ трактатѣ, между Англіею и Россіею, постановленія конвенціи 1801 г. обойдены молчаніемъ, и только была повторена общая фраза, что отношенія между договаривающимися сторонами будутъ согласны съ отношеніями между націями, наиболѣе другъ другу благопріятствующими. Во время борьбы, начавшейся, вскорѣ, по заключеніи Амьенскаго мира, между Англіею и Франціею нарушенія правъ нейтральныхъ превзошли всѣ ожиданія. Можно сказать буквально, что только воюющія державы признавали за собою какія либо права, между тѣмъ, какъ права и собственность нейтральныхъ вполнѣ принесены были въ жертву произволу первыхъ. Нѣтъ ни одного начала, ни одного общесознаннаго права нейтральныхъ, которое не подвергалось бы въ это время воюющимъ нарушеніямъ. Не только исчезла всякая нейтральная торговля, но даже со

[1]) Martens. Recueil, tome VII, p. 262.
[2]) Heffter. Völkerrecht. S. 273.
[3]) Phillimore's Intern. Law. III, p. 289.
[4]) Wheaton. Histoire du droit d. g. II, p. 105.
Klüber. Droit des gens § 309.

общенія по морямъ сдѣлались крайне опасными и, даже, невозможными. Не оправдывая нисколько поведеніе Франціи, нельзя однако не сознаться, что Англія гораздо безцеремоннѣе обходилась съ несомнѣнными началами международнаго права. Хотя Англія и старалась оправдать чрезвычайными обстоятельствами свои распоряженія, но не подлежитъ сомнѣнію, что она, какъ нельзя лучше воспользовалась обстоятельствами времени, для уничтоженія нейтральной торговли, и далеко превзошла крайніе предѣлы необходимой самообороны. Когда Англіи грозила высадка французскихъ войскъ, она объявила блокированными всѣ гавани, отъ устьевъ Эльбы до Бреста, поддерживая свою блокаду только нѣсколькими крейсерами, но захватывая всѣ корабли, застигнутые въ открытомъ морѣ и назначенные въ города, объявленные въ блокадѣ. Противъ этой бумажной или фиктивной блокады, Наполеонъ I издалъ свои знаменитые Берлинскій и Миланскій декреты 1806 и 1807 гг., которые установили знаменитую *континентальную систему*. Она состояла: въ воспрещеніи, подъ страхомъ наказанія, всякой торговли и сношеній съ Великобританіею и въ объявленіи имуществъ англійскихъ подданныхъ законнымъ призомъ. Англійскіе подданные считались на континентѣ, въ предѣлахъ французскаго владычества, военноплѣнными. Континентальная система была принята: Австріею, Даніею Пруссіею, Россіею и Швеціею. На декреты Наполеона I, Великобританія отвѣчала повелѣніями своего Тайнаго Совѣта (Orders of Council) отъ 1807 г., которыми фиктивная блокада была распространена не только на всѣ французскія гавани, но и на гавани союзниковъ Наполеона I. Слѣдовательно, почти всѣ берега Европы были объявлены въ блокадѣ Англіею. Кромѣ того, британское правительство запретило, подъ страхомъ конфискаціи, всякую торговлю продуктами и издѣліями французской почвы и промышленности. Наконецъ, только въ 1814 г. прекратила свое существованіе континентальная система [2]). Никогда подобнымъ образомъ, какъ во время 1806—1814 г., не нарушались неотъемлемыя права нейтральныхъ: на торговлю ихъ воюющія государства наложили запрещеніе, и такимъ образомъ исчезли всѣ права,—кромѣ права силы,—всякая независимость и обязательность законовъ

[1]) Garden. Histoire des traités générale, tome X. p. 302 etc.

[2]) Klüber. Droit des gens, § 310—316.
Gessner. Droit des neutres sur mer, p. 51 etc.

международнаго права. Никогда еще британскіе каперы, такъ не безчинствовали, какъ въ это время; никогда англійскіе призовые судьи не выказывали столько остроумія и патріотизма, въ присужденіи призовъ, какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Однако было бы несправедливо взвалить всю вину, за нарушеніе правъ нейтральныхъ, на Британію; Франція и ея императоръ нисколько не выступали защитниками правъ нейтральныхъ, какъ это думаютъ нѣкоторые французскіе публицисты. Франція, изъ непріязни къ Англіи, явно нарушила неопровержимыя права нейтральныхъ. Но при всемъ томъ, нельзя не видѣть существенной разницы между поведеніемъ британскаго правительства и Наполеона I. Великобританія прямо, незастѣнчиво и безъ всякихъ прикрасъ, отмѣнила дѣйствіе международнаго права, не только въ отношеніи Франціи, но даже, относительно нейтральныхъ державъ: придерживаясь правила, что цѣль оправдываетъ средства. Наполеонъ I, напротивъ, всѣмъ своимъ мѣрамъ придалъ характеръ реторсіи на принятыя противникомъ мѣры, выставляя постоянно на видъ великія начала международнаго права, нарушенныя Англіею, и высказывая притомъ свое неизмѣнное намѣреніе примѣнять свою континентальную систему до тѣхъ поръ, пока Великобританія не признаетъ права народовъ [1]). Кромѣ того, континентальная система стоитъ, безспорно, своего основателя; она была и остается могущественнымъ средствомъ для принужденія даннаго государства уважать права другихъ. «Послѣднюю борьбу противъ Англіи», говоритъ Гефтеръ, велъ Наполеонъ I посредствомъ учрежденія континен«тальной системы. Если она была бы выдержана, съ энергіею, «относительно непріятеля, и съ мудрой умѣренностію къ союз«никамъ, если бы она представляла тѣсный союзъ всѣхъ кон«тинентальныхъ державъ, — тогда эта система была бы дѣй«ствительнымъ средствомъ борьбы. Только благодаря ненавп-

[1]) Ашек Beiträge zu einigen Fragen etc. S. 7.

Décret de Berlin (du 21 nov. 1806): «Les dispositions du présent décret seront constamment considérées comme principe fondamental de l'Empire jusqu'à ce que l'Angleterre ait reconnu que le droit de la guerre est un, et le même, sur terre, que sur mer, qu'il ne peut s'étendre ni aux propriétés privées, quellesqu'elles soient, ni à la personne des individus étrangers à la profession des armes, et que le droit de blocus doit être restreint aux places fortes réellement investies par des forces suffisantes».

(*Martens*, Récueil, I, p. 439).

«стному, пристрастному и, даже, продажному исполненію, къ «чему присоединилось одновременное угнетеніе всякой свободы «въ жизни континента, эта система получила жалкую извѣ«стность въ исторіи. Но ея идея была достойна великаго че«ловѣка! Тогда небыло другаго средства обуздывать морское «превосходство Англіи [1])».

На Вѣнскомъ конгрессѣ вопросы морскаго международнаго права остались въ сторонѣ, потому что все вниманіе европейскихъ державъ было поглощено утвержденіемъ прочной политической системы Европы. Но время, слѣдующее за конгрессомъ, можно считать въ высшей степени знаменательнымъ, для развитія и выясненія правъ нейтральныхъ. Анархія, господствовавшая, въ началѣ вѣка, указала явно на неопредѣленность и непрочность основаній морскаго международнаго права. Въ государственной жизни Европы, долго давалъ себя чувствовать наступившій, съ французской революціею, кризисъ, и, подобно тому вліянію, которое революція оказала на развитіе идеи государства, такъ точно анархія въ международной жизни вызвала болѣе глубокое изученіе условій международной жизни и принциповъ международнаго права. Чѣмъ проще и самоцѣльнѣе устанавливалось сознаніе неотъемлемыхъ правъ человѣка, чѣмъ опредѣленнѣе выяснилась цѣль государственной жизни, тѣмъ могущественнѣе и неотразимѣе международное правосознаніе требовало осуществленія и господства надъ дикимъ произволомъ. Громадное, небывалое развитіе международныхъ сношеній, видимое и неудержимое усложненіе условій международной жизни—все это не могло не отразиться на развитіи международнаго права, и, слѣдовательно, на утвержденіи правъ нейтральныхъ. Дѣйствительно, какъ на практикѣ, такъ и въ наукѣ, мы видимъ многочисленныя попытки не отстать отъ удовлетворенія требованіямъ жизни, но, напротивъ, дать ей, согласное съ ея сущностью, опредѣленіе. Впрочемъ, между тѣмъ, какъ европейскія континентальныя державы и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ промежутокъ времени отъ 1815—1854 г., неоднократно обнаруживали желаніе утвердить, какъ посредствомъ договоровъ, такъ и съ помощью проектовъ общаго соглашенія, права нейтральныхъ, на болѣе твердыхъ

[1]) Heffter. Europaisches Völkerrecht. S. 273.

началахъ [1]),—Англія хранила глубокое молчаніе, и, если высказывалась, то всегда согласно «древнему, положительному закону международнаго права», который опредѣлялъ средневѣковыя международныя отношенія, и основывается на правосознаніи среднихъ вѣковъ. По международныя сношенія Англіи, ея торговля и промышленность развивались въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ когда и гдѣ либо, поэтому и она должна была придти, постепенно, къ сознанію односторонности и недостаточности древняго правила нейтральной торговли. Каково было движеніе въ международной жизни, послѣ 1815 г., видно уже изъ заключенія торговыхъ трактатовъ и конвенцій, въ такомъ количествѣ, какъ никогда не бывало прежде. Почти во всѣхъ трактатахъ послѣдняго времени, заключенныхъ континентальными державами, получилъ всеобщее признаніе принципъ: «флагъ нейтральный покрываетъ непріятельскій грузъ». Блокада получила также болѣе точное опредѣленіе и, вообще, начала перваго и втораго вооруженныхъ нейтралитетовъ явились основаніями послѣдовавшихъ опредѣленій правъ нейтральныхъ. Англія, напротивъ не только не возобновила трактаты, въ которыхъ она признала принципъ: «свободный корабль свободные товары», но лишала этой «привилегіи» даже свою постоянную союзницу, Португалію, за которою она была признана, во всѣхъ трактатахъ, заключенныхъ съ 1654 г. Въ 1842 г. между Англіею и Португаліею былъ заключенъ трактатъ, возстановившій правило Consolato del Mare [2]). Что же касается Соединенныхъ Штатовъ, то они держались, какъ мы это видѣли выше, самой либеральной политики относительно нейтральныхъ, и, постоянно, поддерживали принципъ вооруженнаго нейтралитета: «флагъ покрываетъ грузъ». Но, во время войнъ Англіи съ французскимъ революціоннымъ правительствомъ, Вашингтонскій кабинетъ утверждалъ, что начало «свободный корабль—свободная собственность» не основывается на обычномъ международномъ правѣ (not a principle founded in the customary law and established usage of nations), и поэтому, оно имѣетъ силу закона только между государствами, принявшими въ трактатахъ эту поправку [3]). Для избѣжа-

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des neutres, tome II, p. 322.

[2]) Phillimore's. Intern. Law, III, § 206.

[3]) Wheaton's. Elements of Intern. Law, §§ 454, 455, (p. 587). Kent's Commentary on Inter. Law ed. *Abdy*, p. 345.

нія столкновеній, Соединенные Штаты, во всѣхъ трактатахъ, заключенныхъ съ 1795 г., признавали принципъ: «свободный корабль—свободные товары», только подъ слѣдующимъ ограниченіемъ: чтобы держава, съ которой одинъ изъ договаривающихся будетъ въ войнѣ, между тѣмъ какъ другой нейтральный, признала бы также это начало; въ противномъ случаѣ примѣняется древнее правило [1]). Кромѣ того, Соединенные Штаты неоднократно изъявляли намѣреніе согласиться съ другими державами, для прочнаго утвержденія свободной торговли нейтральныхъ. Но, придерживаясь начала Consolato, Вашингтонское правительство всегда было готово согласиться на конфискацію нейтральныхъ имуществъ на непріятельскомъ кораблѣ. Наконецъ, (10) 22 іюля 1854 г. была заключена, между Россіею и Соединенными Штатами, конвенція о морскомъ нейтралитетѣ, которая постановила: во 1-хъ, что флагъ покрываетъ грузъ (that free ships make free goods), «за неключеніемъ военной контрабанды», и во 2-хъ, что нейтральная собственность, находящаяся на непріятельскомъ кораблѣ, не подвергается конфискаціи, если не составляетъ военной контрабанды. Затѣмъ, въ конвенціи прибавлено, что договаривающіяся стороны обязуются примѣнить эти правила ко всѣмъ другимъ государствамъ, которыя пожелаютъ признать ихъ постоянными и неизмѣнными [2]).—Такимъ образомъ, историческій очеркъ развитія правъ нейтральной торговли приводитъ насъ къ слѣдующему общему результату. Начиная съ среднихъ вѣковъ, народы сознавали

[1]) Вотъ какимъ образомъ выражено это условіе въ трактатѣ, заключенномъ Соединенными Штатами съ республикою Колумбіею въ 1824 г. Новое правило примѣняется «to those Powers only who recognise this principle; but if either of the two contracting parties shall be at war with a third, and the other neutral, the flag of the Neutral shall cover the property of enemies whose Government acknowledges the same principle, and not of others». *Phillimore*'s Int. Law. III, § 207, *Wheaton's* Elements, § 472. Срав. также переговоры Соединенныхъ Штатовъ съ Пруссіею, по поводу возобновленія трактата 1785 г. *Wheaton's* Elements, § 456—469.

[1]) United States' Laws and Treatifs, T. X, p. 215. (*Wheaton's* Elements *Dana's* note, № 223). Въ прибавленіи сказано: «engage to apply these principles to the commerce and navigation of all such powers and states as shall consent to adopt them on their part, as permanent and immutable» См. также прибавленіе къ изданному въ 1845 и 1847 г. Собранію трактатовъ и конвенцій и другихъ актовъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. С.Петербургъ. Изд. морской типографіи. 1858.

необходимость уважать права нейтральныхъ, которые, во время войны между государствами, не принимаютъ никакого участія, подобно тому, какъ они, съ другой стороны, считали разрѣшеннымъ, на основаніи права войны, захватъ непріятельской частной собственности. Понятія средневѣковыхъ народовъ настолько, однако, еще находились подъ вліяніемъ грубой силы и необузданныхъ страстей, что считалось возможнымъ, со стороны воюющаго, запрещеніе нейтральнымъ всякой торговли, и, если на этомъ основаніи, нейтральный корабль былъ застигнутъ съ непріятельскими товарами, то онъ подлежалъ захвату. Съ теченіемъ времени и развитіемъ самостоятельныхъ государствъ, воюющіе принуждены были уважать болѣе неотъемлемыя права нейтральныхъ, и такимъ образомъ возникло сознаніе права нейтральнаго на безпрепятственную перевозку товаровъ непріятельскихъ подданныхъ на нейтральныхъ кораблях,—а съ другой стороны: право войны, неограниченное сознаніемъ неприкосновенности правъ частной собственности, разрѣшало конфискацію нейтральной собственности на непріятельскомъ кораблѣ. Послѣ 1713 г., или Утрехтскихъ трактатовъ, въ международныхъ договорахъ принципъ: «свободный корабль—свободный грузъ» завоевываетъ себѣ общее признаніе, со стороны европейскихъ державъ. Только одна Великобританія не отказалась отъ правила Consolato del Mare. Но съ 1815 г. принципъ, провозглашенный континентальными государствами, получилъ очевидный перевѣсъ и авторитетъ въ международной жизни. Прибавленное къ принципу континентальныхъ державъ начало, поддерживаемое такъ упорно Англіею, должно было дать въ общемъ выводѣ: во 1-хъ, что флагъ нейтральный покрываетъ непріятельскій грузъ, и во 2-хъ, [нейтральная собственность на непріятельскомъ кораблѣ неприкосновенна. Подобное соединеніе этихъ двухъ принциповъ сдѣлалось возможнымъ и даже необходимымъ съ того времени, когда Великобританія отказалась отъ своей недальновидной колоніальной политики (въ 1849 г.), и оно осуществилось, при возникновеніи восточной войны въ 1854 г. Еслибъ Франція слѣдовала, въ отношеніи къ нейтральнымъ, принятому ею принципу: что нейтральная собственность конфискуется на непріятельскомъ кораблѣ, а Англія захватывала бы всѣ нейтральные корабли съ непріятельскимъ имуществомъ, тогда исчезла бы всякая нейтральная торговля. Къ счастью,

Великобританія убѣдилась въ явной невозможности продолжать свою прежнюю политику, и 28 марта 1854 г. изданъ былъ Order of Council [1]), въ которомъ англійское правительство «отказалось отъ своего права захватывать непріятельскіе товары на нейтральномъ кораблѣ, исключая военной контрабанды». Хотя это было только «временнымъ отказомъ отъ правъ воюющихъ, признанныхъ международнымъ правомъ», все-таки шагъ этотъ сдѣланный Великобританіею, заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Съ другой стороны, Франція въ декларації 29 марта 1854 г. изъявила согласіе на признаніе неприкосновенности нейтральной собственности на корабляхъ, принадлежащихъ подданнымъ непріятельскаго государства [2]). Сообразно съ перемѣною британской политики относительно нейтральныхъ, перемѣнилась также практика, и, англійскій призовый судъ обнаружилъ желаніе соблюдать точнымъ образомъ постановленія 28 марта и отказаться отъ правилъ, «освященныхъ практикой вѣковъ» [3]). Что касается Россіи, то извѣстно, что она почти неуклонно держалась началъ вооруженнаго нейтралитета, и, поэтому, вскорѣ по изданіи означенныхъ распоряженій Англіи и Франціи, русское правительство обнародовало распоряженіе подобнаго же содержанія [4]). Въ такомъ благопріятномъ положеніи находился вопросъ о правахъ нейтральной торговли, когда въ 1856 г. начались засѣданія Парижскаго мирнаго конгресса. По иниціативѣ французскаго правительства, державы, имѣвшія представителей на конгрессѣ, согласились дать новую твердую основу морскому международному праву, и прекратить навсегда нарушенія неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ. Декларація (4) 16 апрѣля 1856 г., подписанная представителями Англіи, Австріи, Франціи, Пруссіи, Россіи, Сардиніи и Турціи, провозгласила положительнымъ закономъ международнаго права: неприкосновен-

[1]) Supplement to the London Gazette, 28 March 1854. Срав. Mémoire sur les neutres pendant la guerre d'Orient lu à l'Académie des sciences morales et politiques, par M. Drouyn de Lhys dans la séance du 4 avril 1868. (Archives diplomatiques, 1868, № 10 et 11, p. 1442).

[2]) Moniteur universel du 30 Mars 1854.

[3]) Soetbeer. Sammlung officieller Aktenstuecke in Bezug auf Schiffahrt u. Handel in Kriegszeiten. Hamburg. 1855. Heft I: Grundzüge des See-Völkerrechts der Gegenwart.

[4]) Soetbeer Heft I, S. 23.
Journal de St. Petersbourg, le 8 Avril 1854.

ность частной собственности, какъ подъ нейтральнымъ флагомъ, такъ и нейтральныхъ товаровъ на непріятельскомъ кораблѣ, за исключеніемъ лишь военной контрабанды. Парижская декларація состоитъ всего изъ слѣдующихъ четырехъ статей:

1), Корсарство уничтожается;

2), Нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, за исключеніемъ военной контрабанды;

3), Нейтральные товары, на непріятельскомъ кораблѣ, не подлежатъ конфискаціи, кромѣ военной контрабанды;

4), Блокада считается обязательною только тогда, когда она дѣйствительна [1]).

Согласно выраженному въ декларація договаривающимися намѣренію, она была сообщена всѣмъ державамъ, для присоединенія своей подписи къ декларація. Кромѣ Соединенныхъ Штатовъ, Мексики и Испаніи, всѣ европейскія и американскія державы приняли принципы Парижской декларація [2]). Камнемъ преткновенія ихъ присоединенію была, какъ извѣстно, только первая статья декларація, но всѣ три державы выразили свое согласіе признать обязательность остальныхъ трехъ пунктовъ. Но такъ какъ непремѣннымъ условіемъ присоединенія къ декларація выставлено было принятіе ея цѣликомъ т. е., всѣхъ заключающихся въ ней принциповъ, то подписей этихъ трехъ державъ не достаетъ и до настоящаго времени на декларація. Хотя Вашингтонское правительство формально не присоединилось къ декларація, но постановленія ея относительно нейтральной торговли, оно торжественно признало для себя обязательными, во время международной войны 1861 г. [3]). Такимъ образомъ, неприкосновенность нейтральной собственности признана, въ настоящее время, закономъ международнаго права, и нейтральные безбоязненно могутъ нагружать свои корабли непріятельскими товарами, и помѣщать свою собственность на непріятельскіе корабли. Но, хотя неприкосновенность нейтральной собственности составляетъ положительный законъ современнаго международнаго права, и, хотя уже давно большинство публицистовъ требовало ея, — все-таки, и въ настоящее время, нѣкоторые стремятся доказать неосновательность и несправедливость принциповъ Парижской

[1]) Gourdon. Histoire du Congrès de Paris 1857. p. 113.

[2]) Объ отвѣтѣ Вашингтонскаго правительства см. ниже.

[3]) Dana's note N. 223, p. 612, in *Wheaton's* Elements.

деклараціи. Обходить молчаніемъ литературу настоящаго вопроса невозможно, если имѣть въ виду то вліяніе, которое публицисты оказывали на развитіе сознанія правъ нейтральныхъ и на мѣры своего правительства. Послѣдующее краткое изложеніе важнѣйшихъ теорій о правахъ нейтральныхъ докажетъ, мы надѣемся, самымъ убѣдительнымъ образомъ, постепенное развитіе въ выясненіи неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ и нейтральной торговли, въ особенности.

II. Развитіе сознанія правъ нейтральныхъ и нейтральной торговли въ наукѣ.

Ни въ одномъ вопросѣ международнаго права не выступаетъ такъ ярко національный колоритъ писателя, какъ при обсужденіи правъ нейтральныхъ на свободу торговыхъ сношеній съ воюющими. Нигдѣ не выказываются, такъ рельефно, заботы публицистовъ о благоденствіи и могуществѣ ихъ отечества, какъ при изслѣдованіи обязанностей воюющихъ державъ, въ отношеніи нейтральныхъ. Изучая развитіе сознанія правъ нейтральныхъ въ представителяхъ науки, мы и здѣсь видимъ постепенный переходъ отъ прославленія права грубой силы къ выясненію неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ. Но, нельзя также не замѣтить, что публицисты, въ настоящемъ вопросѣ, часто жертвовали правдою и справедливостью, о которыхъ они трактовали такъ увлекательно и краснорѣчиво, при другихъ вопросахъ, менѣе связанныхъ съ національными интересами. Для оправданія отечественной практики относительно безсильныхъ нейтральныхъ, для поддержанія явно и сознательно несправедливыхъ притязаній даннаго государства, публицисты-патріоты удивительно ловко подбирали факты изъ опыта международныхъ отношеній, и выводили заключенія, вполнѣ согласныя съ національными интересами [1]). Подобный пріемъ, сопровождаемый,

---

[1]) Какъ на образецъ подобнаго рода изслѣдованій, мы укажемъ на приведенное выше сочиненіе. *Rob. Ward.* «A treatise of the relative rights and duties of Belligerents and Neutral Powers, in maritime affairs, in which the principles of Armed Neutralities, and the opinions of Hübner and Schlegel are fully discussed. London. 1801.— Англія, кромѣ своего могущества на моряхъ никогда не терпѣла недостатка въ талантливыхъ и ученыхъ защитникахъ (какъ Уардъ) своей призовой практики.

обыкновенно, искаженіемъ фактовъ, какъ нельзя лучше даетъ возможность истолковывать неотъемлемыя права нейтральныхъ, соотвѣтственно политическимъ соображеніямъ данной минуты; но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что изслѣдованія, предпринятыя съ подобной не научной цѣлью, всегда теряютъ научный авторитетъ, и имѣютъ значеніе преходящее. Но помимо этого уклоненія отъ истиннаго научнаго выясненія права, многіе изслѣдователи правъ нейтральныхъ впали еще въ другую, болѣе вредную, по своимъ послѣдствіямъ, ошибку, которая состояла въ примѣненіи къ развитому международному правосознанію юридическихъ понятій, выработанныхъ давно - минувшей жизнью. Вмѣсто того, чтобы вникнуть въ сознаніе права цивилизованныхъ народовъ, даннаго времени, стремиться къ уразумѣнію измѣнившихся условій международной жизни, нѣкоторые писатели обратили свои взгляды къ древности и ко временамъ феодальной анархіи. Но, не находя положительныхъ, сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній о сознаніи правъ нейтральныхъ въ греческихъ и римскихъ источникахъ, большинство писателей XVII и XVIII в. считали вѣчными и неопровержимыми истинами тѣ опредѣленія правъ нейтральныхъ, которыя предлагалъ сборникъ средневѣковыхъ торговыхъ обычаевъ. На основаніи компиляціи неизвѣстнаго автора, изданной въ неизвѣстное время, и которая не была принята ни однимъ государствомъ въ видѣ положительнаго закона, но, главнымъ образомъ имѣла примѣненіе въ торговыхъ городахъ въ XIII и XIV в., на берегахъ Средиземнаго моря, — многіе публицисты желали юридически опредѣлить международную жизнь даже XIX ст.! Въ силѣ обычая заключалось значеніе Consolato del Mare, и съ измѣненіемъ жизни и развитіемъ правосознанія должны были уничтожиться вліяніе и авторитетъ этого сборника обычаевъ. Международныя отношенія развиваются осязательно; международное правосознаніе согласуется съ условіями жизни и идеею права,— только представители науки, за исключеніемъ немногихъ самостоятельныхъ изслѣдователей, остановились на точкѣ зрѣнія Consolato, и въ немъ искали опредѣленій той жизни, о которой этотъ сборникъ не могъ имѣть никакого понятія. Къ числу писателей прежняго времени, основывающихся исключительно на системѣ Consolato del Mare, можно отнести Гентилиса [1]), Гуго

[1]) Alberici Gentilis De Advocatione Hispania, lib. I, p. 20.

Гроція, Бинкерсгука, Локценія, Гейнекція и Ваттеля. Кромѣ того, британскіе и американскіе публицисты рѣшительно всѣ, исключая развѣ только одного англійскаго писателя Вильдмана, величаютъ опредѣленія сборника XIV в. «непзмѣнными, поло-«жительными законами международнаго права» XIX и послѣдующихъ вѣковъ.

Гуго Гроцій, при обсужденіи имъ въ нѣсколькихъ словахъ положенія нейтральныхъ, не могъ, по обыкновенію, основываться на опредѣленіяхъ римскаго права и поэтому, онъ очевидно не пришелъ ни къ какому самостоятельному, или положительному заключенію. Относительно неприкосновенности нейтральной собственности, на непріятельскомъ кораблѣ, Гроцій выражается весьма неопредѣленно, но изъ его словъ можно вывести предположеніе, что и онъ держится правила Consolato del Mare. Гроцій допускаетъ, что естественное предположеніе, по которому вещи, находящіяся на непріятельскомъ кораблѣ, принадлежатъ хозяину корабля, можетъ быть уничтожено убѣдительными доказательствами [1]). Уитонъ замѣчаетъ, по поводу мнѣнія Гроція, что предположеніе великаго писателя дѣйствительно можетъ имѣть мѣсто, но оно легко допускаетъ доказательство противнаго, и поэтому, есть praesumptio juris et de jure извѣстное въ гражданскомъ правѣ [2]). О правѣ неприкосновенности нейтральнаго корабля, Гроцій говоритъ въ примѣчаніи къ вышеприведенному мѣсту своего сочиненія, и, ссылаясь на французскіе эдикты 1543 и 1584 г., приходитъ къ принципу конфискаціи непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ и даже самаго корабля, если хозяинъ его зналъ, что товары принадлежатъ подданнымъ одной изъ воюющихъ державъ [3]). Противъ этого возражаетъ совершенно основательно Отфель, утверждающій, между прочимъ, что конфискація есть наказаніе, имѣющее мѣсто только относительно преступника, каковымъ нельзя счи-

---

[1]) Grotii *De jure belli ac pacis.* lib. III, cap. III, cap. VI, § VI: «Quare, quod dici solet, hostiles censeri res in hostium navibus repertas, non ita accipi debet, quasi certa sit juris gentium lex, sed ut praemutionem quandam indicet, quae tamen validis in contrarium probationibus possit elidi».

[2]) Wheaton's Elements of Intern. Law. § 444, p. 560.

[3]) De jure belli ac pacis, lib, III, cap. VI, § VI, nota h: «Sed neque amicorum naves in praedam veniunt ob res hostiles, *nisi ex consensu* id factum sit dominorum navis. — Alioqui res ipsae solae in praedam veniunt».

тать нейтральнаго, который нагрузилъ на свой корабль имущества, принадлежащія подданнымъ дружественнаго ему государства, являющагося въ отношеніи къ другимъ воюющимъ. Слѣдовательно, нейтральный собственникъ невиновенъ ни въ чемъ, и поэтому, не долженъ лишаться своего имущества [1]) Замѣтимъ наконецъ, что Гроцій, въ основаніе своего взгляда, приводитъ кромѣ французскихъ эдиктовъ еще опредѣленіе юриста Paulus'a, который говоритъ, что въ случаѣ *таможенной контрабанды*, казна имѣетъ право конфисковать, не только товары, но и самый корабль, служившій для контрабандной торговли. Противъ этого яснаго смѣшенія Гуго Гроціемъ двухъ совершенно различныхъ вопросовъ, возсталъ уже Бинкершукъ, разсужденія котораго отличаются удивительной логичностью. Бинкершукъ поставилъ вопросъ о правахъ нейтральныхъ на юридическую почву, и, слѣдуя провозглашенному имъ принципу международнаго права: разуму, онъ не задумался противорѣчить современной ему политикѣ своего отечества—Нидерландовъ. Бинкершукъ признаетъ на сторонѣ нейтральныхъ полное право возить непріятельскую собственность, потому что воюющій не имѣетъ никакого права запрещать сношенія между народами, которые продолжаютъ жить въ мирѣ и въ дружбѣ. «Твой непріятель», говоритъ Бинкершукъ за нейтральнаго, «имѣетъ право предо«ставлять мнѣ пользованіе своимъ кораблемъ, а я, съ своей «стороны. могу ему дать въ наемъ мое судно» [2]). Изъ этого слѣдуетъ, что нейтральный корабль, на которомъ воюющій находитъ непріятельскую собственность, не можетъ быть конфискованъ, какъ это думалъ Гроцій. Но Бинкершукъ обратилъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на національность товаровъ или груза и не сознавалъ неприкосновенности нейтральнаго корабля, представляющаго, какъ бы частью неприкосновенной нейтральной территоріи. Поэтому и Бинкершукъ поддерживаетъ, въ кон-

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des nations neutres, II, p. 421.

[2]) Bynkershoek. Quaest. juris publici, lib. I, cap. XIV: «*De hostium rebus, in amicorum navibus repertis*». Sed nunc subsiste, et mecum quaere, an jure gentium peccet, qui nave sua rem amici sui, quamquam tui hostis, transfert? quo jure tu, qui etiam amicus meus es, invades navem meam, licet vehat res tui hostis? Ego, utrique amicus, utrique operam praestabo in his, quae neutri vestrum nocent, et sic uterque etiam mihi operam praestabit in rebus promiscuis. Hostis tuus recte locabit mihi navem suam et ego rursus meam hosti tuo locabo» (p. 218).

цѣ концовъ, правило Consolato, что воюющимъ можетъ быть задерживаема непріятельская собственность на нейтральномъ, дружескомъ кораблѣ, такъ какъ воюющій имѣетъ неотъемлемое право захватывать непріятельскую собственность вездѣ, гдѣ она ему доступна [1]). Весьма натурально, что Бинкершукъ, относительно нейтральной собственности на непріятельскомъ кораблѣ, также принимаетъ взглядъ средневѣковаго сборника. «Кто», спрашиваетъ онъ, «можетъ мнѣ воспретить пользоваться кораблемъ «моего друга, хотя онъ тебѣ и врагъ, для перевозки моихъ то«варовъ? Если нѣтъ трактатовъ, которые меня связываютъ, «то я могу съ твоимъ непріятелемъ вести всѣ торговыя сно«шенія, заключать съ нимъ обязательства, покупать, продавать, «брать въ наемъ и т. п. Ты, напротивъ, имѣешь право захва«тить корабль, который принадлежитъ твоему непріятелю; но, «на какомъ основаніи, ты себѣ присвоишь право конфисковать «мои вещи, т. е., собственность твоего друга» [2]). Около этой теоріи Бинкершука, основанной на точномъ смыслѣ опредѣленій Consolato, и которую знаменитый юристъ развивалъ съ юридической опредѣленностью, группируются всѣ доказательства писателей, принявшихъ за аксіому принципы сборника. Мнѣнія Бинкершука развивали, между прочимъ, съ очень незначительными отступленіями: Ваттель; итальянцы: Лампреди, Ацуни; изъ англичанъ: Уардъ, Реддп, Филлиморъ, Тьюисъ [3]); изъ числа американскихъ юристовъ: Стори, Кентъ, Уитонъ и др. Подвергать разсмотрѣнію мнѣнія каждаго изъ этихъ публицистовъ отдѣльно, мы считаемъ неумѣстнымъ и излишнимъ, потому что всѣ ихъ доводы и разсужденія направлены къ одной цѣли: доказать право воюющаго конфисковать непріятельскую собственность,

---

[1]) Bynkershoek—Quaest. juris publici, lib. I, cap. XIV: Quid inquies, dubitabis, cum recte occupem, *quicquid* hostium est»?—«Sed *quicquid* sit, de ipsa ratione magis, quam de Pactis laborandum est. Ea autem consulta non eum, qui videam, cur non liceret capere res hostiles, quamvis in navi amica repertas, id enim capio, quod hostium est, quodque jure victori cedit»: (p. 218) Срав. *Ward.* A treatise, p. 67.

[2]) Quaest. Juris publici—lib. I, cap. XIII: «*De amicorum bonis in hostium navibus repertis*». Cape, si potes», продолжаетъ авторъ, «quodcunque est hostis tui, sed mihi redde quod meum est, quia amicus tuus sum, et impositione rerum mearum nihil sum molitus in necem tuam». (p. 217).

[3]) Twiss. Law of Nations, vol. II, chap. XI «On the rights and duties of neutral powers». (§ 208, p. 424 etc).

на нейтральномъ кораблѣ, и поставить неотъемлемыя права нейтральныхъ въ полную зависимость отъ благоусмотрѣнія воюющихъ. Кромѣ того, при общей цѣли, разсужденія этихъ публицистовъ не отличаются оригинальностью и состоятъ, главнымъ образомъ, въ развитіи аргументаціи Бинкершука. Затѣмъ, всѣ удары этихъ писателей направлены противъ извѣстнаго положенія Гюбнера, что нейтральный корабль есть часть нейтральной территоріи, ибо, допустивъ эту фикцію, нейтральная собственность, при совмѣстномъ соблюденіи принципа Consolato, должна будетъ пользоваться полной неприкосновенностью. Вторымъ основнымъ положеніемъ послѣдователей Бинкершука является такъ-называемое право необходимости, которое было самымъ наглядымъ образомъ доказано Лампреди. Такъ какъ это право необходимости или право сильнѣйшаго коренится, безъ всякаго сомнѣнія, въ періодѣ господства, въ международной жизни, грубой, физической силы, то мы обратимся прежде всего ко второму основанію права воюющаго на конфискацію непріятельской собственности на нейтральномъ кораблѣ; а затѣмъ посмотримъ, насколько нейтральный корабль имѣетъ *право* какъ на свою неприкосновенность, такъ и на неприкосновенность находящейся на его бортѣ собственности.

Въ основаніе разсужденій Лампреди о правахъ нейтральныхъ, легла коллизія между правами воюющихъ и нейтральныхъ. Воюющій имѣетъ право, разсуждаетъ Лампреди, атаковать своего непріятеля, вредить ему на каждомъ шагу, побѣждать его и захватывать его собственность «вездѣ, гдѣ общее меж«дународное право дозволяетъ предпринимать непріязненныя «дѣйствія» [1]). Рядомъ съ этимъ естественнымъ правомъ воюющаго, существуетъ неотъемлемое право нейтральнаго государства продолжать свои мирныя и торговыя сношенія съ воюющими. Но такъ какъ въ интересѣ воюющаго уничтожить непріятелю всѣ средства продолжать непріязненныя дѣйствія, и принудить его къ миру,—что наилучшимъ образомъ достигается захватомъ его собственности,—то *необходимость* требуетъ, чтобы за воюющимъ было признано, также, право конфи-

[1]) Lampredi. Commercio dei popoli neutrali in tempo di guerra. Firenze 1788.—У насъ подъ руками французскій переводъ *Peuchet* «Du commerce des neutres en tems de guerre. Paris 1802. p. 122, 127 etc. Срав. *Azuni*. Droit maritime de l'Europe. Paris. 1805. Tome II, p. 224.

сковать непріятельскую собственность на нейтральномъ кораблѣ [1]). Это право необходимости, основанное на вѣчныхъ законахъ природы, даетъ воюющему несомнѣнное право задержать нейтральный корабль, снять съ него непріятельскіе товары, и, затѣмъ, съ вознагражденіемъ за понесенные убытки, отпустить его [2]). Было бы противно разуму жертвовать невозстановимымъ правомъ воюющаго въ пользу матеріальныхъ выгодъ нейтральныхъ государствъ, и поэтому, справедливость и необходимость требуютъ признать за воюющими право конфискаціи непріятельской собственности, подъ нейтральнымъ флагомъ. Такимъ образомъ, выведенное изъ коллизіи одинаково безспорныхъ правъ воюющихъ и нейтральныхъ, право необходимости служило оправданіемъ нарушенія права нейтральныхъ на безпрепятственное продолженіе мирныхъ, торговыхъ сношеній съ воюющими. Спрашивается: существуетъ ли, дѣйствительно, такое право необходимости, оправдывающее постоянное нарушеніе правъ нейтральныхъ? Источника этого права писатели искали, прежде всего, у древнихъ народовъ, но первый, Гентилисъ вывелъ, изъ неразрѣшимой коллизіи противорѣчащихъ правъ, право необходимости или жертвованіе правомъ самостоятельности нейтральныхъ народовъ произволу воюющихъ. Во время войны Англіи противъ Испаніи, голландцы продолжали подвозить въ Испанію военные снаряды и съѣстные припасы. Противъ этого возстала Англія, и Гентилисъ, въ своемъ сочиненіи: «О правѣ войны», становится также на сторону своего новаго отечества, т. е., Англіи. Его заключенія сдѣлались исходной точкою разсужденій Ламиреди и всѣхъ послѣдователей системы Consolato. Гентилисъ разсуждаетъ такимъ образомъ: трудно рѣшить вопросъ, кому изъ двухъ дать преимущество: суровому ли праву нейтральнаго на свободу торговли, или же справедливости (aequitas), которой требуютъ воюющіе. Право нейтральныхъ неотъемлемо, но за то право воюющаго несравненно важнѣе; первое имѣетъ въ виду коммерческія выгоды, барышъ,—отъ послѣдняго зависитъ безопасность и существованіе цѣлаго народа. Право нейтральныхъ продолжать, и во время войны, торговыя сношенія съ воюю-

[1]) Lampredi—p. 123: «les peuples belligérans peuvent empêcher le commerce des neutres avec l'ennemi, du moment, qu'ils croient nécessaire à leur propre défense d'en agir ainsi».

[2]) Lampredi. Du commerce des Neutres p. 125.

щими, основывается на международномъ правѣ; между тѣмъ какъ право воюющаго—вредить непріятелю—зиждется на незыблемыхъ основаніяхъ природы. Частный интересъ долженъ уступать государственному, торговля - политикѣ, международное право -естественному, деньги—сохраненію жизни [1]). Согласно основной мысли Гентилиса, Ламприди приводитъ, какъ примѣръ возникновенія права необходимости, рѣку выступившую изъ береговъ и прорвавшую всѣ плотины,—въ такомъ случаѣ, разумѣется, что всякое лицо имѣетъ право присвоить себѣ чужой лѣсъ и матеріалы, съ цѣлью задѣлать плотины [2]). Такую же коллизію правъ принимаетъ и Ацуни [3]) и Кальтенборнъ; послѣдній утверждаетъ, что право верховной власти и право покровительства нейтральныхъ сталкиваются съ правомъ суверенитета и «привилегіями» воюющихъ державъ. Въ своемъ трудѣ: «Основныя черты практическаго, европейскаго морскаго права», Кальтенборнъ предоставляетъ «обстоятельствамъ» рѣшать вопросъ: чье право должно одержать верхъ? Но онъ тотчасъ же прибавляетъ, что право необходимости воюющаго не подлежитъ сомнѣнію [4]). Очевидно, что всѣ эти разсужденія сосредоточиваются, какъ въ фокусѣ, въ коллизіи правъ нейтральныхъ и воюющихъ. Между тѣмъ, едва ли можетъ, въ настоящее время, подлежать сомнѣнію, что въ дѣйствительности не существуетъ никакой коллизіи правъ. Всякому праву соотвѣтствуетъ извѣстная обязанность, и на оборотъ, всякой обязанности—право. Коллизія же правъ, о которой такъ пространно и велерѣчиво разсуждали прежде юристы, обнаруживаетъ обыкновенно только невѣрное пониманіе и толкованіе права [5]). Не

[1]) Gentilis. De jure belli, lib. I, cap. XXI, p. 161: «Magna quaestio: hinc jure stricto pro his, illinc stante pro Anglis aequitate».... «Esse autem *aequo aequius:* et *favorabili favorabilius:* et *utili utilius?* Lucrum illi commerciorum sibi perire nolunt. Angli nolunt, quid fieri, quod contra salutem suam est. Ius commerciorum aequum est: at hoc aequius tuendae salutis. Est illud gentium jus: hoc naturae est. Est illud privatorum: est hoc regnorum. Cedat igitur regno mercatura, homo naturae, pecunia vitae», etc.

[2]) Lampredi. Du commerce des neutres, p. 124.

[3]) Azuni. Droit maritime de l'Europe. II, p. 228.

[4]) Kaltenborn. Grundsätze des praktischen Europ. Seerechts, etc. Berlin, 1851. Bd. S. 151. Ср. *Zachariae.* Vierzig Bücher v. Staate, Bd. V, S. 136—40.

[5]) Ahrens, Cours de droit naturel ou de philosophie du droit. 6 ed. Lpz.

находя, съ перваго взгляда, удовлетворительнаго исхода, въ присвоеніи себѣ кѣмъ-либо чужаго права, поддерживаемаго силою, между тѣмъ, какъ жизнь и разумъ признаютъ такое же право за другимъ—юристы пришли къ теоріи о коллизіи правъ. Принимая, затѣмъ, въ соображеніе, что только постепенно публицисты пришли къ сознанію различія между правомъ и силою, какъ физическимъ факторомъ международныхъ отношеній, то понятно будетъ происхожденіе права необходимости, или право сильнѣйшаго воюющаго: не уважать права безсильныхъ нейтральныхъ. Право, какъ органическое цѣлое жизненныхъ условій, вытекающихъ изъ свободной воли и необходимыхъ для достиженія блага, не можетъ состоять въ постоянномъ самопротиворѣчіи, и немыслимо безъ соотвѣтствующихъ обязанностей. Праву воюющаго, которое основывается на условіяхъ международной жизни, и вытекаетъ изъ верховной воли государства, соотвѣтствуютъ опредѣленныя обязанности, на сторонѣ мирныхъ, или нейтральныхъ государствъ. Но, съ другой стороны, нейтральные, имѣющіе обязанности, владѣютъ также несомнѣнными и неотъемлемыми правами, а воюющіе имѣютъ согласныя имъ обязанности. Что же касается привилегій, приписываемыхъ воюющимъ государствамъ Кальтенборномъ, то современное право войны не признаетъ ихъ; впрочемъ и самъ Кальтенборнъ не привелъ въ ясность сущность этихъ, ни на чемъ не основанныхъ, привилегій. Признать за воюющими государствами какія то привилегіи или право необходимости, и выставлять притомъ это право, какъ норму постоянныхъ отношеній воюющихъ къ нейтральнымъ народамъ — значитъ: предоставлять права самостоятельности и собственности нейтральныхъ на полный произволъ воюющаго. Кромѣ того, самой сущности идеи права противорѣчитъ право необходимости, какъ непремѣнная норма международныхъ отношеній. Такое право необходимости, приписываемое въ видѣ привилегіи воюющимъ державамъ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ понятіямъ нѣкоторыхъ публицистовъ о вѣчной непремѣнности международныхъ отношеній, и требуется прославляющими господство грубой силы писателями; но право

1868. Tome I, p. 220: «Une véritable *collision* entre les droits, de manière que l'un exige le sacrifice de l'autre, n'éxiste pas, et le progrès du droit humain doit la faire disparaître partout où elle est encore établie dans les lois positives»,

необходимости не есть нормальное опредѣленіе юридическихъ отношеній народовъ, и не согласуемо съ постояннымъ, неудержимымъ развитіемъ жизни и права. Необходимость, какъ исключеніе изъ обыкновеннаго порядка вещей, какъ результатъ подавляющей силы физическаго міра, вліяніе которой не могъ еще пересилить человѣкъ, не можетъ быть признана закономъ международныхъ отношеній. Въ состояніи необходимости, неотъемлемое чужое право дѣйствительно можетъ быть нарушено, но нельзя подобное состояніе возвести на степень положительнаго закона [1]). На этомъ основаніи, не анормальное право необходимости опредѣляетъ отношенія воюющихъ державъ къ нейтральнымъ, но напротивъ, права нейтральныхъ, сами по себѣ, ненарушимы, и имъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя обязанности, со стороны воюющихъ государствъ. Изъ этого слѣдуетъ, что нейтральный имѣетъ неотъемлемое право нагрузить на свои корабли непріятельскую собственность, а воюющій обязанъ уважать неприкосновенность нейтральнаго корабля, пока онъ не отречется отъ своего нейтральнаго характера, какъ напр. вслѣдствіе подвоза непріятелю военной контрабанды.—Гентилисъ, Ацуни, Лампреди и другіе публицисты еще доказываютъ, что между правомъ воюющаго— захватывать непріятельскую собственность — и правомъ нейтральнаго — транспортировать непріятельскіе товары — существуетъ весьма важное различіе, которое заключается въ томъ, что право воюющаго или право необходимости основывается на естественномъ правѣ и вытекаетъ изъ природы; между тѣмъ какъ право нейтральнаго основывается только на международномъ правѣ. Не находя возможнымъ касаться здѣсь различія между естественнымъ и международнымъ правомъ, какъ его понимали писатели прошлаго столѣтія, достаточно замѣтить, что право воюющаго, понятое какъ естественное право, т. е. какъ вѣчно неизмѣнное и неразвивающееся, несогласно, ни съ постоянно развивающейся международной жизнью, ни съ основной идеею современнаго международнаго права. Мало того, по нашему мнѣнію, свобода нейтральной торговли естественно вытекаетъ изъ современнаго международнаго правосознанія, а захватъ непріятельской частной собственности, во всѣхъ отноше-

[1]) Phillimore, vol. III, p. 225: «but no safe rule of law is to be derived from the consideration of a state of things in which the operation of law is, by the very hypothesis, suspended.

ніяхъ, противенъ условіямъ развитія международной жизни. Если сама война есть неестественное, исключительное состояніе человѣческаго сожитія, то понятно, что и права воюющаго скорѣе представляются исключительными, чѣмъ необходимыми для прогрессивнаго развитія народовъ. Замѣтимъ, кромѣ того, что эти писатели, приписывающіе такое преимущество естественному праву воюющаго, всѣ, въ одинъ голосъ, признаютъ право нейтральныхъ на продолженіе мирныхъ, торговыхъ сношеній съ воюющими державами [1]). Слѣдовательно, право нейтральныхъ настолько же ненарушимо, какъ и право воюющаго. Это также сознаетъ большинство публицистовъ, защищающее правило Consolato, потому что они требуютъ отъ воюющаго, захватившаго нейтральный корабль съ непріятельскою собственностію,—фрахтовыхъ денегъ, для судохозяина и вознагражденія за ущербъ, нанесенный ему чрезъ остановку. Но если воюющій имѣетъ *право* на конфискацію непріятельскихъ товаровъ на нейтральномъ кораблѣ, то какимъ образомъ объяснить себѣ вознагражденіе, требуемое отъ воюющаго, за осуществленіе имъ своего «естественнаго и вѣчно—неизмѣннаго» права? Наконецъ, развѣ могутъ быть точно оцѣнены на деньги всѣ убытки, происшедшіе отъ задержанія нейтральнаго корабля [2])? Кромѣ того, извѣстно, что воюющія морскія державы не только никогда не вознаграждали потерь нейтральнаго, но произволъ ихъ доходилъ до того, что они конфисковали даже, въ видѣ наказанія, самый нейтральный корабль. Такимъ образомъ, мы считаемъ доказанною несостоятельность доводовъ послѣдователей системы Consolato del Mare, которые признаютъ какое то право необходимости неизмѣнной нормою отношеній воюющихъ къ нейтральнымъ. Но, при всемъ томъ, теоріи Гентилиса, Бинкершука, Ламприди и Ацуни заслуживаютъ вниманія: эти писатели рельефнѣе другихъ выразили ту эпоху въ международной жизни, когда грубая сила была закономъ международныхъ отношеній, предъ которой преклонялись и народы и публицисты,—однимъ словомъ, когда сила была правомъ, а безсиліе не-правомъ! Въ самомъ дѣлѣ, исходной точкою этихъ писателей, начиная отъ Гентилиса, и кончая

---

[1]) Bynkershoek. Quaest. Juris publici,—lib. I, cap. XIV.
Lampredi. Du commerce des neutres, p. 33, 47.
Azuni. Droit maritime de l'Europe. T. II, p. 226.

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs. Tome II, p. 400.

нѣкоторыми современными британскими публицистами, было понятіе о войнѣ, въ которой воюющему разрѣшается принимать *всѣ* мѣры, могущія привести къ желанной цѣли: къ побѣдѣ. Признавая подобное неограниченное право за воюющими, которое можетъ быть осуществлено, разумѣется, только сильнѣйшимъ, писатели не могли ограничить его обязанностями относительно нейтральныхъ [1]). Поэтому, при такъ-называемой коллизіи правъ воюющаго и нейтральнаго, за первымъ естественно было признано преимущественное право. По съ прогрессомъ, совершившимся въ международной жизни, съ развитіемъ правосознанія,—теперь, когда воюющіе имѣютъ права и обязанности, а побѣжденные никогда не могутъ быть лишены неотъемлемыхъ правъ, связанныхъ неразрывно съ личностью человѣка и выяснившихъ международной жизнью цивилизованныхъ народовъ, — теперь право нейтральныхъ, на безпрепятственныя торговыя сношенія съ воюющими, не можетъ подлежать сомнѣнію, и нейтральный флагъ всегда покрываетъ непріятельскую собственность, за исключеніемъ военной контрабанды.

Выяснивъ несостоятельность перваго, «положительнаго» доказательства, на которомъ защитники системы Consolato основываютъ свою теорію, не трудно будетъ отразить ихъ удары, направленные противъ извѣстной юридической фикціи, представляющей нейтральный корабль оторванною частью нейтральной территоріи. Слѣдовательно, къ отрицанію неприкосновенности нейтральнаго флага можно свести всѣ остальныя доказательства защитниковъ принципа: непріятельская собственность конфискуется на нейтральномъ кораблѣ. Неприкосновенность нейтральной территоріи признается всѣми публицистами, въ большей или меньшей степени, и, военный корабль вездѣ представляетъ верховную власть своего государства: не только въ открытомъ морѣ, но, даже въ гаваняхъ чужаго государства, военный корабль и лица на немъ находящіяся неподсудны территоріальной власти [2]). Если это положеніе военныхъ кораблей принимается почти всѣми публицистами, то распространеніе этихъ правъ на купеческіе корабли встрѣчаетъ ярыхъ противниковъ. Изъ публицистовъ, Гюбнеръ первый вы-

---

[1]) Galiani. Dei doveri etc. 262—70.

[2]) Wheaton's Elements §§ 106, 107.

сказалъ мнѣніе, что подобно тому, какъ неприкосновенна нейтральная территорія, такъ точно непріятельская собственность не можетъ быть конфискована на нейтральномъ купеческомъ кораблѣ, потому что она находится на нейтральной территоріи [1]). Корабль уподобляется фиктивно оторванной части территоріи своего государства, и, если военные корабли уже давно пользуются правами территоріальной независимости, то неприкосновенность нейтральной территоріи Гюбнеръ желалъ распространить и на купеческіе корабли. Но противъ этого уподобленія купеческаго корабля части территоріи, возстаютъ, между прочимъ, единогласно: Дженкинсонъ, Уардъ, Лампреди, Ацуни, и отчасти, Ортоланъ. Аргументацію этихъ писателей можно передать слѣдующимъ образомъ: море считается общимъ достояніемъ всего человѣчества, ни одному государству не принадлежитъ право господства надъ океаномъ; слѣдовательно, корабль, который плаваетъ въ открытомъ морѣ, не можетъ считаться на территоріи своего государства, и поэтому, не долженъ пользоваться правомъ неприкосновенности государственной территоріи. Флагъ и корабельныя бумаги удостовѣряютъ только: какой націи принадлежитъ корабль и его экипажъ. Что же касается вообще лицъ, находящихся на кораблѣ, то они обязаны слѣдовать законамъ «естественной справедливости, и исполнять «распоряженія своего монарха, которыя онъ считаетъ нужнымъ сдѣлать, для поддержанія порядка на кораблихъ». Ко«рабли», говоритъ Лампреди, отрицающій даже экстерриторіальность военныхъ кораблей, «которые встрѣчаются въ откры«томъ морѣ, можно сравнить съ двумя повозками, находящимися «въ пустынѣ, незанятой никѣмъ. Было бы весьма смѣшно, ес«ли бы одна изъ нихъ изъявила претензію быть территоріею «государства потому только, что пользуется его флагомъ» [2]). Замѣтимъ прежде всего, что примѣръ, приводимый Лампреди,

---

[1]) Hübner. De la saisie des bâtimens neutres, ou du droit qu'ont les nations belligérantes d'arrêter les navires des peuples amis. A la Haye 1759. Vol. I, part. I, chap. II, § 3.

[2]) Lampredi. Du commerce des neutres, p. 139, etc. «La prétention d'une voiture de mer n'est pas moins ridicule, lorsqu 'ayant arboré le drapeau d'une nation, elle prétend être regardée comme faisant partie de son territoire, et par là devenir inviolable. Cp. *Azuni* Droit mar. II, p. 235. *Ortolan*. Règles internationales et diplomatie de la mer, I, p. 166, 179 et s.

совершенно чуждъ спорнаго вопроса, и поэтому, ничего недока зываетъ. Едва ли Ламиреди могъ указать на такія пустыни, или необитаемыя мѣстности, въ извѣстныхъ ему цивилизованныхъ государствахъ, которыя не подчинялись бы какой либо территоріальной власти: что не состоитъ въ собственности частныхъ лицъ или обществъ, считается собственностью государства, и территоріальная власть распространяется на сушѣ повсюду. Затѣмъ, въ несуществующей и воображаемой Ламиреди пустынѣ, нѣтъ никакой надобности знать народность встрѣчнаго, между тѣмъ какъ воюющій на морѣ имѣетъ право и надобность удостовѣриться въ нейтральности встрѣчаемаго имъ корабля; для чего воюющій можетъ потребовать представленія корабельныхъ документовъ. Если же слѣдовать взгляду Ламиреди на корабли, плавающіе по океану, если отрицать, что флагъ, который они подняли не придаетъ имъ видъ, какъ бы движимой части недвижимой территоріи, въ такомъ случаѣ, послѣдовательность требуетъ распространенія того же положенія на корабли воюющей державы. Война составляетъ прерогативу верховной власти, которая уполномочиваетъ своихъ подданныхъ захватывать на моряхъ непріятельскіе корабли. Внѣшнимъ знакомъ этого уполномочія служитъ флагъ, и корабль воюющей державы представляетъ вездѣ верховную власть своего государства. Если отрицать фикцію, что корабль — оторванная часть территоріи, тогда воюющіе не имѣютъ никакого права задерживать нейтральные, и даже непріятельскіе корабли, потому что, плавая въ безспорно свободномъ мѣстѣ—по океану—военный корабль не можетъ претендовать на исполненіе даннаго ему порученія. Только въ предѣлахъ территоріальной власти своего государства корабли воюющаго могли бы нападать на непріятеля; если же они въ открытомъ морѣ вздумаютъ исполнить порученіе, то должны бы считаться пиратами, «врагами всего человѣчества». Вотъ къ чему приводитъ логичное развитіе положеній Ламиреди. Ясно, что только въ такомъ случаѣ, воюющій имѣетъ право осмотра нейтральныхъ кораблей, если къ кораблямъ обоихъ — воюющихъ и нейтральныхъ»—примѣнена будетъ вышеупомянутая фикція [1]). Не смотря на всѣ возраженія нѣкоторыхъ публицистовъ, это «чудесное открытіе» (the wonderful discovery), какъ назы-

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, I, p. 236, 289 etc.
Massé. Droit commercial, § 260.

васть Уардъ [1]) уподобленіе Гюбнеромъ корабля части территоріи, получило все-таки въ международномъ правѣ, право гражданства. Дѣйствительно, купеческіе корабли и на морѣ всегда подчиняются законамъ своего государства; договоры, заключенные на нихъ, должны удовлетворять требованіямъ закона того же государства. Преступленія и проступки, совершенные на кораблѣ въ открытомъ морѣ, подсудны верховной власти, флагъ которой развивается надъ кораблемъ. «Дѣти», говоритъ Ваттель «рожденныя на кораблѣ, могутъ быть разематриваемы «какъ родившіяся на территоріи, потому что естественно счи«тать національныя суда частями (portion) территоріи, въ осо«бенности, когда они находятся въ свободномъ морѣ, ибо госу»дарство сохраняетъ свою юрисдикцію на этихъ корабляхъ [2])». Того же мнѣнія Бентамъ, который называетъ корабли «плавающими замками [3])». Вообще говоря, принципъ территоріальнаго характера кораблей можно считать общепринятымъ современными публицистами. Все равно, выражается ли это понятіе въ формѣ юридической фикціи, что корабль «подвижная часть территоріи» или ея «продолженіе», или же, «движущаяся колонія своего государства», какъ выражается Клюберъ [4])—сущность идеи остается неизмѣнною, и корабль вездѣ, даже въ территоріальныхъ водахъ чужаго государства, представляетъ свою народность, и поэтому, независимость и неприкосновенность его, въ открытомъ морѣ, стоитъ выше всякаго сомнѣнія. Достойно вниманія мнѣніе Уитона о настоящемъ вопросѣ. Уитонъ совершенно согласенъ, что корабли въ открытомъ морѣ, подчиняются законамъ и юрисдикціи своего государства (municipal law),

[1]) Ward. A treatise of the relative rights and duties of Belligerent and Neutral Powers, p. 23.

[2]) Vattel. Droit des gens, liv. I, chap. XIX, § 216.
Wheaton's Elements of Int. Law, § 106.
Phillimore's Inter. Law, vol. IV, p. 710.

[3]) Bentham. Traité de législation civile et pénale ed. par *Dumont*. Paris, 1802. Tome I, (p. 332). «Les vaisseaux sont à la fois maisons et voitures: les grands vaisseaux sont des *châteaux flottans*»—«*Un vaisseau est une petite province ambulante, comme l'île de Laputa*». (p. 333).

[4]) Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe, § 299: «Un navire marchand doit être considéré comme une colonie flottante de son état. «Cp. *Heffter*. Völkerrecht. S. 148, 320. *Bluntschli*. Völkerrecht, §§ 317, 318.

и поэтому, исключаетъ всякую другую верховную власть. Однако, продолжаетъ онъ, такая національная юрисдикція не можетъ устранять судебной власти другихъ государствъ, въ случаѣ совершенія экипажемъ кораблей преступленій противъ международнаго права, какъ напр. въ случаѣ пиратства, за которое всѣ народы имѣютъ одинаковое право судить и наказывать. Но развѣ подсудность кораблей верховной власти своего государства можетъ уничтожить осуществленіе воюющими своего права захватывать непріятельскую собственность? Свое право захвата (right of capture) воюющій безспорно осуществляетъ на своей территоріи и на территоріи не нейтральной. Вопросъ, слѣдовательно, въ томъ, разсуждаетъ Уитонъ: можно ли считать нейтральный корабль въ открытомъ морѣ частью нейтральной территоріи? [1]) Для отвѣта на этотъ вопросъ Уитонъ проводитъ весьма тонкое различіе между военными кораблями нейтральнаго государства и частными или коммерческими судами. Относительно первыхъ, международное право не допускаетъ ни осмотра, ни захвата, со стороны воюющихъ державъ, потому что военный корабль принадлежитъ, непосредственно, верховной власти, нигдѣ не признаетъ юрисдикціи другаго государства, и, слѣдовательно, (à fortiori) изъятъ отъ вліянія воюющихъ на океанѣ, и не подлежитъ ни осмотру, ни задержанію. Однимъ словомъ военные корабли, дѣйствительно, представляются частями территоріи своихъ государствъ. Что же касается нейтральныхъ частныхъ кораблей, то они не составляютъ частей нейтральной территоріи, но подчинены мѣстной юрисдикціи того государства, подъ территоріальной властью котораго находятся. Часть океана, занимаемая нейтральнымъ кораблемъ не есть нейтральная территорія, говоритъ Уитонъ и только граждане и ихъ собственность на кораблѣ подлежатъ юрисдикціи, но только не территоріальной, нейтральнаго государства. Океанъ не подлежитъ ни чьей юрисдикціи, и, слѣдовательно, всѣ государства могутъ осуществлять на немъ свои права, основанныя на международномъ правѣ [2]). Изъ всего этого, Уитонъ

---

[1]) Wheaton's. Element of Inter. Law. § 440.

[2]) Wheaton's. Elements of Intern. Law. § 441: That portion of the ocean which is temporarily occupied by them (private vessel) forms no part of the neutral territory; nor does the vessel itself, which is a movable thing, the property of that power to whose subjects it belongs». (p. 548—49).

выводитъ заключеніе, что воюющій имѣетъ полное право захватывать непріятельскую собственность на нейтральномъ купеческомъ кораблѣ. Между тѣмъ, различіе, которое проводитъ Уитонъ и за нимъ Ортоланъ [1]) между военными и частными кораблями, не выдерживаетъ критики, и опровергается словами самаго Уитона. Онъ, очевидно, смѣшиваетъ два совершенно различныя понятія, именно подсудность мѣстную, локальную— когда корабль находится въ территоріальныхъ водахъ чужаго государства—съ положеніемъ корабля, плавающаго въ открытомъ морѣ. Въ первомъ отношеніи, дѣйствительно, еще несовсѣмъ точно опредѣлены всѣ случаи, когда иностранный корабль подсуденъ территоріальной власти, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что корабль, находящійся въ открытомъ морѣ, исключительно подсуденъ своему государству, и если, такимъ образомъ, верховная власть государства распространяется и на корабли въ открытомъ морѣ, то юридическая фикція, представляющая ихъ оторванными частями территоріи, какъ нельзя удачнѣе выражаетъ дѣйствительное положеніе кораблей [2]). Кромѣ того, мнѣніе Уитона—что корабль есть обыкновенная вещь или движимое имущество — несовсѣмъ согласно съ тѣмъ взглядомъ, который высказывается многими законодательствами, при опредѣленіи условій законности продажи и владѣнія кораблями. Скорѣе владѣніе кораблемъ подходитъ къ владѣнію недвижимымъ имуществомъ, чѣмъ движимымъ [3]). Затѣмъ, если на открытое море, дѣйствительно не распространяется ни чья верховная власть, и только люди на кораблѣ и ихъ собственность подсудны своему государству, то ясно, что воюющія государства не имѣютъ никакого права на присвоеніе себѣ какой-либо власти надъ океаномъ и надъ нейтральными подданными и кораблемъ, которые имъ не подсудны. На этомъ основаніи, мы можемъ утверждать, что нейтральный корабль, дѣйствительно, какъ бы плавучая колонія нейтральнаго государства, которая подчинена его верховной власти, и пользуется его защитою и покровительствомъ. Такимъ образомъ, нейтральный купеческій корабль представляется для воюющаго неприкосновеннымъ, неподлежащимъ его власти, и поэтому, непріятельская собственность на немъ не можетъ быть захвачена,

[1]) Ortolan. Régles internationales et diplomatie de la mer, I, p. 180.

[2]) Pütter. Beiträge etc. S. 195.

[3]) Gessner. Le droit des neutres, p. 234.

безъ нарушенія воюющимъ правъ нейтральной державы. Предоставляя себѣ право касаться, при разсмотрѣніи блокады, вопроса о границахъ территоріальнаго характера кораблей мы здѣсь замѣтимъ только, что распространеніе этого начала до такихъ размѣровъ, которые иронически приписываетъ ему Уардъ, вовсе не въ состояніи доказать его несостоятельность. Если шведскій нейтральный корабль, приводитъ въ видѣ примѣра Уардъ, занимается торговлею съ воюющими, и состоитъ на службѣ одного изъ нихъ, и этимъ нарушаетъ свои обязанности нейтральнаго, то не сама Швеція, какъ думаетъ Уардъ, является нарушителемъ нейтралитета, но частное лицо [1]). Нейтральный характеръ и, слѣдовательно, свою неприкосновенность корабль сохраняетъ до тѣхъ поръ, пока является нейтральнымъ, а ни союзникомъ воюющаго. Если на нейтральномъ кораблѣ, встрѣчаемомъ на океанѣ воюющимъ, за которымъ признано право удостовѣренія въ нейтральности, найдены будутъ предметы военной контрабанды, имѣющіе назначеніе въ непріятельскій портъ, то международное право не отказываетъ воюющему въ правѣ конфискаціи этой контрабанды. Но ни нейтральнымъ государствомъ нарушаются, въ такомъ случаѣ, обязанности нейтральнаго, а частнымъ лицомъ, подвергающимся конфискаціи своей собственности. Подобное уподобленіе дѣлъ частныхъ лицъ интересамъ государства не признается международнымъ правомъ, и, едва ли желательно воюющимъ державамъ. Такимъ образомъ, ни во имя права необходимости, ни посредствомъ отрицанія территоріальнаго характера нейтральнаго корабля, нельзя доказать основательность принципа, что непріятельская собственность, на нейтральномъ кораблѣ, подлежитъ праву конфискаціи воюющаго. Въ исторической части настоящаго отдѣла, мы указали на множество трактатовъ, въ которыхъ признано начало: свободный корабль — свободный грузъ, теперь мы видимъ, что приводимыя писателями доказательства, въ пользу этого принципа, также несостоятельны. Постановленія Consolato del Mare основывались на обычаяхъ, и, съ измѣненіемъ обычаевъ и развитіемъ правосознанія, они должны были измѣняться и развиваться. Однако публицисты не задумались исказить факты, и признать «привилегіею» и «отступленіемъ отъ положительнаго международнаго

[1]) Ward. A treatise. p. 23—4.

права» то, что выяснилось, какъ неопровержимое и положительное начало международнаго права [1]). Мало того, даже послѣ признанія, почти всѣми державами, принципа: флагъ покрываетъ грузъ, послѣ подписанія Великобританіею Парижской декларацін, англійскій публицистъ Филлиморъ находитъ возможнымъ отрицать значеніе положительнаго, обязательнаго международнаго закона за второй статьею Парижской декларацін, постановляющей: «нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскіе «товары, за исключеніемъ военной контрабанды» [2]). Филлиморъ увлекается заботами о благосостояніи и интересахъ Англіи, даже до такой степени, что сомнѣвается въ обязательной силѣ, для своего отечества, Парижской декларацін, такъ какъ она невключена въ мирный трактатъ, но составляетъ отдѣльный международный актъ. Но именно потому, что содержаніе декларацін не связано непосредственно съ мирнымъ Парижскимъ трактатомъ, принципы морскаго международнаго права должны были сдѣлаться предметомъ особенной и, правда, необыкновенной декларацін. Кромѣ того, въ декларацін было изъявлено желаніе державъ, засѣдавшихъ на конгрессѣ, чтобы и другія государства неучаствовавшія въ мирныхъ переговорахъ присоединились бы къ провозглашеннымъ въ декларацін принципамъ. Слѣдовательно, содержаніе Парижской декларацін и отношенія ея къ конгрессу требовали именно такой формы, въ которой она и состоя-

---

[1]) Ср. Reddie. Researches historical and critical in maritime International Law. Edinburgh, 1844, vol. I, p. 463 etc.

Oke-Manning. Commentaries on the Law of Nations. London. 1839. p. 203.

[2]) Phillimore's Intern. Law, vol. III, p. X. Вотъ цѣликомъ это любопытное толкованіе Парижской декларацін: «The conduct, and still more the conclusion of the recent war must always be memorable to the historian or the expounder of International Law. In the *former*, Great Britain waived, in the *latter* she abandoned, one of *the most certain and highly valued Belligerent Rights*, namely the right of confiscating enemies' goods found on board neutral vessels. The mode of abandoning this right was little less remarkable than the abandonment itself. The abandonment of this right was not formally incorporated in the provisions of a *Treaty*, with the objects of which, however, it had no natural connection. This anomalous Declaration, whatever may be its binding effect, was signed by most of the European States, but not by the State the most interested, and-next to Great Britain—the best acquainted with the subject—the United States of North America». Срав. также замѣчанія *Travers-Twiss'a*, Law of Nations, II, p. 162.

лась. Наконецъ мы уже высказали наше мнѣніе, что такое торжественное провозглашеніе общесознанныхъ принциповъ международнаго права, къ которому, кромѣ трехъ государствъ, присоединилось огромное большинство всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, выражаетъ, самымъ недвусмысленнымъ образомъ, международное правосознаніе. Поэтому, сознаніе международной жизни требуетъ отъ государствъ, связанныхъ правомъ, дружнаго поддержанія провозглашенныхъ принциповъ, и, въ случаѣ нарушенія, общаго содѣйствія для ихъ возстановленія. Парижская декларація, разсмотрѣнная съ этой точки зрѣнія, всегда займетъ важное мѣсто въ историческомъ развитіи сознанія необходимости международной жизни цивилизованными народами. Ко всему этому до настоящаго времени, т. е. 13 лѣтъ спустя, послѣ подписанія Парижской декларації, еще ни одна держава не отступила отъ ея постановленій, но, напротивъ, мы увидимъ примѣры дальнѣйшаго развитія и распространенія заключающихся въ ней принциповъ. Что же касается опасеній Филлимора, на счетъ Соединенныхъ Штатовъ, то во 1-хъ, причина отказа ихъ къ присоединенію была первая статья декларації, а во 2-хъ, остальнымъ принципамъ слѣдовали Соединенные Штаты всегда и почти неуклонно,—въ этомъ убѣдило насъ изложеніе трактатовъ, заключенныхъ этимъ государствомъ. Но весьма замѣчательно, говоритъ Дана — гражданинъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ,—что между тѣмъ, какъ правительство пыталось ввести въ заключенные имъ трактаты принципъ: флагъ покрываетъ грузъ (free ships make free goods), американскіе судьи и юристы постоянно провозглашали британскій принципъ, объявляя положительнымъ закономъ международнаго права правило Consolato del Mare [1]). Подобное противорѣчіе теорій американскихъ юристовъ, и, отчасти, даже дипломатовъ, объясняется словами американскаго авторитета, Стори, который утверждаетъ, что принципы международнаго права, принятые Великобританіею, онъ считаетъ законами Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ [2]). Хотя призовые суды Соединенныхъ Штатовъ держа-

[1]) Dana's note № 223 in *Wheaton's* Elements, p. 606.

Halleck's. Intern. Law, p. 632—35. *Kent's* Commentary on Inter. Law. ed. by *Abdy*, p. 345.

[2]) Вотъ слова *Story*—«If the principles of British Prize Law go further, I am free to say that I consider them as the law of this country». *Phillimore's* Intern. Law, III, p. 139.

лись началъ своихъ образцовъ, но такъ какъ правительство запретило, напр. во время послѣдней междоусобной войны, своимъ каперамъ захватывать нейтральные корабли съ непріятельской собственностью, то судьи не имѣли случая примѣнить къ дѣлу свои отжившія теоріи. Наконецъ, прежде чѣмъ окончить изслѣдованіе права нейтральнаго корабля на свою неприкосновенность, справедливость требуетъ сказать, что изъ всѣхъ англійскихъ публицистовъ, только одинъ Вильдманъ, послѣ безпристрастнаго и основательнаго изученія трактатовъ, осмѣлился провозгласить положительнымъ закономъ международнаго права: неприкосновенность непріятельскихъ товаровъ на нейтральномъ кораблѣ [1]). Что же касается мнѣній континентальныхъ публицистовъ о настоящемъ вопросѣ, то отрадно видѣть, какъ представители науки международнаго права на континентѣ почти всѣ неустанно возставали противъ произвола Великобританіи и постоянно стремились къ уясненію правъ нейтральныхъ. Такимъ образомъ, въ первой половинѣ настоящаго вѣка, успѣло повсюду распространиться и выясниться сознаніе начала: нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскую собственность. Стремленіе британскихъ публицистовъ навязывать постепенно развивающемуся сознанію и чувству права, такія правила и обычаи, которые давно уже оказались недостаточными, для удовлетворенія требованіямъ развитія международныхъ отношеній — было торжественно осуждено Парижской декларацією.

Относительно втораго начала, требующаго неприкосновенности нейтральной собственности на непріятельскомъ кораблѣ, извѣстно, что ярыми его защитниками явились британскіе и, впослѣдствіи, американскіе публицисты; слѣдовательно нѣкому было серьезно оспаривать справедливость этого права нейтральныхъ. Хотя и были заключены трактаты, въ особенности, начиная съ XVII в., въ которыхъ принятъ принципъ: «флагъ покрываетъ грузъ», и поставлено, въ тоже время, правиломъ, что непріятельскій флагъ придаетъ непріятельскій характеръ нейтральной собственности, и подвергаетъ ее конфискаціи, но изъ этого нельзя вывести заключеніе, которое дѣлаетъ Редди, и ска-

[1]) Wildmann's. Intern. Law. London. 1849. Vol. II, p. 140: «The rules of common law of nations respecting the goods of an enemy on board the ships of a friend; and the goods of a friend on board the ships of an enemy, are subject to many exceptions contained in particular treaties».

зать, что первое начало не можетъ существовать, рядомъ со вторымъ. Нельзя требовать, чтобы державы, признавшія неприкосновенность нейтральнаго корабля, непремѣнно должны были отмѣнить дѣйствіе правила Consolato [1]). Даже Уитонъ и Кентъ доказываютъ, что эти оба начала ни въ трактатахъ, ни въ теоріяхъ не связаны между собою неразрывно [2]). Изъ всѣхъ европейскихъ державъ, Франція, въ особенности, настаивала на тѣсную связь между обоими принципами, и притомъ, преимущественно во время ея войнъ противъ Англіи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Такимъ путемъ мы пришли къ сознанію неприкосновенности нейтральной собственности вообще, и къ выясненію обязанности воюющей державы уважать права нейтральныхъ. Воюющая держава имѣетъ настолько же права на нейтральную собственность во время войны, насколько и во время мира [3]). Изслѣдованіе историческаго развитія права, государства и международной жизни, привело насъ къ убѣжденію въ полной и неотлагательной неприкосновенности частной собственности, принадлежащей мирнымъ подданнымъ воюющихъ государствъ. Если, дѣйствительно, условія развитія международной жизни цивилизованныхъ народовъ и ихъ развитое правосознаніе требуютъ неприкосновенности непріятельской частной собственности, то какимъ же образомъ можно оправдывать захватъ воюющими частныхъ имуществъ, принадлежащихъ подданнымъ нейтральныхъ государствъ? Поэтому нейтральная собственность вездѣ — и на непріятельскомъ кораблѣ, и на нейтральномъ — должна пользоваться неприкосновенностью до тѣхъ поръ, пока не служитъ для нарушенія правъ воюющихъ державъ. Слѣдовательно, нейтральный корабль, застигнутый съ военной контрабандою, или при нарушеніи имъ дѣйствительной, эффективной блокады все-

---

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des neutres, Tome II, p. 447.

[2]) Wheaton's Elements of Intern. Law, § 445: «The neutral flag constitutes no protection to an enemy's property, and the belligerent flag communicates no hostile character to neutral property». p. 576.

Kent's Commentary on Inter. Law. ed. by *Abdy*, p. 344 «but neither reason nor practice rendered the two concessions so indissoluble, that the one could not exist without the other. — The two propositions are distinct and independent of each other».

[3]) Gessner. Le droit des neutres, p. 264: «Nous avons en effet ici une simple conséquence du septième commandement: Tu ne déroberas point».

гда признается законнымъ призомъ. Если непріятельская частная собственность имѣетъ право на неприкосновенность, то захватъ ея на нейтральномъ кораблѣ былъ бы нарушеніемъ двухъ несомнѣнныхъ правъ: нейтральнаго подданнаго и частнаго лица, или подданнаго непріятельскаго государства. И такъ какъ нарушеніе правъ нейтральнаго, имѣющаго на бортѣ непріятельскую собственность, уже устранено Парижской декларацією, то задача науки международнаго права состоитъ въ содѣйствіи къ уничтоженію втораго злоупотребленія и выясненію доказательствъ въ необходимости освобожденія, вообще, непріятельской частной собственности отъ произвольнаго захвата, во время войны? Очевидно, какимъ путемъ выясненіе правъ нейтральныхъ приводитъ къ ограниченію произвола воюющихъ державъ, и къ сознанію ими своихъ обязанностей: стремиться къ цѣли войны — миру—только такими средствами, которыя сами по себѣ согласны съ правомъ и не противорѣчатъ справедливости. Сознавая это неминуемое послѣдствіе, которое отъ признанія правъ нейтральной частной собственности должно привести, въ концѣ концовъ, къ неприкосновенности непріятельской частной собственности, Великобританія и, съ рѣдкимъ единодушіемъ, британскіе публицисты, судьи и государственные люди защищали права воюющихъ въ самыхъ широкихъ и произвольныхъ размѣрахъ. Послѣ всего вышесказаннаго объ англійской практикѣ и ея защитникахъ, естественно возникаетъ вопросъ: почему же Англія держалась, въ теченіе вѣковъ такъ настойчиво начала, что нейтральная собственность на непріятельскомъ кораблѣ свободна, и почему она отрицала провозглашенный, всѣми другими державами, принципъ: флагъ покрываетъ грузъ? Пользуясь безспорнымъ превосходствомъ на морѣ, Англія могла бы отказаться, даже, отъ соблюденія правила Consolato. Токвилль, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, говоритъ о Великобританіи: «Въ «глазахъ англійскаго народа всегда считается справедливымъ «то, что полезно Англіи, и критеріумъ всего правильнаго, хо«рошаго и справедливаго заключается въ вопросѣ: въ какой «степени, что либо выгодно, или убыточно англійскимъ интересамъ». Справедливость этихъ словъ выказалась во многихъ вопросахъ морскаго международнаго права, и, между прочимъ также, относительно обсуждаемаго предмета. Англія, нѣтъ сомнѣнія, имѣла въ особенности начиная съ XVII ст., са-

мый могущественный торговый и военный флоты, которыми она пользовалась во время войны, какъ нельзя болѣе цѣлесообразно своимъ интересамъ. Англійскихъ каперовъ можно было встрѣтить на всѣхъ моряхъ, и повсюду провожали ихъ ужасъ и насилія. Consolato разрѣшаетъ воюющимъ задерживать нейтральный корабль, обыскивать его и, если каперъ найдетъ непріятельскіе товары, то конфисковать ихъ, а собственнику нейтральнаго корабля онъ долженъ уплатить деньги, слѣдуемыя за фрахтъ конфискованныхъ товаровъ. Каперъ имѣетъ даже право требовать, чтобъ нейтральный корабль самъ отвозилъ захваченное имущество въ указанное ему мѣсто, но не иначе, какъ по заключенному, между собственникомъ корабля и каперомъ, договору о вознагражденіи. Это обязательство воюющаго, уплатить хозяину нейтральнаго корабля за фрахтъ и убытки, не признавалось уже Бинкершукомъ [1]), и не соблюдалось въ британскихъ призовыхъ судахъ [2]). Такимъ образомъ, принѣняя правило Consolato del Mare, британскіе каперы захватывали почти всякій нейтральный корабль, по подозрѣнію, что онъ имѣетъ на бортѣ непріятельскіе товары, и отводили его въ свои гавани. Припомнивъ правила, провозглашенныя британскимъ призовымъ судьею, Марріотомъ, которыя съ большимъ остроуміемъ и тонкостью развивались В. Скоттомъ, и, зная англійское призовое судопроизводство, которое Асперъ, совершенно основательно, называетъ «кабинетной юстиціею [3])», всякому сдѣлается яснымъ, что, при одностороннемъ принѣненіи правила Consolato и въ такой ненавистной формѣ, какъ со стороны Англіи, нейтральная торговля вполнѣ была предоставлена произволу воюющаго. Для того, чтобы избавиться даже отъ приложенія начала Consolato, требовалось только малѣйшаго подозрѣнія, или несущественной ошибки въ доказательствахъ нейтральности груза. Ясно, что защита Великобританіею, съ такимъ рвеніемъ, системы Consolato какъ нельзя убѣдительнѣе

[1]) Bynkershoek. Quaes. juris publici, lib. I, cap. XIV «magister suo periculo merces hostiles navi suae imposuit, gnarus, eas capi, et sic in portum capientis perduci posse».

[2]) Phillimore's Intern. Law. III, p. 243: «Discourse of the conduct of the government of Gt. Britain against Neutral Nations, written by Ienkinson. 1758».

[3]) Asher. Beiträge zu einigen Fragen, S. 21.

доказываетъ справедливость мнѣнія Токвилля, и нѣтъ сомнѣнія, что принципы, за которыя ратоборствуютъ британскіе публицисты, служатъ только для прикрытія желанія установить навсегда на морѣ господство произвола и физической силы, вмѣсто владычества права и справедливости [1]). Наконецъ, справедливость и безпристрастіе требуютъ признанія, что и другія державы, какъ напр. Франція и Голландія, неоднократно нарушали неотъемлемыя права нейтральныхъ [2]). Но ни одна держава не преслѣдовала такъ систематически и съ такимъ пренебреженіемъ чужаго права, свои собственные интересы, на счетъ правъ нейтральныхъ и безсильныхъ государствъ, какъ Англія. Затѣмъ, разница между ними состоитъ еще въ томъ, что распоряженія французскаго правительства, нарушавшія права нейтральныхъ, подвергались безпощадной критикѣ, со стороны французскихъ же публицистовъ, между тѣмъ какъ британскіе юристы прославляютъ даже такія правонарушенія, которыя осуждены и оставлены самой Англіею.

Обратимся теперь, по разсмотрѣніи неприкосновенности права нейтральныхъ на продолженіе торговыхъ сношеній съ воюющими державами, къ изслѣдованію законности орудія, чрезъ посредство котораго Великобританія и другія государства приводили въ дѣйствіе свои замыслы, противъ нейтральныхъ и мирныхъ подданныхъ непріятеля. Этимъ орудіемъ были, кромѣ военныхъ кораблей, каперы или корсары.

ГЛАВА VII.

О каперахъ.

Война есть отношеніе государства къ государству, и представляется споромъ о правѣ между государствами, какъ самостоятельными юридическими лицами. Война ведется народами, какъ коллективными единицами, а не частными лицами или ни-

---

[1]) Эту правду высказалъ, самымъ удовлетворительнымъ образомъ, одинъ болѣе откровенный британскій публицистъ въ *Edinburgh Review*, April 1806. (Ср. *Asher*, Beiträge, S. 23).

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des neutres, Tome II, p. 302, 330, 353 etc. Ср. выше историческую часть разсматриваемаго вопроса.

дивидами, которые не имѣютъ никакого права вмѣшиваться непосредственно въ войну, и, должны пользоваться полной неприкосновенностью, какъ личности, такъ и собственности. Сознаніе этого понятія о войнѣ явилось съ тѣхъ поръ, какъ объявленіе войны сдѣлалось прерогативою верховной власти, положившей конецъ феодальной анархіи и индивидуальному самоуправству. Дальнѣйшее развитіе этого понятія привело, уже давно, къ ограниченію сухопутной войны правильно-организованными арміями. Цѣлью войны выяснился миръ или возстановленіе нарушеннаго юридическаго порядка. Въ морской войнѣ, напротивъ, воюющія государства не ограничивались государственными оборонительными силами, но, чрезъ возбужденіе корыстолюбія и алчности въ частныхъ лицахъ, ободряли ихъ къ подвигамъ противъ беззащитныхъ подданныхъ непріятеля. Цѣлью морской войны было разореніе непріятельской торговли, препятствованіе свободному экономическому развитію сосѣдей, а стремленіе къ монополизаціи торговли оправдывало всѣ средства войны. Пока господствовало понятіе, что въ развитіи внѣшней морской торговли и въ причиненіи другимъ соперничествующимъ народамъ всевозможнаго вреда и убытка заключается цѣль и верхъ совершенства государственной политики, до тѣхъ поръ всякія средства въ морской войнѣ считались дозволенными, ибо правило: цѣль оправдываетъ средства, было руководящимъ принципомъ международныхъ отношеній. Этимъ ложнымъ пониманіемъ своихъ собственныхъ интересовъ, отрицаніемъ всякой солидарности между народами и безпрекословнымъ подчиненіемъ права политикѣ, объясняется существованіе, до послѣдняго времени, *каперства*. Подъ каперами разумѣютъ частныхъ лицъ, подданныхъ воюющаго государства, которые, съ разрѣшенія верховной власти (lettres de marque) снаряжаютъ, на свой собственный счетъ, корабли, съ цѣлью захватывать купеческіе корабли непріятельскихъ и нейтральныхъ государствъ. Захваченный капером непріятельскій корабль признается въ отечественныхъ судахъ капера законнымъ призомъ, и присуждается ему въ собственность. Тоже самое имѣло мѣсто относительно нейтральныхъ подданныхъ, хотя различнымъ образомъ, въ различныхъ государствахъ. Слѣдовательно, чѣмъ больше захватываетъ каперъ кораблей и чужой собственности, тѣмъ больше онъ получаетъ выгодъ и барыша.

Если же воюющія державы признавали цѣлью войны уничтоженіе непріятельской торговли, то ограниченіе произвола каперовъ и справедливое разбирательство въ призовыхъ судахъ, прямо противорѣчило бы цѣли. Поэтому естественно, что воюющіе всѣми способами поддерживали и ободряли храбрыхъ корсаровъ, и подобными мѣрами поощряли ихъ къ разграбленію беззащитныхъ и мирныхъ подданныхъ нейтральныхъ державъ и непріятельскаго государства. Вѣдь послѣдніе возбуждали своей торговлею и благосостояніемъ зависть непріятеля, и поэтому, понятнымъ образомъ, должны были служить мишенью непріятельскимъ нападеніямъ. Явно потакаемые воюющими державами произволъ и насиліе каперовъ, противъ частныхъ лицъ и нейтральныхъ подданныхъ, не знали ни границъ, ни обязательныхъ законовъ. Очевидно, что исторія каперства должна быть его смертнымъ приговоромъ.

I. Историческій очеркъ каперства и попытокъ его уничтоженія.

Взглядъ народовъ древняго міра на международныя отношенія, отсутствіе у нихъ сознанія международной жизни и безусловное поклоненіе праву силы—были уже не разъ предметомъ нашихъ разсужденій. Поэтому, въ древнемъ мірѣ мы не встрѣчаемъ каперовъ, въ вышеизъясненномъ смыслѣ, но за то родственные имъ пираты или морскіе разбойники свирѣпствовали, совершенно неограниченно, на моряхъ, и могущество ихъ доходило до такой степени, что Римская республика должна была выслать противъ нихъ одного изъ лучшихъ своихъ полководцевъ [1]). Корсары составляли отдѣльныя, независимыя государства, и противъ нихъ вели правильныя войны. Для нѣкоторыхъ народовъ, какъ напр. для жителей иберійскаго полуострова и и карѳагенянъ, пиратство было почти исключительнымъ занятіемъ и отраслью торговли,—вообще оно было обыкновеннымъ явленіемъ древняго міра. Такимъ образомъ, уже съ этого времени, море сдѣлалось областью господства самоуправства и насилій, нисколько не прекратившихся въ теченіе среднихъ вѣковъ.

[1]) Laurent. Histoire du droit des gens. III, p. 237.
Срав. Galiani. De' doveri, p. 424 e seg.
Kent's Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 35.

Побудительными причинами или мотивами пиратства являлись въ это время: во 1-хъ, стремленіе къ подвигамъ личной храбрости и въ 2-хъ, корыстолюбіе и грабежъ, вытекающій изъ неуваженія къ чужимъ правамъ. Этими двумя элементами отличаются всѣ морскіе войны среднихъ вѣковъ, которые представляются колыбелью каперства, въ современномъ его значеніи. Въ особенности сдѣлались знаменитыми своими смѣлыми морскими экспедиціями: норманы, датчане и сарацины, которые простирали свои разбои и опустошенія въ самые далекіе края [1]). Когда, затѣмъ, феодальная система проявилась въ полномъ господствѣ индивидуализма, о которомъ ничего не знали народы древняго міра, когда, съ другой стороны, соціальная связь, сознаваемая въ древнемъ мірѣ, уступила мѣсто преобладанію индивидуальной, неограниченной воли, тогда войны все болѣе и болѣе превращались въ борьбу индивидуальную, частную и независимую отъ государственной власти. При полновластіи феодаловъ и безсиліи государственной власти, война морская была, какъ и прежде, морскимъ разбоемъ. Частныя лица имѣли возможность начинать войну противъ подданныхъ другаго государства, безъ разрѣшенія правительства, и естественно, что частныя морскія экспедиціи, предпринимаемыя какъ бы для наказанія нарушителя права, имѣли настоящей цѣлью захватъ чужаго добра и стремленіе выказать свою удаль. Для водворенія большей безопасности на морѣ, частныя лица принуждены были соединяться въ общества, для обоюдной защиты и охраненія своихъ имуществъ, во время морскихъ путешествій (voyages de conserve). Но рядомъ съ обществами, устроенными съ цѣлью защиты, между предпріимчивыми частными лицами составлялись общества, имѣющія единственной цѣлью морской разбой, такъ что защита и нападеніе часто смѣшивались, ибо, въ томъ и другомъ случаѣ, корыстолюбіе и желаніе пріобрѣсти добычу никогда не упускались изъ виду подобными обществами. Если частныя лица, независимо отъ государственной власти, имѣли право предпринимать войны противъ подданныхъ другаго государства, для удовлетворенія своихъ, большей частью, сомнительныхъ претензій, то неудивительно, что въ случаѣ войны между государствами, подданные не только считали себя въ пра-

---

[1]) Ward. Enquiry into the foundation, vol. I, p. 221.

вѣ, но даже были вынуждены вооружать корабли и пускаться на вольный промыселъ, противъ подданныхъ непріятельской державы. Война была войною всѣхъ противъ всѣхъ, и каждый подданный могъ идти на врага (courir sus à l'ennemi) [1]). Такой порядокъ, или лучше сказать безпорядокъ, могъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока государства не пришли къ самосознанію и верховная власть къ необходимости ограничить своеволіе и произволъ индивидовъ. Начиная съ XII ст., правительства строго воспрещаютъ непосредственное самоуправное исканіе себѣ удовлетворенія, и только съ ихъ разрѣшенія (lettres de répressailles et de marque) частныя лица могли грабить своего обидчика или его соотечественниковъ [2]). Грамоты на репрессаліи давали лицу право захватывать чужія имущества только въ границахъ территоріальной власти монарха, который ихъ выдалъ; между тѣмъ, какъ грамоты на каперство (lettres de marque) давали лицу право простирать свои насилія и внѣ предѣловъ отечественной территоріи [3]). Мало по малу, выдача грамотъ или патентовъ перваго рода стала выходить изъ употребленія, и нарушеніе мира, со стороны частныхъ лицъ, подвергало ихъ строгимъ взысканіямъ. Но другое должно сказать, относительно каперскихъ патентовъ: каперство не только не прекращается, но развивается постепенно. Государственная власть ограничила своеволіе частныхъ лицъ, и, въ войнахъ на сушѣ, все болѣе и болѣе, съуживается поприще господства индивидуальной воли. Но, уничтоживъ своеобразное и независимое проявленіе воли частныхъ лицъ, государства поставили свой авторитетъ и свою опеку на мѣсто индивидуальной самообороны. Такимъ образомъ, насилія и произволъ, имѣвшіе прежде источникомъ индивидуальную волю частнаго лица, вытекали теперь изъ спеціальнаго разрѣшенія государственной власти. Однимъ словомъ, существовавшіе и прежде, морскіе разбои получили теперь санкцію закона. И такъ какъ въ государствѣ не сознавалась неприкосновенность сферы частной жизни, то, понятно, что война была bellum omnium contra omnes, и участіе всѣхъ подданныхъ въ войнѣ вызывалось условіями государственной жизни. Для этой цѣли, верховная власть дозволила частнымъ лицамъ снаряжать корабли, для набѣговъ на не-

[1]) G. F. DE MARTENS. Essai concernant les armateurs, p. 21.

[2]) AZUNI. Droit maritime de l'Europe, II, p. 445.

[3]) MARTENS. Essai concernant les armateurs, p. 26.

пріятеля, и захватывать безоружные корабли, принадлежащіе купцамъ непріятельскаго государства [1]). Частныя лица, получившія каперскіе патенты, имѣли, у различныхъ народовъ и въ разное время, весьма различныя названія, но болѣе употребительныя названія были: *каперы, корсары, арматоры*. Въ особенности, слово *корсары*, которое также выражаетъ понятіе пирата или морскаго разбойника, ближе другихъ подходитъ къ историческому происхожденію понятія [2]). Мы однако полагаемъ, что слово «*каперъ*» больше выражаетъ понятіе о захватѣ частной собственности.

Кромѣ спеціальнаго разрѣшенія, каперы были еще непосредственно подчинены королевскому адмиралу, который имѣлъ право контролировать ихъ дѣйствія. Въ тоже время, государства не иначе разрѣшали каперамъ считать захваченныя непріятельскія имущества своей собственностью, какъ по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, назначенными для этой цѣли судьями. Наконецъ, вошло въ международный обычай считать пиратомъ или форбаномъ, и казнить всякое частное лицо, которое занимается каперствомъ, не имѣя патента. Во Франціи, около половины XV ст., изданъ былъ ордонансъ, которымъ были узаконены вышеприведенныя предосторожности; въ Англіи въ 1414 г. актомъ Парламента было предоставлено охранителямъ мира (conservatores pacis) обсужденіе законности призовъ. Подобныя же правила приняты были Нидерландами въ законахъ 1487, 1540 и 1597 гг. [3]). Въ этомъ заключается исторія происхожденія и источникъ развитія каперства до нашего времени, какъ ее излагаютъ писатели, спеціально изучавшіе это средство войны. Мы видимъ, что непосредственнымъ его источникомъ были: самоуправство частныхъ лицъ и разбой, господствовавшій на моряхъ. Стремясь къ возвышенію государственнаго авторитета, посредствомъ ограниченія самоуправства индивидовъ, суверены возбуждали предпріимчивость и корыстолюбіе частныхъ лицъ, и пользовались этимъ для осуществленія своего

---

[1]) Galiani. De'doveri de'principi neutrali, p. 430.
Martens. Essai, p. 32.
Travers-Twiss, Law of Nations, vol, p. 147; § 187, 373 etc.

[2]) Kaltenborn in Bluntschli's u. Brater's Staatswörterbuch. Artik. «Seekrieg». Bd. VIII, S. 378.

[3]) Martens. Essai, p. 33, 34.

неограниченнаго права войны. Разумѣется, что нападеніямъ каперовъ подвергались, почти исключительно, купеческіе корабли, которые не были въ силахъ обороняться. Изъ всего сказаннаго, нельзя не вывести заключенія, что каперство можетъ существовать и процвѣтать, только при господствѣ принципа, что война есть отношеніе между всѣми подданными воюющихъ державъ, и что, вслѣдствіе этого, частныя лица и ихъ собственность неминуемо подлежатъ и плѣну, и захвату. Слѣдовательно, чѣмъ настойчивѣе и опредѣленнѣе проявляются въ международныхъ отношеніяхъ чувство и сознаніе права, чѣмъ больше сознается война, какъ отношеніе государства къ государству, и, чѣмъ скорѣе международная жизнь отрекается отъ взгляда, что безполезно даже опредѣлять поведеніе вооруженнаго непріятеля, относительно купеческихъ непріятельскихъ кораблей [1]), тѣмъ неудержимѣе должно быть паденіе каперства. Между тѣмъ, такой переворотъ въ международныхъ отношеніяхъ совершился весьма медленно, а каперство развилось до громадныхъ размѣровъ, только въ XVII и XVIII ст. Дальнѣйшее развитіе каперства еще больше убѣждаетъ, что его источникомъ былъ морской разбой, и доказываетъ, что каперство тѣсно связано съ торговою политикою государствъ. Огромное вліяніе на развитіе каперства имѣло, несомнѣнно, открытіе новыхъ путей навигаціи и неизвѣстныхъ, до XV в., странъ. Преимущественно открытіе Америки произвело необыкновенное движеніе и революцію въ торговыхъ и международныхъ сношеніяхъ. Стремленіе народовъ, имѣющихъ торговые флоты, направлено было къ достиженію одной цѣли: захватить въ свою исключительную пользу всѣ богатства новаго міра, и эксплуатировать, до крайней возможности, природныя силы открытыхъ территорій. Отношенія метрополій къ колоніямъ были основаны на монополіяхъ и привилегіяхъ. Все, что производилось въ колоніяхъ, должно было вывозиться въ метрополію на національныхъ корабляхъ, между тѣмъ какъ колоніи, съ своей стороны, принуждены были отказаться отъ всякихъ сношеній съ другими народами, и только чрезъ метрополію они могли получить удовлетвореніе своихъ потребностей [2]). Непосредственными послѣд-

[1]) Consolato del Mare. См. Pardessus. Collection des lois maritimes. Tome II, p. 303.

[2]) Cauchy. Droit maritime internat., t. I, p. 412.

ствіями колоніальной системы были, съ одной стороны, отсутствіе свободы и естественнаго развитія торговыхъ сношеній, а съ другой—возбужденіе въ другихъ народахъ зависти и меркантильнаго духа, стремящаго противодѣйствовать всѣми способами экономическому развитію сосѣдей, и вредить имъ. Умъ, изобрѣтательность, смѣлость, корыстолюбіе и зависть — все устремилось къ одной цѣли: препятствовать обогащенію народовъ и парализировать монополію и привилегіи. Очевидно, что при господствѣ такого враждебнаго характера въ международныхъ сношеніяхъ, столкновенія на моряхъ сдѣлались неминуемыми, и войны, предпринятыя изъ-за торговыхъ цѣлей, для уничтоженія соперничествующей торговли, были обыденными явленіями въ международной жизни. Если же морская торговля была дѣйствительно главнымъ предметомъ международныхъ сношеній въ XVI и XVII ст., если торговое соперничество было мотивомъ, а уничтоженіе непріятельской торговли—цѣлью войны, то естественно, что удары воюющихъ преимущественно были направлены противъ частной собственности непріятельскихъ подданныхъ, для чего самымъ пригоднымъ средствомъ было—каперство. Поэтому весьма понятно, что хотя каперство, какъ средство войны, и возникло въ XIV ст., но несомнѣнно, что періодъ блестящихъ подвиговъ каперовъ начинается только въ XVI ст. [1]). Война Голландіи, за освобожденіе, представила каперамъ удобный случай выказать свою удаль, при расхищеніи частной собственности. Возставшія провинціи небыли въ состояніи вести правильную войну противъ Испаніи, и поэтому они обратились къ патріотизму и корыстолюбію гражданъ, дозволяя имъ снаряжать суда, для каперства испанскихъ кораблей. Начиная съ 1569 г., голландскіе каперы, которые извѣстны въ исторіи подъ названіемъ *гейзовъ* (gueux de mer), распространили повсюду грабежъ и опустошенія [2]). Гейзы нисколько не ограничивались разореніемъ испанской торговли, но скитались по всѣмъ морямъ, вездѣ распространяя ужасъ захватомъ купеческихъ кораблей. Гейзы были, въ полномъ смыслѣ, морскими разбойниками, и таковыми были признаны судами другихъ го-

---

Stein. Verwaltungslehre VII-ter Theil, 1868. S. 23 etc.

[1]) Martens. Essai concernant les armateurs, p. 35.

[2]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime, p. 191.
Качеповскій. О каперахъ, стр. 23.

сударствъ. Съ этого же времени, выступаютъ на сцену англійскіе каперы, которые получили отъ королевы Елизаветы дозволеніе на каперство, сперва голландскихъ, а затѣмъ, и испанскихъ судовъ. Мало по малу, каперство сдѣлалось необходимымъ средствомъ войны.—Однако воюющіе не ограничивались только захватомъ частной собственности непріятельскихъ подданныхъ, но каперамъ было также разрѣшено препятствовать и надзирать за торговлею нейтральныхъ. Въ случаѣ войны, нейтральные, совершенно основательно, считали себя въ правѣ продолжать свои торговыя сношенія съ воюющими, торговля которыхъ должна была переходить къ нейтральнымъ, и вознаграждать ихъ, хоть отчасти, за претерпѣваемыя ими, во время войны, лишенія. Въ особенности, когда принципъ: нейтральный флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ, былъ принятъ международными трактатами, торговля нейтральныхъ могла даже развиваться во время войны. Но поощрять каперовъ, поддерживать въ нихъ духъ хищничества, для того, чтобы уничтожить малѣйшее соперничество, было задачею и цѣлью политики европейскихъ державъ въ XVII ст.—Поэтому и нейтральные корабли были предоставлены воюющими державами на произволъ и расхищеніе каперовъ.

Однако нельзя сказать, чтобъ правительства не занимались опредѣленіемъ правъ и обязанностей каперовъ; напротивъ, сообразно развитію каперства увеличивается число законовъ, инструкцій каперамъ и регламентовъ призоваго судопроизводства. Но, такъ какъ государства считали каперовъ необходимыми для достиженія меркантильной цѣли войны, и постоянно поощряли ихъ, то было бы явнымъ самопротиворѣчіемъ ограничивать надлежащимъ образомъ произволъ и насилія каперовъ. Такимъ образомъ оказывается, что требуя отъ каперовъ денежнаго залога для удовлетворенія справедливыхъ претензій пострадавшихъ нейтральныхъ, правительства часто сами вносили часть назначенныхъ суммъ и помогали каперамъ при снаряженіи судовъ, предназначенныхъ для набѣговъ противъ непріятельскихъ подданныхъ. Впрочемъ, такъ какъ присужденіе призовъ до настоящаго времени находится въ рукахъ самихъ воюющихъ, которые, слѣдовательно, являются судьями въ ихъ собственныхъ дѣлахъ, то понятно, что законныя опредѣленія нисколько неуспѣвали измѣнять безнравственное основаніе каперства. Обыкновенно, го-

сударства издавали законы для каперовъ при возникновеніи какой нибудь войны, такъ что господствовавшія, при объявленіи войны, политическія соображенія опредѣляли права и обязанности каперовъ, относительно непріятеля и нейтральныхъ. Если же существовали не временныя правила, но изданный на неопредѣленное время законъ, тогда, при первой надобности, признанныя начала международнаго права были измѣняемы частными распоряженіями.—Къ наиболѣе интереснымъ законамъ о каперствѣ можно отнести французскій ордонансъ 1584 г., который, между прочимъ, освобождаетъ каперовъ отъ всякой отвѣтственности за причиненные ими убытки, и предоставляетъ имъ въ добычу, не только захваченные на нейтральномъ кораблѣ непріятельскіе товары, но и самый корабль [1]). Интересно, что ордонансъ оправдываетъ такое разграбленіе нейтральныхъ необходимостью поддерживать духъ и мужество каперовъ [2]). Заслуженной знаменитостью пользуется ордонансъ Людовика XIV, изданный въ 1681 г., который, не только повторилъ означенное постановленіе ордонанса 1584 г., но кромѣ того, отмѣнилъ даже дѣйствіе правила Consolato и предоставилъ все на произволъ каперовъ [3]). Въ Испаніи, поведеніе каперовъ было опредѣлено закономъ 1621 [4]). Наконецъ, относительно Великобританіи извѣстно, что Навигаціонный Актъ Кромвелля 1651 г. положилъ прочное основаніе колоніальной системѣ и, слѣдовательно, развитію и процвѣтанію каперства. Поставивъ Англію въ совершенно исключительное и даже враждебное отношеніе къ другимъ народамъ, для того, чтобы споспѣшествовать развитію британскаго торговаго флота, Кромвелль, вмѣстѣ съ тѣмъ, подалъ поводъ къ безпрестаннымъ войнамъ, которыя явились неминуемыми результатами англійской торговой политики и монополизаціи. Для разоренія торговли непріятеля и нейтральныхъ, Великобританія выбирала свои мѣры, съ замѣчательной мѣткостью и послѣдовательностью. Къ поведенію Англіи справед-

---

[1]) Cauchy. Droit maritime international, II, p. 168.

[2]) Pardessus. Collection de lois maritimes, VI, p. 316, 317:—«ce serait oster le coeur à nosdits subjectz de nous faire service en temps de guerre».

[3]) Ordonance de Louis XIV de 1681, art. 7. du tit. 9. du lib. II (*Pardessus*. Collection, IV, p. 385).

[4]) Martens. Essai concernant les armateurs, p. 42.
Kent's Commentary on Intern. Law. p. 285 etc.

ливо можно примѣнить слова Мартенса, что, «чѣмъ болѣе умно-«жались военныя потребности, чѣмъ болѣе распространялась «торговля, тѣмъ необходимѣе казалось препятствовать, чтобы «дружественные народы не усиливали бы, подъ защитою ней-«тральности, непріятеля и, чтобы они, въ теченіе войны, не «достигали превосходства, могущаго остаться за ними и по «возстановленіи мира [1])». Поведеніе британскихъ каперовъ подвергалось нѣкоторымъ опредѣленіямъ въ призовомъ актѣ королевы Анны 1707 г. [2]). Вообще, всѣ важнѣйшіе законы европейскихъ государствъ требовали отъ каперовъ соблюденія слѣдующихъ трехъ условій: во 1-хъ, разрѣшенія верховной власти воюющаго государства (lettres de marque), — безъ этихъ патентовъ каперы наказывались какъ пираты; во 2-хъ, чтобы каперъ не распоряжался захваченными имуществами, какъ своей собственностью, до обсужденія законности призовъ, въ установленныхъ коммиссіяхъ, или призовыхъ судахъ; наконецъ, въ 3-хъ, залога для удовлетворенія претензій, признанныхъ судомъ основательными [3]).

Не смотря, однако, на всѣ преступленія и насилія, совершаемыя при нападеніи каперовъ (гейзовъ, флибустьеровъ, буканьеровъ [4]) и другихъ), государства все-таки употребляли этотъ безнравственный способъ веденія войны. Только радикальный переворотъ въ международной жизни и государственной политикѣ могъ привести къ упадку каперства. Издаваемые, время отъ времени, законы въ которыхъ перечислялись преступленія каперовъ, и за которыя имъ угрожали самыми жестокими наказаніями, даже смертью, явно доказываютъ насколько было преступно поведеніе каперовъ, относительно беззащитныхъ частныхъ лицъ. Въ особенности, по заключеніи Утрехтскаго мира, во время безпрерывныхъ войнъ между Англіею, Франціею, Испаніею и другими державами, неистовства и насилія каперовъ дошли до невѣроятной степени. Поэтому, выдача каперскихъ патентовъ и опредѣленіе ихъ правъ, относительно нейтральныхъ, сдѣлались преимущественно съ этого времени постояннымъ предметомъ международныхъ трактатовъ. Вредъ и крайняя безправ-

[1]) Martens. Essai, p. 37.

[2]) ibid. p. 42.

[3]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime, p. 338.

[4]) Martens. Essai, p. 43; *Качеповскій* — О каперахъ, стр. 37.

ственность каперства не могли не быть сознаваемы народами и, если поэтому Швеція и Нидерланды обязались, во время войны 1675 г., не выдавать другъ противъ друга каперскихъ патентовъ [1]), то это только подтверждаетъ возникновеніе этого сознанія. Но, пока въ экономической жизни народовъ преобладали начала колоніальной и меркантильной системъ, пока цѣлью морской войны былъ не миръ, но уничтоженіе непріятельской торговли,—всякая попытка къ отмѣнѣ каперства должна была остаться, безъ успѣха. Только въ концѣ прошлаго столѣтія впервые даетъ себя чувствовать совершающійся, въ международной жизни и торговой политикѣ важнѣйшихъ европейскихъ государствъ, переворотъ. Колоніальной политикѣ нанесенъ былъ самый чувствительной ударъ освобожденіемъ Сѣверной Америки, отъ эксплуатаціи метрополіи. Возстаніе Новой Англіи, освобожденіе и учрежденіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ должно служить вѣчнымъ памятникомъ той истины, что соединенія въ обществѣ и сношенія между народами только тогда будутъ прочными, когда они приносятъ обоюдную пользу, и не основываются на эксплуатаціи однихъ другими. Въ это же время, государственные люди и представители науки, впервые возвысили свой голосъ противъ аномаліи, существующей въ морскихъ войнахъ, въ сравненіи съ сухопутными. Не находя рѣшительно никакихъ разумныхъ доводовъ, оправдывающихъ разграбленіе частной собственности на морѣ, болѣе самостоятельные писатели начали требовать отмѣны каперства. Къ знаменитымъ противникамъ каперства, а слѣдовательно и захвата частной собственности, принадлежитъ Веніаминъ Франклинъ [2]). Въ письмѣ одному другу, Франклинъ говоритъ о каперствѣ: «Уже давнымъ-давно пора положить конецъ этой аномаліи (to his enormity). Хотя Соединеннымъ Штатамъ, по своему естественному положенію, несравненно удобнѣе многихъ другихъ державъ, пользоваться каперствомъ, но они все-таки желаютъ отмѣнить употребленіе этого средства войны тѣмъ, что, во всѣхъ трактатахъ, которые могутъ быть заключены Соединенными Штатами, они намѣрены выговаривать условіе, что, въ случаѣ войны, договаривающіяся стороны не будутъ выдавать

[1]) Dumont. Corps diplomatique universel, VII, part I. p. 316.

[2]) Franklin's Works. London II, p. 447, 530.
Wheaton. Histoire du droit des gens, I, p. 372—3.

каперскихъ патентовъ. Это необходимо для того, чтобы безоружные купеческіе корабли свободно могли бы продолжать свои рейсы. Гуманность и справедливость могутъ желать только успѣха этому предложенію». Вполнѣ согласно съ этимъ возвышеннымъ взглядомъ на каперство и захватъ частной непріятельской собственности, былъ заключенъ, по иниціативѣ Франклина, въ 1785 г. трактатъ между Соединенными Штатами и Пруссіею. Статья XXIII трактата постановляетъ: въ случаѣ возникновенія войны, между договаривающимися державами, подданнымъ ихъ разрѣшается оставаться тамъ, гдѣ ихъ застигнетъ объявленіе войны. Для возвращенія на родину дается девяти-мѣсячный срокъ. Частная собственность мирныхъ жителей пользуется полной неприкосновенностью, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Договаривающіяся стороны отказываются отъ права выдавать каперскіе патенты [1]). Хотя эта «статья квакера» (Quaker notion) не повторяется въ послѣдующихъ трактатахъ 1799 и 1828 г., заключенныхъ между тѣми же державами, хотя, кромѣ того, мало было шансовъ на войну между договаривающимися, все это не можетъ умалить огромное значеніе этого трактата. Заключеніе его обнаруживаетъ явное сознаніе необходимости уничтожить каперство и захватъ частной собственности; а съ другой стороны, договоръ этотъ доказываетъ, что право восторжествуетъ скорѣе всего тамъ, гдѣ не сталкивается, непосредственно, съ интересомъ. Затѣмъ, достойно вниманія поведеніе Россіи, во время войны 1767—1774 г. съ Турціею, когда Императрица Екатерина II не выдавала каперскихъ патентовъ [2]). Приступая къ дальнѣйшему изложенію попытокъ уничтожить

---

[1]) Martens. Récueil des traités, tome IV, p. 47.

[2]) См. декларацію Екатерины II, въ Martens Récueil des traités IV, p. 61. Однако ради исторической истины, необходимо признаться, что только политическія соображенія и внѣшнія обстоятельства, а не сознаніе безнравственности и несправедливости каперства, склонили Императрицу отказаться отъ осуществленія своего права. Изъ недавно обнародованныхъ «Рескриптовъ и писемъ Императрицы Екатерины II, на имя графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго» (въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества, т. I. 1867 г.) видно, что именно изъ опасенія грабежей, со стороны арматоровъ и нерасположенія «явно злобствующихъ» западныхъ державъ, Екатерина II удержалась отъ выдачи арматорскихъ патентовъ. Впрочемъ, Императрица отправила къ главнокомандующему русской эскадрою въ Средиземномъ морѣ, даже форму патента «для арматоровъ, съ образца, въ Англіи

каперство, необходимо замѣтить, что тѣсная связь между каперствомъ и захватомъ непріятельской частной собственности, сама собою требуетъ, чтобы всякая попытка уничтожить первое должна была, вмѣстѣ съ тѣмъ, явиться попыткою отмѣнить захватъ купеческихъ кораблей. Каперы не могли и не желали вступать въ борьбу съ вооруженными силами непріятеля, и поэтому, только купеческіе корабли были предметомъ ихъ набѣговъ. Очевидно, какое должно имѣть вліяніе на участь непріятельской частной собственности на морѣ уничтоженіе каперства.

Трактатъ 1785 г., подавшій первый примѣръ открытаго и сознательнаго осужденія варварскихъ обычаевъ и каперства, не могъ не обратить на себя вниманія народа, возставшаго единодушно противъ всѣхъ остатковъ отжившихъ временъ и средневѣковыхъ порядковъ. Дѣятели французской революціи, на первыхъ же порахъ, объявили войну каперству и расхищенію частной собственности на морѣ. Въ Законодательномъ Собраніи (Assemblée législative) 1792 г. депутатъ *Кэрсенъ* (Kersaint), докладчикъ дипломатическаго, морскихъ и коммерческихъ дѣлъ комитетовъ, предложилъ собранію издать декретъ слѣдующаго содержанія:

I. Выдача каперскихъ патентовъ прекращается;

II. Купеческіе корабли, вооруженные для своей собственной защиты, не имѣютъ права захватывать купеческіе нейтральные корабли, исключая случаевъ самообороны (par provocation).

III. Военнымъ кораблямъ запрещается захватывать непріятельскіе частные корабли, если они не вооружены [1]). Затѣмъ, проектъ предлагаетъ казнить всякаго француза, состоящаго въ экипажѣ корсара, и приглашаетъ Собраніе поручить королю войти въ сношенія съ иностранными державами, объ окончательномъ уничтоженіи каперства. Декретъ объ отмѣнѣ каперства

употребляемыхъ», и дала свои наставленія, для употребленія патентовъ. Арматоры должны были ограничиваться нападеніями только на магометанъ, подданныхъ Турціи, но, ни въ какомъ случаѣ не задерживать христіанскихъ подданныхъ Порты, «а еще менѣе европейскихъ торгующихъ націй». Однако, при всемъ томъ, корсаровъ, съ русскими патентами, въ Архипелагѣ дѣйствительно не было въ теченіе войны. (Срав. Сборникъ, стр. 19, 22, 23, 24, 47, 123, 134).

[1]) Cauchy. Droit maritime international, T. II, p. 308.

Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff unter Feindes Flagge. Beilage zum Staatsarchiv. Hamburg. 1866. S. 149.

изданъ не былъ; но принято было предложеніе начать, по этому вопросу, дипломатическіе переговоры, и обезпечить свободу мореплаванія и торговли, которыя служатъ взаимной связью между народами, и представляются источникомъ постояннаго преуспѣянія и богатства. Весьма замѣчательно, что въ теченіи интересныхъ преній по этому вопросу, представители коммерческихъ портовъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ сохраненіи каперства, первые подали голоса, за его отмѣну [1]). Однако, начатые затѣмъ французскимъ правительствомъ переговоры не привели ни къ какому результату, и само правительство созналось, что тогдашнее враждебное Франціи настроеніе европейскихъ державъ рѣшительно не благопріятствовало удовлетворительному окончанію дѣла. Англія не удостоила даже отвѣтомъ циркулярную ноту французскаго министра [2]), а съ Россіею прекращены были всѣ дипломатическія сношенія; Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты отвѣтили благосклонно, но не искренно отнеслись къ предложенію. Данія, Португалія, Генуа и Тоскана также высказались въ благопріятномъ проекту смыслѣ, но не пришли ни къ какому рѣшительному заключенію. Только Гамбургъ и Любекъ безусловно присоединились къ предложенію, почему декретомъ 1793 г., Національный Конвентъ отмѣнилъ употребленіе каперовъ противъ этихъ двухъ городовъ. Такимъ образомъ, попытка революціонной Франціи уничтожить каперство кончилась совершенно неудачно и, надо сознаться, что этотъ исходъ объясняется, вполнѣ удовлетворительно, обстоятельствами времени. Но если даже докладъ Кэрсена и рѣчи депутатовъ, защищавшихъ его мнѣніе, были «изліяніемъ великодушныхъ «чувствъ и продуктомъ пылкихъ умовъ» [3]), все-таки мы полагаемъ, что благородная попытка французскихъ революціонеровъ не осталась, безъ благотворнаго вліянія, на дальнѣйшій исходъ борьбы противъ каперства. Весьма многія идеи, возбудившія,

---

[1]) Moniteur du 1 Juin 1792. p. 634.

[2]) См. депешу министра Chambonas у *Cauchy*. Du respect de la propriété privée dans la guerre maritime. Paris 1866. p. 88. Министръ писалъ между прочимъ: La guerre est déjà par elle-même un fléau assez terrible et assez ruineaux pour les peuples sans l'aggraver encore par un brigandage, aussi deshonorant pour les Etats qui le tolèrent que pour les sujets qui s'y livrent».

[3]) Ashen. Essai concernant les principes à poser pour le droit maritime international de l'avenir. Hambourg. 1856, p. 10.

въ концѣ прошлаго столѣтія, общее негодованіе и великодушное презрѣніе, сдѣлались залогомъ современной цивилизаціи. Краснорѣчивые доводы, приведенные противниками каперства въ Законодательномъ Собраніи, существенно уяснили вопросъ. Главная ошибка Кэрсена и его единомышленниковъ заключалась, по нашему мнѣнію, въ непониманіи окружающаго ихъ міра, и, въ особенности, британской политики. Что Великобританія не откажется отъ каперства и захвата частной собственности, пока колоніальная система и Навигаціонный Актъ будутъ считаться, ея государственными людьми, краеугольными камнями британскаго морскаго могущества—это было ясно изъ исторіи, и, неоднократно, было заявлено самой Англіею. Послѣдовавшая, вскорѣ, отчаянная борьба между Англіею и Франціею, въ которой Наполеонъ I, посредствомъ декретовъ, а Великобританія — повелѣніями Тайнаго Совѣта, нарушали всѣ основы международной жизни и права, обнаружила, самымъ наглядным образомъ, стремленіе британской политики уничтожить даже всякую возможность иной торговли, кромѣ англійской [1]). Въ этой ненавистной и самой несправедливой войнѣ, нельзя было требовать ни умѣренности, ни уваженія чужихъ правъ. Въ это время, наступила для англійскихъ каперовъ самая блестящая эпоха ихъ хищническихъ подвиговъ, и они, чувствуя свое исключительное и почти неоспоримое господство надъ моремъ, производили вопіющія насилія, какъ въ отношеніи купеческихъ кораблей непріятеля, такъ и нейтральныхъ, не только не подвергаясь, притомъ, заслуженнымъ наказаніямъ, но, даже, пользуясь явнымъ поощреніемъ, со стороны правительства и «безпристрастныхъ» призовыхъ судей [2]). Естественно, что, въ такое

[1]) Необходимо замѣтить, что собственно говоря, это безсмыслица, что для блага своей собственной торговли, слѣдуетъ уничтожить или разорить торговлю другихъ странъ, такъ какъ торговля, по своей сущности, взаимна и если прекратится въ какой либо странѣ торговля и промышленность, то нечѣмъ будетъ торговать. Но этой элементарной истины, эгоизмъ колоніальной политики не могъ понять, до послѣдняго времени. Хотя, благодаря этой политикѣ и другимъ условіямъ, торговый флотъ Англіи успѣлъ развиться до огромныхъ размѣровъ, но не рѣшенъ еще вопросъ: не развилось-ли бы англійское морское могущество еще значительнѣе, при господствѣ болѣе здравыхъ политико-экономическихъ понятій?

[2]) Изъ оффиціальныхъ источниковъ видно, что французская морская торговля была доведена до нуля: ни одинъ корабль не смѣлъ показаться на морѣ, подъ французскимъ флагомъ. Срав. *Cauchy*. Du respect p. 41.

время, не могло быть и рѣчи объ отмѣнѣ каперства, которое, по мнѣнію британскихъ публицистовъ, именно въ началѣ нашего вѣка, оказалось необходимымъ средствомъ войны, и, повидимому, принесло громадныя услуги Англіи. Что касается поведенія Франціи, во время этихъ войнъ, то мы уже выше имѣли случай указать на существенное различіе между мотивами распоряженій Великобританіи и Наполеона I. Императоръ французовъ постоянно настаивалъ на неприкосновенности частныхъ лицъ, (хотя, впрочемъ, не всегда ея соблюдалъ самъ) и ихъ собственности. Приведенное нами выше толкованіе Порталисомъ принципа войны, было повторено, между прочимъ, въ докладной запискѣ министра Талейрана—Перигора Наполеону I въ 1806 г. [1]). Здѣсь снова подтверждается основное начало войны, какъ отношеніе государства къ государству, а не индивида къ индивиду, и поэтому, неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ собственности, гдѣ бы она не находилась — на сушѣ или на морѣ признается согласною съ международнымъ правомъ. Очевидно, что въ этомъ заключается также явное осужденіе каперства [2]).

По возстановленіи въ Европѣ всеобщаго мира, на Вѣнскомъ конгрессѣ, вопросъ о каперствѣ не подвергался обсужденію, хотя тогда уже выясненіе и опредѣленіе вреда и пользы этого средства войны могли бы значительно подвинуть впередъ окончательное рѣшеніе вопроса. Сорокалѣтній миръ, наступившій послѣ конгресса, прерываемый только изрѣдка незначительными и мѣстными вспышками, оказалъ безспорно самое благотворное вліяніе на смягченіе бѣдствій войны. Идея войны, какъ борьбы между государствами для водворенія прочнаго мира и возстановленія нарушеннаго юридическаго порядка, все болѣе и болѣе, входитъ въ общее сознаніе цивилизованныхъ народовъ.

[1]) Moniteur Universel, du 5 Décembre 1806.

[2]) Срав. введеніе Берлинскаго декрета 1806 г. (21 ноября). Кромѣ того, замѣчательно слѣдующее мѣсто въ мемуарахъ Наполеона I: «Il est à désirer qu'un temps vienne, où les mêmes idées libérales s'étendent sur la guerre de mer, et que les armées navales de deux puissances puissent se battre, sans donner lieu à la confiscation des navires marchands, et sans faire constituer prisonnier de guerre des simples matelots de commerce ou les passagers non militaires. Le commerce se ferait alors sur mer, entre les nations belligérantes, comme il se fait par terre, au milieu des batailles que se livrent les armées. (*Mémoires de Napoléon*, tome III, chap. VI, p. 304).

Установившіяся между народами частныя сообщенія и торговыя сношенія утвердили болѣе тѣсную между ними связь и общность интересовъ; такъ что возникновеніе вражды между народами сдѣлалось менѣе легкимъ, а нарушеніе сознаннаго принципа войны, болѣе чувствительнымъ. Поэтому, каперство, какъ самое явное нарушеніе принципа войны и общности интересовъ, выходитъ послѣ 1815 г. постепенно изъ употребленія. Противники его успѣли доказать, неопровержимымъ образомъ, всю безнравственность и нецѣлесообразность этого возбужденія порочныхъ страстей частныхъ лицъ, для разграбленія невинныхъ, беззащитныхъ подданныхъ непріятельской державы. Въ теченіе сорока лѣтъ, европейскія державы почти не пользовались правомъ выдачи каперскихъ патентовъ, но напротивъ, въ это время, являлись сперва знаменательныя попытки уничтожить каперство, а затѣмъ, состоялось и дѣйствительное его уничтоженіе. Франція опять является первою въ рядахъ противниковъ каперства, ибо въ началѣ войны, которую она въ 1823 г. должна была начать противъ революціоннаго правительства Испаніи, французскій королевскій ордонансъ воспретилъ подданнымъ каперствовать, и заявилъ рѣшеніе правительства не выдавать каперскихъ патентовъ, и не задерживать испанскихъ купеческихъ кораблей. Военные корабли непріятельскаго государства всегда могли быть задерживаемы, а купеческіе корабли только въ случаѣ нарушенія дѣйствительной блокады [1]). Обнародывая такія великодушныя правила, Франція, вмѣстѣ съ тѣмъ, обратилась къ другимъ европейскимъ державамъ, съ просьбою недозволять въ своихъ гаваняхъ сооруженія каперовъ, такъ какъ испанское правительство не отказалось отъ права вооружать каперовъ, противъ врага. Въ отвѣтъ на депешу французскаго министра Шатобріана, С. Джемскій кабинетъ заявилъ, что Англія не измѣнитъ своего образа дѣйствія, опредѣленнаго практикою вѣковъ и международнымъ правомъ. Несравненно однако важнѣе были переговоры, начатые въ томъ же году Соединенными Штатами, для окончательнаго опредѣленія правъ нейтральныхъ и воюющихъ на морѣ. По порученію президента Монрое, Джонъ Квинси Адамсъ, бывшій тогда статсъ-

---

[1]) Cauchy. Droit maritime international II, p. 374.
Du respect de la propriété privée, p. 93.

секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, отправилъ, въ высшей степени, замѣчательную инструкцію американскому посланнику при С. Джемскомъ кабинетѣ, Решу (Rush) [1]). Эта инструкція проникнута вполнѣ гуманнымъ духомъ Франклина и носитъ печать глубокихъ размышленій. Предметъ ея: уничтоженіе частной войны на морѣ. Частной войны, говоритъ Адамсъ, давно уже не существуетъ на сушѣ, и поэтому, нѣтъ основанія къ продолженію ея на морѣ. Частную войну на морѣ Адамсъ называетъ «системою дозволеннаго разбойничества, отличающагося, въ «высшей степени, насильственнымъ характеромъ пиратства [2])». На этомъ основаніи Адамсъ предложилъ представителю Соединенныхъ Штатовъ начать съ англійскимъ правительствомъ переговоры объ уничтоженіи каперства и признаніи неприкосновенности непріятельской частной собственности, во время войны. Къ инструкціи присоединенъ былъ проектъ конвенціи, опредѣляющей принципы нейтралитета и свободной торговли, во время войны [3]). Въ статьѣ IV проекта требуется, для всѣхъ частныхъ купеческихъ кораблей, свобода торговли и неприкосновенность во время столкновеній между государствами. Затѣмъ, предлагается окончательно отмѣнить выдачу каперскихъ патентовъ [4]). Однако, переговоры съ Англіею не привели ни къ какому положительному результату, такъ какъ колоніальная система и политика разоренія чужой торговли, для развитія отечественной, т. е. англійской, не перестали руководить англійскимъ обществомъ и государственными людьми, стоявшими, въ то время, во главѣ правительства. Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ понялъ это, и изъ своихъ конференцій съ Стратфордъ-Кэнин-

---

[1]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, s. 153.

[2]) «A system of licensed robbery, bearing all the most atrocious characters of piracy».

[3]) Cauchy. Du respect, p. 97.

[4]) Вотъ подлинный текстъ IV статьи: «all merchants and trading vessels employed in exchanging the products of different places, and thereby rendering the necessaries, conveniences, and comforts of human life more easy to be obtained, and more general, shall be allowed to pass free and unmolested, *and neither of the contracting parties shall authorize their public vessels to capture or destroy them, or grant or issue any commission to any private armed vessels, empowering them to take or destroy such trading vessels, or interrupt such commerce*». (*Aegidi* u. *Klauhold.* Frei Schiff, s. 155).

томъ вышесъ впечатлѣніе, «что Великобританія, при настоя-«щихъ обстоятельствахъ, не желаетъ присоединиться къ пред-«ложенію объ отмѣнѣ частной войны на океанѣ» [1]). По сообще-ніи проекта конвенціи англійскому правительству, Адамсъ по-ручилъ представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, при фран-цузскомъ и русскомъ дворахъ, узнать образъ мыслей державъ, при которыхъ они акредитованы, и сообщить имъ копіи съ проекта. Французское правительство, какъ и можно было ожи-дать, оказало благосклонный пріемъ проекту, однако, не рѣши-лось принять его безусловно, и поставило свое окончательное рѣшеніе въ зависимость отъ принятія проекта другими евро-пейскими державами [2]). Мидльтонъ, бывшій въ Россіи предста-вителемъ Соединенныхъ Штатовъ, обратился къ русскому пра-вительству, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: «Воору-«женный нейтралитетъ защищалъ, на нѣкоторое время, права «и собственность нейтральныхъ народовъ, но, послѣдовавшія за-«тѣмъ войны, не только что поглотили эту опору противъ на-«силій на моряхъ, но и уничтожили даже слѣды правъ ней-«тральныхъ. Можно однако надѣяться, что настоящія обстоя-«тельства благопріятствуютъ возстановленію правъ естествен-«ной справедливости и распространенію на море благодѣтель-«наго вліянія правилъ, вытекающихъ изъ христіанской любви» [3]). Изъ отвѣта Россіи видно, что она осталась вѣрною великимъ началамъ вооруженнаго нейтралитета и преданіямъ самой бли-стательной эпохи своей политики. Упомянувъ, что Россія всегда была защитницею свободы торговыхъ сношеній, графъ Нессель-роде опровергаетъ ложное мнѣніе, по которому государство съ незначительнымъ военнымъ флотомъ, имѣетъ только одно сред-ство уравновѣсить этотъ недостатокъ, — посредствомъ выдачи каперскихъ патентовъ. «Россія доказала, пишетъ графъ, что «она не только стремилась постоянно къ смягченію бѣдствій «войны, но часто даже жертвовала собою, чтобы спасти міръ «отъ этого бича». Россія изъявила свое согласіе тотчасъ же приступить къ переговорамъ объ окончательной редакціи про-екта, — если только и другія морскія державы примутъ аме-риканское предложеніе, которое, по мнѣнію графа Нессель-

[1]) Aegidi u. Klauhold, s. 156.

[2]) Aegidi u. Klauhold, s. 159.

[3]) Cauchy. Du respect de la propriété privée, p. 112.

родѣ, представляется «вѣнцомъ современной дипломаціи» (an act which would be a crown of glory to modern diplomacy) [1]). Войны между Россіею и Соединенными Штатами ожидать весьма трудно, поэтому, одностороннее принятіе проекта попоказалось Россіи безполезнымъ и нецѣлесообразнымъ.—Этимъ кончилась, основанная на разумныхъ началахъ, попытка Соединенныхъ Штатовъ удовлетворить требованіямъ справедливости и ввести въ международное право принципы, согласные съ международной жизнью и общесознанной идеею войны. До возникновенія восточной войны, вопросъ о каперствѣ оставался въ прежнемъ положеніи. Правда, германскій парламентъ 1848 г. изъявилъ желаніе вступить съ Вашингтонскимъ правительствомъ въ переговоры объ отмѣнѣ частной войны на моряхъ [2]) но, съ закрытіемъ мертворожденнаго парламента, прекратились и переговоры. Наконецъ, при началѣ военныхъ дѣйствій Германіи противъ Даніи въ 1848 г., прусское правительство объявило свое намѣреніе не выдавать каперскихъ патентовъ до тѣхъ поръ, пока Данія не воспользуется этимъ средствомъ войны, «противнымъ духу цивилизаціи нынѣшняго вѣка». Такъ какъ Данія не высылала въ море каперовъ, то война 1848 — 1850 г. обошлась безъ нихъ [3]). Въ этомъ фазисѣ находился вопросъ о каперствѣ, когда Великобританія и Франція, вступивъ въ тѣсный союзъ, «чтобы спасти Турцію», начали войну 1854 г. Въ самомъ началѣ войны, Англія отказалась отъ примѣненія началъ, которыя она, въ теченіе вѣковъ, провозглашала положительными законами международнаго права, и на которыхъ основывалось ея могущество и сила. Мы уже знаемъ, что неотъемлемыя права нейтральныхъ на неприкосновенность собственности и флага, были признаны Англіею, при самомъ возникновеніи непріязненныхъ дѣйствій; теперь прибавимъ, что Англія отказалась, даже, отъ права выдачи каперскихъ патентовъ [4]). Невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить себѣ подобное «не-

---

[1]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, s. 159.

[2]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, s. XII (Einleitung).

[3]) Wurm въ Tübinger Zeitschrift f. d. ges. Staatswissenschaft. Bd. VII, 1851. S. 314.

[4]) Декларація 28-го марта 1854 г. (Supplement to the London Gazette, 28-th March 1854).

осторожное отступленіе отъ началъ, освященныхъ вѣками» [1]). Вѣнскій конгрессъ, какъ мы видѣли, не принялъ никакихъ рѣшеній, относительно спорныхъ вопросовъ международнаго права; но, установляя политическую систему Европы на болѣе прочныхъ основаніяхъ, и, вызывая мѣры, обезпечивающія развитіе торговли и государства, конгрессъ, несомнѣнно, оказалъ важныя услуги развитію международныхъ сношеній. Уничтожая и отмѣняя преграды, тормозившія свободное передвиженіе и переселеніе народовъ, способствуя установленію болѣе близкихъ связей между народами, и наконецъ, требуя уничтоженія торга неграми, — Вѣнскій конгрессъ и послѣдующее время, существенно содѣйствовали распространенію сознанія международной жизни и общечеловѣческихъ правъ, неразрывно связанныхъ съ личностью человѣка. Все болѣе и болѣе распространялось сознаніе солидарности международныхъ интересовъ и права,—что, должно было привести къ пониманію цѣли международной жизни, къ наибольшему развитію мирныхъ сношеній и устраненію поводовъ международныхъ столкновеній. Но, въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію, что успѣхи науки народнаго богатства имѣли рѣшительное вліяніе на развитіе мирныхъ сношеній между народами и, вслѣдъ затѣмъ, на уничтоженіе каперства. Въ этомъ можно убѣдиться на Англіи. Въ теченіе первой половины нынѣшняго вѣка, мирныя, торговыя сношенія Англіи съ другими народами распространяются поступательно, и, скоро, далеко превосходятъ самые цвѣтущіе періоды протекшихъ столѣтій. Постепенно падаютъ преграды, воздвигнутыя для стѣсненія торговли, и тормозившія ходъ ея естественнаго развитія. Въ общественномъ мнѣніи Англіи произошелъ, очевидно и осязательно, великій, по своимъ послѣдствіямъ, переворотъ. Безпристрастное и критическое изученіе фактовъ доказало, что запретительная колоніальная система и Навигаціонный Актъ могли быть полезными въ свое время, но давно уже отжили свой вѣкъ, и существенно вредили процвѣтанію британской торговли и промышленности. Теперь только убѣдились въ истинѣ тѣхъ великихъ началъ, которыя еще въ прошломъ столѣтіи, такъ глубокомысленно, были изложены Адамомъ Смитомъ. Не въ уничтоженіи и ослабле-

[1]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, S. 33. Слова Росселя, сказанныя въ Палатѣ Общинъ, 14 іюля 1856 г.

ніи факторовъ богатства другихъ народовъ, или въ препятствованіи развитію ихъ торговыхъ сношеній, передовые люди Англіи и англійскій народъ стали усматривать свою задачу и залогъ своего превосходства на морѣ, — но напротивъ, сознаніе взаимности торговыхъ интересовъ сдѣлалось достояніемъ британскаго народа, и провозглашается его великими мыслителями. Теперь въ Англіи невозможна, и всѣмъ кажется анахронизмомъ, политика знаменитаго и, безспорно, искуснаго государственнаго человѣка, графа Шафсбёри, который въ 1672 г., будучи лордъ-канцлеромъ, объявилъ, что пришло время Англіи начать войну съ Нидерландами, ибо «обѣимъ странамъ нельзя оставаться въ «равновѣсіи; если мы не подчинимъ себѣ ихъ торговлю, они под«чинятъ нашу. Или они должны уступить, или мы. Одни долж«ны предписывать законы другимъ - такъ и будетъ. *Гдѣ споръ «идетъ за всемірную торговлю, тамъ сдѣлки невозможны*» Прибавимъ къ этому заявленію, слова лорда Гардвика, одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей XVIII в., которыя онъ сказалъ въ 1743 г. въ Палатѣ Лордовъ: «Если наше богатство умень«шается, то пора уничтожить торговлю того народа, который «оттѣснилъ насъ съ рынковъ континента—мы должны очистить «море отъ его кораблей и блокировать его порты» [1]). Подобная политика, принятая искуснѣйшими государственными людьми XVII и XVIII ст., немыслима, при современномъ настроеніи общественнаго мнѣнія въ Англіи. Стѣснявшая развитіе торговли колоніальная система и Навигаціонный Актъ отмѣнены,— не изъ великодушія или любви къ ближнему, какъ совершенно основательно замѣчаетъ Асперъ, но потому, что Великобританіею оставленъ взглядъ, будто бы собственная выгода въ торговлѣ увеличивается посредствомъ уничтоженія или ограниченія торговли другихъ. Напротивъ, британскій народъ пришелъ къ сознанію, что всякое облегченіе, всякое расширеніе и распространеніе торговли дѣлаетъ ее несравненно выгоднѣе [2]). Такое измѣненіе въ торговой политикѣ Англіи должно было имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ лучшее пониманіе, съ англійской точки зрѣнія, началъ морскаго международнаго права, и, дѣйствительно, привело къ знаменательному прогрессу. Мы здѣсь еще

[1]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, пер. *Бестужева-Рюмина* и *Тиблена*. Спб. 1864 г. Т. I, ч. I, стр. 157, примѣч. 57.

[2]) Аснев. Beiträge zu einigen Fragen. S. 45.

разъ можемъ убѣдиться въ той тѣсной, неразрывной связи, которая соединяетъ развитіе общества и государства, съ развитіемъ международной жизни. Великія реформы, (напр. отмѣна законовъ о хлѣбной торговлѣ) совершившіяся въ общественной и политической жизни британскаго народа, благодаря распространенію болѣе здравыхъ политико-экономическихъ знаній, доказали всю ложность и опасность принциповъ, защищаемыхъ изъ патріотизма британскими публицистами, — даже до настоящаго времени. Пока взоры писателей устремлены будутъ на давно-минувшія международныя отношенія, пока они не сознаютъ, что въ окружающей ихъ общественной и международной жизни зиждется положительное основаніе выясненія началъ международнаго права, до тѣхъ поръ теоріи британскихъ публицистовъ будутъ провозглашать начала, въ разрѣзъ съ дѣйствительнымъ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ. Это прямо доказывается отношеніемъ современныхъ британскихъ писателей къ вопросу о каперствѣ. При громадномъ развитіи британской торговли, и распространеніи англійскихъ торговыхъ домовъ и ихъ конторъ, по всему свѣту,—всякій ударъ, нанесенный торговлѣ, непремѣнно долженъ отозваться на англійскихъ интересахъ. Преимущественно сохраненіе каперства, при развитіи морскихъ силъ другихъ европейскихъ державъ, причинило бы британской торговлѣ неизчислимые убытки, потому что ни одинъ народъ не представляетъ каперамъ такой богатой добычи, какъ вездѣ плавающіе англійскіе купеческіе корабли. Очевидно, что уничтоженіе каперства требовалось развитіемъ экономической жизни британскаго народа. И такъ какъ, до послѣдняго времени, одна только Англія сопротивлялась осуществленію давно требуемыхъ международной жизнью и правосознаніемъ реформъ, то, при возникновеніи восточной войны, ничто не препятствовало воюющимъ великимъ державамъ отказаться отъ права выдачи каперскихъ патентовъ.

Когда въ 1854 г. громовыя тучи явно собирались на политическомъ горизонтѣ, и война съ Россіею сдѣлалась неминуемою, тогда Англія и Франція рѣшили блокировать соединенными силами всѣ русскія гавани и предупредить такимъ образомъ выходъ въ море русскихъ каперовъ,—если Россія имѣла вообще намѣреніе выдавать каперскіе патенты. Опасаясь предпріимчивыхъ гражданъ Соединенныхъ Штатовъ, которые могли бы принять отъ русскаго

правительства каперскія свидѣтельства, и, тѣмъ нанести громадный вредъ англійской и французской торговлѣ, лордъ Кларендонъ обратился въ мартѣ 1854 г. къ Соединеннымъ Штатамъ, съ предложеніемъ заключить трактатъ объ окончательномъ уничтоженіи каперства и считать нейтральныхъ, занимающихся каперствомъ, пиратами. На это, представитель Вашингтонскаго правительства, при С. Джемскомъ кабинетѣ, сэръ Букананъ, отвѣтилъ, что законы сѣверо-американской республики, воспрещаютъ гражданамъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, принимать каперскіе патенты противъ подданныхъ государства, съ которымъ Соединенные Штаты находятся въ мирѣ. Затѣмъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, Соединенные Штаты не могутъ согласиться на отмѣну каперства, развѣ если всѣ морскія державы сдѣлали бы еще шагъ впередъ, и согласились бы уничтожить, вообще, войну противъ частной собственности на океанѣ, подобно тому, какъ это принято на сушѣ. Кромѣ того, Соединенные Штаты считали нужнымъ не отказываться отъ употребленія каперовъ, такъ какъ они не имѣютъ большаго военнаго флота, и каперы являются единственнымъ средствомъ уравновѣсить превосходство другихъ морскихъ державъ [1]). Не смотря на этотъ отказъ, восточная война обошлась безъ насилій каперовъ. Нейтральныя же державы обнародовали законы, строго запрещавшіе подданнымъ принимать каперскіе патенты, отъ кого бы то ни было изъ воюющихъ государствъ [2]). Наконецъ, Парижская декларація уничтожила, въ первомъ своемъ пунктѣ, окончательно каперство. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самый проектъ деклараціи былъ составленъ Франціею и Англіею, по взаимному соглашенію. Замѣчательны только слова представителя Англіи на конгрессѣ, лорда Кларендона, заявившаго по поводу предложенія Франціи, что «Англія готова отказаться отъ своихъ правъ «(относительно конфискаціи непріятельскихъ товаровъ подъ нейтральнымъ флагомъ), *если только каперство на всегда будетъ «уничтожено»*. «Каперство», по мнѣнію лорда Кларендона, «ни«что иное, какъ организованное и узаконенное пиратство (pi«raterie organisée), корсары—величайшее зло войны, совершенно

[1]) Wheaton's Elements of Intern. Law. ed. by *Lawrence*, 1863, p. 635. Vidari. Del rispetto p. 193.

[2]) Vidari. Del rispetto p. 195—6, приводитъ выписки изъ законовъ главнѣйшихъ нейтральныхъ государствъ.

«противное гуманному духу нашего времени и современной цивилизаціи» [1]). Такимъ образомъ, уничтоженіе каперства явилось conditio sine qua non принятія Англіею остальныхъ принциповъ деклараціи. Если заявленіе лорда Кларендона соотвѣтствовало общественному мнѣнію британскаго народа, и было согласно съ его интересами, то очевиденъ переворотъ, состоявшійся во взглядѣ Англіи на проповѣдываемыя ея публицистами «неотъемлемыя «права воюющихъ» и каперство. Дальнѣйшая судьба деклараціи извѣстна. Въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. до 1858 г., приняли декларацію, и отказались, слѣдовательно, отъ права выдачи каперскихъ патентовъ сорокъ девять европейскихъ и американскихъ государствъ [2]). Очевидно, что каперство дѣйствительно противно общесознанному праву войны, и уничтоженіе его требовалось международнымъ правосознаніемъ государствъ, признающихъ для себя обязательную силу европейскаго международнаго права. Слѣдовательно, принятіе Парижской деклараціи почти всѣми цивилизованными государствами указываетъ именно, что уничтоженіе каперства, не только основано на договорномъ началѣ, но и на общемъ правосознаніи народовъ [3]). Только три державы: Испанія, Мексика и Соединенные Штаты отказались принять декларацію, потому что не находили возможнымъ согласиться на уничтоженіе каперства. Мотивы, которыми Испанія и Мексика обставили свой отказъ намъ неизвѣстны. Но за то, получили громкую извѣстность соображенія, заставившія Соединенные Штаты, которые прежде другихъ провозглашали отмѣну каперства въ трактатѣ 1785 г., не приступать къ Парижской деклараціи. Изъ приведеннаго нами выше отвѣта Букапана, на предложеніе Англіи уничтожить каперство, видно, что Сѣверо-Американскіе Штаты не считаютъ возможнымъ отказаться отъ выдачи каперскихъ патентовъ, и, въ тоже время, сохранить захватъ непріятельской частной собственности, посредствомъ военныхъ силъ воюющихъ державъ. Такую же неразрывную связь обоихъ началъ: уничтоженія каперства и признанія неприкосновенности частной собственности, во время морской войны, доказывалъ также президентъ Соединенныхъ Штатовъ,

---

[1]) Gourdon. Histoire du Congrès de Paris, p. 116, protocole № XXII.—

[2]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, S. 6, N. III: Докладъ гр. Валевскаго императору Наполеону III.

[3]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht, § 670.

Пирсъ (Pierce), въ своемъ посланіи къ конгрессу, отъ 4-го декабря (н. с.) 1854 г. [1]). «Соединенные Штаты», говорилъ президентъ, «не могутъ жертвовать безопасностью купеческихъ ко«раблѐй своихъ гражданъ, для блага военныхъ крейсеровъ какой «бы то ни было сильной морской державы». Предложеніе от«мѣнить каперство» доказывалъ Пирсъ, «основывается, очевид«но, на принципѣ неприкосновенности частной собственности «мирныхъ подданныхъ (non-combatants) непріятельской державы. «Если бы великія европейскія державы согласились признать «закономъ международнаго права: неприкосновенность частной собственности на морѣ, какъ со стороны военныхъ крейсе«ровъ, такъ точно и каперовъ, тогда Соединенные Штаты го«товы тотчасъ же, на такихъ широкихъ основаніяхъ, вступить въ переговоры». Въ этомъ же смыслѣ былъ отвѣтъ Вашингтонскаго правительства на приглашеніе Франціи и другихъ державъ присоединиться къ Парижской деклараціи. Но *Марси* (Marcy), бывшій въ 1856 г. статсъ-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ, не ограничился, въ своей отвѣтной депешѣ отъ 28 іюня 1856 г., простымъ повтореніемъ отказа. Въ замѣчательно обдуманной и остроумной аргументаціи, Марси доказываетъ неотлагательную необходимость признать полную неприкосновенность непріятельской частной собственности, если каперство уже не существуетъ. Съ этой цѣлью, Марси предлагаетъ державамъ, присоединившимся къ Парижской деклараціи, сдѣлать еще шагъ впередъ, и прибавить статью объ отмѣнѣ захвата частной собственности на океанѣ. Это предложеніе, хотя и вытекаетъ изъ предшествующей политики Соединенныхъ Штатовъ, изложено, со стороны Марси, такъ мастерски, что оно, въ современной литературѣ, извѣстно подъ названіемъ «поправки Марси» (Marcy «Amendement» or «American Amendement», какъ прибавляетъ Дана) [2]). Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній, аргументируетъ Марси, почему частная собственность въ открытомъ морѣ должна подвергаться захвату только со стороны военныхъ судовъ, а не корсаровъ. Если говорятъ, что корсары

---

[1]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, S. 161—163.
Wheaton's Elements ed. by Lawrence, p. 636.

[2]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, S, 9—18. На французскомъ языкѣ въ *Archives diplomatiques*, Janvier 1862, p. 148 etc.
Wheaton's Elements of Int. Law. ed. by *Dana*. note № 173 (p. 451).

скорѣе въ состояніи нарушать права нейтральныхъ, что корыстолюбіе и алчность—побудительныя пружины снаряженія частными лицами каперовъ, то необходимо замѣтить во 1-хъ, что опытъ новѣйшаго времени не доказываетъ, что каперы менѣе уважаютъ права нейтральныхъ, чѣмъ военные крейсеры; а во 2-хъ, корыстолюбіе и жадность, въ такой же степени, поддерживаются въ экипажахъ военныхъ кораблей, преміями или наградами, которыя обыкновенно распредѣляетъ воюющій между офицерами и матросами, послѣ удачной охоты на частныхъ лицъ. Соединенные Штаты считаютъ содержаніе военнаго флота и большой постоянной арміи разорительнымъ, для народнаго благосостоянія, и опаснымъ, для гражданской свободы [1]). Громадныя силы, постоянно готовыя для военныхъ цѣлей, представляются ничѣмъ инымъ, говоритъ Марси, какъ продолжающимся покушеніемъ на войну. Политика Соединенныхъ Штатовъ неуклонно противилась этимъ учрежденіямъ, и поэтому, главною ихъ защитою служатъ отряды волонтеровъ. Относительно морскихъ силъ, Соединенные Штаты имѣютъ въ виду развитіе мирныхъ торговыхъ сношеній и торговаго флота,—отказаться, при такихъ обстоятельствахъ, отъ права вооружать, въ случаѣ войны, частные коммерческіе корабли значитъ—лишать торговлю гражданъ всякой защиты. Короче сказать, уничтоженіе каперства можетъ быть выгоднымъ только для сильныхъ военными флотами европейскихъ державъ, и неминуемо должно привести къ безусловному владычеству одной, или, быть можетъ двухъ державъ. Но, принимая въ соображеніе, что современное международное право признаетъ войну дѣломъ правительствъ (war is now an affair of government), что непріятельская частная собственность, давнымъ-давно, пользуется неприкосновенностью во время сухопутныхъ войнъ, и, что нѣтъ никакихъ раціональныхъ доводовъ въ пользу необходимости захвата частной собственности на морѣ,—Соединенные Штаты полагаютъ, что «справедливость и гуманность требуютъ отмѣны существующей «практики и распространенія на частную собственность, нахо«дящуюся въ открытомъ морѣ, того же закона, который при«нятъ въ отношеніи ея на сушѣ». На основаніи этихъ сообра-

[1]) «The United States consider powerful navies and large standing armies, as permanent establishments, to be detrimental to national prosperity and dangerous to civil liberty».

женій, Марси предлагаетъ, отъ имени президента Соединенныхъ Штатовъ, слѣдующее прибавленіе къ первой статьѣ Парижской декларацiи: «и частная собственность, принадлежащая поддан«нымъ или гражданамъ воюющаго государства, не подлежитъ «въ открытомъ морѣ (in the high seas) захвату, со стороны «военныхъ кораблей другаго воюющаго, за исключеніемъ воен«ной контрабанды». Только подъ условіемъ прибавленія этой поправки, Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты изъявили бы свое рѣшеніе признать обязательность Парижской декларацiи.

Предложеніе Марси встрѣтило самый благопріятный пріемъ со стороны общественнаго мнѣнія Европы. Франція, Пруссія, Нидерланды и Сардинія изъявили свое согласіе принять предложеніе Соединенныхъ Штатовъ, такъ что президентъ Франклинъ Пирсъ могъ объявить, въ своемъ посланіи къ конгрессу (2 декабря 1856 г.), что дипломатическія сношенія съ Франціею внушаютъ надежду, что поправка будетъ принята [1]). Россія не только изъявила свое полное одобреніе предложенію, но выразила даже желаніе содѣйствовать принятію его другими державами [2]). Но отказъ Англіи не далъ осуществиться американ-

[1]) Aegidi u. Klauhold Frei Schiff, №. VII.

[2]) По весьма обязательному сообщенію изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ мы можемъ привести подлинный текстъ необнародованнаго отвѣта русскаго правительства на предложеніе Соединенныхъ Штатовъ. Депеша отправлена на имя г. Стекля, бывшаго русскаго посланника при Вашингтонскомъ правительствѣ, и заключается въ слѣдующихъ краткихъ словахъ. «D'ordre de l'Empereur, je réponds à Votre depêche №. Vous-êtes autorisé à annoncer, par une note formelle à M. Marcy que Sa Majesté accepte pour Sa part la condition sous laquelle les Etats-Unis consentent à l'abolition de la course, savoir: que la propriété particulière des sujets et citoyens des Parties contractantes sera respectée en temps de guerre par leurs marines militaires respectives, ainsi que par celles de toutes les Puissances qui voudraient s'associer à cette déclaration. Vous pouvez ajouter que, si la proposition américaine devenait l'objet d'une délibération collective, le vote du Cabinet Impérial lui est acquis. Recevez etc».

Затѣмъ, въ изданіи *Lawrence'a* сочиненія *Wheaton* (Elements of Inter. Law, p. 638—640) и у *Vidari* (Del rispetto, p 203) напечатана другая депеша русскаго правительства и въ другихъ выраженіяхъ; насколько она подлинна мы не знаемъ. Наконецъ, въ сочиненіи *Aegidi u. Klauhold'a:* Frei Schiff, S. 20, №. VI, напечатана отвѣтная нота г. Стекля, которая, по всей вѣроятности, подлинна, ибо передаетъ согласіе Россіи въ выраженіяхъ приведенной нами подлинной депеши».

ской поправкѣ. Такимъ образомъ, каперство осталось уничтоженнымъ, но частная собственность еще не освободилась отъ захвата, и, только вмѣсто приспособленныхъ къ этому корсаровъ, дѣло расхищенія собственности безоружныхъ частныхъ лицъ предоставлено вооруженнымъ силамъ воюющихъ государствъ.

Агитація, возбужденная депешею Марси, въ политическомъ и коммерческомъ мірѣ Европы и Америки, уже не входитъ въ настоящую главу о каперствѣ, и поэтому, будетъ разсмотрѣна впослѣдствіи. Здѣсь же считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ основательности отказа Соединенныхъ Штатовъ, на приглашеніе отказаться отъ употребленія каперства.

Воздавъ должную дань образцовому изложенію Марси, мы признаемъ несомнѣнную услугу Вашингтонскаго правительства, доказавшаго всю несостоятельность различія, которое, по настоящее время, существуетъ относительно частной собственности, во время войны, на сушѣ и на морѣ. Не смотря на все это, намъ все-таки кажется отказъ Соединенныхъ Штатовъ уничтожить каперство неосновательнымъ и ничѣмъ не оправдываемымъ, съ точки зрѣнія права. Принципы международнаго права коренятся въ человѣческой природѣ, которая, оставаясь сама неизмѣнною, не можетъ препятствовать измѣненію окружающихъ ея обстоятельствъ, условій жизни и развитію сознанія права. Если теперь правосознаніе открыто возстаетъ противъ существующаго обычая, который основывается на другомъ складѣ жизни, удовлетворяетъ другимъ условіямъ развитія и согласно только съ неразвитымъ сознаніемъ права; если этотъ обычай радикально противенъ выработанному праву, и, если наконецъ новая истина успѣла завоевать себѣ даже признаніе въ актахъ, опредѣляющихъ международныя отношенія,—то очевидно, что такою сознанною и провозглашенной истиною нельзя жертвовать ни въ какомъ случаѣ. Сѣверо-Американскіе Штаты и лучшіе ихъ граждане доказывали, неоднократно, безнравственность и варварство каперства: въ трактатѣ 1785 г., въ переговорахъ 1823 г. и, наконецъ, самъ Марси возстаетъ, всей силой своей убѣдительной аргументаціи, противъ «организованныхъ пиратовъ», и,—не смотря на все это, Соединенные Штаты находятъ возможнымъ считать каперство правильнымъ средствомъ войны, согласнымъ съ современнымъ международнымъ правомъ цивилизован-

ныхъ народовъ! Какимъ образомъ Вашингтонское правительство можетъ удерживать за собою право на употребленіе средства войны, признаннаго имъ самимъ «несогласнымъ съ духомъ христіанства и цивилизаціею»? Если попытки Соединенныхъ Штатовъ уничтожить каперство, если инструкціи и депеши, доказывающія право частныхъ лицъ на неприкосновенность своего имущества и необходимость уничтожить каперство, дѣйствительно вытекали изъ правосознанія, и не были только пустыми фразами, то невозможно, чтобы Соединенные Штаты когда либо употребляли каперовъ. Слѣдуя политическимъ разсужденіямъ Вашингтонскаго правительства, всякій имѣетъ право объявить, въ случаѣ выдачи имъ каперскихъ патентовъ, что Соединенные Штаты сознательно совершаютъ неправду, умышленно поддерживаютъ порядки, «противные духу христіанской любви и современной цивилизаціи», — однимъ словомъ, что граждане-каперы Соединенныхъ Штатовъ «организованные пираты»! Честность и послѣдовательность непремѣнно требовали отъ Соединенныхъ Штатовъ уничтоженія каперства. На этомъ основаніи, отказъ Вашингтонскаго правительства уничтожить каперство потому только, что державы не сдѣлали шага впередъ, и не признали неприкосновенности частной собственности вообще, все-таки была ошибка. Неразумно отталкивать меньшее благо потому, что нельзя пока достигнуть большаго, и опасно поддерживать то, что сами объявляемъ за неправду и противнымъ правосознанію цивилизованныхъ народовъ. И дѣйствительно, Соединенные Штаты скоро имѣли случай убѣдиться, и даже сознаться предъ всѣмъ свѣтомъ, въ своей ошибкѣ. Когда въ 1861 г. въ Соединенныхъ Штатахъ возникла междоусобная война, президентъ сепаратистскихъ штатовъ, Джефферсонъ Дэвисъ, предложилъ Монтгомерійскому конгрессу уполномочить его на выдачу каперскихъ патентовъ, противъ гражданъ сѣверныхъ штатовъ. Законъ, согласно проекту, былъ въ тотъ же день, принятъ конгрессомъ [1]). Вашингтонское правительство предвидѣло вредъ, который каперы Юга могутъ нанести торговлѣ его гражданъ, и, пришло къ сознанію своей ошибки. Вслѣдъ за объявленіемъ блокады всѣхъ гаваней, на берегахъ мятежническихъ штатовъ, Ва-

[1]) Archives diplomatiques, Février, 1861.
Aegidi u. Klauhold. Staatsarchiv, 1861, N. 55.

шингтонскій кабинетъ отправилъ къ великимъ европейскимъ державамъ циркулярную депешу (24 апрѣля 1861 г.), въ которой поручается надлежащимъ посланникамъ начать переговоры о причисленіи Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ къ державамъ, признающимъ обязательную силу Парижской декларацiи [1]). Соглашаясь признать уничтоженіе каперства, помимо окончательной отмѣны захвата частной собственности на морѣ, президентъ Линкольнъ не отказался отъ поправки Марси, но объявляетъ ея принятіе весьма желательнымъ для блага всѣхъ народовъ. «Благоразуміе и гуманность», говорится въ депешѣ, «убѣждаютъ президента, что, при настоящихъ обстоятельствахъ, «благоразумнѣе удовольствоваться меньшимъ благомъ, предло«женнымъ Парижскимъ конгрессомъ, нежели тщетно надѣяться «на то бо́льшее, которое предлагалъ морскимъ державамъ пре«зидентъ Соединенныхъ Штатовъ». Послѣ продолжительныхъ переговоровъ между Англiею, Францiею и Соединенными Штатами, присоединеніе послѣднихъ въ число державъ, подписавшихся на Парижской декларацiи, все-таки не состоялось. Франція и Англія, какъ извѣстно, признали сепаратистовъ воюющей стороною и, такъ какъ Вашингтонское правительство вело переговоры отъ имени всей республики, то, въ случаѣ присоединенія Соединенныхъ Штатовъ къ державамъ, принявшимъ Парижскую декларацію, всѣ эти державы, а слѣдовательно, и Англія и Франція, были бы вынуждены объявить сепаратистовъ мятежниками, а снаряженныхъ ими каперовъ, пиратами. Поэтому, Англія и Франція изъявили согласіе заключить съ федеральнымъ правительствомъ требуемую конвенцію, но съ присоединеніемъ къ ней объявленія, что онѣ не принимаютъ никакого обязательства, которое могло бы, прямо или косвенно, вмѣшивать ихъ въ распрю, господствующую въ Соединенныхъ Штатахъ. На конвенцію, съ подобной оговоркою, президентъ Линкольнъ отказался дать свое согласіе, и, такимъ образомъ, Соединенные Штаты не могли исправить свою ошибку [2]). Вслѣдъ затѣмъ, Вашингтонскій конгрессъ уполномочилъ президента на выдачу каперскихъ патентовъ, но Линкольнъ не воспользовался своимъ правомъ, до окончанія войны. Ричмондское правительство за то,

[1]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, N. XLII.

[2]) Wheaton's Elements of Inter. Law. ed. by *Dana*, note N. 173 (p. 455—6). Kent's Commentary on Inter. Law. p. 256—8.

дѣйствительно выдало каперскіе патенты; но, такъ какъ почти всѣ державы строго запретили своимъ подданнымъ принимать отъ воюющихъ сторонъ уполномочій на каперство, и Вашингтонское правительство объявило, что такихъ лицъ считаетъ пиратами, то Югъ долженъ былъ ограничиться, почти исключительно, услугами своихъ собственныхъ гражданъ, — если только дѣйствительная блокада Вашингтонскимъ правительствомъ береговъ и гаваней Юга сдѣлали, вообще, возможнымъ выходъ въ море. Не смотря однако, на такія крайнія затрудненія, каперы сепаратистовъ (которымъ явно благоволила Англія и, этимъ нарушила свой нейтралитетъ) все-таки успѣли причинить огромные убытки непріятельской и европейской торговлѣ [1]). Пасплія и разбои, совершенныя надъ мирными частными лицами, каперами южныхъ штатовъ, какъ напр. «Алабамою», «Флоридою», и «Шенандоа», доказали еще разъ всю безнравственность каперства, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, значеніе Парижской декларацін на пути къ водворенію правды и справедливости въ международной жизни. Каперство осуждено безвозвратно и торжественно правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ, поэтому, возстановленіе его немыслимо, пока физическая сила и произволъ не одержатъ верхъ надъ правомъ и разумомъ. Если, такимъ образомъ, современное международное право не могло допустить существованія каперства, и уничтожило его, то тѣмъ менѣе можетъ быть оправдываемо возобновленіе выдачи каперскихъ патентовъ. Однако, такъ какъ Соединенные Штаты до сихъ поръ еще не приняли Парижской декларацін, то, хотя каперство осуждено имп уже въ прошломъ столѣтіи, Вашингтонское правительство не связано принципами, провозглашенными на Парижскомъ конгрессѣ, и поэтому, имѣетъ право, въ случаѣ войны, пустить въ ходъ «организованныхъ пиратовъ». Предположимъ, что будетъ война между Соединенными Штатами и Англіею, и если первые выдадутъ каперскіе патенты, послѣдняя, которая не связана, относительно Соединенныхъ Штатовъ, первой статьей Парижской декларацін, навѣрно приметъ ту же мѣру. Такимъ образомъ, до торжественнаго присоединенія къ декларацін такой великой морской державы, какъ Сѣверо-Американскіе Соединен-

---

[1]) Отчетъ *Макъ-Кэллоха* Вашингтонскому конгрессу (Moniteur 5 Fevr. 1866 г.). Revue des deux Mondes 1864 (Août) статья *Laugel'я*.

ные Штаты, каперство еще угрожаетъ цивилизованному міру. Кромѣ того, въ литературѣ международнаго права, каперство имѣетъ еще своихъ ярыхъ защитниковъ, которые приводятъ, какъ юридическія, такъ и чисто политическія доказательства, въ пользу дальнѣйшаго процвѣтанія этого средства войны. Но, подобно тому, какъ въ международной жизни незначительное меньшинство державъ считаетъ каперство пока необходимымъ, такъ точно и между писателями огромное большинство доказываетъ несостоятельность каперства, какъ средства войны, согласнаго съ принципами современнаго международнаго права.

II. О каперствѣ, по началамъ науки.

Происхожденіе каперства, въ эпоху господства, въ международныхъ отношеніяхъ грубой силы и кулачнаго права, развитіе его въ тѣ времена, когда торговые интересы и меркантильная зависть вызывали безпрерывную вражду между народами, и когда политическая мудрость требовала нанесенія наибольшаго вреда сосѣднимъ государствамъ—все это объясняется вполнѣ удовлетворительно, изъ историческаго развитія международной жизни. Пока войны были постояннымъ занятіемъ народовъ, всякій гражданинъ былъ въ тоже время воинъ, и небыло никакого различія между личностью государства и отдѣльнаго гражданина; тогда только гуманность и христіанская любовь требовали отъ непріятеля уваженія къ неприкосновенности лица и права собственности безоружныхъ гражданъ. Введеніе постоянныхъ войскъ прекратило своевольные набѣги гражданъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дало развиться мирнымъ наклонностямъ гражданъ и общества. Прежде всего, водворился порядокъ на сушѣ, и самоуправное нарушеніе международныхъ отношеній и законовъ войны подвергалось строгому взысканію, со стороны верховной власти. Постепенно выясняется сознаніе права государства, руководить международными сношеніями, и рѣшать возникшія международныя столкновенія. Наконецъ государство, понятое какъ самостоятельный организмъ, имѣющій свою независимую волю, слѣдовательно, и отвѣтственность за свои дѣйствія, пользуется опредѣленными средствами, для возстановленія своего нарушеннаго права. Государственныя, организованныя военныя силы, являются орудіями войны на сушѣ и представителями

лица государства. Если же грозитъ крайняя опасность воюющему государству, современное международное право разрѣшаетъ устройство корпусовъ волонтеровъ. Но волонтеры никогда не освобождаются отъ строгаго исполненія предписаній права, и всегда являются такими же орудіями войны, въ рукахъ государственной власти, какъ и регулярныя войска. Волонтеры, какъ и войска, имѣютъ цѣлью своихъ непріязненныхъ дѣйствій: водвореніе мира, а не разграбленіе частныхъ лицъ. Въ этомъ состоитъ порядокъ веденія войны и цѣль ея на сушѣ. Совершенно другое представляетъ намъ война на морѣ. Море—естественный путь къ сближенію народовъ, къ возбужденію взаимнаго уваженія и сознанія солидарности интересовъ, служило, въ теченіе вѣковъ, поприщемъ господства грубой силы. На сушѣ война предпринимается, для возстановленія нарушеннаго мира, на морѣ, для уничтоженія соперничествующей торговли и для установленія торговой монополіи. Въ сухопутной войнѣ, воюющій ограничивается регулярными войсками, и имущества непріятельской державы, имп захваченныя, признаются собственностью лица представляемаго, т. е. государства. Въ морской войнѣ, напротивъ, воюющіе, не довольствуясь своими организованными силами, но вызывая и поощряя алчность частныхъ лицъ, уполномочивали каперовъ на захватъ частной собственности, а въ вознагражденіе, «за великодушные подвиги, въ ко«торыхъ они подвергали опасности свою жизнь и имущество [1])», государства предоставляли имъ въ собственность награбленное. Очевидно, что средство войны, основывающееся, исключительно, на корыстолюбіи людей и жадности ихъ къ добычѣ не могло, въ своемъ развитіи, дать хорошихъ результатовъ [2]). Никто, даже, изъ защитниковъ каперства не отрицаетъ злоупотребленій, совершаемыхъ каперами и поощряемыхъ призовыми судами. Отфель самъ говоритъ, что большинство корсаровъ бралось за оружіе, только изъ надежды сдѣлать хорошую добычу, отдавая преимущество захвату собственности беззащитныхъ мирныхъ купцовъ и избѣгая случайностей битвы [3]). И, чѣмъ

[1]) Valin. Traité des prises. 1763. (*Asher*, Beiträge zu einigen Fragen. S. 2).

[2]) Kent's Commentary on Inter. Law, ed. by *Abdy*, p. 252: «Privateering, under all the restrictions which have been adopted, is very liable to abuse. *The object is not fame or chivalric warfare, but plunder and profit*»—«privateers are often guilty of enormous excesses, and become the scourge of neutral commerce».

[3]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime internat. p. 192: «les cor-

больше развивались торговыя сношенія, тѣмъ больше давала себя чувствовать зависть и неразумная политика уничтожить, съ помощью каперовъ, непріятельскую торговлю. Что же касается законовъ, изданныхъ государствами, для опредѣленія правъ и обязанностей каперовъ, то всѣ они служили, только для прикрытія поощряемыхъ политикою злоупотребленій. Къ законамъ о каперахъ, справедливо можно отнести слова, сказанныя Вольтеромъ о другихъ началахъ международнаго права, что они были изданы только для того, чтобы служить народамъ утѣшеніемъ за страданія, причиняемыя имъ политикою и грубой силою. Регламенты о каперахъ даютъ такое же понятіе о вѣчныхъ началахъ справедливости, какое даютъ портреты о лицахъ, которыхъ мы не увидимъ никогда [1]). Да могла ли быть и рѣчь объ исполненіи законовъ, опредѣляющихъ юридически то состояніе международныхъ отношеній, въ которомъ самъ законодатель видитъ отсутствіе всякихъ законовъ и безусловное владычество силы? Могли ли быть состоятельны законы, которые основывались на возбужденіи и поощреніи порочныхъ страстей подданныхъ, и, которые были изданы, съ цѣлью прикрыть обликомъ законности, явный грабежъ и насилія? Исторія каперства убѣдила представителей науки и государственныхъ людей, что каперъ, развѣ только, именемъ отличается отъ пирата, признаннаго уже въ древнемъ мірѣ врагомъ всего человѣчества [2]). Мы нисколько не отрицаемъ, что между корсаромъ и пиратомъ существуетъ формальное различіе, такъ какъ первый уполномоченъ верховной властью предпринимать набѣги, противъ подданныхъ непріятельской державы, между тѣмъ, какъ пиратъ грабитъ самоуправно, безъ всякаго разрѣшенія. Каперъ занимается своимъ промысломъ, только во время войны, пиратъ — въ мирное и военное время; каперъ обязанъ соблюдать инструкціи и предписанія, данныя ему верховной властью, и только непріятеля и нейтральныхъ, нарушающихъ свои обязанности, онъ имѣетъ право останавливать, пиратъ,—напротивъ, дѣлаетъ

---

saires préferaient beaucoup, une proie desarmée et pacifique, à la chance glorieuse d'un combat».

[1]) Martens. Essai concernant les armateurs, p. 19.

[2]) Gentilis. De jure belli, lib. I, cap. IV: «Latrones bellum non gerunt»— p. 35—«Piratae omnium mortalium hostes sunt communes».

свои нападенія, безразлично, на корабли всѣхъ народовъ [1]). Но, что каперы злоупотребляли, до нельзя, данными правами, что они фактически нисколько не отличались отъ пиратовъ, и грабили, даже, своихъ сограждапъ—этого не отрицаетъ ни одинъ современный публицистъ. И такъ, каперство въ полномъ смыслѣ «организованное, дозволенное пиратство», и поэтому, противно современному международному праву.

Понятно, что до тѣхъ поръ, пока верховнымъ принципомъ международнаго права была признаваема сила, пока въ государственной жизни народовъ господствовалъ неограниченный произволъ, непріятель не имѣлъ никакихъ правъ, и всѣ средства войны имѣли законное основаніе [2]). Согласно съ этимъ, первые писатели о международномъ правѣ, въ трудахъ которыхъ ясно отражался этотъ періодъ развитія международной жизни, не находятъ даже нужнымъ требовать ограниченія насилій каперовъ, ибо рѣдко упоминаютъ даже объ этомъ способѣ войны. Они, главнымъ образомъ, имѣютъ въ виду пиратовъ, которыхъ они единогласно считаютъ врагами человѣчества [3]). Только въ XVIII-мъ вѣкѣ, періодѣ скептицизма, писатели международнаго права обратили вниманіе на злоупотребленія каперовъ, и на произвольное различіе, проводимое воюющими между морской войною и войною на сушѣ. Въ XVIII ст. послышались первые возгласы, въ пользу уничтоженія каперства и отмѣны захвата частной собственности непріятельскихъ подданныхъ. Начиная съ этого времени, доводы писателей и безпристрастное изслѣдованіе возникновенія и развитія каперства неотразимо доказывали всю его безнравственность и несправедливость, и, требовали прекращенія выдачи каперскихъ патентовъ.

Первый изъ публицистовъ, возставшій противъ каперства, былъ извѣстный аббатъ *de-Мабли*, который въ сочиненіи: «О публичномъ правѣ Европы, основанномъ на трактатахъ»,

---

[1]) Phillimore's Intern. Law. London. 1854. Vol. I, p. 379: «Piracy is an assault upon vessels navigated on the high seas, committed *animo furandi*, whether the robbery or forcible depredation be effected or not, and whether not it be accompanied by murder or personal injury».

[2]) Laurent. Histoire du droit des gens, Tome XI, p. 14.

[3]) Gentilis. De jure belli, lib. I, cap. XXV, d. 202: «Piratica est contra jus gentium, et contra humanae societatis communionem. «Срав. *Grotii*. De jure belli ac pacis, lib. III, cap. XVIII.

старался убѣдить государства, что каперство приноситъ самимъ же имъ только вредъ, а не пользу. Возставая, также, противъ захвата частной собственности на морѣ, Мабли разсуждаетъ: «Нельзя, однако, съ успѣхомъ противодѣйствовать «этому злу, (т. е. захвату частной собственности), отражающе«муся не только на интересахъ торгующихъ, но и на всѣхъ граж«данахъ, если не уничтожить, предварительно, еще болѣе опас«ный и излишне умножающій бѣдствія войны, обычай. Всякій «догадается, что я желаю говорить о пиратствѣ, направленномъ «противъ купеческихъ кораблей, съ момента разрыва мирныхъ «отношеній между двумя державами. Какимъ образомъ націи, «считающія торговлю наилучшимъ основаніемъ своего величія, «и стремящіяся, съ такими усиліями, къ распространенію сво«ихъ сношеній, до сихъ поръ не могли понять, какъ выгодно «было бы имъ, постановленіемъ нѣсколькихъ статей, въ заклю«чаемыхъ трактатахъ, обезпечить торгующимъ, во время вой«ны, свободу плаванія» [1])? Затѣмъ Мабли желаетъ доказать, что въ интересѣ всѣхъ морскихъ державъ, какъ-то Англіи, Голландіи, Франціи, слѣдуетъ уничтожить каперство, и признать неприкосновенность частной собственности. Мабли очень вѣрно понимаетъ колоніальную систему Англіи и ея стремленіе расширить свои владѣнія въ Америкѣ, но опытъ убѣждаетъ его, что британскіе подданные вознаграждаютъ убытки, понесенные подданными другихъ государствъ во время войны, вслѣдствіе каперства, въ видѣ страховыхъ суммъ [2]). Мы видимъ, что разсужденія Мабли имѣютъ, главнымъ образомъ, въ виду доказать державамъ, что въ ихъ собственномъ интересѣ лежитъ отмѣна каперства; и это весьма естественно, ибо тамъ, гдѣ сила имѣетъ неограниченный авторитетъ, возникновеніе сознанія права зависитъ часто отъ здраваго пониманія своего собственнаго интереса. Мнѣніе Мабли, какъ бы бездоказательно оно не было высказано, заключало въ себѣ несомнѣнную истину, и поэтому, не могло не получить дальнѣйшаго развитія. Въ томъ же столѣтіи *Гальяни*, талантливый защитникъ правъ нейтральныхъ,

---

[1]) Mably. Droit public de l'Europe, fondé sur les traités, ed. par *Rousset*, Amsterdam et. Leipzig 1761, T. II, p. 322.

[2]) Mably. Droit public, ed. 1747, p. 310, — прибавленъ вопросъ: «Pourquoi les corsaires auraient—ils des priviléges que n'ont pas les Talpaches et les Pandoures»?

возсталъ весьма энергически противъ варварскаго обычая снаряженія каперовъ, съ цѣлью разграбленія беззащитныхъ подданныхъ непріятельскаго государства. Весьма замѣчательно, что Гальяни одинъ изъ немногихъ писателей, настаивающихъ на постоянномъ развитіи международныхъ отношеній и международнаго права. Такое же движеніе впередъ, на пути къ смягченію бѣдствій войны и измѣненію военныхъ законовъ и обычаевъ, считаетъ Гальяни необходимымъ, для правильнаго выясненія права войны [1]). Когда народы, по словамъ Гальяни, были въ состояніи варварства, поклонялись чувству мести и жаждали брани, тогда цѣлью войны были: опустошенія, истребленіе слабѣйшихъ противниковъ и захватъ непріятельской собственности. Но народы древняго міра, говоритъ Гальяни, не знали арматоровъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ: всякій воинъ былъ представителемъ верховной власти римскаго народа, и вся добыча считалась достояніемъ фиска. Изслѣдуя затѣмъ, въ общихъ чертахъ, развитіе права войны на сушѣ до XVIII ст., Гальяни восклицаетъ: «Въ этомъ столѣтіи, когда «философія и разумъ все и всѣхъ озаряетъ своимъ свѣтомъ, са«мыя сильныя морскія державы, не только никогда не упуска«ютъ случая, при возникновеніи войны, издавать эдикты, раз«рѣшающіе подданнымъ заниматься корсарствомъ, но даже вы«зываютъ и возбуждаютъ дѣлать набѣги и захватывать всѣ не«винные, безоружные купеческіе корабли, принадлежащіе поддан«нымъ непріятельской націи. Несчастныхъ купцовъ и матросовъ, «неоказывающихъ никакого сопротивленія и не принимающихъ ни«какого прямаго участія въ войнѣ, лишаютъ всего имущества, и «объявляютъ военноплѣнными» [2]). На основаніи этихъ разсуж-

[1]) Galiani. De'doveri de'principi neutrali verso i principi guerreggianti e di questi verso i neutrali. Libri due, 1782. p. 265: «Dritto di guerra non è un dritto stabile, costante, uniforme, universale, ma per sua intrinseca natura varia, si diversifica, ed è soggetto ad una serie di gradazioni».

[2]) Galiani. Cap. X, § II. «*Del corseggiare*, p. 423—38». «E pure in questo stesso secolo, in mezzo a tanta luce di filosofia e di ragione, le Potenze marittime le meglio armate, e munite di stupende flotte, non han trascurato mai in ogni dischiarazioni di rottura di pace gi pubblicar Editti nè quali non solo promettevano il benigno permesso a tutti i loro sudditi di corseggiare, ma gl' invitavano, e gli solleticavano con offerte d'ajuto ad armarsi, e *correr sopra*, a predare tutte le innocenti, e pacifiche navi mercantili della nazion nemica, impadronirsene, e far prigionieri di guerra gli sventurati mercanti e marinaj,

деній, Гальяни высказывается рѣшительно противъ каперства, которое могло имѣть мѣсто, въ естественномъ, дикомъ состояніи (stato di natura bruta e isolato) народовъ, когда война велась нестройными массами. Но, при настоящемъ развитіи международныхъ отношеній между цивилизованными народами, заключаетъ Гальяни въ концѣ прошлаго столѣтія, выдача частнымъ лицамъ каперскихъ патентовъ есть мѣра, во всѣхъ отношеніяхъ, «жестокая, безполезная, вредная и, слѣдовательно, непозволительная» или противная праву [1]). Впрочемъ, Гальяни сознаетъ, что, для дѣйствительнаго уничтоженія каперства, необходимъ единогласный отказъ державъ употреблять это средство войны, и, для достиженія этой цѣли, онъ обращается къ державной главѣ перваго вооруженнаго нейтралитета, съ просьбою присоединить къ извѣстнымъ пунктамъ знаменитой декларацiи 1780 г. еще одинъ—объ уничтоженіи каперства [2]). Очевидно, что Гальяни разсматривалъ вопросъ о каперствѣ дѣйствительно съ научной стороны: изъ поступательнаго развитія международныхъ отношеній къ водворенію правды и справедливости, Гальяни приходитъ къ неопровержимому результату, что каперство законно могло существовать, только во времена варварства. Однако, преобладаніе у Гальяни философскихъ разсужденій, при осязательномъ недостаткѣ положительныхъ историческихъ данныхъ, лишаетъ, нѣкоторымъ образомъ, его аргументацію твердой почвы, и придаетъ ей шаткость и неубѣдительность. Изобразить, безпристрастнымъ изложеніемъ фактовъ, исторію возникновенія и развитія каперства, въ которой были бы или опровергнуты, или подтверждены выводы Гальяни,— вотъ въ чемъ заключалась задача послѣдующихъ писателей. Уничтожить этотъ пробѣлъ желалъ *Мартенсъ*, въ своемъ классическомъ трудѣ: «Опытъ объ арматорахъ, призахъ и преимущественно репризахъ» [3]). Раскрывая, совершенно безпристрастно,

---

quantunque non avessero combattuto, nè fatta resistenza, ma fossero subito venuti alla chiamata, e prestata ubbidienza». (p. 430).

[1]) Galiani. De' doveri, p. 431 «è cosa crudele, inutile, dannosa, e quindi illecita il permettersi ai privati il devenir corsari».

[2]) Ibidem. p. 436.

[3]) Замѣтимъ, для полноты нашего изложенія, что во второй же половинѣ прошлаго вѣка *Лэнге* также высказался противъ каперства. Говоря о каперствѣ, Лэнге дѣлаетъ замѣчаніе: «Cette manière de faire la guerre est ennoblie par l'usage et le consentement universel. Mais cependant un homme

происхожденіе каперства, во время господства кулачнаго права, и постепенное его развитіе, благодаря поощреніямъ, со стороны государствъ, онъ доказалъ крайнюю неосновательность похвалъ, которыми патріотическіе писатели любили чествть патріотизмъ и самоотверженіе каперовъ. «Слава и долгъ», говоритъ онъ, «призываютъ офицера сражаться съ непріятелемъ, когда того «требуетъ благо государства, и честь служитъ ему лучшей на«градою за его труды и опасности. Ничего подобнаго нельзя «сказать о каперахъ. Они равнодушны къ судьбѣ войны и, ча«сто даже, къ благу отечества; у нихъ нѣтъ стремленій, кромѣ «корыстолюбія, нѣтъ другой награды, кромѣ призовъ и воз«награжденій, даруемыхъ имъ государствомъ, за ихъ привилеги«рованные разбои (à ses piratéries privilegiées). Чтобы поощрять «частныхъ лицъ снаряжать на собственный счетъ каперскія су«да, необходимо поставить приманку богатой добычи, и не пу«гать ихъ слишкомъ частымъ возвращеніемъ награбленнаго ими «имущества» [1]). Въ этомъ заключается отзывъ о каперахъ писателя, направленіе котораго состояло въ изученіи и передачѣ фактовъ. Войны французской революціи и Наполеона I противъ Англіи подтвердили, самымъ убѣдительнымъ образомъ, основательность выводовъ, сдѣланныхъ Гальяни и доказанныхъ Мартенсомъ. Въ первой половинѣ настоящаго вѣка, каперство подверглось дальнѣйшему изслѣдованію и окончательному осужденію. Чѣмъ болѣе развивалась государственная жизнь народовъ, чѣмъ ярче выступаютъ блага мира и сознается идея войны, какъ спора о правѣ между государственными организмами, тѣмъ неотразимѣе международная жизнь требовала уничтоженія «привилегированнаго морскаго разбоя», или каперства. Мнѣніе, казавшееся въ концѣ прошлаго вѣка политикамъ и публицистамъ «лжемудростію» и, даже, антигосударственнымъ ученіемъ «говоруновъ—декламаторовъ», [2]) сдѣлалось, въ настоящее время, достояніемъ огромнаго большинства новѣйшихъ писателей [3]) и

censé qui se permet de réfléchir, peut-il y voir autre chose que la plus lâche, la plus odieuse, la plus barbare de toutes les piratéries!» (*Linguet*, Annales politiques, tome VI, p. 108).

[1]) G. F. de Martens. Essai concernant les armateurs, etc. Goettingue. 1795. Chap. I, § 6, p 38.

[2]) Azuni. Droit maritime de l'Europe, tome II, p. 442.

[3]) Ср. между прочимъ, Büsch. Ueber das Bestreben der Völker u. s. w.

государственныхъ людей, такъ что первая статья Парижской декларацiи вполнѣ согласна съ правосознанiемъ цивилизованныхъ народовъ. Такой блистательный исходъ борьбы научныхъ дѣятелей, противъ каперства, можетъ служить залогомъ тому, что и другое начало, за которое столько же времени но не съ такимъ же единодушiемъ, ратоборствуютъ публицисты, вскорѣ сдѣлается положительнымъ закономъ международнаго права. Намъ кажется неопровержимымъ, что послѣ того, какъ каперство признано несогласнымъ съ современнымъ международнымъ правосознанiемъ, захватъ частной собственности мирныхъ подданныхъ непрiятеля не можетъ быть оправданъ никакими доказательствами, и вполнѣ противенъ условiямъ развитiя международной жизни и принципамъ современнаго международнаго права.

Не смотря на все это, каперство не осталось, даже послѣ Парижскаго конгресса, безъ ярыхъ защитниковъ, которые во всякое время готовы подать голосъ за возобновленiе выдачи каперскихъ патентовъ. И такъ какъ каперство, до принятiя Соединенными Штатами, Испанiею и Мексикою статьи Парижской декларацiи, еще не прекратилось въ дѣйствительности, то необходимо подвергнуть критикѣ главные доводы, приводимые въ пользу каперства. Совокупность всѣхъ приводимыхъ доказательствъ можно раздѣлить во 1-хъ, на юридическiя, т. е. почерпнутыя изъ области права и касающiяся самаго существа этого способа войны и, во 2-хъ, на политическiя соображенiя. Хотя защитники каперства не сознаютъ этого различiя, и безпрестанно смѣшиваютъ право съ политикою, но сущность дѣла и основательность разсужденiй требуютъ непремѣнно подобнаго разграниченiя далеко неоднородныхъ областей. Къ этому прибавимъ, что мы не считаемъ нужнымъ касаться доводовъ всѣхъ публицистовъ, и въ особенности британскихъ и американскихъ, защищающихъ каперство. Эти писатели ограничиваются, большей частью, только изложенiемъ мнимаго различiя между пиратами и каперами, и, при безусловномъ ихъ преклоненiи предъ правомъ грубой силы, никогда не подвергаютъ сомнѣнiю — право воюющаго государства на выдачу каперскихъ патентовъ или,

---

S. 286—310; *Rayneval.* Institutions du droit de la nature et des gens, etc. Paris 1808. p. 266. *Wurm.* въ *Rotteck's* u. *Welcker's* Staatslexicon. Altona. 1848. Bd. XI. Art. *Prise*, *Priscngericht*; *Heffter.* Völkerrecht, S. 246; *Massé.* Droit commercial, §§ 154—171; *Качановскiй.* О каперахъ, стр. 157 и др.

вообще, несоотвѣтствіе каперства современной цивилизаціи [1]). Мы обратимся главнымъ образомъ къ публицистамъ, защищающимъ каперство, даже по уничтоженіи его на Парижскомъ конгрессѣ.

Самымъ отчаяннымъ, если можно такъ выразиться, противникомъ первой статьи Парижской декларации, выступилъ извѣстный защитникъ правъ нейтральныхъ *Отфель* [2]); съ большей сдержанностью и знаніемъ дѣла высказался, за сохраненіе каперства, *Ортоланъ* [3]); наконецъ, доводы обоихъ публицистовъ повторилъ испанскій писатель *де-Негринъ* [4]). Съ исключительно политической точки зрѣнія, защищалъ каперство *Марси*, въ знаменитой депешѣ 28 іюля 1856 г.

И такъ, обратимся къ разсмотрѣнію юридическихъ доказательствъ, приводимыхъ Отфелемъ, въ пользу корсарства. Прежде всего необходимо знать исходную точку всѣхъ разсужденій Отфеля о вопросахъ международнаго права. Онъ признаетъ двоякаго рода источники международнаго права: естественное право (droit primitif) и положительное право (droit secondaire). Первое, т. е. естественное право даетъ принципы и абсолютныя истины, потому что основывается на вложенномъ въ человѣческое сердце чувствѣ вѣчной правды и справедливости. Положительное право только воспроизводитъ эти принципы, и опре-

---

[1]) Безпристрастіе требуетъ отъ насъ заявленія, что изъ британскихъ публицистовъ считаетъ каперство вреднымъ *Редди* (*Reddie*. Historical and critical researches, vol. I, p. XVIII, vol. II, p. 391, 574). Онъ признаетъ даже каперство противнымъ справедливости, сознанной христіанскими народами. Кромѣ того каперы, по мнѣнію Редди, нисколько не составляютъ необходимой принадлежности войны. (Срав. *Каченовскій*, стр. 162).

[2]) Hautefeuille: a) Des droits et devoirs des nations neutres, en temps de guerre maritime. 2 ed. Paris 1858, t. I, tit. III, chap. II, sect. III, § III.

b) Histoire du droit maritime international. Paris 1858, tit. VI, sect. III.

c) Questions du droit maritime internat. Paris 1868, p. 61—109, 169—205, 219—40.

[3]) Ortolan. Régles internationales et diplomatie de la mer. Paris 1864 t. II, l'v. III, chap. III, p. 57—75.

[4]) De-Negrin. Estudios sobre el Derecho Internac. Maritimo, Madrid. 1862, secc. II, cap. I, § 1. По словамъ автора, трудъ его напечатанъ, по повелѣнію правительства (impreso de real orden) слѣдовательно, можно думать, что приводимые имъ доводы противъ уничтоженія каперства, были тождественны съ убѣжденіемъ низвергнутаго испанскаго правительства.

дѣлаетъ мѣры, для ихъ осуществленія [1]). Замѣтимъ, что Отфель защищаетъ свое мнѣніе всегда тѣмъ, что объявляетъ его непосредственно почерпнутымъ изъ естественнаго или божественнаго закона (loi divine), который онъ считаетъ также математическою истиною (vérité mathématique). Вотъ изъ этого «неизъяснимаго источника правды и справедливости», согласно съ которымъ всегда должны быть опредѣляемы международныя отношенія, Отфель выводитъ свое понятіе о войнѣ, и необходимость каперства. «Право войны», опредѣляетъ Отфель, «заключается въ возможности вредить противнику всѣми средствами» (par tous les moyens),—иногда впрочемъ, когда имѣетъ въ виду права нейтральныхъ, онъ прибавляетъ, что способы войны должны быть «непосредственно» (direct) направлены противъ непріятеля. Это право воюющаго неоспоримо, и только политическія соображенія и собственный интересъ могутъ заставить воюющаго отказаться отъ пользованія своимъ правомъ [2]). Согласно этому взгляду, война принимаетъ видъ казни виновнаго; по крайней мѣрѣ Отфель утверждаетъ, что для того, чтобы виновный не избѣгнулъ должнаго наказанія, воюющій имѣетъ право принимать всѣ мѣры «согласныя съ международной честностью [3])». Что это не болѣе, какъ ничего не выражающая фраза, едва ли подлежитъ сомнѣнію. Насколько понятіе Отфеля о войнѣ соотвѣтствуетъ правосознанію цивилизованныхъ народовъ, и согласно съ условіями развитія международной жизни, не можетъ быть сомнительно, послѣ всего вышеизложеннаго. Но теоріи Отфеля мы находимъ превосходное выраженіе въ римскомъ правѣ: «quidquid in hostibus feci jus belli defendit». Если воюющій имѣетъ такое абсолютное право надъ своимъ противникомъ, и если все это вытекаетъ изъ божественнаго закона, то естественно, что и каперство имѣетъ, по мнѣнію Отфеля, своимъ основаніемъ этотъ божественный законъ, и оно необходимо, для поддержанія международной справедливости [4]). Мало того, каперство находится въ согласіи даже съ положительнымъ международнымъ правомъ, потому что «Па-

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, I, p. 3. Histoire p. 1—13.

[2]) Hautefeuille. Questions p. 79, 94.

[3]) Hautefeuille. Questions p. 96. «Le coupable restera donc impuni».

[4]) Questions, p. 219. «la course est un mode de guerre conforme à la loi primitive et à la loi secondaire».

«рижская декларація представляется все-таки еще изолирован-«нымъ актомъ, и не можетъ составить международной юрис-«пруденціи; для того, чтобы имѣть какой нибудь авторитетъ «(quelque autorité), она еще нуждается, какъ въ санкціи време-«ни, такъ и войны [1])». Въ этомъ заключается все, что можно вывести юридическаго, изъ возраженій Отфеля противъ каперства. Но необходимо замѣтить, что Отфель, какъ защитникъ правъ нейтральныхъ, выясненіемъ которыхъ онъ принесъ несомнѣнную пользу развитію международнаго права на пути къ ограниченію самоуправства воюющихъ, вооружается только противъ каперства, какъ орудія для угнетенія нейтральной торговли. «Если каперство», говоритъ онъ, «ограничится своимъ «законнымъ назначеніемъ: вредить непріятелю, тогда оно вполнѣ лишится того ненавистнаго и разбойническаго характера, «которымъ оно отличается въ настоящее время. Тогда возь-«мутся за каперство только граждане, движимые истиннымъ «патріотизмомъ, желающіе принесть дѣйствительную пользу го-«сударству. Такихъ гражданъ гораздо меньше тѣхъ, которые, «только изъ корыстолюбія и жадности къ добычѣ, снаряжаютъ «суда для каперства. Поэтому, можно быть увѣреннымъ, что «тогда каперы никогда не совершатъ насильствъ, осуждаемыхъ «нами» [2]). Всѣ эти разсужденія, говоря словами самаго Отфеля, «такъ мало серьезны», что не выдерживаютъ и самой снисходительной критики. Если интересъ и выгода, по мнѣнію Отфеля, составляютъ то верховное начало, которымъ руководствуются воюющіе, если интересъ и политическія соображенія воюющаго служатъ мѣриломъ его *права*, то, разумѣется само собою, что нейтральные должны подлежать вполнѣ произволу воюющаго, ибо, нѣтъ сомнѣнія, что можетъ быть въ его интересѣ, прекратить всякое сообщеніе со своимъ противникомъ. При такомъ пониманіи права войны, когда грубая сила признается закономъ международныхъ отношеній XIX вѣка, нельзя требовать отъ воюющаго уваженія правъ нейтральныхъ. Защищая каперство, какъ законное средство войны, Отфель ло-

---

Срав. также: Des droits et devoirs, t. I p. 180. Histoire du droit maritime, p. 490.

[1]) Questions, p. 219.

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, t. I, p. 182. Histoire du droit marit. p. 487.

гично долженъ былъ допустить примѣненія его и относительно нейтральныхъ,—насколько это допускаютъ трактаты и международное право. Если воюющій имѣетъ право употреблять каперовъ противъ непріятельскихъ купеческихъ кораблей, то нѣтъ никакого юридическаго основанія лишать его права задержанія нейтральныхъ кораблей, въ случаѣ нарушенія дѣйствительной блокады, или для удостовѣренія, нѣтъ ли на бортѣ военной контрабанды, и не прикрываетъ ли нейтральный флагъ непріятельскій корабль. Вообще, изъ теоріи Отфеля, по которой право войны или право грубой силы вытекаетъ изъ того же незыблемаго, неизмѣннаго источника, какъ и неприкосновенность правъ нейтральныхъ, т. е. изъ божественнаго закона, необходимо слѣдуетъ вывести заключеніе, что, при общемъ источникѣ, и права, вытекающія изъ него, не должны противорѣчить другъ другу. Слѣдовательно, безусловное право воюющаго на каперство имѣетъ соотвѣтствующую обязанность на сторонѣ нейтральныхъ — подчиняться дѣйствіямъ каперовъ, а развитіе правъ нейтральныхъ нисколько не должно касаться несомнѣннаго права воюющаго. Между тѣмъ, изъ представленнаго выше очерка развитія правъ нейтральныхъ, очевидно, какимъ образомъ, съ ближайшимъ ихъ выясненіемъ, ограничивается постепенно произволъ воюющихъ, и проясняются ихъ обязанности. Въ настоящее время не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно развитіе правъ нейтральныхъ было непосредственной причиною упадка каперства, потому что, чѣмъ больше распространялись торговыя сношенія, и, чѣмъ скорѣе нейтральный флагъ сталъ покрывать непріятельскіе товары, тѣмъ тѣснѣе сдѣлался кругъ насилій каперовъ [1]). «Каперы», говоритъ Кентъ, «сдѣлались бичемъ для нейтральной торговли [2])». Такимъ образомъ разсужденія Отфеля, объ ограниченіи употребленія каперовъ, только противъ подданныхъ непріятеля, вполнѣ несостоятельны, и опровергаются изложеннымъ имъ самимъ понятіемъ о правѣ войны.—Обращаясь затѣмъ къ остальнымъ доказательствамъ Отфеля, въ пользу каперства, увидимъ, что всѣ они сосредоточиваются въ политическихъ и большей частью патріотическихъ разглагольствованіяхъ о крайней опасности уничтоженія

---

[1]) Cauchy. Du respect de la propriété privée, p. 42.

[2]) Kent's Commentary on Inter. Law, ed. by *Abdy*, p. 252.

каперства и о неизбѣжно вытекающихъ, изъ первой статьи Парижской декларацiи, вредныхъ послѣдствiяхъ для Францiи. Отфель старается убѣдить Францiю, что она попала въ ловушку коварной Британiи, которая одна только и можетъ извлечь пользу изъ несуществованiя каперовъ. Отфель разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: «Могущество Англiи на морѣ достигло такихъ размѣровъ, что въ настоящее время никакая другая держава не можетъ противостоять ей съ успѣхомъ. Англiйскiй флотъ превосходитъ числомъ своихъ мачтъ всякiй другой, поэтому, въ случаѣ войны съ Великобританiею, побѣда всегда будетъ на ея сторонѣ. Но если нельзя надѣяться на успѣхъ, при состязанiи съ англiйскимъ военнымъ флотомъ, то каждый воюющiй можетъ нанести громадный вредъ англiйскому торговому флоту. Число британскихъ купеческихъ кораблей такъ велико, что военные корабли не въ состоянiи защищать ихъ на всѣхъ моряхъ земнаго шара. И вотъ, для захвата купеческихъ кораблей Англiи, каперы всегда являлись самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, и, слѣдовательно, только каперство могло бы возстановить необходимое равновѣсiе на моряхъ. Это чувствовала Англiя, и, поэтому, прикрываясь громкимъ словомъ: гуманность, она настаивала на уничтоженiи каперства [1])». Очевидно что сущность этихъ разсужденiй можно свести къ тому же заключенiю, на основанiи котораго, Соединенные Штаты отказались принять Парижскую декларацiю. Государства, не имѣющiя такого громаднаго флота какъ Англiя, предоставлены, безъ каперства, на произволъ британскихъ военныхъ судовъ. Отказъ безсильныхъ государствъ отъ каперства былъ бы, съ ихъ стороны, добровольнымъ и неразумнымъ пожертвованiемъ своей безопасностью произволу великой морской державы [2]). Но и это возраженiе, весьма убѣдительное на первый взглядъ, лишено всякаго основанiя. Прежде всего бросается въ глаза тотъ общеизвѣстный фактъ, что 49 государствъ,

---

[1]) Hautefeuille. Histoire, p. 490—493.
Questions p. 202.

[2]) De Negris. Elementos etc. говоритъ между прочимъ: «la abolicion del corso, es, ni mas ni menos, que la consagracion en los mares del despotismo del mas fuerte.... la abolicion del corso es contraria à la prescriptiones que emanam del derecho primitivo, y no puede tampoco fundarse en las que nacen del derecho secundario». Secc. II, cap. I, § I. (*Vidari*, p. 262).

начиная Гуатемалою и Гамбургомъ, и кончая Франціею и Россіею,—всѣ согласились считать каперство уничтоженнымъ, какъ противное принципамъ современной цивилизаціи. Неужели ни одно государство не могло сообразить, что одна только Англія выиграетъ отъ уничтоженія каперства, между тѣмъ, какъ всѣ другія державы лишатся единственнаго средства войны, противъ британскаго всемогущества на морѣ [1]). Такое предположеніе, такъ мало правдоподобно, что не стоитъ и опроверженія. Впрочемъ, Отфель самъ высказываетъ несостоятельность своего мнѣнія очевиднымъ самопротиворѣчіемъ. Еще не успѣвъ приписать интригамъ Англіи уничтоженіе каперства, и доказать, что только ей необходимъ отказъ государствъ отъ каперства, Отфель на той же самой страницѣ опасается нарушенія, со стороны Англіи, принциповъ Парижской деклараціи [2]). Какимъ образомъ согласить это съ огромными и исключительными выгодами, представляемыми декларацією, по словамъ Отфеля, Англіи? Отказъ Англіи отъ каперства, мы старались объяснить, переворотомъ экономической жизни британскаго народа, совершившимся въ первой половинѣ нашего вѣка. Распространеніе болѣе основательныхъ и, согласныхъ съ сущностью вещей, политико-экономическихъ понятій, привело Англію къ отказу отъ преданій колоніальной и меркантильной политики, слѣдовательно, къ болѣе соотвѣтственному пониманію своихъ собственныхъ интересовъ. Громадное развитіе торговли Великобританіи служитъ, въ нашихъ глазахъ, лучшей гарантіею прочности Парижской декларації. Съ одной стороны извѣстно, что съ развитіемъ торговли приходитъ въ упадокъ каперство, а съ другой, если дѣйствительно, главнымъ образомъ, Великобританія извлекаетъ пользу отъ уничтоженія каперства, такъ какъ вмѣстимость ея торговаго флота превышаетъ 7 мил. тоннъ, то надежда, что каперство, ни въ какомъ случаѣ, не найдетъ себѣ покровителя въ этой великой морской державѣ, является весьма основательною. Необходимо лишь, чтобы Соединенные Штаты приняли Парижскую декларацію, чтобъ удалить такимъ образомъ по-

---

[1]) Vidari. Del rispetto, p. 256: «È impossibile supporre che tutti questi Stati fossero così stranamente acciecati da non vedere l'abisso che si scavavano dinanzi, se davvero, un abisso, una rovina, fosse stata per essi quella abolizione».

[2]) Hautefeuille. Questions, p. 202.

слѣдній поводъ къ возобновленію выдачи каперскихъ патентовъ. Наконецъ, исторія вооруженнаго нейтралитета представляетъ назидательный примѣръ, какимъ путемъ можно ограничить произволъ сильныхъ, и заставить уважать право [1]). Изъ разсужденій Отфеля, Де-Негрина и Марси нельзя убѣдиться, въ исключительной выгодѣ, для Великобританіи, уничтоженія каперства и въ приписываемымъ столькимъ державамъ непрозорливости и простодушіи; слѣдовательно, остается только заключить, что, если не интересъ или сознаніе своихъ собственныхъ выгодъ заставили государства отказаться отъ средневѣковаго орудія войны, то неудержимое развитіе международной жизни и сила общественнаго мнѣнія одержали, на Парижскомъ конгрессѣ, блистательную побѣду. Дѣйствительно, историческое изслѣдованіе развитія каперства въ международной жизни и выясненіе правосознанія современныхъ цивилизованныхъ народовъ объясняютъ, безъ всякихъ натяжекъ, вполнѣ удовлетворительно, отказъ отъ каперства, не только со стороны Англіи, но и всѣхъ другихъ государствъ. И международная жизнь подчинена извѣстнымъ законамъ, и нѣтъ въ ея развитіи ничего случайнаго и сверхъестественнаго. Слѣдовательно, не Великобританія поймала въ свои сѣти другихъ державъ, но насущное удовлетвореніе условіямъ развитія международной жизни и неусыпные труды представителей науки выяснить правосознаніе цивилизованныхъ народовъ — вотъ что вызвало уничтоженіе каперства на торжественномъ конгрессѣ европейскихъ державъ и въ заявленіяхъ о принятіи декларація другими членами «великой международ-«ной семьи!» Гораздо основательнѣе и послѣдовательнѣе развиваетъ свое мнѣніе Ортоланъ. Опредѣленіе, данное имъ войнѣ и выясненіе правъ и обязанностей воюющихъ, отличается большей основательностью отъ восхваляемаго Отфелемъ права грубой силы или произвола. Ортоланъ признаетъ, что война, есть отношеніе государства къ государству и что частной войны не существуетъ на сушѣ, но каперство, все-таки, считаетъ необходимымъ средствомъ войны. Каперство купеческихъ кораблей выводитъ онъ, главнымъ образомъ, изъ естественнаго и неотрицаемаго никѣмъ различія между сухопутной и морской войною, слѣдовательно, изъ различія между моремъ и сушею. Ор-

[1]) Vidari. Del rispetto, p. 257-e seg.

толанъ старается опровергнуть необходимость уподобленія законовъ войны на морѣ, съ правилами войны на сушѣ, и поэтому, требуетъ захвата частной собственности на морѣ [1]). На это обращено главное вниманіе Ортолана, поэтому, мы считаемъ возможнымъ оставить, до слѣдующей главы, разборъ его мнѣнія.

Существуетъ еще мнѣніе, что подобно тому, какъ воюющее государство законно можетъ вербовать волонтеровъ, для своей защиты, такимъ же образомъ, оно имѣетъ право на выдачу каперскихъ патентовъ. Каперы кажутся нѣкоторымъ публицистамъ подобными же пособниками регулярныхъ морскихъ силъ, какъ волонтеры регулярнаго войска [2]). Употребленіе волонтеровъ, безъ сомнѣнія, не противно современному праву войны, и волонтеры пользуются всѣми гарантіями признаннымъ правомъ войны за организованнымъ непріятельскимъ войскомъ. Но волонтеры пользуются этими правами только до тѣхъ поръ, пока являются представителями вооруженной силы воюющаго государства, и служатъ орудіемъ, для достиженія цѣли войны. Если же волонтеры, подобно каперамъ, займутся разбоемъ и грабежомъ противъ беззащитныхъ, частныхъ лицъ, то они тотчасъ же лишаются, на точномъ основаніи современнаго международнаго права, правъ воюющихъ, и подвергаются, какъ уголовные преступники (parti bleu), военному суду [3]). Вообще, разница между волонтерами и каперами громадная. Волонтеры принимаются обыкновенно за оружіе, или по вызову воюющаго государства, или же изъ патріотизма и сочувствія данному дѣлу; но, во всякомъ случаѣ, подчинены строгой военной дисциплинѣ, и не должны упускать изъ виду цѣль войны—«этого высшаго «спора о правѣ». Каперы, напротивъ, подвергаются опасностямъ войны, почти исключительно, изъ мотивовъ корыстолюбія и алчности къ добычѣ. Если же и встрѣчаются отдѣльные примѣры храброй борьбы каперовъ съ непріятельскими военными кораблями, то это нисколько не опровергаетъ общее правило,

---

[1]) Ortolan. Règles internationales et diplomatie de la mer, II, p. 59, 62.

[2]) Pistoye et Duverdy. Droit des prises maritimes. Paris, 1855. tome I, p. 27. Ortolan. Diplomatie de la mer, II, p. 58, 59.

[3]) Martens. Précis du droit des gens. Liv. VIII, chap. IV, § 276. Heffter. Völkerrecht, S. 224, 230. Bluntschli. Das moderne Völkerrecht, § 570.

что предметомъ ихъ нападеній служатъ частные безоружные корабли. «Каперы», говоритъ Гальяни, «мѣтятъ на добычу, а не «на битву. Будучи смѣлыми противъ беззащитныхъ, они бѣ«гутъ при приближеніи вооруженныхъ, и такъ какъ корсары «имѣютъ постоянно въ виду суммы, издержанныя на сооруженіе своего корабля, то естественно, что они избѣгаютъ всякой опасности и сраженія» [1]). Кромѣ того, въ то время, какъ военная дисциплина обуздывала порочныя страсти воиновъ и, постепенно, привела къ установленію закона войны: неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ собственности,—регламенты о призахъ выказывали только призрачное желаніе воюющихъ ограничить произволъ каперовъ. Военный обычай на сушѣ устанавливается все болѣе и болѣе, и обращается въ положительный законъ международнаго права; законоположенія же о призахъ, говоритъ одинъ ярый защитникъ каперства, измѣняются и должны измѣняться, смотря по времени и по обстоятельствамъ, а исполненіе ихъ зависитъ вполнѣ отъ политики минуты [2]). Но если нельзя сопоставить волонтеровъ съ каперами, и считать ихъ «законными и полезными помощниками регулир«ныхъ силъ государства», то, нѣтъ сомнѣнія, что каперы совершенно подходятъ подъ одну категорію съ партизанами, которые также ведутъ войну съ общимъ непріятелемъ своего государства, и, иногда даже, имѣютъ письменное разрѣшеніе военной власти, но, все-таки считаются, по современному праву войны, внѣ его защиты, и воюющіе имѣютъ право обращаться съ ними, какъ съ разбойниками [3]). Каперы и партизанскія шайки имѣютъ одну общую цѣль: захватить, во что бы ни стало, собственность частныхъ лицъ. Впрочемъ, сознаніе этого существеннаго сходства между партизанами и каперами, или, говоря просто, морскими разбойниками, проявляется весьма

[1]) Galiani. De'doveri p. 432: «Gli armatori cercan la preda, e non la pugna. Audaci contro gl'inermi, fuggono al solo aspetto degli armati, e mirando sempre alla spesa occorsa nell'armamento delle nave se la conservano scandando d'esporla a qualunque rischio di procelle, e di batagglia».

[2]) Azuni. Droit maritime de l'Europe, II, p. 451. «l'execution des lois sur la course est presque toujours subordonnée à la politique du moment».

[3]) Wheaton's Inter. Law, ed. by *Dana*, note № 173 (p. 452).

Halleck's Law of Nations, p. 386. *Phillimore's* Inter. Law. III. p. 145. Instructions for the government of the United States Armies, § 4.

рельефно въ томъ международномъ обычаѣ, въ силу котораго каперъ, пойманный въ открытомъ морѣ, пользуется льготами военноплѣннаго, если же, напротивъ, застигнутъ непріятелемъ въ его территоріальныхъ водахъ, то наказывается какъ пиратъ [1]).

Этотъ разборъ мнѣній публицистовъ, защищающихъ каперство, подтверждаетъ вполнѣ слова Асхера, что безпристрастная критика доводовъ, приводимыхъ въ пользу каперства, сводится къ одному знаменателю: произволу [2]). Каперство осталось неизмѣннымъ, начиная съ XV ст. до настоящаго времени: оно всегда было организованнымъ пиратствомъ. Каперство, по своему существу, такъ безнравственно и противно идеѣ права войны, что не смотря ни на какое состояніе цивилизаціи и просвѣщенія, оно не можетъ оторваться отъ присущей ему почвы произвола и грабежа. Это доказали, въ новѣйшее время, грабительства, совершенныя каперами южныхъ мятежническихъ штатовъ сѣверо-американской республики. Извѣстно, что гавани Юга были дѣйствительно блокируемы сѣверными штатами, такъ что корсарамъ невозможно было выйти изъ гаваней, а находящіеся въ морѣ не могли отправлять свои призы, для судебнаго присужденія. Такимъ образомъ оказалось, что корсары, захватившіе непріятельскіе корабли, присуждали ихъ сами себѣ, и, затѣмъ, продавали нейтральнымъ. «Въ теченіе двухъ лѣтъ», говоритъ Логель, «капитанъ «Алабамы» былъ самъ судьею, «конфисковалъ и освобождалъ, по усмотрѣнію. Онъ рѣшалъ са«мые сложные и трудные вопросы и не признавалъ другаго «международнаго закона, кромѣ своей прихоти; а объ его приговоrахъ мореплаватели часто узнавали по заревамъ, отражающимся «въ широкихъ водахъ океана» [3]). Затѣмъ, хотя вредъ отъ южныхъ каперовъ не могъ быть въ такой степени значительнымъ для торговли федератовъ, какъ это слѣдовало бы ожидать по ея развитію, потому что американскіе товары и корабли прикрывались нейтральнымъ флагомъ,—но все-таки убытокъ, понесенный гражданами Сѣвера отъ грабежей двухъ, трехъ каперовъ, былъ весьма великъ (до 20 мил. р. с.). Наконецъ замѣтимъ, что эта междоусобная война опровергла, самымъ положитель-

[1]) Martens. Essai concernant les armateurs, p. 66, § 18.

[2]) Asher. Beiträge zu einigen Fragen, S. 5.

[3]) Les corsaires confédérés par *Laugel*. (Revue des deux mondes I. Juillet 1864, p. 240). Ср. *Cauchy*. Du respect, p. 26.

нымъ образомъ, разсужденія Марси о томъ, что Соединенные Штаты, неимѣющіе большаго военнаго флота были бы, въ случаѣ отказа отъ каперства, беззащитными противъ великихъ морскихъ державъ. Военный флотъ Соединенныхъ Штатовъ появился тотчасъ же, какъ настала въ немъ надобность, и онъ имѣлъ такіе размѣры, что могъ поддерживать дѣйствительную блокаду на обширныхъ пространствахъ, по берегамъ мятежническихъ штатовъ. Слѣдовательно, въ настоящее время устранено и это возраженіе противъ принятія Парижской декларацiи Соединенными Штатами, и послѣдовательность и политическая честность требуютъ отъ Вашингтонскаго правительства окончательнаго и формальнаго уничтоженія каперства, признаннаго имъ самимъ, ранѣе другихъ, организованнымъ морскимъ разбоемъ. Такимъ образомъ, всѣ доводы защитниковъ каперства не могли доказать необходимость его, или же, отрицать, непосредственно, вытекающія изъ его употребленія, разбои и грабежи, противъ безоружныхъ частныхъ лицъ. Каперство несогласуемо съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ и рѣзко противорѣчитъ современному праву войны, поэтому, возстановленіе его будетъ возвращеніемъ къ средневѣковымъ порядкамъ и къ провозглашенію права грубой силы и произвола верховнымъ принципомъ международной жизни. Но такъ какъ каперство осуждено не только безпристрастными писателями, но, кромѣ того, его уничтоженіе требуется условіями развитой международной жизни, то мы имѣемъ сильныя основанія думать, что каперство на всегда оставило область международнаго права, и перестало служить средствомъ правильной организованной войны. При современномъ развитомъ состояніи торговыхъ сношеній, распространеніи здравыхъ знаній о народномъ богатствѣ и своемъ собственномъ интересѣ, а также, наконецъ, сознаніе необходимости международной жизни, развитіе которой немыслимо при господствѣ права грубой силы,—все это ручается за прочность первой статьи Парижской декларацiи.

ГЛАВА VIII.

О НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА МОРѢ.

Въ первой части нашего труда, мы старались выяснить постепенное развитіе принципа права войны, какъ отношенія государства къ государству, а не отдѣльныхъ лицъ между собою. Этотъ принципъ успѣлъ завоевать себѣ признаніе и господство въ войнахъ на сушѣ, и неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ собственности, во время сухопутныхъ войнъ, считается положительнымъ закономъ современнаго международнаго права. Но начало это не вдругъ сдѣлалось достояніемъ международнаго права: оно выработалось постепенно, съ развитіемъ международной жизни, изъ требованія снисхожденія и человѣколюбія въ признаніе неотъемлемаго права частныхъ лицъ. Во имя права и справедливости, сфера частной жизни и мирной дѣятельности человѣка должна считаться неприкосновенною, во время международныхъ столкновеній, и не отъ чувства гуманности или политическихъ соображеній воюющаго зависятъ права частныхъ лицъ. Однако морская война еще не лишилась ненавистнаго характера насилій и грабежа, такъ какъ право добычи осуществляется во всей силѣ, относительно частной собственности непріятельскихъ подданныхъ, застигнутой на морѣ. Морская война не перестала служить ареною произвола, и еще не превратилась въ дѣйствительный споръ о правѣ, возникшій между государствами. «Война на морѣ», говоритъ совершенно справедливо Гефтеръ, «была до 1815 г. преимущественно войною, «предпринимаемою, съ цѣлью разграбленія непріятельской торговли «и нельзя ожидать, съ увѣренностью, радикальной реформы, «пока алчность, деньги и интересы торгашей будутъ имѣть исключительное вліяніе на возникновеніе и веденіе войнъ» [1]). Но возможенъ ли вѣчный застой въ морской войнѣ, при неудержимомъ развитіи международныхъ отношеній, государственной жизни народовъ и права? Возможно ли надолго ограничиться осуществленіемъ признаннаго права частныхъ лицъ, только въ войнахъ на сушѣ, и

[1]) Heffter. Europäisches Völkerrecht, s. 246.

продолжать грабежъ на морѣ? Наконецъ, чѣмъ, какъ ни произволомъ и силою можетъ быть поддерживаемо подобное искаженіе чувства права и справедливости? Между тѣмъ, захватъ частной собственности на морѣ защищается, и по настоящее время, многими публицистами, съ такой энергіею и рвеніемъ, что безпрестанно опровергаются признанные, ими же, принципы. Въ рядахъ противниковъ продолженія свободныхъ торговыхъ сношеній между частными лицами, во время войны, мы увидимъ публицистовъ, возставшихъ противъ права военной добычи, во время войны на сушѣ. Писатели, осуждавшіе «остатокъ варварскаго веденія войны», требовавшіе, во имя гуманности и права, неприкосновенности недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, во время сухопутныхъ войнъ, — настолько послѣдовательны, что требуютъ конфискаціи той же собственности, на кораблихъ. Государственные люди и политики, провозглашающіе, при первомъ удобномъ случаѣ, торговлю и промышленность предметами первой важности и заботы мудраго правительства, защищаютъ, съ увлеченіемъ, въ то же время, уничтоженіе этой же торговли для того, чтобы вредить непріятелю, — не замѣчая ущерба, наноснаго интересамъ ввѣренной ихъ попеченію страны. Изъ представленнаго нами очерка права нейтральной торговли и каперства, можно заключить, что произволъ и ошибочное пониманіе собственныхъ интересовъ, были непосредственными причинами нарушеній перваго и развитія послѣдняго. На Парижскомъ конгрессѣ, державы признали неотъемлемыя права нейтральныхъ, и, уничтоженіемъ каперства сдѣлали рѣшительный шагъ къ возстановленію, и въ морской войнѣ, современнаго понятія о войнѣ, какъ борьбы государствъ изъ-за нарушенія права. Но, съ уничтоженіемъ каперства, еще не прекратилась частная война на морѣ: захватъ частныхъ купеческихъ кораблей, принадлежащихъ мирнымъ подданнымъ непріятельскаго государства, остался въ полной законной силѣ. Только регулярныя морскія силы государствъ могутъ продолжать ремесло каперовъ. Если великія державы сдѣлали бы на конгрессѣ еще одинъ шагъ впередъ, объявивъ неприкосновенною непріятельскую частную собственность, тогда каперство должно бы было уничтожиться само собою, и право войны было бы единымъ и нераздѣльнымъ. Каперство только и мыслимо при возможности захватывать купеческіе корабли, и отсутствіе причи-

ны вызвало бы уничтоженіе послѣдствія. Очевидно, что только признаніе полной неприкосновенности частной собственности на морѣ, довершитъ удовлетворительнымъ образомъ дѣло, начатое на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. Однако теперь, когда каперство уничтожено, самый захватъ купеческихъ кораблей лишенъ, во многихъ отношеніяхъ, своего зловреднаго значенія. Только каперы, на своихъ скороходныхъ судахъ, были приспособлены къ преслѣдованію купеческихъ кораблей, и едва ли будетъ въ состояніи регулярный военный флотъ, предназначенный для другихъ цѣлей, продолжать дѣло корсаровъ. Это сознаютъ всѣ защитники частной собственности на морѣ, и, поэтому, почти всегда соединяютъ судьбу каперства, съ судьбою непріятельскихъ купеческихъ кораблей на морѣ. Такъ Уитонъ, защищая каперство, говоритъ, что «пока будетъ имѣть мѣсто захватъ частной «собственности на морѣ, каперство не уничтожится; въ особенности, если оно необходимо, для противовѣса могущественному «флоту непріятеля» [1]). Эту тѣсную естественную связь поняли также многіе противники захвата частной собственности, и, требуя уничтоженія каперства, они возстали, съ такой же энергіею, противъ несправедливаго различія, существующаго между сухопутной войною и войною на морѣ. Такимъ образомъ оказывается, что хотя Парижская декларація не отмѣнила еще окончательно частной войны на морѣ, но она дала твердую опору дальнѣйшему развитію принципа неприкосновенности частной собственности. Мы упомянули выше, что знаменитое предложеніе Соединенныхъ Штатовъ, на приглашеніе присоединиться къ Парижской декларація, было непосредственной причиною сильной агитаціи, въ пользу предложенія Марси. Обратимся теперь къ изложенію, въ краткихъ чертахъ, того движенія, которое вызвало предложеніе Вашингтонскаго правительства, въ политическомъ и коммерческомъ мірѣ.

I. Вопросъ о неприкосновенности непріятельскихъ купеческихъ кораблей, по уничтоженіи каперства.

Хотя большинство европейскихъ государствъ, и даже Франція, отнеслись сочувственно къ предложенію Марси, но отказъ

[1]) Wheaton's Elements ed. by Dana § 358, p. 453.
Срав. Kent's Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 256.

со стороны Англіи и, вслѣдствіе этого, нерѣшительность Франціи не дали осуществиться желанію уничтожить частную войну на морѣ. Въ своемъ отвѣтѣ Вашингтонскому правительству, Англія заявила, что она въ принципѣ сочувствуетъ предложенію Соединенныхъ Штатовъ, и сознаетъ справедливость защищаемаго ими начала; но, при обсужденіи подробностей вопроса, непремѣнно должны возникнуть серьезныя затрудненія [1]). Слѣдовательно, и Англія сознаетъ несправедливость существующаго захвата, но только политическія соображенія и затрудненія заставляютъ ее поддерживать сознанную неправду. Если англійское правительство отнеслось не искренно къ возбужденному вопросу, то британское общество и пресса высказались, самымъ рѣшительнымъ образомъ, за поправку Марси [2]). Нѣкоторые англійскіе публицисты прямо заявили, что принявъ разъ на всегда первую статью Парижской декларации было бы неразумно и непослѣдовательно, со стороны Англіи, отказаться отъ признанія свободы купеческихъ кораблей. Но самымъ остроумнымъ и талантливымъ защитникомъ поправки Марси, выступилъ знаменитый Ричардъ Кобденъ. Между прочимъ, въ трехъ письмахъ, изъ которыхъ первое адресовано было на имя предсѣдателя Манчестерской торговой палаты, Кобденъ, самымъ наглядным образомъ, доказалъ, что въ прямомъ интересѣ Великобританіи слѣдовать по пути, предложенному ей Соединенными Штатами. Въ случаѣ, напр., войны Англіи съ Франціею, доказываетъ Кобденъ, торговые обороты первой, разросшіеся до огромныхъ размѣровъ, естественно должны пострадать больше, нежели французская торговля. Франція можетъ доставать всѣ необходимые продукты черезъ руки нейтральныхъ и по желѣзнымъ дорогамъ, между тѣмъ какъ Англія, благодаря своему островному положенію, можетъ быть отрѣзана отъ всякаго сообщенія съ другими народами [3]). Кобденъ разсматриваетъ настоящій вопросъ съ чисто британской, практической стороны, и нѣтъ сомнѣнія, что его письма существенно содѣйствовали возбужденію общественнаго мнѣнія, противъ захвата частной собственности на морѣ. Но въ то время, когда предложеніе Соединенныхъ Шта-

[1]) Wheaton's Elements ed. by Lawrence, p. 642.

[2]) Срав. статья въ *Times* 1856 г. (августъ); затѣмъ постоянно защищали принципъ неприкосновенности: *Economist*, *Daily News* и *Morning Star*.

[3]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff u. s. w. S. 25.

товъ потерпѣло неудачу въ Европѣ, оно было постановлено, въ видѣ положительнаго международнаго закона, двумя незначительными государствами. Въ торговомъ трактатѣ, заключенномъ въ 1856 г. между *Коста-Рикою* и *Новою Гранадою*, въ ст. XI постановлено: обѣ договаривающіяся стороны признаютъ неприкосновенность частной собственности, принадлежащей гражданамъ дружественныхъ народовъ и гражданамъ-некомбатантамъ народовъ, находящихся въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Частная собственность не подлежитъ захвату, подъ какимъ бы флагомъ она не находилась, за исключеніемъ только кораблей съ военной контрабандою и нарушившихъ дѣйствительную блокаду. Кромѣ того, обѣ договаривающіяся стороны обязываются распространить силу этого постановленія на всѣ народы, которые изъявятъ желаніе принять и соблюдать его [1]). Хотя этотъ первый трактатъ въ XIX ст., обезпечивающій полную неприкосновенность частной собственности, не обратилъ на себя особеннаго вниманія европейской политики, но онъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть причисленъ къ числу торжественныхъ признаній неотъемлемыхъ правъ частныхъ лицъ. Чѣмъ чаще повторяется одно и тоже начало, различнымъ образомъ и въ разное время, тѣмъ вѣроятнѣе, что оно не лишено доли истины [2]). Поэтому, мы считаемъ нужнымъ упомянуть также о заявленіи, сдѣланномъ лордомъ Пальмерстономъ въ 1856 г., въ Ливерпульской торговой палатѣ, гдѣ почтенный лордъ выразилъ надежду, что «въ «теченіе времени правила, примѣняемыя въ войнѣ на сушѣ, бу«дутъ распространены, безъ исключенія, на морскую войну, та«кимъ образомъ, что частная собственность ни въ какомъ «случаѣ не будетъ подвергаться ни захвату, ни нападеніямъ [3]). Хотя лордъ, нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1860 г.), и отказался отъ выраженнаго имъ прежде мнѣнія, но это доказываетъ только измѣнчивость его политическихъ соображеній. Вторая рѣчь лорда Пальмерстона, которая служила отвѣтомъ представлявшейся ему депутаціи отъ торговыхъ палатъ Ливерпуля, Лидза, Бельфаста,

[1]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, S. 166, N. LVIII.

[2]) Grotii. De jure belli ac pacis, lib. I, proleg. § XL: «—Sed quod ubi multi diversis temporibus ac locis idem pro certo affirmant, id ad causam universalem referri debeat».

[3]) Aegidi. Klauhold. Frei Schiff, S. 25, N. X.
Cauchy. Du respect de la propriété privée, p 142.

Голля и Глостера, подтверждаетъ вполнѣ наше замѣчаніе. Это заявленіе резюмируетъ главные доводы, приводимые нѣкоторыми публицистами въ доказательство необходимости захвата частной собственности на морѣ, и раскрываетъ откровенно тѣ мотивы, которыми руководствовалось британское правительство, при отказѣ принять предложеніе Соединенныхъ Штатовъ. По мнѣнію лорда Пальмерстона, «существованіе и процвѣтаніе Англіи «зависитъ отъ ея господства на моряхъ, и, для этой цѣли не«обходимо удержать за собою возможность захватывать корабли «и, въ особенности, задерживать моряковъ, составляющихъ ихъ «экипажъ. Война дѣйствительно ужасное зло, но иногда необхо«димо бываетъ начать войну для самообороны; а подобная мор«ская держава, какъ Англія, не можетъ упускать ни одного «средства для ослабленія на морѣ своего врага. Если мы не «будемъ задерживать экипажъ купеческихъ кораблей, то намъ «придется воевать съ ними на бортѣ военныхъ судовъ непрія«теля». Наконецъ, лордъ Пальмерстонъ доходитъ въ своихъ политическихъ разсужденіяхъ даже до того, что отрицаетъ существованіе обычая имъ же признаннаго и охраняющаго частную собственность болѣе на сушѣ, чѣмъ на морѣ. «Армія на непрія«тельской территоріи», провозглашаетъ лордъ, «могутъ себѣ «брать силою все, что угодно, не обращая ни малѣйшаго вни«манія на права собственности — въ чемъ мы бы убѣдились, «если бы непріятельская армія заняла наше отечество» [1]). Такимъ образомъ, опять необходимость владычества Англіи выставляется основательнымъ доказательствомъ въ пользу сохраненія захвата частной собственности. Опять эгоистичная близорукая политика XVII в. приводится въ оправданіе нарушенія права: но, возможно ли въ настоящее время осуществленіе этого намѣренія: отстоять почти противъ всѣхъ другихъ державъ общепризнанный и необходимый, для развитія международной жизни, принципъ? Да возможно ли, вообще, въ настоящее время такое господство Англіи на моряхъ, какъ оно было въ XVII и XVIII вѣкахъ? На этотъ вопросъ отвѣтилъ, какъ нельзя лучше, другой, не менѣе знаменитый, британскій государственный мужъ, Ричардъ Кобденъ. «Я представляю», писалъ онъ въ 1856 г., «и«сколько замѣчаній объ опасностяхъ, которымъ будто бы под-

[1]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff. S. 79.

«вергается наше господство на морѣ (maritime supremacy), если «мы измѣнимъ наше поведеніе, относительно частныхъ кораблей. «Если подъ господствомъ разумѣютъ исключительную власть да«вать законы всему міру въ дѣлахъ, касающихся мореплаванія, то «выпустите это слово въ вашемъ словарѣ, ибо прошло то время, «когда одна нація могла, по произволу, царствовать надъ вол«нами. Могу васъ увѣрить, что наше отечество ничего не вы«играло своими притязаніями на господство надъ другими на«родами. Личное самолюбіе, дѣйствительно, можетъ быть удо«влетворено чрезъ покореніе другихъ государствъ нашему, но въ «интересѣ какъ нашей страны, такъ и всякой другой, чтобы «международныя ихъ отношенія были основаны на началахъ «нравственности, права и одинаковой справедливости». [1]). Очевидно, какая пропасть раздѣляетъ этихъ двухъ государственныхъ мужей въ ихъ пониманіи международныхъ отношеній. Какое изъ этихъ понятій болѣе соотвѣтствуетъ условіямъ современной международной жизни, — едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Между тѣмъ агитація, въ пользу признанія неприкосновенности частной собственности, продолжалась почти во всѣхъ странахъ Европы. Только въ политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, вызвавшихъ это движеніе, произошла весьма замѣтная перемѣна со времени президентства Буканана, т. е. съ 1857 г. Новый президентъ, тотчасъ же, прекратилъ всѣ дипломатическіе переговоры о поправкѣ Марси, и хотя его министръ иностранныхъ дѣлъ *Кассъ* и выступилъ, въ 1859 г., съ новыми предложеніями, ограничивающими военныя дѣйствія до крайней степени, какъ въ отношеніи права блокады, такъ и военной контрабанды, но никто не вѣрилъ въ искренность этихъ разсужденій, потому что истинный взглядъ президента Буканана на предложеніе Марси и уничтоженіе каперства былъ всѣмъ извѣстенъ [2]). Кромѣ того, при настроеніи умовъ въ Европѣ въ 1859 г. и при существовавшихъ, въ это время, неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, не могло быть и рѣчи о безпристрастномъ и всестороннемъ обсужденіи вопроса. Итальянцы воева-

[1]) Aegidi u. Klauhold. S. 29. *Mr. Cobden to F. Carr* (15 Dec. 1856) «but it is for the interest of the population of this and every other country that their international relations should be founded on principles of moral right, and equal justice to all, totally irrespective of their material strength».

[2]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, № XIII, S. 35.

ли съ Австріею, и Франція принимала противъ ея дѣятельное участіе, а на востокѣ возникли серьезныя затрудненія. Поэтому, понятно, что въ мірѣ политическомъ наступило время, если не полнаго затишья, относительно развитія Парижской декларацiи, то, по крайней мѣрѣ, мало заслуживающихъ вниманія дипломатическихъ переговоровъ. Но за то люди, которыхъ больше всего интересуетъ принятіе американской поправки, не остались въ спокойномъ ожиданіи будущаго блага, и старались всѣми силами о распространеніи агитацiи. Такъ 2-го декабря (н. с.) 1859 г. состоялось въ Бременѣ собраніе изъ 300 купцовъ и негоціантовъ, которое, послѣ весьма оживленныхъ преній, приняло слѣдующія резолюціи:

1) Неприкосновенность лицъ и частной собственности вообще, а непріятельскихъ подданныхъ въ особенности, насколько цѣль войны не требуетъ необходимаго ея ограниченія, является неопровержимымъ требованіемъ правосознанія нашего времени.

2) Собраніе проситъ Сенатъ вольнаго города Бремена признать этотъ принципъ и стремиться, посредствомъ переговоровъ съ другими державами, достигнуть всеобщаго его признанія.

3) Необходимо стараться объ единодушномъ воздѣйствіи всѣхъ, кому дороги интересы права и цивилизацiи, на надлежащія правительства, въ интересѣ этого принципа.

4) Для дальнѣйшаго распространенія принятыхъ резолюцій, учреждается на мѣстѣ комитетъ [1]).

Эти постановленія Бременскаго собранія были сообщены почти всѣмъ торговымъ палатамъ континента и нѣкоторымъ Америки, и почти всѣ онѣ, не исключая и британскихъ, высказались въ пользу резолюцій Бременскаго общества, и обѣщали свое содѣйствіе. Общественное мнѣніе, какъ путемъ печати, такъ и въ многочисленныхъ собраніяхъ, все настойчивѣе высказывалось противъ захвата частной собственности. Наконецъ, правительства не могли оставаться при одномъ только заявленіи своего сочувствія принципу неприкосновенности частной собственности какъ это сдѣлала Бразилія [2]), но считали нужнымъ осущест-

[1]) Heffter. Völkerrecht, S. 468. *Aegidi u. Klauhold.* № XVI.

[2]) Вотъ въ какихъ выраженіяхъ Бразилія (министръ Da Silva Paranhas) высказала свой взглядъ на декларацію 1856 г. «L'humanité et la justice doivent certainement au Congrès de Paris une grande amélioration apportée à la

вить его и на практикѣ, хотя бы въ видѣ исключительнаго и поэтому, гуманнаго распоряженія. Въ ст. III Цюрихскаго трактата 1859 г. сказано: «Для смягченія бѣдствій войны, и въ «видѣ исключительнаго отступленія отъ общепризнанныхъ на«чалъ юриспруденціи (par une dérogation exceptionelle), должны «быть возвращены всѣ захваченные австрійскіе корабли, кото«рые еще не осуждены призовымъ совѣтомъ [1])». Затѣмъ, въ слѣдующемъ году, при началѣ непріязненныхъ дѣйствій противъ Китая, не только Франція, но даже и Англія объявила намѣреніе примѣнять въ отношеніи Китая, принципы Парижской декларации, и, кромѣ того, оба союзника допустили безпрепятственное продолженіе торговыхъ сношеній между мирными подданными воюющихъ государствъ, слѣдовательно, признали вполнѣ принципъ неприкосновенности частной собственности [2]). Вопросъ о томъ, было ли это сдѣлано изъ сознанія *права* частныхъ лицъ, или же, только эгоистичные интересы заставили Англію и Францію уступить голосу общественной совѣсти,—мы оставляемъ открытымъ, но важенъ только тотъ фактъ, что союзники доказали всѣму міру возможность вести войну безъ захвата частной собственности. Между тѣмъ, заявленія и требованія признанія державами неприкосновенности купеческихъ кораблей принимаютъ, все болѣе и болѣе, рѣшительный характеръ. Уже въ 1860 г. комитетъ англійской Палаты Общинъ, составленный для обсужденія вопросовъ мореходства, считалъ возможнымъ предложить Палатѣ признаніе неприкосновенности частной собственности [3]). Въ томъ же году, въ прусскія Палаты Депутатовъ и Господъ были внесены предложенія обратиться къ правительству, съ просьбой содѣйствовать всѣми способами, чтобы неприкосновенность частной собственности была бы признана

loi commune des nations; mais au nom des mêmes principes, on peut encore demander aux Puissances, signataires du traité du 30 Mars 1856, comme complétement de son oeuvre de justice et de civilisation, la conséquence salutaire que renferment ces maximes qu'elles ont proclamées. Cette conséquence est que toute propriété particulière inoffensive, sans exception, des navires marchands, doit être placée sous la protection du droit maritime à l'abri des attaques des croiseurs de guerre». (*Aegidi u. Klauhold*, S. 7).

[1]) Archives diplomatiques, 1861. № 1.

[2]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, № XXXIX, S. 94.
Archives diplomatiques, 1861, № II.

[3]) Aegidi u. Klauhold. № XL, S. 94.

положительнымъ закономъ международнаго права [1]). По опять внѣшнія, неблагопріятныя обстоятельства и, въ особенности, возникновеніе въ Соединенныхъ Штатахъ междоусобной войны, не способствовали удовлетворительному рѣшенію вопроса. Мы знаемъ, что переговоры, начатые президентомъ Линкольномъ съ европейскими державами, для присоединенія Соединенныхъ Штатовъ къ числу державъ, принявшихъ принципы Парижской декларации, не привели къ желанному исходу. Интересно, что 24 августа 1861 г., между Россіею и Соединенными Штатами, была заключена конвенція о признаніи послѣднею державою принциповъ Парижской декларации, но, такъ какъ Англія и Франція не заключили подобной конвенціи, то и русская конвенція осталась нератифицированною Вашингтонскимъ Сенатомъ [2]). Наконецъ, въ промежутокъ времени отъ исхода междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ до настоящаго времени, вопросъ о неприкосновенности частной собственности на морѣ видимо завоевываетъ себѣ общее признаніе. Главнымъ противникомъ уничтоженія захвата частной собственности является, до послѣдняго времени, Англія; но за то англійское общество далеко не равнодушно смотритъ на политику своего правительства. Общественное мнѣніе и въ Англіи высказывается все опредѣленнѣе за поправку Марси. Въ 1862 г. снова было внесено Горсфалломъ въ Палату Общинъ предложеніе объ измѣненіи неудовлетворительнаго состоянія морскаго международнаго права. Пренія, вызванныя этимъ предложеніемъ, существенно разъяснили вопросъ и обнаружили, самымъ незастѣнчивымъ образомъ, побудительныя причины, заставляющія Англію препятствовать уничтоженію захвата частной собственности, — но онѣ не привели ни къ какому положительному результату [3]). Затѣмъ, въ мартѣ 1866 г., другой членъ Палаты Коммуноровъ, Грегори, внесъ новое предложеніе, заключающееся въ обращеніе къ правительству съ просьбою «употребить свое «вліяніе на иностранныя державы, для признанія неприкосно«венности частной собственности принципомъ международнаго «права [4])». Послѣ продолжительнаго обсужденія предложенія,

[1]) Aegidi u. Klauhold. № XXI, S. 66.
[2]) Aegidi u. Klauhold. S. XXXII, etc.
[3]) Aegidi u. Klauhold. Frei Schiff, S. 111 etc.
[4]) ibid. S. 143, № L.

оно было взято назадъ. Такимъ образомъ, поправка Марси возбудила пока сильную агитацію и пріобрѣла многихъ приверженцевъ, во всѣхъ государствахъ Европы; но неприкосновенность частной собственности еще не сдѣлалась положительнымъ закономъ современнаго международнаго права. Поэтому, весьма понятно, что всякая война должна возбуждать самыя серьезныя опасенія объ участи частныхъ лицъ, и ихъ собственности на морѣ. Когда возникли въ 1866 г. несогласія между Австріею, съ одной стороны, а Пруссіею и Италіею съ другой, то судьба непріятельскихъ купеческихъ кораблей сдѣлалась вопросомъ первой важности. Всѣ три воюющія державы неоднократно высказывали сознаніе права неприкосновенности частной собственности на морѣ, но ни одна изъ нихъ не была связана никакимъ формальнымъ актомъ, постановляющимъ эту неприкосновенность. Слѣдуя же примѣру и политикѣ Соединенныхъ Штатовъ, можно было поддерживать то, что правосознаніе клеймило грабежемъ и остаткомъ средневѣковыхъ военныхъ обычаевъ. Къ счастью, эти три европейскія державы отнеслись, съ большей искренностью и послѣдовательностью, къ заявленнымъ ими принципамъ. Уже 31-го мая 1866 г. былъ обнародованъ декретъ австрійскаго правительства, въ силу котораго, непріятельскіе купеческіе корабли съ ихъ грузами не могутъ подлежать захвату, со стороны австрійскихъ военныхъ кораблей, если только непріятель сдѣлаетъ, относительно австрійскихъ подданныхъ, тоже самое распоряженіе. Этой неприкосновенности лишаются только корабли, имѣющіе на бортѣ военную контрабанду, или же, нарушившіе дѣйствительную блокаду. Весьма замѣчательно, что признавая неприкосновенность частной собственности, на основаніи взаимности, австрійское правительство постановило считать непріятельскіе частные корабли свободными отъ захвата до тѣхъ поръ, пока не будетъ *доказано* отсутствіе начала взаимности, со стороны державы, признавшей неприкосновенность, въ своемъ внутреннемъ законодательствѣ, или же, въ распоряженіяхъ, изданныхъ на случай войны [1]). Пруссія, въ королевскомъ декретѣ 19-го мая 1866 г., признала ту же неприкосновенность за австрійскими купеческими кораблями [2]). Что же касается Италіи,

---

[1]) Aegidi u. Klauhold, Frei Schiff, S. 144, N LII.

[2]) ibid. S. 145, N LIII.

то она, раньше всѣхъ другихъ державъ, придала неприкосновенности, непріятельской частной собственности, силу внутренняго закона страны, и, кромѣ того, строго обязала, въ спеціальномъ распоряженіи, свои военныя силы уважать права частныхъ лицъ [1]). Такимъ образомъ, послѣдняя великая война, между тремя первостепенными европейскими государствами, обошлась также безъ нарушенія правъ частныхъ лицъ, и, нельзя сказать, чтобы, вслѣдствіе этого были парализированы военныя дѣйствія воюющихъ и скорѣйшее достиженіе цѣли войны: мира. Слѣдовательно, уваженіе правъ частныхъ лицъ нисколько не препятствуетъ энергическому веденію войны. Очевидно, что такое блестящее опроверженіе всѣхъ доводовъ, приводимыхъ публицистами противъ признанія неприкосновенности частной собственности, должно было оказать самое благотворное вліяніе на общественное мнѣніе Европы, и возбудить, съ новою силою, еще неугасшую агитацію. Не позже, какъ черезъ два года, именно, въ прошломъ году въ апрѣлѣ, извѣстный знатокъ международнаго права, *Эгиди*, внесъ въ Сѣверо-Германскій Рейхстагъ предложеніе, заключающееся въ приглашеніи союзнаго канцлера вступить съ иностранными державами въ переговоры о возведеніи, путемъ общаго соглашенія между государствами, свободы частной собственности на морѣ, во время войны, принципомъ международнаго права. Послѣ весьма интересныхъ преній, предложеніе было принято почти единогласно, и прусское правительство, какъ и слѣдовало ожидать, выразило свое полное одобреніе этому предложенію [2]). Наконецъ извѣстно, что этотъ вопросъ сильно занимаетъ и въ настоящее время общественное мнѣніе Англіи.—Изъ приведенныхъ нами фактовъ нельзя не видѣть, какъ постепенно распространяется сознаніе принципа, требуемаго во имя ограниченія произвола и уваженія права. Дипломатическій актъ, изложившій (искренно или нѣтъ — это другой вопросъ) существующую въ морской войнѣ аномалію, и доказавшій полную ея несостоятельность, вызвалъ почти во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ неподдѣльное сочувствіе.

[1]) Vidari. Del rispetto della proprietà, p. 219, 297.
Cauchy. Du respect de la propriété privée, p. 126.

[2]) Aegidi u. Klauhold. Staatsarchiv. Iahrgang VIII, 1868.
Mai u. Iuni. Heft, N 3304, S. 458 u. s. w.
Aegidi. Zur Reform des Seekriegsrechts. Berlin 1868.

Правосознаніе народовъ пробуждено съ неотразимою силою и заслуга Марси состоитъ въ томъ, что онъ, въ своей депешѣ, далъ ему опредѣленное, строго логическое выраженіе. Великая, по могуществу воюющихъ державъ и своимъ послѣдствіямъ, европейская война прошла безъ захвата частной собственности на морѣ и послужила, такимъ образомъ, новымъ подтвержденіемъ современнаго правосознанія цивилизованныхъ народовъ. Съ другой стороны, очевидно, что только одна Англія является до сихъ поръ противникомъ неприкосновенности купеческихъ кораблей, ибо захватъ ихъ понимается британскими государственными людьми существеннымъ условіемъ морскаго превосходства Англіи. Но, сравнивая развитіе и уничтоженіе каперства, которое также считалось неразрывно связаннымъ съ процвѣтаніемъ британскаго могущества, можно думать, что и неприкосновенность частной собственности на морѣ вскорѣ сдѣлается положительнымъ закономъ современнаго международнаго права, и получитъ признаніе, со стороны Англіи. Другія европейскія державы или изъявили свою готовность тотчасъ же заключить конвенціи о признаніи неприкосновенности частной собственности на морѣ, какъ Россія и Пруссія, или же, высказали свое явное одобреніе этому принципу, какъ напр. Франція. Но только изъ всѣхъ государствъ, одна Италія рѣшилась придать этому общесознанному началу санкцію обязательнаго, внутренняго закона. Уже выше, мы имѣли случай обратить наше вниманіе на замѣчательный итальянскій кодексъ торговли и мореходства, теперь приведемъ содержаніе *ст: 211* этого свода: «Захватъ «военными кораблями купеческихъ судовъ непріятельскаго на«рода уничтожается, на основаніи взаимности, въ отношеніи «державъ, принявшихъ такую же мѣру, относительно итальян«скаго коммерческаго флота. Такое взаимное поведеніе можетъ «имѣть мѣсто или вслѣдствіе мѣстныхъ законовъ, или дипло«матическихъ конвенцій, или же, слѣдствіе распоряженій, сдѣ«ланныхъ непріятелемъ до начала военныхъ дѣйствій» [1]). Хотя

[1]) Vidari. Del rispetto, p. 219. Вотъ текстъ *ст. 211* итальянскаго кодекса «La cattura e la preda di navi mercantili di nazione nemica per parte delle navi di guerra dello Stato saranno abolite in via di reciprocità verso quelle potenze, che adotteranno eguale trattamento a favore della marina mercantile nazionale. Il trattamento di reciprocità dovrà risultare da leggi locali, da convenzioni diplomatiche, o da dichiarazioni fatte dal nemico prima del cominciamento delle ostilità».

и здѣсь неприкосновенность частной собственности на морѣ поставлена въ зависимость отъ начала взаимности, но нѣтъ сомнѣнія, что это безбоязненное признаніе правъ частныхъ лицъ должно имѣть весьма благотворное вліяніе на развитіе мирныхъ торговыхъ сношеній Италіи. Право взаимности, какъ и неосновательно оно въ своемъ существѣ, составляетъ пока необходимую опору международныхъ отношеній, и нельзя не желать, чтобы и другія государства, искренно признавшія право неприкосновенности частной собственности, послѣдовали благому примѣру итальянскаго королевства, и обратили бы этотъ принципъ въ внутреннее законоположеніе. Тогда область международной жизни получитъ большую и необходимую для ея развитія опредѣленность, ибо, при признаніи государствами, въ своихъ внутреннихъ законодательствахъ, извѣстныхъ принциповъ международнаго права, должно исчезнуть, само собою, произвольное толкованіе правосознанія цивилизованныхъ народовъ.

II. Развитіе въ литературѣ сознанія права неприкосновенности частной собственности на морѣ.

«Не было великой истины», говоритъ Бокль, «которая затерялась бы, бывши разъ открыта; не было великаго открытія, которое не увлекло бы за собою всѣхъ [1]) Глубокая правда этихъ словъ обнаруживается, какъ нельзя ярче, въ исторіи развитія настоящаго принципа. Пока писатели въ древнемъ мірѣ искали непоколебимыхъ, вѣчныхъ правилъ для международной жизни, они должны были провозглашать господство физической силы верховнымъ принципомъ международнаго права. Пока въ международныхъ отношеніяхъ враждебность и завистливое препятствованіе естественному развитію другихъ народовъ преобладали, надъ безпристрастіемъ и невмѣшательствомъ,—войны, для уничтоженія конкурирующей торговли сосѣдей и для поддержанія своего морскаго превосходства, считались необходимыми и законными. Для этой цѣли, состоящей въ прямомъ отрицаніи международной жизни, но оправдываемой стремленіями къ торговой монополизаціи, захватъ богатыхъ купеческихъ кораблей былъ законнымъ средствомъ войны и не вызывалъ ни-

[1]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Т. I, ч. 1, стр. 160.

какихъ сомнѣній, со стороны патріотическихъ писателей. Согласно древнему правилу, война прекращала всякія сношенія между подданными, и только, съ разрѣшенія (licentiae) верховной власти, они могли продолжать свои мирныя сообщенія [1]). Но уже Бинкерегукъ замѣтилъ, что не всегда торговые интересы допускаютъ суровое исполненіе этого несомнѣннаго закона войны [2]). Это мнѣніе Бинкерегука развито до послѣдней крайности британской призовой практикою и британскими публицистами, которые всѣ, безъ исключенія, считаютъ уничтоженіе непріятельской торговли необходимымъ, для благосостоянія Англіи, слѣдовательно – положительнымъ закономъ международнаго права.

Въ справедливости этого правила сомнѣвался прежде всѣхъ аббатъ *Мабли*, требовавшій, также первый, уничтоженія каперства. Отъ Мабли нельзя было требовать юридическихъ доказательствъ, въ пользу неприкосновенности частной собственности на морѣ, но какъ экономистъ, онъ стоитъ выше многихъ своихъ современниковъ. Очевидная истина, что торговля взаимна и разореніе чужой торговли есть обоюдоострый мечъ въ рукахъ воюющаго, не могла ускользнуть отъ вниманія Мабли. «Почему», спрашиваетъ Мабли, «запрещаютъ торговлю народы, на«чинающіе войну? Это можетъ быть наслѣдство древняго вар«варства, или же, это скорѣе трусливая политика, увѣряющая «себя, что опасно принимать подданныхъ непріятеля? Я согла«сенъ, что неразумно предоставлять имъ во время войны, ту же «самую свободу, которою они пользуются во время мира. Но что «мѣшаетъ воюющимъ согласиться на счетъ одного, или двухъ «торговыхъ городовъ, куда купцы могли бы идти безбоязненно? «Притомъ было бы весьма легко учредить надзоръ, готовый удо«влетворить самую подозрительную политику. Запрещеніемъ тор«говыхъ сношеній желаютъ вредить непріятелю, но при этомъ упу«скаютъ изъ виду, что самимъ себѣ наносятъ чувствительный вредъ. «Товары купцовъ погибаютъ въ магазинахъ; земли не приносятъ «доходовъ; фабрики пустѣютъ и рабочіе, составляющіе обыкновен-

---

[1]) Bynkershoek. Quaest. juris publici, lib. I, cap. III: „Ex natura belli commercia inter hostes cessare non est dubitandum. Ср. мнѣніе лорда Стоуэлля у *Phillimore*, III, p. 105.

[2]) Bynkershoek, ubi supra (См. выше).

«но богатство страны, дѣлаются для нея тяжкимъ бременемъ» [1]). Взглядъ Мабли опирается, слѣдовательно, на положеніи, что только крайнее непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ заставляетъ воюющія державы прекращать всѣ торговыя, мирныя сношенія между подданными. Кромѣ того, захватъ купеческихъ кораблей не представляется ему необходимымъ условіемъ войны. Но Мабли не возстаетъ противъ *законности* этого захвата, и не опровергаетъ справедливости господствовавшаго, въ его время, различія между законами войны на сушѣ и на морѣ. Съ этой послѣдней точки зрѣнія, высказался, противъ захвата частной собственности на морѣ, *Гальяни*. Правда и Гальяни не касался этого вопроса подробнымъ образомъ, и только, при изліяніи своего справедливаго негодованія противъ каперства, въ небольшой замѣткѣ, вооружается противъ несправедливости захвата. Но и въ этихъ немногихъ словахъ высказывается иной, болѣе возвышенный взглядъ, чѣмъ у Мабли. «Уже давно мы видимъ», говоритъ Гальяни, «какъ побѣдитель до«вольно и торжественно въѣзжаетъ въ завоеванный городъ. Жи«тели принимаютъ завоевателя съ восторгомъ, потому что онъ «оказалъ имъ милость, утвердилъ за ними всѣ ихъ привилегіи, «оставилъ въ должности магистратуру, охранялъ собственность «частныхъ лицъ и магазины купцовъ. Между тѣмъ, въ это же «самое время признается законнымъ призомъ то же имущество, «составляющее предметъ законной торговли, и которое находи«лось прежде въ тѣхъ же магазинахъ, но только, во время вой«ны, нагружено на корабли. О жестокое и несчастное самопроти«ворѣчіе законодательства»! [2]). Такимъ образомъ Гальяни не находитъ, рѣшительно, никакихъ разумныхъ доводовъ, оправдывающихъ господствующее различіе между неприкосновенностью

---

[1]) Mably. Droit public de l'Europe ed. par *Rousset*, 1761. II, p. 322, 323. Это мнѣніе высказалъ авторъ въ первый разъ во второмъ изданіи своего сочиненія, въ 1748 г.

[2]) Galiani. De' doveri de' principi neutrali, p. 130: «È più volte nell'età nostra avvenuto il caso di vedersi entrar un Sovrano, o il suo Generalissimo» lieto e festoso in qualche città conquistatà, accolto con acclamazioni accordar grazie, confirmar i privilegj, conservar i magistrati, rispettar la proprietà d'ogni privato, preservar i magazzini dei negozianti, e in quello stesso tempo da un armatore suo suddito predarsi parte delle robbe di quegli stessi magazzini state prima imbarcate per oggetto d'innocente commercio, ed esser dichiarate di buona preda. Oh atroce, e dolorosa contrasto di legislazione!

частной собственности на сушѣ и ея захватомъ на морѣ, и поэтому, отрицаетъ справедливость послѣдняго. Допуская, что Гальяни выразилъ свое мнѣніе въ нѣсколько реторической формѣ, намъ кажется однако невозможнымъ, изъ яснаго смысла его словъ, вывести, подобно Отфелю, заключеніе, будто Гальяни возстаетъ только противъ захвата купеческихъ кораблей корсарами, и признаетъ его законнымъ, если воюющіе ограничатся, для этой цѣли, своими регулярными морскими силами [1]) Это толкованіе словъ Гальяни совершенно произвольно, такъ какъ онъ говоритъ вообще о захватѣ частной собственности на морѣ. Кромѣ того, самъ Отфель опровергаетъ, вслѣдъ затѣмъ, свое толкованіе, говоря, что Гальяни служитъ источникомъ разсужденій всѣхъ послѣдующихъ публицистовъ, требующихъ неприкосновенности непріятельской частной собственности, во 1-хъ, на основаніи военныхъ законовъ въ сухопутныхъ войнахъ, и во 2-хъ, во имя гуманности, неодобряющей разграбленіе мирныхъ безоружныхъ подданныхъ непріятеля [2]). Кромѣ Мабли и Гальяни, высказался также противъ захвата частной собственности *Лэнге*, который въ концѣ прошлаго столѣтія, не могъ понять, почему частная собственность на морѣ подчинена всѣмъ бѣдствіямъ войны, между тѣмъ какъ въ завоеванномъ городѣ никто не грабитъ лавокъ купцовъ. «Съ чего взяли» спрашиваетъ Лэнге, «это различіе между поведеніемъ флотовъ и армій, эскадръ и полковъ, гусаровъ и корсаровъ» [3]).

Приведенныя нами отрывочныя, краткія разсужденія Мабли, Гальяни и Лэнге разумѣется нельзя считать основательными обсужденіями вопроса, и мы не привели ихъ, съ намѣреніемъ доказать это. По мнѣнія этихъ трехъ писателей, такъ рѣзко выдающіяся изъ дружнаго хора изслѣдователей международнаго права, повторяющихъ правила войны древняго міра, и преклоняющихся предъ близорукою политикою государственныхъ людей, заслуживаютъ глубокаго вниманія, какъ инпціатива въ возбужденіи сомнѣнія, на счетъ справедливости и основательности господствующаго обычая. Къ отвлеченнымъ разсужденіямъ

---

[1]) Hautefeuille. Propriétés privées des sujets belligérants sur mer. Paris. 1860, p. 4. *Questions* du droit maritime p. 62.

[1]) Hautefeuille. Propriétés, p. 12.

Questions. p. 73.

[2]) Linguet. Annales politiques (année 1779) t. V, p. 505, 518.

вышеупомянутыхъ писателей, Мартенсъ присоединилъ положительныя, фактическія данныя. Его взглядъ, болѣе всѣхъ предшествующихъ, удовлетворяетъ требованіямъ науки, ибо старается раскрыть основаніе этого отступленія отъ общесознаннаго права войны. Мартенсъ, совершенно справедливо, считаетъ причиною существующаго захвата частной собственности, во время морской войны, общее направленіе торговой политики морскихъ державъ и, въ особенности, Англіи. Послѣ открытія новаго свѣта, водянаго пути въ Остъ-Индію и по изданіи Навигаціоннаго Акта, побудительной причиною всѣхъ морскихъ войнъ, по мнѣнію Мартенса, была коммерческая завистливость, и, уничтоженіе непріятельской торговли было главною ихъ цѣлью. Этимъ объясняется употребленіе каперовъ, нарушенія неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ и существующее различіе между войной на сушѣ и на морѣ. Только «въ морской войнѣ», говоритъ Мартенсъ, «сохранился варварскій обычай грабить корабли и «грузы непріятельскихъ подданныхъ [1])». Онъ также не можетъ признать раціональности и справедливости расхищенія частной собственности, и, своимъ безпристрастнымъ изложеніемъ фактовъ, лишаетъ всякаго основанія защитниковъ каперства и захвата купеческихъ безоружныхъ кораблей. Эти заявленія пробудившагося правосознанія не остались безъ вниманія въ нашемъ столѣтіи, но, напротивъ, именно въ новѣйшее время раздаются голоса, требующіе, все громче и энергичнѣе, неприкосновенности частной собственности на морѣ. Принимая въ соображеніе громадный переворотъ, совершившійся въ нашемъ вѣкѣ въ международной жизни, не упуская ни на минуту изъ виду развитіе пониманія государства и его цѣли, наконецъ, постепенныя и рѣшительныя завоеванія науки народнаго богатства — мы видимъ, что все это вызываетъ большее уваженіе народовъ другъ къ другу, лучшее пониманіе задачи международной жизни и болѣе согласную, съ собственными интересами, политику государствъ. Понятно, что при измѣненіи основаній, должны также измѣниться вытекающія изъ нихъ послѣдствія. Только правильное пониманіе условій международной жизни и ея развитія, со стороны представителей науки, въ состояніи дать ихъ по-

[1]) G. F. de Martens. Essai concernant les armateurs, chap. 1, § 6. p. 36 — 38.

пыткамъ опредѣленія права, твердую, положительную основу. Но не всегда писатели, сознающіе новыя условія международной жизни, и давшіе имъ юридическое, совершенно вѣрное, опредѣленіе въ основныхъ принципахъ международнаго права, настолько послѣдовательны, чтобы развивать далѣе неминуемо вытекающія, изъ признанныхъ ими началъ, заключенія. При тѣсной, неразрывной связи каперства съ захватомъ купеческихъ кораблей, естественно думать, что противники каперства, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны быть защитниками свободы частной собственности на морѣ. Но въ дѣйствительности мы видимъ, что нѣкоторые талантливые противники каперства являются весьма усердными защитниками захвата частной собственности, считая свободу торговли, между подданными воюющихъ державъ, опасною и даже неудобоисполнимою. Такъ, между прочимъ, Реневаль [1]), Венсанъ [2]), Массе [3]), Пюттеръ [4]), Асхеръ [5]), Ницце [6]), возстаютъ, какъ противъ каперства, такъ и противъ захвата частной собственности. Сущность всѣхъ разсужденій этихъ писателей заключается въ тѣхъ доказательствахъ, на основаніи которыхъ уже Мартенсъ оспаривалъ справедливость разграбленія мирныхъ подданныхъ непріятеля. Напротивъ Вурмъ [7]), Гефтеръ [8]). Кальтенборнъ [9]), Жуфроа [10]), возставая противъ каперства, не могутъ согласиться на полное уничтоженіе захвата купеческихъ кораблей, ибо «война не можетъ быть ведена серьез-«но, если между отдѣльными членами народа нѣтъ общаго чув-«ства, побуждающаго ихъ къ общимъ усиліямъ и лишеніямъ».

---

[1]) Rayneval. Institutions, p III, XVI, 166.

[2]) Vincens. Exposition raisonnée de la législation commerciale. Paris 1821. Liv. XII, Chap. 17, 18.

[3]) Massé. Droit commercial, etc. Paris. 1844- 1 ed. T. I, p. 153: 2 ed. Paris, 1861. p. 108 etc.

[4]) Pütter. Beiträge zur Völkerrechtsgechichte. S. 198 u. s. w.

[5]) Asher. Beiträge zu einigen Fragen,—S. 2—5, 24. 30, 35, 39.

[6]) Nizze. Das allgemeine Seerecht der civilisirten Nationen. 1 Bd. Rostock. 1857. S. 100.

[7]) Wurm—in d. Zeitschrift für die ges. Staatswissenschaft. Bd. VII. 1851. S. 288.

[8]) Heffter. Europäisches Völkerrecht. S. 250, 251.

[9]) Kaltenborn. Grundsatze des praktischen Europ. Seevölk. Bd. II, S. 367. *Bluntschli's* Staatswörterbuch Bd. VII «Prise, Prisengerichtsbarkeit».

[10]) Jouffroy. Le droit des gens maritime universel. Berlin 1806 p. 332.

Поэтому, эти публицисты признаютъ захватъ купеческихъ кораблей вполнѣ справедливымъ, и воюющаго въ правѣ распоряжаться, во время войны, частной собственностью подданныхъ противной стороны. Г. Каченовскій придерживался также этого взгляда и считалъ его удовлетворительнымъ, въ теоретическомъ отношеніи [1]). Но, послѣ Парижскаго конгресса, онъ отказывается отъ своего первоначальнаго мнѣнія и требуетъ того, что онъ прежде признавалъ «несбыточной мечтою публицистовъ», т. е. уподобленія правъ частныхъ лицъ, во время морской войны, съ тѣми, которыя признаются за ними на сушѣ [2]). Вообще говоря, Парижскій конгрессъ составляетъ и въ литературѣ настоящаго вопроса, дѣйствительную эпоху. Мнѣнія Мабли, Гальяни и Мартенса, требовавшихъ уже въ прошломъ столѣтіи уничтоженія каперства, одержали блистательную побѣду. Теперь недостаетъ только санкціи государствъ категорическому требованію тѣхъ же писателей о неприкосновенности частной собственности на морѣ. Тѣсная связь между каперствомъ и судьбою купеческихъ кораблей, во время войны, должна по уничтоженіи каперства, роковымъ образомъ повліять на захватъ частной собственности на морѣ. Вмѣстѣ съ развитіемъ общественнаго мнѣнія, въ пользу принятія предложенія Марси, публицисты стали обращать серьезное вниманіе на права частныхъ лицъ во время войны. Вмѣсто отрывочныхъ замѣчаній Мабли, или Гальяни, мы встрѣчаемъ теперь въ литературѣ международнаго права, подробныя, хотя и не всегда научныя, обсужденія вопроса. Такимъ образомъ, мнѣніе Мабли, на которое никто не обращалъ вниманія въ прошломъ столѣтіи [3]), сдѣлалось въ настоящее время предметомъ ожесточенныхъ и жаркихъ споровъ между публицистами. Но, говоря о публицистахъ, занимавшихся настоящимъ вопросомъ, мы имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду писателей континентальныхъ, потому что британскіе публицисты почти всѣ, безъ исключенія, защищаютъ захватъ купеческихъ кораблей, ибо

---

[1]) Каченовскій. О каперахъ стр. 172—173.

[2]) Katchenovsky. Prize law. London. 1867, p. 182—83.

[3]) Что мнѣніе Мабля дѣйствительно осталось незамѣченнымъ, видно между прочимъ изъ того, что Лэнге считалъ свой взглядъ на морское право войны «совершенно новымъ» (Cette réfléxion est absolument nouvelle». Annales politiques, tome V, p. 506).

признаютъ морское превосходство Англіи высшимъ закономъ международнаго права. По крайней мѣрѣ, кромѣ весьма немногихъ представителей періодической англійской печати новѣйшаго времени, мы не знаемъ, въ числѣ британскихъ юристовъ—спеціалистовъ по международному праву — защитниковъ неприкосновенности частной собственности. Что же касается американскихъ публицистовъ, то они повторяютъ, обыкновенно, доводы, приводимые британскими публицистами, въ пользу неограниченнаго права сильнѣйшаго воюющаго и захвата купеческихъ кораблей. Изъ французскихъ писателей Отфель явился самымъ ожесточеннымъ противникомъ неприкосновенности частной собственности на морѣ; съ доводами его въ пользу сохраненія каперства, мы уже имѣли случай познакомиться. Затѣмъ, Ортолань также находитъ захватъ купеческихъ кораблей необходимымъ и, даже, существеннымъ условіемъ морской войны. Наконецъ, пепанецъ Де-Негринъ повторяетъ, главнымъ образомъ, доводы этихъ двухъ публицистовъ.

Въ пользу полной неприкосновенности частной собственности на морѣ выступили, въ особенности, Асперъ [1]), Коши [2]) и Видари [3]). Кромѣ того, этотъ вопросъ былъ обсуждаемъ во многихъ брошюрахъ и повременныхъ изданіяхъ [4]). Обратимся теперь къ разсмотрѣнію доводовъ, приводимыхъ до сихъ поръ, главнымъ образомъ, противъ признанія неприкосновенности частной собственности на морѣ положительнымъ закономъ международнаго права.

III. Критика мнѣній публицистовъ.

Если вникнуть въ сущность аргументацій публицистовъ, то нетрудно замѣтить, какъ у большей части противниковъ за-

---

[1]) Asher. Beiträge zu einigen Fragen. S. 2 u. s. w. *id.* Essai concernant les principes à poser pour le droit maritime international de l'avenir. Hambourg. 1856.

[2]) Cauchy. Droit maritime internat. Tome II, p. 456 etc. *id.* Du respect de la propriété privée.

[3]) Vidari. Del rispetto della proprietà privata.

[4]) Lengerke. Das internationale Seerecht in Kriegszeiten. Bremen. 1860. Ср. *Economist* — 17 дек. 1859 и 26 мая. 1866 г. Revue des deux Mondes, du 15 Janv. 1862. Статья Казимира Перрье. *Hamburger-Börsenhalle* 1856. №№ 13708, 13775, 13832.

хвата частной собственности, такъ и у его защитниковъ. полное смѣшеніе права и политики. Публицисты, обыкновенно, разсматриваютъ вопросъ, съ патріотической точки зрѣнія, и вся суть ихъ доказательствъ сводится къ вопросу о томъ, насколько признаніе неприкосновенности купеческихъ кораблей будетъ выгоднымъ, для блага ихъ отечества. Мы не встрѣчаемъ у публицистовъ, разсматривавшихъ положеніе частной собственности во время морской войны, строгаго логичнаго изслѣдованія *правъ* или *обязанностей* частныхъ лицъ. во время войны; но. обыкновенно. стремленія защитниковъ и противниковъ неприкосновенности частной собственности направлены къ тому. чтобы убѣдить правительства въ выгодѣ или невыгодѣ принятія американской поправки. Защитники неприкосновенности частной собственности обыкновенно обращаются также къ гуманности государствъ. и *право* частныхъ лицъ оставляется на произволъ воюющихъ державъ.

Приступая къ разсмотрѣнію доказательствъ. въ пользу сохраненія захвата частной собственности на морѣ, намъ кажется необходимымъ отдѣлить юридическія доказательства, отъ политическихъ соображеній. Затѣмъ, придерживаясь постоянно точнаго смысла аргументовъ, мы приведемъ ихъ въ порядокъ. болѣе соотвѣтствующій требованіямъ науки.

1. Юридическія доказательства, въ пользу захвата частной собственности на морѣ [1]).

Война. говорятъ нѣкоторые писатели. представляется высшимъ актомъ правосудія для независимыхъ государственныхъ организмовъ. Государства прибѣгаютъ къ оружію. только, по истощеніи всѣхъ мирныхъ или менѣе насильственныхъ средствъ для рѣшенія возникшихъ международныхъ недоразумѣній. Государства вступаютъ въ борьбу, для защиты нечуждыхъ его гражданамъ. интересовъ; напротивъ, миръ. какъ естественная цѣль войны, необходимъ для всѣхъ гражданъ. и поэтому, они всѣ вмѣстѣ должны и страдать и ликовать, побѣдивъ об-

[1]) Считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ основаніе этой части нашего труда мы ставимъ вышеприведенныя сочиненія *Vidari* и *Cauchy*. Но сравненіе легко покажетъ, насколько мы, въ нашей аргументаціи, отступаемъ отъ этихъ публицистовъ.

щаго непріятеля. Война только тогда и можетъ быть «дѣйствительно народнымъ дѣломъ», только тогда она будетъ ведена съ необходимою энергіею, когда государство и подданные не разъединяютъ своихъ интересовъ, и не расходятся въ достиженіи общей цѣли. Если миръ естественное состояніе человѣческаго сожитія и необходимое условіе развитія человѣка и гражданина, то возстановленіе нарушеннаго непріятелемъ мира, должно быть общимъ дѣломъ всѣхъ лицъ, пользующихся гарантіями, представляемыми имъ государствомъ и необходимыми для развитія ихъ физическихъ и интеллектуальныхъ способностей. Однимъ словомъ, признаніе неприкосновенности частной собственности, во время войны, равносильно попыткѣ внести опасный разладъ въ государственный организмъ, и лишить государство его естественнаго необходимаго, основанія [1]).

Это возраженіе, касающееся, по нашему мнѣнію, непосредственно самой сущности вопроса, меньше всего удостоивается вниманія публицистовъ. Прежде всего очевидно, что эта аргументація, имѣющая цѣлью доказать необходимость запрещенія торговли между мирными подданными воюющихъ государствъ, опровергаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, установившійся международный обычай и законъ войны на сушѣ. Доказать несостоятельность этой теоріи, на основаніи результатовъ первой части настоящаго труда, не представляетъ никакихъ затрудненій. Правильное понятіе о государствѣ и государственной жизни человѣка составляетъ основаніе выясненія правъ частныхъ лицъ. Государство представляется совершенно самостоятельнымъ организмомъ, имѣющимъ свою индивидуальную личность, жизнь и волю. Если государство, какъ личность, пользуется связанными съ индивидуальной личностью правами, если оно, слѣдовательно имѣетъ право самоопредѣленія, служащее необходимымъ условіемъ его развитія и вытекающее изъ его свободной воли, то нельзя отказать государству въ юридической и нравственной отвѣтственности за свои дѣйствія. Одно изъ двухъ: *или* государство дѣйствительно имѣетъ свою свободную волю и являет-

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ высказался, между прочимъ, *Wurm*. Zeitschrift f. d. ges Staatswissenschaft. VII. 1851 p. 288. Ср. *Cauchy*. Du respect, p. 60.

Что касается сочиненія Вурма «Von der Neutralität des deutschen Seehandels in Kriegszeiten. Hamburg 1841», то намъ не удалось имъ воспользоваться. См. *Mohl*. Literatur der Staatswissenschaften, Bd. I.

ся самобытной личностью, съ правоспособностью и юридической отвѣтственностью; *или* же, государство лишено права самоопредѣленія, неиспользуется свободной волею, но есть какой то агрегатъ, представляющій полное смѣшеніе правъ частнаго лица и гражданина, частнаго индивидуальнаго бытія человѣка и его государственной жизни. Нельзя, ни въ какомъ случаѣ, смѣшивать права и личность государства съ правами и личностью частнаго лица, или же, сферу дѣятельности государства съ областью мирной, частной жизни человѣка. Государство имѣетъ самостоятельную жизнь — человѣкъ также, и, неминуемое условіе развитія индивидуальной личности: право самоопредѣленія, не только не можетъ исчезнуть, но должно находить необходимую гарантію въ государствѣ. Понятно, поэтому, что сфера мирной, индивидуальной жизни человѣка не можетъ быть нарушена, вслѣдствіе борьбы государственныхъ тѣлъ. Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что война нисколько не касается гражданъ? Нѣтъ, для гражданъ или подданныхъ, подъ которыми мы разумѣемъ лицъ, ограничивающихъ свое право самоопредѣленія, для надежнѣйшаго удовлетворенія условіямъ всесторонняго своего развитія въ государствѣ [1]), война никогда не будетъ безразличнымъ, постороннимъ происшествіемъ. Государственное право опредѣляетъ права и обязанности гражданъ и возлагаетъ на нихъ жертвы, необходимыя для достиженія цѣли войны. Ошибочно думать, и совершенно несогласно съ дѣйствительностью увѣреніе, будто судьба и благо отечества только тогда будутъ близки подданнымъ и вызовутъ ихъ на подвиги самопожертвованія, если война превратится въ борьбу, не только противъ государствъ, но и противъ мирныхъ подданныхъ или частныхъ лицъ. Подобное мнѣніе вполнѣ противорѣчитъ развитію международной жизни и приведетъ насъ, своей логикою, къ тѣмъ временамъ, когда восклицаніе: vae victis! было лозунгомъ воюющихъ сторонъ. Необходимость считать войну борьбою государствъ чувствовалась уже давно, какъ мы это видѣли выше. Но, не понимая органическаго существа государства, чувство справедливости и христіанская любовь не разъ требовали пощады невиннымъ подданнымъ, невызвавшимъ непосредственно войны. Во имя справедливости и христіанской люб-

---

[1]) Stein. Verwaltungslehre, Bd. II, S. 45.

ви къ ближнему, желаютъ Гуго Гроцій [1]) и, въ наше время, Кошп [2]), снисхожденія для частныхъ лицъ и уваженія ихъ имущественныхъ правъ. На основаніи явно обнаружившагося правосознанія цивилизованныхъ народовъ и, согласно существу государства, какъ его понимаетъ наука права, мы считаемъ возможнымъ требовать неприкосновенности частной собственности во время войны, какъ сухопутной, такъ и морской. Такимъ образомъ, намъ кажутся совершенно неосновательными увѣренія нѣкоторыхъ публицистовъ, будто признаніе свободы торговли, во время войны, противно основаніямъ государства и должно привести къ разложенію государственнаго организма. Прежде всего, должно стоять выше всякаго сомнѣнія *право* частныхъ лицъ на неприкосновенность, во время войны, своей собственности, какъ кораблей, такъ и груза. Уваженіе этого права есть прямая обязанность воюющихъ государствъ, а поэтому, захватъ купеческихъ, безоружныхъ кораблей — явное насиліе. Если же воюющее государство считаетъ нужнымъ воспретить своимъ подданнымъ всякія сношенія съ подданными противной стороны, то несоблюденіе этого запрета, со стороны первыхъ, есть нарушеніе закона, требующее наказанія, которому могутъ подвергаться только собственные граждане. Но такъ какъ почти всѣ государства, кромѣ Англіи, высказались за неприкосновенность частной собственности во время войны на морѣ, то нѣтъ никакой причины думать, что современныя государства считаютъ свободу торговли во время войны, опасною и противною ихъ существу. Слѣдовательно, нельзя и опасаться, со стороны воюющихъ государствъ, общаго запрещенія всякихъ сношеній

---

[1]) Grotii. De jure belli ac pacis, lib. III, cap. XVIII, § IV: «Caeterum, etiam cum justitia stricte dicta non laeditur, est ut peccetur, adversus id officium, quod in aliis diligendis consistit, praesertim, quale christiana lex prescribit, ut si appareat talem praedationem praecipue nocituram non hostium universitati, aut regi, aut his qui per se noxae sunt, sed innocentibus, et quidem adeo ut eos detrusura sit in summas calamitates, in quas etiam eos, qui privatim nobis debent, conjicere, immisericordiae foret. Quod si ad haec accedat ut ea depredatio neque ad finem bello imponendum, neque ad hostium publicas vires accidendas notabile aliquod momentum habeat, tum vero probo homnie, praesertim Christiano, indignus censeri debet quaestus ex sola temporum infelicitate».

[2]) *Cauchy.* Droit maritime international, II, p. 470. Du respect, p. 64,

частныхъ лицъ между собою, хотя этимъ не исключается право государства принимать такія мѣры, которыя оно считаетъ необходимыми, для всеобщаго блага и безопасности. Законодательство итальянскаго королевства можетъ служить въ этомъ вопросѣ образцомъ всѣмъ другимъ государствамъ, искренно желающимъ развитія международной жизни и уважающимъ права частныхъ лицъ. Право неприкосновенности частной собственности нераздѣлимо и, поэтому, если оно признается во время сухопутныхъ войнъ, то естественно и логично требовать его уваженія въ войнѣ на морѣ. Это неминуемо вытекающее послѣдствіе сознаютъ защитники захвата купеческихъ кораблей, и, по этой причинѣ, направляютъ свои удары противъ привившагося начала международнаго права, недопускающаго права военной добычи, относительно частныхъ имуществъ, во время войны на сушѣ. Признавъ разъ существованіе этого закона войны, трудно доказать справедливость захвата частной собственности на морѣ. Но мы разсмотрѣли уже выше, въ главахъ IV и V. тѣ шаткіе доводы, которыми, главнымъ образомъ, Отфель стремится поколебать начало, признанное вѣковой практикою войны, и неопровергаемое даже со стороны британскихъ публицистовъ. Ни Отфель, ни Де-Негринъ [1]) не приводятъ никакихъ несомнѣнныхъ данныхъ или разумныхъ доказательствъ, которыя были бы въ состояніи опровергнуть принципъ современнаго права войны, требующій неприкосновенности частныхъ лицъ и ихъ имущественныхъ правъ, во время войны на сушѣ.

Однако, изъ признанія этого принципа, говорятъ намъ сторонники захвата купеческихъ кораблей, никакъ еще не слѣдуетъ, что морская война непремѣнно должна быть подчинена однимъ и тѣмъ же началамъ съ войною на сушѣ. Подобное требованіе, по мнѣнію этихъ публицистовъ, обнаруживаетъ только совершенное незнакомство съ основаніями морской войны. Море и земля, естественно, противоположные элементы, а слѣдовательно, и все на нихъ происходящее, хотя и подчиняется общимъ принципамъ, не слѣдуетъ во время войны одинаковымъ правиламъ [2]). Право войны можетъ быть основано на общихъ нача-

[1]) De-Negrin. Derecho internacionl, secc II, cap. I, p. 86—88.

[2]) Ortolan. Diplomatie de la mer, tome II, p. 40

лахъ, но должно видоизмѣняться, согласно необходимымъ условіямъ, вызывающимъ новыя отношенія и новыя правила. Земля, развиваетъ далѣе Отфель [1]), можетъ, по самой своей природѣ, находиться во владѣніи человѣка и поверхность земнаго шара—занятая цивилизованными и нецивилизованными народами—составляетъ собственность отдѣльныхъ гражданъ, обществъ, или государствъ. Поэтому, воюющій на сушѣ имѣетъ возможность вредить своему врагу, самымъ дѣйствительнымъ образомъ, посредствомъ завоеванія его территоріи. Сдѣлавшись господиномъ территоріи, непріятель, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается верховнымъ повелителемъ надъ народомъ. Море, напротивъ, существенно свободно; оно не можетъ быть ни въ чьемъ владѣніи, но есть достояніе всего человѣчества. Всѣ народы пользуются открытымъ моремъ, ибо оно предназначено Провидѣніемъ, говоритъ, Отфель, соединять другъ съ другомъ народы, даже наиболѣе отдаленные. Воюющіе встрѣчаются на этомъ обширномъ, общедоступномъ пространствѣ, и не могутъ завоевать мѣста, занимаемаго непріятельскими кораблями; такъ что на морѣ остается только одно средство вредить противнику, это: захватъ и уничтоженіе непріятельскихъ, какъ военныхъ, такъ и частныхъ купеческихъ кораблей. Ограничить же дѣйствія воюющихъ государствъ, только нападеніями на военные корабли, невозможно, потому что, во 1-хъ, торговый флотъ, и по личному составу, и по матеріалу, есть одно изъ средствъ морскаго могущества, всегда готовое перейти въ орудіе войны; во 2-хъ, если бы непріятельскій торговый флотъ, со всѣмъ грузомъ, былъ бы признанъ неприкосновеннымъ, тогда воюющая держава могла бы парализировать дѣйствіе морской войны тѣмъ, что оставляя въ гаваняхъ свой военный флотъ, продолжала бы, въ то же время, безпрепятственно свои сношенія съ другими странами, съ помощью своихъ купеческихъ судовъ [2]). Согласно природной своеобразности моря и основанной на ней своеобразности морской войны, необходимо сохранить захватъ частной собственности на морѣ, хотя на сушѣ и признается ея неприкосновенность.

---

[1]) Hautefeuille. Questions p. 85. Propriétés privées p. 22.

[2]) Ortolan. Régles internationales et diplomatie de la mer, tome II, p. 42—44.

Wheaton's Elements of Inter. Law, ed. by *Dana* § 355.

Никто не станетъ отрицать, что вода и суша — элементы совершенно различные и не смѣшиваемые. Мы также согласны допустить, что какъ море, такъ и земля вліяютъ своеобразно на все совершающееся на нихъ, такъ напр., для морскихъ сраженій выработаны иныя правила и пріемы, чѣмъ для битвъ на сушѣ. Но мы безусловно и категорически отказываемся признавать за существующимъ, между этими двумя элементами, различіемъ такое вліяніе, которое могло бы хоть на іоту измѣнить сознанное право, непосредственно вытекающее изъ условій современной международной жизни и необходимое для правильнаго развитія международныхъ отношеній. Частная собственность признана неприкосновенною, во время сухопутныхъ войнъ, правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ; это уваженіе правъ частныхъ лицъ основывается на принципѣ права войны, и требуется правдою и справедливостью, — слѣдовательно, на основаніи источника международнаго права, названнаго Отфелемъ закономъ естественнымъ, никогда неизмѣняющимся ни въ отношеніи сухопутныхъ, ни морскихъ войнъ [1]). Воюющій вездѣ, будь это на сушѣ или на морѣ, обязанъ уважать право, и не можетъ уничтожить существующаго юридическаго порядка. Подобно тому, какъ воюющія державы строго обязаны уважать независимость и неприкосновенность нейтральныхъ вездѣ, какъ на океанѣ, такъ и на сушѣ, точно такъ они обязаны не нарушать права, вытекающаго изъ существа государственной жизни цивилизованныхъ народовъ и сознаннаго ими. Если бы это возраженіе было состоятельно, тогда право войны должно бы исчезнуть само собою, оставляя мѣсто полнѣйшему произволу и праву сильнѣйшаго. Между тѣмъ тѣ же публицисты, требующіе такого немыслимаго раздѣленія правосознанія, настаиваютъ весьма энергично на обязанности воюющихъ, въ отношеніи нейтральныхъ, какъ во время сухопутной, такъ и морской войны, безразлично, не допуская при томъ и мысли о существованіи иныхъ обязанностей воюющихъ на морѣ. Если воюющій нарушаетъ территоріальныя права нейтральныхъ государствъ, если онъ конфискуетъ нейтральную собственность на непріятельскомъ кораблѣ, или задерживаетъ нейтральныхъ подданныхъ, которые весьма

[1]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime inter. p. 6, 38, 41. Des droits et devoirs, t. I, p. 155.

бы могли пригодиться воюющему, для службы на своихъ военныхъ корабляхъ, публицисты, какъ Отфель, Ортоланъ и Уитонъ, не указываютъ на естественное различіе между моремъ и землею, не оправдываютъ нарушенія воюющимъ правъ нейтральныхъ, но, напротивъ, говорятъ постоянно «объ общихъ правилахъ войны, которыя одинаковымъ образомъ должны примѣняться на морѣ и на сушѣ». Ни Отфель, ни Ортоланъ, ни Уитонъ не раздѣляетъ права войны на два раздѣла, изъ которыхъ одинъ излагаетъ законы для сухопутной, другой — для морской войны. Откуда же взялась эта «естественная необходимость», требующаго иного права войны на сушѣ, иного на морѣ? Объ этомъ естественномъ различіи, между моремъ и землею, публицисты начали говорить съ того времени, когда правосознаніе и чувство справедливости стали требовать неприкосновенности мирныхъ подданныхъ и ихъ собственности на морѣ. — тогда только начались толки объ иныхъ законахъ войны на морѣ, тогда только свободою моря стали прикрывать уваженіе къ лишеннымъ основанія обычаямъ и къ произволу. Такимъ образомъ элементъ, назначенный Провидѣніемъ для сближенія народовъ, сдѣлался причиною неугасимой международной вражды, и res communis превратилась въ область, гдѣ stat pro ratione voluntas! Но подобное двуличное отношеніе, къ одному и тому же предмету, несогласно съ требованіями науки. Право войны едино и нераздѣлимо: оно заключаетъ совокупность правилъ, которыми воюющіе обязаны руководствоваться, въ продолженіе войны, вообще. Согласно чувству права и органическому цѣлому условій развитія международныхъ отношеній, право войны зиждется на *единомъ* правосознаніи, и имѣетъ *единую* цѣль: выясненіе взаимныхъ правъ и обязанностей воюющихъ государствъ, на основаніи необходимыхъ, для возстановленія нарушеннаго права и развитія международной жизни, условій. Очевидно, что не можетъ быть и рѣчи объ иномъ правосознаніи и иныхъ правилахъ, для опредѣленія правъ и обязанностей воюющихъ, на морѣ, государствъ. Кромѣ того писатели, требующіе чрезвычайнаго права для воюющихъ на морѣ, не отрицаютъ верховнаго принципа современнаго права войны, какъ отношенія государства къ государству, а Ортоланъ и Уитонъ признаютъ, даже, неприкосновенность частныхъ лицъ и собственности, во время сухопутныхъ войнъ. Такимъ образомъ, субъ-

екты права войны остались неизмѣнны, правоспособность ихъ не расширилась и не съузилась; объекты права тѣ же,—въ чемъ же можетъ выказаться это существенное различіе моря отъ суши? Если признать основное начало права войны — частная собственность вообще должна быть неприкосновенна; если воюющій только прямо, непосредственно, можетъ вредить своему врагу, какъ говоритъ иногда Отфель, — то и тогда частная собственность тоже неприкосновенна. Очевидно слѣдовательно, что только радикальное пересозданіе современнаго права войны можетъ удовлетворять логичному развитію идеи объ естественномъ и пагубномъ вліяніи свободнаго моря на захватъ и несвободу частнаго имущества на кораблихъ. Но пока право войны основывается на современныхъ началахъ, выработанныхъ вѣками и согласныхъ съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ, пока условія международной жизни находятъ въ этихъ принципахъ залогъ дальнѣйшаго ея развитія, — до тѣхъ поръ наука международнаго права будетъ требовать строгаго и неуклоннаго ихъ примѣненія, во всѣхъ войнахъ, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ.

Замѣчательнѣе всего, что вся аргументація, въ пользу захвата купеческихъ кораблей, упирающаяся на своеобразности моря, основана на софизмахъ и явныхъ противорѣчіяхъ [1]). Сторонники захвата частной собственности на морѣ, какъ Ортоланъ, доказываютъ различіе между моремъ и землею тѣмъ, что воюющіе на сушѣ могутъ уважать неприкосновенность частной собственности и, дѣйствительно, уважаютъ ее. И изъ этого же установившагося обычая, публицисты выводятъ: во 1-хъ, естественное различіе между морской и сухопутной войною и, во 2-хъ, необходимость захвата частной собственности на морѣ! Въ самомъ дѣлѣ, прослѣдимъ аргументацію Ортолана: море и земля — элементы различные и противоположные, а различіе это должно повліять на право войны; на сушѣ частная собственность считается неприкосновенною. Но, почему та же собственность на морѣ должна подлежать захвату? Потому, отвѣчаетъ Ортоланъ, что ничего подобнаго не можетъ быть на морѣ, ибо море и земля—элементы разнородные. Если спросить далѣе: да почему же то же самое не можетъ быть на морѣ, мы получимъ первый

[1]) Vidari. Del rispetto della propietà privata. p. 363.

отвѣтъ,—потому что море и земля—элементы различные и т. д. Такое petitio principii выражено, совершенно вѣрно, въ словахъ Видари, что по меньшей мѣрѣ противно логикѣ доказывать какую либо истину съ помощью аргументовъ, предполагающихъ доказанною эту же самую истину. Вообще, нельзя не замѣтить, что большая послѣдовательность и больше логики привели бы неминуемо этихъ публицистовъ къ признанію неприкосновенности частной собственности на морѣ.

Выше, при разсмотрѣніи правъ нейтральныхъ, мы коснулись также теоріи о территоріальности корабля. Преимущественно, Отфель защищаетъ эту юридическую фикцію съ большимъ знаніемъ дѣла, и требуетъ признанія территоріальности военныхъ и купеческихъ кораблей, не только въ открытомъ морѣ, но даже, подъ извѣстными условіями, и въ территоріальныхъ водахъ иностраннаго государства. Другіе публицисты, какъ напр. Ортоланъ и Уитонъ, ограничиваютъ территоріальный характеръ и соединенныя съ нимъ права, только военными кораблями; но общепризнано положеніе международнаго права, что купеческій корабль въ открытомъ морѣ представляется какъ бы оторванной частью государственной территоріи, и подчиненъ исключительно только законамъ и правительству своей страны. Изъ этого слѣдуетъ, что такъ какъ купеческій корабль въ открытомъ морѣ признается какъ бы «продолженіемъ территоріи» своего государства, или, говоря словами Бентама «маленькою провинціею», то находящаяся на немъ частная собственность не можетъ подлежать захвату со стороны воюющаго, обязаннаго уважать неприкосновенность этой собственности на непріятельской территоріи или въ провинціи. Такимъ образомъ, общепринятая фикція, оказавшая такія громадныя услуги выясненію правъ нейтральныхъ, также существенно полезна, для утвержденія правъ частныхъ лицъ.

Далѣе, если купеческій корабль въ открытомъ морѣ дѣйствительно движимая часть государственной территоріи, то разумѣется завоеватель этой «части территоріи» пріобрѣтаетъ всѣ права устраненной верховной власти, но не болѣе. Между тѣмъ, современныя государства не имѣютъ безусловнаго права надъ имуществами частныхъ лицъ, и только въ размѣрахъ, опредѣленныхъ закономъ, они принимаютъ участіе въ государственныхъ расходахъ. Слѣдовательно, на основаніи территоріальнаго

характера купеческихъ судовъ, воюющіе ни въ какомъ случаѣ не могутъ себѣ присвоивать права собственности надъ ними, и частная собственность на морѣ, благодаря фикціи о территоріальности, должна пользоваться такою же неприкосновенностью, какъ на и сушѣ. Слѣдовательно, большая послѣдовательность со стороны публицистовъ, привела бы ихъ къ такому же результату. Однако могутъ возразить, что если купеческій корабль есть какъ бы часть государственной территоріи, то онъ, безъ сомнѣнія, долженъ слѣдовать участи послѣдней и воюющему, имѣющему право завоеванія непріятельской территоріи, нельзя отказать въ правѣ завоевать ея часть или «маленькую провинцію» непріятеля. Это возраженіе, очевидно, смѣшиваетъ сущность территоріальной власти воюющей державы съ правами частныхъ лицъ. Территоріею называется, вообще, пространство земли, подчиненное одной верховной власти; но изъ этого не слѣдуетъ, что верховная власть имѣетъ право владѣнія и распоряженія всѣми отдѣльными частями этой территоріи, которыя составляютъ неотъемлемую собственность частныхъ лицъ. Воюющій имѣетъ безспорное право занять территорію *непріятеля*, но за нимъ современное право войны признаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность не нарушать правъ частныхъ лицъ мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства. Воюющій имѣетъ дѣло со всей территоріею въ ея цѣломъ, но не можетъ сдѣлать предметомъ своихъ военныхъ дѣйствій имущества частныхъ лицъ. И такъ какъ купеческій корабль, хотя и есть часть территоріи, но часть, состоящая въ собственности частнаго лица, то она и не можетъ быть завоевана непріятельскимъ государствомъ. Выраженія Бентама, что «корабли въ то же время представляютъ «домà и служатъ повозками» и что большіе корабли можно назвать «плавающими зàмками» [1]), принадлежащими частнымъ лицамъ, подтверждаютъ, какъ нельзя болѣе, нашъ взглядъ на неприкосновенность купеческихъ кораблей. Наконецъ, при разсмотрѣніи правъ нейтральныхъ, мы указали, что корабли скорѣе причисляются законодательствами къ роду недвижимыхъ имуществъ. Неприкосновенность же недвижимыхъ имуществъ считается несомнѣннымъ закономъ права войны, и поэтому, «плавающіе замки» частныхъ лицъ не должны подлежать завладѣнію.

[1]) Bentham. Traité de législation civile et pénale, ed *Dumont*. Paris 1802, tome I, p. 332.

Опровергнувъ такимъ образомъ разсужденія публицистовъ о необходимости, для борьбы въ открытомъ морѣ, иного права войны, выведеннаго изъ естественнаго различія двухъ элементовъ, намъ не трудно будетъ доказать несостоятельность остальныхъ, лишенныхъ теперь уже всякаго основанія, доводовъ. За морскими державами, говорятъ, необходимо признать право захвата непріятельскихъ кораблей, такъ какъ онѣ не имѣютъ возможности пользоваться правомъ завоеванія, доступнымъ только государствамъ съ сильною арміею; если же признать неприкосновенность торговаго флота, составляющаго силу и опору военнаго, тогда морская война перестанетъ достигать своей разумной цѣли: уничтоженія непріятельскаго торговаго флота. По точному смыслу этой аргументаціи, возражатели не отрицаютъ прямо права частныхъ кораблей на неприкосновенность, но уважительной причиной признать законность захвата выставляется только недостаточность военныхъ средствъ. Слѣдовательно, на основаніи особенности и своеобразности могущества морскихъ державъ, теоретики и практики требуютъ признанія за ними какой-то привилегіи на нарушеніе правъ частныхъ лицъ. Мы уже выше старались доказать, насколько эти особенности моря, и слѣдовательно, военныхъ средствъ морскихъ державъ, могутъ опровергнуть сознанное право. Если воюющій, ведущій сухопутную войну обязанъ признавать неприкосновенность частныхъ лицъ и ихъ собственности, то, само собою разумѣется, что морская держава имѣетъ ту же обязанность, относительно частныхъ лицъ и собственности, застигнутыхъ ею въ открытомъ морѣ. Идея права не знаетъ никакихъ привилегій, могущихъ оправдывать явную несправедливость, относительно безсильныхъ и беззащитныхъ. Кромѣ того, говоря словами Блунчли, «никогда «безсиліе средствъ войны, основанныхъ на правѣ, не можетъ «оправдывать употребленія воюющими средствъ, нарушающихъ «право». «Подобно тому», продолжаетъ Блунчли, «какъ финан«систъ, потерпѣвшій неудачу въ заключеніи займа, не имѣетъ «права отобрать отъ всѣхъ богатыхъ золото, для пополненія «пустой казны, настолько же воюющій не имѣетъ никакого «права грабить на морѣ частную собственность, по той при«чинѣ, что пушки его кораблей не достигаютъ внутрь непріятельской страны» [1]). Наконецъ извѣстно, что морскія державы,

[1]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht, S. 40.

какъ Соединенные Штаты и Франція, открыто высказались за неприкосновенность купеческихъ кораблей,—слѣдовательно, едва ли умѣстно навязываніе публицистами морскимъ державамъ такихъ средствъ войны, необходимость которыхъ онѣ отрицали сами. Различіе между моремъ и землею не можетъ убѣдить въ существованіи иныхъ юридическихъ отношеній, между воюющими и частными лицами, какъ это признаетъ, между прочимъ и Кальтенборнъ [1]). Посмотримъ теперь, насколько развиваемое, защитниками захвата частной собственности на морѣ, различіе между морской и сухопутной торговлею выдерживаетъ критику. Ортоланъ утверждаетъ [2]), что корабль нельзя назвать магазиномъ съ товарами и, что есть существенная разница между захватомъ и конфискаціею корабля съ грузомъ и присвоеніемъ воюющими товаровъ въ лавкѣ, или предметовъ, которые служатъ для домашняго употребленія мирнаго гражданина. Въ опроверженіе Ортолана, мы приведемъ слова Отфеля, защищающаго, еще съ большею односторонностью, захватъ купеческихъ кораблей. «Корабль», говоритъ Отфель. «составляетъ, въ одно и то «же время, и жилище людей, имъ управляющихъ, и обширный «подвижной магазинъ» [3]), а извѣстно, что жилища мирныхъ гражданъ Ортоланъ считаетъ неприкосновенными. Затѣмъ, желаніе Ортолана провести какую-то демаркаціонную линію между торговлею на сушѣ и на морѣ, не можетъ осуществиться, ибо противорѣчитъ сущности вещей. Въ самомъ дѣлѣ, и въ томъ и другомъ случаѣ, торговля, какъ привозная, такъ и отпускная, производится частными лицами, весьма различными способами транспортированій, какъ-то: на корабляхъ, по желѣзной дорогѣ, на повозкахъ и т. п. Товары служатъ одной и той же цѣли: доставлять удобства и удовлетворять потребностямъ. Если же частное лицо подвозитъ предметы контрабанды, то чрезъ это занятіе оно лишается мирнаго характера и гарантій, признанныхъ за частными лицами—воюющій имѣетъ право захвата и конфискаціи, какъ товаровъ, такъ и корабля. Въ чемъ же состоитъ эта рѣшительная разница между мирной торговлею на сушѣ и на морѣ, которая оправдываетъ, въ послѣднемъ случаѣ,

[1]) Kaltenborn въ *Bluntschli's* u. *Brater's*, Staatswörterbuch. Bd. VII, S. 375. Art. *Seekrieg*.

[2]) Ortolan. Diplomatie de la mer, t. II, p. 43.

[3]) Hautefeuille. Questions p. 87. Propriétés privées p. 24

конфискацію купеческихъ кораблей съ грузами? Въ чемъ состоитъ, вообще, это существенное различіе между положеніемъ частной собственности на морѣ и на сушѣ? У Ортолана, мы находимъ только краткое упоминаніе о существованіи такого различія, но не доказательства, могущія убѣдить насъ въ дѣйствительности подобной разницы. Этотъ пробѣлъ, въ аргументаціи защитниковъ захвата купеческихъ кораблей, пополнилъ новѣйшій комментаторъ Уитона—Дана, который находитъ недостаточно убѣдительными доводы Уитона, въ оправданіе господствующаго на практикѣ различія между частной собственностью на сушѣ и на морѣ. На Уитона же ссылается Ортоланъ, какъ на авторитетъ. Сущность войны, разсуждаетъ Дана, заключается въ употребленіи политическими тѣлами силы, съ цѣлью принужденія. Употребленіе силы, относительно матеріальныхъ интересовъ, нельзя непредпочитать примѣненію ея въ отношеніи лицъ. «Когда захватываютъ частную собственность, «то это потому, что она такого вида, или въ такомъ положе«ніи, что захватъ ея является законнымъ средствомъ, для при«нужденія державы, съ которой мы въ войнѣ» [1]). Если непріятельская держава имѣетъ интересъ въ собственности, которая можетъ ей пригодится для военныхъ цѣлей, то она, prima facie, подлежитъ захвату. Слѣдовательно, Дана приходитъ къ признанію за воюющими безусловнаго права надъ частной собственностью непріятельскихъ подданныхъ. Но, продолжаетъ онъ, гуманность и политика новѣйшихъ временъ удерживали воюющихъ отъ захвата на сушѣ частной собственности, которая не можетъ быть непосредственно употребляема на войнѣ. Многія причины, вытекающія изъ необозримаго разнообразія видовъ этой собственности, какъ во 1-хъ, трудность различить эти виды; во 2-хъ, необходимость многихъ имуществъ, для поддержанія жизни некомбатантовъ и животныхъ; въ 3-хъ, громадное число вещей и пространствъ, подлежащихъ захвату, со стороны армій; въ 4-хъ, нравственная опасность, соединенная съ поисками и захватами, въ домахъ мирныхъ подданныхъ — все это заставляетъ воюющихъ не конфисковать, во время сухопутныхъ

[1]) Dana's note N 171 to *Wheaton's* Elements. «*Distinction between enemy's property at sea and on land*». «Where private property is taken, it is because it is of such a character or situated as to make its capture a justifiable means of coercing the power with which we are at war». (p. 451).

войнъ, частную собственность. Но ничто подобное не можетъ имѣть мѣста на морѣ, гдѣ, строго говоря, также не захватывается личная собственность (personal effects). Грузъ кораблей состоитъ, обыкновенно, изъ товаровъ, которые, если отправлены въ морѣ, то добровольно; нагружены же они купцами для барыша, и, поэтому, должны подчиняться случайностямъ войны. Цѣль морской торговли — обогащеніе собственника чрезъ плаваніе на волнахъ океана, служащаго, съ другой стороны, общимъ полемъ войны и торговли, которая представляется необходимымъ источникомъ доходовъ для державы, подъ властью которой живетъ собственникъ товаровъ. Однимъ словомъ, заключаетъ Дана, нѣтъ никакихъ причинъ, почему не осуществлять, относительно частной собственности на морѣ (prima facie), право захвата. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти разсужденія американскаго юриста имѣютъ одну цѣль прославлять не ограниченный произволъ воюющаго государства. Частная собственность подлежитъ, prima facie, всегда и вездѣ захвату, и не можетъ быть и рѣчи о какомъ либо *правѣ* мирныхъ гражданъ неприкосновенность своихъ имуществъ. Въ принципѣ, частная собственность никогда не неприкосновенна, но всегда подлежитъ захвату, и, только политическіе виды и собственный интересъ опредѣляютъ поведеніе воюющихъ, относительно частныхъ лицъ. Съ этой точки зрѣнія, приводимое Дана различіе между собственностью на сушѣ и на морѣ обнаруживаетъ только всю его несостоятельность и произвольность. Дѣйствительно, если Дана говоритъ о невозможности различить на сушѣ вещи, изъ которыхъ одни могутъ быть священны, другія —предметомъ продажи, то несомнѣнно, что въ такое же затрудненіе воюющій можетъ быть поставленъ, относительно частныхъ кораблей, на бортѣ которыхъ онъ можетъ находить самые разнообразные предметы. Безспорно также, что вещи, найденныя непріятелемъ на частномъ кораблѣ, весьма часто составляютъ единственную собственность частныхъ лицъ и необходимы для ихъ личнаго существованія. Захватъ одного только корабля можетъ привести въ окончательное разореніе многихъ лицъ, непринимающихъ непосредственно никакого участія въ войнѣ. Если, по мнѣнію Дана, опасно для нравственности разрѣшать обыски въ домахъ мирныхъ гражданъ, съ цѣлью грабежа, то настолько же безнравственно нападеніе вооруженнаго крейсера на беззащитный

корабль, принадлежащій некомбатантамъ. По спрашивается: для чьей же нравственности опасно разрѣшеніе захватывать на сушѣ частную собственность? Очевидно, что только для грабителей, которыхъ, исключительно, имѣетъ въ виду Дана. Слѣдовательно, частная собственность признается, по его мнѣнію, неприкосновенной во время сухопутныхъ войнъ, не на основаніи права, но только потому, что разрѣшеніе захвата вызвало бы нравственную испорченность въ рядахъ арміи! Затѣмъ, намъ кажется, по меньшей мѣрѣ страннымъ мнѣніе Дана, что такъ какъ корабли съ товарами добровольно отправляютъ въ море, ибо они могли бы оставаться въ гаваняхъ и не подвергаться опасности захвата, то воюющій имѣетъ право на конфискацію ихъ. Этотъ доводъ, приводимый уже давно защитниками захвата купеческихъ кораблей [1]), считаетъ доказаннымъ то, что именно требуется доказать: это явная petitio principii. Торговля на сушѣ и на морѣ производится изъ-за выгодъ, и, если допускается первая, то нѣтъ основанія, почему только послѣднюю подвергать захвату, со стороны воюющихъ — было бы несравненно послѣдовательнѣе конфисковать въ обоихъ случаяхъ. Затѣмъ, оба вида торговли производятся для выгодъ, оцѣниваются на деньги и одинаковымъ образомъ обезпечиваются посредствомъ страхованія. Однимъ словомъ, съ точки зрѣнія Дана, всякія частныя и торговыя сношенія во время войны, должны вызывать наказанія, со стороны воюющаго. Наконецъ, всякому извѣстно, что не только море, но и земля есть общее поле для сраженій и торговли; и еслибы, даже, только на морѣ существовала торговля, рядомъ съ войною, то вѣдь и это нисколько не разумная, ни законная причина дать просторъ воюющему произволу. Такимъ образомъ доказательства, приведенныя Дана, съ цѣлью дать разумное основаніе существующей, въ международной практикѣ, несообразности, нисколько не убѣдительны, но напротивъ подтверждаютъ, что только произволъ, утратившій силу на сушѣ, служитъ оправданіемъ захвата частной собственности на морѣ. Дана не привелъ ни одного основательнаго признака морской торговли, который былъ бы въ состояніи дать раціональное основаніе существованію иныхъ отношеній воюющихъ дер-

---

[1]) Срав. напр. *Heno Pöhls.* Handels-Seerecht. IV, S. 1023.
Kaltenborn. Praktisches Seerecht. II, S. 453.

жавъ къ частной собственности на морѣ, чѣмъ на сушѣ; поэтому, его попытка, доказать необходимость захвата купеческихъ кораблей, на основаніи различія между сухопутной и морской торговлею, настолько же неудачна, насколько и желаніе публицистовъ прикрыть различіемъ между моремъ и землею явный произволъ. Чтобы опровергнуть очевидную истину, публицисты во чтобы ни стало и повсюду, стали отыскивать различія и особенности, неотлагательно требующія иного правосознанія, иныхъ отношеній и средствъ войны, для рѣшенія международныхъ столкновеній на поверхности «свободнаго моря, предназначеннаго Провидѣніемъ быть путемъ братскаго соединенія народовъ». Всѣ эти различія, вызванныя патріотическою заботливостью публицистовъ, обнаружили единственно только самопротиворѣчія авторовъ и несостоятельность ихъ разсужденій. Теперь остается намъ разсмотрѣть еще одно различіе, на основаніи котораго, захватъ купеческихъ кораблей признается необходимымъ и законнымъ. Различіе моря отъ земли разсмотрѣно; особенности морской, въ сравненіи съ сухопутной торговлею, также: остается самый корабль, служащій мишенью, для нападеній военныхъ фрегатовъ и крейсеровъ.

Отфель [1]), Ортоланъ [2]), Пистуа и Дюверди [3]) утверждаютъ что купеческій корабль весьма легко можетъ быть превращенъ въ военный, и, такимъ образомъ, сдѣлаться орудіемъ войны. Кромѣ того, экипажъ купеческихъ кораблей представляется непосредственнымъ источникомъ наличнаго состава военнаго флота, и поэтому, воюющій непремѣнно долженъ имѣть право брать въ плѣнъ и матросовъ съ частныхъ кораблей [4]).

Изъ этого возраженія выходитъ, что частная собственность на морѣ должна быть подвергнута конфискаціи, потому что купеческіе корабли могутъ превратиться въ предметъ военной контрабанды. Слѣдовательно, эти публицисты, повидимому, защищаютъ военную контрабанду, въ самомъ широкомъ смыслѣ, такъ что не остается предмета, который не могъ бы подлежать захвату, со стороны воюющаго. Впослѣдствіи мы разсмотримъ

---

[1]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime int. p. 508. 509. Questions p. 87.

[2]) Ortolan. Diplomatie de la mer II, p. 43 etc.

[3]) Pistoye et Duverdy. Traité des prises maritimes, II. p. 20.

[4]) Hautefeuille. Questions, p. 88, 89.

понятіе о военной контрабандѣ, но здѣсь замѣтимъ, что какъ Отфель, такъ и Ортоланъ, на отрѣзъ отказываются признавать военною контрабандою всякій предметъ, который могъ бы служить для военныхъ надобностей. Отфель даетъ намъ возможность опровергнуть его возраженіе его же собственными словами. «Я не могу понять», говоритъ онъ въ другомъ сочиненіи, «какимъ образомъ купеческій корабль, каковы бы ни были «его величина, форма, предназначеніе, можетъ быть предметомъ «военной контрабанды. Купеческій корабль не приспособленъ «для войны и, потому, не можетъ быть непосредственно, безъ «измѣненій и передѣлки, употребляемъ для военныхъ цѣлей и «операцій» [1]). Хотя Отфель имѣетъ здѣсь въ виду нейтральныхъ, за частными же лицами онъ не признаетъ никакихъ правъ, все-таки нельзя не видѣть, въ его словахъ, категорическаго опроверженія того, что купеческій корабль служитъ непосредственнымъ орудіемъ войны. Если же *возможность* обратить купеческое судно въ военный корабль даютъ воюющему *право* захвата, то придемъ къ заключенію, что физическая возможность, или матеріальная сила есть—основаніе права. Но къ чему ограничивать прпложенія принципа возможности, какъ источника права, только относительно купеческихъ кораблей? Вѣдь мирные граждане также могутъ сдѣлаться опасными врагами, почему же не положить сразу конецъ этой опасности и— не истребить ихъ всѣхъ? На это заимствуемъ отвѣтъ у Отфеля: не въ *интересѣ* воюющаго раздражать некомбатантовъ и вести войну съ цѣлымъ народомъ [2]). Можно привести изъ исторіи примѣры, что патріотизмъ всегда съумѣетъ обратить все въ средство войны—извѣстны, напримѣръ, поголовныя возстанія всѣхъ гражданъ, даже женщинъ. Съ точки зрѣнія Отфеля, интересъ и сила—высшій законъ войны, и этимъ, дѣйствительно, можно оправдать захватъ купеческихъ кораблей, но не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, насколько подобное основаніе согласно съ правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ и соотвѣтствуетъ возвышенной задачѣ науки международнаго права.— Упомянутые публицисты требуютъ также захвата купеческихъ кораблей и задержанія ихъ экипажа, на основаніи фактической

---

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, t. II, p. 145.

[2]) Hautefeuille. Questions, p. 77.

возможности, что матросы этихъ кораблей составляютъ личный составъ военнаго флота, и въ особенности Отфель возстаетъ противъ всякаго уподобленія моряковъ мирнымъ жителямъ на непріятельской территоріи. — Однако, международный обычай и огромное большинство писателей признаютъ неприкосновенность лодокъ, судовъ и ихъ экипажа, занимающагося прибрежною рыбною ловлею. Эти суда и рыбаки не подвергаются нападеніямъ, со стороны воюющихъ, и, надо отдать справедливость, что преимущественно французскія судебныя установленія признавали подобную привилегію за людьми, занимающимися рыболовствомъ, какъ для насущнаго пропитанія, такъ и изъ промышленныхъ цѣлей [1]). Въ этомъ обычаѣ, давно уже установившемся, и потомъ весьма часто подтверждаемомъ въ трактатахъ [2]), впервые нарушено правило, что непріятельскія частныя суда подлежатъ конфискаціи, а экипажъ ихъ плѣну. Хотя эта льгота и не распространяется на большую морскую ловлю, и прекращается относительно рыбаковъ, занимающихся прибрежною ловлею, какъ только они вмѣшиваются въ войну,— все-таки нельзя не видѣть, въ этомъ обычаѣ, основанія дальнѣйшему выясненію правъ беззащитныхъ частныхъ лицъ.

Но не смотря на полное наше сочувствіе этому обычаю, отмѣна его, намъ кажется, необходимою, если хоть сколько нибудь основательно признаніе публицистами, на сторонѣ воюющихъ, права задерживать экипажъ купеческихъ кораблей, по поводу его значенія, для военнаго флота. Исторія доказываетъ, что рыболовство, сперва прибрежное, а потомъ морское, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ торговлею и морскимъ могуществомъ народа [3]). Всякій, сильный на морѣ, народъ занимался и занимается рыболовствомъ; мы укажемъ на ганзейцевъ, португальцевъ, голландцевъ, англичанъ и, наконецъ, на народъ Соединенныхъ Штатовъ. Рыболовство, будь оно даже исключительно

---

[1]) Ortolan. Règles internationales, II, p. 51—56.

Dana's note № 168 to *Wheaton's* Elements of Intern. Law. *Heffter.* Europäisches Völkerrecht, S. 246. *Bluntschli.* Völkerrecht, § 667. *Klüber.* Droit des gens, § 274 (c).

[2]) Martens. Récueil des traites, VII, p. 295; *Martens.* Precis du droi des gens, liv. VIII, chap. V, §. 290.

[3]) Roscher. Colonien, Colonialpolitik und Auswanderung. 2-te Aufl. Leipzig u. Heidelberg, 1856, S. 21, 22.

прибрежное, всегда служило лучшею школою для моряковъ, и экипажъ военнаго флота государства комплектуютъ обыкновенно изъ рыбаковъ. Если, слѣдовательно, публицисты требуютъ задержанія матросовъ купеческихъ судовъ, потому что они могутъ очутиться на военныхъ корабляхъ непріятельскаго государства, то тѣмъ болѣе должно требовать задержанія и отвода въ плѣнъ рыбаковъ. Къ этому выводу должна привести публицистовъ большая послѣдовательность въ своихъ разсужденіяхъ. Но, по нашему мнѣнію, экипажъ купеческихъ кораблей долженъ пользоваться такою же неприкосновенностью, какъ и мирный поселянинъ, и только непосредственное вмѣшательство въ войну можетъ лишить того и другаго личной свободы. Матросъ купеческаго корабля настолько же некомбатантъ, какъ и всякій мирный подданный непріятельскаго государства. Такое мнѣніе совершенно согласно съ принципами современнаго права войны, и не становится въ разрѣзъ съ господствующимъ обычаемъ, въ отношеніи неприкосновенности рыбаковъ, но даетъ ему разумное основаніе. Намъ кажется рѣшеннымъ, что о *правѣ* захвата купеческихъ кораблей, на основаніи доводовъ Отфеля, Ортолана, Пистуа и Дюверди, не можетъ быть и рѣчи. Но здѣсь возникаетъ еще другой, болѣе практическій, вопросъ, состоящій въ неразрывной связи съ вышесказаннымъ. Можетъ ли явиться, при современномъ состояніи морскихъ боевыхъ средствъ, купеческій корабль дѣйствительнымъ орудіемъ войны? Отвѣтъ на этотъ вопросъ требуетъ болѣе спеціальныхъ свѣдѣній; мы ограничимся ссылкою на слова Аллисона, который выразился слѣдующимъ образомъ о могущественномъ флотѣ Великобританіи: «Нашъ громадный деревянный флотъ, бывшій такъ долго «гордынею Британіи и ужасомъ всего міра, хранится теперь «безопасно въ гавани Портсмоута, и нигдѣ не можетъ принести ни малѣйшей пользы, во время сраженій на морѣ. Достаточно только одного 300 ф. ядра, чтобы потопить такіе ве«ликолѣпные трехпалубные корабли, какъ «Герцогъ Веллингтонъ». «Дѣйствительно», говоритъ этотъ англичанинъ, «мы «сразу лишились флота, развивавшагося въ теченіе 200 лѣтъ» [1]).

Если совершившіяся, въ орудіяхъ морской войны, преобра-

---

[1]) H. C. Carey. Wirthschaftspolitische Rückblicke auf die letzten zehn Jahre. Deutsche Original-Ausgabe v. *Adler*. München. 1868. S. 63.

зованія и улучшенія такъ гибельно отозвались на силѣ и значеніи существовавшаго военнаго флота, то какъ велика должна быть разница между безоружными купеческими кораблями, предназначенными для чисто мирныхъ цѣлей и панцырными судами? Можно думать, что чѣмъ больше расширится пропасть, отдѣляющая орудія мирнаго прогресса и развитія международной жизни, отъ истребительныхъ орудій войны, тѣмъ осязательнѣе должна проявиться необходимость строгаго выдѣленія интересовъ и права мира, изъ интересовъ и права войны. Разсмотрѣніе этого послѣдняго возраженія составляетъ логическій переходъ, изъ области права, къ соображеніямъ объ удобоисполнимости и практическихъ затрудненіяхъ, вызываемыхъ осуществленіемъ права неприкосновенности купеческихъ кораблей. Мы старались доказать несостоятельность всѣхъ, болѣе или менѣе, юридическихъ доводовъ, приводимыхъ обыкновенно публицистами, противъ предложенія Маркп; теперь мы коснемся, весьма кратко, тѣхъ соображеній, которыми противники неприкосновенности частной собственности на морѣ желаютъ доказать ея вредъ и даже безнравственность.

2. Нѣкоторыя моральныя и политическія соображенія, приводимыя противъ признанія свободы частной собственности на морѣ.

Франклинъ и другіе писатели возставали противъ захвата и конфискаціи купеческихъ кораблей на томъ основаніи, что находили это средство войны противнымъ христіанской нравственности и требованіямъ гуманности. Исходя изъ того начала, что каждый самъ долженъ нести отвѣтственность за свои дѣйствія, и война—это необходимое зло—должна быть ограничена самыми тѣсными рамками, моралисты и философы требовали пощады мирнымъ, беззащитнымъ подданнымъ вообще. Истощивъ весь запасъ юридическихъ и сколько нибудь убѣдительныхъ доказательствъ, противники, защищаемаго нами начала становятся вдругъ защитниками «законовъ гуманности» и «международной нравственности», требуя захвата частной собственности на морѣ, во имя гуманности! Мы старались доказать *право* частныхъ лицъ на неприкосновенность своей собственности и, поэтому, разсужденія о вредѣ этого права, о вызываемой имъ

нескончаемости войнъ, считаемъ вполнѣ условными, ставящими право въ совершенную зависимость отъ политики.

Подробнѣе всѣхъ другихъ публицистовъ, доказываетъ Отфель необходимость захвата купеческихъ кораблей, на основаніи «законовъ гуманности» [1]). Война, говоритъ онъ, неизбѣжное зло, и справедливость и гуманность требуютъ возможнаго ограниченія связанныхъ съ нею опустошеній и бѣдствій. Единственнымъ средствомъ достигнуть этой цѣли представляется: ограниченіе времени войны. Но для того, чтобы война была, по возможности, кратковременна, не слѣдуетъ лишать ее энергіи, и необходимо признать за воюющими право употребленія всѣхъ средствъ, не противныхъ «нравственности народовъ». Война должна быть страшна для монарховъ и для народовъ; этотъ ужасъ заставитъ ихъ отказаться «отъ пустыхъ споровъ» и приведетъ на путь справедливости. Захватъ непріятельской частной собственности на морѣ, конфискація купеческихъ кораблей, задержаніе моряковъ и уничтоженіе морской торговли врага — все это направлено, по мнѣнію Отфеля, непосредственно противъ непріятеля, и существенно способствуетъ сокращенію бѣдствій войны. На этомъ основаніи, уничтоженіе захвата частной собственности, противно гуманности и, кромѣ того, несогласно съ «наиболѣе священными правилами международной нравственности и частной морали», такъ какъ оно обезпечиваетъ ненаказуемость нападеніямъ, совершаемымъ народами и создаетъ, внутри государствъ, классъ людей, чуждый бѣдствіямъ отечества и для котораго война служитъ только новымъ источникомъ доходовъ.

Если мы докажемъ ошибочность основанія этихъ разсужденій, то, разумѣется, и всѣ дальнѣйшіе выводы должны быть признаны несостоятельными. Гуманность и нравственность требуютъ отъ воюющихъ дѣлать другъ другу наименьшее, неизбѣжное зло, но никакъ нельзя признать кратковременность войны, верховнымъ принципомъ права войны. Если считать ту войну наиболѣе согласною съ «законами гуманности», которая ведется наикратчайшее время, то мы послѣдовательно должны согласиться на всѣ жестокости и звѣрства, признанныя воюющимъ необходимыми, для сокращенія войны. Подобное поня-

[1]) Hautefeuille. Questions p. 90, 172. *Ortolan*. II, p. 36, 56. *Pistoye et Duverdy*. Traité des prises, I, p. 16. *Heffter*, S. 250, 471. *De-Negrin* p. 85.

тіе о гуманности даетъ самый широкій просторъ произволу и грубой силѣ, поэтому, противно правосознанію цивилизованныхъ народовъ. Но мы видѣли выше, что такое пониманіе гуманности и «международной нравственности» вполнѣ гармонируетъ со взглядомъ Отфеля о правѣ войны и, кромѣ того, обнаруживаетъ его мнѣніе, что сухопутныя войны болѣе противны законамъ гуманности, чѣмъ существующіе обычаи войны на морѣ [1]). Наравнѣ съ Геснеромъ, мы не стали бы опровергать «теорію, которая, желая ограничить зло, увеличиваетъ его ужасъ и интенсивность» [2]), но эта теорія поддерживается, къ сожалѣнію, почтеннымъ авторитетомъ Гефтера, который также опасается, что признаніе неприкосновенности на морѣ увѣковѣчитъ войну. Современное право войны не оправдываетъ употребленія всѣхъ безразличныхъ средствъ, лишь бы была достигнута цѣль; но уваженія права и юридическаго порядка,— вотъ что требуется отъ воюющихъ. А если ни гуманность, ни право не могутъ требовать непродолжительности войны на счетъ умноженія ея ужасовъ, если международная жизнь цивилизованныхъ народовъ прежде всего стремится къ обезпеченію мира и ограниченію бѣдствій войны, то, меньше всего, достигается эта цѣль захватомъ частной собственности на морѣ. Самое поверхностное знакомство съ исторіею международныхъ отношеній нашего столѣтія, убѣждаетъ, что захватъ купеческихъ кораблей не рѣшаетъ судьбу войны, между тѣмъ какъ достаточно одного морскаго сраженія, для принужденія воюющихъ къ миру. Декреты Берлинскій и Миланскій и распоряженія англійскаго правительства не положили конецъ враждѣ между Франціею и Англіею, но, напротивъ возбудили, съ новою силою, взаимную ненависть и борьбу народовъ, до крайняго ожесточенія. Хотя британскій флотъ и каперы совершенно успѣли очистить открытое море отъ французскихъ кораблей, но всѣмъ извѣстно, что захватъ и конфискація громаднаго числа французскихъ и нейтральныхъ купеческихъ кораблей, не прекратили войну съ первой французской имперіею. Естественное основаніе бытія государства: земля, территорія и завоеваніе ея, всегда положитъ конецъ войнѣ. Только Ватерлооская битва и занятіе

---

[1]) Hautefeuille. Histoire du droit marit. int. p. 512.

[2]) Gessner. Le droit des neutres sur mer. p. 428—429.

Парижа рѣшили судьбу Франціи и Наполеона I [1]). Затѣмъ, послѣдняя германо-итальянская война, въ теченіе которой частная собственность на морѣ была признана неприкосновенною, представила самое блестящее опроверженіе мнѣнія, что отмѣна захвата купеческихъ кораблей непріятельскихъ подданныхъ приведетъ къ нескончаемости войны. Наконецъ, во время междоусобной войны въ Америкѣ, каперы южныхъ штатовъ нанесли, чрезъ захватъ купеческихъ кораблей, дѣйствительно существенный убытокъ торговлѣ федератовъ; но, опять, не они рѣшили исходъ войны, а только увеличили взаимную ненависть и вражду. Такимъ образомъ нельзя доказать, что захватъ купеческихъ кораблей оказываетъ существенное вліяніе на достиженіе цѣли войны, подъ которою мы разумѣемъ достиженіе мира и возстановленіе права; и то и другое законно можетъ быть достигнуто чрезъ уваженіе права и неприкосновенности мирныхъ отношеній частныхъ лицъ между собою. Насколько безспорно, что сокращеніе, во чтобы ни стало, продолжительности войны не соотвѣтствуетъ ни «законамъ гуманности», ни праву войны, настолько же, несомнѣнно, что подобною цѣлью можно оправдывать самый вопіющій произволъ и насиліе воюющихъ — что противорѣчитъ и «международной нравственности», и «морали частныхъ лицъ». Только строгое и послѣдовательное развитіе понятія войны, какъ отношенія государства къ государству, и правильное пониманіе условій развитія международной жизни приводятъ къ истинно гуманнымъ и юридическимъ началамъ, недопускающимъ пожертвованія правомъ въ угоду политическимъ соображеніямъ.

Нѣкоторые защитники захвата купеческихъ кораблей указываютъ еще на невозможность вести правильную морскую войну въ случаѣ признанія ихъ неприкосновенности, потому что, въ такомъ случаѣ, непріятель, будто бы, не имѣетъ права задерживать корабли, нарушившіе блокаду [2]). Притомъ, воюющій можетъ безпрепятственно продолжать свои торговыя сношенія съ другими народами, и такимъ путемъ постоянно увеличивать свои средства обороны, не выпуская своего флота изъ укрѣпленныхъ портовъ [3]).

---

[1]) Срав. Vidari. Del rispetto della proprietà, p. 388.

[2]) Hautefeuille. Questions, p. 196.

[3]) Ortolan. Diplomatie de la mer, II, p. 42 etc.

Право неприкосновенности непріятельской частной собственности нисколько не приводитъ къ коллизіи съ правами воюющихъ державъ, какъ это думаетъ Ортоланъ. Признаніе неприкосновенности купеческихъ кораблей не устраняетъ могущественнаго средства воюющаго—блокировать непріятельскія гавани и берега. Если блокада будетъ дѣйствительная, а не бумажная, то всякій корабль, будь это непріятельскій или нейтральный, немпнуемо подлежитъ захвату и конфискаціи, въ случаѣ ея нарушенія. Блокада настолько же совмѣстна съ свободою непріятельскихъ частныхъ кораблей, насколько она не противорѣчитъ правамъ нейтральныхъ; и дѣйствительная блокада гаваней, разумѣется, устраняетъ всякую возможность безпрепятственныхъ торговыхъ сообщеній. Такимъ же образомъ неприкосновенность частной собственности не отрицаетъ права осмотра воюющихъ государствъ (droit de visite, right of visit and search). Впрочемъ, объ этихъ двухъ вопросахъ мы скажемъ подробнѣе впослѣдствіи. Что же касается постепеннаго увеличенія средствъ обороны, то это возраженіе очевидно имѣетъ въ виду нескончаемость войны—о чемъ мы уже говорили.

Наконецъ остается еще одно политическое возраженіе, развиваемое, весьма подробно и обстоятельно, Отфелемъ [1]). Упомянувъ о томъ, что Мабли и Гальяни только всколзь касались спорнаго вопроса, между тѣмъ какъ Франклинъ и Фридрихъ Великій (заключившіе трактатъ 1785 г.), изъ пустаго тщеславія высказали свои философскія идеи, — Отфель доискивается причины, побудившей Соединенные Штаты явиться защитникомъ неприкосновенности частной собственности на морѣ. Первымъ мотивомъ предложенія Мареи, Отфель считаетъ знаменитую теорію Монрое, а вторымъ—интересы американской торговли. Такъ какъ Соединенные Штаты имѣютъ громадный торговый флотъ, нуждаясь въ защищающемъ его съ достаточной силою военномъ флотѣ, то очевидно, что въ случаѣ войны американскіе купеческіе корабли подлежали бы захвату и конфискаціи. Америка такъ отдалена отъ Европы, что сухопутная вой-

---

Срав. замѣчанія г. *Спасовича*. О правахъ нейтральнаго флага и нейтральнаго груза. С.п.-б. 1851., стр. 9.

[1]) Hautefeuille. Propriétés privées p. 31 etc.
Questions p. 97—106.
Histoire p. 510.

на, на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, потребовала бы непредвидимаго количества расходовъ, безчисленныхъ жертвъ, большой арміи и флота. Единственно только захватомъ купеческихъ судовъ можно вредить Соединеннымъ Штатамъ, и вотъ чѣмъ объясняются неоднократныя попытки Вашингтонскаго правительства освободиться отъ этой Ахилловой пяты. Во имя гуманности, говоритъ Отфель, американцы требуютъ неприкосновенности купеческихъ судовъ, потому что знаютъ какое вліяніе имѣетъ идея гуманности на народы европейскаго материка. На этомъ основаніи, онъ признаетъ уничтоженіе захвата купеческихъ кораблей вредоноснымъ, для всѣхъ европейскихъ государствъ, а преимущественно для Франціи, но исключительно выгоднымъ для Соединенныхъ Штатовъ. — Это возраженіе, высказанное Отфелемъ десять лѣтъ тому назадъ, и повторяемое имъ, безъ всякаго измѣненія, въ настоящее время, опровергнуто фактами, на которые онъ не обращалъ никакого вниманія. Междоусобная война въ Сѣверной Америкѣ доказала всему свѣту, что Соединенные Штаты не лишены громадныхъ средствъ защиты. Вашингтонское правительство довело свои военныя морскія силы до такихъ размѣровъ, которые въ количествѣ, быть можетъ, уступали британскому военному флоту, но безспорно превзошли его въ качествѣ [1]). Слѣдовательно, американскій торговый флотъ не лишенъ защиты. Но, съ другой стороны, Отфель совершенно упускаетъ изъ виду, что междоусобная война неопровержимымъ образомъ доказала развитіе между народами торговыхъ, мирныхъ сношеній, достигшихъ такой степени, что ни одинъ военный флотъ не въ состояніи охранять надлежащимъ образомъ купеческіе корабли. Послѣ этого сдѣлалось совершенно яснымъ, что только покровительство международнаго права дѣйствительно можетъ защищать неотъемлемыя права частныхъ лицъ. Соразмѣрно развитію торговаго флота, увеличивается необходимость въ покровительствѣ, но число купеческихъ судовъ вездѣ далеко превышаетъ составъ военнаго флота. Если же Соединенные Штаты высказались впервые и притомъ, самымъ положительнымъ образомъ, въ пользу неприкосновенности частной собственности на морѣ, то изъ этого никакъ не слѣдуетъ, будто Вашингтонское правительство, въ своихъ по-

[1]) Сансну. Du respect de la propriété privée p. 15.

пыткахъ уничтожить захватъ, руководствовалась исключительно чувствомъ гуманности. Великій основатель Соединенныхъ Штатовъ завѣщалъ имъ миръ и постоянное соблюденіе строгаго нейтралитета, для чего онъ объявилъ опаснымъ и вреднымъ содержаніе большой арміи и военнаго флота [1]). Сознаніемъ мудрости совѣта Вашингтона, проникнись народъ и правительство Соединенныхъ Штатовъ, и, въ теченіе 80-ти лѣтъ, они слѣдовали неуклонно по пути развитія своихъ мирныхъ торговыхъ сношеній съ другими народами. Отзывъ Франклина о захватѣ купеческихъ кораблей, заключеніе трактата въ 1785 г., проектъ конвенціи и переговоры 1823 г., наконецъ, депеша Марси 1856 г.—все это акты одной политики, одного направленія къ бо́льшему обезпеченію мирныхъ связей между народами и къ ограниченію бѣдствій войны. Намъ кажется, что писатель, признавшій всѣ эти попытки и протесты противъ господствующей несправедливости, продуктомъ тщеславія и всепоглощающаго эгоизма, обнаруживаетъ только совершенное непониманіе развитія государственной и международной жизни. На материкѣ стараго свѣта, въ первый разъ была высказана мысль о необходимости уничтожить варварскій обычай и признать неприкосновенность частной собственности на морѣ, и,—въ сильномъ народѣ новаго свѣта, мысль эта нашла неутомимаго борца. Правосознаніе все громче и настойчивѣе требовало признанія общесознаннаго имъ начала; большинство цивилизованныхъ народовъ открыто высказалось за этотъ принципъ и, при всемъ томъ, Отфель утверждаетъ еще, что признаніе его только въ *интересѣ одного* народа, который, подъ благозвучнымъ именемъ гуманности, коварно разставляетъ всѣмъ другимъ народамъ опасныя сѣти. Не отрицаемъ нисколько, что пропаганда Вашингтонскаго правительства, для всеобщаго признанія этого начала, дѣйствительно согласна съ его интересомъ, но только крайне односторонникъ кажется намъ мнѣніе Отфеля, что вся изложенная нами исторія настоящаго вопроса есть ничто иное, какъ ловко подведенная Соединенными Штатами мина на погибель другимъ державамъ. Великая заслуга Соединенныхъ Штатовъ, въ отношеніи этого вопроса, заключается въ безпрестан-

[1]) Correspondance et ecrits de Washington, publiés par *Guizot* 1840, tome VII, p. 158, 166.

Срав. Сагсну. Droit maritime internat. II p. 253.

номъ его возбужденіи и распространеніи; теперь же никакая сила не въ состояніи противостоять теченію и развитію международной жизни и нѣтъ возможности отрицать ясно высказавшееся правосознаніе цивилизованныхъ народовъ. Неприкосновенность частной собственности на морѣ, въ недалекомъ будущемъ, должна быть признана положительнымъ закономъ международнаго права.

Приведенные нами доводы публицистовъ, въ пользу захвата частной собственности во время войны на морѣ, не доказываютъ ни права воюющихъ государствъ на употребленіе этого средства, ни его необходимости для морской войны. Весьма разнообразны были доказательства и опасенія, энергична и непослѣдовательна аргументація, но во всемъ этомъ разнообразіи нельзя не усмотрѣть той общей связи, которая соединяетъ всѣхъ противниковъ свободы купеческихъ кораблей во время военныхъ дѣйствій. Это основаніе на которомъ сходятся защитники захвата, выражено ясно Уитономъ. «Цѣль морской войны», говоритъ онъ, «вредить непріятельской торговлѣ и судоходству, составляющимъ источникъ и жизненный нервъ морскаго могущества непріятельской державы. Эта же цѣль можетъ быть достигнута не иначе какъ посредствомъ захвата и конфискаціи частной собственности» [1]). Очевидно, что воюющій долженъ перерѣзать этотъ жизненный нервъ противника, и, только тогда будетъ достигнута цѣль войны: уничтоженіе непріятельской торговли. Такимъ образомъ писатели по международному праву провозглашаютъ въ XIX ст. теорію, опровергнутую уже въ прошломъ вѣкѣ. Меркантильная и колоніальныя системы не нуждаются и теперь еще въ защитникахъ, такъ какъ признаніе подобной цѣли войны противорѣчитъ основнымъ понятіямъ науки народнаго богатства. Мы не разъ уже старались, доказать громадный вредъ, причиняемый народамъ господствомъ ложныхъ политико-экономическихъ понятій; здѣсь же намъ кажется необ-

---

[1]) Wheaton's Elements of Inter. Law ed. by *Dana* (p. 450—51) «the object of maritime wars is the destruction of the enemy's commerce and navigation, the sources and sinews of his naval power—which object can only be attainded by the capture and confiscation of private property». Срав. *Phillimore's* Inter. Law, vol. III, p. 105 etc. *Heffter*, S. 250, 271. *Ortolan*. Diplomatie de la mer, II, p. 45, 46. *Hautefeuille*. Histoire, p. 38, 509. Questions. p. 86 etc.

ходимымъ, для болѣе основательнаго утвержденія неприкосновенности частной собственности на морѣ, выясненіе тѣсной связи, существующей между развитіемъ права и экономической и культурной жизнью цивилизованныхъ народовъ.

Подобно тому какъ чувство права присуще природѣ человѣка и управляетъ отношеніями людей, такъ точно неразрывно связано съ нею стремленіе человѣка къ свободному самоопредѣленію и къ подчиненію себѣ внѣшняго міра,—что составляетъ необходимое условіе его развитія. Слѣдовательно, источникъ права и стремленія къ подчиненію себѣ внѣшняго міра, одинъ и тотъ же. Соразмѣрно покоренію человѣкомъ себѣ окружающаго міра, или, другими словами, согласно съ развитіемъ средствъ борьбы или благосостоянія, онъ приходитъ къ сознанію условій своего развитія, которое, съ своей стороны, приводитъ неминуемо къ усложненію отношеній людей между собою. Совокупность условій, зависящихъ отъ индивидуальной, свободной воли и необходимыхъ для достиженія всесторонняго развитія, мы признали правомъ, опредѣляющимъ отношенія людей другъ къ другу. И такъ какъ первоначальнымъ условіемъ развитія является удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, которое въ общежитіи не можетъ быть достигнуто иначе, какъ при уваженіи чужаго права, то ясно, что подчиненіе внѣшняго міра, или свободное развитіе личнаго самоопредѣленія стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ развитіемъ права и его соблюденіемъ. Такимъ образомъ, прогрессивное движеніе по пути матеріальнаго благосостоянія и духовнаго развитія, можетъ быть прочнымъ только при непрепятствованіи другимъ, въ борьбѣ ихъ съ подавляющимъ вліяніемъ внѣшняго міра, — однимъ словомъ, при уваженіи ихъ права. При безконечномъ разнообразіи человѣческихъ отношеній и дѣйствій, зависящихъ какъ отъ вліянія окружающаго міра, такъ и отъ индивидуальной воли, никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду той великой истины, что между человѣческими дѣяніями есть взаимная связь, въ силу которой преуспѣяніе одного является моментомъ развитія другихъ. Такую обоюдную условность человѣческихъ отношеній, мы находимъ въ особенности въ государствѣ, представляющимся въ самомъ широкомъ смыслѣ личностью, самоопредѣляющейся и самосознающейся. Государство есть личность самостоятельная, но, въ своемъ развитіи и прогрессѣ, оно зависитъ отъ преуспѣянія и упадка своихъ граж-

данъ, такъ что «мѣра развитія гражданъ служитъ условіемъ и мѣрою развитія самаго государства» [1]). Но государства или организованные народы всегда должны помнить, что они только моменты всемірной жизни, члены человѣчества. Народы не существуютъ для обоюднаго отчужденія и постоянной вражды, но напротивъ, соединены одною человѣческою природою, одною жизнью и единымъ чувствомъ права. Государства необходимо принимаютъ участіе въ политической и культурной жизни народовъ и мѣры, которыми они думаютъ содѣйствовать развитію своихъ собственныхъ гражданъ, непремѣнно должны отозваться, въ теченіе времени, на ихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ или народамъ [2]). Еслибъ государства постоянно имѣли въ виду свою тѣсную связь съ другими государствами, еслибъ они всегда сознавали, что ихъ собственное, дѣйствительное развитіе немыслимо внѣ гармоническаго развитія и безъ взаимности интересовъ съ другими народами,—тогда бы уничтоженіе средствъ сосѣдей, для ихъ благоуспѣянія, не явилось бы задачею государственной политики и цѣлью войны. Всякій ударъ, направленный противъ источника или «жизненнаго нерва» общаго благосостоянія, непремѣнно, рано или поздно, отзовется на всѣхъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что государства прежде всего должны соображаться съ условіями развитія своихъ собственныхъ гражданъ, ибо процвѣтаніе части приводитъ къ преуспѣянію цѣлаго. Однако, если индивидуальная, человѣческая жизнь не ограничивается сферою государства, но ищетъ удовлетворенія условіямъ своего развитія, въ международной жизни; если мѣра развитія гражданъ служитъ мѣрою и условіемъ процвѣтанія государства, то очевидно, что задача государствъ: содѣйствовать всѣми способами правильному теченію и развитію международной жизни. Такимъ образомъ, мы заключаемъ, что противно идеѣ права и международной жизни считать цѣлью спора о правѣ между народами: разореніе непріятельской торговли и благосостоянія.

Иначе понимали государства задачу международныхъ отношеній и цѣль войны въ XVII и XVIII ст. Народы, не только относились безразлично къ процвѣтанію и благосостоянію сво-

---

[1]) Stein. Verwaltungslehre, 1866. Bd I, S. 15.

[2]) Holtzendorff. Principien der Politik, Berlin 1869, S. 317.

ихъ сосѣдей, но, кромѣ того, считали своею высшею обязанностью препятствовать имъ и завистливо исключали другихъ отъ пользованія благами, предоставленными имъ или внѣшними, благопріятными обстоятельствами, или же, пріобрѣтенными собственною предпріимчивостью. Этимъ ложнымъ пониманіемъ условій собственнаго развитія, соотвѣтствующимъ низкой степени цивилизаціи, объясняются меркантильная и колоніальная системы [1]). О сознаніи взаимности интересовъ и уваженіи права не могло быть и рѣчи, ибо каждый народъ стремился вредить другому, и ограничить его производительную дѣятельность и естественное развитіе. Заключеніе торговаго трактата было, по словамъ Бокля, «попыткою одного обмануть другаго, и каждый тарифъ былъ объявленіемъ вражды» [2]). Очевидно, что пока въ этомъ состояла высшая задача государственной политики, пока принужденіе другихъ народовъ къ непроизводительности и возстановленіе монополій признавались необходимыми условіями собственнаго благосостоянія [3]),—до тѣхъ поръ торговля должна была остаться ближайшею причиною войнъ и прекращеніе торговыхъ сношеній между народами: условіемъ и цѣлью войны. Коммерческая зависть и взаимное нерасположеніе народовъ, вызванное отсутствіемъ сознанія международной жизни, и поддерживаемое безпрестанными нарушеніями чужаго права,—привели къ постояннымъ войнамъ и неугасаемой подозрительности и враждебности народовъ. Но мы считаемъ невозможнымъ и противнымъ современной цивилизаціи, признать войну обыкновеннымъ, нормальнымъ состояніемъ современной международной жизни и цѣлью войны: разореніе непріятельской торговли. Колоніальная и меркантильная системы осуждены окончательно. Торговля, бывшая нѣкогда постоянною причиною войнъ, превратилась теперь въ главную помѣху ихъ возникновенія, и сознаніе общности интересовъ, соединяющее всѣхъ въ стремленіи къ полному, мирному своему развитію, обхватываетъ все болѣе и болѣе народы, и должно привести къ сознанію, что преуспѣя-

---

[1]) Roscher. Colonien, Colonialpolitik und Auswanderung. S. 143—303.

[2]) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи, т. I, ч. I, стр. 161.

[3]) Лордъ Шеффильдъ сказалъ: «The only use of American colonies or West-India island is the monopoly of their consumption and the carriage o their produce».

(Roscher. Colonien, Colonialpolitik, S. 243).

ніе одного служитъ залогомъ развитія другаго. Сношенія между народами, происходящія и на сушѣ и на водѣ, съ удивительной скоростью и легкостью, приблизили другъ къ другу народы и распространяютъ взаимное уваженіе ко всѣмъ «братьямъ по человѣчеству». Торговля, благодаря желѣзнымъ путямъ сообщенія достигла громадныхъ размѣровъ на сушѣ, такъ что Коши имѣетъ основаніе говорить о «континентальной навигаціи» [1]). Затѣмъ, морская торговля не признается наукою главнымъ или единственнымъ источникомъ народнаго благосостоянія, какъ прежде. Слѣдовательно, нѣтъ и этого основанія стремиться къ уничтоженію торговли сосѣдей, желая этимъ путемъ перерѣзать ихъ «жизненный нервъ». Но торговля, безъ сомнѣнія, сближаетъ и соединяетъ народы, возбуждаетъ въ нихъ сознаніе солидарности интересовъ и является, во всякомъ случаѣ, самымъ существеннымъ признакомъ международной жизни; слѣдовательно, неопровержимо, что покровительство мирнымъ, торговымъ сношеніямъ между народами есть обязанность государствъ и требуется условіями развитія народовъ. Наконецъ теперь, когда всякій человѣкъ вездѣ, въ какомъ бы цивилизованномъ государствѣ онъ ни былъ, пользуется покровительствомъ законовъ и, когда получили полное признаніе неотъемлемыя его права на неприкосновенность лица и собственности, нельзя не придти къ заключенію, что право развилось согласно развитію условій жизни. Если же война есть законное средство для рѣшенія международныхъ столкновеній, то ея цѣлью не можетъ быть, на основаніи вышесказаннаго, уничтоженіе торговли, но должно быть возстановленіе мира и нарушеннаго права. Если же уваженіе права и, въ данномъ случаѣ, правъ частныхъ лицъ есть необходимое условіе развитія международной жизни, то неприкосновенность частной собственности вездѣ, гдѣ бы она ни была, должна быть соблюдаема воюющими государствами.

Такимъ образомъ, мы считаемъ доказаннымъ, что захватъ частной собственности на морѣ противенъ правосознанію цивилизованныхъ народовъ и нѣтъ, ни разумныхъ, ни основательныхъ доводовъ, оправдывающихъ его или какъ цѣль, или какъ средство войны. Если же еще не всѣ государства проникнуты уваженіемъ къ праву, и произволъ еще не лишился своихъ по-

---

[1]) Cauchy. Droit maritime internat, tome II, p. 490.

клонниковъ, то задача науки международнаго права выяснить идею права и условія прогрессивнаго движенія международной жизни; но она не можетъ ограничиваться признаніемъ унаслѣдованнаго, варварскаго обычая, неопровержимымъ принципомъ и аксіомою. Не въ первый и не въ послѣдній разъ, противники истины грозятъ послѣдствіями ея приложенія, — все-таки, неудержимое развитіе жизни ручается за провозглашеніе неприкосновенности частной собственности на морѣ положительнымъ закономъ международнаго права.

Однако, защитники частной войны на морѣ спрашиваютъ: возможна-ли будетъ вообще морская война, въ случаѣ признанія неприкосновенности частной собственности? Такъ какъ купеческіе корабли должны пользоваться полной неприкосновенностью, то воюющій не долженъ имѣть права ихъ задерживать за производство торговли предметами, запрещенными современнымъ правомъ войны и за нарушеніе блокады.

Посмотримъ насколько справедливы эти утвержденія, и насколько признаніе правъ частныхъ лицъ противорѣчитъ энергическому веденію войны.

ГЛАВА IX.

О ВЛІЯНІИ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕПРІЯТЕЛЬСКОЙ ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, ВО ВРЕМЯ МОРСКОЙ ВОЙНЫ, НА УЧЕНІЕ О ВОЕННОЙ КОНТРАБАНДѢ И БЛОКАДѢ.

До настоящаго времени военная контрабанда и блокада касались, непосредственно, правъ и обязанностей нейтральныхъ, и, только въ этомъ отношеніи, онѣ обсуждались въ наукѣ международнаго права. Признаніе неприкосновенности частной собственности на морѣ ставитъ частныхъ лицъ въ положеніе нейтральныхъ, такъ что выработанныя въ международномъ правѣ ученія о военной контрабандѣ и блокадѣ должны получить примѣненіе относительно купеческихъ кораблей, принадлежащихъ мирнымъ подданнымъ воюющихъ государствъ. Но къ сожалѣнію, теоріи этихъ двухъ вопросовъ весьма шатки и, въ современномъ международномъ правѣ еще не выяснились твердыя, незыблемыя основанія военной контрабанды, а отчасти и блокады,

которыя преградили бы путь произволу и сомнѣніямъ. Поэтому, если оставить неопредѣленными случаи, когда частныя лица за вмѣшательство въ войну, въ особенности посредствомъ подвоза военной контрабанды, могутъ законно лишаться своей собственности, то произволъ воюющихъ обратился бы въ ничто признанную неприкосновенность. Точно также, необходимо опредѣлить условія правильной блокады и послѣдствія ея нарушенія, въ противномъ случаѣ всякій частный корабль можетъ подвергнуться конфискаціи, за нарушеніе фиктивной блокады.

На этомъ основаніи, мы обратимся къ разсмотрѣнію ученія о военной контрабандѣ и правѣ блокады, опасаясь, чтобъ неопредѣленность того и другаго, не служила прикрытіемъ насилія и явнаго нарушенія правъ частныхъ лицъ.

I. О военной контрабандѣ.

Ученіе о военной контрабандѣ принадлежитъ, безъ всякаго сомнѣнія, къ самымъ шаткимъ и спорнымъ вопросамъ международнаго права. Множество трактатовъ стремились опредѣлить точнѣе кругъ предметовъ, могущихъ придавать нейтральной торговлѣ, враждебный и пристрастный характеръ. Всѣ, болѣе или менѣе, извѣстные юристы и публицисты, начиная отъ Гуго Гроція и кончая Блунчли, старались дать юридическое основаніе военной контрабандѣ. ограничить согласно существу предметовъ ея предѣлы и, наконецъ, опредѣлить неминуемо вытекающія послѣдствія; но и до настоящаго времени, опредѣленность этого «nobilissima juris gentium quaestio» еще далеко неудовлетворительна. Извѣстно, что всѣ публицисты, при обсужденіи военной контрабанды, имѣли исключительно въ виду подданныхъ нейтральныхъ государствъ; между тѣмъ какъ торговля мирныхъ гражданъ непріятеля вполнѣ была предоставлена праву силы воюющихъ державъ. Выработанное въ международномъ правѣ ученіе о военной контрабандѣ, во всей своей неопредѣленности, должно служить также мѣриломъ для опредѣленія отношеній воюющихъ государствъ къ частнымъ лицамъ. Поэтому, необходимо путемъ историческимъ, на основаніи положительныхъ данныхъ, дойти до большей ясности въ этомъ вопросѣ, представляющемъ такую опасность защищаемому нами началу.

1. Историческій очеркъ военной контрабанды.

Историческое происхожденіе военной контрабанды доходитъ до временъ древнихъ народовъ, когда государства строго воспрещали своимъ подданнымъ входить въ какія либо сношенія съ непріятелемъ; между тѣмъ, какъ граждане нейтральнаго государства, оказывающіе помощь одному изъ воюющихъ, объявлялись другимъ въ числѣ своихъ враговъ. Извѣстно, что римскіе императоры запретили продавать оружіе варварамъ [1]). Но только въ среднихъ вѣкахъ выработалось настоящее понятіе о военной контрабандѣ. Во время крестовыхъ походовъ, папы возбраняли христіанскимъ народамъ подвозить сарацинамъ желѣзо, какія либо орудія и съѣстные припасы. Нарушеніе воли папы влекло за собою отлученіе отъ церкви (bannum); вслѣдствіе чего выработалось слово *контрабанда* (contra bannum или contrabandum). Отъ войнъ между христіанами и невѣрующими, слово и понятіе военной контрабанды вошли постепенно въ международную практику христіанскихъ народовъ, и пріобрѣли себѣ полное право гражданства. Съ возникновеніемъ правильныхъ войнъ на морѣ и водвореніемъ большаго порядка въ каперствѣ, мало по малу, стала выясняться обязанность нейтральныхъ, не подвозить воюющимъ товаровъ, пригодныхъ для непосредственнаго употребленія на войнѣ. Подъ военною контрабандою начали разумѣть имущества, чрезъ подвозъ которыхъ нейтральный намѣренъ оказать непосредственную помощь воюющему, не желая притомъ лишиться своего нейтральнаго характера. Все затрудненіе заключается, именно въ точномъ опредѣленіи предметовъ, которые нейтральный доставляетъ воюющему, вмѣшиваясь въ войну. Въ особенности въ теченіе послѣднихъ трехъ вѣковъ. государства старались въ заключенныхъ трактатахъ опредѣлить обязанность нейтральныхъ не заниматься контрабандною торговлею и, кругъ предметовъ, составляющихъ военную контрабанду. Трактаты и международный обычай признаютъ за воюющими, задержавшими нейтральный корабль съ грузомъ военной контрабанды, право конфискаціи запрещенныхъ товаровъ.

Но, если до послѣдняго времени въ морскихъ войнахъ го-

[1]) Gessner. Le droit des neutres sur mer, p. 71.

сподствовалъ вопіющій произволъ, то понятно, что воюющія державы рѣдко держались точнаго смысла заключенныхъ, въ мирное время, трактатовъ, въ которыхъ были исчислены предметы военной контрабанды. Естественно, что заключались даже трактаты съ точнымъ исчисленіемъ предметовъ, вызвавшихъ недоразумѣнія и не подлежащихъ, ни въ какомъ случаѣ, конфискаціи. Кромѣ того, трактаты признаютъ неотъемлемое право нейтральнаго — имѣть на бортѣ своего корабля оружіе и военные снаряды, необходимые для собственной обороны, и конфискація ихъ недопускается международнымъ правомъ. — Къ трактатамъ, служившимъ образцомъ въ опредѣленіи контрабанды, можно отнести Пиринейскій трактатъ 1659 г. и Утрехтскую торговую конвенцію, заключенную 11 апрѣля (н. с.) 1713 г. Въ ст. XII Пиринейскаго трактата приведены какъ предметы военной контрабанды, исключительно, орудія войны того времени, а затѣмъ прибавлено: «и другіе снаряды, служащіе военнымъ цѣлямъ» [1]). Почти буквальное повтореніе этой статьи представляетъ ст. XIX Утрехтскаго трактата, къ которой такъ же прибавлена формула, сдѣлавшаяся обычною: «и всѣ другія подобныя орудія и военные снаряды, которые употребляются въ арміяхъ» [2]). Опредѣленіе военной контрабанды, данное Утрехтскимъ трактатомъ, было подписано Англіею, Голландіею, Испаніею и Франціею — главными морскими державами, до вступленія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ число государствъ, признающихъ европейское международное право. Соединенные Штаты постоянно стремились къ ограниченію военной контрабанды предметами предназначенными непосредственно для военныхъ цѣлей. Мало того, знаменитый трактатъ 1785 г. представляетъ также замѣчательную попытку ограничить, насколько возможно, произволъ воюющихъ державъ, которыя, опираясь на свое могущество, какъ въ особенности Великобританія, производили конфискацію нейтральныхъ имуществъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ войнѣ. Статья XIII трактата заявляетъ о желаніи договаривающихся избѣгнуть затрудненій, возникающихъ постоянно при опредѣленіи предметовъ военной контрабанды, какъ напр. оружія, военной аммуниціи

[1]) Dumont. Corps diplomatique, tome VI, part. II, p. 264.
[2]) Dumont. Corps diplomatique, VIII, part. I, p. 345.

и т. п. Ни одинъ изъ этихъ предметовъ, обыкновенно составляющихъ военную контрабанду, нагруженный на корабль подданнаго одной нейтральной стороны и предназначенный для непріятеля другой договаривающейся стороны, не долженъ считаться военной контрабандою и не подлежитъ конфискаціи. Воюющей сторонѣ разрѣшается только задерживать эти товары, настолько времени, насколько она находитъ нужнымъ и, если пожелаетъ, можетъ ихъ купить. Притомъ задерживающая сторона обязана справедливымъ образомъ вознаграждать частныхъ лицъ, потерпѣвшихъ отъ наложенія ареста; если же собственникъ контрабанды отдаетъ ее добровольно воюющему, то онъ долженъ быть отпущенъ, безъ всякаго замедленія [1]). Это постановленіе трактата было повторено, затѣмъ, въ договорѣ 1799 г., съ той только разницею, что договаривающіяся стороны исчисляютъ, въ послѣднемъ трактатѣ, всѣ предметы военной контрабанды, относительно которыхъ они допускаютъ только право задерживанія (droit de rétention) и право первой покупки (droit de préemption). Но, въ международной практикѣ, право конфискаціи военной контрабанды одержало верхъ надъ правомъ преемпціи, и только въ теченіе XVII ст. мы встрѣчаемъ трактаты [2]), вовсе не признающіе военной контрабанды, и право нейтральныхъ—продолжать свободно свои торговыя сношенія съ воюющими сторонами—не подвергалось никакимъ ограниченіямъ.

Оба вооруженные нейтралитета не ввели ничего новаго, кромѣ большей опредѣленности, въ господствующую практику, въ которой военная контрабанда, обыкновенно, ограничивалась предметами непосредственно приспособленными для военныхъ надобностей. Декларація Императрицы Екатерины II ссылалась на трактатъ 1766 г., заключенный Россіею съ Англіею, въ которомъ военная контрабанда ограничивается также предметами, служащими военнымъ цѣлямъ [3]). Весьма точно опредѣлена военная контрабанда въ конвенціи, заключенной въ 1800 г. между Россіею и Даніею. Въ этомъ трактатѣ категорически постановлено: не считать военною контрабандою всѣхъ предметовъ, не исчисленныхъ въ немъ [4]). Довольно точное опредѣленіе военной кон-

[1]) Martens. Récueil des traités, II, p. 566.

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des neutres, p. 95.

[3]) Martens. Récueil, I, p. 141.

[4]) Martens. Récueil, suppl. II, p. 399.

трабанды дастъ знаменитая морская конвенція 1801 г., заключенная между Россіею и Англіею. — Впрочемъ, хотя и были заключаемы трактаты, распространившіе предѣлы военной контрабанды на предметы, безъ которыхъ вообще торговля невозможна, но такихъ договоровъ, по словамъ Отфеля, не болѣе десяти. «Если разсматривать ихъ», говоритъ Отфель, «съ большимъ вниманіемъ, то нельзя не видѣть, что они лишены серьезнаго значенія. Почти всѣ они были результатомъ чрезвычайныхъ, исключительныхъ обстоятельствъ, которыя объясняютъ запрещеніе, и, въ то же время лишаютъ ихъ вліянія, признаваемаго за актами международной юриспруденціи» [1]). Эти трактаты наложили запрещеніе на съѣстные припасы, золото и серебро, въ видѣ монеты или въ слиткахъ, на металлы и, вообще, на всѣ матеріалы, нужные для устройства и исправленія кораблей. Въ особенности Англія расширила военную контрабанду до невѣроятныхъ размѣровъ, такъ что не осталось ни одного предмета, конфисковать который она не считала бы себя въ правѣ, какъ воюющая держава. Преимущественно войны конца прошлаго столѣтія дали Англіи, и ея патріотическимъ судьямъ и публицистамъ, случай испытывать свое остроуміе на подведеніи всякой нейтральной собственности подъ категорію военной контрабанды. Такъ, мы упомянули выше о распоряженіи британскаго правительства 1793 г., которымъ оно разрѣшило своимъ крейсерамъ задерживать нейтральные корабли съ грузомъ хлѣба, и отводить ихъ въ англійскую гавань [2]). Въ оправданіе своего распоряженія, Великобританія привела то, что, согласно современному международному праву, всѣ съѣстные припасы считаются военной контрабандою, и подлежатъ конфискаціи, если ихъ захватъ можетъ принудить непріятеля къ миру [3]). Эта теорія встрѣтила сильный отпоръ со стороны нейтральныхъ державъ: Даніи, Швеціи и Соединенныхъ Штатовъ. Графъ Бернсторфъ, бывшій въ то время главою датскаго правительства, возсталъ противъ британскихъ претензій

---

[1]) Hautefeuille. Des droits, II, p. 90. См. трактатъ 1604 г. между Англіею и Испаніею; 1614 г. Швеціи съ Нидерландами; 1630 г. Франціи съ Испаніею.

[2]) Bello. Principios de derecho internacional, p. 228.
Kent's Commentary on International Law, ed. by *Abdy*, p. 355.

[3]) Wheaton's Elements of Inter. Law ed. by *Dana* § 490 (p. 621).

съ такимъ мужествомъ и искусствомъ, что даже Филлиморъ считаетъ отвѣтъ графа «весьма замѣчательнымъ дипломатическимъ документомъ, и такимъ основательнымъ изложеніемъ основныхъ принциповъ международнаго права, которымъ могъ бы похвалиться какой угодно вѣкъ и всякая страна» [1]). И, дѣйствительно, датское правительство доказало, самымъ убѣдительнымъ образомъ, право нейтральныхъ на продолженіе съ воюющими торговли такими предметами, которые, какъ напр. съѣстные припасы, не служатъ непосредственно для военныхъ цѣлей. Къ весьма непрактическому результату, привели начатые, по поводу этой же инструкціи британскаго правительства, переговоры Соединенныхъ Штатовъ съ Великобританіею [2]). Вашингтонское правительство отстаивало свободу своей торговли, и отрицало право Англіи разорять земледѣліе Соединенныхъ Штатовъ. Эти интересные переговоры кончились заключеніемъ въ 1794 г. трактата, въ которомъ опредѣляется кругъ предметовъ военной контрабанды. Но спорный вопросъ остался нерѣшеннымъ, ибо въ § 2 ст. XVIII сказано: «Такъ какъ весьма трудно опредѣлить случаи, когда съѣстные припасы и другіе предметы, не составляющіе вообще военной контрабанды, могутъ быть признаны таковою, то договаривающіяся стороны согласились, что, во избѣжаніи недоразумѣній, эти предметы не должны быть конфискованы, но каждый разъ, когда они, на основаніи международнаго права, могутъ считаться военной контрабандою и будутъ задержаны, воюющій обязанъ удовлетворить, надлежащимъ образомъ, собственника такихъ товаровъ [3]). Эта статья, предоставляющая воюющему право считать всѣ нужные, для его интересовъ, предметы за военную контрабанду (contrebande ad libitum), отличается притомъ такою неопредѣленностью, при которой невозможны никакія правильныя, международныя отношенія. Понятно, что этотъ трактатъ вызвалъ вскорѣ новыя недоразумѣнія и затрудненія, такъ какъ Великобританія продолжала захватывать нейтральные американскіе корабли съ грузами хлѣба [4]).

---

[1]) Phillimore's Inter. Law, vol. III, p. 339.
[2]) Wheaton's Elements § 491.
[3]) Martens. Rècueil des traitès, t. V, p. 643.
[4]) Wheaton's Elements of Inter. Law. §§ 490—501.
Wheaton. Histoire du droit des gens II, p. 40 etc.

Если еще упомянуть о конвенціи, заключенной въ 1803 г. Англіею съ Швеціею, въ которой изъяснена ст. XI трактата 1661 г., постановившая считать военной контрабандою съѣстные припасы и деньги, то это будетъ послѣдній международный актъ, расширившій такъ далеко кругъ предметовъ запрещенной торговли. Во всѣхъ послѣдующихъ трактатахъ и конвенціяхъ XIX ст., военная контрабанда ограничена предметами, непосредственно приспособленными для военныхъ дѣйствій. По случаю послѣдней восточной войны британское правительство воспретило своимъ подданнымъ вывозить предметы военной контрабанды, къ которымъ оно отнесло, между прочимъ, машины, цилиндры, котлы и разныя принадлежности для кораблей [1]). Французское правительство издало декретъ подобнаго же содержанія, которымъ французскимъ подданнымъ запрещалось вывозить лошадей, машины и, вообще, всѣ предметы, необходимые для мореплаванія [2]). Хотя эти опредѣленія и изданные, въ то же самое время, законы нейтральныхъ державъ, также исчисляющіе предметы военной контрабанды, безусловно акты внутренняго управленія страны, но въ нихъ выражается взглядъ даннаго правительства на этотъ вопросъ международнаго права, и, по этой причинѣ, они заслуживаютъ вниманія. Англія не отказалась, до настоящаго времени, отъ своего широкаго, произвольнаго пониманія военной контрабанды, и Парижская декларація, обезпечившая права нейтральныхъ, оставила безъ всякаго опредѣленія военную контрабанду, предоставивъ его совершенно на произволъ воюющей державы. Только въ новѣйшее время Великобританія испытала положеніе нейтральнаго государства, и слѣдовательно, была вынуждена отнестись болѣе осторожно къ опредѣленіямъ военной контрабанды. Когда возникла война 1859 г., британское правительство обнародовало прокламацію касательно торговли военной контрабандою, со стороны англійскихъ подданныхъ; но необходимо замѣтить, что оно не сдѣлало даже попытки опредѣлить ее сколько нибудь точнымъ образомъ [3]). Вызванное на объясненіе—считать ли каменный уголь за предметъ военной контрабанды—англійское правитель-

[1]) Soetbeer. Sammlung officieller Actenstücke. S. 9, 18, № 104. Grundzüge des See-Völkerrechts der Gegenwart. S. 4.

[2]) Soetbeer. Sammlung offic. Actenstücke, S. 19.

[3]) Soetbeer. Neue Sammlung 1, S. 11.

ство отвѣтило: «ему кажется, что по современному состоянію морскихъ боевыхъ сооруженій, каменный уголь, во многихъ случаяхъ, можетъ быть признанъ за контрабанду, и, во всякомъ случаѣ, торговля этимъ предметомъ рискована, и не должна разсчитывать на заступничество правительства» [1]). Но, въ особенности, междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ предоставила Англіи удобный случай, высказать большее уваженіе правъ нейтральныхъ, и требовать ограниченія военной контрабанды въ предѣлахъ, принятыхъ французской практикою [2]). Франція почти постоянно ограничивала контрабанду орудіями и военной аммуниціею, и, въ теченіе восточной войны, она не согласилась слѣдовать англійскому толкованію правъ воюющихъ, относительно запрещенной торговли, производимой нейтральными. Наконецъ во время послѣдней германо-итальянской войны, военная контрабанда была ограничена также предметами, служащими непосредственно для морскихъ и сухопутныхъ вооруженій. Итальянское правительство запретило, кромѣ того, торговлю селитрою и сѣрою [3]).

Изъ этого очерка развитія военной контрабанды, намъ кажется возможнымъ вывести слѣдующія главныя заключенія: во 1-хъ, громаднымъ большинствомъ международныхъ трактатовъ признано право нейтральныхъ —продолжать свои торговыя сношенія съ воюющими; во 2-хъ, государства, въ заключенныхъ ими трактатахъ, предоставляютъ другъ другу, въ случаѣ войны, право наказанія тѣхъ подданныхъ нейтральной державы, которые застигнуты воюющимъ, при подвозѣ непріятелю военной контрабанды; наконецъ въ 3-хъ, ограниченіе свободы нейтральной торговли, или военная контрабанда обнимаетъ только предметы, приспособленные и служащіе, *непосредственно*, для войны, какъ: орудія, военная аммуниція и матеріалы, приготовленные для сооруженія военныхъ кораблей. Кромѣ трактатовъ, военная контрабанда опредѣлялась также въ актахъ внутренняго законодательства, и мы упомянули выше о декретахъ и распоряженіяхъ правительствъ, въ которыхъ подданные предупреждались

[1]) Wheaton's Elements, note № 226 by Dana (p. 632).
Kent's Commentary ed by *Abdy*, p. 360.

[2]) Депеша лорда Росселя 23-го января 1862 г.
Soetbeer. Neue Sammlung officieller Actenstücke, III, 1862, S. 90.

[3]) Vidari. Del rispetto della proprietà, p. 299.

на счетъ опасности, сопряженной съ торговлею извѣстными предметами. Однако, могущественныя державы не ограничивались предписаніемъ правилъ своимъ согражданамъ и, вопреки общепризнанной автономіи государствъ, издавали законы, вмѣняющіе въ обязанность нейтральнымъ не производить, подъ страхомъ наказанія, торговли товарами, объявленными совершенно произвольнымъ образомъ военною контрабандою. Вообще замѣтимъ, что всѣ государства, сознающія въ данное время свою силу, пользовались возможностью разорять нейтральную торговлю, расширеніемъ понятія контрабанды. Такъ, могущественная Ганза находила возможнымъ запрещать нейтральнымъ не только торговлю военными снарядами и съѣстными припасами, но и препятствовать даже, вообще, всякому сообщенію нейтральныхъ, съ ея непріятелемъ [1]). Голландія, будучи въ XVII в. великой морской державою, опредѣлила въ эдиктахъ 1657, 1665, 1672, 1689 гг. военную контрабанду, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и съѣстные припасы всегда конфисковались ею на нейтральныхъ кораблихъ, какъ запрещенный товаръ [2]). Франція объявила, въ регламентахъ 1704 и 1744 гг., военною контрабандою сырье и, вообще, всѣ произведенія, вывозимыя нейтральными изъ страны непріятеля. Но королевскимъ регламентомъ 1778 г. были отмѣнены эти аномальныя распоряженія, и морской ордонансъ 1681 г., ограничивающій военную контрабанду орудіями и военной аммуниціею, получилъ снова полную силу [3]). Но постоянному и могущественному нарушителю нейтральныхъ правъ, Великобританіи, военная контрабанда была лучшимъ средствомъ осуществлять замыслы своей торговой завистливости. Англійское правительство не разъ запрещало нейтральнымъ всякую торговлю съ ея врагами, и, начиная съ конца XVII ст., въ Англіи вошло въ обычай, опредѣлять при возникновеніи каждой войны, смотря по обстоятельствамъ, военную контрабанду. До настоящаго времени Великобританія еще не выказала желанія отказаться, въ случаѣ войны, отъ произвольной конфискаціи всякой нейтральной собственности, подъ благовиднымъ прикрытіемъ военной контрабанды. Вообще во-

---

[1]) Pütter. Beiträge zur Geschichte, S. 155.

[2]) Bynkershoek. Quæstiones juris publici, lib. I, cap. X. «*De his, quae ad amicorum nostrorum hostes non recte advehuntur*».

[3]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, p. 108.

просъ о военной контрабандѣ еще далеко нельзя считать рѣшеннымъ въ международномъ правѣ. Кругъ предметовъ запрещенной торговли расширялся произвольно, смотря по силѣ воюющихъ и обстоятельствамъ времени. Державы до сихъ поръ не приняли никакихъ общихъ мѣръ, для точнаго опредѣленія и установленія понятія о военной контрабандѣ, а между тѣмъ орудія военныхъ дѣйствій умножаются и усложняются безостановочно; съ другой стороны, торговыя сношенія—орудія космополитизма—все уже и неразрывнѣе упрочиваютъ мирныя связи между странами и народами. Оставить, при такихъ условіяхъ, неопредѣленною военную контрабанду, значитъ: узаконить, въ рукахъ воюющихъ, средство разорять въ конецъ всякую торговлю, прекращать всякія мирныя сношенія между народами, и отрицать необходимость международной жизни. Очевидно, что даже Парижская декларація не можетъ преградить путь явнымъ насиліямъ воюющихъ державъ, такъ какъ воюющій, подозрѣвая, что нейтральный корабль везетъ военную контрабанду, имѣетъ право его остановить, осмотрѣть и отвести въ свою гавань, гдѣ почти всегда состоится присужденіе захватившему приза. Но, пока государства еще не согласились дать опредѣленной формы давно высказавшемуся въ трактатахъ международному правосознанію, наука международнаго права должна выяснить юридическое, положительное основаніе понятія о военной контрабандѣ, и опредѣлить ея границы. Писатели, къ сожалѣнію, такъ сильно расходятся въ результатахъ своихъ изслѣдованій, что и до настоящаго времени нельзя считать даже общепризнаннымъ основаніе всего ученія о военной контрабандѣ, по которому нейтральный, чрезъ подвозъ воюющему орудій, не исполняетъ своей прямой обязанности, и нарушаетъ соотвѣтствующее право другаго воюющаго. Неудивительно поэтому, если Гефтеръ провозглашаетъ однимъ изъ принциповъ будущаго, пока идеальнаго, международнаго кодекса: уничтоженіе военной контрабанды и полную свободу торговли между нейтральными и воюющими государствами [1]).

[1]) Heffter. Europäisches Völkerrecht, S. 320.

Отрицаютъ юридическое основаніе военной контрабанды: *W. Lawrence.* Visitation and search, p. 11 *De Negrin,* secc. II, cap. III. (*Vidari.* Del rispetto, p. 309).

2. Юридическое основаніе военной контрабанды.

Первые писатели по международному праву совсѣмъ не касались юридическаго основанія военной контрабанды. Выходя изъ фактической власти воюющихъ задерживать нейтральный корабль, съ непріятельскимъ грузомъ или съ товарами, признанными военной контрабандою въ международныхъ трактатахъ—писатели считали воюющихъ въ правѣ конфисковать такіе товары. Но, такъ какъ воюющія державы расширяли, весьма часто, до явно несправедливыхъ размѣровъ, кругъ предметовъ военной контрабанды, то первый вопросъ, разрѣшеніемъ котораго занялась теорія, былъ: какіе предметы составляютъ военную контрабанду, и могутъ быть, въ силу этого, конфискованы? Этотъ вопросъ желалъ также рѣшить Гуго Гроцій, первый изложившій различіе между абсолютною и относительною контрабандою. Гроцій раздѣляетъ всѣ объекты торговли на 3 разряда: во 1-хъ, предметы, употребляемые исключительно только во время войны, какъ: оружіе; во 2-хъ, вещи, которыя служатъ единственно для удовольствія и прихотей; наконецъ въ 3-хъ, вещи, имѣющія одинаковое значеніе, и въ войнѣ и въ мирѣ, какъ: деньги, съѣстные припасы, корабли и все необходимое для ихъ устройства [1]). Согласно этой теоріи, вещи перваго класса должны всегда подлежать конфискаціи; втораго никогда, а третьяго, только въ случаѣ необходимости, и собственникъ этихъ вещей долженъ получить за нихъ вознагражденіе. Такъ какъ воюющій не имѣетъ безусловнаго права конфискаціи вещей третьяго разряда, то все затрудненіе заключается въ опредѣленіи случаевъ и условій, когда за нимъ должно признать это право. Гуго Гроцій требуетъ, чтобы обращали вниманіе на данное состояніе войны (distinguendus erit belli status), и, если воюющій только посредствомъ захвата нейтраль-

[1]) H. Grotii, De jure belli ac pacis, lib III, cap. I, § V, 2) «Primum distinguendum inter res ipsas. Sunt enim quae in bello tantum usum habent, ut arma: sunt quae in bello et extra bellum nullum habent usum ut quae voluptati inserviunt: sunt quae in bello et extra bellum usum habent, ut pecuniae, commeatus, naves et quae navibus adsunt. In primo genere verum est dictum..... in hostium esse partibus, qui ad bellum necessaria hosti administrat. Secundum genus querelam non habet. 3) In tertio illo genere *usus ancipitis*, distinguendus erit belli status — necessitas jus dabit, sed sub onere restitutionis, nisi causa alia accedat».

ной собственности думаетъ побѣдить своего противника, тогда необходимость даетъ воюющему на это право. Шаткость и неосновательность этой теоріи доказалъ, самымъ блестящимъ образомъ, Бинкерсгукъ. Весьма мало, говоритъ онъ, вещей, которыя не могли бы найти какого нибудь примѣненія, какъ въ войнѣ, такъ и въ мирное время. Такъ, мечъ служитъ и въ мирное время, какъ украшеніе и для исполненія судебныхъ приговоровъ; порохъ употребляется также для увеселеній, во время празднествъ, но, никто не станетъ спорить, что мечъ и порохъ составляютъ военную контрабанду. О вещахъ же сомнительнаго употребленія (promiscui usus, ancipitis usus), которыя, смотря по времени и обстоятельствамъ, должны считаться военной контрабандою, спорамъ не будетъ конца, и придти къ опредѣленному правилу, невозможно. Доказавъ такими разсужденіями невозможность установленнаго Гроціемъ различія, Бинкерсгукъ приходитъ, на основаніи разума и трактатовъ, къ заключенію, что военная контрабанда должна ограничиться исключительно предметами, непосредственно приспособленными для войны, а всѣ другія вещи должны считаться неприкосновенными [1]). Къ этому выводу привело Бинкерсгука основательное и безпристрастное изслѣдованіе вопроса. Но, высказавъ такой вѣрный взглядъ на военную контрабанду, Бинкерсгукъ, вслѣдъ за тѣмъ, руководствуясь патріотическими мотивами, переходитъ къ оправданію вышеупомянутыхъ голландскихъ эдиктовъ 1657, 1667 и т. д. г.г., расширившихъ до крайности военную контрабанду.

Къ этимъ теоріямъ Гуго Гроція и Бинкерсгука можно свести всѣ остальныя теоріи публицистовъ. Мнѣніе Гуго Гроція принято и послѣдовательно развивается британскими публицистами, которые, совершенно согласно съ отечественною практикою, ставятъ права нейтральной торговли въ безусловную и неограниченную зависимость отъ произвола воюющаго государ-

---

[1]) Bynkershoek. Quaest. j. publ. lib I,. cap. X. «Contrabanda dici, quae, uti sunt, bello apta esse possunt, nec quicquam interesse, an et extra bellum usum praebeant. Paucissima sunt belli instrumenta, quae non et extra bellum praebeant usum sui. Enses gestamus ornamenti causa, gladiis animadvertimus in facinorosos, et ipsa pulvere bellico utimur pro oblectamento, et ad testandam publice laetitiam, nec tamen dubitamus, quin ea veniant nomine τῶν *contrabande Waren*. Contrabanda appelari, sive instrumenta bellica, sive materia per se bello apta».

ства. Самый выдающійся изъ современныхъ англійскихъ писателей по международному праву, Филлиморъ, считаетъ необходимымъ и справедливымъ, признать зависимымъ отъ обстоятельствъ и времени, характеръ и судьбу товаровъ на нейтральномъ кораблѣ. «Разумъ и справедливость», говоритъ Филлиморъ, «требуютъ, чтобы состояніе войны (state of the war), характеръ и назначеніе груза, имѣли бы рѣшительное вліяніе на признаніе вещей двоякаго употребленія (ancipitis usus) контрабандою или нѣтъ [1])».

Въ практикѣ британскихъ призовыхъ судей постоянно провозглашалось и прилагалось это, въ высшей степени, неопредѣленное понятіе о военной контрабандѣ. Въ особенности рѣшенія В. Скотта служатъ по настоящее время неопровержимымъ авторитетомъ для британскихъ публицистовъ, а въ нихъ обстоятельства времени уничтожаютъ всякую юридическую опредѣленность. Американскіе судьи и публицисты отличаются также рѣдкою вѣрою въ непогрѣшимость умозаключеній и вѣрнаго толкованія международнаго правосознанія въ приговорахъ сэра Скотта. Уитонъ, Кентъ и Стори — корифеи американской юриспруденціи — основываютъ свои теоріи исключительно на авторитетѣ Гуго Грорія и В. Скотта [2]). Для рѣшенія всѣхъ затруднительныхъ или сомнительныхъ вопросовъ, эти публицисты обращаются къ приговорамъ британскаго призоваго судьи, какъ къ оракулу, котораго изрѣченіямъ должна слѣдовать международная жизнь [3]). На этомъ основаніи, британская и американская призовая практика, и мнѣнія публицистовъ этихъ двухъ народовъ объ объемѣ военной контрабанды, коренятся въ рѣшеніяхъ В. Скотта, содержаніе которыхъ лучше всего передать словами Марквардзена: «Разницу между сырыми матеріалами и готовыми для «войны предметами признаютъ англичане и американцы. Чѣмъ «пригоднѣе вещь для примѣненія на войнѣ, тѣмъ скорѣе она, по «обстоятельствамъ, можетъ быть признана военною контрабан«дою и, тѣмъ вѣроятнѣе предположеніе (praesumptio), что она «будетъ употреблена, для военныхъ надобностей. Притомъ,

[1]) Phillimore's Inter. Law, vol. III, p. 334, § 243.

[2]) Wheaton's Elements of Inter. Law. ed. by Dana §§ 504—508.
Kent's Comentary on Inter. Law ed. by *Abdy* p. 357 etc.
Story въ *Wheaton's* American Reports, I, p. 387 v. «*Commercen*».

[3]) Twiss, Law of Nations, vol. II, § 144, p. 275 etc.

«всегда должно быть обращено вниманіе на обстоятельства вся-«каго отдѣльнаго случая. Весьма много зависитъ отъ мѣста на-«значенія товаровъ, признать ли, невинные сами по себѣ то-«вары, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, за контрабанду. Сог-«ласно этому, голландскій сыръ, отправленный въ военный «морской портъ, былъ объявленъ законнымъ призомъ. Кора-«бельный строевой лѣсъ и металлы, смотря по обстоятельствамъ, «признаются, то свободными, то конфискуются. Абсолютною «контрабандою (contrebande per se), всегда были признаваемы: «оружія и аммуниція, корабли и мачты, парусина, якоря, смола «и деготь [1])». Такимъ образомъ, единственно обстоятельства времени, или другими словами, политическія соображенія воюющихъ державъ рѣшаютъ вопросъ о свободѣ нейтральной торговли, и опредѣляютъ случаи, когда нейтральные, вслѣдствіе своего вмѣшательства въ войну, могутъ быть лишены права неприкосновенности. Замѣтимъ, что изъ крѣпкой фаланги британскихъ и американскихъ публицистовъ составляетъ исключеніе американскій юристъ Уольси, требующій свободы вещей ancipitis usus [2]).

Въ противоположность британскимъ и американскимъ публицистамъ, континентальные писатели, почти всѣ, принимаютъ мнѣніе Бинкершука, и ограничиваютъ военную контрабанду исключительно предметами, прямо и непосредственно, приспособленными для военныхъ цѣлей. Всѣ другія вещи, не смотря на обстоятельства времени и состояніе войны, должны быть признаны свободными и не могутъ подлежать конфискаціи, на нейтральныхъ корабляхъ. Выясненіе правъ нейтральныхъ и воюющія злоупотребленія могущественныхъ воюющихъ государствъ, убѣдили континентальныхъ писателей, что только ограниченіе военной контрабанды оружіями и снарядами, уже приготовленными для войны, въ состояніи положить конецъ произволу и

---

[1]) Marquardsen. Der Trentfall. Zur Lehre von der Kriegscontrebande und dem Transportdienst der Neutralen. Erlangen 1862. S. 34. См. его же статью «*Contrebande*» въ *Rotteck's* und *Welcker's* Staatslexicon.

Ср., кромѣ того, *Robinson's* Admiralty Reports, I. p. 193 v. «*Jonge Margaretha*«; v. «*Frau Margaretha*», I, p. 92; v. «*Commercen*» въ *Wheaton's* Reports I, p. 386.

[2]) Woolsey. Law of Nations, §§ 180, 181. Anarticle «is either contraband or not; and is not so, if there is a doubt to what class it belongs».

наспліямъ [1]). Если же допустить такъ-называемую относительную или случайную контрабанду (contrebande par accident), то, какіе бы признаки или ограниченія не были придуманы для опредѣленія случаевъ, когда предметы какъ деньги, въ видѣ монеты и слитковъ, полосовое желѣзо, сталь, парусина, каменный уголь и т. п., законно могутъ быть конфискованы, все-таки, самая невозможность точнаго опредѣленія прикроетъ только явный произволъ и нарушеніе права. Послѣднія попытки, сдѣланныя Ортоланомъ [2]), Массе [3]) и Блунчли [4]), для соглашенія теорій Гуго Гроція и Бинкерсгука, вновь подтверждаютъ неизмѣнное правило, что военная контрабанда юридически не можетъ быть расширена далѣе, непосредственно примѣняемыхъ на войнѣ, орудій и военныхъ снарядовъ. Ортоланъ, прежде всего, возстаетъ противъ пониманія военной контрабанды въ такомъ широкомъ смыслѣ, какъ это дѣлаютъ британскіе и американскіе публицисты, и называетъ ее контрабандою по желанію (contrebande ad libitum). По вслѣдъ затѣмъ, онъ находитъ на сторонѣ воюющихъ право конфисковать и такіе предметы, которые не служатъ непосредственно военнымъ надобностямъ. «Нельзя», говоритъ Ортоланъ, «допустить, чтобы нейтральные обходили за«прещеніе, подъ благовидными предлогами. Если провозятся ма«теріалы, очевидно приготовленные и подобранные для воен«ныхъ надобностей, если обстоятельства явно обнаруживаютъ «ихъ цѣль: служить на войнѣ, то воюющій имѣетъ право счи«тать такіе предметы дѣйствительною военною контрабандою». Но такъ какъ судьею этого очевиднаго нарушенія, со стороны нейтральныхъ, своей обязанности, будетъ одинъ только воюющій, то нельзя сомнѣваться, что Ортоланъ провозглашаетъ, опровергнутое имъ, британское ученіе о контрабандѣ.

---

[1]) Отфель предлагаетъ весьма точное и удачное опредѣленіе военной контрабанды: «Toute espèce d'armes ou instruments en fer, acier, bronze, cuivre ou autres matières quelconques, manufacturés, preparés et fabriqués exprésement et iniquement destinés pour faire la guerre sur terre ou sur mer».

Histoire du droit maritime internat. p. 483. Срав. *Marquardsen*. Trentfall, S. 181.

[2]) Ortolan. Règles internationales, t. II, p. 231—2, (переводъ г. Лохвицкаго, стр. 163).

[3]) Massè. Droit commercial. § 206 etc.

[4]) Bluntschli. Das moderne Völkerrecht. §§ 805, 803.

Массе основываетъ свои разсужденія о военной контрабандѣ на теоріи Гуго Гроція, и, понятнымъ образомъ, приходитъ къ осязательной шаткости въ своихъ выводахъ. Наконецъ Блунчли признаетъ несомнѣнною военною контрабандою: во 1-хъ, всякаго рода оружіе—пушки, ружья, сабли,—порохъ и т. п.; во 2-хъ, селитру и сѣру; въ 3-хъ, военные корабли, и въ 4-хъ, военныя депеши непріятеля, которыя нейтральный взялся доставить по назначенію. За подвозъ этихъ предметовъ, составляющихъ дѣйствительно военную контрабанду, нейтральный справедливо долженъ лишиться неприкосновенности. Относительно сѣры и селитры, замѣтимъ, что общеполезность ихъ требуетъ особеннаго международнаго соглашенія, для признанія ихъ абсолютною военной контрабандою. Но въ видѣ исключенія и, когда можно доказать что предметы, какъ напр. платье, деньги, лошади, корабельный лѣсъ, парусина, листовое желѣзо, паровыя машины, каменный уголь, купеческіе корабли и т. п., предназначены для употребленія на войнѣ, то Блунчли признаетъ, и относительно подобныхъ предметовъ, на сторонѣ воюющаго право задержанія. Хотя Блунчли и старается обставить признаваемое имъ широкое право воюющаго всевозможными условіями и ограниченіями, но несостоятельность его теоріи очевидна. Блунчли требуетъ для осуществленія права задержанія этой случайной (zufällige) контрабанды, чтобъ было явно назначеніе этихъ товаровъ для военныхъ цѣлей и, въ то же время, обнаружилось бы намѣреніе, умыселъ нейтральнаго оказать помощь воюющему. Доказано же должно быть, и то и другое bona fide, посредствомъ взвѣшиванія всѣхъ обстоятельствъ даннаго случая. Наконецъ, относительно случайной военной контрабанды, Блунчли допускаетъ только право преемпціи, со стороны воюющаго.—Эти ограниченія доказываютъ, по нашему мнѣнію, только отсутствіе самаго права воюющаго задерживать нейтральные корабли, съ вышеприведенными товарами. Въ самомъ дѣлѣ, нейтральный пользуется своимъ правомъ неприкосновенности только до той минуты, когда, отказываясь отъ нейтралитета, онъ принимаетъ непосредственное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ моментъ вмѣшательства въ войну, нейтральный лишается своей неприкосновенности, а воюющій получаетъ право конфискаціи. Поэтому, если воюющій въ правѣ задерживать предметы случайной контрабанды, то не иначе,

какъ за вмѣшательство нейтральныхъ въ войну, и, вслѣдствіе такого нарушенія послѣдними своей прямой обязанности, воюющій осуществляетъ свое право конфискаціи. Признать что-то среднее, между правомъ воюющаго на конфискацію военной контрабанды и безусловной свободою торговли безразличными предметами, немогущими быть употребляемыми непосредственно на войнѣ,—мы не находимъ никакихъ разумныхъ основаній. Одно изъ двухъ: или нейтральный нарушилъ право воюющаго, и не соблюдалъ своей обязанности, или же, онъ уважалъ право, исполнилъ свою обязанность, и не подвозилъ воюющему предметовъ, приспособленныхъ или приготовленныхъ для войны. Въ первомъ случаѣ, за воюющимъ право карать нейтральнаго конфискаціею его собственности; во второмъ, нейтральная собственность должна быть неприкосновенна. Компромиссъ, между правомъ воюющаго и обязанностью нейтральнаго не вмѣшиваться въ войну, не можетъ имѣть мѣста. Поэтому, намъ кажется ни на чемъ неоснованнымъ, приписываемое Блунчли и британскими публицистами воюющему право преемпціи. Но мы согласны съ Геснеромъ, что подобно тому, какъ въ общественной жизни признается за лицомъ право крайней необходимости, нельзя отказать и воюющему въ правѣ захватывать, напр. нейтральный корабль съ провизіею, если ему угрожаетъ голодъ [1]). Подобное право воюющаго опасно для нейтральныхъ, но оно только исключеніе, и злоупотребленія обнаружатся всегда. Разумѣется само собою, что нейтральный собственникъ такихъ товаровъ имѣетъ неотъемлемое право на полное вознагражденіе, ибо онъ не нарушилъ своей обязанности, такъ какъ, только оружіе и приготовленные для войны предметы составляютъ военную контрабанду.

Съ тѣхъ поръ, какъ континентальные публицисты начали объяснять военную контрабанду, какъ несоблюденіе нейтральнымъ своей обязанности, ученіе о контрабандѣ получило прочное, юридическое основаніе [2]). Неизмѣннымъ осталось общее правило, по которому торговля и мирныя сношенія нейтральныхъ съ воюющими должны считаться свободными. Но такъ

[1]) Gessner. Le droit des neutres sur mer, p. 137.

[2]) Срав. въ особенности Hautefeuille. Des droits et devoirs des neutres, II, p. 82, 101 etc.

Gessner. Le droits des neutres p. 84, 95.

какъ основная идея нейтралитета: безпристрастность къ воюющимъ сторонамъ, и неучастіе въ войнѣ, то только осуществленіе этой идеи обезпечиваетъ неотъемлемыя права нейтральныхъ. Слѣдовательно, вспоможеніе, оказываемое нейтральнымъ одному изъ воюющихъ, посредствомъ подвоза товаровъ, могущихъ тотчасъ же, «согласно состоянію военнаго искусства въ данное время» [1]), быть употребленными для военныхъ надобностей, отмѣняетъ обязанность воюющаго уважать его право неприкосновенности. На этомъ основаніи, военная контрабанда, и право воюющаго наказывать нейтральнаго собственника конфискаціею запрещенныхъ товаровъ, опирается на самой сущности международнаго права, и примѣненіе со стороны воюющаго своего права не нуждается, какъ это думаетъ напр. Клюберъ и Ацуни, въ спеціальномъ постановленіи трактатовъ [2]). Съ этой точки зрѣнія нельзя также видѣть въ ученіи о военной контрабандѣ извѣстной коллизіи правъ воюющаго и нейтральныхъ, какъ оправдывающей всякое нарушеніе правъ нейтральныхъ, анормальнымъ правомъ крайней необходимости [3]). Военная контрабанда основывается на международномъ правѣ и признаніе за воюющимъ права наказанія чужихъ подданныхъ, за нарушеніе ими своей обязанности, служитъ, намъ кажется, весьма убѣдительнымъ доказательствомъ существованія и вліянія международной жизни. Война есть безспорно поединокъ между государствами, которыя только силою оружія считаютъ возможнымъ возстановить нарушенное право и водворить миръ. Государства, непринимающія участія въ войнѣ, сохраняютъ свое право на продолженіе мирныхъ, торговыхъ сношеній, какъ съ воюющими, такъ и съ нейтральными. Но нельзя согласиться, что состояніе войны между государствами не касается нейтральныхъ, для

---

[1]) Ortolan. Diplomatie de la mer, II, p. 191.

Срав. *Bello*. Principios de derecho inter. p. 231.

Kent's Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 359: «It is the *usus bellici* which determine an article to be contraband»—«the means of war vary and shift from time to time, the laws shifts with them».

[2]) Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe, § 288.

Azuni. Droit maritime de l'Europe, II p. 184.

Lampredi. Du commerce des neutres, p. 44, 50 etc.

Lucchessi-Palli. Principii di diritto pubblico marittimo. Napoli 1840, p. 159 e seg.

[3]) Wheaton's Elements of Inter. Law, note № 226 (p. 634).

которыхъ война, по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, будто бы не вызываетъ никакихъ новыхъ обязанностей, и не ограничиваетъ ихъ правъ [1]). Это опровергается опытомъ вѣковъ, и несогласно съ отношеніями «европейско-американской международной семьи». Война, благодаря именно распространенію международныхъ отношеній и сознанію солидарности интересовъ, не можетъ не оказывать весьма чувствительнаго вліянія на мирное развитіе международной жизни. Измѣненія и послѣдствія, необходимо вытекающія изъ войны для международныхъ отношеній, должны служить одною изъ существенныхъ гарантій ограниченія ея бѣдствій. Къ такимъ измѣненіямъ принадлежитъ также военная контрабанда, которая только и мыслима во время войны. Независимость государствъ не допускаетъ воюющихъ предписывать нейтральнымъ законы, опредѣляющіе по произволу предметы военной контрабанды, и насилія могущественныхъ воюющихъ державъ не оправдываются нисколько международнымъ правомъ. Но сознаніе необходимости въ правильномъ теченіи международной жизни, основывающейся на общемъ правосознаніи, заставляетъ нейтральныхъ желать водворенія нарушеннаго мира и права. Слѣдовательно, и нравственная, и юридическая обязанность нейтральныхъ требуетъ отъ нихъ: несодѣйствія къ продленію анормальнаго состоянія войны, и ненарушенія правъ воюющихъ, посредствомъ подвоза военныхъ снарядовъ и аммуниціи. — Въ трактатахъ выступаетъ раньше всего идея, что подвозъ контрабанды есть дѣйствіе, заслуживающее для нейтральнаго наказанія, исполненіе котораго предоставляется воюющему государству. Но наказаніе, во всякомъ случаѣ есть актъ внутренней государственной власти, и признаніе за воюющими права наказанія нейтральныхъ подданныхъ было бы перенесеніемъ на нихъ судебной власти. Однако, такъ какъ воюющее государство не можетъ имѣть карательной власти, за предѣлами своей территоріи, или въ открытомъ морѣ, то очевидно, что задержаніе нейтральныхъ кораблей, съ грузомъ военной контрабанды, не есть осуществленіе права верховной власти. но права войны. Всѣ публицисты считаютъ воюющаго въ правѣ конфисковать, по приговору суда, нейтральную

[1]) Azuni. Droit maritime, II, p. 44. «La neutralité est une continuation exacte de l'état pacifique».

Срав. Massé. Droit commercial, § 172.

собственность, состоящую изъ военной контрабанды, и застигнутую на пути въ непріятельскій портъ. Поступокъ частныхъ лицъ не вмѣняется въ вину нейтральному государству, слѣдовательно, сознается различіе между юридическою отвѣтственностью частныхъ лицъ и государствъ. Если же до настоящаго времени смѣшивается сфера частной жизни и отвѣтственности частныхъ лицъ съ сферою бытія государственной личности, то послѣдовательность требуетъ отъ воюющихъ государствъ вмѣнять враждебное вмѣшательство нейтральныхъ подданныхъ въ вину самому нейтральному государству. Но интересъ и опасность установили совершенно справедливое правило, что только частныя лица отвѣчаютъ за нарушеніе ими правъ воюющихъ.

Контрабанда можетъ быть задержана: на территоріи воюющихъ государствъ, или же, въ открытомъ морѣ, при явномъ направленіи въ непріятельскій портъ. Хотя британскіе и американскіе судьи и публицисты считаютъ справедливымъ конфисковать нейтральные корабли, идущіе съ предметами военной контрабанды въ нейтральныя гавани [1]), но такого права воюющіе не имѣютъ; ибо торговля между нейтральными должна быть безусловно свободна, и нейтральные не нарушаютъ, при этомъ, правъ воюющихъ. Только непосредственный подвозъ нейтральнымъ военной контрабанды непріятелю есть нарушеніе международнаго права. Затѣмъ, во время обратнаго путешествія, корабль, возившій военную контрабанду, уже не можетъ подлежать задержанію или конфискаціи; ибо, только застигнутый in delicto нейтральный подвергается праву наказанія воюющаго государства [2]). Задержанный съ военной контрабандою отправляется воюющимъ въ свой портъ, для судебнаго разбирательства. Рѣшенію судьи подлежитъ разрѣшеніе вопросовъ: составляютъ ли предметы, задержанные на нейтральномъ кораблѣ, согласно современному состоянію военнаго искусства, контра-

---

[1]) The Commercen въ Wheaton's Reports, I, p. 382.

Изъ новѣйшей практики: «*Vrow Houwina*», (въ *Soetbeer's*, Sammlung officieller Actenstücke, Bd. I, S. 36. Anhang Z, S 47) и «*Stephen Hart*», (въ *Abdy's* Kent, p. 371).

Ср. Marquardsen. Trentfall, S. 182.

[2]) Wheaton's Elements of Inter. Law. § 506; *Bischof*. Positives öffentliches internationales Seerecht, 1868. § 46 (S. 55).

Bello. Principios, p. 232.

банду, и, имѣлъ ли нейтральный умыселъ вмѣшаться въ распрю. Общимъ принципомъ, въ пользу котораго всегда презумпція, должна быть свобода нейтральной торговли. Обыкновеннымъ, общепризнаннымъ послѣдствіемъ задержанія корабля съ контрабандою является конфискація запрещенныхъ товаровъ. Но самый корабль и остальная часть груза, должны быть отпущены воюющими [1]); только въ томъ случаѣ, когда собственникъ контрабанды и корабля соединяются въ одномъ лицѣ, или же запрещенные товары нагружены, съ согласія хозяина корабля,— послѣдній конфискуется вмѣстѣ съ контрабандою [2]). Что же касается мнѣнія Отфеля, чтобы воюющія державы ограничивались только остановкою корабля и отправленіемъ его назадъ [3]), то это несовѣмъ согласно съ обязанностью нейтральнаго — не вмѣшиваться въ войну, во все время ея продолженія. Право нейтральныхъ на овободу торговли признается до тѣхъ поръ, пока они сами не отказываются отъ него. Volenti non fit injuria! Вся трудность и шаткость ученія о военной контрабандѣ устраняется точнымъ опредѣленіемъ предметовъ, и необходимою реформою въ призовомъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Военная контрабанда имѣетъ юридическое основаніе въ существѣ отношеній нейтральныхъ къ воюющимъ державамъ, и, приведенная, въ свои положительныя опредѣленныя границы, контрабанда не противорѣчитъ ни условіямъ современной международной жизни, ни международному праву.

Въ такомъ видѣ представляется ученіе о военной контрабандѣ, въ современномъ международномъ правѣ. Остается намъ сказать нѣсколько словъ о положеніи частныхъ лицъ — подданныхъ воюющихъ государствъ, относительно торговли военной контрабандою, если будетъ признанъ принципъ: непріятельскій флагъ покрываетъ непріятельскій грузъ. Частныя лица, достигнувъ неприкосновенности своей собственности, могутъ претендовать на это право, только какъ мирные подданные, непринимающіе никакого непосредственнаго участія въ войнѣ. Частная непріятельская собственность, въ принципѣ, всегда должна счи

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, III, p. 237. *Massé*, § 217.

[2]) Gessner. Droit des neutres, p. 128. *Bluntschli*. Völkerrecht, § 810, *Bischof*. Seerecht, § 45. *Kent's* Commentary ed. by *Abdy*, p. 362.

[3]) Hautefeuille. Des droits, tome III, 237—8.
Того же мнѣнія: *Vidari*, Del rispetto, p. 347.

таться неприкосновенною, и не подлежитъ захвату. Если же частныя лица отказываются отъ своего частнаго, мирнаго характера; если они являются гражданами, исполняющими свои обязанности какъ защитники отечества, то, разумѣется самособою, они лишаются права неприкосновенности. Какъ скоро частная собственность служитъ для явнаго вспоможенія отечеству, воюющій получаетъ право захвата и конфискаціи. Однимъ словомъ, граждане какъ представители вооруженной силы государства и частная собственность, состоящая изъ предметовъ, признанныхъ международнымъ правомъ или договорами, военною контрабандою,—подвергаются задержанію, и конфискаціи со стороны воюющей державы. Частный корабль, принадлежащій мирнымъ подданнымъ воюющихъ державъ, неприспособленный для войны и имѣющій грузомъ товары, несоставляющіе военной контрабанды, не можетъ подлежать захвату или конфискаціи, ни въ территоріальныхъ водахъ обоихъ воюющихъ государствъ, ни въ открытомъ морѣ. Что же касается предметовъ военной контрабанды, то выработанныя начала международнаго права относительно нейтральныхъ, должны имѣть мѣсто и въ отношеніи частныхъ лицъ. Нѣтъ никакого основанія расширить, для мирныхъ подданныхъ непріятеля, кругъ предметовъ военной контрабанды. Точно также наказаніемъ за подвозъ военной контрабанды должна остаться конфискація запрещенныхъ товаровъ.

Изъ этого видно, что мнѣніе Отфеля, будто военная контрабанда несовмѣстна съ признаніемъ неприкосновенности частной собственности, не выдерживаетъ критики. Война нисколько не лишается своей энергіи, но ограничивается только въ предѣлахъ, опредѣляемыхъ правомъ. Доказавъ возможность примѣненія, относительно частныхъ лицъ, выработаннаго ученія о военной контрабандѣ, намъ кажется неосновательнымъ распространять права частныхъ лицъ до предѣловъ, невытекающихъ изъ существа права. Видари, первый изслѣдовавшій весьма добросовѣстно отношенія частныхъ лицъ къ воюющимъ державамъ, утверждаетъ, что частныя лица не только имѣютъ право на безпрепятственное плаваніе изъ отечественныхъ гаваней въ нейтральныя, и затѣмъ между нейтральными гаванями, но что даже гавани непріятельской державы должны быть открыты для мирныхъ сношеній между частными лицами, подъ условіемъ,

что они воздержатся отъ торговли контрабандными товарами [1]). Признавъ неприкосновенность частной собственности, говоритъ Видари, нѣтъ основанія, препятствовать ея обращенію. Если война ведется правительствами, то частная собственность, только какъ военная контрабанда, можетъ подлежать захвату. Это мнѣніе Видари кажется намъ неосновательнымъ, потому что оно допускаетъ коллизію правъ частныхъ лицъ съ правами государственной власти, между тѣмъ первыя нисколько не противорѣчатъ послѣднимъ. Государство имѣетъ никѣмъ неоспоримое право верховной власти надъ своей территоріею и территоріальными водами. Верховной территоріальной власти подчиняются всѣ находящіеся на территоріи, за исключеніемъ лицъ, пользующихся правомъ внѣземельности. Кромѣ того, съ существованіемъ государства неразрывно связано право самосохраненія, въ силу котораго оно принимаетъ необходимыя мѣры противъ всякой грозящей ему опасности. Принимая въ соображеніе эти неотъемлемыя права государства, мы не находимъ разумнаго основанія не признать за нимъ права закрывать, въ крайнемъ случаѣ, свои гавани для частныхъ лицъ непріятельскаго государства. Если въ мирное время признается право государства-принимать мѣры для организаціи международныхъ сношеній и торговли, то, тѣмъ менѣе, можно отказать въ этомъ правѣ воюющему государству. Хотя государства обязаны принимать участіе въ международной жизни, и содѣйствовать развитію международныхъ отношеній [2]); но во время войны, когда этого требуетъ обязанность самосохраненія, воюющее государство можетъ или ограничить сношенія съ иностранными подданными, или же, запретить своимъ гражданамъ всякія сношенія съ подданными непріятельскаго государства. Этимъ правомъ, которымъ должны пользоваться воюющія государства только въ случаяхъ крайней необходимости, не нарушается нисколько право частныхъ лицъ на неприкосновенность своей собственности и на сво-

---

[1]) Vidari. Del rispetto, p. 328. «Ma la libertà dei commerci, pure in tempo di guerra, noi la intendiamo siffattamente da permettere ai privati cittadini degli Stati belligeranti, non solo il commercio dai loro porti a quelli degli Stati belligeranti, o da Stato neutrale a Stato neutrale, ma ben anche da porto a porto dello Stato nemico, o del loro stesso paese purchè, ni quest' ultimo caso, si astengano dal trasportare merci di contrabbando».

[2]) Bluntschli. Völkerrecht, § 381.

бодное продолженіе торговыхъ сношеній, во время распри между государствами. При возникновеніи войны, территоріальная власть обязана отпустить свободно непріятельскихъ подданныхъ, пришедшихъ во время мира. Но затѣмъ, частное лицо уже не имѣетъ права требовать допущенія въ непріятельскія гавани и, если оно, вопреки извѣстному ему запрещенію, явится въ территоріальныя воды непріятельскаго государства, то оно этимъ отречется отъ своей неприкосновенности, и вступитъ въ враждебныя къ нему отношенія. Только въ открытомъ морѣ, на этой «Божьей дорогѣ» [1]), частное лицо и его собственность, несостоящая изъ военной контрабанды, всегда и во всякое время, должны пользоваться своимъ правомъ неприкосновенности. Въ территоріальныхъ же водахъ частная собственность неприкосновенна, когда воюющее государство не запретило мирныхъ международныхъ сношеній, или же, такое запрещеніе не было извѣстно частному лицу. Безпрепятственное продолженіе, во время войны, мирныхъ торговыхъ сношеній должно быть общимъ правиломъ, и невѣдѣніе частнаго лица о такомъ исключительномъ распоряженіи, вызванномъ необходимостью, еще не доказываетъ умысла его нарушить право воюющаго государства; поэтому, если частное лицо въ состояніи доказать, что оно не могло знать о запрещеніи, то собственность его, и въ такомъ случаѣ, неприкосновенна. Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить относительно военной контрабанды на частныхъ корабляхъ, принадлежащихъ мирнымъ подданнымъ воюющихъ государствъ, что частнымъ лицамъ должно быть извѣстно о распрѣ между государствами и, если они отправляютъ предметы военной контрабанды въ непріятельскую гавань, не зная о войнѣ, то съ ихъ стороны, нѣтъ преступнаго умысла вмѣшаться въ войну. Въ такомъ случаѣ задержанный съ контрабандою частный корабль не можетъ подлежать конфискаціи. — Вообще, есть основаніе думать, что признаніе неприкосновенности частной собственности положительнымъ закономъ международнаго права приведетъ къ лучшему выясненію понятія о военной контрабандѣ. Мы старались

---

[1]) Въ грамотѣ 1587 г. Царя Ѳедора Іоанновича къ англійской королевѣ Елисаветѣ сказано: «И тое Божью дорогу, Окіянъ море, какъ можно переняти и унять и затворить».

(Карамзина, Исторія Госуд. Рос. примѣч. къ Т. X, стр. 30)

только доказать, что провозглашеніе этого начала нисколько не противорѣчитъ правамъ воюющихъ государствъ на захватъ и конфискацію военной контрабанды, подвозимой непріятелю.

ПРИБАВЛЕНІЕ:

О ПРАВѢ ОСМОТРА.

Въ самой тѣсной связи съ ученіемъ о военной контрабандѣ, состоитъ право воюющаго на осмотръ нейтральнаго корабля. Это право признается за воюющими державами какъ международной практикою, такъ и почти всѣми публицистами. Но не смотря на точное и единообразное опредѣленіе этого права въ трактатахъ и въ наукѣ, воюющія державы злоупотребляли имъ до крайней степени. Желая выяснить права частной собственности, во время войны, намъ кажется необходимымъ сказать нѣсколько словъ о правѣ осмотра, которому, все-таки, въ случаѣ даже принятія предложенія Марси, должны будутъ подчиняться частные корабли непріятельскихъ подданныхъ.

Нейтральныя государства, какъ и частныя лица, желающія пользоваться правомъ неприкосновенности, обязаны не принимать никакого участія въ войнѣ. Чрезъ подвозъ военной контрабанды, они лишаются этого права, и собственность ихъ подлежитъ конфискаціи. Но право воюющаго на захватъ и конфискацію военной контрабанды не имѣетъ никакого смысла, если не признать за нимъ права осмотра (droit de visite, right of visit and search) встрѣчаемаго имъ корабля [1]). На этомъ основаніи, право осмотра воюющаго, заключающееся въ повѣркѣ имъ характера купеческаго корабля: дѣйствительно ли онъ нейтральный, не имѣетъ ли онъ на бортѣ военной контрабанды— признается уже въ Consolato del Mare. Начиная съ XVII ст., право осмотра опредѣлялось почти во всѣхъ трактатахъ, и,

[1]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap. VII, § 114. «On ne peut empêcher le transport des effets de contrebande, si l'on ne visite pas les vaisseaux neutres que l'on rencontre en mer. On est donc en droit de les visiter».

Срав. мнѣніе лорда Стоуэлля у *Wheaton* Elements § 526.

Bischof. Seerecht § 51. *Travers-Twiss,* Law of Nations, vol II, p. 176.

Kent's Comentary, p. 381. «The duty of self-preservation gives to belligerent nations this right».

весьма замѣчательно, что всѣ они, кромѣ только одного, даютъ совершенно одинаковое опредѣленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что Пиринейскій трактатъ 1659 г. служилъ въ этомъ вопросѣ всѣмъ другимъ образцомъ, и выставленное имъ опредѣленіе [1]) перешло сперва въ Утрехтскіе договоры 1713 г., а затѣмъ, въ другіе заключенные послѣ нихъ. Во всѣхъ этихъ трактатахъ воюющему предоставляется право останавливать встрѣчаемый имъ купеческій корабль, удостовѣряться въ его національности, назначеніи и отсутствіи на бортѣ военной контрабанды [2]). Этимъ правомъ пользовались всегда воюющія державы, и такъ какъ оно вытекаетъ изъ права войны, то право осмотра можетъ быть осуществляемо даже помимо заключенія спеціальныхъ договоровъ, между воюющими и нейтральными державами.

Согласно этимъ положительнымъ постановленіямъ международныхъ трактатовъ, публицисты, даже самые ярые защитники правъ нейтральныхъ, какъ Гальяни [3]), признаютъ раціональность права осмотра; но, на счетъ порядка его осуществленія и границъ, представители науки, весьма различныхъ мнѣній. Право осмотра есть исключительное право (jus singulare) воюющаго и поэтому, должно подлежать рестриктивному толкованію. Оно не предоставляетъ воюющему никакой власти надъ нейтральными, но есть только его право защиты, и требуетъ предосторожностью [4]). Право осмотра можетъ имѣть мѣсто исключительно во время войны, ибо нейтральные немыслимы внѣ войны, и только она даетъ воюющему это право. Однако государства мо-

[1]) Вотъ текстъ замѣчательной ст. XVII Пиринейскаго трактата: «Les navires d'Espagne, pour éviter tous désordre n'approcheront pas de plus près les Français que de la portée du canon, et pourront envoyer leur petite barque ou chaloupe à bord des navires français et faire entrer dedans deux ou trois hommes seulement à qui seront montrés les passeports par le maître du navire français, par lesquels il puisse apparoir non seulement de la charge, mais aussi du lieu de sa demeure et residence, et du nom tant du maître ou patron que du navire même, afin que, par ces deux moyens on puisse connaître s'il porte des marchandises de contrebande et qu'il apparaisse suffisamment tant de la qualité du dit navire que de son maître ou patron auxquels passeports et lettres de mer se devra donner entière foi et créance». (*Dumont.* Corps dipl. VI, part, II, p. 264).

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, III p. 22.

[3]) Galiani. De'doveri de'principi neutrali, p. 457 e. seg.

[4]) Galiani. De'doveri, p. 460 «Non è dunque atto di superiorità, nè di guirisdizione la visita: egli è solo un dritto di natural difesa, e precauzione».

гутъ предоставлять другъ къ другу, въ спеціальныхъ конвенціяхъ, взаимное право осмотра своихъ кораблей; но, разумѣется, такое постановленіе имѣетъ силу закона только для договорившихся сторонъ [1]).

Пользоваться правомъ осмотра можетъ воюющій: въ открытомъ морѣ, въ своихъ территоріальныхъ, или же, въ занятыхъ имъ водахъ непріятельскаго государства [2]). Осмотръ, предпринятый въ нейтральныхъ водахъ—есть прямое нарушеніе права территоріальности нейтральнаго государства, и захваченный въ этихъ водахъ корабль долженъ быть, по требованію нейтральнаго государства, освобожденъ воюющимъ. Что же касается самаго процесса осмотра, то онъ остался непзмѣннымъ со временъ Пиринейскаго трактата. Желающій осматривать военный корабль, который исключительно имѣетъ это право [3]), даетъ знать пушечнымъ выстрѣломъ, (coup de semonce, d'assurance, affirming gun) о своемъ намѣреніи удостовѣриться и, остановясь, на разстояніи пушечнаго выстрѣла или ближе, отъ подозрительнаго корабля, осматривающій отправляетъ шлюпку съ офицеромъ и двумя матросами на бортъ остановленнаго судна. Всѣ публицисты, признающіе право осмотра, разрѣшаютъ воюющему требовать предъявленія корабельныхъ бумагъ, опредѣляемыхъ обыкновенно весьма точно въ трактатахъ и въ законахъ. Въ этомъ отношеніи право осмотра не оспаривается; но за то, весьма споренъ вопросъ: долженъ ли воюющій ограничиться разсмотрѣніемъ предъявленныхъ ему корабельныхъ бумагъ, или же имѣетъ еще право на обыскъ (recherche et soupçon)? Отчель больше всѣхъ возстаетъ противъ обыска, подавшаго дѣйствительно поводъ къ многимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ и нарушеніямъ

---

[1]) Gessner. Le droit des neutres sur mer, p. 289.

[2]) Heffter. Völkerrecht, S. 305. *Phillimore's* Inter. Law. III, p. 424, § 327.

Bello, Principios de derecho internacional, p. 254.

[3]) Bluntschli. Völkerrecht, § 821. *Hautefeuille.* Des droits III. p. 48—51. Замѣтимъ что британскіе публицисты (*Phillimore,* III, p. 427) и нѣкоторые французскіе (*Massé* § 325, *Ortolan* II, p. 259) допускаютъ къ исполненію права осмотра также и каперовъ. Мы не коснемся здѣсь вопроса насколько исторія каперства можетъ ручаться за ихъ добросовѣстность при осмотрѣ, потому что, послѣ Парижской декларацін, этотъ споръ лишился большею частью своего значенія.

правъ нейтральныхъ [1]). Но большинство современныхъ писателей признаетъ за воюющимъ право повѣрять грузъ, если есть основательное подозрѣніе, что на бортѣ находится военная контрабанда [2]). Подложныя корабельныя бумаги продаются всегда во время войны, и притомъ въ огромномъ количествѣ; поэтому обыскъ нейтральнаго корабля, произведенный съ надлежащимъ уваженіемъ правъ нейтральныхъ, нисколько не противорѣчитъ современному международному праву. Вообще, командиръ военнаго корабля, осматривающій нейтральный купеческій корабль, постоянно долженъ имѣть въ виду, что находится на «оторванной части нейтральной территоріи», и, за всѣ свои дѣйствія, несетъ отвѣтственность предъ самимъ нейтральнымъ государствомъ [3]). Наконецъ, возбудившій серьезныя международныя столкновенія, вопросъ о неприкосновенности купеческихъ кораблей, конвоируемыхъ военными, разрѣшается большинствомъ современныхъ публицистовъ въ ея пользу [4]).

Право осмотра, какъ оно выработано въ международныхъ трактатахъ и принято публицистами, имѣетъ троякую цѣль: во 1-хъ, оно необходимо для воспрепятствованія нейтральнымъ заниматься запрещенною торговлею; во 2-хъ, для захвата непріятельскихъ кораблей и въ 3-хъ, для осуществленія воюющимъ права блокады. Когда же будетъ признана неприкосновенность частной собственности на морѣ, тогда право осмотра должно ограничиться только первой и послѣднею цѣлью. Воюющій уже не будетъ имѣть надобности удостовѣряться въ нейтральномъ, или непріятельскомъ характерѣ купеческихъ кораблей, такъ какъ они должны пользоваться одинаковою неприкосновенностью. Но частные корабли мирныхъ подданныхъ непріятельскаго государства могутъ заниматься подвозомъ военной контрабанды и по-

---

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, III, p. 85, 167 etc.

[2]) Heffter. Völkerrecht, S. 307; *Bluntschli*. Modernes Völkerrecht, § 822. Gessner. Droit des neutres, p. 298. *Marquardsen*. Trentfall, S. 99. Massé. Droit commercial, §§ 313, 314. *Ortolan*. Diplomatie de la mer, II, p. 253.

[3]) Bluntschli. Völkerrecht, § 823.

[4]) Hautefeuille. Des droits et devoirs III, p. 148. Gessner. p. 309. *Heffter*. S. 310. *Kluber*. Droit des gens § 243. Противоположнаго мнѣнія держится, между прочимъ, *Wheaton*. Elements of Inter. Law. § 530, (p. 699).

этому, право осмотра остается, относительно ихъ, въ полной силѣ.

Теперь посмотримъ, осуществимо ли право блокады, при свободѣ непріятельской частной собственности на морѣ? Изложеніе ученія о правѣ блокады дастъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

II. О правѣ блокады.

Къ средствамъ войны, наиболѣе употребляемымъ начиная съ XVII ст., должно отнести блокаду, подъ которой понимаютъ обыкновенно фактическое обложеніе воюющимъ, посредствомъ военной силы, гаваней, крѣпостей, береговъ и устьевъ рѣкъ непріятельскаго государства. Цѣль блокады—принудить непріятеля къ принятію предложенныхъ условій мира, или же, чрезъ прекращеніе всѣхъ сношеній блокируемаго мѣста съ нейтральными вызвать недостатокъ въ военныхъ снарядахъ, и заставить сдаться. Въ международномъ правѣ давно уже принято за правило, что нейтральныя государства и ихъ подданные обязаны подчиняться запрещенію, со стороны воюющихъ, имѣть сообщенія съ блокируемымъ мѣстомъ; ибо всякій нейтральный корабль, умышленно вторгнувшійся въ такое мѣсто, подлежитъ праву конфискаціи блокирующей державы. Но такое обязательное для нейтральныхъ ограниченіе ихъ свободы торговли съ воюющими можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда непріятельскій портъ такъ обложенъ воюющимъ, что входъ или выходъ изъ него, представляетъ дѣйствительную опасность. Такое право воюющихъ, въ отношеніи своего врага и нейтральныхъ государствъ, является результатомъ историческаго развитія права войны.

1. Историческій очеркъ права блокады.

Хотя мы не находимъ въ древнемъ мірѣ ни названія, ни примѣненія блокады въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ теперь, но нѣтъ сомнѣнія, что блокада существовала гораздо раньше, чѣмъ наука международнаго права принялась за изслѣдованіе ея основанія и опредѣленія границъ. При своемъ возникновеніи, блокада представляется ничѣмъ инымъ, какъ сухопутною осадою непріятельской крѣпости; въ доказательство этого можно привести несовершенство древнихъ орудій для морской

войны, чтобы поддерживать, со стороны воюющаго, запрещеніе входить или выходить изъ непріятельскаго порта, или же, отрѣзать сообщенія съ берегомъ [1]). Ваттель приводитъ намъ только одинъ примѣръ, заимствованный у Плутарха, въ доказательство существованія у народовъ древняго міра блокады. Дмитрій Поліоркетъ, во время осады Аѳинъ, жителей которыхъ онъ голодомъ хотѣлъ принудить къ миру, задержалъ собственника и каптана корабля, доставившаго въ городъ съѣстные припасы [2]). И такъ, блокада существовала и въ древнемъ мірѣ, но только въ новыя времена, съ развитіемъ морскихъ боевыхъ средствъ, блокаду начали отличать отъ сухопутныхъ осадъ. Блокада обратилась вскорѣ въ самое любимое средство для политики, основанной на колоніальной и меркантильной системахъ. и, для разоренія непріятельской торговли она дѣйствительно оказалась самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ. Только въ XVII ст. блокада была подчинена нѣкоторымъ правиламъ и законамъ, а затѣмъ, международные трактаты стремились къ устраненію случавшихся весьма часто, злоупотребленій этимъ правомъ. Нидерланды, прежде всѣхъ другихъ государствъ, употребили во зло блокаду, объявивъ въ 1584 г. во время войны съ Испаніею за свою независимость, блокированными всѣ фландрійскія гавани, оставшіяся въ рукахъ испанцевъ. Но для поддержанія своего распоряженія, они выставили только нѣсколько крейсеровъ [3]). Съ другой стороны, первая попытка опредѣлить блокаду и ея послѣдствія исходила также отъ Нидерландовъ, которые издали въ 1630 г. эдиктъ, подтверждающій вышеприведенное распоряженіе 1584 г. и повторенное, затѣмъ, въ 1622 и 1624 г. Эдиктъ 1630 г., комментированный весьма подробно Бинкершукомъ [4]), служилъ съ тѣхъ поръ основаніемъ такъ-называемыхъ фиктивныхъ или кабинетныхъ блокадъ, т. е. другими словами, этотъ эдиктъ 1630 г. былъ, до послѣдняго времени, точкою исхода

---

[1]) Cauchy. Droit maritime international, I, p. 300.

[2]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap. VII, § 117.

[3]) Bynkershoek. Quaest. j. publ. lib. I, cap. II.

[4]) ibidem, lib. I, cap. XI. «Obsessis urbibus, castris, portubus an quicquam liceat advehere?»

Срав. текстъ этого замѣчательнаго эдикта у *Robinson*. Collectanea maritima, p. 189.

Wheaton. Histoire du droit des gens, I, p. 183.

британской практики и ученія англійскихъ публицистовъ о правѣ блокады, на основаніи котораго достаточно одного категорическаго объявленія, со стороны воюющаго, чтобъ лишить нейтральныхъ права на свободу своихъ мирныхъ торговыхъ сношеній съ его непріятелемъ. Нидерландскій законъ постановляетъ, между прочимъ, что для конфискаціи нейтральныхъ судовъ и ихъ грузовъ не требуется дѣйствительнаго нарушенія блокады нейтральными, но достаточно и того, если изъ бумагъ корабля видно намѣреніе идти въ блокируемое мѣсто. Кромѣ того, на основаніи этого эдикта, нейтральные корабли, вышедшіе изъ блокированныхъ мѣстъ, могутъ быть задерживаемы на возвратномъ пути, пока не достигнутъ нейтральнаго порта. Къ попыткамъ, сдѣланнымъ въ XVII ст., для несправедливаго примѣненія блокады, можно еще прибавить знаменитую конвенцію, заключенную въ 1689 г. между Англіею и Нидерландами, въ силу которой были объявлены въ блокадѣ всѣ берега и гавани французскаго королевства, между тѣмъ, какъ союзники не были даже въ состояніи поддерживать ее достаточными силами [1]). Получивъ отъ Нидерландовъ въ наслѣдство ихъ превосходство на морѣ, Великобританія слѣдовала постоянно принципамъ провозглашеннымъ Нидерландами о правѣ блокады. Роли, однако, перемѣнились. Нидерланды, первые примѣнившіе блокаду на бумагѣ, мы встрѣчаемъ впослѣдствіи въ рядахъ ярыхъ противниковъ неосновательнаго распространенія блокады. Великобританія вызвала, своимъ произвольнымъ толкованіемъ права войны, союзъ вооруженнаго нейтралитета 1780 г., который признавалъ блокированнымъ только тотъ портъ, въ который входъ затрудненъ, присутствіемъ кораблей блокирующей державы, стоящихъ близъ блокируемаго мѣста [2]). Это опредѣленіе блокады было, какъ извѣстно, принято почти всѣми державами, за исключеніемъ Англіи и кромѣ того, оно служило образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ трактатовъ, выставляющихъ условія дѣйствительной блокады. Второй вооруженный нейтралитетъ 1800 г., опредѣлилъ блокаду почти въ такихъ же выраженіяхъ, какъ пер-

---

[1]) Dumont. Corps diplomatique, VII, part. II, p. 222.

[2]) Martens. Récueil des traités, II, p. 74 «que pour déterminer ce qui caractérise un port bloqué, on n'accorde cette détermination qu'à celui où il y a, par la disposition de la puissance qui l'attaque avec des vaisseaux arrêtés et suffisamment proches un danger évident d'entrer».

вый. Въ заключенной затѣмъ, въ 1801 г., морской конвенціи между Россіею и Англіею приведено, слово въ слово, опредѣленіе перваго вооруженнаго нейтралитета, съ тою только разницею, что въ словахъ: «кораблями тутъ стоящими *и* въ довольно близкомъ разстояніи», конвенція измѣнила «*и*» въ «*или*». Это немногозначущее, съ перваго взгляда, измѣненіе дало самый широкій просторъ остроумному толкованію англійскими государственными людьми конвенціи и права блокады [1]). Но извѣстно, что Россія вскорѣ отступила отъ этой конвенціи, и Англія обратилась къ осуществленію своего неограниченнаго права войны. Въ войнахъ, въ началѣ настоящаго вѣка, британское правительство объявило въ блокадномъ положеніи, не только своего отъявленнаго противника, Францію, но даже всѣ европейскія державы и принадлежащія имъ колоніи (блокадная система). Блокада по объявленію (by notification, blocus sur papier) достигла, въ это время, крайнихъ предѣловъ. Но начиная съ 1814 г., международные трактаты и конвенціи выставляютъ постоянно условія дѣйствительной блокады, согласно опредѣленію декларація Императрицы Екатерины II [2]). Въ особенности, Франція неуклонно настаивала на необходимости дѣйствительной блокады; между тѣмъ, какъ Британія не обнаружила ничѣмъ, въ промежутокъ времени отъ Вѣнскаго конгресса до 1854 г., своего намѣренія отказаться отъ произвольнаго примѣненія права блокады. Но, сдѣлавшись союзникомъ Франціи, Англія должна была условиться на счетъ принимаемыхъ общихъ мѣръ и, если вспомнить, указанную нами выше, перемѣну, произошедшую въ Англіи относительно пониманія условій своего экономическаго развитія, то понятно будетъ господство въ британской призовой практикѣ, во время восточной войны, большей справедливости и иного толкованія права блокады. Наконецъ Парижская декларація 16 (4) апрѣля 1856 г. опредѣляетъ: «Блокады, чтобъ быть обязательными, должны быть дѣйствительны, т. е., поддерживаться силою, достаточною для запрещенія доступа къ непріятельскому берегу» [3]). Къ сожалѣнію, это опредѣленіе блокады далеко не

---

[1]) Wheaton. Histoire du droit des gens, II, p. 103.

[2]) Срав. *Hautefeuille.* Histoire du droit maritime international, p. 365.

[3]) «Les blocus, pour être obligatoires, doivent être effectifs, c'est—à—dire maintenus par une force suffisante pour interdire réellement l'accès du littoral de l'ennemi».

такъ удачно, какъ въ декларации Екатерины II 1780 г.; но, очевидно, принципъ остался неизмѣненнымъ. Если же слѣдовать точному смыслу ст. IV. Парижской декларации, то блокада, можетъ быть примѣнена только весьма рѣдко, и то державами, обладающими громадными флотами. Опредѣленіе требуетъ, чтобы блокирующая держава прекратила всякій доступъ къ непріятельскому берегу; слѣдовательно, самое нарушеніе блокады должно сдѣлаться невозможнымъ, ибо, если блокирующіе корабли будутъ въ такомъ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, что доступъ въ блокированное мѣсто невозможенъ, то прерваніе блокадной линіи можетъ совершиться не иначе, какъ съ гибелью нейтральнаго корабля, который пытался нарушить блокаду. Съ этой точки зрѣнія, Парижская декларація относится даже строже къ дѣйствительности блокады, чѣмъ требовали, обыкновенно, международные трактаты. Но излишняя строгость декларации придаетъ шаткость самому опредѣленію и можетъ служить оправданіемъ явному произволу. Современное международное право считаетъ блокаду дѣйствительною, когда атакующая держава такъ близка и сильна, что своими разставленными кораблями можетъ, во всякое время и правильнымъ образомъ, подвергать опасности нейтральные корабли, желающіе войти, или, выдти изъ блокируемаго мѣста [1]). Во время американской междоусобной войны, Вашингтонское правительство объявило въ блокадѣ всѣ берега и гавани, принадлежащія мятежническимъ штатамъ Юга и, хотя блокадная линія простиралась болѣе чѣмъ на 3000 анг. миль, нейтральныя державы признали блокаду дѣйствительною [2]). За то въ послѣдней войнѣ Даніи съ Пруссіею и Австріею, первая не держалась не только опредѣленія Парижской декларации, но отступила даже отъ правилъ, обнародованныхъ въ датскомъ регламентѣ 1864 г. [3]), который требуетъ для дѣйствительной блокады, чтобъ одно или нѣсколько судовъ стояли предъ блокируемымъ мѣстомъ. Блокада прусскихъ береговъ на Балтій-

[1]) Лордъ Грэнвиллъ охарактеризовалъ въ 1861 г. (16 мая) слѣдующимъ образомъ дѣйствительную блокаду: «Such a force as, I do not say to make it impossible, but at any rate to make it very difficult for vessels to obtain ingress or egress».

См. *Wheaton's*, Elements, note № 233 by *Dana* (p. 674).

[2]) Wheaton's Elements of Inter. Law, note № 232 (p. 671).

[3]) Soetbeer. Neue Sammlung, IV, S. 105.

скомъ морѣ поддержпвалась, по увѣренію Геснера, только немногими крейсерами [1]).

На основаніи этого исторпческаго очерка главнѣйшихъ блокадъ, нельзя не сознаться, какое могущественное и опасное средство войны представляетъ блокада въ рукахъ сильной морской державы. Блокада непріятельскихъ береговъ лишаетъ воюющаго всякаго сношенія съ нейтральными, которыхъ торговые интересы страшно страдаютъ отъ этого, и мирной промышленности и торговлѣ наносится часто неисправимый вредъ. Стоитъ только вспомнить какъ жестоко отозвалось, на англійскомъ народѣ и промышленности, прекращеніе вывоза хлопчатой бумаги изъ южныхъ рабовладѣльческихъ штатовъ Сѣверной Америки. Относительно военной контрабанды, какъ бы не расширили кругъ ея предметовъ, все-таки можно установить извѣстную границу; да притомъ конфискуется только товаръ, а корабль нерѣдко освобождается. Блокада же прекращаетъ, на большихъ пространствахъ, всякое сношеніе съ моря, и въ случаѣ ея нарушенія, конфискаціи подвергается чаще всего корабль и грузъ вмѣстѣ, если нельзя доказать, самымъ неопровержимымъ образомъ, что собственникъ груза и не подозрѣвалъ о намѣреніи капитана корабля прервать блокадную линію. Но, едва ли нужно доказывать до какого жалкаго положенія можетъ быть доведено неотъемлемое право нейтральныхъ на свободное продолженіе своихъ мирныхъ отношеній къ воюющимъ, если допустить возможность фиктивной блокады, гдѣ, однимъ почеркомъ пера, воспрещается нейтральнымъ, подъ страхомъ наказанія, всякое сообщеніе съ цѣлою мѣстностью, даже со всѣмъ континентомъ, какъ въ 1807 году!

Не смотря на всѣ злоупотребленія, преимущественно со стороны Великобританіи, право блокады, какъ мы видѣли изъ изложенія фазисовъ его развитія, имѣетъ историческое основаніе. Дѣло науки международнаго права выяснить юридическую идею и разумное основаніе права блокады. Международное правосознаніе, неоднократно и опредѣленно, высказывало необходимыя условія дѣйствительной блокады, поэтому, изслѣдованіе этихъ элементовъ осуществленія права блокады должно было привести къ научному его опредѣленію, согласному съ правосозна-

[1]) Gessner. Le droit des neutres sur mer, p. 167—8.

ніемъ и потребностями развитія международной жизни. Слѣдовательно, отъ представителей науки международнаго права, прежде всего, требуетъ разрѣшенія, вопросъ: въ чемъ заключается юридическое, разумное основаніе права блокады? Опредѣливъ правильно основаніе, возможно опредѣлить условія и моменты осуществленія права блокады.

2. Теорія права блокады.

Всѣ попытки дать юридическое, разумное основаніе праву блокады были сдѣланы континентальными публицистами. Британскихъ публицистовъ, а вслѣдъ за ними и американскихъ, нисколько не занимаетъ вопросъ: въ чемъ собственно состоитъ право блокады? Они настолько практичны, что ограничиваются исключительно повтореніемъ рѣшеній британскихъ призовыхъ судей и восхваленіемъ своей отечественной практики. Приступая къ изслѣдованію вопросовъ международнаго права, съ предвзятою мыслью открыть въ приговорахъ В. Скотта, новыя стороны для защиты интересовъ Англіи и ея морскаго превосходства, британскіе публицисты постоянно упускаютъ изъ виду, что предметъ предпринятыхъ ими изслѣдованій не англійское, но международное право, сложившееся въ правосознаніи народовъ и развивающееся соотвѣтственно условіямъ развитія международныхъ отношеній и жизни. Только въ новѣйшее время, явились въ Англіи публицисты, какъ ученый Филлиморъ, которые обращаютъ вниманіе на разработку вопросовъ международнаго права, внѣ предѣловъ Англіи, на европейскомъ континентѣ; но это нисколько не затрудняетъ ихъ оставлять право блокады безъ юридическаго основанія, и выдавать за международное право претензіи Великобританіи, требующей пожертвованія всѣмъ, для поддержанія своего могущества на морѣ (maritime supremacy). Что же касается публицистовъ и судей Соединенныхъ Штатовъ, то мы уже имѣли случай указать на разладъ, существующій между правительствомъ и публицистами этой страны. Американскіе юристы провозглашаютъ полный произволъ воюющаго, при осуществленіи права блокады; между тѣмъ, какъ отъ Вашингтонскаго правительства исходятъ проекты, ограничивающіе, до нельзя, примѣненіе блокады.

Иначе относятся къ изслѣдованію основанія права блокады континентальные публицисты, мнѣнія которыхъ распадаются на

двѣ противоположныя теоріи. Къ числу защитниковъ первой теоріи мы относимъ Гюбнера [1]), Отфеля [2]), Массе [3]), Ортолана [4]), Клюбера [5]) и, наконецъ, Видари [6]). Подробнѣе другихъ развиваетъ эту теорію Отфель, поэтому мы и обратимся къ изложенію его аргументаціи. Непріятель имѣетъ неоспоримое право, разсуждаетъ Отфель, осаждать и завоевывать крѣпости, города и земли своего противника. Если одно изъ воюющихъ государствъ думаетъ воспользоваться этимъ правомъ, оно окружаетъ мѣсто, которое желаетъ занять достаточными силами, расположенными на территоріи самаго непріятеля. Эта часть непріятельской территоріи, занятая осаднымъ войскомъ уже пріобрѣтена воюющимъ, который проявляетъ на ней свою судебную власть, какъ на своей собственной территоріи. Необходимымъ послѣдствіемъ верховной и судебной власти непріятеля, надъ занятой имъ территоріею, является право издавать законы для этой мѣстности, разрѣшать или запрещать иноземцамъ вступленіе на эту территорію. На такомъ же основаніи, воюющій имѣетъ право препятствовать или не допускать никакихъ торговыхъ сношеній съ занятой имъ мѣстностью, подобно тому, какъ онъ это можетъ дѣлать въ своемъ государствѣ. «Применяя это къ блокадѣ», говоритъ Отфель, «мы видимъ, что съ «той минуты, когда воюющій предпринялъ блокаду непріятельскаго порта, онъ завоевалъ ту часть непріятельской территоріи, которая называется нами территоріальнымъ моремъ. Въ «этой завоеванной части территоріи, воюющій имѣетъ право постановлять законы, согласно своимъ интересамъ; слѣдовательно, «можетъ воспретить всѣмъ нейтральнымъ кораблямъ плаваніе по этой мѣстности, съ цѣлью вести торговлю съ блокируемымъ «портомъ». Проявляя свою судебную власть, воюющій имѣетъ право наказывать каждаго нарушителя своего запрещенія: не вступать въ сношенія съ блокируемою мѣстностью. Съ этой точки зрѣнія, право блокады не есть, въ дѣйствительности, огра-

---

[1]) Hübner. De la saisie des batiments neutres. I, chap. VII, § 6.

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, II, p. 189 etc. Questions p. 9, 22, 240.

[3]) Massé. Droit commercial, § 287 etc.

[4]) Ortolan. Diplomatie de la mer., t. II, p. 329.

[5]) Klüber. Droit des gens moderne de l'Europe § 297.

[6]) Vidari. Del rispetto, p. 272.

ниченіе свободы торговли нейтральныхъ народовъ: блокада ничто иное, какъ отказъ одного народа вести торговлю съ другимъ, въ опредѣленныхъ мѣстахъ своей территоріи [1]). Рельефнѣе другихъ приверженцевъ этой теоріи выражается Ортоланъ, опредѣляющій право блокады, какъ «замѣну права верховной власти» или, какъ заступленіе мѣста монарха страны въ пользованіи правами верховной власти [2]). Въ присвоеніи себѣ законодательной и судебной власти блокирующей эскадрою и Видари признаетъ существо и основаніе права блокады [3]).

Въ противоположность этой теоріи, существуетъ другая, зачатки которой мы находимъ уже у Гуго Гроція [4]), а впослѣдствіи она развивается Биккерсгукомъ [5]), Ваттелемъ [6]), и въ сочиненіяхъ Лукези-Палли [7]), Коши [8]) Геснера [9]), Блунчли [10]), и, наконецъ, Бишофа [11]). Слѣдуя разсужденіямъ этихъ писателей, должно искать основаніе права блокады въ правѣ необходимости, или въ правѣ войны. Необходимость достигнуть цѣли войны вынуждаетъ воюющихъ къ блокадѣ непріятельскихъ гаваней и береговъ, и, въ силу этой законной необходимости, нейтральные обязаны подчиняться праву воюющихъ—прекращать

---

[1]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, II, p. 193.

[2]) Ortolan. Diplomatie de la mer, II,p. 329. Le blocus «est une substitution d'une souveraineté à l'autre sur les eaux littorales».

[3]) Vidari. Del rispetto, p. 276 «Per parte nostra, non ci riesce di capire come si voglia negare alle naviciò che universalmente si consente per legittimo agliesserciti di terra che bloccano una piazza; iquali, incontrastabilmente, possono esercitare su tutta la linea del territorio soggetto al blocco il diritto di legislazione e di giurisdizione».

[4]) Grotii. De j. b. a. p., lib. III, cap. I, § V, 3 «Quod si jurismei executionem rerum subvectio impedierit, idque scire potuerit qui advexit, ut si oppidum obsessum tenebam, si portos clausos, et jam deditio aut pax expectabatur, tenebiturille mihi de damno culpa dato, ut qui debitorem carceri exemit, aut fugam ejus in meam fraudem instruxit: et ad damni dati modum res quoque ejus capi, et dominium earum debiti consequendi causa quaeri poterit. Si damnum nondum dederit sed dare voluerit, jus erit rerum retentione eum cogere ut de futuro caveat obsidibus, pignoribus, aut alio modo».

[5]) Bynkershoek. Quaest. juris publ., lib I, cap. XI.

[6]) Vattel. Droit des gens, liv. III, chap VII, § 117.

[7]) Lucchesi-Palli. Principii di diritto marittimo, cap. VII.

[8]) Cauchy. Droit maritime international, II, p. 197, 200, 419, 420.

[9]) Gessner. Droit des neutres sur mer, p. 151.

[10]) Bluntschli. Modernes Völkerrecht, § 827.

[11]) Bischof. Internationales Seerecht, § 38 (S. 58).

съ блокируемымъ мѣстомъ всякія сношенія. Эта необходимость не должна быть только кажущейся и не можетъ оправдывать воюющихъ нарушеній правъ нейтральныхъ, со стороны воюющихъ. Право блокады, основанное на необходимости, коренится въ исторіи, и имѣетъ настолько же юридическое основаніе, какъ самое право войны. Хотя, говоритъ Блунчли, блокада жестоко отзывается на интересахъ нейтральныхъ, но подобно тому какъ война вредитъ вообще нейтральнымъ, такъ и блокада должна быть терпима, какъ неминуемое послѣдствіе войны. Если же Англія оправдывала всѣ свои нарушенія правъ нейтральныхъ, правомъ необходимости, то явное злоупотребленіе своей силою не подлежитъ здѣсь сомнѣнію. «Именно потому», замѣчаетъ Блунчли, «что блокада основывается на правѣ не-«обходимости (Nothrecht), она должна быть ограничена на слу-«чаи и мѣру необходимости». — Наконецъ, замѣтимъ, что Гефтеръ, повидимому, не принимаетъ ни первой, ни послѣдней теоріи. Онъ не соглашается съ опредѣленіемъ права блокады, сдѣланнымъ Ортоланомъ, но все-таки считаетъ блокаду завладѣніемъ непріятельской территоріею. Блокирующая держава, говоритъ Гефтеръ, «дѣйствительный владѣлецъ непріятельской «земли или территоріальнаго моря, или же, владѣетъ въ обще-«свободной области операціонною линіею», которая не можетъ быть занимаема, въ одинъ и тотъ же моментъ, нѣсколькими. Блокада въ открытомъ морѣ, по мнѣнію Гефтера, «актъ предупрежденія» (Prävention) [1]). Къ сожалѣнію Гефтеръ не развиваетъ своего мнѣнія, но ограничивается только отрывочными замѣчаніями; однако критика двухъ первыхъ теорій докажетъ, что его мнѣніе не лишено нѣкотораго основанія.

Несостоятельность теоріи Отфеля, Ортолана и Массе доказывается, съ одной стороны, ложностью ея основанія, а съ другой, опровергается самими авторами. Отфель утверждаетъ, что посредствомъ блокады воюющій завоевываетъ часть непріятельской территоріи, т. е. его береговое или территоріальное море. Однако извѣстно, что блокирующая держава не господствуетъ надъ той мѣстностью, или портомъ, противъ которыхъ установлена блокада. Слѣдовательно, предъ нами будетъ область, состоящая, на основаніи этой теоріи, во владѣніи двухъ юри-

[1]) Heffter. Völkerrecht, S. 276. 319.

дическихъ лицъ, находящихся въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Съ берега владычествуетъ надъ моремъ территоріальная власть, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, а съ моря, блокирующій непріятель. Между тѣмъ, если блокада дѣйствительно завоеваніе (conquête), или «замѣна верховной власти», то необходимо, чтобъ прежняя власть дѣйствительно была бы устранена, и лишилась бы возможности господствовать надъ своей территоріею [1]). Этого же мы здѣсь не видимъ. Затѣмъ, допуская какъ основаніе права блокады завоеваніе, мы логично должны признать возможнымъ распространеніе права владѣнія на открытое море. Береговое море, какъ извѣстно и общепринято въ международномъ правѣ, простирается отъ берега не дальше какъ на пушечный выстрѣлъ, и понятно, что корабли, блокирующіе напр. какую нибудь крѣпость, не могутъ стоять и никогда не стоятъ въ предѣлахъ выстрѣла, но всегда находятся въ открытомъ морѣ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ они въ состояніи препятствовать приближенію къ берегу. Слѣдовательно, на основаніи этой теоріи, блокирующая эскадра завладѣла бы частью свободнаго моря, надъ которою распространяется ея законодательная, судебная и карательная власть. Это вѣское возраженіе имѣлъ также въ виду и Отфель, и поэтому, сдѣлалъ попытку къ его опроверженію [2]). «Блокирующіе корабли», говоритъ онъ, «могутъ быть разставляемы въ свободномъ морѣ, но артил-«лерія ихъ господствуетъ надъ береговымъ моремъ, и утверж-«даетъ за ними юрисдикцію надъ этой частью владѣній непрія-«теля». Если даже допустить, что блокирующіе корабли держатся далеко отъ берега, такъ что артиллерія ихъ не можетъ господствовать надъ береговымъ моремъ, все-таки каждый корабль, находящійся въ свободномъ морѣ, пріобрѣтаетъ своему государству фактическое владѣніе надъ той частью океана, которая занимается имъ, въ продолженіе времени его пребыванія на одномъ мѣстѣ. «Такимъ образомъ», аргументируетъ Отфель, «корабли, поставленные далеко отъ блокируемаго мѣста, въ «такомъ порядкѣ, что ихъ выстрѣлы перекрещиваются, и угро-«жаютъ опасностью всякому кораблю, который сдѣлаетъ по-«пытку войти въ ихъ линію, — также подчиняютъ юрисдикціи

[1]) Cauchy. Droit maritime inter. II. p. 419.

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, II, p. 193. Срав. также *Vidari*. Del rispetto p. 274—275.

«своего государства занятую имъ область, такимъ образомъ, «какъ еслибъ она принадлежала непріятелю, и была бы отнята «отъ него». Намъ кажется, что подобнаго рода разсужденія, весьма понятны въ устахъ британскихъ публицистовъ, но нельзя было ожидать ихъ въ трудѣ извѣстнаго защитника свободы моря и правъ нейтральной торговли. Отфель допускаетъ установленіе права владѣнія надъ всѣмъ пространствомъ свободнаго моря, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ борта корабля. Впрочемъ, это мнѣніе высказалъ ранѣе Отфеля Ацуни [1]), затѣмъ, оно развивалось весьма подробно Дюпеномъ [2]) и Кюсси, но, вѣдь самъ Отфель опровергаетъ, въ другомъ своемъ сочиненіи, эту ложную теорію [3]). Что станется съ свободою моря, если допустить, что корабли одной державы могутъ, посредствомъ перекрестнаго огня, подчинять себѣ часть открытаго моря? Очевидно, что, на основаніи этой теоріи, могущественныя воюющія державы имѣютъ право и возможность запрещать всѣ сношенія нейтральныхъ, на открытомъ морѣ, ибо стоитъ имъ только разставить, внѣ береговаго моря нейтральнаго государства, свои корабли, въ извѣстномъ порядкѣ, чтобъ сдѣлать даже невозможнымъ выходъ нейтральныхъ кораблей изъ нейтральныхъ же гаваней. Поэтому намъ кажется ни на чемъ не основаннымъ такое фактическое владѣніе надъ океаномъ, вслѣдствіе чего корабль пріобрѣтаетъ право юрисдикціи на разстояніи пушечнаго выстрѣла [4]). Мы сомнѣваемся, чтобъ Отфель, или Массе, при изложеніи этой теоріи, постоянно имѣли въ виду послѣдствія, логически вытекающія изъ ихъ разсужденій и опровергнутыя ими же самими.

Наконецъ неосновательнымъ кажется намъ и мнѣніе Отфеля о сухопутныхъ завоеваніяхъ, на аналогіи съ которыми онъ основываетъ право блокады. Временное занятіе непріятельской территоріи не можетъ уничтожить, какъ мы это видѣли выше,

[1]) Azuni. Droit maritime de l'Europe, II, p. 98.

[2]) Срав. процессъ *Carlo Alberto* у *Cussy*, Phases et causes celèbres, II, p. 89.

[3]) Hautefeuille. Histoire du droit maritime. p. 25 Срав. *Massé* §§ 289, 362.

[4]) Kent's Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 109 «This jurisdiction is confined to the ship; and no one ship has a right to prohibit the approach of another at sea, or to draw round her a line of territorial jurisdiction within which no other is at liberty to intrude».

всѣхъ проявленій мирной жизни, и отмѣнить существовавшихъ законоположеній, насколько они не угрожаютъ опасностью завоевателю. Въ особенности, торговыя сношенія не прекращаются сами собою на завоеванной территоріи, и не всегда запрещаются завоевателемъ. Слѣдовательно, такое понятіе о завоеваніи уничтожаетъ даже самую законность блокады, если блокада есть завоеваніе.

Доказавъ неосновательность этой теоріи о правѣ блокады, которую Дана, быть можетъ не совсѣмъ безъ основанія, называетъ «фантастическою» [2]), намъ остается, принять вторую, или же, выставить другое юридическое основаніе права блокады. Соглашаясь въ общихъ чертахъ съ теоріею Гуго Гроція, Геснера и Блунчли, намъ кажется однако, что и эта теорія не лишена весьма слабыхъ сторонъ. Необходимость признается основаніемъ права войны, и въ ней блокада должна находить свое опредѣленіе и границы. Между тѣмъ, необходимость обыкновенно составляетъ исключеніе изъ юридическаго порядка и, по свойственной ей неопредѣленности, не поддается точнымъ опредѣленіямъ права. Слѣдовательно, признавая необходимость основаніемъ права блокады, мы не можемъ придти къ какому либо положительному опредѣленію, и должны отказаться отъ опредѣленія предѣловъ права блокады. Необходимость какъ основаніе права блокады, есть въ нѣкоторомъ отношеніи сознаніе представителей науки международнаго права о невозможности дать опредѣленіе праву блокады, и, такимъ образомъ, блокада должна быть понята какъ исключительное состояніе, основаніе котораго есть фактическая сила воюющей державы. Но, съ другой стороны, весьма основательно мнѣніе, что право блокады коренится въ правѣ войны. Намъ кажется, что соглашеніе первыхъ двухъ теорій съ мнѣніемъ Гефтера о правѣ блокады, можетъ дать совершенно разумное и юридическое основаніе праву блокады. Воюющій предпринимаетъ войну для возстановленія нарушеннаго права и мира; средства же войны должны соображаться съ этой цѣлью и съ предписаніями правды и справедливости. Съ прогрессомъ международной жизни и права, развивается также право войны, котораго развитіе состоитъ меж-

[1]) Wheaton's Elements of Inter. Law. ed. by *Dana*, note № 232 «the French authors have a formal and fanciful theory». (p. 675).

ду прочимъ: въ постепенномъ, исключительномъ ограниченіи воюющими послѣдствій, вытекающихъ изъ существующей между ними распри и въ поступательномъ выясненіи и охраненіи неотъемлемыхъ правъ нейтральныхъ. Международная жизнь исключаетъ возможность совершеннаго безучастія нейтральныхъ въ войнѣ; но на обязанности воюющихъ державъ лежитъ забота— постоянно имѣть въ виду такіе способы войны, которые ограничиваютъ бѣдствія и, меньше всего, отзываются на интересахъ нейтральныхъ. Такимъ образомъ безспорное право нейтральныхъ, на продолженіе своихъ мирныхъ, торговыхъ сношеній съ воюющими, можетъ подчиняться вліянію войны настолько, насколько другія средства войны не достигаютъ той же цѣли, съ меньшимъ вредомъ для нейтральныхъ, поддерживающихъ правовой порядокъ. Понимая право блокады, въ соотвѣтственномъ развитіи съ правомъ войны, неизбѣжно придти къ заключенію, что и право блокады постепенно идетъ впередъ по пути къ ограниченію произвола. Признавая блокаду исключительнымъ и неминуемымъ ограниченіемъ правъ нейтральныхъ на свободу сношеній, мы считаемъ обязанностью нейтральныхъ подчиниться этой необходимости, насколько она неизбѣжное слѣдствіе войны. Самая же блокада представляется, съ одной стороны, завоеваніемъ, а съ другой, фактическимъ обладаніемъ частью открытаго моря. Если воюющій въ состояніи удержаться въ пространствѣ береговаго моря непріятельскаго государства, то, занимаемая имъ часть территоріальныхъ водъ, подчиняется праву завоеванія, на основаніи котораго завоеватель имѣетъ право запрещать продолженіе сношеній съ завоеванною мѣстностью. Осуществленіе этого права требуетъ иногда собственною безопасностью, и оправдывается необходимостью войны. Если же блокирующая эскадра находится внѣ предѣловъ береговаго моря непріятельскаго государства, то нѣтъ сомнѣнія, что занятое пространство открытаго моря состоитъ въ фактическомъ владѣніи блокирующихъ кораблей, и только непріятель можетъ ихъ заставить удалиться. Но блокирующіе корабли, стоящіе въ открытомъ морѣ, не простираютъ своей власти на пространство пушечнаго выстрѣла отъ борта, а фактическое обладаніе частью открытаго моря предупреждаетъ только доступъ къ блокируемому мѣсту, безъ ихъ разрѣшенія.

На основаніи всего сказаннаго, право блокады есть право

воюющаго запрещать, вслѣдствіе завоеванія территоріальнаго моря, или, фактическаго обладанія частью свободнаго моря, всякое сношеніе съ непріятельскимъ берегомъ.

Опредѣливъ право блокады, мы обращаемся къ разсмотрѣнію: во 1-хъ, объема блокады; во 2-хъ, условій ея существованія; и въ 3-хъ, нарушенія блокады и вытекающихъ отсюда послѣдствій.

Блокада прекращаетъ доступъ къ непріятельскому берегу; слѣдовательно, воюющій имѣетъ право блокировать не только гавани, крѣпости, заливы, но даже берега и острова. Воюющій имѣетъ неопровержимое право атаковать своего врага, чтобы принудить его, къ возстановленію мира. Для этой цѣли онъ предпринимаетъ блокаду, какъ крѣпостей, такъ и совершенно мирныхъ, или коммерческихъ портовъ непріятельскаго государства. Однако, къ литературѣ международнаго права, было заявлено мнѣніе, что непріятель долженъ ограничивать свое право блокады, исключительно укрѣпленными мѣстами, такъ что коммерческія гавани, «въ которыхъ не находится непріятель», онъ не имѣетъ права блокировать. Въ пользу свободы коммерческихъ гаваней отъ блокады, высказался уже Наполеонъ I, въ Берлинскомъ декретѣ 1806 г., утверждая, что противно разуму и обычаямъ цивилизованныхъ народовъ, блокировать неукрѣпленные морскіе города. Это мнѣніе развивали впослѣдствіи неаполитанскій дипломатъ Лукези-Палли [1]); а въ новѣйшее время Ричардъ Кобденъ [2]) и, бывшій въ 1859 г., министръ Соединенныхъ Штатовъ, генералъ Кассъ [3]).

Лукези-Палли старается доказать необходимость ограниченія блокады, исключительно крѣпостями тѣмъ, что будто въ коммерческомъ портѣ нѣтъ непріятеля, которымъ признаются только вооруженныя силы государства. Если же въ приморскомъ торговомъ городѣ нѣтъ военной силы, то несправедливо предпринимать противъ него непріятельскія дѣйствія. Противъ этого замѣтимъ, что существо блокады нисколько не требуетъ и не допускаетъ, непосредственно, насильственныхъ дѣйствій противъ

[1]) Lucchesi-Palli. Principii di diritto pubblico p. 167—90.

[2]) Cobden въ рѣчи, произнесенной въ Манчестерской торговой палатѣ (Times, 25 Octobre 1862) Срав. также *Wheaton's* Elements ed. by *Lawrence*, p. 822.

[3]) Циркуляръ генерала *Касса* у *Aegidi u. Klauhold*. Frei Schiff, № XIII.

беззащитнаго города. Блокада прекращаетъ только всякое сношеніе съ блокируемымъ мѣстомъ, и разрушеніе неукрѣпленнаго и беззащитнаго города было бы, во время морской войны, такимъ же варварствомъ, какимъ оно признается въ войнѣ на сушѣ. Но такъ какъ территоріальная власть непріятельскаго государства распространяется также на коммерческія гавани, то нѣтъ основанія отказывать воюющему въ правѣ блокировать ихъ; тѣмъ болѣе, что въ настоящее время, какъ справедливо замѣчаетъ Дана, всякій торговый портъ представляетъ всѣ необходимые матеріалы для устройства военныхъ кораблей, и благопріятныя гавани почти всегда служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоянкою для военнаго флота, и имѣютъ свои арсеналы [1]). Воюющимъ весьма легко строить военные корабли въ коммерческихъ гаваняхъ и, затѣмъ, отправлять ихъ въ море. Кобденъ находитъ непослѣдовательнымъ требовать неприкосновенности купеческихъ кораблей на морѣ и, въ тоже время, оправдывать конфискацію частнаго корабля, нарушившаго блокаду. Намъ кажется, что большая разница между кораблемъ, задержаннымъ вслѣдствіе нарушенія блокады, и кораблемъ, плавающимъ въ открытомъ морѣ. Въ первомъ случаѣ, частное лицо нарушаетъ права воюющихъ, и не исполняетъ своей обязанности; въ послѣднемъ же, когда купеческій корабль не имѣетъ на бортѣ военной контрабанды, частная собственность должна пользоваться полной неприкосновенностью. Кассъ, подобно Лукези-Палли, признаетъ вполнѣ законнымъ средствомъ войны, блокаду или осаду какого нибудь мѣста, предпринятую съ цѣлью принудить непріятеля къ сдачѣ, и лишить его возможности получать какую либо помощь. Но блокада берега или коммерческой гавани предпринимается, безъ всякаго соотвѣтствія съ конечной цѣлью войны, и явно обнаруживаетъ стремленіе воюющихъ разорить торговлю мирныхъ и дружескихъ народовъ. Кассъ утверждаетъ, что такое желаніе противно духу и стремленіямъ современности. Прежде всего бросается въ глаза трудность различить, съ какою цѣлью предпринята блокада извѣстнаго мѣста: съ цѣлью ли водворить миръ, или же, для разоренія нейтральной торговли. По нашему мнѣнію, несомнѣнно, что воюющіе постоянно обязаны имѣть въ виду разумную цѣль войны, но мы считаемъ весьма рѣдко возможнымъ доказать, что воюющая держава пред-

[1]) Wheaton's Elements, note № 232 by Dana (p. 673).

приняла блокаду, съ цѣлью разорить мирную торговлю нейтральныхъ народовъ. Вопросъ заключается въ томъ: имѣетъ ли воюющій право блокировать берега и коммерческія гавани, и доказываетъ ли злоупотребленіе правомъ, что самое право дѣйствительно лишено основанія. Во время сухопутной войны, воюющій имѣетъ право осаждать и брать непріятельскіе города, нельзя же отказать морской державѣ въ правѣ, пользоваться тѣмъ же средствомъ войны. Если же отрицать право воюющихъ блокировать коммерческія гавани непріятеля, то, неминуемо, должны явиться двоякаго рода послѣдствія: во 1-хъ, морскія державы лишатся, въ сильной степени, возможности вести войну съ непріятелемъ, обладающимъ незначительнымъ флотомъ и сильной арміею [1]); и во 2-хъ, въ интересѣ безсильной, на морѣ, державы,—ея безопасность требуетъ уничтожить всѣ береговыя укрѣпленія, чтобы избавиться отъ блокады и продолжать, безпрепятственно, свои сношенія съ другими народами [2]).

На этихъ основаніяхъ, теорія о такъ-называемыхъ коммерческихъ блокадахъ (commercial blockades), въ отличіи отъ военныхъ или стратегическихъ (military or strategic blockades) [3]), не выдерживаетъ критики. Право блокады воюющихъ державъ нельзя ограничить обложеніемъ укрѣпленныхъ только городовъ, и намъ кажется неоспоримымъ ихъ право блокировать цѣлыя побережья и коммерческія гавани непріятеля. Но, съ другой стороны, нельзя не предвидѣть, что съ дальнѣйшимъ успѣшнымъ развитіемъ международной жизни, право блокады должно подвергнуться коренному измѣненію. Измѣненіе это будетъ необходимо, какъ вслѣдствіе распространенія торговыхъ, мирныхъ сношеній между народами, такъ и интересъ морскихъ державъ потребуетъ ограниченія права блокады. Прежде всего несомнѣнно, что чѣмъ больше развиваются мирныя сношенія между народами, чѣмъ сильнѣе проникаются народы сознаніемъ необхо-

---

[1]) Графъ Россель, совершенно вѣрно, замѣтилъ въ 1861 г., по поводу циркуляра генерала Касса, что его предложеніе «a proposal that, there being two powers, one of which has a very strong army and a weak navy, and the other an inferior army, but a superior navy, the latter power should foregoits advantages, and allow the contest to be decided by military force only». — См. Wheaton's Elements of Inter. Law, note № 232 (p. 672).

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, II, p. 212. — Massé. Droit commercial, § 294 (p. 236). — Dana's Wheaton, note № 232.

[3]) Wheaton's Elements of Int. Law, note № 232 (p. 671).

димости международной жизни, — тѣмъ чувствительнѣе должно отозваться на всѣхъ, связанныхъ общими интересами, такое радикальное прекращеніе международныхъ сношеній, какое является неминуемымъ слѣдствіемъ блокады. Едва ли можетъ быть оспариваемо, что блокада уже въ настоящее время, вслѣдствіе повсемѣстнаго распространенія желѣзныхъ дорогъ, лишилась во многомъ, своего прежняго значенія. Блокада, очевидно, опаснѣе всего для такихъ державъ, которыя не въ состояніи, по ихъ естественному положенію, имѣть помимо блокады непосредственныя сухопутныя сообщенія съ нейтральными народами. Кобденъ доказалъ весьма убѣдительно, что въ случаѣ войны Англіи съ Франціею, учрежденная первою державою блокада французскихъ береговъ, не помѣшаетъ послѣдней продолжать свои торговыя сношенія, съ такою же быстротою, чрезъ Испанію, Италію, Роттердамъ и Гамбургъ. Во время крымской войны, говоритъ Кобденъ, не смотря на блокаду русскихъ береговъ на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ, русская торговля продолжалась все-таки чрезъ Пруссію, и, понесла убытокъ только сама Англія [1]). Слѣдовательно, поступательное развитіе международной жизни должно привести къ ограниченію права блокады.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію условій дѣйствительности блокады, прежде всего необходимо замѣтить, что недостаточно одного только желанія блокировать непріятельскіе берега, для законнаго существованія блокады [2]). Мы видѣли выше, какъ трактаты постоянно требовали блокады дѣйствительной, не допуская фиктивной. Между тѣмъ, Англія объявляла въ блокадѣ, посредствомъ приказовъ своего Тайнаго Совѣта, непріятельскіе берега и города, не выставляя противъ блокируемыхъ мѣстъ никакихъ судовъ, или же, только нѣсколько крейсеровъ, занимавшихся захватомъ въ открытомъ морѣ, нейтральныхъ кораблей, непарушившихъ никакой блокады, ибо—ея не было.

Для дѣйствительности блокады требуется отъ воюющаго во 1-хъ, объявленія о блокадѣ de jure, и во 2-хъ, достаточной морской военной силы для поддержанія ея, de facto [3]). При уч-

[1]) Times 25 Octobre 1862. Срав. *Wheaton's* Elements ed. by *Lawrence* p. 824; *Vidari*. Del rispetto, p. 294.

[2]) Bello. Principios, p. 233. «Un simple decreto no basta para constituir bloqueo: es menester tambien que delante de la plaza bloqueada haya una fuerza suficiente para llevarlo á efecto».

[3]) Phillimore's. Commentaries, III, p. 384.

реженіи блокады, воюющая держава должна формально объявить нейтральнымъ объ этой мѣрѣ. Обязанность нейтральныхъ государствъ дѣлать объявленную блокаду извѣстною своимъ подданныхъ; подданные же вслѣдствіе такихъ обнародованій, со стороны верховной власти, лишаются возможности отзываться невѣдѣніемъ о существованіи блокады [1]). Впрочемъ, справедливость и международная практика требуютъ неоставлять, безъ вниманія, посторонннхъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая,—когда напр. корабль изъ отдаленнаго порта направляется прямо въ блокированное мѣсто, и никакъ не можетъ имѣть свѣдѣній о существованіи блокады. Затѣмъ, объявленіе блокады есть исключительное право верховной власти воюющаго государства, но верховная власть можетъ также уполномочить на это начальника военнаго флота [2]). Необходимымъ и существеннымъ условіемъ блокады является присутствіе у блокируемаго мѣста достаточной военной силы, которая была бы въ состояніи препятствовать входу или выходу изъ него [3]). Все затрудненіе заключается только въ томъ: что считать достаточною силою, для дѣйствительнаго поддержанія блокады? При рѣшеніи этого вопроса нужно избѣгать двоякаго рода крайности; такъ съ одной стороны, нельзя согласиться съ британскою практикою, признающею достаточнымъ одного крейсера, для поддержанія блокады на огромныхъ пространствахъ. Отрадно видѣть, что въ новѣйшее время даже сами британскіе публицисты и судьи осуждаютъ произволъ, провозглашаемый прежде Англіею началомъ международнаго права [4]). Съ другой же стороны, нельзя также требовать отъ блокирующей державы разставленія столькихъ кораблей, что входъ или выходъ изъ блокируемаго мѣста, были бы вообще невозможны, такъ что блокаду даже тогда необходимо было бы признать недѣйствительною, если бы хоть

[1]) Bello. Principios, p. 234. «El efecto de la notificacion á un gobierno extranjero es que todos sus súbditos se reputan comprometidos en ella».

[2]) Gessner. Droit des neutres, p. 179; *Phillimore*, III, p. 383.

[3]) Phillimore, (III, § 293), опредѣляетъ слѣдующимъ, удачнымъ образомъ дѣйствительную блокаду: «A blockade *de facto* should be effected by stationning a number of ships, and forming as it were an arch of circumvollation round the mouth of the prohibited port, where, if the arch fails in any one part, the blockade itself fails altogether».

[4]) Soetbeer. Sammlung officieller Actenstücke, Bd. I; Grundzüge, S. 27. «*The Franciscа*», VIII, Heft. 1855 S. 21.

Срав. *Kent's* Commentary on Inter. Law, ed. by *Abdy* p. 364.

одному нейтральному кораблю удалось прервать блокадную линію. Международное право объявляетъ блокаду дѣйствительною только тогда, когда каждый нейтральный корабль, желающій войти или, выйти изъ блокируемаго порта, долженъ прервать блокадную линію, подвергаясь при этомъ, явной опасности быть задержаннымъ [1]). Опредѣлить же абстрактно составъ силы, достаточной для обложенія блокируемаго мѣста, не разумно, такъ какъ природа мѣстности имѣетъ, безъ сомнѣнія, рѣшительное вліяніе на легкость или затруднительность блокады. Поэтому попытки, сдѣланныя нѣкоторыми трактатами опредѣлить число блокирующихъ кораблей (отъ 2—6) не имѣютъ разумнаго основанія [2]). Пока блокада дѣйствительна, нейтральные обязаны подчиняться требованіямъ военной необходимости, и не входить въ сношеніе съ блокируемымъ мѣстомъ. Но при существованіи блокады не только *de facto*, которая еще не объявлена нейтральнымъ, но и при блокадѣ *по объявленію* (by notification), она не можетъ считаться снятою, если силы природы, какъ напр. буря, туманъ, удаляютъ на короткое время блокирующую эскадру. Однако, такъ какъ блокада, въ такомъ случаѣ, все-таки прекращена фактически, то нейтральный корабль, успѣвшій въ это время войти въ блокируемый портъ, нельзя признать нарушителемъ блокады, фактически несуществовавшей. Если же нейтральные убѣждаются на дѣлѣ, что блокада, объявленная законнымъ порядкомъ воюющей державою, недѣйствительна, съ самаго начала, или перестала быть дѣйствительною впослѣдствіи, когда напр. блокирующіе корабли разсѣяны непріятелемъ — то нѣтъ надобности ожидать офиціальнаго увѣдомленія о прекращеніи блокады, и нейтральные въ правѣ возобновить свои сношенія съ бывшимъ въ блокадѣ портомъ. Мнѣніе В. Скотта, что блокаду по объявленію должно считать упраздненною не ранѣе, пока блокирующая держава не заявитъ о прекращеніи блокады, несогласно съ современнымъ международнымъ правомъ [3]). На осно-

[1]) Heffter. Völkerrecht, S. 277. *Kaltenborn*. Praktisches Europäisches Seerecht, S. 399. *Ortolan*. Diplomatie de la mer, II, p. 357.

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs, II, p. 199. *Klüber*. Droit de gens moderne de l'Europe, § 297; *Ortolan*. Diplomatie, II, p. 356.

[3]) Wheaton's Elements of Int. Law. § 515. В. Скоттъ утверждалъ «I shall hold that a blockade by notification is prima facie, to be presumed to continue till the notification is revoked».

Срав. *Robinson's* Reports, I, p. 332; *Bello*. Principios de derecho internacional, p. 236. *Kent's* Commentary on Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 368.

ваніи этого взгляда. Великобританія считала обязательною для нейтральныхъ блокаду разъ объявленную, но которая часто не поддерживалась ни однимъ кораблемъ, т. е. такъ-называемую бумажную блокаду (blocus sur papier ou de cabinet). Подобный произволъ явно противорѣчитъ основному понятію о блокадѣ, требующему, чтобъ блокирующіе корабли подвергали опасности нейтральные, желающіе войти въ блокируемое мѣсто. Для обязательности блокады, международное право требуетъ ея фактическаго существованія и объявленія о ней, со стороны воюющей державы, нейтральнымъ государствамъ.

Предполагая дѣйствительность блокады и исполненіе, со стороны блокирующей державы, всѣхъ правилъ, предписываемыхъ международнымъ правомъ, нейтральные и, по признаніи неприкосновенности частной собственности, мирные граждане воюющихъ державъ, обязаны не нарушать блокады. Въ случаѣ нарушенія блокады, когда купеческій корабль покушается войти въ блокируемый портъ, блокирующей державѣ предоставляется право наказанія. Необходимыми условіями для состава преступленія и для осуществленія карательной власти воюющаго, за нарушеніе блокады, являются: во 1-хъ, знаніе нейтральнымъ о существованіи блокады и во 2-хъ, нейтральный корабль долженъ быть задержанъ in delicto [1]). Первое условіе такъ существенно и такъ трудно опредѣлить, что больше всего должно прибѣгать къ предположеніямъ, и, на основаніи даннаго, отдѣльнаго случая, выяснить: зналъ ли нарушитель что нибудь о блокадѣ. Мы уже упомянули выше о случаѣ, когда нейтральный, прійдя издалека, не могъ получить никакихъ свѣдѣній объ устроенной блокадѣ. Если такой корабль появится предъ блокируемымъ портомъ, то было бы въ высшей степени несправедливо подвергать его послѣдствіямъ за нарушеніе блокады, о существованіи которой онъ и не подозрѣвалъ. Мало того, большинство современныхъ публицистовъ допускаетъ даже, что нейтральные корабли, предупрежденные о существованіи блокады, все-таки могутъ отправиться въ блокируемое мѣсто, надѣясь найти блокаду снятою. Поэтому, если они удостовѣрятся, что блокада фактически не поддерживается, то они имѣютъ полное право войти въ объявленную въ блокадѣ гавань [2]). Во избѣжаніе неспра-

[1]) Bluntschli. Völkerrecht, § 835.

[2]) Gessner. Droit des neutres, p. 186; *Massé*. Droit commercial, I, § 301.

ведливыхъ осужденій, современное международное право требуетъ отъ блокирующей державы, кромѣ общаго, дипломатическаго заявленія (notification générale, diplomatique) нейтральнымъ державамъ о существованіи блокады, еще спеціальнаго заявленія (notification spéciale), со стороны начальника блокирующей эскадры, каждому отдѣльному кораблю, приближающемуся къ блокируемому мѣсту [1]). Такое спеціальное заявленіе необходимо, для справедливаго осужденія нейтральнаго корабля, еще и по той причинѣ, что весьма часто начальники эскадръ предпринимаютъ дѣйствительную блокаду непріятельскаго города, которая хотя и существуетъ фактически, но объ ней можетъ быть неизвѣстно даже самой воюющей державѣ. Это спеціальное заявленіе признается также необходимымъ и существеннымъ условіемъ, для нарушенія блокады нѣкоторыми трактатами, заключенными преимущественно въ настоящемъ вѣкѣ [2]). Замѣчательно, что уже трактатъ 1794 г., заключенный Соединенными Штатами съ Англіею, постановляетъ, что корабль желающій войти въ блокируемый портъ, не зная притомъ о блокадѣ, долженъ быть обращаемъ назадъ, и не подлежитъ ни задержанію, ни конфискаціи. Только вторичное появленіе корабля, предъ тѣмъ же блокируемымъ мѣстомъ, подвергаетъ его задержанію и конфискаціи [3]). Это спеціальное заявленіе дѣлается обыкновенно начальникомъ блокирующей эскадры, на корабельныхъ бумагахъ нейтральнаго корабля, въ видѣ прописки, съ обозначеніемъ когда и въ какомъ мѣстѣ было сдѣлано заявленіе. Затѣмъ капитанъ нейтральнаго корабля даетъ росписку въ сдѣланномъ ему заявленіи о блакадѣ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что спеціальное заявленіе не только необходимо при фактической бло-

---

Hautefeuille. Des droits et devoirs, II, p. 225, 244.

Ortolan. Diplomatie etc., II, p. 344.

[1]) Hautefeuille. Des droits, II, p. 226 etc.; *Heffter*. Volkerrecht, S. 278. *Bluntschli*. § 832; *Massé*. § 301; *Ortolan*. II, p. 340; *Gessner*. p. 181. *Wheaton's* Elements ed. by *Dana*, note № 235.

Срав. инструкцію 19 апрѣля 1861, данную, президентомъ Линкольномъ, начальникамъ вахтенныхъ кораблей у блокированныхъ береговъ мятежническихъ штатовъ.

[2]) Напр. трактатъ, заключенный въ 1816 г. Соед. Штатами со Швеціею; 1828 г., между Бразиліею и Франціею; 1835 г. между Франціею и республикою Боливійскою. Срав. *Hautefeuille*. Des droits et devoirs, II, p. 227.

[3]) Wheaton's Elements of Inter, Law. § 516.

кадѣ, но и при блокадѣ по объявленію и, если имѣло мѣсто дипломатическое заявленіе, то это не исключаетъ обязанности блокирующей державы, дѣлать спеціальныя заявленія каждому отдѣльному кораблю. Мало того, спеціальное увѣдомленіе даже существеннѣе для осужденія за нарушеніе блокады, чѣмъ общее, потому что корабль, въ бумагахъ котораго отмѣчено начальникомъ блокирующей эскадры о существованіи блокады, не можетъ отозваться незнаніемъ, и вторичное появленіе предъ блокируемымъ мѣстомъ обнаруживаетъ явно злой умыселъ прервать блокадную линію. Но изъ этого нельзя вывести заключеніе, что дипломатическое заявленіе можетъ быть и упущено воюющей державою; правильная блокада требуетъ спеціальнаго и общаго заявленія. Дипломатическое объявленіе избавляетъ нейтральныхъ подданныхъ отъ убытковъ и опасностей, которымъ подвергаются нейтральные корабли, приближающіеся къ блокируемымъ мѣстамъ [1]). Противнаго мнѣнія держатся британскіе и американскіе публицисты, утверждающіе, на основаніи рѣшеній В. Скотта, что нейтральнымъ только при фактической блокадѣ могло быть непзвѣстнымъ объ ея существованіи, и, въ такомъ случаѣ, спеціальное заявленіе (particular notice) необходимо. Если же блокада de facto существуетъ продолжительное время, то, по мнѣнію Филлимора, невозможно, чтобъ нейтральные не знали о прекращеніи торговли съ блокируемымъ мѣстомъ и, въ такомъ случаѣ, общеизвѣстность факта дѣлаетъ совершенно излишнимъ спеціальное заявленіе каждому кораблю по одиночкѣ [2]). Извѣстно, что если предпринята фактическая блокада, то воюющая держава все-таки обязана довести объ этомъ до свѣдѣнія всѣхъ нейтральныхъ государствъ, такъ какъ право блокады есть прерогатива верховной власти, которая тотчасъ же должна быть увѣдомляема объ устроенной, командиромъ военной эскадры, блокадѣ. Если же блокада существуетъ въ продолженіе долгаго времени, какъ это предполагаетъ Филлиморъ, то отсутствіе дипломатическаго заявленія противно международному праву, и нарушаетъ права нейтраль-

[1]) Pistoye et Duverdy. Traité des prises maritimes, I. p. 369. Gessner, p. 187—8.

[2]) Phillimore's Inter. Law, III. p. 394 «After the blockade has existed de facto for any length of time, it is impossible for those within to be ignorant of the forcible suspension of their commerce; the *notoriety of the thing* supersedes the necessity of particular notice to each ship».

ныхъ. Впрочемъ, самъ Филлиморъ сознается, что непосредственное заявленіе отдѣльнымъ индивидамъ гораздо надежнѣе достигаетъ цѣли, нежели дипломатическое заявленіе правительствамъ [1]). Между тѣмъ англійскіе призовые судьи не отказались, до послѣдняго времени, отъ произвольнаго толкованія права нейтральныхъ на спеціальное заявленіе о блокадѣ. Въ извѣстномъ рѣшеніи британскаго призоваго суда, по поводу нарушенія блокады русскаго побережья на Балтійскомъ морѣ въ 1854 г. датскимъ кораблемъ «Франциска», утверждается, между прочимъ, что невозможно заявлять о блокадѣ, по одиночкѣ каждому отдѣльному кораблю и купцу, имѣющему торговыя связи съ блокируемымъ портомъ. Только если фактическая блокада не могла сдѣлаться извѣстною, въ такой степени, что «по обыкновенному теченію обстоятельствъ, она не могла дойти до свѣдѣнія всѣхъ, имѣющихъ сношенія съ даннымъ мѣстомъ, въ такомъ только случаѣ, необходимо особенное предостереженіе, въ видѣ прописки въ корабельныхъ бумагахъ (словами «warned off») [2]). Что касается правилъ, которыхъ держатся Соединенные Штаты относительно настоящаго вопроса, то Вашингтонское правительство постоянно, и во всѣхъ заключенныхъ имъ трактатахъ, требовало спеціальнаго заявленія, между тѣмъ, какъ американскіе призовые судьи и публицисты провозглашаютъ начала британской призовой практики. Это обнаружилось, весьма рельефно, въ теченіе послѣдней междоусобной войны. Въ 1861 г., президентъ Линкольнъ предписалъ командирамъ блокирующихъ кораблей, останавливать приближающійся къ блокируемому мѣсту нейтральный корабль, и предостерегать его немедленно, — что должно быть внесено въ корабельныя бумаги. Если же корабль, получившій предостереженіе, впослѣдствіи снова покушается войти въ блокируемый портъ, тогда онъ можетъ быть задержанъ и отведенъ, для передачи его призовому суду. Таковы, по мнѣнію Линкольна, правило международнаго права и законъ Соединенныхъ Штатовъ [3]). Не смотря на это предписаніе прави-

[1]) Phillimore's International Law, III, p. 384—5.

[2]) «The Franciska» у *Soetbeer*, Sammlung, VIII, S 27. Срав. его же Grundzüge des See-Völkerrecht, I, S. 29.

[3]) Dana's Wheaton, note № 235 (p. 681). Въ инструкціи, между прочимъ, сказано: «If, therefore, with a view to violate such blockade, a vessel shall approach, or shall attempt to leave any of the said ports, she will be duly warned by the commander of one of the blockading vessels, who will indorse

тельства, судьи держались въ своихъ приговорахъ правила, что индивидуальное предостереженіе, или спеціальное заявленіе необходимо только тамъ, гдѣ нейтральный ничего не зналъ о блокадѣ, и bona fide приближается къ блокируемымъ мѣстностямъ. Въ этомъ смыслѣ была объяснена инструкція правительства.— Второе необходимое условіе, для наличности состава преступленія, это требованіе, чтобъ нейтральный корабль былъ застигнутъ во время покушенія на нарушеніе блокады. Одного только приготовленія, или намѣренія нарушить блокаду недостаточно, и, если даже изъ бумагъ корабля, видно намѣреніе идти въ блокируемый портъ, то это нисколько не дастъ воюющему права задерживать или конфисковать нейтральный корабль. Cogitationis poenam nemo patitur. Нарушеніе блокады можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ чрезъ фактическое прерваніе блокадной линіи; [2]) въ открытомъ же морѣ, нейтральный не можетъ быть обвиненъ въ нарушеніи фактической власти воюющей державы, надъ территоріальными водами непріятеля. Какъ ни просто и неопровержимо это общепризнанное юридическое правило, произволъ воюющихъ державъ находилъ возможнымъ попрать всѣ начала и всякую истину. Часто воюющія державы конфисковывали нейтральные корабли, за предположенное намѣреніе нарушить блокаду; а направленіе въ блокируемый портъ, не смотря ни на какое разстояніе отъ блокируемаго мѣста, признаваемо было, могущественными воюющими государствами, достаточною причиною для задержанія и конфискаціи [1]). Между тѣмъ очевидно, что нейтральный корабль можетъ перемѣнить свое направленіе, и, во всякомъ случаѣ, нельзя его обвинить въ нарушеніи блокады. Только когда нейтральный корабль явно покушается войти въ блокируемый портъ, блокирующая держава имѣетъ

---

her registre the fact and date of such warning; and if the same vessel shall again attempt to enter or leave the blockaded port, she will be captured».

[1]) Actus aliquis non solum consilium. *Heffter*, S. 280. См. *Bello*. Principios, p. 237: «Dirigirse à un puerto bloqueado es en si un acto inocente, *si no se sabe que lo está*».

[2]) Phillimore, III, p. 390. «To sail with an intention of evading a blockade, is, according to the prize law laid down by the English Courts, a beginning to execute that intention, and an overt act constituting the offence. From that moment the blockade is fraudulently invaded».

Robinson's. Reports I, p. 86. «The Frederick Molke».—Срав. *Wheaton's* Elements of Int. L. § 519. *Kent's* Inter. Law ed. by *Abdy*, p. 371.

право конфискаціи. Вообще, современное международное право требуетъ добросовѣстнаго толкованія условій нарушенія блокады, и, предположенія всегда должны быть въ пользу неприкосновенности нейтральной собственности [1]). Призовый судья не можетъ держаться противоположнаго правила, провозглашеннаго и приложеннаго В. Скоттомъ, по которому предположеніе всегда должно быть за преступность намѣренія нейтральныхъ. Это правило могла провозгласить Великобританія, въ начала нынѣшняго вѣка, но оно противно современному международному праву.—Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, кромѣ того, что нейтральный корабль, нарушившій блокаду можетъ быть задержанъ, только на мѣстѣ преступленія. Фактическая власть блокирующей державы распространяется только на территоріальныя воды непріятельскаго государства; въ открытомъ же морѣ, блокирующіе корабли имѣютъ право исключительнаго пользованія только той частью моря, которая занята кораблями въ данную минуту. И такъ какъ нейтральные въ открытомъ морѣ должны пользоваться совершенною неприкосновенностью, пока они не вмѣшиваются въ войну; а нарушеніе дѣйствительной блокады можетъ имѣть мѣсто только въ предѣлахъ фактической власти блокирующей державы,—то нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ нейтральный корабль не можетъ быть задержанъ воюющимъ, въ открытомъ морѣ, за нарушеніе блокады. Только если блокада фиктивная, на бумагѣ, тогда право блокады есть произволъ, и поэтому, не ограничивается никакими предписаніями международнаго права. Нарушается только дѣйствительная блокада, но не фиктивная. Такимъ образомъ, нейтральный корабль, покушающійся нарушить блокаду, или уже нарушившій ее долженъ быть задержанъ на мѣстѣ преступленія. Но блокирующіе корабли имѣютъ право продолжать начатое преслѣдованіе нарушившаго блокаду корабля, и въ открытомъ морѣ. По достиженіи нейтральнымъ кораблемъ первой нейтральной гавани, погашается и самое преступленіе, и воюющая держава не имѣетъ никакого права задерживать нарушившій блокаду нейтральный корабль, до окончанія своего рейса. Неосновательно и совершенно произвольно приписываемое, британскими и американскими публицистами и судьями, воюющей державѣ право задерживать нарушившій блокаду корабль, во все время обратнаго плаванія,

[1]) Quilibet praesumitur bonus donec probetur contrarium.

или пока онъ не достигъ мѣста своего назначенія [1]). На основаніи этого взгляда, преслѣдуемый за нарушеніе блокады нейтральный корабль, по выходѣ изъ убѣжища, снова можетъ быть преслѣдуемъ и задерживаемъ. Однако, большинство современныхъ публицистовъ не признаетъ законности этого права, приписываемаго воюющимъ державамъ, на основаніи знаменитаго голландскаго эдикта 1630 г. Фактическая власть блокирующей державы не господствуетъ надъ океаномъ, и только пока продолжается преслѣдованіе, нарушитель блокады подлежитъ карательной власти блокирующей державы. Съ прекращеніемъ преслѣдованія, и достиженіемъ, нарушившимъ блокаду кораблемъ, нейтральной гавани, прекращается и вина нейтральнаго, доказавшаго, въ нѣкоторомъ отношеніи, недостаточность блокирующихъ силъ. Въ открытомъ морѣ можетъ продолжаться только преслѣдованіе, но не должно имѣть мѣста нападеніе на нейтральный корабль, за нарушеніе блокады [2]). До сихъ поръ, мы имѣли, главнымъ образомъ, въ виду нейтральный корабль, покушавшійся войти въ блокируемую гавань. Но блокада считается, иногда, нарушенною кораблемъ, выходящимъ изъ блокируемаго мѣста, и застигнутымъ въ непріятельскомъ портѣ блокирующей эскадрою. Право конфискаціи такого корабля провозглашаетъ въ особенности Англія. На практикѣ же, почти всегда, нейтральнымъ кораблямъ назначается извѣстный срокъ, въ теченіе котораго они свободно могутъ отплыть изъ блокируемаго мѣста. Если, въ послѣднее время, воюющія державы признали справедливымъ разрѣшать свободный пропускъ непріятельскимъ кораблямъ, находящимся въ моментъ возникновенія войны въ гаваняхъ противной стороны,—то нѣтъ сомнѣнія, что нейтральные имѣютъ полное право на безпрепятственное отплытіе, со всѣмъ грузомъ, изъ блокируемаго мѣста [3]). Прежде обыкновенно держались правила, что нейтральный корабль, выходящій изъ блокируемаго мѣста только тогда не конфискуется, когда товары

---

[1]) Wheaton's Elements of Int. Law, § 523, (p. 686).

Kent's Commentary on Inter. Law, p. 375: «If a ship has contracted guilt by a breach of blockade, the offence is not discharged until the end of the voyage».

[2]) Hautefeuille. Des droits et devoirs des neutres, II, p. 246.

Gessner, p. 214; *Heffter*, S. 280; *Bluntschli*. Völkerrecht, §§ 835, 836; *Kaltenborn*. Seerecht, Bd. II, S. 402.

[3]) Heffter. Völkerrecht, S. 281; *Bluntschli*, § 837.

нагружены до начала блокады [1]). Теперь, это правило лишено всякаго основанія.

Наказаніе, которому подвергается нарушившій блокаду корабль, состоитъ въ конфискаціи корабля и груза, — если собственникъ послѣдняго зналъ объ умыслѣ капитана корабля [2]). Экипажъ корабля не подвергается никакому наказанію, такъ какъ онъ все-таки занимается мирнымъ дѣломъ, и свобода торговыхъ сношеній, между нейтральными и воюющими, составляетъ общій принципъ. Кромѣ того, конфискація корабля достаточно чувствительное и, притомъ, вполнѣ цѣлесообразное взысканіе, за нарушеніе нейтральными блокады, поддерживаемой дѣйствительнымъ образомъ.

Въ этомъ заключаются основныя черты права блокады, какъ онѣ выработались въ международныхъ отношеніяхъ, и излагаются представителями науки международнаго права. Мы не видимъ никакихъ уважительныхъ причинъ, или невозможности для воюющихъ державъ, признать неприкосновенность непріятельской частной собственности на морѣ, подъ непріятельскимъ флагомъ, и осуществить, въ то же время, свое право блокировать гавани или берега противника. Подобно тому, какъ нейтральные обязаны уважать блокаду и терпѣть лишенія, неминуемо вытекающія изъ состоянія войны между членами «европейско-американскаго союза государствъ», такъ точно, частныя лица должны подчиняться неизбѣжнымъ послѣдствіямъ состоянія войны. Нарушеніе блокады, со стороны частныхъ лицъ, будетъ такимъ же проступкомъ противъ международнаго права, какимъ оно является для нейтральныхъ. Для частныхъ лицъ также обязательна только дѣйствительная блокада, и все равно, прерываютъ ли они блокадную линію для частныхъ мирныхъ цѣлей, или же, съ цѣлью оказать помощь своему отечеству, взысканіе должно остаться неизмѣннымъ: конфискуется корабль, и грузъ, въ случаѣ соучастія собственника послѣдняго. Однимъ словомъ, выработанное жизнью и наукою право блокады, должно примѣняться на такихъ же основаніяхъ, къ частнымъ лицамъ

[1]) Phillimore's Inter. Law, III, p. 402; *Kent's* Comentary, p. 366; *Travers-Twiss*, Law of Nations, II, p. 214—16 (§ 112—3); *Wheaton's* Elements, § 520; *Ortolan.* Diplomatie de la mer, II, p. 357; *Bello.* Principios, p. 238; *Soetbeer.* Neue Folge, II, S 28. «The Francisca» (рѣшеніе юридической коммиссіи англійскаго Тайнаго Совѣта).

[2]) Phillimore's Inter. Law, III, p. 406; *Ortolan.* II, p. 357.

или мирнымъ подданнымъ воюющихъ государствъ, какъ оно осуществляется относительно гражданъ нейтральныхъ державъ. Но, изъ представленнаго нами очерка ученія о блокадѣ нельзя не видѣть, что право блокады еще не установилось на такихъ прочныхъ, незыблемыхъ началахъ, какихъ требуетъ современная международная жизнь. Не смотря на то, что основанія права блокады давно уже высказаны въ международныхъ трактатахъ, не упуская притомъ изъ виду, что блокада опредѣлена въ Парижской декларации, — все же, примѣненіе ея можетъ дать поводъ къ весьма серьезнымъ злоупотребленіямъ. Вообще, пока не водворится господство правды и справедливости, пока политика и эгоистичный расчетъ неуступятъ требованіямъ права, до тѣхъ поръ и блокада будетъ средствомъ, для осуществленія воюющаго произвола. Первое и насущное условіе развитія международныхъ отношеній и международной жизни, именно строгое уваженіе права, еще не сознается государствами необходимымъ условіемъ собственнаго процвѣтанія, и законы международнаго права не перестали служить удобнымъ прикрытіемъ явныхъ насилій. Но поступательное и неопровержимое развитіе международной жизни и права, доказало намъ, что какія бы не воздвигали преграды къ ихъ процвѣтанію, съ какимъ бы искусствомъ не старались исказить сознаніе права, — все-таки, рано или поздно, должны разрушиться всѣ преграды и, никогда нельзя заглушить врожденное человѣку чувство правды и справедливости. Къ такимъ преградамъ развитію международной жизни и искаженіямъ, открыто высказавшагося правосознанія цивилизованныхъ народовъ, мы причисляемъ, прежде всего, захватъ и конфискацію непріятельской частной собственности на морѣ. На основаніи права, а не политическихъ соображеній, согласно съ существенными условіями развитія международной жизни человѣка, и, въ противоположность писателямъ, уповающимъ на вѣчную неизмѣнность международныхъ отношеній, — мы требуемъ признанія неприкосновенности сферы мирной жизни и дѣятельности частныхъ лицъ, и ихъ неотъемлемой собственности.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Ученіемъ о блокадѣ, мы окончили изслѣдованіе права частной собственности во время войны. Въ настоящемъ трудѣ, мы желали представить только опытъ выясненія правъ частныхъ лицъ во время войны, на основаніи развитія государственной и международной жизни. Слѣдуя за поступательнымъ, прогрессивнымъ движеніемъ международныхъ отношеній, вытекающимъ непосредственно изъ процвѣтанія государственной жизни, мы пришли къ уразумѣнію совершившихся реформъ въ правѣ войны, и къ сознанію необходимости признать полную неприкосновенность непріятельской частной собственности, во время войны, какъ сухопутной, такъ и морской. Теперь остается бросить послѣдній, бѣглый взглядъ на пройденный путь и на вопросъ нами разсмотрѣнный.

Неприкосновенность частной собственности вытекаетъ изъ самаго основанія понятія о государствѣ. Государство не поглощаетъ самоопредѣляющейся личности человѣка, и не уничтожаетъ ея; оно не должно вторгаться въ сферу его индивидуальной, мирной дѣятельности. Частное лицо существуетъ помимо гражданина, и частныя имущественныя отношенія составляютъ предметъ частнаго или гражданскаго права, которое нельзя смѣшивать съ государственнымъ правомъ. Послѣднее опредѣляетъ совокупность жертвъ, налагаемыхъ государственной властью на каждаго гражданина, для всеобщаго и индивидуальнаго блага, а затѣмъ, государство признаетъ автономію индивида, и охраняетъ неприкосновенность его собственности. На это имѣетъ право частное лицо, и въ этомъ состоитъ прямая обязанность государства, стремящагося къ достиженію одной цѣли: предо-

ставить человѣку всѣ средства къ всестороннему развитію его интеллектуальныхъ и физическихъ силъ. И такъ какъ человѣческая дѣятельность не ограничивается предѣлами одного только государства, и означенная цѣль соединяетъ всѣ государственные организмы, проникнутые, притомъ, единымъ правосознаніемъ, — то очевидно, что и въ международной жизни должно быть признаваемо начало, выработанное въ государственной, и необходимое для достиженія человѣкомъ своего блага.

Развивъ, въ введеніи, эти насущные, для развитія индивида и государственной личности, принципы, мы приступили къ приложенію ихъ къ международнымъ столкновеніямъ. Изслѣдованіе способовъ рѣшать международныя недоразумѣнія и столкновенія, привело насъ къ заключенію, что въ международной практикѣ войны, уже давно сознается и соблюдается, отчасти, неприкосновенность непріятельской частной собственности. Пощада жизни и уваженіе права собственности частныхъ лицъ явились, прежде всего, результатомъ внушенной религіею любви къ ближнему. Смягченія бѣдствій войны были вызваны чувствами снисходительности, великодушія и милосердія воюющихъ государствъ. Во имя гуманности, писатели и филантропы, требовали снисхожденія мирнымъ подданнымъ, и осуждали всякое варварство и грабежъ, совершенный противъ безоружныхъ подданныхъ непріятельскаго государства. Мало по малу, съ водвореніемъ порядка и благоустройства въ государствахъ, съ выясненіемъ ихъ единственно-разумной цѣли, и съ развитіемъ международныхъ отношеній и жизни—война была сознана, какъ отношеніе государства къ государству, а не частныхъ лицъ другъ къ другу. Согласно этому принципу, жизнь и собственность частныхъ или некомбатантовъ, стала пользоваться неприкосновенностью, но, только во время войны на сушѣ. Въ настоящее же время, когда государство понимается какъ самостоятельная, одаренная свободною волею личность, и имѣющее свои собственные, зависящіе только отъ верховной власти, органы дѣйствія; когда строго различается сфера мирной, частной жизни человѣка, отъ его политической дѣятельности,—война есть дѣйствительно высшій споръ о правѣ и должна ограничиваться воюющими государствами, или ихъ вооруженными силами. Никогда не можетъ быть непріятелемъ мирный подданный, или частное лицо, и поэтому, неприкосновенность его жи-

зни и собственности должна быть положительнымъ закономъ современнаго права войны. Слѣдовательно, воюющія государства, соблюдающія постоянно и неуклонно права частныхъ лицъ, исполняютъ только свою обязанность, и захватъ частной собственности всегда будетъ вопіющимъ насиліемъ противъ беззащитныхъ, частныхъ лицъ. По гуманности, по снисходительности требуется отъ цивилизованныхъ воюющихъ государствъ, но, единственно только уваженія неотъемлемыхъ правъ частныхъ лицъ! — Между тѣмъ, мы видѣли выше, что самоуправство, сохранившееся до послѣдняго времени на морѣ, и недальновидная торговая политика, не лишенная и въ настоящее время ярыхъ приверженцевъ, удерживаютъ въ морскихъ войнахъ захватъ и конфискацію частной собственности. Обсужденіе доводовъ, приводимыхъ писателями въ пользу сохраненія системы разграбленія частныхъ имуществъ, застигнутыхъ непріятелемъ въ открытомъ морѣ, привело насъ, съ одной стороны, къ убѣжденію о полной неосновательности захвата купеческихъ кораблей; а, съ другой, оно подтвердило, что только вопіющій произволъ и право грубой силы служатъ оправданіемъ конфискаціи частной собственности на морѣ. Нѣтъ рѣшительно никакихъ разумныхъ доводовъ, которыми можно было бы опровергнуть право частныхъ лицъ, и всѣ приводимыя обыкновенно доказательства сводятся, въ концѣ концовъ, къ высшимъ, политическимъ соображеніямъ, оправдывающимъ, будто бы, расхищеніе частныхъ имуществъ во время морской войны. Допуская, что политическія соображенія, хотя ложность ихъ и доказана опытомъ, могутъ руководить государственными людьми, при защитѣ господствующаго захвата купеческихъ кораблей; находя, притомъ, весьма естественнымъ, что политики, смотря по обстоятельствамъ, впадаютъ въ самыя очевидныя самопротиворѣчія, и признаютъ, и отрицаютъ, въ одно и тоже время, принципъ неприкосновенности частной собственности на морѣ, но, — слѣдовать ихъ примѣру, и, возвести въ принципъ господство политическихъ комбинацій, намъ кажется все-таки несоотвѣтственно съ требованіями науки. Если политическія соображенія будутъ исходной точкою изслѣдователей международнаго права, то это, безъ сомнѣнія, весьма «практично», но едва ли разсужденія, опирающіяся на такомъ зыбкомъ основаніи, имѣютъ какое-либо реальное, научное достоинство. Задача науки международнаго права заключается, по

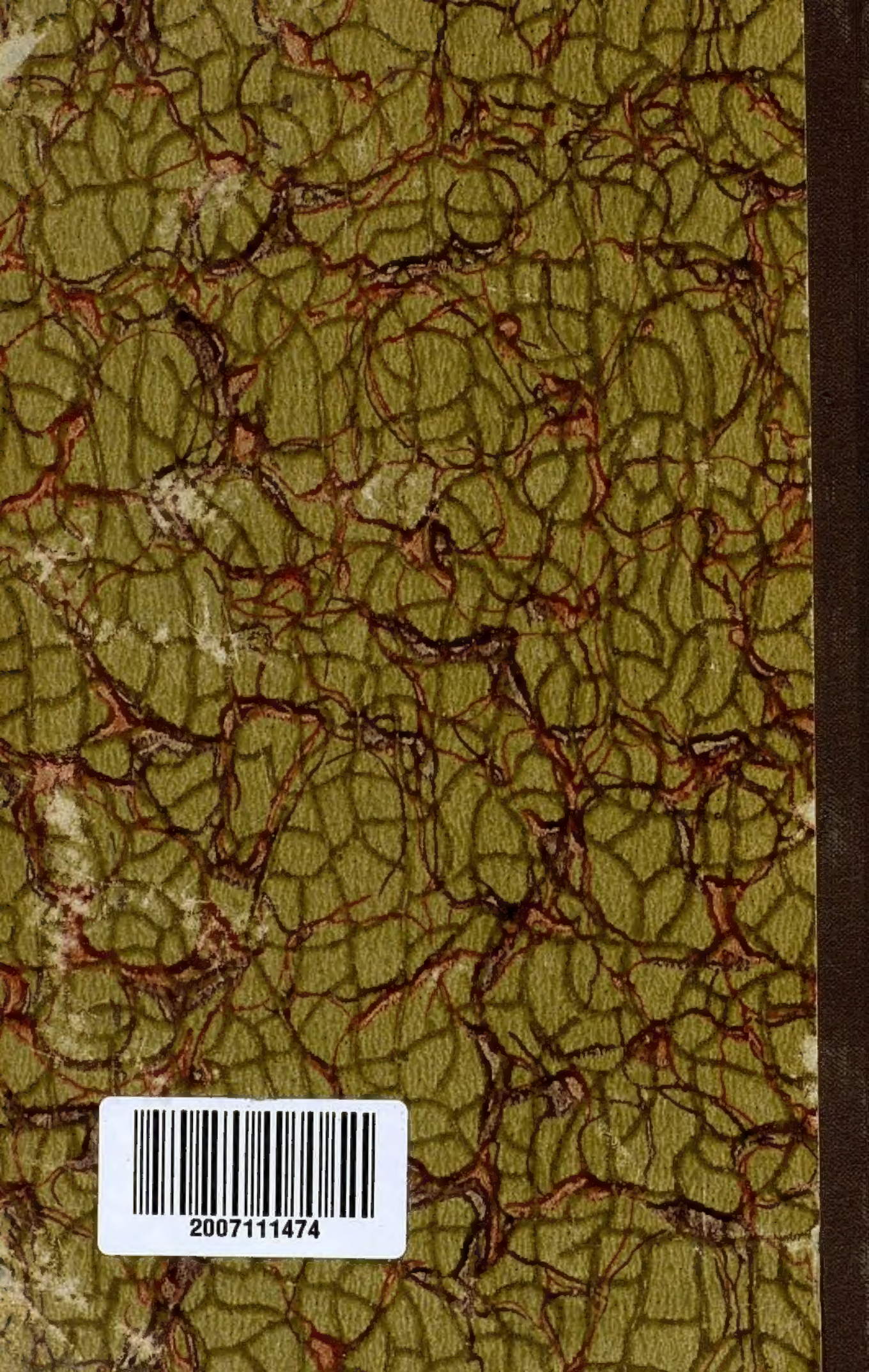
нашему мнѣнію, въ многостороннемъ, безпристрастномъ, объективномъ изученіи и выясненіи настоящаго спорнаго вопроса и въ основаніи его на положительныхъ, юридическихъ началахъ. Но, приступая къ опредѣленію правъ и обязанностей воюющихъ державъ, непремѣнно должно имѣть въ виду, что ни въ обычаяхъ войны, соблюдаемыхъ народами древняго міра, ни въ средневѣковомъ безначаліи, ни во времена господства принциповъ колоніальной и меркантильной системъ, или государственнаго деспотизма XVII и XVIII вѣковъ, — нельзя искать, ни началъ, управляющихъ вѣчно и безусловно современными международными отношеніями, ни законовъ для современной войны. Только изслѣдованіе условій существующихъ международныхъ отношеній и неуклонное, послѣдовательное развитіе основывающагося на нихъ права, въ состояніи дать твердое и раціональное основаніе опредѣленію правъ воюющихъ сторонъ. Если же считать выясненіе условій прогрессивнаго движенія возникшей международной жизни и господство права насущными требованіями науки международнаго права, то нѣтъ сомнѣнія, что признаніе неприкосновенности частной собственности на морѣ или свобода мирныхъ, торговыхъ сношеній между частными лицами — подданными воюющихъ государствъ, — требуется правомъ, и согласно съ условіями развитія международной жизни. Самый бѣглый взглядъ на исторію международныхъ отношеній приводитъ къ положительному заключенію, что чѣмъ многостороннѣе и чаще становятся сношенія между народами, тѣмъ болѣе они сближаются между собою, тѣмъ скорѣе возникаетъ въ нихъ сознаніе солидарности интересовъ и чувствуется необходимость дружнаго, взаимнаго содѣйствія, для достиженія общей цѣли: предоставленіе человѣку всѣхъ средствъ къ его всеобъемлющему развитію. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что прежде всего торговыя сношенія привели народы къ сознанію необходимости международной жизни, и, развиваясь въ особенности въ настоящемъ столѣтіи до громадныхъ размѣровъ, благодаря оказываемому имъ всѣми государствами покровительству, они еще существеннѣе будутъ содѣйствовать развитію международной жизни, если сдѣлается общепризнаннымъ началомъ международнаго права: неприкосновенность непріятельской частной собственности на морѣ. И такъ какъ война не отмѣняетъ господствующаго правоваго порядка, то и на этомъ ос-

нованіи, воюющими державами должно быть соблюдаемо неотъемлемое право частныхъ лицъ, на продолженіе мирныхъ сношеній во время войны на морѣ. Изъ всего этого, намъ кажется возможнымъ вывести заключеніе, что, между прочимъ, совершенно согласно съ основными началами современнаго международнаго права, признать за консулами право на безпрепятственное отправленіе во время войны, своихъ обязанностей на территоріи непріятельскаго государства. Въ случаѣ освобожденія купеческихъ кораблей отъ захвата и конфискаціи, признаніе за консулами этого права неминуемо, и требуется, притомъ, самой сущностью консульской дѣятельности, охраняющей, главнымъ образомъ, частные интересы мирныхъ гражданъ.

Такимъ образомъ, провозглашеніе государствами принципа полной неприкосновенности частной собственности, не только требуется правосознаніемъ цивилизованныхъ народовъ и уваженіемъ права, но оно соотвѣтствуетъ кромѣ того, какъ нельзя болѣе, необходимымъ условіямъ прогрессивнаго развитія международной жизни. Поэтому, какія бы политическія соображенія не приводили государственные люди и политики, съ какимъ ожесточеніемъ не возставали бы патріотическіе публицисты противъ права, стараясь убѣдить своихъ согражданъ въ гибели отечества, и доказать невозможность морской войны, въ случаѣ освобожденія отъ захвата купеческихъ кораблей непріятеля,— все-таки, мы не сомнѣваемся нисколько, что высказавшееся, съ такимъ единодушіемъ и послѣдовательностью, правосознаніе цивилизованныхъ народовъ одержитъ, вскорѣ, верхъ надъ существующимъ произвольнымъ нарушеніемъ права собственности частныхъ лицъ. Мы не знаемъ той силы, которая была бы въ состояніи успѣшно устоять, противъ прогрессивнаго движенія жизни, и не удовлетворить неумолимому предписанію права. Право частныхъ лицъ неотрицаемо и неотмѣнимо; открытое же признаніе его государствами, закономъ, какъ сухопутной, такъ и морской войны, есть дѣло ближайшаго будущаго и достиженіе этой цѣли будетъ «вѣнцомъ современной дипломатіи».

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
3	24	основаніемъ	основаніе
4	16	имѣющеее	имѣющее
6	3	всѣ услуги, оказанныя	всѣхъ услугъ, оказанныхъ
11	35	Verwaltungslehre Bd.	Verwaltungslehre Bd. II
14	9	современные народы	современныхъ народовъ
22	18	чувства, справедливости	чувства справедливости
34	22	свое государство	своего государства
68	37	юридическія обязанности	юридическихъ обязанностей
72	24	право	права
117	33	дѣйтельно	дѣйствительно
119	5	показываетъ	показываетъ,
129	18	довѣряли	довѣрили
130	35	не должно	и не должно
153	30	кофискаціи	конфискаціи
181	1	право	права
183	33	прав	права
184	87	— имуществъ,	имуществъ,—
193	4	ее	ея
204	2	калъ	какъ
417	2 и 26	Пиринейскій	Пиренейскій


2007111474